
КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Редакционный совет серии

Председатель совета
ректор Московского университета
В.А. Садовничий

Члены совета:

Виханский О.С., Голиченков А.К., Гусев М.В.,
Добреньков В.И., Донцов А.И.,
Засурский Я.Н., Зинченко Ю.П. (ответственный секретарь),
Камзолов А.И. (ответственный секретарь),
Карпов С.П., Касимов Н.С., Колесов В.П.,
Лободанов А.П., Лунин В.В., Лупанов О.Б., Мейер М.С.,
Миронов В.В. (заместитель председателя),
Михалев А.В., Моисеев Е.И., Пушаровский Д.Ю.,
Раевская О.В., Ремнева М.А., Розов Н.Х.,
Салеский А.М. (заместитель председателя),
Сурин А.В., Тер-Минасова С.Г.,
Ткачук В.А., Третьяков Ю.Д., Трухин В.И.,
Трофимов В.Т. (заместитель председателя),
Шоба С.А.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ Том 1

Под редакцией С.П. Карпова

6-е издание

*Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению и специальности «История»*

УДК 93/99(075.8)

ББК 63.3(0)4я73

И90

Печатается по решению Ученого совета
Московского университета

Редколлегия:

*М.А. Бойцов, Л.М. Брагина, С.П. Карпов,
А.А. Сванидзе, В.И. Уколова, Н.А. Хачатурян*

Рецензенты:

кафедра истории Древнего мира и Средних веков
Московского педагогического университета
(зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. *О.Ф. КУДРЯВЦЕВ*);
доктор исторических наук *В.П. БУДАНОВА*

И90

История Средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред.
С.П.Карпова. — 6-е издание. — М.: Изд-во Моск. ун-та:
Изд-во «Печатные Традиции», 2008. — 681 с. — (Класси-
ческий университетский учебник).

ISBN 978-5-211-05560-5 (Т. 1)

ISBN 978-5-211-05564-3

ISBN 978-5-91561-011-7 (Т. 1)

ISBN 978-5-91561-009-4

Первый том учебника охватывает раннее и развитое Средневековье (V—XV вв.). Написанный заново наиболее известными учеными и преподавателями средневековой истории из МГУ и институтов Российской Академии наук, он отражает современные достижения медиевистики и дает полное представление о европейской средневековой цивилизации.

Для студентов исторических факультетов.

УДК 93/99(075.8)

ББК 63.3(0)4я73

ISBN 978-5-211-05560-5 (Т. 1) © Издательство Московского

ISBN 978-5-211-05564-3 университета, 2008

ISBN 978-5-91561-011-7 (Т. 1) © МГУ им. М.В. Ломоносова,

ISBN 978-5-91561-009-4 художественное оформление, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета. Серия включает свыше 150 учебников и учебных пособий, рекомендованных к изданию Учеными советами факультетов, редакционным советом серии и издаваемых к юбилею по решению Ученого совета МГУ.

Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями, воспитавшими не одно поколение студентов, впоследствии внесших заметный вклад в развитие нашей страны, составивших гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.

Высокий уровень образования, которое дает Московский университет, в первую очередь обеспечивается высоким уровнем написанных выдающимися учеными и педагогами учебников и учебных пособий, в которых сочетаются как глубина, так и доступность излагаемого материала. В этих книгах аккумулируется бесценный опыт методики и методологии преподавания, который становится достоянием не только Московского университета, но и других университетов России и всего мира.

Издание серии «Классический университетский учебник» наглядно демонстрирует тот вклад, который вносит Московский университет в классическое университетское образование в нашей стране и, несомненно, служит его развитию.

Решение этой благородной задачи было бы невозможным без активной помощи со стороны издательств, принявших участие в издании книг серии «Классический университетский учебник». Мы расцениваем это как поддержку ими позиции, которую занимает Московский университет в вопросах науки и образования. Это служит также свидетельством того, что 250-летний юбилей Московского университета — выдающееся событие в жизни всей нашей страны, мирового образовательного сообщества.

В. Садовничий

Ректор Московского университета
академик РАН, профессор

В.А. Садовничий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами новое, дополненное и расширенное издание двухтомного учебника «История Средних веков» для студентов университетов и вузов гуманитарного профиля. Оно охватывает, согласно принятой периодизации, историю V — середины XVII столетия. В первом томе излагается история раннего (V — середина XI в.) и развитого (вторая половина XI — XV в.), во втором томе — позднего Средневековья, или начала раннего Нового времени (XVI — первая половина XVII в.). Поскольку развитие ряда стран Европы происходило асинхронно, в ряде случаев применительно к ним общие хронологические рамки корректируются. Например, история Византии до XII в. отнесена к раннему Средневековью, а период развитого Средневековья в Италии, напротив, начинается не с середины XI столетия, а с рубежа X—XI вв. Разумеется, авторы понимают условность отнесения XVI—XVII вв. к Средним векам. Но так же условно и их отнесение к Новому времени. В современной историографии все более укрепляется тенденция к характеристике всего периода XVI—XVIII вв. (до Французской революции) как самоценного отдельного этапа истории.

Авторы стремились отразить в учебнике новые достижения исторической мысли и той полидисциплинарной науки о Средневековье, которая называется медиевистикой. Как цивилизационный, так и формационный подходы не отвергаются, а синтезируются с учетом их сильных и слабых сторон. Естественно, все многообразие бурной и насыщенной событиями эпохи невозможно воссоздать

ни в одном учебнике. Поэтому главной задачей было отразить важнейшие процессы и закономерности развития средневекового общества, отдельных регионов и стран Западной Европы и Византии, включив материал, необходимый для подготовки профессионального историка. История России, южных и западных славян, стран Азии и Африки в Средние века по учебным планам исторических факультетов университетов изучается в виде отдельных курсов и не включена в настоящий учебник.

Издание является пятым, существенно переработанным и измененным по сравнению с предшествующими (1997, 2000—2003 гг.). Оно опирается и на традиции университетских учебников, заложенные выдающимися медиэвистами академиками П.Г. Виноградовым, Д.М. Петрушевским, Е.А. Косминским, С.Д. Сказкиным, и на опыт предшествующих университетских учебников, подготовленных в МГУ в 1966, 1977 и 1990 гг., и на практику преподавания в современной высшей школе. По сравнению с изданиями 2000—2003 гг. в первом томе существенно переработаны главы 1, 2, 6, 13; написаны заново главы 3, 4, 11, § 1 и 6 главы 6. Все главы заново отредактированы. Второй том не подвергался существенной переработке. Мы стремились не дублировать материал лекционных курсов, построенных по проблемному принципу, а заложить необходимый для усвоения курса теоретический фундамент и фактический материал в его современной интерпретации и в понимании школы медиэвистики МГУ. Мы старались не перегружать учебник историографической информацией, специально изучаемой в рамках отдельного курса историографии. В концепции учебника заложена идея его непрерывного обновления и совершенствования в каждом новом издании, с посильным учетом тех достижений и новаций, которые определяют состояние отечественной и зарубежной науки.

В написании и подготовке учебника принимали участие профессор и преподаватели кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, научные сотрудники Института всеобщей истории и Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук.

Н.М. Богдановой написаны разделы «Обращение Константина», «Оформление христианской догматики. Вселенские соборы», «Учение о спасении», «Церковь и таинства» в главе 7; М.А. Бойцовым — § 3 в главе 6, § 1 в главе 12; Л.М. Брагиной — § 2 в главе 6, § 1—2 в главе 13, глава 23; В.М. Володарским — § 2 в главе 12; А.Я. Гуревичем — § 4 в главе 6, глава 15; Т.П. Гусаровой — глава 16; Е.В. Калмыковой — глава 11; С.П. Карповым — предисловие, главы 9, 18, раздел «Источники по истории XI—XV вв.» в главе 2, § 3 в главе 13; Г.Г. Литавриным — главы 5 и 22; А.А. Сванидзе — главы 8 и 19; Л.Е. Семеновой — глава 17; В.И. Уколовой — глава 21; Н.Ф. Усковым — глава 7 (за исключением разделов «Обращение Константина», «Оформление христианской догматики. Вселенские соборы», «Учение о спасении», «Церковь и таинства»), глава 20; И.С. Филипповым — глава 2 (за исключением раздела «Источники по истории XI—XV вв.»), главы 3, 4, § 1, 5, 6 в главе 6; С.Д. Червоновым и И.И. Шиловой-Варьяш — § 7 в главе 6, глава 14.

Приложенная к учебнику библиография, составленная О.С. Воскобойниковым, С.П. Карповым и И.С. Филипповым с учетом пожеланий авторов глав, содержит рекомендательный список основных публикаций источников и научной литературы по истории Средних веков. Автором карт к учебнику является Т.П. Гусарова, хронологической таблицы — С.В. Близнюк. Генеалогические таблицы правящих династий составлены М.А. Бойцовым, О.В. Дмитриевой и С.П. Карповым.

В научно-технической подготовке данного издания принимали участие О.С. Воскобойников, Е.В. Калмыкова и К.В. Казимиренко.

Введение

Глава 1

Сущность понятий «Средние века» и «феодализм»

История народов и государств современной Европы началась в эпоху, условно определяемую в исторической литературе как «Средневековье». Со времен античности понятие Европы (от семитского корня *Эреб*), отождествляемое с географическим определением «Запад», противопоставлялось Азии (корень *Асу*), или Востоку. Термин «Европа», действительно, включает в себе некую территориальную целостность народов и государств, история которых обнаруживает общность экономического, социально-политического и духовного развития. Вместе с тем своеобразие ее западной части, отчетливо определившееся именно на этапе средневековой истории, позволяет выделить Западную Европу в качестве локальной цивилизации, существующей в рамках более крупного цивилизационного единства, каким является Европа в целом.

Географический смысл понятия Западной Европы не совпадает с историческим и предполагает прибрежную полосу на западной оконечности Евразийского континента, с мягким морским климатом.

Историческое понятие Западной Европы на этапе Средневековья включает в себя историю таких современных государств, как Англия, Франция, Германия, Швейцария, Бельгия и Голландия, государств Пиренейского и Апеннинского полуостровов, Скандинавских стран — Дании, Норвегии, Швеции, а также Византии, преемницы Восточно-Римской империи. Пограничное положение последней страны и ее огромное влияние на судьбы всей европейской цивилизации предопределило принадлежность ее истории как Западу, так и Востоку.

В первые века нашей эры большая часть Западной Европы была заселена кельтскими народами, частично романизованными и включенными в состав Римской империи; затем, в эпоху Великого переселения народов, эта территория стала местом расселения германских племен, тогда как Восточная Европа стала местом расселения и проживания главным образом славянских народов.

§ 1. Содержание терминов «Средние века» и «феодализм» в исторической науке

Содержание терминов «Средние века» и «феодализм» менялось вместе с развитием исторического знания.

Термин «Средние века» — перевод с латинского выражения *medium aevum* (средний век)¹ — был впервые введен итальянскими гуманистами в эпоху Возрождения. Римский историк XV в. Флавио Бьондо, написавший «Историю от падения Рима», пытаясь осмыслить современную ему действительность, назвал «Средним веком» период, который отделял его эпоху от времени, служившего гуманистам источником вдохновения, — античности. Критерием периодизации для гуманистов была «чистота» языка. С позиций высоких достижений культуры Возрождения Средние века им виделись как период одичания и варваризации античного мира, как время испорченной «кухонной» латыни. Эта оценка надолго укоренилась в исторической науке.

В XVII в. профессор Галльского университета в Германии Й. Келлер ввел термин «Средние века» в общую периодизацию всемирной истории, разделив ее на античность, Средневековье и Новое время. Хронологические рамки периода были обозначены им временем от разделения Римской империи на Западную и Восточную части (завершилось в 395 г. при Феодосии I) до падения Константинополя под ударами турок в 1453 г.

В XVII и особенно XVIII в. (веке Просвещения), которые ознаменовались убедительными успехами светского рационального мышления и естественных наук, критерием периодизации всемирной истории стало служить не столько состояние культуры, сколько отношение к религии и церкви. В понятии «Средние века» появились новые, по преимуществу уничижительные акценты, история этого периода стала оцениваться как время стеснения умственной свободы, господства догматизма, религиозного сознания и суеверий. Начало Нового времени соответственно связывалось с изобретением книгопечатания, открытием европейцами Америки, реформационным движением — явлениями, которые существенно расширили и изменили умственный кругозор средневекового человека.

Романтическое направление в историографии, возникшее в начале XIX в. в значительной мере как консервативная реакция на идеологию Просвещения и систему ценностей буржуазии,

¹ Отсюда и название науки, изучающей историю Средних веков, — медиевистика.

обострило интерес к Средневековью и на какое-то время привело к его идеализации. Преодолеть эти крайности позволили изменения в самом процессе познания, в способах постижения человеком природы и общества в целом.

На рубеже XVIII и XIX вв. два методологических достижения, важные для развития исторического познания, существенно углубили понятие «Средние века». Одним из них явилась идея непрерывности общественного развития, сменившая теорию круговорота, или циклического развития, идущую от античности, и христианскую идею конечности мира. Это позволило увидеть эволюцию западноевропейского средневекового общества от состояния упадка к экономическому и культурному подъему, начальным рубежом которого явился XI век. Это было первое заметное отступление от оценки Средневековья как эпохи «темных веков».

Вторым достижением следует признать попытки анализа не только событийной, по преимуществу политической, но и социальной истории. Эти попытки привели к отождествлению термина «Средние века» и понятия «феодализм». Последнее распространилось во французской публицистике накануне Французской революции 1789 г. как производное от юридического термина «феод», в документах XI—XII вв. обозначавшего земельное имущество, переданное в пользование за службу вассалу его сеньором. Его аналогом в германских землях являлся термин «лен». История Средних веков стала пониматься как время господства феодальной, или ленной, системы общественных связей в среде феодалов — земельных собственников.

Существенное углубление содержания анализируемых терминов дала наука второй половины XIX столетия, достижения которой были связаны прежде всего с оформлением новой философии истории — позитивизма. Направление, принявшее новую методологию, явилось первой наиболее убедительной попыткой превращения истории собственно в науку. Ее отличали стремление заменить историю как занимательный рассказ о жизни героев историей масс; попытки комплексного видения исторического процесса, включая и социально-экономическую жизнь общества; исключительное внимание к источнику и разработке критического метода его исследования, который должен был обеспечить адекватное толкование отраженной в нем действительности. Развитие позитивизма началось с 30-х годов XIX в. в трудах О. Конта во Франции, Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера в Англии, однако результаты новой методологии в исторических исследованиях сказались позже, во второй половине века. Суммируя итоги историографии XIX в., следует подчеркнуть, что чаще всего истори-

ческая мысль продолжала определять феодализм по политическим и юридическим признакам. Феодализм рисовался как особая политическая и правовая организация общества с системой личностных, прежде всего сеньориально-вассальных, связей, обусловленных, в частности, потребностями военной защиты. Подобная оценка нередко сопровождалась представлением о феодализме как системе политической раздробленности.

Более перспективными оказались попытки сопряжения политического анализа с социальным. Робкие в конце XVIII в., они приобретают более выраженные формы в трудах французских историков первой трети XIX в., прежде всего в творчестве Ф. Гизо. Он впервые дал подробную характеристику феодальной собственности как основы сеньориально-вассальных связей, выделив две ее важные особенности: условный характер и иерархическую структуру, определившие иерархию в среде феодалов, а также соединенность собственности с политической властью. До историков-позитивистов, по существу, игнорировался тот слой непосредственных производителей — крестьян, усилиями которых феодал реализовывал свою собственность. Ими было начато изучение таких важных социальных структур феодального общества, какими являлись община и вотчина, анализ которых затронул проблему хозяйственной и социальной жизни крестьянства.

Внимание к экономической истории привело к распространению теории, отождествлявшей феодализм с натуральным хозяйством. Развитие рыночных связей в этом случае оценивалось как показатель новой, уже капиталистической экономики, что не учитывало принципиальной разницы между простым товарным и капиталистическим производством, а также неизбежной смены при этом типа производителя — мелкого собственника на наемного рабочего. В рамках позитивизма социально-экономические особенности Средневековья выступали не как определяющие в системе феодальных отношений, а как данность, существующая параллельно политико-правовому строю (феодальная раздробленность — в политическом строе, натуральное хозяйство — в экономике). Более того, внимание к социально-экономической истории часто не исключало признания определяющей роли личных связей, объясняемой психологическими особенностями людей этой эпохи. Стремление исследователей абсолютизировать личностный и субъективный факторы мешало комплексному пониманию феодализма.

Развитие позитивизма, с его широким спектром видения исторического процесса на экономическом, социально-политическом и культурно-психологическом уровнях, а также с признанием

закономерностей исторического развития, не могло не направить исследователей к поиску единства в многообразии факторов. Иными словами, позитивизм подготовил первые шаги *структурного*, или *системного*, анализа.

Одним из результатов попыток подобного рода явилась разработка исторической наукой XIX в. понятия «цивилизация». Из двух наиболее общих параметров исторического развития — место и время — оно подчеркнуло *территориальное* разграничение людских сообществ, сохраняющих свое особое «лицо» на протяжении всего периода существования. Внутреннее их единство определялось такими характеристиками, как природные условия, быт, нравы, религия, культура, историческая судьба. И хотя понятие цивилизаций включало в себя представление об их преходящем характере, время жизни каждой из них было временем «долгой протяженности».

В XIX в. в исторической науке появился и структурный термин «*формация*», связанный с методологией, разработанной К. Марксом. Это понятие, наоборот, раздвинуло границы человеческой общности до масштабов планеты в целом, выделив *временное* деление исторического процесса, где единицей отсчета стали способ производства и форма собственности. Системный принцип в марксистском понимании связывает последовательные уровни общественного развития единой *экономической* доминантой. В марксистской интерпретации феодализм был одним из способов производства, в основе которого лежит собственность феодалов на землю, реализуемая при посредстве мелкого производителя; при этом особо подчеркивался факт эксплуатации земельным собственником крестьянина. Монизм марксистской методологии, к тому же сильно политизированной, не был принят в то время большинством исследователей. Жесткая детерминированность исторического процесса с подразделением на первичные — базисные (экономические) и вторичные — надстроечные (политические и проч.) явления, действительно, таила в себе опасность его упрощенного понимания. В отечественной медиевистике уже советского времени эту опасность усугубила сакрализация марксистского метода, которая закрепощала науку. Нарушалось комплексное видение исторического процесса, что приводило к чрезмерному увлечению социологическими схемами, в известном смысле подменявшими анализ реальной жизни.

Историческое знание XX столетия существенно обогатило системный анализ, в частности применительно к феодальному обществу. Решающий импульс его развитию дала «битва за историю», начатая в 30-е годы представителями французской исторической

науки, создавшими свое направление вокруг журнала «Анналы». Современная историческая наука приняла важнейшие достижения социологической и философской мысли XIX в. — идеи системности и комплексности мира, и что очень важно — переоценку роли сознания и субъективного фактора в историческом процессе и процессе познания. Новое видение мира характеризуется преодолением традиционного противопоставления материи и духа и признанием их неразторжимости, взаимопроникновения. Это позволило дать более сложное толкование понятия «производственные отношения», подчеркнувшее их неразрывную связь с компонентами сознания, поскольку отношения в сфере производства строятся людьми, которые руководствуются при этом своими представлениями о них.

Свойственное современным историкам «ощущение великой драмы относительности» (по словам одного из основателей направления, Люсьена Февра) привело их к признанию множественности связей — вещных и личностных — внутри общественной системы. Эта установка ломала механическое понимание причинности в истории и представление об однолинейности развития.

Внедрение в историческое познание идеи о неодинаковых ритмах развития различных сторон общественного процесса существенно откорректировало представления об исторических закономерностях. Новые подходы вернули в историю человека, не обязательно «героя» или творца идей, но обычного человека с его обыденным сознанием.

Синтез достижений мировой и отечественной исторической науки XX столетия позволяет сегодня дать более глубокое и полное определение понятиям «феодализм» и «Средние века», к характеристике которых мы переходим.

§ 2. Характеристика феодализма

Понятие «феодализм», как всякое другое, принадлежит логической, а не конкретно-исторической области познания. Созданное на основе конкретных вариантов исторического развития, оно представляет собой некий абстрактный образ социальной системы, отразивший общую суть свойственных ей явлений и процессов. Мера совпадения схемы и исторической реальности, таким образом, может быть в каждом конкретном случае различна, отражая своеобразие этой реальности. Следует также иметь в виду, что комплексный и системный подход к характеристике феодализма как наиболее адекватное отражение современного уровня исторического знания тем не менее не является един-

ственным подходом. В среде ученых и сейчас относительно стойки попытки свести понятие «феодализм» к какому-то одному компоненту: личностным связям или юридическим признакам — наиболее традиционному начиная с XIX в. представлению; к менталитету средневекового общества; к особой концепции личности, благодаря чему феодализм оценивается как исключительно западноевропейское явление. Каждое из представлений, отражая лишь отдельные стороны системы, не только не объясняет механизм ее действия, но и нуждается в объяснении собственной специфики. Поэтому характеристика понятия требует комплексного подхода, который предполагает анализ явления в параметрах его экономической, социальной, политической и культурной истории.

Феодальный мир как эко- и социосистема. Природа собственности на средства и орудия труда. Основным средством производства и основным видом богатства в доиндустриальных обществах являлась земля. При феодализме земля в виде крупной собственности находилась в монопольном распоряжении феодалов, сосредоточивших в своих руках в силу общественного разделения труда военную и религиозную функции.

Первая, наиболее важная особенность феодальной земельной собственности — это реализация ее при посредстве *мелких производителей* — крестьян, которым феодал передавал землю в держание. Крестьянин, таким образом, являлся не собственником обрабатываемой им земли, но лишь ее держателем на определенных условиях, вплоть до права наследственного держания. Его экономическая зависимость от феодала реализовалась в виде *рен-ты* (отработочной, продуктовой или денежной), т.е. работы или платежей в пользу феодала. Однако на земле, отданной ему в держание, крестьянин вел самостоятельное мелкое хозяйство, имея в собственности дом, скот и, что особенно важно, орудия труда, с помощью которых он обрабатывал имеющийся в его распоряжении участок, а также запашку феодала в случае отработочной ренты. Положение крестьянина, таким образом, принципиально отличалось от положения как раба (тоже зависимого производителя, но лишенного средств производства, орудий труда, собственного хозяйства и личных прав), так и наемного рабочего при капитализме (лишенного собственности на орудия и средства производства и вынужденного продавать свою рабочую силу).

В отношениях земельной собственности обе стороны — собственник и непосредственный производитель — выступали как взаимозаинтересованные друг в друге партнеры, хотя и неравные по положению. Без крестьянских рук земля феодала являлась

мертвым капиталом, в то же время самостоятельное ведение своего мелкого хозяйства и наличие в собственности орудий труда сообщало крестьянину известную экономическую автономность. Последнее обстоятельство породило такую особенность в функционировании экономической системы феодализма, как *внеэкономическое принуждение* производителя. Степень внеэкономического принуждения была различной — от жестких форм личной зависимости (отсутствие свободы в праве наследования или брака, иногда прикрепление к земле, продажа крестьян, физические наказания) до подчинения судебной власти феодала и ограничений в политических правах на общегосударственном уровне (сословная неполноправность). В системе феодальных отношений внеэкономическое принуждение являлось средством, с помощью которого феодал реализовывал собственность в виде ренты. Оно отражало специфику этой системы, механизм которой не действовал без политического принуждения. Здесь следует искать одно из объяснений той роли, какую играл политический фактор в феодальной системе, составляя ее своеобразие по сравнению с капитализмом, для функционирования которого оказалось достаточным чисто экономическое принуждение, и общество позволило себе выдвинуть лозунг политического равенства.

Роль внеэкономического принуждения, связанная с первой особенностью феодальной земельной собственности, определила ее вторую особенность: *соединение собственности с политической властью*. Обладание земельными собственниками политической властью в больших или меньших размерах — судебной, финансовой, административной, военной — обеспечивало им возможность осуществлять внеэкономическое принуждение.

Третьей особенностью феодальной земельной собственности являлись ее *условный характер и иерархическая структура*. В эволюции земельной собственности (в западноевропейском ее варианте) первой формой стал *аллод* — безусловная и наследуемая собственность; ее сменила промежуточная и быстротечная форма — *бенефиций*, условная собственность, получаемая за военную службу пожизненно. Бенефиций в свою очередь был заменен самой развитой формой — *феодом* (или *леном*); он представлял собой наследственную условную земельную собственность, связанную с несением вассалом военной службы и выполнением некоторых других обязательств в пользу вышестоящего сеньора. На основе такого реального и юридического разделения собственности сложилась иерархическая структура (т.е. несколько уровней соподчинения) среди земельных собственников, связанных вассально-ленными отношениями. Условный характер собственности явился

результатом естественного процесса внутренней консолидации слоя феодалов, которая помогла ему осуществлять монополию на землю.

Эта особенность была более отчетливо выражена в обществах, где частный сектор в земельном фонде преобладал над государственным. В восточной модели феодализма верховным собственником на землю являлось государство, в отличие от западной модели, где государь располагал лишь номинальным правом верховной собственности. Это не исключало на Востоке наличия частных владений, однако позиции их оказывались слабыми: земельная собственность частных владельцев обычно была подконтрольна государству; сами они ограничены в политических правах, социальная иерархия и система вассально-ленных связей развиты недостаточно. Государственные крестьяне, будь то в западном или восточном варианте феодализма, могли сохранять личную свободу, оставаясь зависимыми по земле, их община продолжала автономное существование, хотя и под контролем государства. Рента, уплачиваемая крестьянами, совпадала с государственным налогом.

Внеэкономическое принуждение, нераздельность земельной собственности с политической властью, более или менее развитые вассально-ленные отношения — все это объясняет исключительную роль личностных связей в обществе: патроната, коммендации и др., которые вуалировали вещную основу этих связей.

Проблема феодальной собственности не исчерпывается характеристикой только земельной собственности феодала и собственности крестьянина на орудия труда. По мере развития феодального, по преимуществу аграрного, общества в экономике возрастало значение ремесла. Именно прогресс в области ремесла определил в конечном счете перспективу развития феодального общества в целом и переход к новой общественной системе с крупным производством — капитализму. Мелкое производство существовало как *уклад* в других общественных системах с социальным неравенством (свободный крестьянин и ремесленник в античности или свободный крестьянин и мелкий ремесленник-кустарь при капитализме), однако только в условиях феодализма мелкое производство являлось господствующей формой и основным структурообразующим элементом экономики.

Собственность при феодализме имела *корпоративный характер*. Эта особенность определялась уровнем развития общества и незащищенностью человеческой личности перед лицом природы и социальных трудностей: слабость индивида компенсировалась силой коллектива. Однако коллектив накладывал ограничения на личность, которая могла осуществлять свои права на собственность

в силу принадлежности к корпорации — коллективу: крестьянин — право на держание и собственность на орудия труда в рамках сельской общины, феодалы — свою условную собственность в рамках вассальных связей своей общности — корпорации, ремесленник и купец — свое право на труд и собственность на орудия труда в рамках цеха или гильдии, уставу которых они подчинялись.

Социальная структура общества. Корпоративизм общества нашел своеобразное отражение в его социальной структуре, которую отличало сложное переплетение классового и сословного деления. Понятие «класс» имеет прежде всего экономическое содержание, оно определяет место той или иной общности людей в производстве и ее отношение к собственности на средства производства и орудия труда. Этому понятию в строгом смысле соответствовали в феодальном обществе только два противостоящих и связанных между собой класса — феодальные земельные собственники и зависимое крестьянство. *Сословия* же отличал в первую очередь социально-правовой, юридический статус, хотя в конечном счете и он был связан с отношением к собственности, а также с общественной функцией группы (и, следовательно, в большей или меньшей степени зависел от классового деления). Так, принадлежность к классу крупных земельных собственников определяла господствующее и привилегированное положение феодалов в обществе, независимо от юридического статуса его сословий — духовенства и дворянства, на которые изначально распадался класс феодалов. Крестьянство выполняло в обществе важнейшую функцию его кормильца и смогло к концу Средневековья несколько улучшить свой юридический статус, но в целом последний отличался не столько правами, сколько ограничениями. Городское сословие, добившееся автономии от земельных собственников и известного политического признания в обществе, тем не менее не смогло уравнивать себя с господствующим классом. Однако оно поднялось выше класса крестьянства, отчего его нередко называют «средним», или «третьим» классом феодального общества. Условность подобного определения объясняется крайней социальной неоднородностью этого сословия.

В средневековом обществе сословное деление выглядит более подвижной и активной системой, нежели классовое. Процесс самоопределения общественных групп в рамках класса мог проходить одновременно с его возникновением или в ходе его эволюции (группа мелкого и среднего дворянства Англии, ориентированного на хозяйственную, а не военную функцию и претендующего на самостоятельную политическую роль в обществе; боярство и дво-

рянство в России, располагавшие разными видами земельной собственности; чиновное дворянство во Франции, оформившееся благодаря аноблированию выходцев из городского сословия, позднее — «дворянство мантии»). Кстати, этот процесс не всегда завершался оформлением особого юридического статуса, т.е. образованием сословия в собственном смысле слова.

Сословия утверждали свои права и привилегии в письменных хартиях, воспроизводя и закрепляя корпоративизм в сфере социально-политической жизни средневекового общества. Средневековый человек реализовывал свои юридические и политические права, право собственности или право на труд в экономической жизни через сословную общность, по принадлежности к ней. Корпоративизм собственности и юридического статуса были характерной особенностью не только феодального, но всех обществ доиндустриального периода. Западноевропейский вариант развития дал пример выраженного институционального и юридического оформления этой особенности, а впоследствии и решительного разрыва с ней в капиталистической структуре с ее принципами свободной частной собственности и свободы личности.

Организация пространства. Безусловное преобладание в феодальном обществе аграрных занятий, особенно на ранних этапах его развития, предопределило по преимуществу сельскохозяйственную организацию его пространства, главными компонентами которого были поля, луга и пастбища, огороды и сады. Основным видом поселений являлись деревни, с их невысокой застройкой, не нарушающей линию горизонта. Их дома служили не только жильем, но и комплексом, рассчитанным на производственные нужды (содержание скота, место хранения кормов и зерна). Разнообразие в эту организацию вносили географические условия: природный ландшафт, горы и равнины, леса и реки, а также климат, почвы, которые влияли на тип расселения (компактные деревни или хутора), виды полей, специализацию хозяйственных занятий — земледелие, скотоводство, виноградарство и т. д.

Вертикаль как дело рук человеческих и архитектурная деталь ландшафта, нарушившая его монотонность, появилась со строительством феодальных замков в IX—XI вв., когда материалом для них стал камень, а не дерево, со строительством романских и затем готических церквей с колокольнями, но особенно с процессом массовой застройки городов в XI—XII вв.

Города изменили внешний вид и размеры поселений. Каменные стены обеспечивали защиту от внешнего врага; приток населения побуждал надстраивать дома, плотно тесня их друг к другу.

Более продуманная внутренняя планировка, вызванная потребностями экономической и политической жизни города, а также требованиями гигиены, постепенно ставшие факторами, регулирующими организацию городского пространства, сменила первоначально хаотическую застройку внутри городских стен.

Развитие техники не только открыло новые возможности земли как основного средства производства, но более радикально, чем аграрные занятия, преобразило ее природный облик. Хозяйственно-технический и архитектурный ландшафт, таким образом, отражал социальную и экономическую эволюцию феодального общества.

Социальные институты. Вотчина и община. Оформление феодальной собственности на землю привело к существенным изменениям в хозяйственной и социальной жизни общества. Если в условиях родоплеменного строя и генезиса феодализма главным хозяйственным и социальным организмом являлась *община*, то с конца VIII в. (в ряде регионов в XI в.) в Западной Европе складывается *вотчина* (*сеньория* во Франции, *мэнор* в Англии). Она концентрировала в себе все средства, необходимые для реализации крупной земельной собственности (хозяйственная функция), взимания ренты и внеэкономического принуждения (социальная функция). Вотчина, т.е. комплекс крупной земельной собственности, делился на господскую часть — *домен* — и землю, отданную в держание крестьянам. Домен включал усадьбу сеньора (жилые и служебные постройки), лес, луга и сеньориальную запашку, размер которой зависел от форм ренты, а также от хозяйственной активности феодала. В соответствии с системой землепользования и плодородностью земли сеньориальные пахотные земли могли лежать чересполосно с крестьянскими наделами (*мансами* во Франции, *гуфами* в Германии). Как хозяйственный организм вотчина способствовала интенсификации труда и развитию производительных сил, организуя простую кооперацию на барщинных работах, расчистку и внутреннюю колонизацию земель, внедрение новых хозяйственных методов и культур. При этом она в известной мере обеспечивала экономическую устойчивость крестьянского хозяйства, гарантируя ему защиту от поборов государства и личную безопасность под покровительством сеньора в условиях феодальной раздробленности.

Хозяйственная роль вотчинника менялась по мере развития феодализма и эволюции форм ренты. С переходом к продуктовой и денежной ренте феодалы могли свернуть собственную запашку, раздав резерв пахотных земель в крестьянские держания. В этих условиях возрастает экономическая значимость крестьянского

хозяйства, способного благодаря усовершенствованию условий труда, способов обработки земли и повышению производительности труда произвести как необходимый, так и прибавочный продукт в виде продуктовой или денежной ренты. Усиление экономической роли крестьянства сопровождалось его освобождением от тяжелых форм личной зависимости. В условиях эксплуатации существовал определенный баланс взаимоотношений феодала и крестьянина, который обеспечивал жизнеспособность последнего как производящей силы общества, однако он нередко нарушался. Насилие со стороны феодала могло вызвать разрушение крестьянского хозяйства и протест вплоть до восстаний. Таким образом, хозяйственная и созидательная роль вотчины тесно связана с ее социальной функцией как организации по присвоению ренты, регулирующей административную и правовую жизнь крестьянства.

С утверждением вотчины как главного социального и хозяйственного организма феодального общества *крестьянская община* не была уничтожена. Вотчина надстроилась над общиной, подавив собственным административным и судебным аппаратом ее политико-юридические функции, но продолжала сосуществовать с ней как с первичной хозяйственной организацией, регулирующей главным образом крестьянские отношения по земле — использование общинных угодий, порядок севооборота. Этой стороной своей деятельности община в известной мере влияла и на хозяйственную жизнь вотчинника. Утрата прежней социальной роли вызывает «исчезновение» общины из источников на ранних этапах эволюции феодализма. Однако позже, с усилением экономической роли крестьянского хозяйства и личным освобождением крестьян, община сумела частично возродить свои социальные и политико-юридические функции. В ряде стран (Франция, Италия, Испания) община смогла получить статус коллективного юридического лица, образовав сельскую коммуны с правом выборного управления. Сельская коммуна осуществляла контроль за использованием общинными угодьями, сбором ренты и судебной деятельностью вотчинника, организуя, таким образом, противостояние крестьян феодалу и вводя во взаимоотношения с ним договорное правовое начало, регулируемое письменной хартией. Полученные права позволяли общине выйти за рамки вотчины и обратиться с коллективной жалобой в государственные суды. Следует иметь в виду, что статуса коммуны смогли добиться далеко не все общины, многим из них пришлось довольствоваться только частью политико-юридических прав.

Средневековый город. В триаде важнейших компонентов социальной жизни феодального общества особое место занимал город.

Будучи плотью от плоти этого общества, именно город стал решающим фактором его эволюции. Импульсы, идущие от этого социального организма, объединившего в себе формы экономической, политической и духовной жизни, обозначили перспективы развития общества в целом. Как центр ремесла и торговли город демонстрировал свою феодальную природу в мелком характере производства и торговли, сословно-корпоративном характере собственности (ремесленные цеха и купеческие гильдии), в причастности феодальной ренте в ее сеньориальной или централизованной (государственные налоги) форме, наконец, во включенности города в систему феодальных связей (город как коллективный вассал или коллективный сеньор). Вместе с тем именно городу общество было обязано теми решающими сдвигами в развитии техники, которые обеспечили ему инициативу в переходе к мануфактурному производству.

Привилегии и вольности, обретенные западноевропейским городом, создали горожанам статус особого сословия; как таковое оно участвовало в органах сословного представительства на общегосударственном и местном уровнях. Политическое признание горожан способствовало выработке в обществе новой системы ценностей, в которой права человека не определялись исключительно его наследственной принадлежностью к привилегированным сословиям. В городах, добившихся самоуправления, появилась коллективная выборная власть в противовес авторитарному и иерархическому миру духовных и светских феодалов.

Наконец, в городе возникли особые формы культуры и духовной жизни, которые способствовали секуляризации сознания, развитию опытного и рационального знания. Возникшие в городах университеты стали центрами не только образованности, но и свободомыслия. Оформление в Западной Европе на рубеже Средних веков и раннего Нового времени новой идеологии гуманизма и культуры Возрождения было неразрывно связано с городской жизнью и культурой.

Политическая, государственная и правовая организация феодального общества. Политическая организация феодального общества прошла в своем развитии несколько этапов. В условиях переходного периода и генезиса феодальных отношений существовали политические образования в виде, как правило, недолговечных варварских королевств и раннефеодальных государств. В них были сильны пережитки так называемой «первобытной демократии»; королевская власть располагала весьма ограниченными принудительными возможностями. На этом этапе Западная Европа знала и попытки образования крупных полиэтнических, но непрочных

имперских объединений, претендующих, подобно франкской империи Карла Великого, на преемственность по отношению к погибшей Западной Римской империи.

С утверждением феодальных отношений в X—XII вв. и развитием феодальной раздробленности политическая власть сосредоточивалась в руках крупных земельных собственников — князей, герцогов, графов, часто лишь номинально объединенных слабой властью монарха и реализующих в своих землях тот же авторитарный принцип власти (каждый барон — король в своих владениях). На этом этапе оформляется важная особенность политической структуры феодального общества: разделение политической власти на власть в центре (общегосударственную или территориальную) и на местах — в лице земельного собственника. С развитием феодального общества усложняется природа местной власти благодаря оформлению автономности города, церковных корпораций или сословных групп.

В дальнейшем королевская власть начинает борьбу с полицентризмом; там, где она брала верх, возникают централизованные государства. В условиях централизации зарождается новая форма феодальной монархии с органами сословного представительства. Монарх на этом этапе централизации претендовал на полноту верховной власти, но часто не располагал необходимыми средствами для ее реализации, тогда как сословия стремились удержать свою автономию. Центральная власть была вынуждена идти на диалог с общественными силами, который воплощался в органах сословного представительства на общегосударственном уровне (английский парламент, испанские кортесы, французские Генеральные штаты, шведский риксдаг и т.д.) или местном уровне, а также в органах самоуправления. Политическая мысль подкрепляла право сословий на участие в политическом управлении, утверждая принцип: «Что касается всех, должно быть одобрено всеми». Если центральная власть опережала в своем усилении процесс консолидации сословий, она ограничивала их активность или могла вообще парализовать ее. Так случилось в Византии, сумевшей, в отличие от Западной Римской империи, сохранить свою государственность при переходе к Средневековью. В условиях сильной власти монарха Византия не знала института сословного представительства и городских свобод.

Полицентризм в Италии исключил возможность консолидации сословий на общегосударственном уровне, в масштабах всего Апеннинского полуострова, однако активность горожан здесь привела к созданию нетрадиционных для Средневековья республиканских форм политического устройства (города-республики).

В Германии централизация сложилась также лишь на локальном, но не на общенациональном уровне, что обеспечило силу провинциальных органов сословного представительства — ландтагов.

На этапе позднего феодализма оформляется *абсолютная монархия*. Новая форма государства предполагает более высокий уровень централизации, увеличение властных полномочий монарха — наличие под его контролем административного аппарата, армии и налогов. Специфическая расстановка социальных сил и острая борьба между ними, связанные с разложением феодальных и возникновением новых, буржуазных отношений, позволяли монарху играть роль верховного арбитра и не только претендовать, но и осуществлять «абсолютную» власть. Победа авторитарного принципа власти чаще всего сопровождалась свертыванием или даже ликвидацией органов выборной представительной власти на общегосударственном, а иногда и местном уровне.

На всех этапах развития феодального общества сосуществовали в противоречивом единстве свойственные государству две функции — насилия и порядка. Осуществление насилия было связано главным образом с интересами господствующей корпорации земельных собственников. Государственное право (источником формирования которого служили обычное право, законодательство и римское право) обеспечивало феодалам монополию на земельную собственность, а также статус знатности и «благородства», связанный с особыми политическими и юридическими привилегиями. Через посредство государства распределялись поступающие в казну налоги от податного населения в пользу господствующего слоя (служба в армии, государственные должности, пенсии). Государственное насилие могло в ряде случаев служить также интересам элиты городского сословия — патрицианско-бюргерской верхушки горожан, не справляющейся собственными силами с городской оппозицией.

В качестве гаранта мира и правопорядка по отношению к обществу в целом монарх вступал в диалог с различными социальными силами, что расширяло социальную базу власти. Формы этого диалога могли быть различными: органы сословного представительства, королевский суд с правом апелляции к нему, подтверждение центральной властью документов правотворчества податных сословий (городских хартий и городского законодательства, хартий сельских общин). В реализации государственной политики обе функции тесно переплетались. Это, в частности, объясняет антигосударственную направленность многих восстаний, а также нередкие факты временной «вертикальной» солидарности в них различных общественных сил (общий протест против налогов, злоупотреблений чиновников, централизаторских

усилий монархии, нарушавших автономию и привилегии отдельных общественных групп или крупных феодалов).

Духовная жизнь общества. Средние века были временем господства мировых религий — буддизма, ислама на Востоке, христианства в Европе. В связи с этим в Европе церкви — римско-католическая, греко-православная и на позднем этапе феодализма протестантские — стали ведущими в духовной и социально-политической жизни. Христианская церковь в Западной Европе оказывала огромное влияние на духовную жизнь общества, формируя его религиозное сознание и способствуя развитию культуры — письменности, литературы, философии, архитектуры и изобразительного искусства. Вплоть до XII в. именно церковь являлась главной хранительницей античного культурного наследия — этого решающего фактора западноевропейской культуры, которое она неизбежно приспособлявала к своим потребностям. Христианская религия способствовала созданию и укреплению цивилизационного единства Европы, приобщая европейские народы к новым этическим ценностям. Вместе с тем церковь являлась крупным земельным собственником (в ее распоряжении находилась примерно треть земельного фонда в каждой из западноевропейских стран), а также главной идеологической силой феодального общества, санкционируя феодальные порядки. Христианская религия тем не менее не монополизировала сознания средневековых людей. Оно определялось сосуществованием светских и религиозных начал, веры и разума, в котором обе стороны влияли друг на друга и трансформировали культуру, идеологию и обыденные представления.

Заметными вехами в процессе укрепления рационального и опытного знания стали схоластика и распространение аристотелизма (XI—XIV вв.) и, далее, зарождение гуманизма. Новая идеология, провозгласившая культ земной жизни человека, новую систему ценностей, подготовила наиболее решительный разрыв с традиционными религиозными ценностями в культуре Просвещения.

§ 3. Периодизация эпохи Средневековья в Западной Европе

Согласно периодизации (неизбежно условной), принятой мировой и отечественной наукой, у истоков Средневековья в Западной Европе стоит крушение во второй половине V в. Западной Римской империи. Встреча двух миров — античного греко-римского и варварского (германского, кельтского, славянского) —

стала началом глубокого переворота, который открыл новый, средневековый период в истории Западной Европы. Для истории Византии началом Средневековья считается IV век, когда Восточная Римская империя обрела свою столицу — Константинополь и обособилась.

Сложнее выглядит в науке решение вопроса о рубеже между Средними веками и Новым временем. В зарубежной историографии их границей обычно считают середину или конец XV в., связывая его с такими явлениями, как изобретение книгопечатания, завоевание Константинополя турками, открытие Америки европейцами, начало Великих географических открытий и колониальных захватов. С точки зрения общественных изменений этот рубеж фиксирует начальные стадии смены систем — феодальной на капиталистическую. В недавнем прошлом отечественная наука отодвигала начало Нового времени к концу XVIII в., относя его к Французской буржуазной революции и беря в расчет вариант более длительного вызревания новой системы и более решительного разрыва со старым. В практике преподавания пока принято считать условным концом Средневековья первую буржуазную революцию общеевропейского значения — английскую революцию 1640—1660-х гг., положившую начало господству капитализма в Западной Европе и совпавшую с окончанием первой общеевропейской Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. Эта периодизация принята в данном учебнике.

Необходимо отметить и новые тенденции в современной отечественной науке, которые вносят существенные коррективы в проблему периодизации. Это прежде всего стремление исследователей развести понятия «Средние века» и «феодализм». Их отождествление в конце XVIII в., как отмечалось выше, явилось серьезным достижением исторического познания, сделавшего первый заметный шаг к признанию социальной истории. Новая тенденция привела к попыткам отнести верхнюю хронологическую границу Средневековья к концу XV — началу XVI в. Подобные новации объясняются не формальным желанием унифицировать периодизацию с западной историографией, но новым уровнем исторического познания. Историческая наука в конце XX столетия выработала более уравновешенный и гибкий синтез «структурной» и «человеческой» истории, который стал возможным благодаря переоценке роли сознания и социально-психологического фактора в общественном процессе, а также восстановлению в правах событийной истории. Все это позволяет иначе посмотреть на такие события рубежа XV—XVI вв. в Западной Европе, как гуманизм и Реформация или Великие географические открытия. Получив

импульс от глубинных и потому гораздо менее подвижных изменений в общественной жизни, именно эти явления вызвали такие сдвиги в сознании и духовных ценностях, которые создали новый образ мира, означавший решительный разрыв со Средневековьем.

В тесной связи с отмеченной новацией в среде отечественных медиевистов утверждается стремление выделить «переходные периоды» в качестве особых этапов, если и не самодостаточных, то имеющих собственные законы развития¹. Современные ученые приводят, в частности, убедительные аргументы в пользу самоценности переходного периода XVI—XVII вв., который получил название «раннего Нового времени».

Историю Средневековья для Западной Европы принято делить на три основных периода, отличавшихся разным уровнем социально-экономического, политического и культурного развития.

I. Конец V — середина XI в. — период раннего Средневековья, когда феодализм только складывался как общественная система. Это предопределило крайнюю сложность социальной ситуации, в которой смешивались и трансформировались общественные группы античного рабовладельческого и варварского родоплеменного строя. В экономике господствовал аграрный сектор, преобладали натурально-хозяйственные отношения, города сумели сохранить себя как экономические центры преимущественно в районе Средиземноморья, которое являлось главным узлом торговых связей Востока и Запада. Это было время варварских и раннефеодальных государственных образований (королевств), несущих на себе печать переходного времени.

В духовной жизни временный упадок культуры, связанный с гибелью Западной Римской империи и натиском языческого бесписьменного мира, постепенно сменялся ее подъемом. Решающую роль в нем сыграли начавшийся синтез с римской культурой и утверждение христианства. Христианская церковь в этот период оказывала решающее воздействие на сознание и культуру общества, в частности регулируя процесс усвоения античного наследия, модифицируя обычаи «варварских» народов.

II. Середина XI — конец XV в. — период расцвета феодальных отношений, массового роста городов, развития товарно-денежных отношений и складывания бюргерства. В политической жизни в большинстве регионов Западной Европы после периода фео-

¹ Интерес к ним в нашей науке имеет давние традиции: А.И. Неусыхин в 1960-е годы положил начало представлению о «дофеодальном периоде» как некоем особом феномене.

дальной раздробленности формируются централизованные государства. Возникает новая форма государства — феодальная монархия с сословным представительством, отразившая тенденцию к усилению центральной власти и активизации сословий, в первую очередь городского.

Духовная жизнь идет под знаком развития городской культуры, которая содействует секуляризации сознания, становлению рационализма и опытного знания. Эти процессы были усилены формированием культуры Возрождения, идеологии раннего гуманизма.

III. XVI—XVII вв. — период позднего феодализма или начала раннего Нового времени. Экономическая и социальная жизнь характеризуется процессами разложения феодализма и генезиса раннекапиталистических отношений. Острота социальных противоречий вызывает крупные антифеодальные общественные движения с активным участием широких народных масс, которые будут содействовать победе первых буржуазных революций. Оформляется третий тип феодального государства — абсолютная монархия. Жизнь общества определяли раннебуржуазные революции, поздний гуманизм, Реформация и контрреформация. XVII век явился переломным в развитии естественных наук и рационализма.

Каждый из этапов открывался и сопровождался крупными передвижениями народов по территории Европы и вне ее: в IV в., VI—VII вв. — движение гуннов, германских и славянских племен; экспансия скандинавских народов, арабов и венгров на рубеже первого и второго этапов, крестовые походы западноевропейцев на Восток и в Восточную Европу в XI—XIII вв. и, наконец, колониальные захваты западноевропейцев на Востоке, в Африке и в Америке в XV и XVI вв. Каждый период открывал перед народами Европы новые горизонты. Обращает на себя внимание все убыстряющийся темп развития и сокращение временной протяженности каждого последующего этапа.

§ 4. Историческое место западноевропейского феодализма и цивилизационные особенности региона

Сегодня «феодализм» в наиболее обобщенном значении этого понятия предстает перед нами как закономерный этап в ходе всемирно-исторического процесса, обеспечивший существенное продвижение человеческого общества по пути прогресса. Восхождение было противоречивым и неоднозначным. Периоды подъема сменялись застоєм и упадком, человечество платило высокую цену за прогресс жертвами войн, эпидемий и неурожаев, насилия.

Неизбежные на этом пути отступления и потери сопровождались важными обретенными во всех сферах жизни — экономической, социальной, политической и культурной.

Возможность прогресса была обеспечена самой системой, в которой основной производитель владел орудиями труда и имел более высокий, чем у раба и колона, социальный статус.

Западноевропейское Средневековье внесло свой неповторимый и особый вклад во всемирно-исторический процесс. Хотя европейская цивилизация в целом отличается преемственностью (она унаследовала от античной Римской империи, в частности, один из важнейших факторов своего единства — христианскую религию), только в Западной Европе имел место *синтез, т.е. прямое взаимодействие римских и варварских* (германских, кельтских и др.) начал. Западная Европа испытала на себе сильное воздействие позднеримского общества — с развитыми государственными, правовыми структурами, отношениями неравенства в наиболее грубой форме — рабства, с высокоразвитой культурой. Синтез ускорил становление новых общественных отношений и государств средневековой Западной Европы и сообщил ей исходную динамику, которая составила вторую отличительную черту развития этого региона в масштабах всемирно-исторического процесса. Тому же способствовал и тип германской общины, которая в сравнении со славянской общиной отличалась большей свободой в проявлении индивидуального начала. Отмеченные особенности стали вполне очевидными в период с XI по XV в., позволив Западной Европе обогнать более развитые в начальный период средневековой истории страны Востока. Решающим условием успеха на этом этапе послужило развитие города в его особых, характерных только для Западной Европы формах. Динамика развития содействовала более быстрому преодолению средневековой замкнутости и традиционной повторяемости форм жизни. Она обеспечила Западной Европе мировое первенство при переходе к капитализму и позволила осуществить колониальную экспансию на Восток и в Новый Свет.

Отставание отдельных регионов или стран в масштабах Западной Европы сравнительно быстро преодолевалось благодаря так называемому «вторичному синтезу», т.е. усвоению достижений более развитых стран или римского наследия странами бессинтезного генезиса феодализма на новом витке их развития. Возможность подобного явления обеспечивали тесные связи и взаимодействие внутри западноевропейской общности, которые можно считать еще одной важной особенностью этой цивилизации.

Западная Европа уже на этапе Средних веков явила миру исключительный опыт общественного развития — консолидации

сословий и их социально-политической активности, создавших известное равновесие во взаимоотношениях общества и государства. Эта активность была реализована, в частности, в системе сословного представительства. Последняя была общеевропейским феноменом, однако именно в Западной Европе представительные учреждения стали действенным органом политической жизни, заложив основы европейского парламентаризма Нового времени. Они оказались способными к этому главным образом благодаря силе городского сословия.

Население Западной Европы исповедовало христианство; его религиозную и в целом духовную жизнь в течение многих веков почти безраздельно направляла католическая церковь с центром в Риме. В Византии и принявших от нее веру странах господствовало православие. Католическая и православная церкви имели расхождения догматического характера, однако обе ветви христианства, в отличие, например, от буддизма, стимулировали более деятельное отношение к земному миру как творению Бога.

Наконец, в Западной Европе была выработана концепция личности, основанная на началах рационализма, разработанной системе права и идеалах гуманизма.

Отдаленная от нас во времени средневековая история существует не только в памяти народов Западной Европы. Их современная жизнь связана с ней многими живыми нитями. В средневековую эпоху возникло большинство европейских народов, городов и государств, зародились и оформились национальные языки, культура и национальный характер. Социальный и политический средневековый опыт заложил основы современных парламентов, западноевропейского демократического и правового общества. Высокие образцы литературы и искусства, философской, политической, исторической мысли и сегодня питают европейскую культуру и духовную жизнь. Готическая и романская архитектура, органически вошедшие в архитектурный ансамбль западноевропейских городов, и сегодня являют зримый образ средневековой эпохи. Живая связь времен сообщает средневековой истории не только академический интерес, побуждая в особенностях прошлого искать ответы на проблемы современной жизни. Последнее обстоятельство делает медиэвистику не только интереснейшей, но и актуальной областью исторического знания.

Глава 2

Источники по истории Средних веков V—XV вв.

Под историческим источником понимается все созданное в процессе человеческой деятельности или испытывавшее ее воздействие. Исторический источник неисчерпаем. Проблема в том, как извлечь и правильно истолковать содержащуюся в нем информацию.

Классификация средневековых источников. Применительно к Средневековью целесообразно выделить пять **типов** источников, различающихся по формам фиксирования социальной информации: 1) *природно-географические*, т.е. поддающиеся непосредственному изучению данные о ландшафте, климате, почвах, растительности и других компонентах окружающей среды, как подвергшихся воздействию человеческой деятельности, так и просто важных для понимания ее конкретно-географической специфики; 2) *этнографические*, представленные дожившими до наших дней старинными технологиями, обычаями, обликом жилищ, костюмом, кухней, стереотипами мышления, фольклором; 3) *вещественные*, к которым относятся уцелевшие материальные реликты прошлого, в том числе добытые археологией: постройки, орудия труда, домашняя утварь, средства транспорта, оружие и т.д.; 4) *художественно-изобразительные*, отразившие свою эпоху в художественных образах, запечатленных в памятниках архитектуры, живописи, скульптуры и прикладного искусства; 5) *письменные*, каковыми считаются любые тексты, записанные буквами, цифрами, нотами и другими знаками письма.

В принципе лишь сочетание данных всех типов источников позволяет составить всестороннее представление о средневековом обществе. Однако в практической работе медиевиста они играют неодинаковую роль. Хотя лучше всего сохранились, естественно, памятники недавнего прошлого, вещественные источники имеют наибольшее значение при изучении раннего Средневековья, относительно бедного текстами и произведениями искусства. Фольклорные и другие этнографические источники, напротив, наиболее важны для изучения позднего Средневековья, так как, за редкими исключениями, при передаче информации по памяти более или

менее точно сохраняются реалии и представления лишь сравнительно близкой нам эпохи. Главными же для всех периодов Средних веков и почти для всех аспектов истории являются источники письменные, причем с течением времени в связи с распространением грамотности и улучшением условий хранения рукописей их количество, разнообразие и информативность возрастают.

Средневековые письменные источники уместно разделить на три класса: 1) *нарративные* (повествовательные), описывающие реальную или иллюзорную действительность во всем богатстве ее проявлений и в относительно свободной форме; 2) *нормативные*, отражающие не только существующую правовую практику, но и волю законодателя, стремящегося эту практику изменить, а также упорядочить общественные отношения, систематизировать социальные ситуации и градации; к числу этих источников относятся наряду с законодательными актами публичные предписания негосударственного происхождения: местные обычаи, постановления церковных соборов, уставы монастырей, ремесленных цехов, университетов и т.д.; 3) *документальные*, фиксирующие отдельные моменты преимущественно социально-экономической, социально-юридической и социально-политической жизни посредством специальной, во многом формализованной лексики. В рамках нарративных источников постепенно, особенно в эпоху Возрождения, складывается особый класс *научной литературы*, где описание явлений уступает место раскрытию их сущности при помощи теоретического анализа. Несколько раньше от нарративных памятников обособляется *художественная литература*, отображающая действительность путем обобщения явлений в художественных образах.

Названные классы письменных источников подразделяются на **виды**. Так, среди нарративных источников выделяют *исторические повествования*, специально освещающие ход политических по преимуществу событий; разнообразные *агиографические сочинения*, рассказывающие о подвижничестве и чудесах святых; памятники *эпистолярного творчества*; *проповеди* и всевозможные *наставления*; до определенного времени также научная литература, представленная всевозможными *трактатами*. В свою очередь они могут быть поделены на многочисленные **разновидности**. Например, среди исторических сочинений Средневековья различают *анналы*, *хроники*, *биографии*, *генеалогии* и так называемые *истории*, т.е. посвященные какому-либо конкретному событию или отрезку времени «монографии». Хроники делят на всемирные и местные, прозаические и стихотворные, церковные и светские, последние — на королевские, городские, семейные и т.д.

Будучи удобной в работе, эта классификация, разумеется, достаточно условна. Ведь монета или исписанный пергаменный свиток могут рассматриваться одновременно как источник вещественный, художественно-изобразительный и письменный. Средневековые нарративные источники нередко включают в себя тексты документов, а последние — пространные экскурсы повествовательного характера. Инструкцию правомерно считать и нормативным и нарративным источником. Отнесение источника к тому или иному разряду определяется спецификой информации, получаемой при анализе его с той или иной точки зрения.

Общая характеристика средневековых источников и методов их изучения. По сравнению с источниками по истории античности или Нового времени средневековые тексты обладают определенными особенностями. В силу малого распространения и в целом низкого уровня грамотности в Средние века к письму обращались относительно редко, что проявилось, в частности, в небольшом количестве сохранившихся надписей (столь важных для изучения античности). Культура Средневековья, особенно раннего, была в значительной мере устно-ритуальной, так что информация в основном передавалась по памяти.

Такое положение вещей было во многом связано с языковой ситуацией. В Средние века было не так уж мало стран, где писали на языке, понятном большинству населения. Так обстояло дело в Византии, Болгарии, Сербии, на Руси. В Скандинавии, Англии, Уэльсе и Ирландии писали как на родном языке, так и на латыни. В мусульманской Испании она сосуществовала с арабским. Но в других частях Европы письменным языком была почти исключительно латынь, малодоступная кому-либо, кроме образованных людей, даже в романских странах и совсем недоступная в Германии, Венгрии и славянском мире. В результате между живым разговорным языком и языком письменным существовал разрыв, сказавшийся на стиле, терминологии и самом характере использования текстов. Определенный разрыв существовал и в Византии, где литературные произведения нередко создавались на архаизированном языке, подражающем языку античной классики. Положение стало меняться только во второй период Средневековья, когда появляется все больше сочинений и документов на народных языках. К XV в. в большинстве европейских стран они уже преобладают, однако в некоторых областях общественной жизни (дипломатия, религия, наука) латынь сохраняет свои позиции вплоть до Нового времени. Кроме того, в ряде стран латынь сосуществовала сразу с двумя народными языками — местным и чужеземным (французский язык в Англии XII—XIV вв.,

английский язык в Ирландии с конца XII в., немецкий язык в Венгрии, Чехии, Прибалтике с XIII в. и т.д.).

Современную науку интересуют самые разные аспекты жизни средневекового общества, в том числе те, которые создатели источников освещать не собирались либо по идейным соображениям, либо потому, что они казались им слишком банальными и недостойными внимания. Технология производства, уровень доходов и цен, социальная структура, внутрисемейные отношения, повседневная жизнь, мировосприятие народных масс — все это и многое другое крайне редко находит непосредственное отражение в источниках. Искомые сведения присутствуют, как правило, в виде скрытой информации (запечатленной помимо воли автора), уловить которую бывает совсем непросто.

До недавнего времени источниковедение различало внешнюю и внутреннюю критику источника, т.е. анализ рукописной традиции, стиля, формуляра текста, и, с другой стороны, анализ его смыслового содержания. Однако современное источниковедение основывается на комплексном, целостном изучении памятника. Например, изучение эволюции формуляра документа проливает свет на развитие общественных процессов, а исследование содержания текста нередко становится решающим при определении его достоверности, датировке и т.д.

Незаменимую помощь в интерпретации источника как продукта определенной социокультурной среды оказывают неписанные источники и изучающие их вспомогательные исторические дисциплины: историческое ландшафтоведение, археология, этнография, ономастика (изучающая имена собственные, в том числе географические названия), искусствоведение, нумизматика и др. Не менее важно хорошо знать средневековые реалии, ориентироваться в исторической географии, генеалогии, геральдике, хронологии, метрологии, титулатуре, а также в церковной топики (т.е. системе типичных, часто употребляемых образов и выражений), догматике и литургии. Рассмотрение источников в их историческом контексте следует сочетать с изучением их рукописной традиции в рамках многовековой истории архивных и библиотечных фондов. Это предмет таких специальных дисциплин, как *археография*, занимающаяся выявлением и введением в научный оборот древних текстов; *кодикология*, изучающая рукописную книгу в целом; *палеография*, исследующая древнее письмо как таковое; *дипломатика*, анализирующая документы с точки зрения их подлинности, типичности и т.п.; *сфрагистика* (иначе *сигиллография*), изучающая печати.

Надежным средством познания прошлого остается апробированный многими поколениями ученых метод сочетания данных различных видов и классов источников, которые, освещая общество как бы с разных сторон, не просто дополняют, но и корректируют друг друга. В последние десятилетия в связи с развитием междисциплинарных исследований этот метод получил дополнительный импульс. Широко проникают в медиевистику количественные методы анализа источников, историческая информатика, в частности подготовка электронных изданий источников, словарей, справочников, создание различных баз данных.

Источники по истории V—XI вв. Раннее Средневековье характеризуется переходом от античности и варварства к феодализму. Это эпоха господства натурального хозяйства, слабых торговых и культурных связей между странами и областями, весьма примитивной государственности, низкой грамотности и растущей клерикализации общества. Все это отразилось на текстах того времени.

В раннее Средневековье большинство населения Западной и Южной Европы жило по старым римским законам, постепенно приспособляемым к меняющейся действительности. В VI в. по распоряжению византийского императора Юстиниана I они были кодифицированы. Это законы римских императоров II — начала VI в. (так называемый «Кодекс» Юстиниана), «Новые законы» (*Новеллы*) самого Юстиниана, систематизированные высказывания наиболее авторитетных юристов античности (так называемые *Дигесты*, или *Пандекты*), а также краткий учебник права, известный как *Институции*. Все вместе они составили обширный свод, получивший в XII в. название «Корпус юрис цивилис» — «Свод гражданского права». Тогда же, в XII в., оформился и так называемый «Корпус юрис каноники» — «Свод канонического права», вошедший в себя постановления вселенских и отчасти поместных соборов и другие важнейшие акты церковного законодательства; последнее, помимо собственно церковных дел, регулировало также многие сферы повседневной жизни верующих. Поскольку законодательная комиссия Юстиниана отбирала те древние законы, которые сохраняли значение, не только «Новеллы», но и весь «Свод гражданского права» является ценным источником по истории VI в. В дальнейшем в Византии этот памятник неоднократно перерабатывался, послужив основой для всего раннесредневекового византийского законодательства («Эклога» 726 г., «Василики» 886—912 гг. и др.).

На Западе, исключая Италию, «Свод» Юстиниана почти не был известен до XI—XII вв., когда в условиях оживления товарно-

денежных отношений и усиления королевской власти началась так называемая *рецепция* (т.е. перенимание и усвоение) римского права. До этого западноевропейские юристы пользовались более ранним сводом римских законов — «Кодексом» императора Феодосия II (438 г.). На его основе в начале VI в. в некоторых варварских королевствах были составлены юридические компиляции, предназначенные для романского населения («Римский закон вестготов» и др.). Оно и в дальнейшем придерживалось римских правовых норм, превращавшихся постепенно в обычай. Римское право оказывало определенное влияние и на формирующееся королевское законодательство.

Германские, кельтские и славянские народы, обосновавшиеся на территории бывшей Римской империи, сохранили свои древние обычаи, передававшиеся изустно из поколения в поколение и менявшиеся очень медленно. Образование у них государств, а также тесное соприкосновение с «римлянами», имевшими письменные законы, вызвали необходимость в фиксации этих обычаев на письме. Результатом явились записанные с конца V в. по начало IX в. судебники германских народов, известные в нашей медиэвистике как «правды» (Бургундская, Вестготская, Салическая и т.д.). На Британских островах в связи с замедленными темпами развития такие судебники были составлены позднее, в VII—XI вв.; в Скандинавии по той же причине — в XII—XIII вв., причем в обоих случаях на народных языках, в отличие от континентальных судебныхников, записанных на латыни.

Представляя собой запись действующих правовых норм, варварские «правды», однако, не были вполне адекватны древним обычаям. Составители записывали далеко не все из них, фиксируя в основном штрафы и другие наказания за различные преступления и проступки; производя отбор, они вносили в текст и некоторые добавления и изменения, отражающие складывание нового общественного строя и государства. Тем не менее ранние редакции правд сохранили важнейшие нормы древнего обычного права; в этом плане особый интерес представляет «Салическая правда». Древнеирландские законы, дошедшие до нас в заметно более поздних рукописях, запечатлели еще более архаичные правовые представления.

Из добавлений и поправок к «правдам» постепенно выросло королевское законодательство. Наиболее значительным его памятником являются *капитулярии* франкских королей (от латинского слова *capitula* — главы, на которые подразделялся текст), обретшие свою классическую форму на рубеже VIII—IX вв. Сочетая в себе черты публичного, т.е. государственного, и частного, т.е.

вотчинного, права, капитулярии содержат разнообразнейшую информацию о хозяйстве, социальном строе, политических институтах, военном деле, церкви, школе и т.п.

Церковное законодательство представлено постановлениями поместных соборов, проводившихся с IV в. В VIII в. во франкском государстве епископы начинают издавать распоряжения; адресованные священникам и призванные регулировать жизнь приходов; их иногда называют епископскими капитуляриями. К ним примыкают так называемые покаянные книги (*пенитенциалии*) — одобренные церковными властями перечни вопросов, которые священник должен был задавать прихожанам на исповеди, в сочетании с перечнями наказаний, предусмотренных за те или иные прегрешения. Ранее всего (VII—VIII вв.) покаянные книги появились в Ирландии и в Испании. Внутренняя жизнь монастырей определялась монастырскими уставами; наиболее известны уставы св. Бенедикта (VI в.) и св. Колумбана (VII в.).

По сравнению с законодательными источниками, доступными исследователю истории практически всех стран Европы той эпохи, документальные источники распределяются по регионам очень неравномерно, что объясняется как неодинаковой изначальной распространенностью документации в разных странах, так и неодинаковой ее сохранностью. В Северной и Центральной Европе к письменному оформлению сделок и распоряжений стали прибегать (притом изредка и в основном по инициативе государства и церкви) только на исходе раннего Средневековья; до этого деловые соглашения заключались при помощи торжественных ритуализированных процедур на народных собраниях в присутствии значительного числа свидетелей. На территории бывшей Римской империи составление документов (называемых чаще всего *грамматами*, а также *хартиями*, *актами*) оставалось достаточно привычным делом. Однако внешние факторы, например захват арабами Испании и Сицилии или турецкое завоевание Византии, порой приводили к гибели архивов, ломали сложившееся публичное делопроизводство и, что касается упомянутых стран, почти полностью лишили нас раннесредневековой документации. Недолговечность папируса, на котором в основном писали в то время, также препятствовала сохранению документации. В значительном количестве она уцелела (благодаря особым климатическим условиям) только в Египте; немногочисленными, в несколько десятков единиц, памятниками представлены также Италия и Галлия. От VIII в. до нас дошли сотни документов (теперь уже на пергамене), преимущественно из Италии, прирейнской и придунайской Германии и Северо-Восточной Франции, от IX—X вв. —

также из других районов Франции, из Испании и Англии. В XI в. количество западноевропейских документов измеряется уже многими тысячами. Подавляющее большинство их происходит из церковных архивов и сохранилось не в подлинниках, а в копиях — как правило, включенных, иногда с сокращениями и вставками (интерполяциями), в специальные сборники — так называемые *картулярии* (от латинского *carta* — грамота). Почти все документы этой эпохи написаны на латыни.

Делопроизводственные документы раннего Средневековья закрепляли разнообразные, хотя и не все существовавшие тогда правоотношения. Они фиксировали постановления королевских, реже княжеских судов, личные распоряжения и пожалования монархов (так называемые *дипломы*), акты дарений, купли-продажи, обмена и предоставления в держание земли, оформляли завешания, вступление в зависимость, а также некоторые процедуры церковной жизни: избрание аббатов, освящение церквей и т.д. Лучшее всего сохранились грамоты, удостоверяющие законность смены земельного собственника. Акты о вступлении в зависимость, арендные договоры, довольно быстро терявшие значение, берегли меньше; сделки с движимым имуществом, долговые обязательства, решения по уголовным делам и т.д. сравнительно редко подлежали тогда фиксации на письме как недостаточно важные в глазах современников.

Грамоты составлялись по определенным образцам — *формулам*. В абстрактной форме, без упоминания конкретных имен, дат, географических названий, чисел в них излагалось существо дела: дарение земельного участка, освобождение раба и т.п. Отражая типичные правоотношения, формулы как источник по социально-экономической и социально-политической истории очень ценны; иногда (например, применительно к вестготской Испании) наличие сборника формул отчасти компенсирует утрату настоящих документов. Но в целом благодаря своей конкретности (а порой и отступлениям от образца) грамоты, тем более комплексы грамот, неизмеримо богаче информацией. Это важнейший источник по истории экономики, общественного строя, политических институтов, верований, по хронологии, ономастике, географии, генеалогии.

Наряду с документами делопроизводства в распоряжении историка раннего Средневековья имеются документы инвентарные, представленные главным образом описями церковных поместий. Науче известно несколько их десятков (в основном французских, немецких и итальянских), созданных с VI по XI в. Называют их обычно *полиптиками*, что по-гречески означает «многолистные»,

т.е. попросту книги. В большинстве своем это перечни крестьянских держаний, как правило, с указанием местонахождения и причитающихся с них повинностей, иногда также имен и социального статуса держателей и членов их семей. Эти и некоторые другие данные, содержащиеся в полиптиках, давно сделали их классическим источником по истории раннефеодальной вотчины. В последние годы они активно используются также при изучении демографии, истории поселений и даже народной культуры. Сохранились также описи библиотечных собраний и религиозных реликвий, важные для изучения культуры и верований.

Раннесредневековые нарративные источники весьма разнообразны. До нас дошли, разумеется, далеко не все сочинения, созданные в ту эпоху. Очень немногие из них пользовались даже региональной, тем более общегосударственной известностью; большинство авторов довольствовались изготовлением одного, доступного весьма ограниченному кругу лиц экземпляра, судьба которого зависела от множества случайностей (войн, пожаров и т.д.), а также перипетий политической и религиозной борьбы, в ходе которой расправлялись не только с людьми, но и с книгами. Дороговизна пергамента также мешала сохранности раннесредневековых сочинений, поскольку нередко старый текст соскабливали, чтобы освободить место для нового (так называемые *палимпсесты*). Среди историографических сочинений раннего Средневековья на первое место следует поставить «истории» — крупные произведения, посвященные серии значительных и в основном современных автору политических событий. Примером может служить «История войн Юстиниана» византийского историка Прокопия Кесарийского (VI в.), написанная в традициях классической античной историографии. Несколько иной характер имеют западноевропейские «истории» того времени: «История франков» Григория Турского (VI в.), «Церковная история народа англос» Беды Достопочтенного (VIII в.), «История народа лангобардов» Павла Диакона (VIII в.) и др. Они создавались в рамках позднеантичной христианской традиции, делавшей упор на изложение истории от сотворения мира. Текущие события занимают центральное место и здесь, но они лишь венчают пространные повествования о давних временах, построенные на Библии, сочинениях предшественников и устных преданиях. Из таких повествований возник жанр хроники, представляющий собой соединение оригинального рассказа о современных и хорошо известных автору событиях в одной стране (княжестве, городе) с компилятивным и схематичным очерком «мировой» истории предшествующего периода.

Наряду с историями и хрониками средневековая историография представлена также *биографиями* (например, «Жизнь Карла Великого» Эйнгарда, начало IX в., «Жизнь короля Альфреда» Ассера, начало X в.) и *анналами* — погодными записями наиболее важных событий. Анналы являются достаточно краткими, сухими, внешне беспристрастными перечнями малосвязанных между собой основных вех политической и церковной жизни, пришедшихся на тот или иной год. Большинство анналов называются по монастырям и кафедральным соборам, в которых они создавались. Расцвет западноевропейской анналистики приходится на VIII—X вв.

Важным источником по истории раннего Средневековья являются *агиографические сочинения*: жития реальных и полуреальных людей, причисленных церковью к лику святых, описания их подвижничества, мученичеств, видений и чудес. Создание большинства из них относится к периоду христианизации (в Галлии это IV—VI вв., в Германии — VII—VIII вв. и т.д.), а также на время крупных потрясений внутри самой церкви, например на эпоху иконоборчества в Византии (VIII—IX вв.). События, о которых повествуют агиографы, следуя определенному принятому трафарету, иногда вымышлены, однако они сообщают и о тех людях, которых знали лично, в том числе о крупных политических деятелях (например, о канцлере Людовика Благочестивого аббате Бенедикте Анианском, о «крестителе Скандинавии» гамбургском епископе Ансгарии). Кроме того, даже самые неправдоподобные жития содержат огромное количество побочной и потому достаточно достоверной информации по истории материальной культуры и экономики, социальных и политических конфликтов, права, быта и нравов, верований, а также по исторической географии и генеалогии. Будучи наиболее читаемым, а главное, пропагандируемым с церковной кафедры жанром раннесредневековой литературы, агиография ценна также для изучения духовной культуры простого народа. С этой же точки зрения значительный интерес для медиевиста представляет церковная проповедь. Поясняя сложные места из Библии, внедряя в сознание паствы христианские заповеди, рассказывая о подвигах и благодати праведников, проповедник должен был, дабы сделать свою речь доходчивой и действенной, учитывать кругозор и умонастроение прихожан и поэтому приводил примеры из их жизни, апеллировал к их представлениям о мире, справедливости, добре и зле. При работе с этим источником главная проблема — отделить реальные штрихи от общих мест (*топосов*).

Публицистика в рассматриваемую эпоху еще не выделилась в самостоятельный жанр и была как бы растворена в историографии, а также в *посланиях* (ценных как источник и по другим аспектам истории — от экономики до философии) и особенно в *трактатах*, имевших часто открыто дидактический характер. Таковы, например, трактат «О дворцовом и государственном управлении», написанный реймским архиепископом Гинкмаром для короля Карла Простоватого (конец IX в.), и трактат «Об управлении империей», адресованный византийским императором Константином VII Багрянородным своему сыну Роману (середина X в.). Подобные наставления интересны не только как памятники общественной мысли, они содержат важные сведения о государственном строе, внешней политике, соседних народах, взаимоотношениях внутри господствующего класса и т.д. По-своему прагматичны и многие другие, неполитические трактаты. Так, «Христианская топография» византийского купца Косьмы Индикоплова (VI в.) рассказывает об облике и богатствах заморских стран, о торговых путях, ведущих в эти страны; «Установление для мирян» орлеанского епископа Ионы (начало IX в.) имеет целью привить франкской знати христианские нормы бытового и публичного поведения; анонимный английский трактат начала XI в. «Обязанности различных лиц» служит наставлением вотчинникам в вопросах хозяйствования и в отношениях с вассалами. Интерес представляют и другие типы трактатов, в том числе богословские (наиболее многочисленные), притом для изучения не только религии, но и культуры, права, повседневной жизни. Несколько более академичны общие и специальные энциклопедии того времени, например «Этимологии» Исидора Севильского (начало VII в.), «О Вселенной» майнцкого архиепископа Рабана Мавра (начало IX в.), византийские «Геопоники» (середина X в.), представляющие собой сумму агрономических и агротехнических знаний. Эти сочинения содержат интересный, иногда уникальный материал по самым разным вопросам; ценность его, однако, снижается тем, что их создатели нередко основывались не на современных свидетельствах, а на сообщениях наиболее чтимых древних авторов.

Будучи не всегда оригинальными, произведения раннесредневековых писателей являются именно поэтому важным источником по истории образованности и культуры в целом, так как позволяют понять, что читали изучаемые авторы и их современники, что и в каком виде сохранило общество из классического наследия. Многое в этом плане может дать и анализ (качественный и количественный) рукописной традиции, ведь подавляющее большинство

сочинений античных писателей дошло до нас именно в раннесредневековых списках, как византийских, так и западноевропейских. С этой же точки зрения целесообразно подходить и к художественной литературе этой эпохи, по крайней мере «ученой» латиноязычной литературе, нередко также подражательной. Из нее можно почерпнуть сведения о многих сторонах придворной, военной, социально-политической, а иногда и хозяйственной жизни; кроме того, сама тематика и стиль этой литературы, ориентация на определенную (чаще всего античную или библейскую) систему художественных образов проливают свет на культурное развитие общества.

Принципиально иной облик свойствен народной литературе раннего Средневековья, тесно связанной с фольклором и представленной по преимуществу героическими песнями и сказаниями, создававшимися уже на народных языках. Таковы немецкая «Песнь о Хильдебранте» и английский «Беовульф», дошедшие в списках IX—X вв., немецкая «Песнь о Нибелунгах», французская «Песнь о Роланде», исландские саги, сохранившиеся в записях и обработке XI—XIII вв. Однако в целом это произведения раннего Средневековья, отражающие реалии и мышление этого периода. Эти памятники служат очень ценным, иногда незаменимым (как саги) источником по самым разным вопросам и рисуют нам живую, красочную картину общества.

Источники по истории XI—XV вв. Прогресс производительных сил, рост городов, формирование централизованных государств, наступление нового этапа в истории культуры в период развитого феодализма сказались и на характере источников. Их становится намного больше, появляются новые виды, усложняется структура. Углубление общественного разделения труда, развитие товарно-денежных отношений требовали более детального юридического оформления договоров и сделок, а совершенствование аппарата управления, расширение его функций повлияли на официальное делопроизводство.

Дипломатика различает акты публичные и частные. К числу первых относятся грамоты и дипломы императоров, королей, сеньоров, обладавших суверенными правами, городских коммун, а также глав церковного управления — римских пап, патриархов и епископов. К грамотам нередко привешивались печати, по названию которых иногда именовали и сам документ. В Византии, например, императорские пожалования в виде грамоты с золотой печатью назывались *хрисовулами* («золотопечатным Словом»), а в папской канцелярии, где использовались свинцовые печати, — *буллы*, сами «апостольские послания» стали именовать буллами.

К частным актам относят документы, составленные *нотариями* — лицами, получившими специальное юридическое образование и обладавшими особым статусом, который давался им императорами, королями или папами. Нотарии составляли документы по строго определенным образцам для каждого типа актов. В случае нарушения условий сделки пострадавшая сторона могла представить нотариальный акт в суд как официальный документ для тяжбы. Нотариальными актами оформлялись купля-продажа имущества, долговые обязательства, сдача в аренду, контракты по транспортировке грузов и фрахт судов, заключение коммерческих соглашений и образование торговых обществ, завещания, дарения, отпуск на волю рабов и т.д. Нотариальные акты дошли до нас в основном в виде копий или кратких записей (*минут*) в составе картуляриев, сдаваемых для хранения в городские архивы. Богатейшими собраниями актов располагают, например, архивы Италии. Институт нотариата получил наибольшее распространение в XII—XV вв. в странах Средиземноморья.

С конца XIV в. дорогостоящие для заказчиков нотариальные акты начинают вытесняться частными записями, не имевшими юридической силы. Их распространению содействовали торговые компании с развитой системой внутреннего делопроизводства. Компании и банки, а также отдельные купцы использовали для учета движения капиталов и товаров книги бухгалтерской отчетности (счетные книги). Постепенно, с середины XIV в., эти счетные книги, основанные на наиболее совершенной для того времени бухгалтерской системе, с взаимопроверяемыми статьями дебета и кредита, стали использоваться и в финансовой практике итальянских республик (Флоренции, Генуи, Венеции) и других государств Западной Европы. Для ориентации в сложном мире коммерции создавались руководства по ведению торговли, с информацией о конъюнктуре на всех известных рынках Европы и Леванта. Наиболее известна из них «Практика торговли» флорентийца Франческо Балдуччи Пеголотти (первая половина XIV в.).

Важными источниками по истории хозяйства являются земельные описи и кадастры (переписи населения, уплачивавшего налоги), составляемые с фискальными целями. К ним относятся, например, английская «Книга Страшного суда» (1086) — материалы всеобщей поземельной переписи королевства, произведенной с целью определить возможности налогообложения на территории Англии, налоговые (поочаговые) списки, появившиеся во Франции при Филиппе IV Красивом (1285—1314), Флорентийский кадастр 1427 г. Византийские земельные описи назывались *практиками*. Они составлялись либо в связи с передачей земельному

собственнику определенных владений с правом сбора налогов в свою пользу, либо в связи с очередной кадастровой ревизией. В основном сохранились монастырские практики.

Большим разнообразием отличаются нормативные источники периода развитого феодализма. Подъем городов, складывание городского самоуправления требовали правовой регламентации как внутригородской жизни, так и отношений с феодальными сеньорами. На основе договоров с последними, местных обычаев и рецепции римского права формируется собственно городское право, отраженное в городских хартиях и статутах. Одной из наиболее древних является хартия, пожалованная французским королем Людовиком VI городу Лорису (Орлеане) в первой половине XII в. По ее образцу давались многие другие хартии, оформлявшие ограниченные городские привилегии на землях королевского домена. Статуты итальянских городов, нередко объединяемые в большие, веками составлявшиеся своды, как, например, «Книга прав Генуэзской Республики», предусматривали гораздо более широкие свободы, оформляли независимость городов-коммун от феодалов и автономию от императорской власти, регламентировали все стороны хозяйственной жизни. Помимо городских статутов существовали статуты цехов, торговых корпораций, университетов, уставы монастырей. Первым европейским цеховым статутом была византийская «Книга эпарха» X в. — сборник постановлений, касающихся торгово-ремесленных коллегий Константинополя (см. гл. 5). Цель составления «Книги эпарха» заключалась в детальном правительственном регулировании и контроле деятельности коллегий, лишенных хозяйственной самостоятельности. Иной характер имели цеховые статуты западноевропейских городов XIII—XV вв., оформлявшие создание и функционирование самоуправляемой цеховой общины с присущей ей социальной иерархией мастеров, подмастерьев и учеников. К ним относятся, например, «Книга ремесел города Парижа» XIII в., многочисленные уставы цехов германских городов (Кёльна, Любека, Франкфурта и др.) XIV—XV вв.

В XIII—XV вв. составляются записи феодального обычного права, действовавшего в отдельных областях и провинциях Западной Европы. К ним относятся французские *кутюмы*, немецкие *зерцала*, испанские *фуэрос*. Эти памятники хорошо отражают специфические формы феодальной земельной собственности, структуру господствующего класса, характер эксплуатации крестьян, местные особенности административного управления и судопроизводства. Некоторые кутюмы, особенно южнофранцузские, испытали значительное влияние норм римского права. Наиболее

известны «Кутюмы Бовези» — запись права Северо-Восточной Франции (конец XIII в.), «Саксонское зеркало» (начало XIII в.), с характерным разделением права на ленное (только для лиц феодального сословия) и земское (для неблагородных, но лично свободных). Права низших сословий, в том числе зависимых крестьян, в этом законодательстве не фиксировались. К этой же категории источников относится и право государств крестоносцев на Востоке — «Иерусалимские ассизы», также распадающиеся на «Книги Ассиз Высшего Суда» и «Книги Ассиз Суда горожан», а также «Ассизы Романии», составленные в Морее, на Пелопоннесе, на рубеже XIII и XIV вв. Первоначально «Ассизы Романии» были не официальной, а частной судебной компиляцией. Кодификация их была произведена Венецианской республикой в XV в.

Наряду с записью кутюмов в государствах Европы развивалось и королевское (императорское) законодательство: ордонансы во Франции и Англии, привилегии, патенты и мандаты в Священной Римской империи. Византийское право в это время по-прежнему основывалось на нормах Юстинианова права. Различные юридические компиляции (Прохирон и Василики конца IX в., Пира XI в., «Шестикнижие» фессалоникийского судьи XIV в. Константина Арменопула) лишь систематизировали и комментировали это право, а также несколько модернизировали его. Императорские законы в Византии назывались *новеллами*. В XI—XV вв. они чаще всего издавались в виде жалованных грамот.

Новые виды источников появляются в период становления сословной монархии. Это парламентские акты и статуты в Англии, протоколы заседаний Генеральных и провинциальных штатов во Франции, акты германских имперских собраний, решения кастильских и арагонских кортесов и т.д. Протоколы судебных решений и заседаний непосредственно отражают различные стороны имущественных и социальных отношений, позволяют проверить эффективность и направленность действующего законодательства. В XIII—XV вв. наряду с королевскими и городскими, а также вотчинными судами появляются специализированные судебные магистратуры, рассматривающие определенный род дел. К ним относится, в частности, венецианский апелляционный суд по торговым искам. Акты специальных судебных комиссий (например, инквизиции) содержат важные сведения по политической истории, истории социальной борьбы и народно-еретических движений.

Стремление к систематизации знаний, хозяйственного опыта привело к умножению такого вида источников, как трактаты. Они охватывают почти все сферы науки и общественной практики:

от математики и астрономии до политики, военного дела и земледелия. В ряде теологических трактатов, например в «Сумме теологии» Фомы Аквинского (XIII в.), изложены, помимо прочего, средневековые экономические теории. Трактат английского аббата Неккама «Об утвари и орудиях труда» (конец XII в.) детально рисует картину крестьянского хозяйства.

Среди нарративных источников XI—XV вв. наиболее важны исторические сочинения — анналы, хроники и истории. В XII—XIII вв. анналы, особенно церковные, с их схематизмом и локальностью интересов, все более вытесняются хрониками, авторами которых нередко были светские люди. Хронисты XII—XV вв. обладали несравненно большим кругозором, чем их предшественники — анналисты. С XIII в. они нередко писали свои сочинения не на латыни, а на народных языках. Хроники отличаются большей детальностью описания событий, их авторы не просто регистрировали факты, но и стремились дать им собственную интерпретацию. Для хронистики XII—XIV вв. характерны вера в чудеса, божественное провидение (провиденциализм), отсутствие критики источника.

Большое число хроник связано с историей Крестовых походов. Среди них «Деяния франков и прочих иерусалимцев», написанные простым и не слишком образованным рыцарем, участником Первого крестового похода; «Деяния Бога через франков» (начало XII в.), чьим автором был ученый аббат Гвиберт Ножанский; «Взятие Константинополя» одного из вождей Четвертого крестового похода, маршала Шампани Жоффруа Виллардуэна и описание того же события амьенским рыцарем Робером де Клари. Две последние хроники написаны на французском языке. С XIII в. создаются сводные хроники, относящиеся к истории страны в целом. Это «Большие французские хроники», Сент-Олбанские хроники в Англии (XIII—XV вв.), «Всеобщая испанская хроника», составленная в XIII в. кастильским королем Альфонсом X и продолженная в XIV в. В Италии и Германии хроники в основном освещают историю отдельных областей и городов, хотя постепенно некоторые из них (Салимбене де Адама, Джованни Виллани и др.) проявляют все больший интерес к общеевропейским событиям, к Византии и Леванту. Со второй половины XIII в. появляются и историко-мемуарные произведения, например Жана де Жуанвиля, маршала Шампани (конец XIII — начало XIV в.), и Филиппа де Коммина, советника короля Людовика XI (конец XV в.). С конца XIV в. в Италии зарождается гуманистическая историография, более решительно порывающая с провиденциализмом, стоящая на позициях рационального истолкования событий с элементами

научной критики источника. Она испытала значительное влияние образцов античной историографии.

Эти образцы никогда не были забыты в Византии, где исторические сочинения довольно четко делились на *истории*, написанные классическим языком и охватывающие сравнительно небольшой промежуток времени, и *хроники*. Византийские хроники делятся на всемирные, с сухим, суммарным изложением фактов, начиная от сотворения мира до времени составления хроники, краткие (памятные хронологические записи произвольно отбираемых событий) и местные, появившиеся в период децентрализации Византии, в XIII—XV вв., и освещающие историю отдельных династий или городов. С XIV в. в Византии также появляются историко-мемуарные произведения (императора Иоанна VI Кантакузина, Георгия Сфрандзи и др.).

Значительное влияние на историографию и на другие жанры литературы оказывала риторика. Многие собственно риторические произведения содержат ценную информацию об исторических явлениях и реалиях. Это так называемые *экфрасы* (описания) византийских городов и *энкомии* (похвальные слова) императорам и другим политическим и церковным деятелям.

Наши знания о средневековом мире, о системе дорог и коммуникаций в значительной мере основываются на «Книгах путешествий», итинерариях (описаниях маршрутов путей), навигационных картах-портоланах. Наиболее известна «Книга» венецианского путешественника XIII в. Марко Поло, посетившего страны Леванта, Средней и Юго-Восточной Азии, Китай.

Для изучения международных связей, системы представлений европейцев об окружающем их мире важны описания путешествий и письма католических миссионеров, побывавших в «землях неверных», «Татарии», Персии, на Руси и в Византии (наиболее известны Джованни Плано Карпини, Рубрук, Одорико Порденоне), а также донесения венецианских, французских и иных послов из государств Востока.

Немалую ценность представляет и средневековое эпистолярное наследие, насчитывающее сотни тысяч писем, различных по типу и содержанию: от деловых и дипломатических до литературных, рассчитанных на публикацию и широкое распространение и создаваемых по строго соблюдаемым специальным канонам.

Большая группа источников отражает разные стороны деятельности римско-католической и православной церкви. Это богослужебные книги, акты соборов, папские и патриаршие послания и постановления, богатейшая богословская и полемическая (против иноверцев, еретиков, схизматиков, вероотступников) литература.

Духовные ордена — бенедиктинцы и цистерцианцы, францисканцы и доминиканцы — оставили значительные архивы, ценные для изучения средневекового монашества.

В XI—XV вв. церковная проповедь развивалась и совершенствовалась. В ней все шире находили отклик коллизии духовной и политической борьбы в обществе, борьба с ересями и с церковным инакомыслием, отражались социальные конфликты, выражалась позиция церкви по вопросам вероучения и морали. Правила составления и произнесения проповедей все более усложнялись и формализовались. Их разрабатывала специальная дисциплина — гомилетика (от греч. *гомилія* — речь в собрании), опиравшаяся на многовековую практику риторики.

Весьма многообразны и литературные памятники периода развитого феодализма — от рыцарского романа и поэзии трубадуров и вагантов до народных песен и баллад. Нередко они, как, например, «Песнь о Нибелунгах», включают в себе пласты разных эпох.

Раннее Средневековье

Глава 3

Возникновение феодального строя в Западной Европе

Европейский феодализм зародился в условиях столкновения и взаимодействия античного рабовладельческого общества с доклассовым «варварским» обществом германских, кельтских, славянских и других народов Центральной, Северной и Восточной Европы.

§ 1. Кризис рабовладельческого строя в Римской империи

Эволюция рабства. Античное общество характеризовалось ярко выраженной социально-экономической разнородностью. Рабовладельческие виллы с их централизованным производством, основанные на эксплуатации рабов, сосуществовали с поместьями, механически объединявшими мелкие самостоятельные хозяйства зависимых людей (клиентов, арендаторов разного рода, помещенных на землю рабов), и с небольшими хозяйствами полисных крестьян, в которых рабский труд играл лишь вспомогательную роль или отсутствовал вовсе.

Рабовладельческое хозяйство было рентабельным до тех пор, пока дешевизна и стабильность притока новых рабов позволяли эксплуатировать их нещадно, не заботясь об их физическом износе. Однако со II в. н.э. приток новых рабов с варварской периферии (основного их источника) стал уменьшаться, а цена их расти. Тем самым рабовладельцы были поставлены перед необходимостью наладить естественное воспроизводство рабов в своих поместьях и вообще перейти к долговременному их использованию. И то и другое предполагало определенное снижение интенсивности эксплуатации.

Наиболее состоятельные рабовладельцы попытались компенсировать снижение доходов путем простого расширения хозяйства, т.е. прежде всего — увеличением числа эксплуатируемых рабов. Но возникшие таким образом рабовладельческие латифундии себя не оправдывали, так как при этом резко возрастали расходы

на надзор за рабами и управление вообще. В этих условиях изменение отношения к рабам как к агентам производства оказалось неизбежным. В рабе начинают видеть человека, признают его право на семью, запрещают разлучать ее членов, закон все решительнее отказывает господам в праве самим казнить рабов (теперь это можно было сделать только по решению суда), рабы получают право жаловаться в суд на плохое обращение с ними и добиваться, чтобы их продали другому человеку. Поощряется отпуск рабов на волю, законодательство предусматривает больше случаев и способов их освобождения. Однако главным стимулом для увеличения производительности рабского труда служило предоставление рабу вместе с правом на семью некоторого имущества — *пекулия*, под которым подразумевались не только личные вещи, но и средства производства: рабочий инструмент, скот, мастерская, участок земли. Собственником *пекулия* считался рабовладелец, раб же — всего лишь держателем, но его реальные права были весьма обширными и обеспечивали ему хозяйственную и бытовую самостоятельность: он мог вступать в деловые отношения даже со своим господином, давать ему в долг, совместно с ним заключать сделки с третьими лицами. Господин имел право в любой момент отобрать у раба его имущество, но на практике это случалось нечасто, так как было невыгодно рабовладельцу и к тому же осуждалось моралью.

Наибольшее значение для судеб общественного развития имело наделение земельным *пекулием* сельских рабов, ставшее в период поздней античности обычным явлением, особенно в латифундиях. Стимулируя таким образом заинтересованность раба в труде и экономя на надсмотрщиках, латифундист одновременно перекладывал часть расходов на плечи непосредственного производителя. Со временем такой раб превращался в прикрепленного к земле и продаваемого только вместе с ней самостоятельно хозяйствующего земледельца, уплачивающего господину в виде ренты определенную часть урожая.

Эмфитевсис. В поздней античности значительное распространение получает аренда — теперь уже не только на государственных и муниципальных, но и на частных землях. Аренда претерпевает качественные изменения: из долгосрочной она развивается в вечную, так называемую *эмфитевтическую* аренду, обеспечивающую владельцу широчайшие права, сопоставимые с правом собственности. Эмфитевт был обязан собственнику небольшой фиксированной платой (*канон*), должен был вносить налоги с земли и тщательно ее обрабатывать. В остальном он мог распоряжаться ею по своему усмотрению: передавать по наследству, сдавать в суб-

аренду, закладывать, даже продавать. В последнем случае собственник имел лишь право преимущественной покупки; не воспользовавшись им, он получал только пошлину в размере 2% продажной цены. Съемщиками земли на эмфитевтическом праве чаще всего были крупные землевладельцы, поэтому распространение эмфитевсиса знаменовало начало перестройки господствующего класса в направлении феодализации.

Прекарий. Заметно большую роль стала играть и мелкая аренда, также приобретающая новые черты. Особенно показательна эволюция так называемого *прекария* (букв. — «испрошенного» держания). Прекарист первоначально, по-видимому, вообще не нес каких-либо повинностей в пользу собственника, довольствовавшегося тем, что земля его не пустует и не может быть на этом основании конфискована общиной. Однако собственник был вправе в любой момент согнать прекариста с предоставленного ему участка невзирая на то, как долго тот его обрабатывал; соответственно прекарист считался не владельцем, а лишь держателем. В эпоху домината прекарий все чаще оформляется письменно, становится долгосрочным, нередко пожизненным, и обусловливается определенными в договоре платежами. Это вело к попаданию прекариста в зависимость от земельного собственника, но при этом его права на землю укреплялись, а сам прекарий становился если не юридически, то фактически своеобразной формой условного землевладения, предвосхищавшей отношения зависимого крестьянина и феодала.

Патронат и коммендация. Важную роль в трансформации отношений собственности сыграло развитие еще одного древнего института — *патроната* (иначе *патроциния*), заключавшегося в самоотдаче, разумеется, не всегда добровольной, одних граждан под покровительство других, более обеспеченных и влиятельных. Такой акт назывался *коммендацией*. Патроцинии III—V вв. — это, по сути дела, форма личной зависимости мелких и средних землевладельцев от землевладельцев крупных. Стремясь ценой личной свободы и гражданского полноправия избавиться хотя бы от некоторых государственных и муниципальных повинностей, найти защиту от притеснений со стороны властей и более сильных соседей, вступавший под патронат человек в конце концов утрачивал право собственности на землю, превращаясь в держателя. Логичным следствием установления патроната явилось возникновение в латифундиях режима частной власти, противостоящей государству. Императоры боролись с патронатом, хотя и безуспешно.

Эволюция колоната. Особая роль в рассматриваемом процессе принадлежит *колонату*. Изначально колон — это поселенец, а также земледелец вообще, но уже с I в. н.э. так называли мелких

арендаторов различного статуса — свободных людей, граждан, обрабатывающих чужую землю на договорных началах, чаще всего на условиях уплаты денежного, а со II в. н.э. натурального оброка, как правило, трети урожая. В это время колонат обычно уже не оформляется договором, и колон становится, по сути, наследственным съемщиком, постепенно оказываясь в зависимости от земельного собственника.

В IV—V вв. колоны делились на свободных (*либери*, по-гречески — *элеверы*) и приписных (*адскрипции*, *энапографы*). Первые обладали большим объемом личных и имущественных прав; их приобретения не считались собственностью господина. Вторые рассматривались как «рабы земли» (но не рабы господина!), записывались в ценз поместья, их земля считалась пекулием и принадлежала землевладельцу. И те и другие несли разнообразные повинности в пользу господ. Постепенно различия между этими категориями колонов стираются. Колон эпохи домината утрачивает многие черты свободного человека и гражданина. Он еще уплачивает государственные налоги, но сбор их уже поручается землевладельцам, которые с середины IV в. становятся ответственными за выдачу колонов в суд, посылают их на военную службу, причем вправе заменить поставки рекрутов внесением государству специальной подати, а к середине V в. добиваются полного отстранения колонов от воинской повинности. К этому времени частная власть посессоров над колонами настолько усиливается, что грань, отделяющая их от рабов, становится трудно-различимой: все чаще ставится под сомнение личная свобода колонов, они подвергаются одинаковым с рабами наказаниям, не могут свидетельствовать против своего господина и т.д.

Владельческие права колонов на возделываемые ими участки остаются в силе, но приобретают новое качество. Не позволяя землевладельцам сгонять колонов с земли, отчуждать землю без сидящих на ней колонов, использовать их в качестве домашней челяди, закон в то же время прикрепляет колонов к этой земле. Эдикт Константина I от 332 г. запрещал колонам под угрозой наложения оков переходить из одного имения в другое, обязывая землевладельцев возвращать обосновавшихся у них чужих колонов их прежнему хозяину. Эдиктом Валентиниана I от 371 г. было окончательно санкционировано наследственное прикрепление колонов к тому или иному имению. Несмотря на ущемление гражданского статуса колонов, ограничения их владельческих прав, позднеантичные колоны были более самостоятельны в хозяйственном отношении, чем рабы, их повинности фиксировались законом или обычаем.

Число самостоятельно хозяйствующих, но зависимых и эксплуатируемых производителей увеличивалось и за счет других социальных источников: крестьян, подпавших под власть какого-нибудь магната, плененных варваров, которых теперь все чаще обращают не в рабов, а в колонов, и т.п. Тем самым в эпоху поздней империи ведущим постепенно становится тип хозяйства, связанный с эксплуатацией мелких землевладельцев в крупных поместьях. Организатором производства в этом случае являлся не собственник земли, а непосредственный производитель.

Этот механизм имеет сходство с экономическим механизмом, характерным для феодализма. Но поскольку в эпоху домината продолжали сохраняться многие специфические рабовладельческие методы эксплуатации, поскольку огромная масса самостоятельно хозяйствующих землевладельцев в социально-правовом смысле оставалась рабами, а с другой стороны, заметно усилился налоговый гнет, непосредственный производитель, видимо, редко располагал многим больше, чем урезанным необходимым продуктом. В конечном счете это явилось одной из важнейших причин наблюдавшегося в эту эпоху экономического застоя, одним из главных препятствий, стоявших на пути осуществления тех возможностей, которые были заложены в формирующемся новом хозяйственном механизме.

Натурализация хозяйства. Постепенное превращение рабовладельческой виллы в децентрализованную латифундию имело далеко идущие последствия для всей позднеантичной экономики. Важнейшим из них следует признать растущую натурализацию, ослабление рыночных связей. Посаженные на землю рабы и мелкие арендаторы, оплачивавшие соответствующие расходы из своего кармана, старались свести их к минимуму и по возможности обходиться изделиями, изготовленными самолично или в пределах латифундии. С другой стороны, свертывание латифундистами собственного земледельческого хозяйства (особенно хлебопашенного) нередко сопровождалось развитием поместного ремесла. В крупных позднеантичных имениях появились настоящие ремесленники, в том числе перебравшиеся из городов. Экономические связи господского хозяйства с городом ослабевали. Солидная часть сельскохозяйственной продукции попадала в город, минуя рынок: по государственным каналам, через налоговую систему, а также в рамках оброчных поставок.

Экономический спад III—V вв. Ослабление рыночных связей сопровождалось экономическим спадом. Он выразился в таких явлениях, как сокращение посевных площадей, снижение урожайности, огрубление ремесленной продукции, уменьшение масшта-

бов городского строительства и торговых перевозок. Спад был порожден кризисом рабовладельческого строя в целом. Непосредственной же его причиной явилась перестройка производственных отношений, вызвавшая нарушение устоявшихся хозяйственных связей и ориентиров и совпавшая по времени с рядом неблагоприятных конкретно-исторических обстоятельств. В их числе: похолодание и увлажнение климата, пагубно сказавшееся на севооборотах; демографический кризис (обусловленный не в последнюю очередь принесенными с Востока эпидемиями); усиление политической нестабильности и вторжения варваров; иссякание в Средиземноморье большинства известных тогда месторождений драгоценных металлов и хронический дефицит в торговле с Востоком, способствовавшие монетному голоду и порче монеты.

Вместе с тем экономический спад III—V вв. было бы неправильно расценивать как катастрофу. Земледелие и ремесло оставались все же на высоком уровне, несомненно превосходящем уровень раннего Средневековья. Города хотя и сокращались в размерах, не утратили специфически античной инфраструктуры. Сохранялась и поддерживалась густая сеть хороших мощеных дорог, Средиземное море оставалось относительно безопасным для судоходства до середины V в. Денежное обращение все еще играло важную роль, обслуживая довольно бойкую местную и региональную торговлю. Материальные возможности античной цивилизации были еще далеко не исчерпаны, о чем свидетельствует, между прочим, монументальное строительство, продолжавшееся в V в. в Риме, Равенне, Арле, Гиппоне, не говоря уже о городах восточной половины империи.

В экономическом спаде поздней античности проглядывают и черты обновления. Интенсивное хозяйствование предшествовавшей эпохи, еще не подкрепленное соответствующими техническими и естественно-научными достижениями, было возможно лишь благодаря хищнической эксплуатации двух источников всякого богатства: природы и человеческого труда, эксплуатации, предполагавшей неограниченность этих ресурсов. Экономический подъем рубежа старой и новой эры был оплачен истощением плодородия и износом работника, как физическим, так и моральным. Поэтому переход к экстенсивным формам хозяйствования в известной мере содействовал улучшению экологической и социальной ситуации. Особого внимания заслуживает процесс становления работника нового типа: из простого исполнителя, безразличного к результату своего труда, социально одинокого, забитого и озлобленного, убогого в своих желаниях и наклонностях, он постепенно превращался в рачительного хозяина, гордого сопри-

частью коллективу соседей и важностью своего труда для общества. Социально-экономические возможности, заложенные в развитии работника новой формации, проявились не сразу, но в конечном счете именно они обусловили более высокий уровень средневековой цивилизации по сравнению с античной.

Общественный и государственный строй Римской империи в конце III — V в. В эпоху домината государственный строй Римской империи претерпел радикальные изменения. Они были вызваны как рассмотренными выше экономическими процессами, так и существенными социальными сдвигами. Во II — начале III в. н.э. возникает новое сословное деление: на *honestiores* («достойные», «почтенные») и *humiliores* («смирненные», «ничтожные»). В период домината сословная структура еще более усложняется, среди «достойных» выделяется элита — *clarissimi* («светлейшие»), в свою очередь с IV в. подразделявшиеся на три разряда. Что же касается «смирненных», то в эту группу наряду со свободнорожденными плебеями все чаще включают колонов, отпущенников, в дальнейшем и рабов. Так складывается принципиально новая структура общества, в рамках которой постепенно преодолевается деление на свободных и рабов, а древние полисные градации уступают место иным, отражающим усиливающуюся иерархичность общественной организации.

В этой ситуации древние римские магистратуры окончательно утрачивают значение: одни (квесторы, эдилы) исчезают вовсе, другие (консулы, преторы) превращаются в почетные должности, замещаемые по воле государя его приближенными, в том числе варварами, или собственными, подчас малолетними, детьми. Сенат, разросшийся к 369 г. (когда представители восточных провинций стали собираться в Константинополе) до 2 тыс. человек, вырождаясь в собрание тщеславных магнатов, то раболепствующих перед императором, то фрондирующих, озабоченных в основном защитой своих сословных привилегий и внешних атрибутов власти. С конца III в. многие императоры, выбранные армией или назначенные предшественником, не обращаются в сенат даже за формальным утверждением. Поскольку резиденция императора все чаще находится вне Рима (в Константинополе, Милане, Равенне, Трире и т.д.), он все реже удостоивает сенаторов своим посещением, предоставляя последним автоматически регистрировать направляемые им эдикты. В периоды политической нестабильности, например в середине V в., значение сената возрастало, случалось, он открыто вмешивался в борьбу за власть, оспаривая ее у армии. При «сильных» императорах его роль низводилась до роли городского совета Рима, каковым он был на протяжении всего раннего Средневековья.

Реальная власть сосредоточивается в совете императора, получившем название священной консистории. Отныне император уже не *принцепс* — первый среди равных, лучший из граждан, высший магистрат, чья деятельность хотя бы в теории регулируется законом, а *доминус* — господин, владыка, воля которого сама является высшим законом. Особа его объявляется священной, публичная и даже частная жизнь обставляется сложным помпезным церемониалом, заимствованным во многом у персидских царей. Из «республики» империя превратилась в деспотию, а граждане — в подданных. Управление государством во все большей мере осуществляется при помощи огромного, иерархически организованного и разветвленного бюрократического аппарата, включающего помимо центральных ведомств многочисленную провинциальную администрацию и целую армию инспектирующих и контролирующих столичных чиновников.

В конце III в. было ликвидировано старое административное устройство империи с его традиционным делением на императорские и сенаторские провинции, личные владения императора (таковым считался Египет), союзные общины и колонии разного статуса. Задуманная Диоклетианом *тетрархия*, т.е. совместное управление государством двумя «августами» и двумя их младшими соправителями и преемниками — «цезарями», себя не оправдала, но в административном отношении четырехчастное деление империи было сохранено. Отныне Восток и Запад имели, как правило, а с 395 г. всегда раздельное управление. При этом каждая из двух империй делилась на две *префектуры*, те в свою очередь — на *диоцезы* (общим количеством 12), а последние — на более или менее равновеликие *провинции*, число которых резко возросло и достигло при Диоклетиане 101 (в дальнейшем 117), причем в нарушение многовековой традиции одной из провинций был объявлен Рим. Наместники провинций, называемые теперь *ректорами*, раньше регулярно объезжавшие вверенные им территории и опиравшиеся в принятии решений на магистратов автономных общин, теперь прочно обосновываются вместе с многочисленными чиновниками в постоянных резиденциях. Главными их обязанностями становятся сбор налогов и высшая юрисдикция; военные функции постепенно переходят к специально назначенным военачальникам, подчиненным только вышестоящим военным инстанциям.

Шедшее вразрез с древней римской практикой разграничение гражданской и военной власти на местах было вызвано стремлением центрального правительства ограничить могущество провинциальной администрации и воспрепятствовать возможным

проявлениям сепаратизма. В то же время оно явилось следствием коренной перестройки римской армии, все реже комплектовавшейся из полноправных римских граждан. Причина этого кроется не только в сокращении общей численности земельных собственников. С предоставлением в 212 г. римского гражданства большинству свободного населения империи исчез один из главных стимулов, побуждавших перегринов идти на военную службу. В условиях социально-политической нестабильности и прогрессирующего обесценивания денег нужного эффекта не давали и такие меры, как повышение солдатского жалования и освобождение ветеранского землевладения от муниципальных налогов. Попытка превращения легионеров в особое сословие и прикрепления их вместе с потомством к предоставленным им наделам имела результатом лишь дальнейшее падение престижа и боеспособности армии. Более успешными — на первых порах — оказались рекрутчина, при которой магнатам вменялось в обязанность выставлять определенное число новобранцев из своих колонов, и особенно наем варваров (отдельных лиц и целых формирований), а также поручение охраны границ варварским племенам, поселяемым там на правах федератов. В дальнейшем, однако, именно эта практика явилась одной из главных непосредственных причин крушения империи.

Финансовые реформы эпохи. В эпоху домината коренным образом трансформируется и система налогообложения. До конца III в. римские граждане были освобождены от уплаты регулярных прямых налогов; допускались лишь экстраординарные налоги, связанные по большей части с военной угрозой, которые к тому же формально считались не податью, а займом государству. Прямые налоги платило лишь население провинций. Доходы казны складывались также из средств от эксплуатации государственной собственности и косвенных налогов, которыми облагались, например, заграничная и морская торговля, продажа с аукциона, крупные наследства, оставляемые не близким родственникам, отпуск на волю рабов.

Расхищение фонда государственных земель, происходившее непрерывно в результате законных пожалований и незаконных захватов, в общем и целом компенсировалось регулярной их конфискацией у политических противников; покупками, при совершении которых казна имела преимущество перед частными лицами; завещанием доли состояния императору, считавшимся делом приличия; приобретением выморочных имуществ, весьма многочисленных в условиях демографического спада. Угроза финансового краха исходила из другого источника, а именно из неуклонно расширявшейся практики предоставления римского гражданства

все большему числу провинциалов и провинциальных общин. Эта практика нашла логическое завершение в эдикте Каракаллы от 212 г., весьма отрицательно сказавшемся на налоговых поступлениях. Ситуация усугублялась систематической порчей монеты (снижением содержания в ней серебра), что привело к дезорганизации экономики и также способствовало оскудению казны. Преодоление кризиса, охватившего в III в. римское общество, предполагало поэтому и упорядочение государственных финансов.

Энергичные меры по выпуску полноценной монеты были предприняты в первые же годы правления Диоклетиана (284—305), попытавшегося также — впервые в истории — регламентировать цены на основные продукты и услуги, но стабилизировать денежное обращение удалось лишь при Константине I (306—337). Была уточнена стоимость золота в слитках и введен монометаллический золотой стандарт; из серебра наряду с медью теперь чеканили только мелкую разменную монету. На этой основе был налажен выпуск новой высокопробной золотой монеты — солида — весом в $1/72$ римского фунта, реальная стоимость которой в целом соответствовала номиналу. Эти меры подготовили базу для проведения налоговой реформы, начатой при Диоклетиане и завершенной при Константине.

Отныне все собственники (исключая все же жителей Средней и Южной Италии) должны были уплачивать прямые налоги. В сельской местности размер налога определялся соотношением количества земли, принадлежащей тому или иному человеку (с учетом ее качества, расположения и характера использования), и количества занятых на ней работников. Для оценки земельной собственности и рабочей силы вводились условные расчетные единицы — *jugum* («ярмо», т.е. упряжка волов) и *caput* («голова»), по которым вся система получила название *jugatio-capitatio*. Со «смирненных» налог взимался в натуре, он именовался термином, обозначавшим годовой урожай, — *анноной*. «Достойные» вносили его в звонкой монете. В городах оценка имущества производилась с учетом доходности мастерской, лавки и т.д. Низшие слои общества (и горожане, и селяне) были, кроме того, обязаны государству многочисленными — до 40 наименований — отработочными повинностями: по ремонту дорог и мостов, обеспечению транспортом и т.п. В целом по сравнению с эпохой принципата налоговый пресс заметно усилился, затронув и городские общины. Со времени Валентиниана I (364—375) города оставались лишь треть доходов с принадлежащих им общественных земель.

Города, в меньшей мере племенные общины, сами уже не справлялись с поддержанием хозяйственной деятельности, охраной

правопорядка и т.д. Императоры все чаще прибегали к административным мерам, постепенно переходя от ограниченного контроля к жесткой регламентации. Этой цели, помимо превращения органов муниципального самоуправления в придаток общеимперского государственного аппарата, служил и ряд конкретных мер, направленных на сохранение разлагавшейся общественной системы.

Сталкиваясь с непрекращающимся бегством граждан из городской общины, Диоклетиан, а затем Константин I законодательно запретили выход из нее представителям всех сословий. Принадлежность к некоторым профессиональным коллегиям стала наследственной уже в 317 г., к концу IV в. ремесленникам было отказано в праве служить в армии, принимать сан священника, занимать муниципальные должности. Эдиктами 316 и 325 гг. к своему сословию и к своей курии (городскому сенату) были прикреплены и *декурионы*, называемые теперь чаще *куриалами*. На них была возложена тягостная обязанность по сбору налогов, причем куриалы должны были возмещать недоимки из своих средств. Результатом явилось разорение этого сословия, бывшего главной социальной опорой ранней империи.

Государственные реформы эпохи домината продлили Римскому государству жизнь примерно на полтора столетия, отсрочив его гибель, казавшуюся в середине III в. близкой и неотвратимой. Некоторые из этих реформ, например монетная, были весьма успешными: солид Константина I служил расчетной единицей на протяжении всего раннего, а в Византии и классического Средневековья. Удачными в целом следует признать также нововведения в области провинциального управления и кодификации римского права. Однако многие мероприятия императоров, в частности в военных и финансовых вопросах, дав временный эффект, возымели в конечном счете самые плачевные последствия. Государственность периода домината была по природе своей чужда как уходящему в прошлое античному обществу, так и нарождавшемуся феодальному. Прообраз феодальной государственности можно усмотреть, скорее, в тех социально-политических явлениях, с которыми императоры эпохи домината энергично, но не очень последовательно и в общем безуспешно боролись, прежде всего в режиме частной власти, складывавшемся в латифундиях.

Кризис идеологии. Главнейшим проявлением кризиса в идеологии позднеантичного общества был постепенный отход от представления о гармонии интересов отдельного человека и гражданской общины в целом. Для всех категорий населения понемногу утрачивают значение социально значимые цели и ориентиры. К III в. стала совершенно очевидной иллюзорность регулярно

провозглашаемого императорами (начиная с Августа) наступления «золотого века», якобы гарантируемого мощью и слаженностью Римского государства. Неустанно повторяя фальшивый тезис о совершенстве существующего строя, нацеливая граждан на благоговейное оберегание раз и навсегда установленного порядка, официальная пропаганда содействовала лишь усилению социальной апатии и недоверия к любому публичному слову и действию. Растущее число римских граждан, от плебеев до сенаторов, самоустраняется от общественных дел, стремится жить незаметно, не обнаруживая лишней раз своего богатства, искусства, личного превосходства вообще. Человек все больше сосредоточивается на своих внутренних переживаниях, приобретающих постепенно большую важность, чем перипетии внешнего мира. Поскольку, сообразно общей тональности античной культуры, отчуждение от общества воспринималось и осмысливалось в превращенном виде как отчуждение от гармонии космоса, интеллектуальная и эмоциональная энергия индивида направляется на восстановление нарушенной связи человека и миропорядка, все чаще воплощенного для него в божестве.

Одновременно пересматриваются и другие идеологические представления классической эпохи. Теряет прежнюю четкость деление людей на свободных и рабов, в рабе начинают видеть личность, философы все настойчивее проводят мысль о том, что свобода и рабство — это состояния не столько юридические, сколько моральные: сенатор может быть рабом порочных страстей, тогда как добродетельный раб внутренне свободен. Меняется и отношение к труду: в среде «почтенных» на него по-прежнему смотрят с презрением, но для «смирненных», чьи взгляды все меньше определяются стереотипами разлагающейся, но пока что поддерживаемой государством полисной идеологии, труд становится благом, залогом здоровой и честной жизни. Складывается новая система ценностей, во многом уже чуждая рабовладельческому обществу.

С наибольшей силой и ясностью перестройка общественного сознания проявилась в сфере религии. Это выразилось, в частности, в попытках создать, все еще в рамках полисной религии, единый для всей империи культ верховного и всемогущего, как правило, солнечного божества. В том же направлении эволюционировали и религиозные настроения народных масс, все чаще искавших в культе не помощи в конкретном деле, находящемся в «ведении» того или иного божества, а одновременного утешения во всех мыслимых горестях и обретения душевного равновесия через индивидуальное приобщение к божественной силе, мудрости и благодати. В древних земледельческих и солнечных культах упор

теперь делается преимущественно на единое животворное начало всего сущего, приобретают популярность дуалистические учения (например, митраизм) с их представлениями о равновеликости и бескомпромиссной борьбе добра и зла. Однако яснее и последовательнее всего на духовные запросы своего времени ответило христианство.

Христианизация империи. Христианство представляло собой уже не полисную, а мировую религию, преодолевающую жесткие этнические и социально-правовые барьеры, присущие умирающему античному обществу. «Для Бога нет эллинов и иудеев, ни свободного, ни раба», — говорится в одном из посланий апостола Павла. Бог христиан воплощает в себе мировой порядок, его величие столь беспредельно, что в сравнении с ним любые социальные градации и общности оказываются несущественными, поэтому ему предстает абстрактный человек, оцениваемый по его личным качествам, а не по принадлежности к той или иной общественной группе. Связь человека с Богом мыслится в христианстве как основополагающая, опосредующая его связи с другими людьми. Соответственно истинная благодать достигается не суетными мирскими усилиями (к каковому относилась и всякая гражданская деятельность), а через близость к Богу, понимаемую одновременно как прижизненная причастность его величию («царство Божие внутри вас»), и как посмертное воздаяние за праведную жизнь. Отсюда следует, что человеку надлежит заботиться не о внешних обстоятельствах своего существования, но о духовном и уповать во всем на Бога. Так в превращенной форме христианство отразило социальную действительность поздней античности: далеко зашедшее стирание этнических, политических, отчасти правовых и идеологических различий; прогрессирующее исчезновение привычных общественных гарантий существования, делавшее человека беззащитным перед лицом все более авторитарной политической власти, природных и экономических катаклизмов; отсутствие общего для всех обездоленных реального выхода из тупика, в который общество завело рабство; растущую разобщенность людей, их социально-психологическое одиночество и индивидуализм как проявление кризиса общественного строя на личностном уровне.

Распространению христианства немало способствовало и то обстоятельство, что оно предлагало своим сторонникам не только целостное мировоззрение (более стройное и содержательное, чем в соперничавших религиях), но и сплоченную церковную организацию. Принадлежность к ней временами была небезопасна, но зато обеспечивала прихожанам многообразную моральную

и материальную помощь, объединяла их в коллектив. Своим влиянием, а затем и богатством христианская община объективно, часто и субъективно противостояла государству и его идеологии. Периодические гонения, обрушивавшиеся на христиан (особенно жестокие в середине III и в первые годы IV в., при Диоклетиане) возымели противоположный результат, способствовал сплочению христианских общин и привлечению в них новых приверженцев, плененных душевной стойкостью мучеников за веру и солидарностью их единомышленников. Убедившись в тщетности попыток сломить христианскую церковь, преемники Диоклетиана прекратили преследования и постарались поставить ее на службу государству, делая при этом акцент на те стороны христианского учения, которые могли быть использованы для пресечения социальных конфликтов: идеи смирения, непротивления злу насилием, признания греховности всего человеческого рода, тезис «нет власти не от Бога».

В 313 г. императоры Лициний и Константин, сами оставаясь еще язычниками, издали знаменитый Медиоланский (Миланский) эдикт, предоставлявший христианам свободу вероисповедания. Их перестали принуждать к совершению языческого обряда поклонения гению императора, а христианская церковь получила даже некоторые привилегии, в частности статус юридического лица, позволявший ей наследовать имущество. Церковь не замедлила откликнуться на этот шаг. Уже в 314 г. епископы Галлии призвали своих единоверцев не уклоняться впредь от воинской службы, вообще не чураться гражданской деятельности. В 323 г. христианин стал консулом, и очень скоро церковная организация оказалась подключенной к системе государственного управления. Со своей стороны императоры оказывали церкви растущую поддержку. В 325 г. в малоазийском городе Никее под эгидой императора Константина с целью уладить спорные богословские вопросы, упорядочить богослужение и церковную догматику вообще был созван I Вселенский собор, т.е. собрание всего высшего христианского духовенства. На соборе был выработан так называемый *Символ веры* — краткое официальное изложение сути христианского учения, произведен отбор и канонизация текстов священных для христиан книг, сформулированы обязательные для них правила поведения; несогласные (а таких было немало) объявлялись еретиками, иначе говоря, отколовшимися от церкви. Сам Константин принял крещение лишь на смертном одре в 337 г., но его преемники были уже христианами, а в 381 г. христианство было провозглашено государственной религией, и начались преследования уже язычников. Столетие спустя в язычестве продолжали

упорствовать главным образом жители глухих сельских районов и отдельные группы городской интеллигенции, основная же масса населения империи была обращена в христианство. Однако обращение это носило нередко формальный характер. В своих представлениях и повседневной жизни многие из принявших крещение еще долго оставались язычниками и даже совершали языческие обряды. Подлинная христианизация культуры и повседневной жизни произошла в Западной Европе уже в эпоху Средневековья.

Формы социального протеста народных масс. Кризис античного общества проявился также в обострении социальных конфликтов. Усилившийся налоговый гнет, произвол чиновников, притеснения со стороны магнатов, бесчинства германских наемников, вторжения варваров — все это усугубляло прежние социальные противоречия, увеличивало число недовольных. В народных движениях III—V вв. активно участвуют не только рабы и колонны, но и мелкие земельные собственники, городской плебс, иногда и средние слои общества — куриалы. Эти движения переплетаются с внутриполитической борьбой и вторжениями иноземцев, сепаратистскими выступлениями провинциальной знати и межконфессиональными конфликтами.

Наряду со старыми формами сопротивления — бегством рабов от своих господ и налогоплательщиков от государственных чиновников — в этот период наблюдаются и более активные формы, в том числе и восстания, направленные против как латифундистов, так и государства в целом. Самое крупное из этих восстаний связано с движением *багаудов* (от кельтского «бага» — борьба), охватившим северо-западную Галлию, особенно Арморику, позднее также северо-восточную Испанию. Выступления *багаудов* продолжались с перерывами с III по V в. и были особенно интенсивными в 30—50-е годы V в. Это были мелкие землевладельцы, в основном кельтского происхождения, а также рабы и мелкие арендаторы, пытавшиеся отложиться от Рима, установить свои порядки и жить никому не подвластными самоуправляющимися общинами.

Активизируется и социальный протест городского плебса, требовавшего теперь не только хлеба и зрелищ, но и защиты от злоупотреблений местных магнатов, все чаще контролирующих городскую администрацию. Защиты добивались и куриалы. Это побудило Валентиниана I учредить в 365 г. должность *дефенсора* (защитника) города, призванного оберегать простой народ от притеснений, разбирать жалобы и наблюдать за отправлением правосудия. Первоначально *дефенсоры* назначались из Рима, затем их стали выбирать сами горожане, обычно отдававшие

предпочтение кому-то из именитых сограждан, например епископу. Очень скоро поэтому пост дефенсора оказался в руках городской верхушки и к середине V в. лишился прежнего значения.

Достаточно часто народные движения облекались в одежды религиозного протеста или сочетались с ним. В языческий период истории Римской империи сопротивление рабовладельческому обществу и государству чаще всего проявлялось в исповедании христианского вероучения. С превращением христианства в государственную религию эту функцию стали выполнять различные ереси, иногда также язычество. Ереси IV—V вв. по преимуществу питали не народные истолкования Евангелия, а богословская мысль, тонкости которой простому люду обычно были недоступны. Тем не менее многие массовые движения того времени происходили под знаменем того или иного еретического учения: арианства, несторианства, монофиситства на Востоке (см. гл. 5), донатизма и пелагианства на Западе.

Пелагианство, названное по имени священника Пелагия (начало V в.), отвергавшее догмат христианской церкви о греховности человеческого рода, делало из этого далеко идущий вывод о правомерности рабства и других форм социального угнетения. Получив значительное распространение, особенно в Галлии и Британии, пелагианство послужило одним из важных источников еретической мысли Средневековья, но не породило массового народного движения. Иначе было в Северной Африке, где действовали *донатисты* — последователи жившего в начале IV в. епископа Доната. Они ратовали за очищение церкви от мирской скверны, настаивали на вторичном крещении грешников, выступали против вмешательства государства в церковные дела. Донатистов поддерживали различные слои населения Северной Африки, от сепаратистски настроенной части знати до городских низов, мелких арендаторов и рабов, видевших в донатистском учении отрицание ненавистных им порядков как безбожных. К середине IV в. в рамках донатизма оформилось течение *агонистиков* («борющихся»), иначе *циркумцеллионов* («блуждающих вокруг хижин»). Они отвергали существующий мир как несправедливый и стремились либо добровольно уйти из него через аскетизм или самоубийство, либо преодолеть его несправедливость силой: изгнанием католических священников и сборщиков налогов, освобождением рабов, уничтожением долговых расписок. Подобные действия вызывали осуждение со стороны даже донатистского духовенства и карательные меры со стороны государства, нередко воспринимавшиеся агонистиками как возможность уйти в мир иной.

Народные движения эпохи домината способствовали расшатыванию основ рабовладельческого общества, но уничтожить его не могли. Эксплуатируемые массы империи представляли собой конгломерат многих социальных групп, разделенных сословными перегородками и несовпадающими интересами. Мелкие земельные собственники, арендаторы и даже колонны нередко сами являлись рабовладельцами. Городской плебс, существовавший в значительной мере за счет государства, оказывался соучастником эксплуатации налогоплательщиков. Общего пути к освобождению и лучшей жизни для них не существовало. Не могли их автоматически дать и вторжения варваров, которые сами были совсем не прочь захватить рабов, обложить данью землевладельцев. Отношение обездоленных слоев римского общества к варварам было неоднозначным: иногда они приветствовали их, помогая овладеть городом (как случилось в 410 г. в Риме), в других случаях вместе с регулярными войсками оказывали им сопротивление. В реальной истории (вопреки утверждениям ранней советской историографии) союз низших слоев империи с варварами не имел места.

Крушение рабовладельческого способа производства произошло в результате длительного процесса, растянувшегося на несколько столетий.

§ 2. Разложение первобытно-общинного строя у германских племен

Северные соседи Римской империи — варварские, по оценке греков и римлян, племена германцев, кельтов, славян, фракийцев, сарматов — в первые столетия новой эры жили еще первобытно-общинным строем. Уровень развития этих племен был весьма различен, но к моменту массовых вторжений варваров на территорию империи в IV—VI вв. все они в той или иной мере и форме обнаружили признаки складывания классов и государства, причем постепенно все более очевидной становилась феодальная направленность происходящих изменений. У германцев эта тенденция прослеживается с особой ясностью.

Хозяйственный строй. Хозяйственный строй древних германцев остается предметом острых историографических дискуссий, что обусловлено прежде всего состоянием источников. Согласно преобладающей сегодня точке зрения, учитывающей наряду с письменными источниками достижения археологии, ономастики и исторической лингвистики, германцы уже в I в. вели оседлый образ жизни, хотя эпизодические перемещения отдельных коллективов и целых племен на значительные расстояния еще имели

место. Миграции вызывались по большей части внешнеполитическими осложнениями, а также нарушениями экологического равновесия в результате колебаний климата и демографического роста, но отнюдь не диктовались природой хозяйственного строя. Наиболее развитыми были племена, жившие на границах империи, по Рейну и Дунаю; по мере удаления от римских рубежей уровень цивилизованности падал.

Главной отраслью хозяйства у германцев было скотоводство, игравшее особо важную роль в Скандинавии, Ютландии и Северной (Нижней) Германии, где много прекрасных лугов, земли же, пригодной для земледелия, сравнительно мало. Разводили в основном крупный рогатый скот, а также овец и свиней. Земледелие было на втором плане, но по важности уже мало уступало скотоводству, особенно к IV в. Местами еще сохранялись подсечно-огневое земледелие и перелог, однако преобладала эксплуатация давно расчищенных и притом постоянно используемых участков. Обработывались они ралом (сохой) либо плугом, приводимыми в движение упряжкой быков или волов. В отличие от рала плуг не просто бороздит взрыхляемую лемехом землю, но подрезает глыбу земли по диагонали и с помощью специального устройства — отвала — отбрасывает ее в какую-то одну от борозды сторону, обеспечивая более глубокую пахоту. Позволяя существенно интенсифицировать земледелие, плуг явился поистине революционным изобретением. Однако его применение или неприменение в конкретной местности было обусловлено не столько стадией развития, сколько особенностями почв: плуг незаменим на тяжелых глинистых почвах, отвоеванных у леса; на распаханых лугах с их легкими податливыми почвами он необязателен; в горной местности, где плодородный слой неглубок, использование плуга чревато эрозией.

Правильные севообороты еще только складывались, тем не менее к концу рассматриваемого периода начало распространяться двуполье с обретающим понемногу регулярность чередованием яровых и озимых, реже — зерновых с бобовыми и льном. В Скандинавии сеяли в основном морозоустойчивый неприхотливый овес и быстро созревающий яровой ячмень, на самом юге, в Сконе, также яровые сорта ржи и пшеницы. Зерна здесь хронически не хватало, основой пищевого рациона служили мясомолочные продукты и рыба. В Ютландии и в собственно Германии пшеница занимала значительные и все расширявшиеся площади, но преобладали все-таки рожь и ячмень, из которого помимо хлеба и каши изготовляли также пиво — главный хмельной напиток германцев. Они возделывали также некоторые огородные культуры,

в частности корнеплоды, капусту и салат, принесенный впоследствии на территорию империи, но садоводства и виноградарства не знали, удовлетворяя потребность в сладком за счет меда. Охота уже не имела большого хозяйственного значения, рыболовство же играло важную роль, прежде всего у приморских племен.

Вопреки сообщению Тацита, германцы не испытывали недостатка в железе, которое производилось в основном на месте. Велась также добыча золота, серебра, меди, свинца. Достаточно развиты были ткачество, обработка дерева (в том числе для нужд кораблестроения), выделка кож, ювелирное дело. Напротив, каменное строительство почти не практиковалось, керамика была невысокого качества: гончарный круг получил распространение лишь к эпохе Великого переселения народов — массовому миграционному процессу, продолжавшемуся с IV по VII в. Определенное место в хозяйственной жизни германцев занимал товарообмен. Предметом внутрирегиональной торговли чаще всего служили металлические изделия; римлянам германцы поставляли рабов, скот, кожу, меха, янтарь, сами же покупали у них дорогие ткани, керамику, драгоценности, вино. Преобладал натуральный обмен, лишь в пограничных с империей областях имели хождение римские монеты.

Население всего германского мира едва ли превышало тогда 4 млн человек и в первые столетия нашей эры имело тенденцию к сокращению из-за эпидемий, непрерывных войн и неблагоприятных экологических изменений. Соответственно плотность населения была крайне низка, и поселения, как правило, разделялись большими массивами леса и пустоши. Согласно Тациту, германцы «не выносят, чтобы их жилища соприкасались; селятся они в отдалении друг от друга, где кому приглянулся ручей, или поляна, или роща». Это свидетельство подтверждается раскопками, выявившими во всех германских землях уединенно стоящие усадьбы и небольшие, в несколько домов, хутора. Известны и выросшие из таких хуторов крупные кучевые деревни, все более многочисленные к середине I тысячелетия, однако и в это время типичным остается сравнительно небольшое поселение. Жилища германцев представляли собой высокие удлиненные постройки размером до 200 кв. м, рассчитанные на два-три десятка человек; в ненастье здесь содержали и скот. Вокруг или неподалеку лежали кормившие их поля и выгоны. При близком соседстве нескольких домохозяйств поля или их участки отделялись от соседских не подлежащими распашке межами, куда складывались камни, удаляемые с поля и постепенно скрепляемые наносами земли и проросшей травой. Эти межи были достаточно широки, чтобы пахарь мог

проехать с упряжкой к своему участку. С увеличением населения такие поля иногда делились на несколько сопоставимых по площади долей, но сами границы поля оставались неизменными. Такая система полей была наиболее характерна для открытых низменностей Северной Германии и Ютландии. В Средней и Южной Германии, где хлебопашество велось в основном на землях, очищенных от леса, положение было, вероятно, несколько иным, поскольку лесные почвы требовали более длительного отдыха, который нельзя было заменить, как на богатом скотом Севере, избыточным унавоживанием. Соответственно здесь дольше держался перелог и связанное с ним периодическое перекраивание участков.

Социально-экономическая структура. В первые века нашей эры род все еще играл очень важную роль в жизни германцев. Члены его селились если не вместе, то компактно (что особенно ясно проявлялось в ходе миграций), вместе шли в бой, выступали соприсяжниками в суде, в определенных случаях наследовали друг другу. Но в повседневной хозяйственной практике роду уже не было места. Даже такое трудоемкое дело, как корчевание леса, было по силам большой семье, и именно большая семья, занимавшая описанное выше просторное жилище и состоявшая из трех поколений или взрослых женатых братьев с детьми, иногда и с несколькими невольниками, и являлась главной производственной ячейкой германского общества. Поэтому независимо от того, происходили ли жители поселения от общего предка или нет, соседские связи между ними преобладали над кровнородственными.

При небольшой плотности населения и обилии свободных, хотя обычно не освоенных еще земель споры из-за возделываемых площадей, равно как и общие всем проблемы, связанные с их обработкой, вряд ли часто возникали между домохозяйствами. Господство примитивных систем земледелия, чуждых строгому, обязательному для всех соседей чередованию культур и неукоснительному соблюдению ритма сельскохозяйственных работ (что свойственно развитому двуполью и особенно трехполью), также не способствовало превращению этой общности в слаженный производственный организм, каким была средневековая крестьянская община. Функционирование древнегерманской общины еще сравнительно мало зависело от организации земледелия. Большее значение имело для этой общины регулирование эксплуатации необрабатываемых, но по-своему не менее жизненно важных угодий: лугов, лесов, водоемов. Ведь главной отраслью хозяйства оставалось скотоводство, а для нормальной его организации требовалось согласие всех соседей, чьи интересы в данном

случае уже не защищались автоматически неприкосновенностью полевых межей. Без согласия соседей невозможно было наладить удовлетворяющее всех использование и других ресурсов дикой природы: рубку леса, заготовку сена и т.д. Членов общины объединяло также совместное участие во множестве общих дел: защите от врагов и хищных зверей, отправлении культа, поддержании элементарного правопорядка, соблюдении простейших норм санитарии, строительстве укреплений.

Однако коллективные работы все же не перевешивали труд общинника в своем домохозяйстве. Именно оно было с социально-экономической точки зрения первичным образованием по отношению к общине. В отличие от древневосточной и античной общины германская община существовала именно как объединение самостоятельно ведущих свое хозяйство большесемейных коллективов. Глава семьи имел решающий голос во всех делах, но власть его существенно отличалась от власти римского *pater familias*: германский домовладыка гораздо менее свободно мог распоряжаться «своим» имуществом, которое мыслилось и являлось достоянием семьи, отчасти и всего рода.

Для германца начала нашей эры его земля — это не просто объект владения, но прежде всего малая родина, «отчина и дедина», наследие длинной, восходящей к богам вереницы предков, которое ему в свою очередь надлежало передать детям и их потомкам, иначе жизнь теряла смысл. Это не только источник пропитания, но и неотъемлемая часть и продолжение его «я»: досконально зная все секреты и капризы своей земли (и мало что зная кроме нее), будучи включен в присущие ей природные ритмы, человек составлял с ней единое целое и вне его мыслил себя с трудом. В отличие от скота, рабов, утвари земля не подлежала отчуждению; продать или обменять ее, во всяком случае за пределы рода, было практически так же невозможно, нелепо, святотатственно, как и бросить. Покидая отчий дом в поисках славы и богатства, германец не порывал с ним навсегда, да его личная судьба и не имела особого значения — главное было не дать прерваться роду, тысячами уз связанному с занимаемой им землей. Когда же под давлением обстоятельств с места снималось целое племя, вместе с экономическими и социальными устоями общества начинала деформироваться и сложившаяся в нем система ценностей. В частности, возрастала роль движимого имущества, а земля все яснее обнаруживала свойства вещи, которую можно оценивать и приобретать. Не случайно архаические воззрения германцев на землю если не изживаются, то претерпевают качественные изменения именно в эпоху Великого переселения народов.

Имущественное и социальное неравенство, известное германскому обществу по крайней мере с I в., еще долго выражалось сравнительно слабо. Наиболее типичной фигурой этого общества был свободный, ни от кого не зависящий человек — домовладыка, занятый сельскохозяйственным трудом, и одновременно воин, член народного собрания, хранитель обычаев и культов своего племени. Это еще не крестьянин в средневековом смысле слова, поскольку хозяйственная деятельность пока что не стала для него единственной, заслонившей и заменившей ему всякую другую: при очень низкой производительности труда, позволявшей прокормить общество лишь при условии личного участия почти всех его членов в сельском хозяйстве, общественное разделение труда и разграничение социальных функций (производство, управление, культ и т.д.) еще только намечались. Сочетание производственной и общественной деятельности, в котором наряду с экономической самостоятельностью и воплощалось полноправие древнего германца, было возможно только благодаря его принадлежности к большесемейному коллективу, достаточно мощному и сплоченному, чтобы без особого ущерба для хозяйства переносить периодическое отсутствие домовладыки и его взрослых сыновей. Поэтому социальный статус германца определялся в первую очередь статусом его семьи, зависевшим еще не столько от богатства, сколько от численности, родословной и общей репутации семьи и рода в целом. Комбинация этих ревностно оберегаемых признаков определяла степень знатности человека, т.е. уровень гражданского достоинства, признаваемый за ним обществом.

Большая знатность давала известные привилегии. Если верить Тациту, она обеспечивала наряду с уважением преимущество при дележе земли и доставляла предводительство на войне даже юношам; большая знатность, как правило, сочеталась с большим достатком. О крепнущей взаимосвязи социального превосходства с богатством свидетельствуют и материалы раскопок, показавших, что наиболее солидная богатая усадьба обычно занимала в поселении центральное место, соседствуя с культовым помещением и как бы группируя остальные жилища вокруг себя. Однако во времена Тацита знатность еще не превратилась у германцев в особый социальный статус. Все свободные (во всяком случае, свободнорожденные) члены племени оставались полноправными и в целом равноправными; различия в их среде, по сравнению с их общим отличием от несвободных, были еще относительно несущественными и определялись принадлежностью не к тому или иному социальному разряду, а к конкретному роду.

Несвободные, как и у римлян, формально стояли вне общества, но в остальном рабство играло в жизни германцев принципиально другую роль. Хотя обычаи германцев не запрещали обращать в рабство соплеменников, а беспрестанные войны с соседями обеспечивали стабильный источник пополнения рабов за счет чужаков, рабы образовывали достаточно узкий слой населения. Пленных часто выменивали или продавали римлянам, а иногда и убивали на поле боя или приносили в жертву, рабов же по прошествии некоторого времени нередко отпускали на волю и даже усыновляли. По-видимому, рабы имелись далеко не во всяком домохозяйстве, и даже в самых крупных и зажиточных они вряд ли были столь многочисленными, чтобы господская семья могла переложить на них главные хозяйственные заботы. Рабство оставалось патриархальным, и в том, что касается повседневной производственной деятельности и условий существования, образ жизни рабов мало отличался от образа жизни свободных. Часть рабов трудилась рука об руку с хозяином и делила с ним кров и пищу, однако внимание Тацита больше привлекло то обстоятельство, что германцы «пользуются рабами иначе, чем мы, распределяющие обязанности между челядью, — каждый из них распоряжается в своем доме, в своем хозяйстве. Господин только облагает его, словно колона, известным количеством зерна, скота или ткани, и лишь в этом выражаются его повинности как раба». Можно гадать, действительно ли то были рабы или какой-то другой, чуждый социальному опыту римлянина разряд населения, однако показателен сам факт существования слоя эксплуатируемых частным лицом, но самостоятельно хозяйствующих производителей. Отношения этого типа никак не определяли социально-экономический облик германского общества конца I в., еще не знавшего систематической эксплуатации человека человеком. Тем не менее налицо симптомы разложения древнего общественного строя и формирования качественно нового хозяйственного механизма.

В последующие три-четыре столетия германское общество делает заметный шаг вперед. Археологический материал недвусмысленно говорит о дальнейшем имущественном и социальном расслоении: погребения все больше различаются по инвентарю, наиболее богатые из них сопровождают символические атрибуты власти; в скученных поселениях крупнейшая усадьба понемногу становится не только административным, но и экономическим центром: в частности, в ней концентрируются ремесло и торговля. Углубление социальной дифференциации зафиксировано и позднеантичными авторами. Так, в изображении Аммиана Марцеллина (конец IV в.) алеманская знать уже вполне определенно

противостоит простонародью и держится обособленно даже в бою. Ретроспективные данные варварских правд также позволяют сделать вывод, что к эпохе Великого переселения свободные уже не составляли единой массы ни в имущественном, ни в социально-правовом отношении. Преобладающим было трехчастное деление соплеменников на знатных, свободных в узком смысле слова и полусвободных, в германских наречиях именуемых обычно *литами* (потомками вольноотпущенников или покоренных племен). С большей или меньшей четкостью эти категории уже различались объемом прав. Так, по обычаям саксов, жизнь знатных защищалась более высоким *вергельдом* (штрафом за убийство — ср. древнерусское «вира»), его клятва оценивалась выше, чем клятва просто свободного, но в ряде случаев строже карались и совершенные им преступления.

Степень знатности в канун Великого переселения по-прежнему в большой мере определялась происхождением: учитывалось, например, были ли в роду несвободные или представители покоренных племен. Однако все более заметную роль при этом играло имущественное положение человека. Типичный знатный варварских правд окружен многочисленной родней, рабами, отпущенниками, зависимыми людьми. Рабы и зависимые могли быть и у свободного простолюдина, и даже у *лита*, но чаще *лит*, а иногда и свободный на положении *лита* сам являлся чьим-то человеком, обязанным своему господину послушанием и какими-то повинностями. Его свобода, понимаемая в варварском обществе как нерасторжимое единство известных прав и обязанностей, постепенно ущемлялась, а сам он понемногу устранился от участия в общественных делах, все больше сосредоточиваясь на хозяйственных заботах. Некоторые древнейшие правды причисляют к *литам* вольноотпущенников (чей статус, по германским понятиям, непреодолимо ущемлен), а подчас прямо противопоставляют *литов* свободным, что свидетельствует об опускании низшей группы свободных и о все более очевидном стирании реальных различий между ними и людьми, несущими на себе пятно несвободного происхождения. Самым существенным в этом процессе было то, что, сохраняя хозяйственную самостоятельность, неполноправные свободные становились зависимыми эксплуатируемыми людьми, сближаясь, таким образом, с помещенными на землю рабами. Однако при всей значимости этого процесса, в период, предшествующий Великому переселению, он успел создать лишь предпосылки возникновения классового общества, причем во многих случаях самые ранние предпосылки.

Социально-политическая организация. Первые государства германцев возникли в V—VI вв. и лишь у тех племен, которые, вторгшись на территорию Западной Римской империи и по частям завоевав ее, уже самим фактом господства над намного более развитыми народами были поставлены перед необходимостью приспособить свою систему управления к новым условиям. У других (как правило, более отсталых) племен, не столкнувшихся непосредственно с классовым обществом и политическими институтами римлян, складывание государства затянулось на несколько столетий и завершилось опять-таки не без внешнего воздействия со стороны франкского, англосаксонского и других обогнавших их в своем развитии обществ. Таким образом, даже накануне Великого переселения германские племена были еще сравнительно далеки от создания органов власти, которые можно было бы квалифицировать как государственные. Социально-политический строй древних германцев — это строй, характерный для высшей ступени варварства, притом еще отнюдь не исчерпавший своих возможностей. Его иногда называют военной демократией, поскольку на данной стадии эволюции война и организация для войны становятся регулярными функциями жизни людей, оказывая сильнейшее воздействие на общественную и хозяйственную деятельность.

Отсутствие у древних германцев государства проявлялось прежде всего в том, что каждый полноправный член племени был лично и непосредственно причастен управлению, не только в принципе, но и на деле выступая носителем народовластия. Высшим органом власти было народное собрание (*тинг*) племени, куда имели доступ все совершеннолетние свободные мужчины, за исключением тех, кто обесчестил себя трусостью в сражении. Народное собрание созывалось от случая к случаю (но не реже чем раз в год) для решения наиболее важных дел, каковыми считались вопросы войны и мира, суд по особо тяжким или запуганным преступлениям, посвящение в воины, а значит, и в полноправные члены общества, а также выдвижение предводителей племени. Согласно Тациту, предводители ведали всеми текущими делами, в первую очередь судебными; кроме того, они предварительно обсуждали в своем кругу выносимые на тинг вопросы и предлагали рядовым его участникам заранее подготовленные решения, которые те вольны были шумом и криками отвергнуть либо, потрясая, по обычаю, оружием, принять. Тацит именует этих предводителей *principes* («начальствующие», «главенствующие»). Специального термина для обозначения совета принцепсов у Тацита нет, и, похоже, не случайно: судя по всему, это было достаточно аморфное образование, объединявшее первых лиц племени. Цезарь, однако,

усмотрел в нем подобие сената, и, по всей вероятности, речь действительно идет о совете старейшин, состоявшем, правда, уже не из патриархов всех родов племени, а из представителей родоплеменной знати, оказавшихся к началу нашей эры на положении «старших» в обществе.

Наряду с коллективной властью народного собрания и совета старейшин у германцев существовала индивидуальная власть племенных вождей. Античные авторы называют их по-разному: одних — принцепсами, дуксами, архонтами, игемонами, т.е. предводителями, других — так же, как своих правителей героической эпохи, — рексами или василевсами, иначе говоря, царями. Тацит, например, рассказывает, что, когда Арминий — знаменитый предводитель херусков, нанесший в 9 г. в Тевтобургском лесу сокрушительное поражение легионам Квинтилия Вара, — вознамерился стать рексом, свободолюбивые соплеменники убили его. Однако смысл этого противопоставления от нас ускользает. Перед нами племенные вожди или верховные вожди племенных союзов, чья власть лишь условно, с учетом исторической перспективы, можно квалифицировать как монархическую. Могущество и прочность положения этих вождей, естественно, различались, но зависели эти различия от уровня развития племени и находили ли отражение в языке самих германцев, — неясно.

Переходный характер древнегерманских институтов власти, еще несомненно догосударственных, но уже далеко не первобытных, затрудняет выбор терминов, которые бы правильно передавали их суть. Это касается и титулатуры. Так, применительно к вождям германцев термины «василевс» и «рекс» чаще всего переводятся на русский язык как «король». Между тем это слово, произведенное славянами от собственного имени Карла Великого (франкского монарха, умершего в 814 г.), принадлежит уже эпохе феодализма и может быть отнесено к политическим реалиям доклассового общества лишь с оговорками. Говоря о германских древностях, разумнее взять на вооружение лексику самих германцев, лучше всего общегерманское слово *konung*. Как и связанное с ним славянское «князь», слово «конунг» восходит к индоевропейскому *keni* — «род» (ср. латинское *gens*). Таким образом, в первичном значении термина *конунг* — это родовитый, благородный, следовательно, знатный и в силу этого достойный уважения и послушания человек, но никак не повелитель и не господин.

По наблюдениям Тацита, конунг располагал весьма ограниченной властью и управлял соплеменниками, скорее убеждая и увлекая примером, нежели приказывая. Конунг был военным предводителем племени, представлял его в международных делах,

имел преимущество при дележе военной добычи и право на более или менее регулярные, хотя все еще добровольные подношения со стороны соплеменников, а также на часть штрафов с осужденных, причитающуюся ему именно как главе племени. Однако ни судьей, ни хранителем, тем более творцом племенных обычаев он не был и особой распорядительной властью не обладал. Даже на войне, пишет Тацит, «казнить, заключать в оковы, подвергать телесному наказанию не дозволено никому, кроме жрецов», действующих как бы по повелению божества. Вместе с тем конунг и сам выполнял определенные сакральные функции. У ряда племен он и много столетий спустя играл важную роль в совершении публичных гаданий и жертвоприношений, считался лично ответственным за неудачу на войне и неурожай и мог быть на этом основании не только смещен, но и принесен в жертву, дабы умиротворить богов.

Конунга избирали на народном собрании из числа наиболее знатных мужей, еще не обязательно принадлежащих к одному роду, иногда по жребию, но чаще сознательным решением присутствовавших, поднимавших тогда своего избранника на щит. На народном собрании же, не без подстрекательства со стороны оппозиционно настроенной части знати, происходило и смещение ставшего почему-либо неудобным конунга. Некоторые из них пытались возвыситься над народным собранием и советом старейшин, что, по всей вероятности, и трактовалось античными авторами как борьба племенных вождей за царскую власть.

Особое место в древнегерманском обществе занимали предводители дружин. В отличие от племенного войска-ополчения, включавшего всех боеспособных членов племени, строившегося по родам и семьям и возглавлявшегося конунгом, дружины составлялись из случайных, не связанных родством людей, надумавших сообща попытать ратное счастье и ради этого примкнувших к какому-то бывалому, удачливому, известному своей отвагой воину. В основном это была молодежь, часто знатного происхождения, надолго, если не навсегда отрывавшаяся от отчего дома и сельскохозяйственного труда и всецело посвящавшая себя войне, а точнее, разбойным набегам на соседей. В промежутках между набегами дружинники проводили время в охотах, пирах, состязаниях и азартных играх, постепенно проедая и проматывая награбленное. Эту долю, может быть и желанную для всего германского юношества, избирали, однако, немногие: в дружинники шли наиболее знатные и богатые, чьи семьи могли позволить себе потерю работника, либо самые беспокойные и беспутные, вольные или невольные изгои, порвавшие с родней, а то и с племенем. Нередко

они нанимались в солдаты к римлянам; так, например, начинал свою карьеру Арминий.

Внутри дружины существовала своя специфическая иерархия, положение в ней определялось не столько знатностью, сколько личной доблестью. Это порождало соперничество между дружинниками, но все противоречия между ними заслонялись общей безоговорочной преданностью предводителю. Считалось, что предводителю принадлежит не только слава, но и добыча, дружинники же кормятся, получают оружие, видимо, и кров от его щедрот.

Будучи чрезвычайно сплоченной, дружина занимала особое место в племенной организации. Она то противопоставляла себя племени, в частности нарушала заключенные им договоры (чего не понимали дисциплинированные римляне, принимавшие самовольные вылазки отдельных отрядов за вероломство целого племени), то составляла ядро племенного войска, оказываясь средоточием его мощи и нередко обеспечивая своему предводителю достоинство конунга. По мере того как такие случаи учащались, ее облик менялся, и постепенно из разбойничьей ватаги, существовавшей как бы на периферии племени, она превращалась в настоящую княжескую дружину и становилась основой власти племенного вождя. В дальнейшем, к эпохе Великого переселения, из дружины, во всяком случае «старшей» ее части, выросла новая, служившая знать, постепенно оттеснившая старую, родоплеменную, хотя корнями многие представители новой знати были связаны со старой.

Древние германцы не составляли этнического целого и, по-видимому, не воспринимали себя как единый народ. Привычный нам этноним *Germani* возник как название какого-то одного германского племени; кельты распространили его на всех своих северо-восточных соседей и в этом значении передали римлянам. Сами германцы, хотя и осознавали общность своего происхождения, культов и языка, похоже, не испытывали потребности в общем наименовании. Показательно, что слово *diutisk* (от *thiuda* — «народ»), к которому восходит современное самоназвание немцев — *Deutsch*, зарегистрировано в источниках только с конца VIII в. При этом и на континенте, и в Англии оно первоначально употреблялось (в смысле «простонародный») лишь в отношении языка германцев, противопоставляемого латыни. Этнической характеристикой оно стало не ранее XI в., закрепившись к этому времени за одними немцами. Связанный с тем же корнем этноним «тевтоны», в Средние века применявшийся иногда ко всем германцам, в древности обозначал только одно, правда, знаменитое племя — первое, наряду с кимврами, с которым столкнулись средиземноморские народы, и едва не погубившее римскую державу.

Реальной политической единицей древнегерманского мира являлось племя. Возникавшие время от времени племенные объединения строились не столько по родственному, сколько по территориальному признаку и в условиях непрестанных миграций нередко включали и негерманские (кельтские, славянские, фракийские) племена. Таким объединением было, например, недолговечное «царство» Маробода — предводителя германцев и кельтов, населявших в начале I в. н.э. территорию современной Чехии.

Племенные объединения рубежа старой и новой эры были еще очень рыхлыми и непрочными. Они вызывались к жизни временными, главным образом внешнеполитическими, обстоятельствами (переселением в чужую страну и покорением ее или угрозой завоевания, нависшей над собственной страной) и с переменной обстоятельством распадались. Этническая разнородность являлась важной, но не единственной причиной их неустойчивости; не менее существенно, что, и взятое в отдельности, племя тогда еще не представляло собой достаточно прочного образования. Иногда вообще трудно решить, действительно ли в источнике говорится о племени или все-таки о конгломерате мелких племен.

В изображении римских авторов, склонных принимать родоплеменные подразделения германцев за чисто территориальные, германская *civitas* состоит из довольно обособленных, живущих своей жизнью округов, управляемых собственными принцепсами. Римляне обозначали эти округа словом *pagus*, германским эквивалентом следует, видимо, считать слово *Gau*. Судя по данным топонимики, это были крупные, порядка 1000 кв. км, территории, жители которых обычно имели общее название, отличающее их от прочих соплеменников. Примером может служить расположенный в большой излучине Рейна Брейсгау — «округ бризов». Внутреннюю организацию округов приходится изучать в основном по материалам раннесредневековых источников, рисующих институты военной демократии не просто угасающими, но и деформированными. В той мере, в какой ретроспективный анализ этих источников все же оправдан, можно сделать вывод, что в каждом округе имелось свое, малое, собрание, где избирался военный вождь, а также *лагман* — знаток и хранитель местных обычаев. Округ в свою очередь дробился на несколько сотен, обязанных выставлять в племенное ополчение по сотне воинов. В сотне также существовало свое собрание (*mallus* «Салической правды», *getot* англосаксонских судебныхников), созывавшееся чаще, чем собрания более высокого уровня, по нескольку раз в год. На сотенном собрании заключались сделки, рассматривались совершенные в пределах сотни правонарушения, вообще все значимые

для нее вопросы правового характера. Дела, касавшиеся сразу двух и более сотен (например, тяжбы между членами разных сотен), слушались в окружном или даже в племенном собрании.

Поскольку жизнь ставила перед племенем более разнообразные и сложные проблемы, чем перед округом или сотней, круг вопросов, обсуждавшихся на племенном собрании, был шире, а сами вопросы — серьезнее. Так, внешнеполитические дела имело смысл решать всем племенем сообща. Однако полномочия и функции собраний были в принципе одни и те же, принудить округа и сотни к выполнению своих решений племенное собрание было не в состоянии: все держалось на добровольном согласии соплеменников, объединенных в сотни и округа. Не будучи политически самостоятельными, они являлись все же вполне жизнеспособными образованиями и, если решения племени шли вразрез с их частными интересами, сравнительно легко и безболезненно откалывались от него, чтобы затем примкнуть — в целях самосохранения — к другому племени. Случалось, что раскол совершался не в результате разногласий, а под натиском врагов, подчинивших и увлекших за собой жителей отдельных округов и сотен, или даже как вынужденная мера — вследствие перенаселенности, истощения почв и т.д. Тогда бросали жребий, и часть племени отправлялась в путь в поисках новой родины.

Эволюция политического строя германцев в IV—V вв. К IV—V вв. в политическом строе германцев происходят важные изменения. Племенные объединения перерастают в племенные союзы, более сплоченные, устойчивые и, как правило, более многочисленные. Некоторые из этих союзов (например, алеманский, готский, франкский) насчитывали по несколько сот тысяч человек и занимали или контролировали огромные территории. Уже по этой причине совместный сбор всех полноправных членов союза был практически невозможен. Нормально продолжали функционировать лишь окружные и сотенные собрания, постепенно утрачивавшие, однако, политический характер. Собрание племенного союза сохранялось лишь как собрание идущего войной или явившегося на смотр войска. Таковы мартовские поля франков, войсковой тинг лангобардов. На общесоюзном собрании продолжали решать вопросы войны и мира, провозглашать и низвергать конунгов, но по сравнению с эпохой Тацита сфера его деятельности сузилась, активность и реальное значение как самостоятельной политической силы упали. На первый план выдвинулись другие органы власти.

Совет родоплеменных старейшин окончательно уступил место совету дружинной, служилой знати, группирующейся вокруг ко-

нунга. Среди советников выделялись предводители подразделений племенного союза — «царьки» (*reguli*), как называет их Аммиан Марцеллин, в отличие от остальной знати (*optimates*). Каждый из них располагал собственной дружиной, уже заметно обособившейся от массы соплеменников и проживавшей вместе с ним в специально построенной крепости (*бург*) — поначалу чисто военном, впоследствии также торгово-ремесленном, но никак не сельскохозяйственном поселении. Знать оказывала ощутимое влияние на действия верховного союзного конунга, непосредственно или через войсковое собрание заставляя его считаться со своими интересами. Тем не менее власть конунга, несомненно, усилилась. Не будучи еще наследственной, она уже стала прерогативой какого-то одного рода, из которого и надлежало выбирать конунга. Сосредоточение власти в руках одной семьи способствовало накоплению ею все больших богатств, в свою очередь укреплявших политические позиции правящей династии. У вестготов на этой основе уже в V в., если не раньше, возникает казна — важный элемент зарождавшейся государственности. Возросший авторитет королевской власти выразился также в изменившемся отношении к личности конунга. Оскорбление и даже убийство конунга еще может быть искуплено уплатой вергельда, но размер его уже заметно (обычно вдвое) выше, чем вергельд других знатных людей. Конунги и их родня начинают выделяться и внешним обликом: платьем, прической, атрибутами власти. У франков, например, признаком принадлежности к королевскому роду Меровингов были длинные, до плеч волосы.

Начиная с IV в. предводители отдельных германских племен и племенных подразделений все чаще поступают на службу к римлянам, порой сражаясь вместе со своими дружинами в составе римской армии там, куда их пошлют (будь то даже Сирия), но в большинстве случаев оставаясь на прежнем месте и обязуясь всем племенем охранять на своем участке границу империи от других германцев. Эта практика еще больше, чем торговля, содействовала приобщению германцев к римской культуре, в том числе культуре политической. Получая от римского правительства высокие должности в военной, затем гражданской администрации и сопутствующие этим должностям звания, конунги пытались соответствующим образом перестроить и свои отношения с соплеменниками.

Важным средством социально-политического возвышения конунгов, как и знати в целом, явилось восприятие германцами (разумеется, поверхностное) христианства, более подходящего меняющейся общественной структуре варварского мира, чем их собственная древняя языческая религия. Первыми на эту стезю

вступили вестготы. Начало массового распространения христианства в их среде относится к середине IV в. и связано с миссионерской деятельностью вестготского священника Ульфилы, приспособившего латинский алфавит к готскому языку и переведшего на него Библию. Рукоположенный в сан епископа в 341 г., когда в церкви временно возобладали ариане, Ульфила проповедовал соплеменникам христианство арианского толка, которое в самой империи вскоре было объявлено ересью. Познакомившись с христианским учением в основном через вестготов и не вникая, естественно, во всяком случае поначалу, в богословские споры, другие германские народы также восприняли его по большей части в форме арианства. Различия в вероисповедании усугубили и без того непростые взаимоотношения германцев с империей: арианство нередко служило им знаменем борьбы против Рима. Однако сама по себе христианизация сыграла очень важную роль в социально-политическом развитии германских племен, ускорив и идеологически оформив становление у них классового общества и государства.

§ 3. Падение Западной Римской империи и образование варварских государств

Период с IV по VII в. вошел в историю Европы как эпоха Великого переселения народов, названная так потому, что на эти четыре столетия приходится пик миграционных процессов, захвативших практически весь континент и радикально изменивших его этнический, культурный и политический облик. Это эпоха гибели античной цивилизации и зарождения феодализма.

Усиление имущественного и социального неравенства подталкивало различные слои варварских племен к тому, чтобы попытаться захватить новые, занятые чужаками земли: варварское общество на стадии военной демократии склонно к экспансии. Наиболее общей причиной, вызвавшей одновременное перемещение огромной разноплеменной массы людей, по всей видимости, было резкое изменение климата. Приблизительно со II в. начинается и к V в. достигает максимума похолодание, в рамках которого сначала происходило усыхание сухих и увлажнение влажных почв с соответствующими изменениями растительного покрова. Эти перемены отрицательно сказались на условиях хозяйствования как кочевых народов евразийских степей, так и оседлого населения европейского севера, побуждая и тех и других искать новую среду обитания в менее высоких широтах. Ухудшение климата хронологически совпало для многих варварских племен Европы

с разложением у них первобытно-общинного строя. Экстенсивное по преимуществу развитие производства и сопутствовавший ему рост народонаселения натолкнулись в начале новой эры на ограниченность природных ресурсов лесной, отчасти и лесостепной зон континента, которые при тогдашнем уровне производительных сил были менее удобны в хозяйственном отношении, чем районы Средиземноморья. В числе основных причин миграций нужно назвать и внешнеполитические факторы, а именно: давление одних варварских племен (чаще всего кочевых) на другие и ослабление Римской империи, оказавшейся более неспособной противостоять натиску со стороны своих окрепших соседей. В IV—VI вв. главную роль в Великом переселении играли германские и тюркские, впоследствии также славянские и угро-финские племена.

Передвижения германских племен. Родиной германцев были северные, приморские области Германии, Ютландия и Южная Скандинавия. Южнее жили кельты, восточнее — балты и славяне. Первая волна германской экспансии вылилась в грандиозные перемещения кимбров и тевтонов, за четверть века исколесивших пол-Европы (крайние точки: Ютландия, Венгрия, Испания) и наконец в 102—101 гг. до н.э. разгромленных Гаем Марием в отрогах Западных Альп. Вторая волна приходится на 60-е годы I в. до н.э., когда свевы под предводительством Ариовиста попытались закрепиться в Восточной Галлии. В 58 г. до н.э. они были разбиты Цезарем. Однако к этому времени германцы уже прочно обосновались на среднем Рейне, к концу столетия — и на верхнем Дунае, покорив и по большей части ассимилировав местное кельтское население. Дальнейшее продвижение германцев на юг было остановлено римлянами, поэтому с конца I в. до н.э. экспансия их направляется в основном на восток и юго-восток: в верховья Эльбы и Одера, на средний, затем и нижний Дунай.

После разгрома в Тевтобургском лесу (9 г. н.э.) римляне больше не предпринимали серьезных попыток завоевать Германию. Редкие экспедиции в глубь германской территории носили по преимуществу демонстрационный характер, более действенным было признано дипломатическое вмешательство, позволявшее при помощи подкупа, шантажа и натравливания одних племен на другие удерживать пограничных варваров от нападения. Граница установилась по Рейну и Дунаю, где впредь в многочисленных крепостях было сосредоточено большинство легионов. В последней трети I в. н.э. для облегчения переброски войск в стратегически важном районе Шварцвальда были сооружены новые мощные укрепления — *лимес*; земли между лимесом, Рейном и Дунаем

(так называемые Десятинные поля) были заселены приглашенными из Галлии кельтами. В начале II в. римляне захватили также Дакию, обезопасив себя от варварских набегов и на нижнем Дунае.

Положение стало меняться во время Маркоманской войны (166—180 гг.), когда значительные массы варваров впервые проорвали римскую границу, создав угрозу даже Италии. Марку Аврелию с трудом удалось отбросить их за Дунай, но с этого времени германские вторжения заметно учащаются. Борясь с ними и сталкиваясь с падением боеспособности и численности собственных войск, римляне пошли по пути поселения отдельных варварских племен в пределах империи, порекомендовав им охрану ряда рубежей; одновременно усилилась варваризация самой римской армии.

В 50-е годы III в., воспользовавшись охватившей империю смутой, германцы проникли на римскую территорию сразу на нескольких участках. Наибольшую опасность для Рима представляли вторжения алеманов и франков в Галлию и дальше в Испанию, а также появление готов в Северном Причерноморье и на Северных Балканах, откуда они совершали набеги во внутренние районы полуострова и пиратские нападения с моря на побережье Пропонтиды и Эгеиды. Франки и алеманы были оттеснены за Рейн приблизительно в 260 г.; последние, правда, закрепились на Десятинных полях. На Балканах в 269 г. готы потерпели сокрушительное поражение при Наиссе и отступили за Дунай. Однако, несмотря на несомненный успех, два года спустя римляне эвакуировали войска и гражданское население из Дакии. После этого граница на несколько десятилетий стабилизировалась. В дальнейшем, несмотря на периодические вторжения и мятежи германских поселенцев (например, в середине IV в., когда франки и алеманы вновь попытались перейти в наступление), римляне прочно удерживали рейнско-дунайский вал: на Западе — до 406 г., на Востоке — до последней трети VI в.

Вестготы. К середине IV в. из объединения готских племен выделились союзы западных и восточных готов (иначе вест- и остготов), занимавшие, соответственно, земли между Дунаем и Днепром и между Днепром и Доном, включая Крым. В состав этих союзов входили не только германские, но также фракийские, сарматские, возможно, и славянские племена. В 375 г. остготский союз был разгромлен гуннами — кочевниками тюркского происхождения, пришедшими из Центральной Азии и подчинившими к этому времени некоторые угорские и сарматские племена, в том числе аланов. Теперь эта участь постигла и остготов. Спасаясь от гуннского нашествия, вестготы в 376 г. обратились к правительству Восточной Римской империи с просьбой об убежище. Они были поселены на правом берегу нижнего Дуная,

в Мезии, в качестве федератов, т.е. союзников, с обязательством охранять дунайскую границу в обмен на поставки продовольствия. Буквально через год вмешательство римских чиновников во внутренние дела вестготов (которым было обещано самоуправление) и злоупотребления с поставками вызвали восстание вестготов; к ним примкнули отдельные отряды из других варварских племен и многие рабы из поместий и рудников Мезии и Фракии. В решающем сражении у Адрианополя в 378 г. римская армия была наголову разбита, при этом погиб император Валент.

В 382 г. новому императору Феодосию I удалось подавить восстание, но теперь вестготам для поселения была предоставлена не только Мезия, но также Фракия и Македония. В 395 г. они снова восстали, опустошив Грецию и вынудив римлян выделить им новую провинцию — Иллирию, откуда начиная с 401 г. они совершали набеги в Италию. Армия Западной Римской империи состояла к этому времени по большей части из варваров, во главе ее стоял вандал Стилихон. Несколько лет он достаточно успешно отбивал нападения вестготов и других германцев. Хороший полководец, Стилихон вместе с тем понимал, что силы империи истощены, и стремился по возможности откупиться от варваров. В 408 г., обвиненный в потворстве своим соплеменникам, разорявшим тем временем Галлию, и вообще в чрезмерной уступчивости варварам, он был смещен и вскоре казнен. Взявшая верх «антигерманская партия» оказалась, однако, неспособной организовать сопротивление варварам. Вестготы снова и снова вторгались в Италию, требуя все большей контрибуции и новых земель. Наконец в 410 г. после долгой осады вестготский конунг Аларих взял Рим, разграбил его, после чего двинулся на юг Италии, намереваясь переправиться в Сицилию, но по пути внезапно умер.

Падение Вечного города произвело страшное впечатление на современников, многие восприняли это событие как крушение всей империи и даже как начало светопреставления. Однако, получив военную помощь с Востока, правительство Западной Римской империи сумело в короткий срок взять ситуацию под контроль. С вестготами было заключено соглашение: преемник Алариха Атаульф получал в жены сестру-императора Гонория Галлу Плацидию и земли для поселения в Аквитании. С 412 г. вестготы воюют в Галлии и Испании с врагами империи (свевами, вандалами и багаудами), иногда и против нее, пока в конце концов не оседают — формально на правах федератов — в юго-западной Галлии, в районе Тулузы, ставшей столицей их государства — первого варварского государства, возникшего на территории империи (418 г.).

Вандалы. Поражение римлян под Адрианополем совпало по времени с их последним походом за Рейн, после чего они окончательно перешли к обороне и на западном участке границы. Охрана рубежей на нижнем Рейне была поручена франкам, которым пришлось уступить крайний север Галлии — Токсандрию; на среднем Рейне и верхнем Дунае все еще преобладали римские гарнизоны, местами поддерживаемые алеманскими федератами. В 406 г., пользуясь тем, что основные силы Западной Римской империи были отвлечены на борьбу с вестготами, вандалы, аланы и квады (принявшие теперь имя севов) прорвали римский лимес в районе Майнца и хлынули в Галлию. Другая часть вандалов, аланов и севов присоединилась к остготскому союзу, возглавлявшемуся Радагайсом; вместе они форсировали Дунай возле Аугсбурга и через Норик вторглись в Италию. Несколько месяцев спустя неподалеку от Флоренции Стилихон с помощью готских и гуннских отрядов разгромил войско Радагайса, в 408 г. британские легионы восстановили границу на Рейне, но выдворить варваров из Галлии римлянам уже не удалось. Разорив восточные, центральные и юго-западные районы страны, вандалы, аланы и севы в 409 г. пересекли Пиренеи и ворвались в Испанию, закрепившись вскоре в ее западных областях.

Наибольшую опасность для Рима в тот период представляли вандалы, к которым в 416 г. присоединились остатки разбитых вестготами аланов. Отличаясь особой дикостью и агрессивностью, они не шли на договор с империей, не оседали в какой-то одной местности, предпочитая временный захват и грабеж все новых и новых территорий. Между 422 и 428 гг. жертвами вандалов стали приморские города Восточной Испании. Завладев находящимися там кораблями, они в 429 г. под предводительством Гейзериха высадились в Африке в районе Танжера и двинулись на запад. Римское господство в Северной Африке было основательно поколеблено участвовавшими набегами берберских племен, только что закончившимся мятежом наместника Бонифация против центрального правительства, наконец, непрекращающимися народными выступлениями. В этой обстановке вандалы без труда преодолели за год 1000 км и осадили Гиппон, где епископом был знаменитый христианский богослов Августин. Взяв город в 431 г. после 14-месячной осады, вандалы вскоре вырвали у империи согласие на владение захваченными землями в качестве федератов. Мир был, однако, недолгим. Уже в конце 435 г. вандалы заняли Карфаген и, получив в свои руки огромный торговый флот, стали совершать налеты на побережье Сицилии и Южной Италии. В 442 г. римское правительство было вынуждено признать

их полную независимость и власть над большей частью Северной Африки.

Гунны. Потеря главных африканских провинций, снабжавших Италию зерном и оливковым маслом, явилась для римлян тяжелым ударом: враг обосновался в глубоком тылу. И все же главная военная угроза исходила с севера. После вторжений 406 г. имперские войска с трудом контролировали рейнско-дунайский вал. Римские гарнизоны оставались лишь в некоторых пунктах Реции и Норики, тогда как защита рейнского рубежа была почти всецело передана германским федератам — теперь уже не только франкам, но также бургундам, пришедшим вслед за вандалами и обосновавшимся на среднем Рейне в районе Вормса, и алеманам, постепенно занявшим современный Эльзас. Что же касается среднего Дуная, то там к 20-м годам V в. прочно утвердились не признававшие власть Рима гунны.

С гуннами Рим столкнулся еще в 379 г., когда те, идя по пятам вестготов, вторглись в Мезию. С тех пор они неоднократно нападали на балканские провинции Восточной Римской империи, иногда терпели поражение, но чаще уходили лишь по получении откупного, так что понемногу константинопольское правительство превратилось в их данника. Отношения гуннов с Западной Римской империей поначалу строились на другой основе: гуннские наемники составляли заметную часть западноримской армии, особенно с 20-х годов V в. Равенна активно использовала их для борьбы с то и дело поднимавшими мятеж франками и бургундами, а также с багаудами. В 436 г. гунны, возглавляемые к тому времени Атилиой (за свои насилия прозванным христианскими писателями Бичом Божиим), разгромили королевство бургундов; это событие легло в основу сюжета «Песни о Нибелунгах». В результате часть бургундов влилась в состав гуннского союза, другая была переселена римлянами к Женевскому озеру, где позднее, в 457 г., возникло так называемое второе Бургундское королевство.

В конце 40-х годов ситуация изменилась. Атила стал вмешиваться во внутренние дела Западной Римской империи и претендовать на часть ее территории. В 451 г. гунны вторглись в Галлию; вместе с ними шли гепиды, герулы, остготы, ругии, скиры, другие германские племена. В решающем сражении на Каталаунских полях (близ Труа в Шампани) римский полководец Аэций, бывший когда-то заложником у гуннов и не раз водивший в бой гуннские отряды, с помощью вестготов, франков и бургундов разбил войско Атилы. Это сражение по праву считается одним из важнейших в мировой истории, поскольку на Каталаунских полях в известной мере решалась судьба не только римского владычества в Галлии,

но и всей западной цивилизации. Однако силы гуннов еще отнюдь не были исчерпаны. На следующий год Атила предпринял поход в Италию, взяв Аквилею, Милан, ряд других городов. Лишенная поддержки германских союзников, римская армия оказалась не в состоянии ему противостоять, но Атила, опасаясь поразившей Италию эпидемии, сам ушел за Альпы. В 453 г. он умер, и среди гуннов начались усобицы. Два года спустя восстали подчиненные им германские племена. Потерпев поражение сначала от гепидов, затем от остготов, гунны откочевали из Паннонии в Северное Причерноморье. Держава гуннов распалась, остатки их постепенно смешались с идущими с востока тюркскими и угорскими племенами.

Крушение Западной Римской империи. Победа на Каталаунских полях явилась последним крупным успехом римлян. В 454 г. по приказанию Валентиниана III был убит чрезмерно популярный и независимый, по его мнению, Аэций, которого в литературе нередко называют последним римлянином. В 455 г. от рук одного из военачальников Аэция свева Рикимера погиб сам император. После этого началась политическая чехарда: за 21 год на престоле Западной Римской империи сменилось 9 правителей, ставленников италийской или галльской знати, варварской армии под командованием Рикимера, а после его смерти — Константинополя и вандалов. Это время стремительного нарастания кризиса империи и сокращения ее границ.

В мае 455 г., вскоре после убийства Валентиниана III, вандальский флот внезапно появился в устье Тибра; в Риме вспыхнула паника, император Петроний Максим не сумел организовать сопротивление и погиб. Вандалы без труда захватили город и подвергли его 14-дневному разгрому, уничтожив при этом множество бесценных памятников культуры. Отсюда происходит термин «вандализм», которым обозначают намеренное бессмысленное уничтожение культурных ценностей. Вандалы не пытались закрепиться в Италии, но с этого времени твердо контролировали морские коммуникации в Западном Средиземноморье.

В 461 г. бургунды овладели Лионом и начали успешное продвижение вниз по Роне, в сторону Прованса, и одновременно на север, завоевав к концу 70-х годов те земли, которые в Средние века и получили название Бургундия. Навстречу им с севера на территорию нынешней Лотарингии продвигались франки, а с северо-востока в современный Эльзас, позднее также в немецкую Швейцарию — алеманы. Наибольший успех в этот период выпал на долю вестготов, понемногу занявших прилегающие к Бискайскому заливу области Аквитании, а затем большую часть Цент-

ральной Галлии, до среднего течения Луары. В 462 г. они захватили Нарбон, закрепившись таким образом на Средиземном море, и вскоре перенесли военные действия в Испанию, куда их и ранее призывали для поддержки римляне. К началу 70-х годов они подчинили почти весь полуостров, кроме удерживаемого свевами северо-запада и твердынь басков в Западных Пиренеях и Кантабрии. То обстоятельство, что вестготы выступали не как враги, а как уважающие римские законы федераты империи, лишь облегчило им расширение своего государства.

В последние годы своего существования Западная Римская империя являла собой печальное зрелище. Под прямым контролем Равенны оставались: Италия приморская часть Иллирии, некоторые районы Реции и Норика, три оторванные друг от друга области Галлии — Прованс, Овернь и территория между Луарой, Соммой и Ла-Маншем, а также прибрежная Мавритания и, может быть, отдельные пункты в Юго-Восточной Испании. При этом центральное правительство, как правило, не было в состоянии реально помочь удаленным от Италии провинциям, предоставляя местным властям самим решать возникающие проблемы. Ярким примером служит история Британии, которая с уходом римских легионов в 408 г. была, по сути дела, брошена на произвол судьбы. На неоднократные просьбы жителей Британии о помощи против вторгшихся из Ирландии и Шотландии кельтов западно-римское правительство, насколько известно, не реагировало. Некоторое время британцы защищались самостоятельно, затем, в 20-е годы, пригласили с этой целью германское племя ютов, выделив им для поселения земли в юго-восточной части острова, в Кенте. Юты вскоре перестали повиноваться римским властям, объявили себя независимыми и, опираясь на все прибывающие с континента отряды соплеменников (а также англов, саксов и фризов), начали войну с вчерашними хозяевами острова, постепенно оттесняя их на запад, к Ирландскому морю.

Нечто подобное происходило и на других территориях, где еще сохранялась римская государственность. В Норике римская власть удерживалась в некоторых городах лишь благодаря союзу с германским племенем ругиев, которым платили что-то среднее между данью и жалованьем за службу. В Мавритании сохранность римских порядков зависела от умения местных магнатов договориться с берберами. Овернь долгое время оставалась римской из-за соперничества бургундов и вестготов. Даже в самой Италии власть императора обеспечивалась главным образом поддержкой почти полностью варварской армии, периодически домогавшейся увеличения жалованья. В 476 г. германцы потребовали

также земель для поселения; отказ римлян удовлетворить это требование привел к государственному перевороту: предводитель германских наемников Одоакр из племени скиров сместил последнего западноримского императора Ромула Августула и был провозглашен солдатами конунгом Италии. Заручившись поддержкой римского сената, Одоакр отослал знаки императорского достоинства в Константинополь с заверениями в послушании. Восточноримский василевс Зенон, вынужденный признать сложившееся положение вещей, пожаловал ему титул патриция, тем самым узаконив его власть над италийцами. Так прекратила существование Западная Римская империя.

Варварские государства после падения империи. Свержение Ромула Августула принято считать концом не только Западной Римской империи, но и всего античного периода истории. Дата эта, разумеется, условная, символическая, поскольку большая часть империи уже давно находилась вне реального контроля равеннского правительства, так что образование еще одного варварского государства, теперь уже на территории Италии, знаменовало лишь завершение длительного процесса.

Оценивая дальнейшее политическое развитие Западной Европы, нужно прежде всего иметь в виду, что Великое переселение народов отнюдь не закончилось в 476 г. В VI в. приходят в движение баски: успешно сдерживая натиск вестготов в Кантабрии и Пиренеях, они одновременно начинают колонизацию галльских земель к югу и западу от Гаронны, о чем свидетельствует и закрепившийся за этой территорией топоним Гасконь. Продолжается миграция в Британию саксов, англов и их союзников, и к концу раннего Средневековья ее уже обычно называют Англией, тогда как северо-западная оконечность Галлии, Арморика, куда переселилась часть бежавших от германцев бриттов, получила название Бретань. Другая часть саксов вместе с лангобардами переместилась с низовий Эльбы на верхний Дунай, в то время едва ли не самый беспокойный район Европы, где одно германское племя сменяло другое, а посреди этой варварской стихии еще несколько десятилетий сохранялись островки римского населения. Лежащая дальше на восток Паннония стала в VI в. ареной борьбы между германцами, славянами и аварами — тюркоязычными племенами, пришедшими из евразийских степей. Последние в итоге взяли верх и в 60-е годы VI в. создали на среднем Дунае могущественное государство, терроризировавшее всех своих соседей, — Аварский каганат. К тому же примерно времени относится начало массовых вторжений славян на Балканы и их постепенное движение на запад, к Эльбе и Альпам. Средиземноморье в то время остава-

лось относительно спокойным; положение стало меняться в середине VII в., когда в Леванте, а затем в Египте и Северной Африке обосновались арабы, которые стали оказывать все более заметное воздействие на исторические судьбы Западной Европы.

После падения Западной Римской империи ее провинциальные владения были скоро захвачены варварскими государствами. Вестготы окончательно утвердились на большей части Испании, закрепили за собой Овернь и поделили с бургундами Прованс, вандалы тем временем прибрали к рукам мавританские порты. Дольше всех сопротивлялись римляне Северной Галлии, создавшие там самостоятельное государство. Однако в 486 г. близ Суассона они потерпели поражение от франков, захвативших после этого все галльские земли к северу от Луары, кроме Арморики.

К концу V в. на обломках Западной Римской империи сложилось несколько варварских государств: Вandalское, Вестготское, Свевское, Бургундское, Франкское и государство Одоакра в Италии. Племена, обитавшие во внутренних областях Германии, равно как и в Британии, тем более в Скандинавии, еще не имели собственной государственности. Судьба этих политических образований была неодинаковой. Наименее долговечным оказалось созданное бывшими наемниками, в основном из числа герулов, скиров и некоторых других немногочисленных германских племен, государство Одоакра, — видимо, потому, что не обладало прочной племенной основой. В 493 г. оно было уничтожено пришедшими из Норика и Паннонии остготами; возглавлял их конунг Теодорих (493—526), действовавший с ведома восточноримского императора Зенона. Государство остготов, включавшее помимо Италии Сицилию, Норик, часть Паннонии и Иллирии, позднее также Прованс, вскоре стало самым сильным в Западной Европе, но в 555 г., после затяжной войны, было завоевано Византией. Еще раньше, в 534 г., эта участь постигла государство вандалов (см. гл. 5).

Наиболее жизнеспособным и динамичным оказалось Франкское государство (см. гл. 4). В сражении возле Пуатье в 507 г. франки одержали решительную победу над вестготами и вскоре захватили почти все их владения в Галлии, включая Тулузу. Вмешательство остготов предотвратило завоевание франками и действовавшими в союзе с ними бургундами средиземноморских областей Галлии. Прованс около 510 г. отошел к остготам, Септимания осталась за вестготами, чья столица была перенесена за Пиренеи в Толедо. Но с этого времени верховенство в Галлии перешло к франкам. В 534 г. они завоевали государство бургундов.

Дальнейшая история варварских государств связана с завоевательной политикой восточноримского императора Юстиниана I.

Помимо Северной Африки и Италии ему удалось отобрать в 551 г. у ослабевших вестготов ряд городов в Южной Испании: Картахену, Кордову, Малагу и др. Но развить успех византийцы уже не сумели. В 568 г. под натиском аваров на Апеннинский полуостров вторглись лангобарды, в считанные годы овладевшие большей частью Северной и Средней Италии, после чего Константинополь перешел к обороне и уже не пытался расширить владения империи. Тем временем в наступление перешло стабилизировавшееся государство вестготов. В 585 г. они положили конец независимости свевов и одновременно начали теснить византийцев, отвоевав южную часть полуострова к 636 г. Северная Африка оставалась в руках Константинополя до арабского завоевания в 60-е годы VII в. В начале VIII столетия арабы вышли к Гибралтарскому проливу, в 711 г. пересекли его и за несколько лет полностью уничтожили Вестготское государство.

§ 4. Особенности генезиса феодализма в Западной Европе

Становление феодализма — долгий и многосложный процесс, подготовленный развитием более древних обществ — рабовладельческого и первобытно-общинного. И в позднеантичном, и в варварском мире возникли предпосылки для формирования феодальных отношений. Исторически сложилось так, что в Западной Европе дальнейшее становление феодализма происходило в условиях столкновения и взаимодействия этих обществ. Речь идет не о механическом соединении протофеодальных элементов обоих обществ, а именно о взаимодействии, *синтезе* этих элементов и двух общественных систем в целом, в результате которого родилось качественно новое общество. Даже такой удаленный от рубежей античной цивилизации регион, как Скандинавия, не избежал ее воздействия, правда, косвенного: через торговлю и политические контакты с другими частями континента, через христианскую церковь (чья религиозная доктрина, а также право выросли на античной почве), через технологические и идеологические заимствования. То же можно сказать о районах, которые практически не испытали непосредственного влияния варварского мира, например о побережье Южной Италии, Провансе, островах Западного Средиземноморья, где античные общественные отношения были все же заметно деформированы вследствие подвластности этих районов варварским правителям, нарушения прежних экономических связей, изменения социокультурного климата и т.д. Полное отсутствие синтеза можно констатировать в тех случаях,

когда в соприкосновение с античной цивилизацией вступали народы, находившиеся на слишком низком уровне общественного развития, такие, как гунны или берберы.

Каково сравнительное значение античного и варварского компонентов феодального синтеза? Ответить на этот вопрос позволяет сопоставление различных вариантов генезиса феодализма, представленных историей отдельных регионов Западной Европы.

Наиболее активно феодальный синтез протекал там, где античное и варварское начала были достаточно уравновешены. Классическим примером такого варианта развития является северо-восточная Галлия, где феодализм утвердился уже в VIII—IX вв. и был относительно слабо отягощен дофеодальными пережитками в виде различных модификаций первобытно-общинного и рабовладельческого укладов. Напротив, в тех случаях, когда один из компонентов явно и безусловно преобладал, процесс становления феодализма замедлялся, осложняясь при этом многоукладностью и другими привходящими обстоятельствами и принимая подчас причудливые формы. Первоначально варварское общество обнаруживало меньше феодальных потенций, чем античное; объясняется это, вероятно, тем, что оно в меньшей степени исчерпало свои исторические возможности, а также трудностями преодоления порога, отделяющего классовое общество от доклассового. Однако впоследствии в числе наиболее отстающих по темпам феодализации оказались те области, где античный элемент синтеза решительно превалировал над варварским. Таким образом, по сравнению с позднеантичным римским обществом разлагающийся первобытно-общинный строй древних германцев нес в себе более сильный феодальный заряд.

Степень активности феодального синтеза в том или другом регионе зависела от многих факторов. На первое место следует поставить численное соотношение варваров и римлян (включая романизированных галлов, иберов и т.п.), оказавшихся на одной территории. В большинстве провинций бывшей Римской империи германцы составляли всего лишь 2—3% населения; правда, за счет неравномерности расселения в некоторых местах (например, в районах Толедо и Сарагосы в Испании, Тулузы и Нарбона в Южной Галлии, Павии и Вероны в Италии) доля их была заметно выше. В Британии и Токсандрии, а также на Рейне и верхнем Дунае германцы преобладали, в Северо-Восточной Галлии уступали галло-римлянам приблизительно в соотношении 1 к 10. То обстоятельство, что наиболее успешно феодализм развивался именно в этой части континента, доказывает, что влияние германцев как господствующего этноса было намного больше их доли в населении.

По-видимому, требовалось достаточно определенное количественное соотношение носителей двух культур, чтобы имевшиеся в них протофеодальные элементы вступили в энергичное взаимодействие.

Второй важный фактор — это сам характер расселения варваров на территории империи. Чаще всего германцы занимали земли фиска, если же их в данной местности не хватало, производили раздел земли и другого имущества тамошних посессоров, оставляя им обычно треть пахотных земель и половину угодий. Так поступали вестготы, бургунды, герулы и остготы. Некоторые племена, стремясь селиться компактно, захватывали приглянувшуюся им местность целиком, изгоняя оттуда всех прежних собственников. Особенно яркий пример такой политики дает история завоевания Италии лангобардами. Случалось, что римские посессоры вместе с челядью сами покидали свои пенаты, и варварам доставались фактически безлюдные земли. Такой ход событий характерен, в частности, для Британии и Норика. Естественно, что в тех случаях, когда германцы создавали новые, отдельные поселения, как бы отгораживаясь от римлян, хозяйственные, правовые и прочие контакты между ними оказывались довольно слабыми, и это сказывалось отрицательно на темпах феодализации. Поэтому, например, развитие феодальных отношений у лангобардов происходило медленнее, чем у бургундов и вестготов, чьи владения, хотя и достаточно обособленные, все же соприкасались с владениями римлян, что способствовало хозяйственным заимствованиям и появлению общих дел и интересов.

Третий фактор — сравнительный культурный уровень пришлого и местного населения. Провинции были освоены римлянами далеко не равномерно. Если средиземноморские районы Галлии и Испании мало чем отличались от Италии, то, например, Арморика или запад Британии были романизированы сравнительно слабо, так что германцы застали там не столько рабовладельческие виллы, сколько деревни и хутора древнего автохтонного населения, мало в чем превосходящего их самих по уровню культуры. Да и сами германские племена находились на достаточно разных ступенях развития. Так, вестготы к моменту своего закрепления в Испании уже около ста лет проживали на территории империи. Предки франков были непосредственными соседями римлян фактически с самого начала новой эры. Другое дело лангобарды, переселившиеся с низовой удаленной от лимеса Эльбы в уже утратившую следы римского владычества Паннонию и оттуда вторгшиеся в Италию. Лангобарды оказались в целом не готовы к восприятию достижений античной цивилизации в области сельского хозяйства и ремесла, тем более права и политических ин-

ституты. Понадобилось около полутора веков их пребывания в Италии, чтобы феодальный синтез пошел полным ходом.

Скорость этого процесса зависела и от других факторов, в том числе религиозных и правовых. То, что франки сразу же, в 496 г., приняли христианство в католической форме, несомненно, облегчало им контакты с римлянами, тогда как приверженность вестготов и лангобардов арианству (соответственно до конца VI и начала VII в.) эти контакты сильно затрудняла. Не говоря уже об определенном антагонизме, существовавшем между арианами и католиками, законы вестготов и лангобардов категорически запрещали им браки с римлянами. На конкретные формы феодализации в том или ином районе заметное влияние оказывали также природно-географические и внешнеполитические условия. Так, замедленность темпов феодализации в Скандинавии и яркое своеобразие скандинавского феодализма (в частности, высокий удельный вес свободного крестьянства) помимо всего прочего связаны с бедностью здешних почв, ориентацией на скотоводство и рыболовство и с обусловленными особенностями ландшафта трудностями организации крупного хозяйства.

Поселение варваров на территории империи создало лишь предпосылки феодального синтеза, автоматически качественный скачок не последовал. Для того чтобы произошло реальное взаимодействие двух систем, потребовалось минимум полтора-два столетия, в первые же десятилетия феодализация проходила у каждого из двух народов по-своему, продолжая прежнюю линию развития, но уже в принципиально новых условиях. Поначалу эволюция к феодализму обозначилась с наибольшей силой в римской части общества, преимущественно в крупных поместьях, где протофеодальные явления были налицо по крайней мере с IV в. Резкое ослабление государственного вмешательства, открывшее дорогу росту частной власти, дальнейшее сокращение рыночных связей, стоящий перед глазами пример общества мелких сельских хозяйств, распространение под влиянием варварской стихии более уважительного отношения к физическому труду — все это способствовало развитию феодальных тенденций в поместьях галльской, испанской и итальянской знати. Продолжается начавшаяся еще в эпоху доминанта трансформация социально-экономической структуры и права классической древности. Рабство распространено еще очень широко, но статус раба уже существенно иной: закон все чаще рассматривает его как обладателя имущества, в том числе земли, и предполагает в какой-то мере его правовую ответственность. Вольноотпущенники понемногу утрачивают признаки свободы и опускаются до положения зависимых людей,

держателей земли своих патронов. Мелкая аренда также все больше становится формой зависимости. Медленно, но неуклонно римское поместье превращается в феодальную вотчину.

В еще большей степени испытывают на себе влияние новой среды варвары. Они знакомятся с римской агротехникой и организацией римских поместий, с римским правом, проводящим более жесткие различия между свободой и рабством, чем их собственные обычаи, с развитой торговлей, допускающей куплю-продажу земли, с мощной государственностью, приучающей к дисциплине и четкому делению на тех, кто управляет, и тех, кем управляют. В общественном строе варваров еще очень много первобытного. Сохраняются пережитки родовых связей, в первую очередь кровная месть, но этими связями начинают тяготиться, и «Салическая правда» даже предусматривает специальную процедуру отказа от родства. Еще сильны догосударственные институты власти и правосудия, но в целом государство все больше отдаляется от народа, чему очень содействует знакомство германцев с римскими политическими институтами. Армия по-прежнему представляет собой народное ополчение с дружиной конунга во главе, и римлян в нее решительно не пускают. В отличие от римлян германцы по-прежнему не платят поземельных налогов. Но в административном отношении германцы уже приравнены к законопослушным римлянам. У вестготов к середине VII в. даже создается общий для тех и других свод законов. Возникнув как нечто чуждое социальной природе завоеванного римского общества, как продолжение еще первобытной в своей основе власти, варварское государство к концу рассматриваемого периода оказывается вполне в гармонии с этим обществом. Эта трансформация стала возможной в результате перерождения варварской знати, превращения ее в слой крупных землевладельцев, сплотившихся вокруг теперь уже настоящего монарха. Германская по происхождению знать идет на установление родственных связей со знатью римской, начинает подражать ее образу жизни, участвовать в ее политических интригах и к началу VIII в. постепенно смыкается с ней. Этнические и социальные различия в среде господствующего класса если и не исчезают полностью (в Галлии и Италии на это понадобилось еще два столетия), то ощутимо сглаживаются.

Подобный процесс наблюдался и в нижних слоях общества, но протекал он медленнее. Для того чтобы сравняться с зависимым лицом римского происхождения, германцам нужно было растерять ряд прочно укоренившихся в варварском обществе прав и обязанностей. Германец должен был перестать быть воином, членом сотенного собрания, наконец, собственником своей земли,

а этому препятствовали многие обстоятельства, в том числе необходимость контролировать отнюдь не всегда дружественное римское население, представления о праве как о сумме древних и единственно возможных установлений, прочные родовые связи, архаическое отношение к земле как продолжению своего «я».

В соответствии с темпами развития и, несомненно, под римским влиянием у разных германских племен постепенно совершается переход к свободной от родовых и общинных ограничений земельной собственности — *аллоду*. Это еще не вполне свободная частная собственность наподобие римской, но распоряжение ею ограничено уже заметно слабее, менее сильно выражена и наследственная связь с нею ее обладателя. Кроме того, понемногу исчезает связь между обладанием земельной собственностью и свободой. Тем самым создаются предпосылки для постепенного превращения германских общинников в зависимых крестьян, держащих землю от феодальных господ.

Глава 4

Франкская держава

§ 1. Франкское завоевание Галлии. Королевство Меровингов

Племенной союз франков возник из объединения сигамбров, бруктеров, некоторых других нижнерейнских племен, известных римлянам с I в. до н.э. Само имя «франки» впервые упоминается под 291 г. Те франки, что жили в устье Рейна, у моря, в дальнейшем именовались «салическими» (от герм. *sala* — «берег моря»); те, что жили выше по течению Рейна, в районе Кельна, назывались «рипуарскими» (от лат. *ripa* — «берег реки»). Начиная с IV в. они выступают как федераты Римской империи и получают земли для поселения на крайнем севере Галлии, в Токсандрии. Отношения франков с римлянами не всегда были мирными, но в целом они были достаточно верными союзниками, в частности, выступали на стороне римлян в сражении с гуннами на Каталаунских полях. К концу существования империи франки контролировали территорию вплоть до Соммы, где образовали королевство со столицей в Турне.

В 486 г. франки разгромили войско Сиагрия — правителя римлян Северной Галлии — и захватили территорию к северу от Луары, вплоть до Атлантики. Она получила название «Нейстрия» (от герм. *Neoster rike* — «западное королевство»); старые земли франков по обе стороны Рейна стали называться *Austrasia* — «восточное королевство». Население Нейстрии было в подавляющем большинстве романоязычным, население Австразии — в целом германоязычным, хотя в некоторых местностях, например в округе Трира, еще долго преобладали галло-римляне.

В 496 г. франкский король Хлодвиг из рода Меровингов принял христианство в его католической форме — в отличие от других германских народов, державшихся арианства. Это привлекло на его сторону галло-римлян и облегчило завоевание Южной Галлии, находившейся под властью вестготов-ариан. В сражении при Пуатье (507 г.) Хлодвиг разбил вестготов и в считанные ме-

сяцы завоевал почти все их земли в Галлии, исключая средиземноморские области: Септимания осталась за вестготами, Прованс отошел к остготам. Королевство бургундов вскоре оказалось в зависимости от франков, а в 534 г. вошло в состав франкского. В 536 г. остготы, искавшие союзников в борьбе с Византией, уступили франкам Прованс. Одновременно власть франков признали алеманы. В результате в Европе возникло огромное государство, самое крупное из всех варварских государств и, как показало время, самое долговечное.

В отличие от большинства германских народов, переселившихся на территорию Римской империи, франки не покинули свою родину, но расширили ее пределы. Их исконные земли по обе стороны нижнего Рейна служили им источником людских и материальных ресурсов, столь необходимых для контроля над романоязычным населением Нейстрии, а затем и Южной Галлии. Это обстоятельство способствовало устойчивости франкской державы, но оно же обусловило двойственность ее государственного устройства. В Австразии сохранялись древние германские порядки. На завоеванных римских территориях установилась гибридная форма управления, в рамках которой римское административное устройство сочеталось с германскими институтами власти.

Для понимания социальной истории франкского государства принципиально важен вопрос о численном соотношении франков и галло-римлян. В отечественной историографии долгое время преобладало мнение о большом удельном весе германского элемента в Северной и особенно в Северо-Восточной Франции. Считалось, что в этой части страны франки составляли до четверти и даже до трети населения. Единственным аргументом в пользу этой точки зрения служила германская принадлежность подавляющего большинства личных имен, упоминаемых в источниках древнее XI в. Между тем известно, что этническая принадлежность имени далеко не всегда совпадает с этнической принадлежностью его носителя.

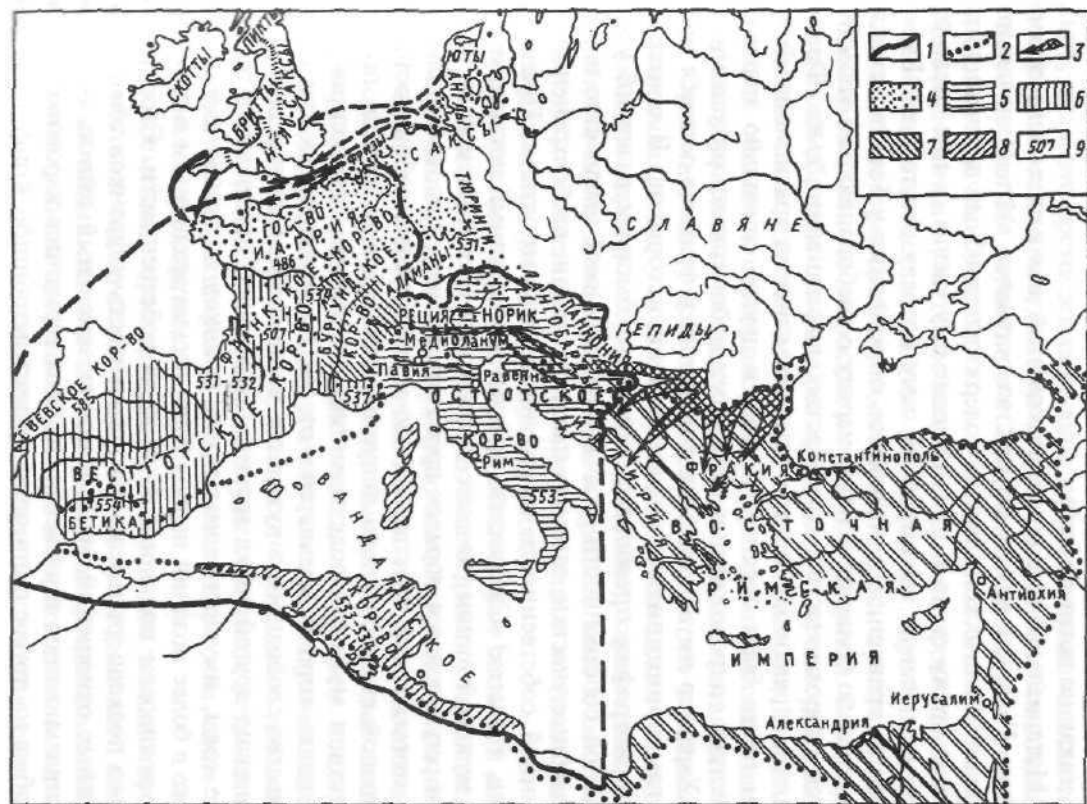
В современной науке, опирающейся на гораздо более широкий круг источников, в том числе археологические и лингвистические, возобладало представление о малочисленности франкских и вообще германских переселенцев на большей части Галлии. К концу раннего Средневековья граница массовой германской колонизации проходила западнее современной лингвистической границы, так что Эльзас, часть Лотарингии и район Кале были тогда германоязычными. Распространение в этих землях французского языка началось не ранее XIII в. За пределами этой зоны германцы составляли незначительное меньшинство, доля которого

в общем составе населения оценивается сегодня максимум в несколько процентов; в некоторых южных районах, например в Гие-ни, Гаскони, Провансе, она вряд ли превышала один процент.

В отличие от готов и бургундов, селившихся обычно по соседству с галло-римлянами, в том числе в пределах одного и того же поселения, франки предпочитали устраиваться обособленно, поэтому в их среде дольше сохранялись древние германские обычаи и порядки. Следует также иметь в виду, что роль господствующего этноса всегда больше его удельного веса в населении. Сам факт принятия галло-римлянами германских имен указывает на их желание уподобиться завоевателям: для знати это было дополнительным средством вписаться в новую элиту, для простого народа — возможностью претендовать на более высокий социально-правовой статус, присущий свободным франкам. Кроме того, широкое распространение получила практика «испомещения» германской знати, т.е. назначения знатных германцев на важные административные должности в разных районах страны, иногда с передачей им части расположенных там королевских имений. Этот процесс, усилившийся с середины VII в., затронул практически все франкское государство и имел серьезные последствия для варваризации общества, в том числе в местностях, не знавших массовой германской миграции.

Общественный строй франков. Главным источником сведений о социально-экономических и правовых отношениях у франков является *Lex Salica* — «Салический закон», представляющий запись их древних обычаев; в отечественной историографии он традиционно именуется «Салической правдой». Она дошла до нас в поздних списках (не ранее IX в.), поэтому вопрос о времени ее создания и последовательности редакций остается спорным. Преобладает мнение, что она была записана в начале VI в., в последние годы правления Хлодвига. Согласно другой точке зрения, независимо от времени первоначальной записи мы можем судить лишь о редакции рубежа VIII—IX вв. Наконец, недавно было высказано предположение, что речь идет о памятнике конца IV в. Проблема усугубляется тем, что время записи обычаев не совпадает со временем их возникновения; общепризнано, что мы имеем дело с наслоениями разных эпох.

Как и другие варварские «правды» (алеманов, бургундов и т.д.), «Салическая правда» записана на латыни с вкраплением отдельных германских терминов, но в отличие от них она почти не испытала влияния римских законов и очень мало сообщает о самих римлянах. Последние существуют как бы на периферии того мира, в котором живет законодатель, и не играют в нем сколь-нибудь

Европа в VI в.:

1 — Западная Римская империя ок. 476 г.; 2 — Восточная Римская империя в правление Юстиниана; 3 — вторжения славянских племен; 4 — королевство франков и их завоевания; 5 — Остготское королевство; 6 — Вестготское королевство; 7 — Бургундское королевство; 8 — королевство вандалов; 9 — даты завоевания территорий

важной роли. Источник запечатлел архаические порядки, существовавшие у франков до того, как они покорили Галлию и оказались в регулярном контакте с ее жителями. Но поскольку в момент записи обычаев происходит отбор тех норм, которые законодатель считает наиболее важными и адекватными, а иногда и их модификация, «Салическая правда» зафиксировала также некоторые новые общественные реалии. Значение этого текста трудно переоценить, важно лишь не забывать, что он отражает жизнь не всего франкского государства, а одних лишь франков, но никак не галло-римлян.

Материальная культура франков этой эпохи еще очень примитивна. Главным видом имущества оставался скот. Изначальный вариант «Салической правды» содержит подробный перечень штрафов за кражу скота и причиненные ему увечья, в том числе при потраве посевов, но штраф за саму потраву отсутствует. Вместе с тем по сравнению с порядками, описанными у Тацита, земледелие сделало большие успехи: наряду с хлебопашеством упоминаются огородничество, садоводство, выращивание льна. Франки жили в деревянных домах с земляным полом; традиционным видом пищи была овсянка. Сделки и другие социально значимые действия сопровождались сложными архаическими ритуалами.

Характер имущественных отношений у франков остается предметом принципиальных разногласий историков. В советской историографии преобладало мнение о быстром развитии у них частной собственности, сначала на движимое имущество и приусадебные участки, затем на пахотные земли, при сохранении общинной собственности на прочие земельные угодья. Признавалось, что *аллод* «Салической правды», наследуемый исключительно по мужской линии (позднее по аналогии с этой нормой во Франции регулировался порядок престолонаследия), еще не был свободно отчуждаемой собственностью и представлял собой достояние большой семьи. Однако допустимость передачи аллода, при отсутствии мужских родственников, женщине (зафиксированная в эдикте короля Хильперика от 561 г.) трактовалась как свидетельство свободного отчуждения земли и превращения ее в товар. Согласно другой точке зрения, получившей признание в последние годы, имущественные права франков на землю и в этот, и даже в более поздний период были весьма архаичны и в принципе не подпадали под понятие частной собственности. Сторонники этого подхода указывают на неразвитость у франков товарно-денежных отношений, исключавшую земельный рынок, на принципиально иное отношение древних германцев к родовой земле, вообще на другое понимание богатства.

Доводами часто служат одни и те же тексты, интерпретируемые с диаметрально противоположных позиций. Наиболее отчетливо это проявляется в толковании статьи LVIII, согласно которой, если человек не мог заплатить долг или штраф, он должен был поклясться, что «ни на земле, ни под землей он не имеет имущества более того, что уже отдал», после чего был вправе обратиться за помощью к родственникам. Этот текст приводился в доказательство того, что земля являлась коллективной собственностью рода и потому не подлежала отчуждению. Корректнее было бы сказать, что в это время земля вообще не воспринималась как товар, который можно отчуждать и приобретать наподобие движимого имущества. Не случайно в «Салической правде» нет статей, касающихся сделок с землей.

Дискуссионным является и вопрос о природе франкской общины. Основу представлений по этому поводу, преобладавших в советской историографии, составляла схема, предложенная К. Марксом в 1881 г. (в набросках к письму В. Засулич). В истории европейской общины он выделял три этапа: 1) кровнородственная община с коллективной собственностью на землю; 2) земледельческая община с периодическим переделом пахотных земель между составляющими общину домохозяйствами, имевшаяся в раннее Средневековье у всех европейских народов, но в дальнейшем уцелевшая лишь у восточных славян; 3) соседская община, иначе община-марка (от герм. *marke* — граница), характерная для большинства стран Западной Европы в Средние века и сочетавшая частную собственность на пахотные земли с коллективной собственностью на луга, леса и другие угодья.

Современная наука рассматривает общину как сложный институт, несводимый к регулированию поземельных отношений, который необходимо понять не только в генетическом, но и в функциональном плане, т.е. с точки зрения того, как он вписывался в систему уже далеко не первобытного общества, какие проблемы помогал решать и какие социальные условия поддерживали его существование. При этом во внимание принимаются не только аграрные распорядки, но также природные условия, плотность населения, тип поселения, территориальное устройство и т.д. Существенно расширен и круг источников, в том числе за счет материалов археологии.

Суть современных представлений об эволюции западноевропейской общины заключается в том, что марка принимает свой классический облик лишь в период развитого феодализма. Источники более раннего времени позволяют говорить лишь о достаточно аморфной общности жителей одной местности, еще не

сплоченных в единый хозяйственный коллектив. Плотность населения в раннее Средневековье была невысока, природные условия, как правило, не требовали коллективных усилий для отвоевания земли у природы, преобладал хуторской тип поселения, также не способствовавший установлению тех межсоседских отношений, которые характерны для общины-марки, в частности связанных с чересполосицей и принудительными севооборотами. Убедительных доказательств существования марки в раннее Средневековье источники не содержат.

При непредвзятом прочтении «Салическая правда» свидетельствует именно о таком типе общины. «Если кто захочет, — говорится в XLV главе “О переселенцах”, — переселиться в виллу (т.е. сельское поселение. — *Ред.*) к другому и если один или несколько жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению, он не будет иметь права там поселиться». Если же он все-таки поселится в вилле, несогласный может добиться его изгнания через суд. Жители виллы выступают здесь как соседи, которым безразлично, сколько людей и что за люди будут пользоваться природными ресурсами их округи, вообще жить рядом с ними. Но видеть в этом тексте свидетельство общинной собственности на обрабатываемые земли достаточных оснований нет. Сходным образом следует трактовать сообщение эдикта Хильперика о том, что при отсутствии у человека детей его земля достается соседям. Речь идет о выморочном имуществе, которое, естественно, поступало в распоряжение общины, но никак не о периодических переделах пахотных земель.

«Салическая правда» упоминает об общем стаде, о наличии общих лесов и других угодий. Показательна также норма о коллективной ответственности жителей той или иной виллы за поимку и выдачу преступников. У членов общины было много и других общих дел: поддержание правопорядка и санитарных норм, защита от врагов и хищных зверей, отправление культа и т.д., но эти стороны общинной жизни не получили отражения в источнике.

Другой аспект истории раннесредневековой общины, подвергшийся в последние десятилетия пересмотру, связан с соотношением общины и рода. Если в трактовке имущественных отношений у франков советская историография модернизировала их общественный строй, в этом случае она его неоправданно архаизировала.

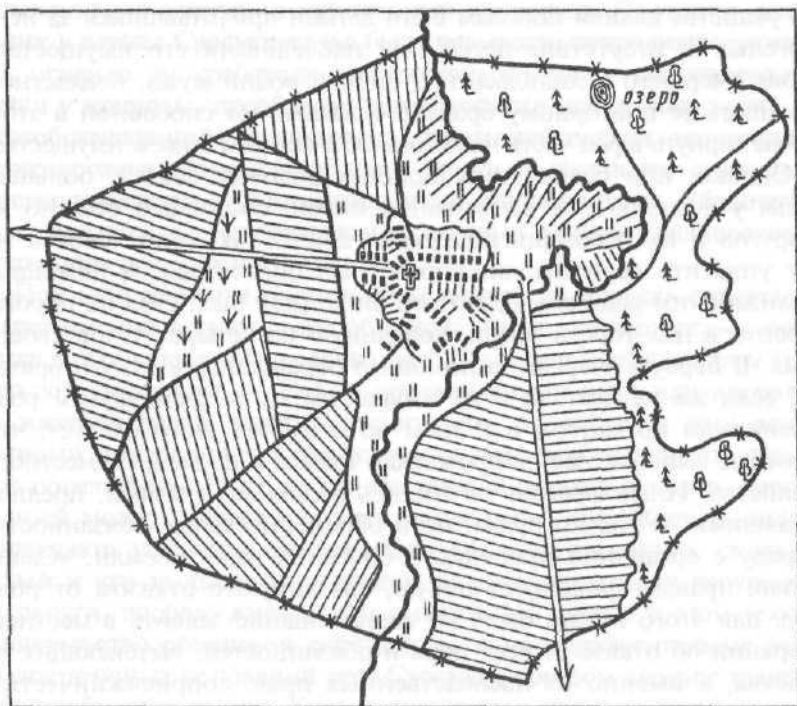
Род играл важную роль в жизни свободного франка. Родичи поручались за него в суде (независимо от того, был ли он виновен или нет), они же помогали ему выплачивать штрафы, а в случае

его убийства делили пополам с его детьми причитавшийся за него вергельд. В отсутствие детей они наследовали его имущество. Вдова умершего находилась под опекой родни мужа, невластной помещать ее повторному браку с чужаком, но способной в этом случае вернуть в род часть нажитого ею с первым мужем имущества.

Однако, при сохранении сильных родовых связей, большая семья у франков уже вытесняется малой, состоящей обычно из супругов и их несовершеннолетних детей. Так, если человек не мог уплатить вергельд, он вправе был обратиться за помощью к ближайшим родичам. Для этого он должен был, стоя на пороге, бросить в них горсть земли, собранную из четырех углов своего дома. В первую очередь за помощью обращались к отцу и братьям, если же не хватало и их имущества, то к трем другим родственникам по матери и к трем по отцу. Из этого следует, что взрослые сыновья уже не проживали вместе и не вели совместного хозяйства. Иные франки тяготились родовыми связями, предполагавшими не только права, но и обременительные обязанности. Наряду с архаичной процедурой бросания горсти земли, «Салическая правда» фиксирует новую, связанную с отказом от родства: для этого нужно было во всеуслышание заявить в местном собрании об отказе от всех прав и обязанностей, вытекающих из родства, а именно от наследственных прав, соприсяжничества, участия в уплате и получении вергельда, а также от кровной мести. В случае бездетной смерти такого человека его имущество поступало в королевскую казну.

При всей важности рода как социального организма, сфера его компетенции сильно отличалась от сферы компетенции общины. Конечно, члены рода жили в основном по соседству. Однако поселения франков состояли из домохозяйств, принадлежавших людям из разных родов и даже разных этнических групп. Поэтому наличие рода как такового не может служить свидетельством существования у франков V—VI вв. родоплеменной общины, хотя бы и в стадии разложения. Сельская община формировалась у них не столько в результате разложения рода, сколько в результате усложнения хозяйственных и социальных отношений, складывавшихся в процессе возникновения поселения и его интеграции в сотню и округ.

Социальная структура. Субъектом права в «Салической правде», а значит, типичным, среднестатистическим членом франкского общества был свободный человек. К этому времени родовая знать у франков уже исчезла; новая, служилая знать еще только складывалась. «Салическая правда» знает королевских дружинников (*антрустионов*) и других лиц, состоящих на королевской

Средневековая деревня

Схематически показано примерное расположение угодий с системой открытых полей. В центре деревни — площадь (с церковью), через которую проходит главная дорога. Усадьбы крестьян располагаются вдоль дороги, а также хаотично — дворами. Пахотная земля лежит отдельными массивами, которые в период созревания урожая обносят временными изгородями. После уборки урожая изгороди снимают и поля «открываются» для коллективного выпаса скота. Эта практика предполагает принудительный севооборот (необходимость одновременной уборки урожая влечет за собой единообразие культур в рамках одного массива). Пахотный надел крестьянина расположен чересполосно — по участку в каждом массиве. Остальные угодья — лес, пустоши, — как правило, не поделены и используются совместно всеми общинниками. Луга также в основном общинные, однако часть их на время сенокоса поступает в распоряжение отдельных семей

службе, причем дружинником и даже графом мог стать и бывший раб, так что между должностным положением и происхождением не было жесткой зависимости. Жизнь дружинника защищена тройным вергельдом в 600 солидов против 200 солидов за свободного. Однако нормальным субъектом права являются обычные свободные люди — собственники-земледельцы, они же воины и члены народного собрания, не занимающие каких-либо должностей. Подавляющее большинство глав «Салической правды»,

начинающихся словами: «Если кто совершит то-то», касаются именно их, соответственно, именно они составляют костяк франкского общества.

Рабы также были неотъемлемой частью этого общества. Их жизнь не была защищена вергельдом, господину возмещалась лишь цена убитого раба. Рабство было распространено уже у древних германцев. Завоевание римских провинций, сопровождавшееся захватом рабовладельческих вилл и обращением в рабство свободных людей, привело к увеличению слоя рабов. Главной производительной силой франкского общества были не они, а свободные люди. Кроме того, подобно другим германским народам, франки предпочитали сажать рабов на землю на условиях уплаты оброка. Отпуск рабов на волю практиковался, однако франкские отпущенники, в отличие от римских, не обретали полной свободы, а оставались в зависимости от бывшего хозяина и были обязаны ему разнообразными повинностями и платежами. Франкское общество знало еще одну группу неполноправного населения — *литов*. Поскольку их вергельд составлял 100 солидов, их условно называют «полусвободными»; то были, по-видимому, потомки освобожденных рабов и покоренных иноплеменников.

Государственное устройство. Завоевание римских провинций ускорило процесс отмирания старых органов управления, собственных родоплеменному обществу. На покоренных территориях франки унаследовали институты более развитой государственности (в частности сложную систему налогообложения), которая не могла не повлиять на их собственные органы управления. Необходимость держать в повиновении превосходящее их по численности и культурному уровню галло-римское население также оказала воздействие на общественно-политический строй франков.

Ко времени Хлодвига народное собрание уже не играло важной роли. Реликтом его были «мартовские поля» — ежегодные смотры, куда должны были являться с оружием все свободные мужчины. В отличие от покоренных галло-римлян франки не платили налогов, их главная публичная повинность заключалась именно в военной службе. Войско могло воспрепятствовать королю в каком-то частном деле, например при дележе добычи, но важные политические решения король принимал без оглядки на воинов. Порядок наследования не был точно определен, что порождало конфликты, но королем мог быть только представитель рода Меровингов.

Местное управление сохранило больше от древних германских порядков. Родоплеменные деления уступили место территориальным, но если территории, некогда заселенные племенем, теперь

управлялись должностными лицами короля — *графами*, то в подразделениях племенной территории, которые, как и прежде, назывались *сотнями* (по числу воинов, которых они должны были выставять), уцелело народное самоуправление. Здесь еще долго созывались собрания всех свободных людей, именуемые в латиноязычных текстах *mallus*. Они проводились под председательством выборного лица — сотника, иначе *тунгина* (ср. древнегерм. «тинг» — собрание), и избирали из числа знатоков права коллегию судебных заседателей — *рахинбургов*. Графы присылали на эти собрания своих представителей, приводивших в исполнение вынесенные судом решения и собиравших в пользу короля часть судебных штрафов, но в этот период в дела сотен еще не вмешивавшихся.

Существенно иначе строилось управление галло-римскими областями. Меровинги в целом сохранили провинциальный административный аппарат Римской империи, хотя и не смогли поддерживать его на должном уровне. В частности, прекратилось составление земельных кадастров. Налоговая система перетерпела мало изменений, продолжали действовать римские законы и римские суды, руководствовавшиеся по большей части так называемым Бrevиариум Алариха — сводом римских законов, отобранных в 507 г. вестготским королем Аларихом для своих римских подданных. Главной административной единицей оставалась *civitas* — «город» в античном смысле слова, т.е. обширная область, границы которой, как правило, были заданы еще доримским племенным делением. *Civitas* управлялась комитом, представляющим короля, и в свою очередь делилась на викарии, сопоставимые по размерам с сотнями, во главе с назначаемым лицом — викарием. К концу VII в., когда сотник тоже стал назначаться сверху, различия между ним и викарием стираются, как и различия между графом и комитом. Начиная с IV—V вв. *civitas* совпадала также с церковным диоцезом. Епископы играли очень важную роль в управлении *civitas*, выступая в качестве представителей и защитников ее населения перед королевской властью.

В эту эпоху христианизация общества была еще очень поверхностной, особенно в сельской местности, даже в галло-римской среде. Зарейнские области оставались по большей части языческими. Принадлежность к христианству выражалась в основном во внешнем благочестии, выполнении обрядов, почитании реликвий, нередко принимавшем уродливые формы, не исключая кражу и подделку мощей. Христианство еще не затронуло, тем более не регламентировало большинства социально значимых сторон жизни, например заключение и расторжение брака, имянаречение

детей и повседневные занятия верующих. Поразительная жестокость, которой отмечено это время, как и сама безоглядность преступлений, также свидетельствует о поверхностном восприятии библейских заповедей. Это касается даже значительной части духовенства, ведшего вполне светский образ жизни и предававшегося тем же порокам, что и миряне. Многие священнослужители, в том числе епископы, носили оружие, ходили на охоту, участвовали в военных походах и заговорах, жили в роскоши, имели конкубин и незаконнорожденных детей. Отдельные случаи крайней аскезы и самоистязания только оттеняют общую картину, тем более что зачастую «Божьи атлеты» отнюдь не отказывались от своих богатств и социального статуса. Как правило, знатные отшельники устраивали свои кельи на территории собственных поместий, им прислуживали рабы, а аскеза обходилась им порой очень дорого. Григорий Турский оставил красочный рассказ о затворнике, в цепях и власянице проведенном долгие годы в башне под Ниццей, который питался, в числе прочего, особыми кореньями, доставляемыми ему из Египта.

Этот отшельник, как и подавляющее большинство святых меровингского периода, был, разумеется, выходцем из римской аристократии, в целом сохранившей свои владения и образ жизни, несмотря на крах империи. Не все галло-римские «сенаторы» поспешили на службу к варварским королям, большинство предпочло гордо замкнуться в своих поместьях и городских резиденциях, успешно контролируя город через епископскую кафедру, занятую кем-то из членов семьи. Но уже «Салическая правда» сообщает о «королевских сотрапезниках» из числа римлян, на протяжении VI в. удельный вес галло-римской знати среди приближенных Меровингов быстро растет, а VII в. отмечен ее сближением с франкской знатью, в том числе брачными союзами и участием в одних и тех же политических интригах. Дольше всего сохраняются различия в правовом статусе и отчасти в культурном облике. Многие галло-римские роды, особенно на юге страны, бережно хранили память о своем происхождении и еще в X—XI вв. судились по римским законам.

Социальный строй и организация римских поместий эволюционировали медленно, сохраняя на протяжении всего меровингского периода много античных черт. Главными экономическими тенденциями оставались свертывание рыночных связей (особенно заметное со второй половины VII в.) и прогрессирующее ипомещение рабов на землю, хотя этот процесс затянулся до конца X в. В социально-правовом отношении наиболее важным было некоторое улучшение статуса несвободных людей, добившихся при-

знания юридического характера своих брачно-семейных отношений, ограниченного права свидетельствовать в суде и быть членами церковной общины. Статус колонов, напротив, несколько ухудшился; в некоторых районах стали различать колонов и свободных. Хуже всего мы осведомлены о положении свободных простолюдинов, но несомненно, что в эту эпоху они были многочисленны.

В это время принципиально меняется характер поселений. Многие виллы, как и многие деревни, обрастают укреплениями. Города, когда-то плавно переходившие в загородные резиденции элиты и другие сельские поселения, уже в IV—V вв. возводят оборонительные сооружения. В меровингскую эпоху этот процесс продолжается, причем теперь вдобавок к крепостным стенам, окружающим город, внутри его строятся цитадели. Основой их нередко служит какое-то особо прочное сооружение прежних времен, например амфитеатр; примером может служить Ним, чья цитадель называлась *Arenae*. Иногда город уменьшался до цитадели, окруженной, впрочем, незащищенными кварталами. Городское ремесло и торговля в этот период были еще довольно хорошо развиты, хотя спад экономической активности очевиден. Черты позднеантичной *civitas* галло-римский город сохранял в целом до середины VII в., когда из-за продвижения арабов в Западное Средиземноморье стали рушиться устойчивые торговые связи. В Австразии кризис городов пришелся на более поздний период (IX в.) и был вызван вторжениями норманнов. Предшествующий период, напротив, был достаточно спокойным и ознаменовался возникновением новых городских центров, таких, как Кентовик у Па-де-Кале и Дурстед в низовьях Рейна. В это время на северных морях первенство держали фризские купцы.

К концу меровингской эпохи общественный строй германских и романских областей при всех различиях обнаруживает все больше общих черт. Происходит взаимопроникновение элементов двух культур, их постепенный синтез и складывание качественно нового общества.

Франкское государство этой эпохи было довольно искусственным образованием, лишенным как этнической, так и экономической основы. Наиболее ощутимыми были различия между германской Австразией и романской Нейстрией, но определенную самобытность сохраняли Бургундия, Аквитания, Прованс. Кроме того, в пределах державы Меровингов существовали полунезависимые области, обособливавшиеся в периоды усобиц: герцогства алеманов, баваров, тюрингов, фризов, кельтская Арморика, все чаще называвшаяся Бретанью, заселенная басками Гасконь.

После смерти Хлодвиг франкское государство было разделено между четырьмя его сыновьями, вскоре вступившими в междоусобную борьбу. Их земли лежали чересполосно, не образуя компактных территорий, а столицы находились по соседству на северо-востоке Галлии: в Меце, Суассоне, Париже и Орлеане. Делились не столько территории, сколько земли фиска и всевозможные налоги, притом не только поземельные: например, Марсель — главный франкский порт на Средиземном море и в силу этого источник заморских товаров и таможенных сборов — нередко находился в совместном владении двух королей. К концу VI в. из усовиц франкских конунгов вышли два политических образования: Нейстрия, чьи правители, как правило, контролировали также Аквитанию, и Австразия, которой подчинялась Алемания; Бургундия переходила из рук в руки. Войны меровингских династий отличались безнравственностью и сопровождались редкой жестокостью как друг к другу, так и к населению «враждебных» королевств. В ходе этих войн римская цивилизация Галлии понесла еще больший урон, чем в V в. Некоторые античные города прекратили существование именно в этот период. В памяти потомков эти усовицы оказались связанными с именами двух королей: Брунегильды и Фредегонды, ненавидевших друг друга еще больше, чем их царственные мужья, и подстрекавших их, а затем своих детей и внуков к новым войнам и новым жестокостям. В этих войнах не нужно искать какой-либо социальной или этнической подоплеки: то были распри варваров, дорвавшихся до власти и богатства, но неспособных распорядиться ими сколь-нибудь разумно, даже в собственных интересах.

Время от времени Нейстрия и Австразия объединялись под властью одного правителя, но после его смерти происходил новый раздел, и каждая вновь шла своим путем. Усовицы привели к ослаблению внешнеполитических позиций франков. Пострадала и сама королевская власть: в это время быстро усиливается региональная знать, все чаще претендующая на prerogatives короля.

Пользуясь трудностями враждующих меровингских правителей, знать начинает диктовать им свою волю, иногда открыто угрожая им смертью и приглашением на престол другого представителя династии. В 613 г. австразийские магнаты выдали престарелую королеву Брунегильду и ее правнука, малолетнего короля Сигеберта II, на зверскую расправу их заклятому врагу королю Нейстрии Хлотарю II, который стал в итоге правителем всей франкской державы. Он был вынужден подтвердить права знати на все приобретения, сделанные в смутные времена его предшественников, и обязался назначать графов и других должност-

ных лиц исключительно из среды местной знати. Кроме того, он признал внутреннее единство Австразии, Нейстрии и Бургундии, которые отныне нельзя было дробить между наследниками. Каждое из королевств получало особую администрацию во главе с *майордомом* (букв.: «старшим по дому»), т.е. управителем королевского дворца и всеми королевскими поместьями данной области. Поначалу майордом назначался королем, но к VII в. благодаря доступу к огромным ресурсам он приобрел большой политический вес и стал выдвигаться местной знатью, видевшей в нем представителя своих интересов. Майордомы ведали налогами, в отсутствие короля председательствовали в суде и командовали войсками, в малолетство короля выступали его опекунами, фактически управляя от его имени.

Последним меровингским правителем, обладавшим реальной властью, был Дагоберт I (628—638). Он вернул часть фискальных земель, захваченных магнатами, лично вершил суд, строил и реставрировал храмы, основывал монастыри, за что был впоследствии канонизирован. Дагоберт восстановил власть франков над алеманами и тюрингами, успешно воевал с басками и аварами, менее успешно — со славянами, потерпев поражение от союза племен, населявших территорию современной Чехии. После его смерти настоящая власть перешла к майордомам. В течение нескольких десятилетий и в Нейстрии, и в Австразии за этот пост велась ожесточенная борьба, но к концу VII в. власть майордома стала наследственной, сосредоточившись в руках австразийского рода Пипинидов, которые сами назначали и смешали длинноволосых королей — сначала в Австразии, затем и во всей франкской державе.

Могущество Пипинидов выросло из союза двух знатных семей Австразии, возглавлявшихся в 30-е годы VII в. майордомом Пипином Ланденским, франком по происхождению, чьи основные владения находились в районе Льежа, и выходцем из галло-римской аристократии епископом Меца Арнульфом, впоследствии канонизированным. Посчитав себя достаточно сильными, они возвели в 656 г. на престол Австразии внука Пипина, принявшего королевское имя Хильдеберт. Однако это решение не было одобрено знатью, все еще считавшей, что королем должен быть представитель рода Меровингов. Общими усилиями знати Австразии и Нейстрии Хильдеберт был свергнут и отправлен в монастырь. Пипиниды временно сошли с исторической сцены. Но вскоре майордомом Австразии стал другой Пипин, приходившийся внуком Пипину Ланденскому и Арнульфу Мецскому, прозванный за пристрастие к одному из своих поместий Геристальским. В 687 г.,

разбив войска майордома Нейстрии, он объединил франкскую державу. Пипин не пытался стать королем, но власть его была намного реальнее власти короля.

Хотя с этого времени Австразия, Нейстрия и Бургундия почти всегда имели одного государя, власть Меровингов становится эфемерной. Последние из них были лишены большинства имений и почти полностью отстранены майордомами от политических дел. С легкой руки франкского историка Эйнгарда (IX в.), оставившего нам ироничный рассказ об их образе жизни, они вошли в историю как «ленивые короли». Причины упадка династии Меровингов не вполне ясны. Не исключено, что речь идет о вырождении; во всяком случае, большинство представителей этой семьи умерло подозрительно рано. В то же время, первые Пипиниды во многих отношениях вели ту же политику, что и Меровинги, в частности делили свои полномочия в Нейстрии и Австразии между сыновьями и вели борьбу с той же самой знатью, из среды которой вышли. Но в этом роду было немало действительно выдающихся деятелей, предотвративших распад государства и отразивших самую серьезную угрозу, с которой оно столкнулось за всю свою историю, — угрозу со стороны арабов.

§ 2. Государство Каролингов

После недолгой династической войны между членами семьи Пипина Геристальского ему наследовал его младший незаконнорожденный сын Карл (714—741). Он известен как Карл Мартелл — «Молот», прозванный так за предпочтение булавы другим видам оружия, а затем и за сокрушительные победы над врагами. С его именем связана реорганизация франкской армии. Народное ополчение теряет прежнее значение, на первый план выходят воины-профессионалы, получившие от майордома земельные пожалования — *бенефиции*, которыми они владели на условиях несения военной службы. В источниках эти воины именуются *верными*, или *вассалами* (от кельтского *gwas* — «слуга»). Объектом пожалования могли быть владения разного размера, поэтому многие бенефициарии шли на войну вместе с зависимыми людьми. Хотя большинство франкского войска по-прежнему составляли пехотинцы, с этого времени усиливается роль конницы. Чтобы легче кормить коней, смотр войска с 755 г. стали проводить не в марте, а в мае; соответственно, мартовские поля сменились майскими.

Для обеспечения вассалов землей Карл Мартелл широко проводил секуляризацию церковных владений, которые, по некоторым оценкам, охватывали до трети всех земель в государстве. В этой

акции не было ничего антиклерикального, поскольку церковная земля считалась в то время в известном смысле частью фиска. С другой стороны, церковные иерархи играли столь активную роль в политической жизни и так мало в большинстве своем отличались по образу жизни от светских магнатов, что Карл Мартелл имел все основания обходиться с ними так же, как с представителями светской знати, и, в частности, карать мятеж и непослушание конфискацией земли. В результате ему удалось создать фактически новую элиту, серьезно потеснившую старую аристократию, опиравшуюся на родовые поместья и контролируемые епископские кафедры. Бенефициальная реформа была важным шагом в сторону феодализации общества, поскольку основу общественного положения вассалов составляло условное землевладение. В то же время эта реформа существенно укрепила центральную власть, позволив майордомам вернуть многие завоевания первых Меровингов и отразить новые угрозы.

Карл Мартелл предпринял ряд успешных походов в Германию, восстановив власть франков над алеманами и заставив саксов платить дань. Но в историю он вошел прежде всего благодаря победам над арабами.

Разгромив королевство вестготов, арабы уже через несколько лет пересекли Пиренеи; в 720 г. пала последняя столица вестготов — Нарбон. Исключая Септиманию, они не пытались закрепиться в Галлии, предпочитая договариваться с полунезависимыми от франков правителями южногалльских земель. Однако десять лет спустя арабы почувствовали себя достаточно уверенными, чтобы предпринять серьезный поход на север. В 732 г. на подступах к Пуатье они столкнулись с франками под предводительством Карла Мартелла и потерпели поражение; в бою был убит их предводитель. В этом сражении франки впервые применили тяжелую конницу. Вскоре после этого франки разбили и союзников арабов в Провансе и Гаскони, восстановив свою власть в этих областях.

Карл Мартелл правил как настоящий король, хотя и без королевского титула, который по-прежнему считался прерогативой рода Меровингов. Однако судьбой престола распоряжался именно майордом, называвшийся теперь «герцог и принцепс франков». После смерти в 737 г. очередного длинноволосого короля Карл Мартелл не стал назначать ему преемника и последние годы правил один. Умирая, он, словно король, разделил государство между тремя сыновьями. Старшие братья — Карломан и Пипин (прозванный за малый рост Коротким) — немедленно пошли войной против младшего, рожденного в другом браке, и, заточив

его в монастырь, разделили его владения. Карломан стал правителем Австразии и зависимых зарейнских земель, Пипину достались Нейстрия, Бургундия, Аквитания и Прованс. Братья, однако, сочли за благо возвести на престол очередного Меровинга — Хильдерика II, не обладавшего уже никакой властью. В 747 г. Карломан, мучимый раскаянием за вероломное убийство вождей алеманов, которых он пригласил на переговоры, принял постриг, и Пипин стал единовластным правителем франков.

В 751 г., заручившись поддержкой римского папы Захарии, Пипин отправил Хильдерика в монастырь. Вслед за этим на собрании знати он был поднят, по древнему обычаю, на щит и провозглашен конунгом. Несколько месяцев спустя, стремясь придать своему статусу дополнительную легитимность, Пипин первым из франкских монархов принял в аббатстве Сен-Дени помазание на царство. Корона как символ монаршей власти еще не была известна франкам, поэтому помазание имело особое значение. В 754 г. новый папа Стефан II, приехавший искать у Пипина помощи против лангобардов, вновь помазал его, а заодно его сыновей на царство, закрепив тем самым власть за его родом.

Став королем, Пипин предпринял два успешных похода в Италию (754 и 756 гг.), вынудив лангобардов не только снять осаду Рима, но и передать папе — вопреки протестам Константинополя — только что завоеванную ими территорию Равеннского экзархата. Тем самым было положено начало существованию особого папского государства, официально называвшегося патримоний (что значит «наследственное имущество») святого Петра. Папа даровал Пипину титул «патриция римлян», т.е. светского защитника жителей Рима и его округа. Вслед за этим в 759 г. Пипин отвоевал у арабов Септиманию, завершив их изгнание из Галлии. Жители Нарбона открыли ему ворота и помогли перебить арабский гарнизон в обмен на обещание сохранить им древние вестготские законы.

Правление Пипина отмечено проведением важной церковной реформы. К VIII в. франкская церковь находилась в глубоком кризисе. В среде духовенства несоблюдение канонов стало почти что нормой, процветали пьянство и распущенность. Между 689 и 744 г. не созывались соборы. Епископом иногда становился граф данного округа, сохранявший и свои прежние полномочия. Имея, как правило, до принятия сана семью, он продолжал действовать в ее интересах, нередко передавая кафедру одному из сыновей (примером может служить Арнульф Мецский); привлечение с этой целью племянников было и вовсе обычным делом. С согласия майордома один и тот же человек, в том числе мирянин, мог

быть одновременно епископом нескольких епископств и аббатом нескольких монастырей. Напротив, ввиду затяжных споров о том, кому быть епископом, некоторые кафедры подолгу оставались вакантными. Среди епископов встречались неграмотные люди, воспринявшие азы церковной культуры на слух. Многие из них вели вполне светский образ жизни, некоторые принимали личное участие в военных действиях и даже поднимали мятежи против центральной власти.

Большинство монастырей также находилось в упадке. Благодаря инициативе королей и знати число их росло (в это время возникли, в частности, такие бенедиктинские аббатства, как Сен-Бертен и Флери), но внутренняя дисциплина и культурный уровень монахов были низкими. Исключение составляли обители, основанные ирландскими отшельниками и миссионерами, появившимися на континенте в конце VI в. (первым был св. Колумбан) и создавшими немало знаменитых впоследствии монастырей, в том числе Люксей, Боббио, Санкт-Галлен, Корби. Дисциплина в них была очень строгой, поощрялось чтение и копирование рукописей, а также проповедь христианства местному населению. Некоторые старые королевские монастыри, например Сен-Дени и Сен-Жермен-де-Пре под Парижем, также заботились о соблюдении устава. Однако большинство обителей находилось в жалком состоянии.

Несмотря на постепенный рост числа приходов, восприятие христианской религии оставалось поверхностным. Ощутимый прогресс наблюдался лишь в продвижении христианства в глубь Германии. На этом направлении наиболее активны были англосаксонские миссионеры во главе со св. Бонифацием, прозванным «апостолом Германии». В 744 г. по его инициативе был созван церковный собор. Наиболее злостные нарушители канонов были лишены сана. Была упорядочена церковная организация на всех уровнях, от прихода до архиепископства; впервые было определено, что несколько епископств составляют архиепископство. Решено было ежегодно проводить соборы. Священнослужителям воспрещалось носить светское платье и оружие, заниматься военным делом и охотой. Монахам предписывалось соблюдать бенедиктинский устав. Мирянам закрывался доступ к церковным должностям. Были предприняты шаги по возвращению церкви конфискованных у нее земель, но это встретило сопротивление со стороны тех, кто получил эти земли в бенефиций. В свою очередь майордомы, стремившиеся контролировать все епископства напрямую, противились учреждению архиепископств, как и призыву отстранить мирян от управления церковными учреждениями. Не были претворены в жизнь и некоторые другие решения, в

частности, многие епископы еще долго носили оружие и участвовали в сражениях. Тем не менее реформа содействовала улучшению отбора кандидатов на церковные должности, установлению определенных нравственных норм в среде духовенства и преодолению наиболее очевидных языческих предрассудков.

Пипину наследовали два сына: Карл, прозванный потомками Великим, получил северные и западные области, Карломан — центральные и южные, не совпадавшие ни с одним из королевств. После смерти Карломана (771) в обход его детей, отправленных в монастырь, а затем бежавших с матерью в Италию, Карл захватил его владения, став правителем всего франкского государства. В его правление (768—814) франкская держава достигла своего апогея.

Внешняя политика Каролингов. На протяжении всего своего правления Карл Великий вел многочисленные войны на всех направлениях, нередко одновременно, и в результате заметно расширил границы франкской державы.

В 772 г. в ответ на очередное разбойное нападение саксов на пограничную франкскую территорию Карл начал с ними войну. У саксов еще не было своего государства, и они не составляли единого союза племен. Карл быстро разгромил одно из четырех саксонских племен — ангриев, вынудил их вновь платить дань и уничтожил общесаксонское святилище Ирминсул, захватив заодно его сокровищницу. Посчитав войну выигранной, он занялся Италией.

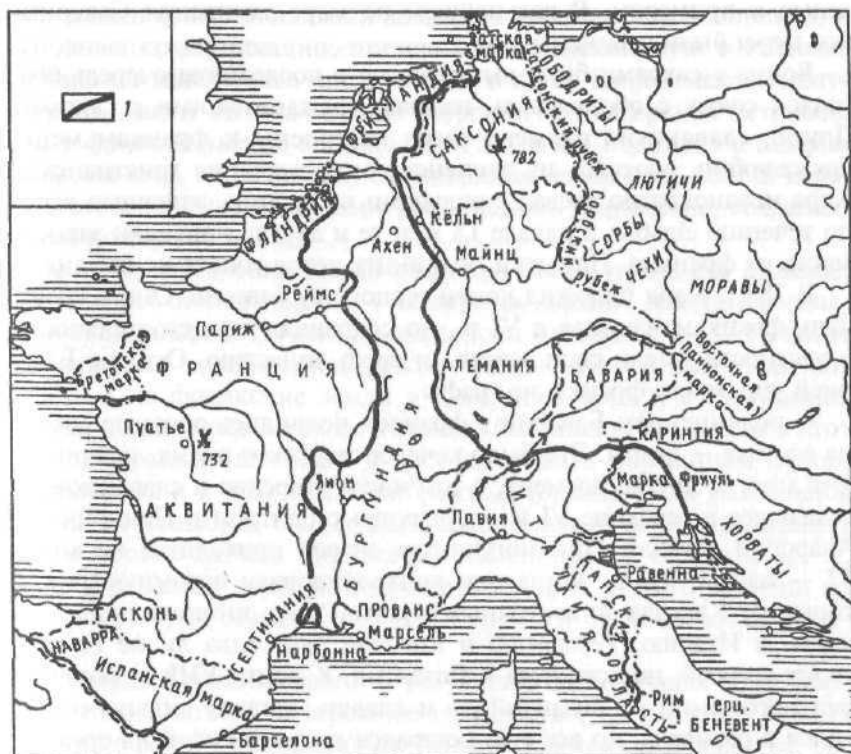
К этому времени союз франков с лангобардами был нарушен. Король лангобардов Дезидерий, обязанный своей короной Пипину и ставший тестем обоих его сыновей, приютил у себя детей покойного Карломана, которых многие во Франкии считали законными правителями; Карл, в свою очередь, разорвал брак с дочерью Дезидерия. После того как в 772 г. лангобарды вторглись в папские владения, папа Адриан I обратился к Карлу за помощью. После 19-месячной осады франки взяли Павию, Дезидерий был сослан в монастырь, а Карл венчался железной короной лангобардов. Еще до окончания осады он первым из государей Европы прибыл в Рим — на богомолье и на переговоры. Папа подтвердил его титул римского патриция и статус защитника римской церкви. В свою очередь Карл признал земельные пожалования папству, сделанные Пипином, добавив к ним новые, но воспротивился претензиям папы на верховенство в Центральной и Южной Италии. Он присоединил лангобардское герцогство Сполето к своим итальянским владениям, другое лангобардское герцогство на юге полуострова, Беневенто, признало зависимость. Однако завершить

завоевание Италии Карлу не удалось: саксы опять вторглись во франкские владения, и он поспешил вернуться в Германию. На этот раз удар пришелся по другому племени — вестфалам, на землях которых были размещены гарнизоны и создана буферная территория между Франкией и остальной Саксонией, именуемая маркой. В 777 г. Карл собрал в Падерборне саксонскую знать, призывая ее принять христианскую веру и сотрудничать с франками.

В 778 г. Карл предпринял поход в Испанию. Он рассчитывал на помощь арабского наместника Сарагосы, обратившегося к нему за помощью против эмира Кордовы и обещавшего сдать город. Но к тому времени, когда Карл прибыл в Испанию, тот был уже смещен. Взять Сарагосу не удалось, в том числе из-за отсутствия у франков осадных машин. На обратном пути, при переходе через Пиренеи, в Ронсевальском ущелье арьергард франкского войска во главе с графом Бретонской марки Роландом попал в засаду, устроенную басками, и погиб. Это событие, переосмысленное как схватка франков с арабами, легло в основу «Песни о Роланде» — главного французского эпоса, текст которого оформился и был записан в XI—XII вв. Арабские источники об этом событии молчат, франкские — подозрительно лаконичны. Известно, однако, что франки потеряли все города, захваченные в ходе этой войны в Испании.

Поражение в Испании было серьезным ударом по позициям Карла. Началось восстание в Саксонии, подняли голову недовольные в Италии и Аквитании. С этого времени политика Карла становится более осторожной. В 781 г. он привозит в Рим малолетних сыновей, Пипина и Людовика, с тем чтобы папа помазал их на царство, и провозглашает их королями, соответственно, лангобардской Италии и Аквитании, создав тем самым видимость их автономии. К управлению королевствами была привлечена местная знать. Главным направлением внешней политики надолго стало восточное.

Восстание в Саксонии возглавил вестфальский аристократ (эделинг) Видукинд. Он захватил и подверг разгрому Падерборн, убивал всех встретившихся ему франков, в том числе миссионеров, уничтожал церкви, нанес франкам ряд чувствительных поражений. Карл ответил массовыми казнями, но, наученный горьким опытом, постарался одновременно договориться с местной знатью. В 782 г. появились первые саксонские графы, а в 785 г. сдался Видукинд, приняв крещение из рук самого Карла. После этого франки перенесли военные действия на территорию остфалов, по левому берегу Эльбы. Последним в 804 г. капитулировало

Франкское королевство при Каролингах:

1 — граница раздела империи по Верденскому договору

племя нордальбингов, жившее в нынешнем Шлезвиге. Наиболее активных мятежников Карл переселил во внутренние районы государства, переведя на их место франков и жителей других давно покоренных земель. Саксония была разделена на графства. На завоеванной земле франки стали строить города, среди них Бремен, Гамбург, Магдебург, Минден, Халле, в которых первоначально жили в основном переселенные франки.

Покорение Саксонии сопровождалось насильственной христианизацией. Были введены суровые наказания за преступления против королевской власти и церкви, установлена церковная десятина. Языческие капища разрушались, соблюдение языческих обрядов, в том числе предание покойников огню, каралось смертью, как и уклонение от крещения, что было закреплено в 782 г. так называемым Саксонским капитулярием. Эти драконовские меры встретили осуждение части франкского духовенства, в том числе Алкуина, призывавшего обращать саксов в свою веру пропо-

ведью и примером. В дальнейшем по мере замирения Саксонии эти меры были смягчены.

Война с саксами была выиграна не в последнюю очередь благодаря союзу с ободритами, издавна враждовавшими с саксами. Другие славянские племена были настроены к франкам менее дружелюбно, опасаясь их экспансии и насаждения христианства. Карл неоднократно воевал с вильцами и сорбами, жившими выше по течению Эльбы; в начале IX в. и те и другие признали зависимость от франков. Попытки подчинить чехов успеха не имели.

В 788 г. Карл положил конец герцогству баваров. Они платили дань франкам начиная с VI в., но сохраняли самостоятельность, в частности имели свои законы и свою династию. Отныне Баварией управляли франкские графы.

С подчинением Баварии у франков появились опасные соседи на востоке — авары. Это было кочевое тюркское племя, подчинившее многие другие племена, в том числе угорские и славянские, и создавшее в середине VI в. государство с центром в Паннонии — Аварский каганат. Пик могущества аваров приходится на конец VI — начало VII в., когда они контролировали огромную территорию от Кавказа до восточных отрогов Альп, вторгались на Балканы, в Италию, Германию и взимали дань едва ли не со всех своих соседей, не исключая и Византии. К концу VIII в., потерпев ряд поражений от византийцев и славян, каганат сильно сократился в размерах, но все еще оставался грозной силой на среднем Дунае, где находились кольцеобразные крепости аваров. Для борьбы с ними Карл привлек славян, страдавших от их набегов и поборов. В 796 г. была взята главная аварская крепость, захвачен дворец кагана и находившиеся в нем сокровища, поразившие возмущение франков. Авары сопротивлялись еще несколько лет, затем отступили в низовья Дуная, где были разбиты болгарами и в конце концов растворились среди кочевых племен, шедших с востока. Паннония была временно (до завоевания ее венграми) занята славянами. Часть южных славян — предков словенцев и хорватов — признала зависимость от франков.

После поражения в Ронсевальском ущелье франки не оставили попыток изгнать арабов из Испании, но отныне сосредоточили свои усилия в Восточных Пиренеях, где начиная с 785 г. вели активные военные действия. Наступление возглавлял двоюродный брат Карла и советник Людовика Аквитанского граф Гильом Тулузский. Эта эпопея нашла отражение в героических песнях о Гильоме Оранжском. В 801 г. была занята Барселона, которая стала центром так называемой Испанской марки, прикрывавшей франкскую державу с юга. Одновременно на Средиземном море

был создан флот, способный защитить от пиратов и побережье, и основные коммуникации, прежде всего морской путь в Италию. Однако на дальнейшее продвижение в глубь Пиренейского полуострова, как и на подчинение Корсики и Балеарских островов, сил у франков уже не хватило. В 812 г. Карл подписал с эмиром Кордовы мир, закрепивший сложившееся положение вещей. В результате и на суше, и на море установилось равновесие, сохранявшееся до середины IX в.

К концу правления Карла возникла новая угроза его державе, исходившая от норманнов — «северных людей», как тогда называли скандинавов. Начало их экспансии относится к 787 г., когда они впервые ограбили побережье Англии. Вскоре они стали нападать и на франкские земли у Северного моря и в Ла-Манше, иногда поднимаясь вверх по течению больших рек. Однако в этот период франки еще были в состоянии дать норманнам отпор; в устьях рек и в ключевых прибрежных городах были размещены сильные гарнизоны, был создан внушительный флот, предпринят поход против датчан. Положение изменилось в середине IX в., когда Франкская держава погрязла в распри: с этого времени на северных морях безраздельно властвовали и бесчинствовали норманны.

Империя Карла Великого. В результате бесконечных войн Карла Великого возникло огромное государство, не имевшее равных в течение всего Средневековья. Многие племена и княжества, оставшиеся за ее пределами, признали верховенство франкского короля. Стремясь закрепить успех и упрочить свою власть как внутри страны, так и за ее пределами, Карл стал добиваться императорского титула, что поставило бы его выше любого другого правителя Западной Европы. Следует напомнить, что, свергнув в 476 г. последнего императора Западной Римской империи, Олоакр отослал знаки императорского достоинства в Константинополь, признав тем самым верховенство восточноримского императора и получив от него титул патриция. Такой же титул носил позднее Теодорих Остготский. Исключая вандалов, полномочия вассалов в той или иной форме признавали все варварские конунги, в том числе Хлодвиг, считавшийся консулом. Поэтому намерение Карла стать императором явилось нарушением более чем трехвековой традиции.

Карл выбрал для коронации благоприятный момент. В 799 г. часть римской знати, потерявшей свои позиции с избранием нового папы Льва III, устроила заговор. Во время торжественной процессии он был сброшен с коня и подвергнут аресту; под угрозой ослепления от него требовали отречься от сана. Однако он

сумел бежать из Рима и добрался до Падерборна, где в преддверии очередного похода против саксов находился Карл. Почти одновременно туда прибыли его противники, обвинившие папу в разных преступлениях. Под влиянием Алкуина, считавшего, что интересы Франкского государства требуют поддержать папу, Карл пообещал Льву III помощь, дав понять, что ждет от него ответных шагов. Папа вернулся в Рим в сопровождении франкских епископов и графов, уполномоченных разобраться в предъявленных ему обвинениях, но на деле расследовавших нападение на него его недругов. В ноябре 800 г. Карл прибыл в Рим, устроил публичное разбирательство предъявленных папе обвинений и, заслушав его торжественную клятву в невиновности, на Рождество принял из его рук императорскую корону.

Византийцы, привыкшие считать императорский титул своей прерогативой и к тому же опасавшиеся за судьбу своих владений в Италии, отказались признать Карла императором, но противодействовать ему реально не могли. Византия не располагала достаточными для этого силами, к тому же коронация Карла пришлось на правление императрицы Ирины — первой женщины, занявшей константинопольский престол, кстати, в результате свержения и ослепления собственного сына, императора Константина VI. По мнению многих, ее власть была незаконной, а императорский престол вакантным. Положение Ирины осложнялась тем, что, порвав с иконоборчеством, она нуждалась в поддержке римской церкви, традиционно враждебной этому течению, папа же был всецело на стороне Карла. Последний тоже не стремился к конфронтации и даже направил к Ирине посольство с предложением о заключении брачного союза. Однако франкские послы опоздали: когда в 802 г. они прибыли в Константинополь, Ирина была уже отстранена от власти. В течение нескольких лет отношения между двумя державами оставались натянутыми, но в 812 г., в обмен на признание власти Константинополя над Венецией, Истрией и Далмацией и гарантию незыблемости греческих владений на юге Италии, василевс Михаил I признал Карла императором народа франков; с этого времени византийские государи стали именовать себя императорами ромеев, т.е. римлян, — ранее такое уточнение было излишним.

Экономический строй. Долгий спор о том, была ли экономика каролингской эпохи натуральной или рыночной, можно считать завершенным. Торговля и денежное обращение в то время, безусловно, существовали. Источники сообщают о рынках, купцах, движении каждодневных и экзотических товаров, таможенных

пошлинах (внешних и внутренних), о строительстве мостов и даже канала, призванного соединить Дунай с Рейном, о чеканке монеты и фальшивомонетчиках, наконец, о денежной ренте. Карл Великий требовал от управляющих его имениями, чтобы они продавали излишки продуктов и, напротив, закупали недостающие, а кроме того, следили, чтобы «люди... хорошо работали и не шатались бы праздно по рынкам», из чего следует, что рынки не были редкостью и что там было на что поглядеть. В то же время не подлежит сомнению, что подавляющее большинство продуктов потреблялось на месте, без посредства рынка, что перемещение продуктов на дальние расстояния было достаточно редким явлением и, как правило, совершалось в рамках оброчных поставок, минуя рынок, что деньги играли второстепенную роль как в составе оброка, так и в обмене, а рынка услуг практически не существовало. Экономике каролингской эпохи определяли тенденции, обозначившиеся еще в поздней античности и набравшие силу после падения Римской империи.

Причины длительной экономической депрессии остаются предметом научной полемики. Определяющим фактором было, видимо, свертывание рыночных связей между городом и сельской округой, в свою очередь, связанное с кризисом городов как центров товарного производства и с развитием ремесла в сельской местности, прежде всего в крупных поместьях. Корни этих явлений лежат в кризисе рабовладельческого строя, экономика которого была во многом товарной, а также в потрясениях эпохи варварских вторжений, дезорганизовавших хозяйственную жизнь. Были и относительно новые факторы; среди них на первое место нужно поставить арабские завоевания, нарушившие торговые связи западноевропейских стран со странами Востока. Одним из последствий этих вторжений было сокращение притока в Европу золота; собственные месторождения золота были здесь либо исчерпаны еще в древности, либо еще не разведаны и в любом случае недостаточны.

Была ли каролингская эпоха временем дальнейшего углубления экономического кризиса или же в эту эпоху различимы признаки подъема? Однозначного ответа на этот вопрос наука не дает. В течение ста лет (правления Пипина Короткого, Карла Великого и Людовика Благочестивого) государство франков, исключая пограничные территории, жило в достаточно спокойных условиях, что не могло не содействовать экономическому развитию. В это время возобновляется аграрная колонизация пустующих земель, прекратившаяся в предшествующий период, а это верный показатель экономического роста. Однако к середине IX в. поло-

жение меняется к худшему. Контроль над северными морями перешел к норманнам, на Средиземном море восторжествовали арабы. В 827 г. они приступили к завоеванию Сицилии, что резко ограничило морскую торговлю франков не только с Византией, но и с Италией. В середине IX в. норманны и арабы перенесли военные действия в глубь франкской территории, что практически свело на нет достижения «каролингского мира».

Показательно также, что и в наиболее благополучный для Франкской державы период города являлись центрами не столько ремесла и торговли, сколько светской и церковной власти и, разумеется, крепостями. Не все они находились в полном упадке; в этом случае важны региональные отличия: в относительно лучшем положении были города, с одной стороны, Италии, с другой — Австразии, а также некоторые порты, например Арль и Марсель. Однако город переживал не лучшие времена. Каролинги, как и другие западноевропейские государи, чеканили только серебряную монету. С Востока ввозились дорогие ткани, пряности, самоцветы, стекло, кожаные изделия, оружие, кони. В обмен Запад мог предложить лишь серебро и рабов. Поскольку церковь запрещала продавать христиан иноверцам, торговали в основном захваченными в плен язычниками, в первую очередь из числа славян. Не случайно в большинстве германских и романских языков слово «раб» восходит к этнониму «славяне»: немецкое *Sklave*, французское *esclave*, английское *slave* и т.д. Поскольку славянские народы приняли христианство не позднее X в., а спрос на европейских невольников возник на Востоке не ранее VIII в., этот факт отражает реалии именно каролингского времени. В целом же торговое сальдо Западной Европы в торговле с Востоком было отрицательным, а отток серебра — устойчивым явлением. К тому же качество франкской монеты было невысоким, и ее не хватало. При Карле Великом содержание серебра в денарии увеличилось, но он уступал византийской и арабской монете, которые продолжали иметь хождение во Франкии, несмотря на прямой запрет капитуляриев, требовавших отправлять чужую монету в переплавку.

Экономика этой эпохи была в основе своей, несомненно, натуральной. Это касается как крестьянского хозяйства, так и феодальных поместий, в которых крупное землевладение, как правило, сочеталось с мелким крестьянским производством.

Каролингская вотчина, или *сеньория*, знала все три формы ренты: отработочную, натуральную и денежную. Их соотношение определялось набором причин, от природных до правовых, и заметно варьировалось в зависимости от региона. За исключением

Италии, денежная рента не имела большого значения. На севере Франции была распространена (но все же не преобладала) барщина, на юге Франции и в Италии малозаметная. В Германии, где крупное землевладение было достаточно новым явлением, на первом месте также был натуральный оброк. Соответственно различалась и структура вотчины. Господское хозяйство, или *домен* (от лат. *dominus* — «господин»), играло важную роль преимущественно на территориях между Луарой и Рейном, составляя в иных поместьях до трети обрабатываемых земель. В других частях государства на его долю обычно приходилось всего по несколько процентов возделываемых угодий. Экономическую основу каролингского поместья всюду составляло крестьянское хозяйство в виде тяглого, т.е. обремененного повинностями, надела. На севере Франции он назывался *мансом*, в германских землях — *гуфой*, в южных областях — *колоникой*. Надел состоял не только из участков разного хозяйственного назначения, но и из прав крестьянского двора на определенную долю в использовании окрестных лесов, пустошей, водоемов, без чего невозможно было нормальное функционирование крестьянского хозяйства, а значит, и несение им сеньориальных повинностей. В той мере, в какой можно обобщать разнородный географический материал, следует заключить, что основная доля повинностей приходилась в каролингский период на продуктовую ренту.

Вотчина этой эпохи не всегда совпадала с деревней, которая к тому же далеко не везде была господствующим типом поселения. Некоторые вотчины состояли из нескольких деревень и хуторов, другие включали в себя часть одной деревни или части разных деревень, а также стоящие особняком отдельные крестьянские дворы. Многоликость вотчины отражает как разные этапы и способы вовлечения крестьян в зависимость, так и перераспределение сеньориальных прав внутри господствующего класса.

Общественный строй. Эпоха Каролингов отмечена быстрым развитием феодального строя. В это время размывается и в значительной мере исчезает слой свободного крестьянства — основы франкского войска вплоть до Карла Великого. Однако аграрная колонизация покоренных областей, прежде всего Германии и отвоеванных у арабов и сильно обезлюдивших районов Южной Франции и Каталонии, а также малонаселенных горных местностей, существенно компенсировала сокращение числа крестьян-собственников в центральных областях Франкского государства. Королевская власть также, как могла, препятствовала этому процессу, справедливо считая свободное крестьянство источником

пополнения и войска, и казны. Тем не менее капитулярии фиксируют учащающиеся случаи утраты крестьянами земельной собственности и даже личной свободы, обвиняя в этом как крупных сеньоров, светских и церковных в равной мере, так и государственных чиновников. Свободные крестьяне попадают в различные формы зависимости, сближаясь по статусу с колонами, отпущенниками и другими группами зависимого населения. И все же личная свобода, как и происхождение от свободных предков, все еще играет важную роль и в судебно-административной сфере, и при разверстке повинностей. Так, сервы обычно несут более тяжелые повинности, на них чаще возложена барщина (до трех дней в неделю), тогда как колоны, как правило, обязаны фиксированным оброком — продуктами или деньгами. Различия между свободными и сервами постепенно стираются, чему способствуют межгрупповые браки, но остаются реальностью на протяжении всего рассматриваемого периода. Даже в одном и том же поместье не так уж часто встречаются люди, выполняющие одинаковые повинности. Все это сдерживает образование однородного слоя податного населения.

Данное обстоятельство во многом объясняет редкость в эту эпоху крестьянских движений. Исключая грандиозное восстание саксонских крестьян в 841—842 гг., выступавших за возвращение к дедовским порядкам (откуда и его название: восстание «Стеллинга» — «Детей древнего закона»), восстание, носившее как социальный, так и этнический характер, — крестьянские движения этого времени не выходят за рамки локальных волнений. Так, капитулярий 821 г. отмечает «незаконный союз» зависимых крестьян во Фландрии. Чаше встречаются сведения о бегстве крестьян со своих наделов — как можно предположить, на свободные земли. Источники зафиксировали также обращения свободных крестьян в суд с жалобами на притеснения со стороны более влиятельных соседей; иногда они выпитывали свои дела или по крайней мере добивались улучшения своего положения.

Попадание раннесредневековых крестьян в зависимость долгое время осмысливалось по аналогии с превращением крестьян Нового времени в сельскохозяйственных рабочих, т.е. как их обезземеливание. Однако раннее Средневековье не знало ни стона крестьян с их земли, ни замены мелкого производства крупным. Превращение крестьян из собственников в держателей ухудшало их правовой статус и материальное положение, но не изменяло принципиально сам хозяйственный строй. В феодальных вотчинах крупное хозяйство, с привлечением рабов или сезонных наемных

работников, редко играло важную роль. И тех и других использовали на наиболее трудоемких работах: на сборе винограда, оли-
вок, фруктов, в скотоводстве и в соляном промысле. Существовали также господские ремесленные мастерские, где часто были заня-
ты невольники. Обычно же вотчина была совокупностью мелких
крестьянских хозяйств, и даже господское хозяйство основыва-
лось, как правило, на отработочных повинностях зависимых лю-
дей. Не менее важно, что ввиду слабости рынка земля еще только
начинала обнаруживать свойства товара и не подлежала свобод-
ному отчуждению. Это особенно верно для германцев, еще долго
не мысливших себе расставание с родовой землей. Поэтому при-
менительно к данной эпохе современная наука предпочитает го-
ворить не об экспроприации, а о попадании крестьян в ту или
иную форму зависимости, не означавшую отрыва их от земли и
изменение самого типа хозяйствования.

Становление феодального поместья было долгим и сложным
процессом, который в каролингскую эпоху еще далек от заверше-
ния. Некоторые поместья (в основном небольшие) возникали в
результате социального расслоения в свободной деревне и вступле-
ния части общинников в зависимость от какого-то более богатого
и удачливого соседа. Этот путь, хотя не только он, был характерен
для германских земель. Для романских областей более характерной
была внутренняя перестройка старого поместья позднеантичного
типа, сочетавшего труд рабов с трудом мелких сельских хозяев
разного статуса. Кроме того, имела место самоотдача мелких соб-
ственников под покровительство и власть крупных, в первую оче-
редь церковных; юридическими инструментами служили *коммен-
дация* и *прекарий*. Коммендация (от лат. *commendare* — «вверять»)
влекла за собой потерю человеком некоторых важных признаков
свободы, например подсудности государственному суду; формаль-
но она не означала умаления его имущественных прав. Прекарий
(от лат. *precari* — «испрашивать») был, напротив, связан с измене-
нием имущественных прав человека и не предполагал автомати-
ческой утраты личной свободы. В основе этого института лежало
земельное пожалование со стороны другого собственника, «испро-
шенное» у него на тех или иных условиях, что оборачивалось для
прекариста установлением зависимости. Наряду с *precaria data* —
пожалованиями в чистом виде — практиковались также *precaria
oblata* — «возвращенные» пожалования, возникавшие в результате
передачи собственником своего имущества другому лицу (напри-
мер, за долги) и получения его в виде держания на условиях несе-
ния определенных повинностей; наконец, *precaria remuneratoria* —

«вознагражденные» пожалования, суть которых состояла в том, что иногда «возвращенная» земля даровалась с приращением, чаще всего пустоши. Все три разновидности прекария предоставлялись на определенное время: на несколько лет, пожизненно и даже на два-три поколения; в дальнейшем его условия пересматривались. Прекаритами становились как разоряющиеся, так и достаточно состоятельные люди, по тем или иным причинам (например, желание избежать уплаты налогов) решившие поменять статус собственника на статус держателя.

Каролинги широко практиковали также так называемые *иммунитетные* пожалования (от лат. *immunitas* — «неприкосновенность»), передававшие крупным сеньорам, особенно церковным, некоторые полномочия публичной власти: право суда по менее значительным правонарушениям, сбор налогов, полицейские и административные функции — и запрещавшие государственным чиновникам появляться во владениях иммунитета иначе как в особо оговоренных случаях, впрочем, еще достаточно многочисленных. Такие пожалования были следствием слабости государственного аппарата, неспособного централизованно контролировать территорию всего государства; в свою очередь они содействовали его дальнейшему ослаблению. Однако в это время предоставление иммунитета еще не стало нормой и распространялось не на целые волости, а на конкретные имения. Исключение составляли пожалования церковным учреждениям, нередко получавшим на вновь завоеванных территориях обширные пространства плохо освоенных земель, а вместе с ними — ограниченную власть над местным населением.

Итогом стало уменьшение доли людей, обладавших землей на праве собственности, и, напротив, увеличение доли тех, кто являлся лишь владельцем или держателем земли. Этот процесс охватил как мелких сельских хозяев, так и представителей господствующего класса, быстро перестраивающегося на иерархической основе.

Бенефициальная реформа Карла Мартелла дала свои плоды, и к IX в. значительная часть господствующего класса обладала землей в форме бенефиция. Как правило, он жаловался пожизненно и на определенных условиях, прежде всего несения военной службы. Если условия пожалования не соблюдались, король (как и другой господин) был вправе отнять бенефиций. Автоматическая передача бенефиция по наследству не допускалась, он носил личный характер, так что в случае смерти бенефициария, как и его господина, требовалось заключить новый договор.

Бенефиций был институтом римского права, но в это время он все чаще сочетается с чуждым ему варварским институтом вассалитета. В раннее Средневековье и кельты, и германцы обозначали словом «вассал» зависимых людей разного рода, от знатных людей, находящихся в услужении у монарха, до крестьян и прочих простолюдинов, попавших под власть другого человека. Такого человека, как правило, именовали *сеньором* (от лат. *senior* — «старший»). Речь идет о личных отношениях, напоминающих римские институты клиентелы и патроната и не обязательно опосредованных поземельными отношениями. Однако при Каролингах вассалитет стал переплетаться с бенефицием и другими формами условного землевладения. Важной особенностью вассально-сеньориальных отношений был их взаимный характер: вассал был обязан покровителю службой и послушанием, иногда и некоторыми платежами, но и сеньор должен был заботиться о своих вассалах: защищать их, если понадобится, то и с оружием в руках, не допускать их обнищания и уж, конечно, не покушаться на их достоинство и имущество.

Изначально вассалитет являлся добровольным соглашением частных лиц, но к IX в. государство начинает регулировать отношения вассалов и сеньоров в своих интересах. Если Карл Великий всего лишь поощрял установление вассальных отношений, то его внук Карл Лысый издал в 847 г. указ, предписывавший, чтобы каждый свободный человек избрал себе сеньора в лице короля или одного из его «верных». В 877 г., отправляясь в итальянский поход, он постановил так называемым Кьерсийским капитулярием, что в случае гибели вассала на войне его владения автоматически переходят к сыну. Эта временная мера возымела долгосрочные последствия, поэтому принято считать, что с этого момента была фактически узаконена наследственность бенефициев и превращение их в феодалы.

Государственный строй. Каролингская государственность носит переходный характер. В ней еще много архаических черт, связывающих ее с системой управления родоплеменного общества и одновременно институтов, унаследованных от римлян. Однако к IX в. все яснее обнаруживаются признаки, свойственные феодальной государственности более позднего времени.

Карл пытался гальванизировать некоторые римские институты. Эта тенденция стала особенно заметной после его коронации, когда он осознал себя преемником римских императоров. В течение трех столетий двор франкских королей, по сути дела, кочевал, перемещаясь вместе с королем от города к городу, а чаще —

от поместья к поместью. Так было и в начале правления Карла. С 794 г. у него появляется постоянная резиденция — основанный еще римлянами, но расположенный в Токсандрии, давно заселенной франками, город Ахен, быстро ставший настоящей столицей. По образцу римского дворца в Трире здесь строится большой дворец, а также здания для разных служб. Здесь собирается королевский совет, здесь же все чаще проводятся съезды знати и церковные соборы.

Управление государством окончательно отделяется от военного дела. Майские поля сводятся к военным сборам. Важные решения обсуждают теперь на съездах знати и духовенства и на королевском совете. Последний не был четко конституирован, в него входили те, кого в нем хотел видеть король в данный момент. Параллельно с ним существовала королевская канцелярия, ведавшая подготовкой указов и жалованных грамот, официальной корреспонденцией, архивом и игравшая все более важную роль.

Съезды знати собирались дважды в год. В принципе, на них должны были присутствовать все прямые вассалы короля, а также графы, епископы и аббаты крупнейших монастырей. Все они должны были привозить с собой причитавшиеся королю платежи. На деле представительность этих съездов была неодинаковой и, безусловно, ограниченной. На некоторых присутствовали лишь первые лица империи и государевы посланцы. Участники съездов не имели законодательной инициативы и могли обсуждать только те вопросы, которые король и его советники выносили на обсуждение. В соответствии с древней германской традицией, делавшей упор на устном слове, а не на документе, король должен был сам формулировать новые законы и другие важные решения, например связанные с внешней политикой. Вассалы были не вправе отклонить его инициативы, но могли высказать свои соображения по их доработке. После принятия окончательного решения участники были обязаны публично выразить согласие. Текст указа записывался на латыни и рассылался во все концы государства, чтобы на местах его растолковали на соответствующем наречии и довели до сведения чиновников, судей и тех вассалов, что не смогли приехать на съезд.

Параллельно с такими ассамблеями проводились церковные соборы, где обсуждались внутренние дела церкви. Король, которому не была чужда ветхозаветная идея царя-первосвященника, и его советники представляли участникам свои предложения о том, какие вопросы следует обсудить и какие решения принять, но по сравнению со съездами знати, соборы меньше контролировались

властью. Впрочем, отличие собора от съезда знати зачастую было условным, поскольку светское и церковное законодательство переплетались, а высшее духовенство активно участвовало в обсуждении сугубо мирских дел — и как наиболее грамотная часть элиты, поставлявшая государству чиновников, и как вассалы короны, занимавшиеся сбором налогов, судопроизводством, снаряжением воинов и другими общественными повинностями.

Управление на местах претерпело меньше изменений. Единицей управления оставалось графство, делившееся на сотни или викарии. Исключение составляли пограничные марки, правители которых обладали как гражданской, так и военной властью. Графы назначались королем и могли быть в любой момент смещены или переведены в другой округ, однако на практике не так уж редко графа сменял его сын или брат. Вместо жалования графы получали в кормление часть имений фиска, располагавшихся в пределах вверенной им области, а также треть пошлин и судебных штрафов.

Борясь со злоупотреблениями графов (которые нередко искажали отчетность по доходам с фискальных земель и искусственно умножали число судебных процессов), Карл ввел институт государевых посланцев, призванных инспектировать деятельность местных властей, разбирать жалобы и вносить предложения о наказании недобросовестных чиновников. Посланцы также обнародовали новые постановления и принимали клятву верности королю. Первоначально такими инспекторами становились чиновники центрального аппарата, но, столкнувшись с коррупцией и в их среде, Карл стал поручать эти функции самым высокопоставленным людям в государстве (часто епископам из других диоцезов), которых было трудно подкупить и которым он доверял лично. Эта практика оказалась эффективной, но возможности для ее внедрения были ограничены, поскольку людей этого уровня не хватало и они не могли надолго оставлять свои кафедры и другие постоянные должности.

Качественные изменения претерпевает судебная система. Было определено, что собрание графства (*mallus*) отныне созывается всего три раза в год. Место рахинбургов, избиравшихся свободными людьми графства, заняли пожизненно назначаемые заседатели, отбираемые, правда, из местных жителей, — *скабины*, по двенадцать, реже по семь человек на графство. Во Франции их впоследствии называли *эшевенами*, в Германии — *шеффенами*. Скабины помогали графу в подготовке и проведении судебных процессов, в сотнях же сами председательствовали в суде, вынося

приговоры по менее важным делам, не связанным с земельной собственностью и не предусматривающим смертную казнь или лишение свободы. На иммунитетных землях суд вершили епископы и аббаты, но особо важные дела оставались в компетенции графов. Епископы также осуществляли суд по делам клириков своего диоцеза, как и по делам, связанным с нарушением канонических запретов (в том числе брачных), с уклонением от посещения праздничных служб, святотатством, обвинением в колдовстве. В принципе, любой свободный человек мог обратиться по своему делу лично к королю, и не так уж редко король сам вершил суд, особенно при рассмотрении споров среди своих прямых вассалов. Однако жалобы на решения местных судов слушались государевыми посланцами, заседавшими сначала один-два, затем четыре раза в год, притом в разных населенных пунктах графства. Другие суды в эти дни не проводились.

Карл требовал, чтобы судьи руководствовались не своими представлениями о справедливости, а действующими законами. Постепенно он осознал необходимость писаного права, а не записей на случай, если забудется та или иная норма. В 802 г. была произведена редакция ряда старых варварских «правд» — алеманской, баварской, рипуарской, салической, при этом многие нормы были модифицированы. «Салическая правда» была переведена также на древневерхненемецкий язык. Были впервые записаны законы саксов, фризов, тюрингов. Романское население продолжало руководствоваться Бревиарием Алариха, в Италии — упрощенными версиями Кодекса Юстиниана.

Карл стремился унифицировать законы народов, населявших его государство, но понимал, что большинство его подданных к этому не готово. Поэтому даже в Саксонии, где он насаждал франкские порядки огнем и мечом, древние обычаи, регулировавшие семейную жизнь, вопросы наследования и деловую активность, остались прежними. Его законодательные нововведения (*капитулярии* — от лат. *capitula* — «главы», на которые делился текст указа) имели форму дополнений или уточнений к действующим законам и сами не считались законами. Так, не посягая на принцип кровной мести, Карл добивался ее замены штрафом, постепенно ужесточая наказания для тех, кто отказывался от получения штрафа, и жестоко карая за месть после публичного примирения. Сходным образом, не затрагивая сам принцип вергельда, он ввел правило, по которому его величина соизмерялась с имуществом правонарушителя, что предотвратило разорение немалого числа людей.

Капитулярии охватывают огромное количество вопросов разного масштаба, преимущественно текущей политики: управление королевскими бенефициями, взаимоотношения между вассалами и сеньорами, организация суда, запрет частных войн, борьба с разбоями, денежное обращение, таможенные пошлины, злоупотребления чиновников, уклонение от общественных повинностей, принятие духовного сана без призвания, проверка вооружения явившихся на смотр, переносные мосты, поставки муки и мяса для действующей армии, устройство тюрем, запрет ростовщичества, введение новых налогов, цены на хлеб, меры весов, организация школ, забота о вдовах и сиротах, борьба с волками и утилизация волчьих шкур, наказание для склоняющихся к пьянству и т.д.

За всем этим просматривается стремление к централизованному управлению. Образцом служила позднеримская государственность, хотя сами проблемы, которые пытался решить Карл, были качественно новыми. Некоторые из заявленных им мер, например требование периодически обновлять подробные описи королевских и церковных имений или переписать поименно всех принесших присягу, были неосуществимыми при тогдашнем уровне грамотности и делопроизводства. Другие, прежде всего иммунитетные пожалования, возымели в конечном счете обратный эффект и привели к ослаблению государства.

Стремясь в зародыше подавить сопротивление своей власти и одновременно распространить контроль на вассалов своих вассалов, Карл еще в начале своего правления потребовал личной присяги от всех свободных мужчин государства старше 12 лет. Присяга, принесенная ему в 802 г. уже как императору, фактически уподобляла верность подданного империи верности вассала своему сеньору. Поощряя установление вассалитета, Карл допускал возможность нарушить клятву верности сеньору — если тот хотел убить вассала, обесчестить его жену или дочь, побил его палкой или пытался отнять его имущество — и настаивал на ответных обязательствах сеньора по отношению к вассалу. В этом тоже угадываются черты вассально-ленной системы, утвердившейся, впрочем, лишь к XI в. Особое значение имело вовлечение в вассальные отношения графов и других чиновников, постепенно окружавших себя своими «верными». Поскольку графы, по существу, не отличали своих бенефициальных владений от собственно королевских, их вассалы стали получать земли и доходы фискального происхождения. Тем самым государство начинает строиться на феодальной основе.

Церковная реформа. Карл продолжил церковную реформу, начатую его отцом. Принимаются меры против бродяжничества монахов и их обмирщения: нарушения обета безбрачия, ношения дорогой одежды, участия в охоте и иных светских развлечениях. Во главе этого движения стал Бенедикт Анианский, сын вестготского графа, воин и приближенный Карла Великого, принявший постриг и основавший свой монастырь в районе Безье, на юге Франции. С его именем связано распространение в монастырях Галлии и Германии устава Бенедикта Нурсийского (VI в.), который он постарался приспособить к природным и культурным особенностям франкского государства. Сохранив в целом предписания своего предшественника относительно еды, одежды, молитв и дисциплины, он добавил требование «бессловесного труда» и беспрекословного подчинения аббату, а также проповеди окрестному населению. Он полагал, что бедность монастыря обернется зависимостью от мира, тогда как большое, хорошо налаженное хозяйство позволит монастырю сохранить автономию и в то же время помогать оказавшимся в нужде. Под конец жизни, став канцлером империи, Бенедикт постарался внедрить свои идеи в масштабе всего государства. Они были санкционированы поместными соборами 817 и 819 гг., что содействовало утверждению бенедиктинского устава, постепенно заменившего местные монастырские обычаи, особенно в романских областях Галлии.

Церковная реформа Карла затронула и другие аспекты церковной жизни. Он поручил своему ближайшему сподвижнику и советнику англосаксу Алкуину выверить текст Священного Писания. Предложенная им версия Вульгаты оставалась наиболее авторитетной вплоть до XVI в.

Было упорядочено и богослужение. За основу была взята римская литургия, заменившая так называемую галльскую, в которой было много восточных черт. Центральным элементом нового богослужения стал, однако, сформулированный Паулином Аквилейским Символ веры, в который вошла заимствованная у испанских католиков формула *filioque*, послужившая в дальнейшем догматическим отличием западного христианства от восточного; в самом Риме этот Символ веры был воспринят лишь в XI в. Одновременно Франкфуртский собор 794 г., где, помимо франкских прелатов, присутствовали представители английского и испанского епископата, осудил как иконоборчество, так и неканоническое поклонение иконам, признав единственно правильным иконопочитание. Это не так уж отличалось от позиции Никейского собора 787 г., выступившего против извращенных форм поклонения

иконам, но франки, получившие неточный перевод его решений из Рима, этого не поняли и осудили греческую церковь за мнимое отступление от ортодоксии (см. гл. 7).

Большое внимание уделялось также борьбе с другими ересями и всевозможными «вульгарными» истолкованиями Евангелия. Была введена в определенные рамки процедура канонизации, а многие стихийно возникшие культы упразднены. Алкуин возражал против чрезмерного почитания мощей, считая это суеверием, но франкское духовенство ограничилось лишь некоторой регламентацией процедуры открытия мощей. Были предприняты шаги по распространению христианских норм поведения и общежития, в частности, введены заимствованные у ирландцев и испанцев пенитенциалии, иначе «покаянные книги», т.е. перечни вопросов, которые священник задавал прихожанам на исповеди. Наконец, были приложены немалые усилия по повышению грамотности и общего культурного уровня духовенства, в том числе приходских священников, которые впредь должны были при назначении сдавать своего рода экзамен на знание и понимание Священного Писания, литургии и церковных канонов. Постановления соборов требовали от священников умения проповедовать и объяснять основы вероучения на народных наречиях — романском и германском.

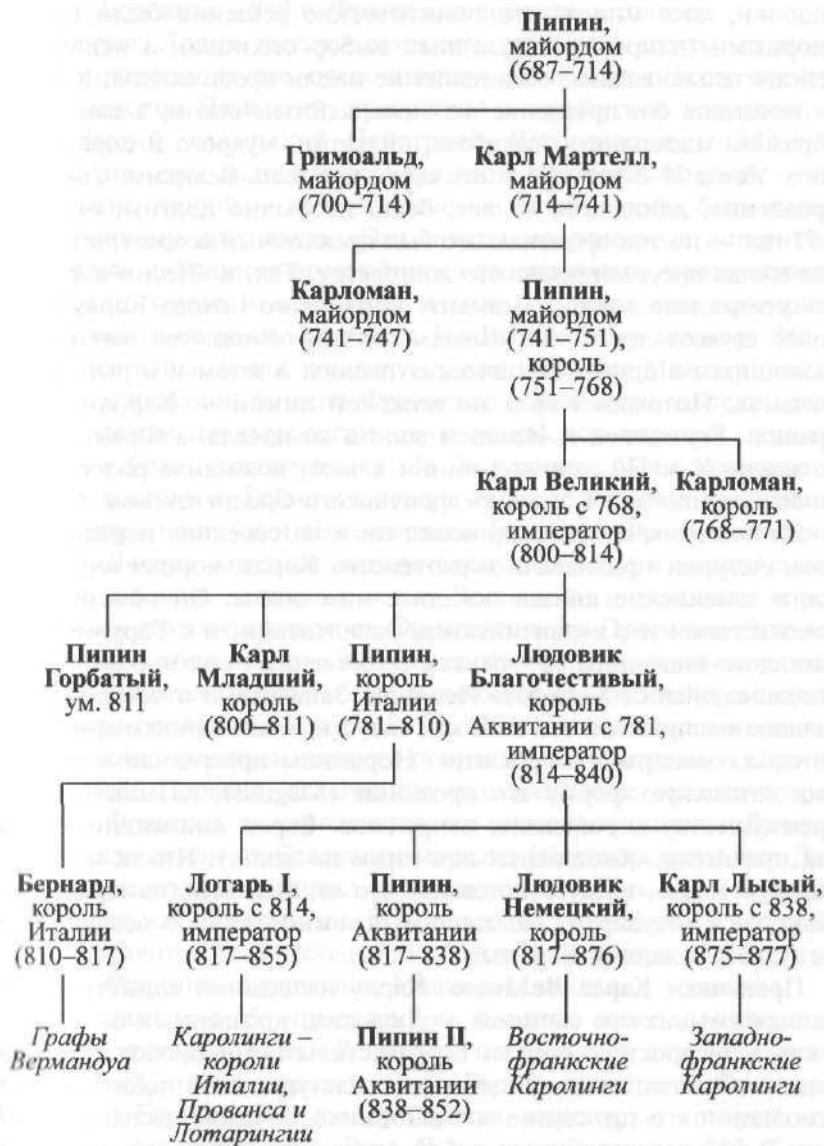
Культурная политика Карла Великого, позволившая историкам говорить о «каролингском возрождении» (см. гл. 21), была тесно связана с церковной реформой, в частности с обучением священнослужителей. Несомненно также, что эта политика была продиктована необходимостью подготовки кадров для управления государством и повышением грамотности знати. Но не приходится сомневаться, что «каролингское возрождение», выразившееся не только в верификации текста Библии и создании церковных школ, но и в разыскании и переписывании древних текстов, в том числе языческих авторов, в поощрении литературного творчества и ученых диспутов, иллюминации рукописей и достаточно интенсивном каменном строительстве, было не в последнюю очередь вызвано искренним и деятельным интересом к знанию со стороны франкского короля.

Личность Карла Великого. Карл был незаурядным человеком. Сын наложницы, ставшей женой Пипина уже после его рождения, он не получил в детстве хорошего образования и всю жизнь пытался наверстать упущенное, обнаружив поразительную настойчивость и немалые способности. Профессиональный воин, закалившийся в походах, он стал выдающимся государственным

деятелем, реформатором, восприимчивым к новым идеям, и энергичным покровителем наук и искусств. По свидетельству близких ему людей, Карл готов был говорить о науках даже во время купания в бассейне и клал себе книги и дощечку для письма под подушку на случай бессонницы. К концу жизни он хорошо знал латынь, освоил азы греческого, владел языком своих романских подданных, но родным его языком было франкское наречие, и по складу ума и образу жизни он до конца оставался германцем. Несмотря на искреннее желание быть настоящим римским императором, он носил германскую одежду, гармонировавшую с его светлыми волосами и пышными усами, и только в Риме в момент коронации был одет в римское платье. Всем другим владениям предпочитал Австразию, которую последние годы почти не покидал. Все его жены и даже наложницы, о которых мы что-то знаем, были германками. Его представления о справедливости и счастье, как и повседневные привычки, были германскими.

Карл был не самым лучшим полководцем и брал, скорее, превосходством сил, быстротой принятия решений и упорством в их исполнении, что особенно ясно проявилось в ходе долгой войны с саксами. До 60 лет он сам водил войска в поход, передвигаясь быстро и без лишней помпы. Был способен извлекать уроки из ошибок, хорошо подбирал советников, не смущаясь их превосходством над собой в каких-то вопросах, умел прислушиваться к советам, но решения принимал самостоятельно и был, несомненно, искусным политиком. Хороший семьянин, он не допускал вмешательства в государственные дела ни матери, ни сестры, ни жен, ни детей; его взрослые сыновья, даже имея королевский статус, слушались его беспрекословно. Высоко ценил знания и талант, которые в его глазах значили больше, чем знатность рода и этническая принадлежность; его неформальные отношения с собранной со всей Европы интеллектуальной элитой не имеют параллелей в средневековой истории. Карл был, безусловно, искренен в своей вере. Он слушал мессу каждый день, часто приходил на другие службы, охотно пел в храме. Щедро жертвовал монастырям и храмам, но весьма критически отзывался о подготовке и моральном облике духовенства. Не будучи жестоким по природе, он допускал жестокость, но был способен на примирение с самым заклятым врагом, если тот просил о пощаде и прощении, свидетельством чему — судьба Видукинда; в этом случае, помимо политической целесообразности, для Карла имело значение обращение язычника в христианскую веру.

Династия Каролингов

Хотя все правление Карла была заполнено войнами, не всегда успешными, хотя при нем случались и мятежи, и эпидемии, и голодовки, хотя многие его политические решения были весьма спорными (например, неудачный выбор столицы), а некоторые действительно важные начинания не имели продолжения, в памяти потомков его правление осталось золотым веком, а сам он — образцом идеального правителя, сильного, мудрого и справедливого. Уже в 30-е годы IX в. его стали называть Великим. Само его правление, длившееся 46 лет, было необычно долгим; он умер в 71 год — по тем временам это был преклонный возраст, и народная молва преувеличивала его долголетие. Так, в «Песни о Роланде» утверждается, что к моменту испанского похода Карлу было более двухсот лет. С его именем связано множество легенд, отразившихся в других героических песнях, а затем и в рыцарских романах. Потомки Карла по мужской линии — Каролинги — правили Германией и Италией вплоть до начала, а Францией — до конца X в. По женской линии к нему возводила род едва ли не вся высшая знать западноевропейского Средневековья.

Сильное впечатление произвел он и на соседние народы. Короли Астурии признавали верховенство Карла, короли англосаксов и славянские князья искали с ним союза. Он обменивался посольствами и с византийскими василевсами, и с Гаруном аль-Рашидом, видевшим во франках естественных союзников против отложившейся от Халифата Испании. Западные и отчасти южные славяне восприняли его имя как титул и в дальнейшем именовали своих монархов «королями». Норвежцы превратили в личное имя латинскую форму его прозвища (Magnus), называя так по преимуществу королевских отпрысков. Евреи запомнили Карла как правителя, обходившегося с ними по закону. Никак не идеализируя Карла, следует признать, что он был действительно выдающимся государем, оказавшим огромное личное воздействие на судьбы Западной Европы.

Преемники Карла Великого. Карлу наследовал единственный из переживших его сыновей — Людовик, прозванный за набожность и щедрость к церкви Благодетельным. Он продолжил дело отца в областях законодательства и культуры, но в политическом отношении его правление знаменовалось началом распада империи. В 817 г., сохранив за собой верховную власть, он разделил государство между тремя сыновьями: Лотарем, ставшим его соправителем и вскоре провозглашенным в Риме императором, Людовиком и Пипином. Позднее, после рождения младшего сына Карла, он в 829 г. перераспределил земли, что вызвало мятеж старших сы-

новой. Они дважды свергали отца с престола, но оба раза не могли договориться между собой и возвращали его к власти. После смерти Людовика в 840 г. Франкская держава распалась.

Поначалу Лотарь пытался сохранить верховную власть, но этому воспротивились другие представители дома Каролингов, прежде всего Людовик Немецкий, правивший в зарейнской Германии, и Карл Лысый, владевший Нейстрией. Встретившись в 842 г. в Страсбурге, они дали клятву взаимной верности, первый — на романском, второй — на германском наречии, чтобы быть понятыми воинами друг друга. (Эти тексты, сохраненные историком Нитгардом, считаются древнейшими памятниками, соответственно, французского и немецкого языков.) Вскоре они вынудили Лотаря пойти на раздел империи. По Верденскому договору 843 г. Карлу достались земли к западу от рек Шельды, Мааса, Соны и Роны, составившие Западно-Франкское королевство, жители которого говорили преимущественно на романском наречии, легшем в основу французского языка. За Людовиком были закреплены земли к востоку от Рейна и к северу от Альп, населенные германскими народностями и образовавшие Восточно-Франкское королевство. Лотарь сохранил императорскую корону, а вместе с ней Италию и земли, лежавшие между Восточным и Западным королевствами, протянувшиеся от Фрисландии до Прованса. Это искусственное образование, лишенное этнической, экономической или политической основы, было в свою очередь поделено сыновьями Лотаря после его смерти в 855 г. Из него выделилось королевство Италия, правитель которого получил и императорскую корону, королевство Прованс, включавшее юго-восточные области современной Франции, и королевство его младшего сына — Лотаря, куда вошли земли от Северного моря до Швейцарских Альп. Для этого государства не нашлось устоявшегося топонима, и в историю оно вошло как Лотарингия. Впоследствии это название закрепилось за сравнительно небольшой областью на северо-востоке нынешней Франции, в верховьях Мааса и Мозеля.

Представление об определенном единстве земель, входивших прежде в державу Карла Великого, сохранялось еще несколько десятилетий, о чем свидетельствует борьба правителей Франции, Италии и Германии за императорскую корону, за которой по-прежнему отправлялись в Рим. В последний раз держава Каролингов обрела относительное единство в 884 г., когда сын Людовика Немецкого, король восточных франков и император Карл Толстый, был избран также королем западных франков. Ввиду его неспособности отразить натиск норманнов, западнофранкская

знать передала в 888 г. престол герою борьбы против норманнов парижскому графу Эду. После его смерти в 898 г. внук Карла Лысого Карл Простоватый вернул себе французскую корону. Его потомки правили Францией еще столетие, но постепенно теряли реальную власть.

В Германии род Карла пресекся в 911 г. Императорский титул оказался к концу IX в. в руках итальянских потомков императора Лотаря по женской линии. С 924 г. на Западе вообще не было императора. Так продолжалось до 962 г., когда императором стал германский король Оттон I, положивший начало новому государству, известному в дальнейшем как Священная Римская империя.

Глава 5

Византия в IV—XII вв.

§ 1. Византия в IV — первой половине VII в.

Образование Византийской империи. В 330 г. император Константин I перенес столицу Римской империи на Восток, в город Византий, древнюю мегарскую колонию на Босфоре. Новую столицу назвали в честь императора «городом Константина» (Константинополем). Восточные провинции включали плодородные земли, лежащие в более благоприятной природно-климатической зоне. Здесь было больше полезных ископаемых (золота, серебра, меди, железа), источники нефти, залежи мрамора и других минеральных ресурсов; более плотным было здесь и население, обладавшее к тому же более высоким культурным уровнем. Исключительно удачный выбор места для новой столицы в перекрестье торговых путей между странами Востока и Запада, юга и севера, а также в центре интенсивного культурного обмена обусловил ее быстрое превращение в крупнейший город Европы.

Выделение восточных провинций в особую государственно-политическую систему было завершено официальным разделом Римской империи в 395 г. на Западную и Восточную. В состав Восточно-Римской империи вошли: Балканский полуостров, Малая Азия, Северная Месопотамия, часть Армении и грузинских земель, Сирия, Палестина, Египет, Киренаика, Кипр, Крит, Родос и другие острова Восточного Средиземноморья, а также южное побережье Крыма. На этих землях жили: греки, иллирийцы и фракийцы (уже подвергшиеся романизации и эллинизации), армяне, грузины, сирийцы, евреи, конты и другие этнические группы. Грекам, однако, принадлежала ведущая роль в общественной и культурной жизни империи.

После падения Западной Римской империи в 476 г. Восточная осталась единственным продолжением некогда единой империи, и сами ее подданные, независимо от их этнического происхождения, по-прежнему называли ее «Римской (по-гречески «Ромейской») империей», а себя «ромеями». И эта черта самосознания

подданных оставалась до конца одной из ярких особенностей их менталитета. Наименование «Византия» (от названия города Византий) изредка употребляли уже греческие интеллектуалы с XIV в., но утверждаться в литературе оно стало в XVI—XVII вв. благодаря западноевропейским эрудитам.

В долинах рек, на равнинах (во Фракии, Фессалии, на Пелопоннесе, в Северной Африке) было широко распространено хлебопашество, особенно в Египте, бывшем до середины VII в. главной житницей империи. Издревле здесь, как и в Палестине, Сирии и других областях, была налажена высокоэффективная ирригационная система.

В приморских субтропических районах были высоко развиты культура олив, виноградарство и садоводство. На Балканах к северу от Южной Фракии и Южной Македонии, а также на высокогорьях и плоскогорьях Малой Азии преобладало скотоводство: разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей, ослов. Использование тягловой силы животных (быков, буйволов) было всюду необходимым условием возделывания злаков.

Восточно-Римская империя многократно превосходила Западную по численности городов. Константинополь и Фессалоника, Коринф и Фивы, Смирна и Эфес, Никея и Никомидия, Дамаск и Бейрут, Антиохия и Александрия были средоточием ремесла и торговли, крупными экономическими, политическими и культурными центрами. Даже мелкие и средние города, особенно многочисленные на побережье, торговали друг с другом и с зарубежными странами. Купцы империи доминировали на рынках всего Средиземноморья, они освоили торговые пути на Кавказ, в Центральную Азию, Северное Причерноморье, в Индию и Китай, достигая на Западе Британии, а на Востоке — Тапробаны (Цейлона).

Особенности социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Византии позволяют выделить в ее истории несколько периодов: ранний (IV — первая половина VII в.), средний (вторая половина VII—XII в.) и поздний (XIII — середина XV в.). В истории ранней Византии выделяют внутренний рубеж — конец VI в. До этого времени преобладали позднеантичные формы в общественной и политической жизни, а затем наступила эпоха их крушения, началась история империи как средневекового государства.

Византийская деревня в IV—VI вв. Помимо более благоприятных природно-климатических условий большое значение для судеб Восточно-Римской империи имела и специфика ее аграрного строя. Здесь было гораздо шире распространено свободное крестьянское землевладение, оказавшееся наиболее перспективной формой организации сельскохозяйственного производства в условиях

Средневековья. Деревня представляла собой соседскую общину (*митрокомию*). Частная собственность крестьянина на пахотную землю и приусадебный участок сочеталась с общинной собственностью на угодья, неподеленную сельскую округу. В отличие от западной марки, общинники были здесь теснее связаны производственными и социальными связями. Община в Византии была податной, т.е. обязанной платить в пользу казны разнообразные налоги и выполнять государственные отработочные повинности. Общинники были связаны круговой порукой: при налоговой несостоятельности кого-либо из них его участок присоединяли к участкам соседей с обязательством вносить за него налоги (эту меру называли *эпиболэ* — «прибавка»).

Более многочисленным был в Византии и слой свободных колонов, обладавших владельческими правами на свои участки. Они приближались по статусу к наследственным арендаторам-эмпитевтам, которых эдиктом Анастасия I (491—518) запрещалось сгонять с земли после того, как семья непрерывно арендовала ее в течение 30 лет. Колоны-энапографы были гораздо менее многочисленными на Востоке, чем на Западе, — они мало отличались от рабов, посаженных на пекулий. Рабов еще использовали в сельском хозяйстве, но роль их неуклонно снижалась. Большинство рабов в деревне на Востоке уже в V—VI вв. были переведены на пекулий. Положение колонов не было стабильным: в VI в. их владельческие права были урезаны, а статус энапографов был распространен на свободных колонов.

В V—VI вв. существенную роль в византийской деревне стали играть патронатные отношения — одна из зародышевых форм будущей средневековой крестьянской зависимости: разорившиеся крестьяне бежали от бремени казенных налогов на землю крупного собственника, отдавались под его покровительство, становились зависимыми поселенцами в его имении. Юридически они сохраняли статус свободных людей, но условия их существования целиком определялись хозяином земли. Несмотря на запреты центральной власти, число крестьян под патронатом, особенно на церковных землях, росло. Уже в V в. стал употребляться и специальный термин для обозначения этой категории зависимых крестьян — *пáрики* («присельники»). Число крупных владений в V—VI вв. быстро сокращалось. Исключение составляли разбросанные по всем провинциям империи многочисленные императорские имения, а также непрерывно растущие владения церкви и монастырей.

Все это определило более благоприятные условия сельскохозяйственного производства на Востоке: последствия кризиса здесь ощущались слабее и позднее, чем на Западе (на рубеже V—VI вв.).

Город, ремесло и торговля. Восточноримские города не пережили в V — середине VI в. упадка, как это было на Западе. Византия оставалась страной городов, которые здесь по-прежнему господствовали над деревней. Большинство имперской знати, чиновничество, крупные землевладельцы, богатые торговцы и судовладельцы жили в городах, но основную массу горожан составляли ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники, а также рабы, большинство которых сосредоточивалось в крупных городах.

Главной производственной организацией в городе была небольшая ремесленная мастерская (эргастирий), нередко совмещенная с лавкой, в которой ее хозяин продавал изделия, изготовленные им самим, своим собственным инструментом, с помощью двух-трех наемных работников или рабов. Часто само помещение под мастерскую ремесленник арендовал у домовладельца. Помимо эргастириев свободных ремесленников имелись мастерские, принадлежавшие казне, церкви, светской знати. В них трудились и наемные работники, и рабы, нередко получавшие мастерскую от господина в качестве пекулия. Особенно много было рабов в императорских мастерских, монополизировавших производство многих предметов роскоши (с середины VI в. среди них видное место занимали шелковые ткани), дворцового реквизита, дорогого оружия и воинского снаряжения, чеканку монеты. Запросы привыкшей к роскоши элиты стимулировали производство высококачественных товаров, внешнюю и внутреннюю торговлю. Византийский золотой солид (номисма) стал на многие века подлинной международной валютой Средневековья.

В Позднеримской империи ремесленники были насильственно, в фискальных целях, объединены по роду занятий в *коллегии*, к которым были прикреплены, отвечая своим имуществом за уплату налогов и выполнение повинностей всеми членами объединения. Дети членов коллегии наследовали занятия и статус родителей. С середины VI в., в связи с упадком центральной власти и самих византийских городов, коллегии постепенно теряли свое значение. Стали складываться профессиональные ремесленные и торговые объединения на добровольной основе.

В V—VI вв. жизнь города еще определялась позднеантичными институтами. Город оставался полисом-общиной, владевшей сельской округой, где горожане имели участки земли и вели свое хозяйство. Города обладали правом самоуправления. Во главе органов власти — *курий* — стояли представители местной знати. Куриалы отвечали своим имуществом за поступление налогов с горожан, были обязаны за свой счет содержать общественные здания, обеспечивать благоустройство города, раздачу продовольствия городской бедноте, устраивать празднества и зрелища.

С упадком города он постепенно терял свои полисные земли, переходившие в руки представителей центральной власти, духовенства, сельских общин. Куриалы разорялись. Государство, стремясь стабилизировать положение, прикрепило их к куриям, сделав, как тогда говорили, «рабами своих предков»: родившийся куриалом куриалом и умирал. Но и эти крайние меры не остановили процесса оскудения городов.

Государство. Черты непосредственной преемственности между поздней Римской империей и Восточно-Римской (Византией) особенно ярко выразились в формах организации власти. Верховная власть (законодательная, исполнительная, судебная) принадлежала императору. Оставался в силе со времен домината принцип: «Что угодно императору, имеет силу закона». В IV—V вв. сложился союз государственной власти с христианской церковью: император обеспечивал защиту церкви и господство среди подданных христианского вероисповедания, церковь же освящала власть императора как власть «помазанника Божия». Персона императора была окружена поклонением и роскошью. Все его отношения с подданными регламентировались строгими нормами торжественного церемониала.

Император признавался единственным законным повелителем всей ойкумены (цивилизованного, христианского мира), которая в IV — первой половине V в., в сущности, совпадала с Римской империей: кроме нее в Европе и Передней Азии не существовало никаких иных государств. Поэтому и позднее, в эпоху образования «варварских» королевств, император претендовал на высший политический авторитет среди них. Теоретически власть новых властителей лишь в той мере признавалась законной, в какой они признавали верховенство императора. Однако его власть в самой империи не была наследственной. Переход ее к новому государю во многом зависел от *синклита* (сената), состоящего из представителей высшей гражданской и военной знати, от армии, от позиции высшего духовенства, а иногда — и от симпатий простых константинопольцев. Поэтому императоры чем дальше, тем чаще стали прибегать к институту соправительства: они официально короновали своих сыновей как младших соучастников своей власти, рассчитывая законно обеспечить ее своим потомкам. Но и эти меры не всегда достигали цели: традиции старого Рима, согласно которым даже высшая власть была лишь «магистратом», т.е. должностью на службе у подданных, оказались чрезвычайно живучими, так как во все эпохи отвечали интересам имперской знати.

Административный аппарат империи был чрезвычайно громоздким. В его организации в IV—VI вв. господствовал принцип

разделения гражданской и военной властей при определяющей роли столичного чиновничества во главе с императором. Центральное управление концентрировалось в его дворце и было специализировано по ведомствам-канцеляриям. Важнейшими из них были налоговое, военное, императорских имуществ и внешних сношений. Второй важный принцип состоял в делении знатных и чиновных лиц на иерархически соподчиненные ранги и разряды с соответствующими титулами. Как правило, высокую должность мог занять лишь человек, имевший определенный титул или наделенный им при занятии должности. Обладатели высоких постов (как в столице, так и в провинциях) получали от императора плату, в десятки и сотни раз превосходившую вознаграждение рядовых чиновников. Впрочем, фавориты императора пользовались огромным влиянием, даже если не обладали ни высоким постом, ни пышным титулом. Они входили в узкий совещательный (иногда тайный) совет при императоре (*консисторий*). Управление хозяйственной жизнью, торговлей и снабжением столицы продуктами, полицейские функции, сыск и организация судопроизводства находились в ведении епарха Константинополя. Его власть уподобляли императорской, только «без порфиры», т.е. без императорских регалий.

В политическую борьбу вокруг трона империи иногда вмешивались жители Константинополя. Они объединялись в IV—VI вв. в общественные неформальные организации — *димы* (от греч. «демос» — народ), группировавшиеся вокруг спортивных партий ипподрома, расположенного по соседству с императорским дворцом. «Партии» различались по цвету одежд возниц, правивших колесницами в состязаниях на ипподроме. Наиболее влиятельными были «голубые» (венеты), находившиеся под покровительством земельной аристократии, и «зеленые» (прасины), опиравшиеся на поддержку владельцев крупных мастерских и кушцов—организаторов торговли с Ближним Востоком. Димы по старой традиции помогали епарху в обеспечении порядка в столице, в ремонте стен и их обороне, а особенно в организации спортивных состязаний и празднеств. По той же традиции димы могли выражать на ипподроме свое отношение к политике императора и его фаворитам. С занятых народом скамей в его ложу порой летели камни и комок грязи.

Среди многочисленных функций чиновного аппарата империи одной из наиболее важных была забота о сборе казенных налогов. Чиновники налогового ведомства составляли основную массу чиновничества империи. Основу византийской налоговой системы, введенной повсеместно еще в III в., составлял учет имущества налогоплательщиков, фиксируемого в налоговых списках-кадастрах.

В принципе налоги взимались со всех подданных и всех объектов собственности, приносящей какой-либо доход или способной его приносить. Главным был поземельный налог, его величина зависела от количества и качества земли у собственника. Налоги с крестьян взимались в ранней Византии преимущественно натурой (зерном, вином, оливковым маслом). Через каждые 15 лет производилась общая ревизия кадастров (существовало даже, помимо счета лет «от сотворения мира», летоисчисление по «индиктам», т.е. по годам 15-летнего цикла). При новой описи в кадастрах отмечали перемены в имущественном положении налогоплательщиков и корректировали размеры налога. Генеральные ревизии не исключали, однако, вмешательства местных служителей фиска в порядок уплаты налогов с целью их увеличения. Круговая порука односельчан в той или иной форме оставалась важнейшей особенностью податной системы Византии. Вносили в казну налоги и арендаторы, и колоны, и посаженные на пекулий рабы.

Юридически за уплату налогов отвечал собственник земли, переложивший их на плечи зависимых от него людей. Крестьяне должны были также продавать государству продукты по фиксированным (низким) ценам и выполнять государственные отработочные повинности (строительство дорог, мостов, судов, перевозка грузов и т.п.). От налогов и повинностей не были избавлены и горожане. Поземельный налог с них взыскивался на общих основаниях, если они имели земельные участки, а это было обычным явлением: горожане имели в пригороде участки земли, на которых вели собственное хозяйство. Кроме того, они платили подати с иных объектов собственности, а также рыночные пошлины как при покупке, так и при продаже своих ремесленных изделий. Именно налоги с крестьян и горожан являлись главным источником доходов имперского казначейства. Значительными были поступления и от императорских имений, государственных мастерских и рудников. Освобождение от налогов, частичное или полное, давалось редко — и только центральной властью. Ко второй четверти VI в., в условиях относительной стабилизации, государство накопило огромные средства, позволившие ему перейти к активной внешней политике на всех рубежах империи.

Территория империи делилась на административные области — провинции. Гражданским управлением ведали назначаемые императором наместники со своим штатом чиновников. Военной властью (комплектование армии, ее оснащение, расквартирование и обучение, охрана границ и руководство военными действиями) обладали военачальники, также назначаемые императором. В отличие от западноримской армии на Востоке она в IV — первой

половине VI в. еще комплектовалась преимущественно из свободных крестьян и была поэтому сравнительно более надежной. Лишь с постепенным оскудением деревни и необходимостью увеличить военные силы империи в ее составе возросло значение отрядов наемников из представителей различных «варварских» племен.

Сходным было положение и на военном флоте империи, который в IV — первой половине VI в. не имел соперника во всем Средиземноморье. Византийские быстроходные военные корабли (диеры и триеры) были снабжены двумя и тремя рядами весел и были способны поднимать до 200—300 человек экипажа и воинов. Военный флот империи мог сравнительно быстро перебросить и пехоту и кавалерию в случае необходимости к побережью тех провинций, где возникала военная опасность. Разделение военных и гражданских властей позволяло обеспечивать послушность императору и гражданских сановников и военачальников, но оно ослабляло возможности мобилизации всех сил империи в критические моменты борьбы с внешними врагами.

Организация христианской церкви. С середины IV в. христианство было официальной религией, обязательной для всех полноправных подданных Римской империи. Начавшееся еще значительно раньше формирование на всей территории империи церковных *диоцезов* (епископий и митрополий) окончательно оформилось при поддержке государства. Особенно большое влияние в церкви приобрели диоцезы Рима, Александрии и Антиохии.

Официально их старшинство было утверждено Первым (Никейским) Вселенским собором (325 г.). В конце IV в. ранг патриарха получил епископ Константинополя. Как главе столичной церкви ему было отведено второе место «по чести» после римского папы. Обширные территориальные пределы юрисдикции Константинопольской патриархии и его почетное первенство, наряду с Римом, были установлены Халкидонским собором в 451 г. Под церковной юрисдикцией Константинопольского патриархата были все земли Восточно-Римской империи, лежащие к северу от границ Сирии (находившейся под юрисдикцией патриарха Антиохийского), кроме Иллирика на Балканах, оставшегося под верховенством папы. На этом же соборе к диоцезам высшего ранга был добавлен Иерусалимский, получивший пятое место в церковной иерархии. Были установлены и его (весьма скромные) границы. Таким образом, вся христианская церковь оказалась под управлением пяти патриархов, получившим впоследствии название *пентархии* («власти пяти»). Многовековая борьба за верховенство в управлении церковью развернулась в основном между папством и Константинопольской патриархией.

Уже в IV в. обнаружались заметные различия между восточной и западной церквами и в вопросах догматики, и в организации управления, и в церковной обрядности.

Со времени превращения христианства в государственную религию центральная власть империи неизменно проявляла заботу об интересах и материальном благополучии церкви. К середине VI в. по количеству и богатству земельных владений церковь мало уступала императорскому дому. Кроме того, в городах ей принадлежали мастерские, лавки и доходные дома. Коренное отличие восточной церкви от западной состояло, однако, в том, что она находилась в большей зависимости от государственной власти и оставалась в течение тысячелетия ее верной союзницей. Вся территория империи была разделена не только на административные округа, но и на иерархически соподчиненные церковные диоцезы. Подданные империи оказались под контролем двух властей — светских и духовных.

Одновременно со становлением церковной организации и укреплением материального положения церкви широкое распространение в империи получил институт монашества. Из движения одиночек-отшельников, искавших (первоначально в Египте) «спасения» в пещерах и пустынях, монашество превратилось в мощную корпорацию, обладавшую крупным недвижимым и движимым имуществом. Монастыри возникали всюду. Черное духовенство приобретало все большее общественное влияние. Именно из среды монахов нередко избиралось высшее духовенство, вплоть до патриарха.

Церкви и монастырям высшая власть раздавала привилегии в первую очередь. Их освобождали от многих налогов и ото всех отработочных повинностей. Церковные иерархи имели право суда над подвластным им клиром, а игумены — над монахами в монастырях.

Царствование Юстиниана I. Заключительный период в истории позднеримского мира совпал с 30-летним правлением Юстиниана I, когда Восточно-Римская империя достигла апогея своего могущества. Юстиниан родился в крестьянской семье, проживавшей в Македонии. Его дядя Юстин, также бывший крестьянин, вступил в армию и сделал военную карьеру. Возведенный на престол воинами, Юстин I (518—527) приблизил к себе племянника и провозгласил его своим соправителем. После смерти дяди Юстиниан занял престол как его законный преемник. Новый император обладал блестящим образованием, необыкновенным умом, сильной волей и неистощимой энергией. Всецело преданный римской политической идее, Юстиниан I был убежден в том, что именно ему суждено свыше восстановить единство Римской им-

перии. Вся деятельность императора была подчинена этой цели, на пути к которой он не гнушался никакими средствами, вплоть до актов крайней жестокости.

Под стать Юстиниану была и его жена — императрица Феодора. Бывшая куртизанка и уличная комедиантка, став императрицей (Юстиниан пленился ее красотой), она проявила большой интерес к государственным и церковным делам, участвовала в управлении, принимала послов, вступала порой в контакты (втайне от мужа) с оппозиционными императору кругами и вершила судьбы высших сановников.

Прежде всего император постарался повысить доходы государства, укрепить социальный строй и систему управления империей. Серией фискальных, социальных и политических мер он еще более ослабил крупное землевладение, окончательно разгромив оппозицию старой сенаторской и куриальской знати. Он лишал ее представителей высоких постов, возвышал преданных ему способных людей незнатного происхождения. Император увеличил размеры земельных владений фиска, как и государственных мастерских и лавок в городах. Он проявлял заботу о развитии торговли и новых (в обход Ирана) торговых путях на Восток. После овладения тайной производства шелка (по легенде, коконы шелковичного червя были тайно вынесены из Китая монахами-несторианами) шелкоткачество уже при Юстиниане было налажено прежде всего в Сирии и Финикии. Монополия государства на производство и торговлю шелком обеспечивала казне значительный доход.

Некоторым социальным мерам Юстиниана присущи противоречия, характерные вообще самому общественному строю империи в эту эпоху. Преследуя землевладельцев-сенаторов, он в то же время покровительствовал становлению землевладения новой знати и расширению владений церкви. Защищая право частной собственности крестьян, он в то же время изнурял их непомерным налоговым гнетом. Он узаконил колонат и защищал эфмфитов и в то же время навечно прикреплял к земле свободных колонов. Содействуя развитию торговли и ремесла, император в то же время ввел казенные монополии на торговлю основными продуктами и сдавал их на откуп, что вызвало стремительный рост цен. Поощряя перевод рабов на пекулий и сближая их статус со статусом энапографов, он в то же время не признавал за рабами никаких прав, определяя их по-прежнему как «говорящие орудия», находящиеся в полной власти господ.

Все это нашло отражение в гигантском «Своде гражданского права», систематизировавшем и отчасти реформировавшем богатое наследие римских юристов. Огромная работа была проведена

за 6 лет (528—534). В свод вошли: «Институции» (руководство к пользованию Кодексом), собственно «Кодекс» (законы императоров II — начала VI в.), «Дигесты» (выдержки из сочинений римских юристов) и, наконец, «Новеллы» (законы самого Юстиниана).

Среди важнейших идей, положенных в основу свода, были: идея полной частной собственности на землю и имущество (именно это обусловило значительные заимствования из «Кодекса» правом капиталистической эпохи), идея неограниченной власти императора и идея прочного союза государства с христианской церковью. Существенное значение в социальной жизни общества имело признание равенства перед законом всех свободных подданных императора, исповедовавших христианство, независимо от их социального и этнического происхождения, равенство прав наследования, независимо от пола и возраста детей, право на подачу апелляции в более высокую судебную инстанцию вплоть до обращения к императору. Огромную роль в развитии товарно-денежных отношений имело законодательное регулирование таких имущественных отношений, как аренда, кредит, залог, наем. В целом внутренняя политика Юстиниана объективно служила не столько сохранению позднеантичных порядков, сколько их разрушению. В частности, живых носителей старых традиций, сенаторов и куриалов, Юстиниан притеснял в первую очередь.

Внешняя политика Юстиниана и ее последствия. Осуществление завоевательной программы Юстиниан начал с разгрома в 533—534 гг. Вandalьского королевства в Северной Африке; в длительных войнах, проходивших с переменным успехом в 535—555 гг., было ликвидировано Ostготское королевство и завоеваны Италия, включая Сицилию, а в 554 г. — юго-восточная, прибрежная часть Испании. Казалось, Юстиниан достиг своей цели — Средиземное море снова стало «внутренним озером» империи. Однако его завоевания были непрочными: осуществление грандиозных планов потребовало затраты колоссальных материальных средств и людских ресурсов.

Правление Юстиниана ознаменовано обострением социальной напряженности в обществе. В январе 532 г. в ответ на усиление налогового гнета, введение казенных монополий на торговлю продуктами и произвол царских фаворитов вспыхнуло восстание в Константинополе, названное по кличу повстанцев «Ника» (по греч. — «Побеждай!»). Низы димов «голубых» и «зеленых» объединились. В ложу императора на ипподроме бросали камни. Весь город пришел в волнение. Восставшие выдвинули своего кандидата на престол. Начались пожары. Во дворце кончились вода и продовольствие. Растерявшийся император хотел бежать морем

через Босфор. Положение спасла сохранившая самообладание императрица, ей даже приписывают фразу: «Порфира — лучший саван!» Вызванная во дворец наемная гвардия была тайно проведена на ипподром и обрушилась на мятежников. До 30 тысяч безоружных константинопольцев были убиты на месте. Обескровленные димы надолго ушли с политической арены.

Почти одновременно волнения охватили Палестину, а в 536 г. — Северную Африку, где победившие вандалов воины не получили обещанных им земельных участков. Восставшие во главе с военным Стотзой, к которому присоединились рабы и колоны, сопротивлялись имперским войскам почти 11 лет. Непрочными были завоевания Юстиниана и в Италии (535—536). Политика реставрации имперских порядков, возвращение земель, колонов и рабов прежним господам (и их потомкам), своеволие чиновников, целый поток которых хлынул из столицы в отвоеванные земли, — все это вызвало восстание жителей Италии. Власть остготов была вновь восстановлена на части территории. Их король Тотила (541—552), давший свободу примкнувшим к нему рабам и колонам и наделавший земель, отобранной у крупных собственников, крестьян из остготов и римлян, получил поддержку широких слоев населения. К 546 г. у империи в Италии, на Сицилии, Сардинии и Корсике почти не осталось владений. Только в 552—555 гг., собрав все силы, Юстиниан добился победы.

Неспокойно было и на Балканах. Здесь действовали отряды «скамаров» (разбойников), в которые вливались и разорившиеся поселяне. Рядом неудач была отмечена политика Юстиниана на Востоке. Бросив все силы на Запад, император ослабил оборону восточных границ. В 540 г. персы вторглись в Месопотамию и Сирию, взяли и разрушили жемчужину восточных городов империи — Антиохию. Трижды Юстиниан заключал с персами перемирие, выплачивая им все возраставшие контрибуции и дани. Упорно посягал Иран и на юго-восточное побережье Черного моря (Лазик). Войны за нее шли с переменным успехом с 549 до 556 г. Только в 562 г. борьба с Ираном завершилась мирным договором. Империя удержала Лазик, но отказалась от претензий на Сванетию и иные грузинские земли. Империи удалось не допустить Иран ни к черноморскому, ни к средиземноморскому побережьям.

Вторжения славян. Наиболее крупными были неудачи внешней политики Юстиниана на севере Балканского полуострова. Тройная линия крепостей, возведенная им здесь по правому берегу Дуная, не смогла сдерживать напор варваров. Почти каждый год в своих набегах они разоряли северобалканские земли. В правление Юстиниана это были чаще всего турки-протоболгары, славяне

и авары. Вторжения протоболгар участились с начала 40-х годов, а нападения аваров — с начала 60-х. Явившись из Приазовья в 558 г. к устью Дуная, они получили от Юстиниана разрешение поселиться в Паннонии в качестве союзников империи. Авары подчинили себе протоболгар, обосновавшихся здесь еще в середине V в., и распространили отчасти непосредственное господство, отчасти влияние на славянские племенные союзы, расселившиеся в первой половине VI в., еще до прихода аваров, на примыкавших к левому берегу Дуная территориях. К северу от среднего Дуная, в бассейне Тисы, авары основали мощное союзно-племенное объединение — Аварский каганат, ставший вплоть до второй четверти VII в. главным врагом империи на Балканах. Пренебрегая договором с империей, авары вместе с протоболгарами и славянами стали систематически разорять ее владения, достигая в набегах окрестностей Константинополя.

Наиболее серьезные последствия для империи имели, однако, вторжения славян. Их нападения начались еще при Юстине и стали почти ежегодными с начала правления Юстиниана I. Организованные в племенные объединения, славяне заселили сначала левобережье нижнего и среднего Дуная, куда возвращались с добычей и пленными после набегов на земли империи. Но с середины VI в., в отличие от других варваров, которые возвращались из походов в места постоянных поселений или уходили дальше на Запад, славяне стали все чаще задерживаться в пределах империи на зиму, а затем и расселяться на захваченных ими землях.

Основу общественного строя славян составляла земледельческая община с пережитками кровнородственных (большесемейных) отношений. Члены общины владели земельными наделами, права собственности на которые, как и на всю сельскую округу и угодья, принадлежали еще общине в целом. Первоначально захваченных в походах пленных (чаще всего византийцев) славяне либо продавали и отдавали за выкуп, либо оставляли по прошествии нескольких лет жить среди них на общих правах. Со временем, однако, особенно после поселения в империи, славянская племенная знать стала довольно широко использовать труд рабов в своих хозяйствах. Во главе племенных и союзно-племенных объединений стояли князья, но их власть ограничивалась племенными собраниями. Прокопий Кесарийский писал в середине VI в., что славяне все дела решают сообща, так как живут в «демократии».

Расселение славян на землях империи, помешать которому она оказалась не в состоянии, началось во второй половине VI в. Особенно массовый характер оно приняло в последние десятилетия VI и первые десятилетия VII в. В 602 г. посланные против

славян левобережья нижнего Дуная войска отказались выполнить приказ зимовать в землях врага, подняли мятеж и ушли с дунайской границы, открыв ее для беспрепятственных переселений славян на территорию империи. Чаще всего они захватывали лучшие земли, потеснив местных жителей и обложив их данью. Славянская колонизация охватила огромные территории Балкан: они расселялись и к северу от Балканского хребта, и во Фракии, Македонии, Эпире, Греции, на Пелопоннесе и ряде островов Эгейского моря. К середине VII в. они стали вторым по численности (после греков) этносом на Балканах.

По большей части славяне сохраняли на новых местах свои прежние племенные названия. Известны наименования около 30 славянских племенных объединений. Византийцы обозначали их термином «*славинии*». В течение двух-трех веков славинии жили совершенно независимо, постепенно прекращая набеги на соседние земли и устанавливая мирные (в том числе торговые) отношения с местным населением. Иногда они объединялись для нападения или обороны в более крупные союзы. С 580-х до 670-х годов славяне не менее четырех раз осаждали Фессалонику, второй по значению и величине город империи, с целью сделать его своим политическим центром.

Тенденции к формированию собственной государственности не нашли, однако, у славян развития на византийской земле. Уровень их общественного строя еще не был достаточен для образования прочного союза и организации власти племенной верхушки над собственным и завоеванным населением. Славинии так и не стали государствами до их интеграции в состав империи. Процесс этот занял несколько столетий. Причем наибольший эффект давали не военные походы против славян, а соглашения с ними и обращение их в христианство.

Первоначально славяне опустошили значительные пространства империи, в том числе немало мелких и средних городов (в которых они не селились), множество византийцев было убито, уведено в плен, обращено в рабство. Затем, прочно обосновавшись на издревле освоенных землях, славяне сами же возвращали эти земли к жизни. С развитием и усилением связей с местным населением славянская земледельческая община превращалась в соседскую, все реже становились переделы пахотной земли между семьями, упрочивались права полной собственности общинников на свои участки. В свою очередь, более консервативная славянская община оказала влияние на местную, ослабленную налогами, и содействовала укреплению крестьянского землевладения, ставшего в VII—IX вв. основой возрождения империи.

Византийская империя во второй половине VI — первой половине VII в. Постаревший Юстиниан успел увидеть начало краха своих трудов. Население было разорено. Упали доходы казны. Крупные имения, в том числе императорские, были разорены. Запустело множество деревень, а укрепленные города, напротив, переполнялись беженцами. Свертывалась торговля. Не хватало для войска рекрутов из крестьян, а на плату наемникам не было денег. Юстиниан был вынужден снизить налоги и вчетверо сократить армию. Положение еще более осложнилось при ближайших преемниках Юстиниана. На Балканах хозяйничали авары, славяне и протоболгары. В 568 г. в Италию вторглись лангобарды. Империя сохранила здесь лишь Равенну с прилегающей областью, юг полуострова и Сицилию. В целях укрепления обороны Равенны в ней была введена новая форма управления, заключавшаяся в объединении гражданской и военной власти над провинцией в руках одного наместника — *экзарха*. (Экзархат стал прообразом будущей системы фем.) Через несколько лет экзархатом со столицей в Карфагене стал и административный округ Африка.

Жестокий кризис поразил центральные органы власти. Поднявшие мятеж в 602 г. дунайские легионы возвели на трон из своей среды сотника Фоку, который обрушил жестокий террор на савинную землевладельческую знать, вызвав гражданскую войну в Малой Азии. Воспользовавшись случаем, персы возобновили наступление на восточные провинции империи.

Спасение пришло из Африки. Сын экзарха Карфагена Ираклий явился в 610 г. с военным флотом провинции к Константинополю и легко овладел им. Фока был казнен. Став императором (610—641), вокруг которого сплотились все оппозиционные Фоке группировки знати, Ираклий реформировал армию, усилив кавалерию и отряды лучников, заключил перемирие с аварами и стал наносить персам одно поражение за другим. В 626 г. была одержана крупная победа над нарушившими мир аварами под стенами Константинополя, они осаждали его в союзе со славянами и персами. Авары после этого перестали серьезно угрожать империи. Скоро перестали угрожать и персы, но не только из-за побед над ними Ираклия в 627—628 гг. Вскоре, в 637—651 гг., Иран был завоеван арабами — новым, еще более опасным врагом, неожиданно появившимся у юго-восточных пределов империи. В 637 г. они разгромили армию Ираклия на р. Ярмуке. Началось стремительное завоевание арабами византийских восточных провинций. В 636—642 гг. империя потеряла Сирию, Палестину, Верхнюю Месопотамию, Египет, а еще через полвека — и Карфагенский экзархат. Лазика и Армения стали независимыми от Византии.

По сравнению с эпохой Юстиниана территория империи сократилась более чем втрое. Арабы вскоре положили конец и безраздельному господству империи на море — они создали свой военный флот, с помощью которого в 654 г. разорили о. Родос и стали с тех пор угрожать всем прибрежным провинциям и коммуникациям империи.

Крупные перемены произошли и в этническом составе империи как на Балканском полуострове, где расселились славяне, так и в Малой Азии: наступление персов и арабов вызвало отток из пограничных во внутренние районы полуострова сирийцев, армян, а затем и персов.

§ 2. Византия во второй половине VII—XII в.

1. ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.

Следующий период в истории Византии (до конца XII в.) распадается на три этапа. Рубеж между первыми двумя приходится на середину IX в., между вторым и третьим — на конец XI в. Если в предшествующие три столетия империя пережила глубокий переворот в социально-экономической структуре и в политической системе, приобрела черты средневековой монархии, то теперь наступила эпоха ее расцвета, взлета ее могущества и богатой многогранной культуры.

По своему общественно-политическому строю Византийская империя представляла собой отныне особый вариант средневекового государства, сочетавшего традиции позднеримской государственности, следы влияния восточных деспотий и признаки феодальных монархий Западной Европы. Однако к концу этого этапа Византия вновь столкнулась с тяжелым кризисом, обусловленным скорее не спадом экономики, а внутривнутриполитическими причинами и вторжениями новых врагов. Для XII столетия характерно дальнейшее значительное сближение общественной (хозяйственной и политической) структуры империи со структурой западноевропейских стран — процесс, который стимулировался целой серией реформ, проведенных императорами династии Комнинов. Положение было временно стабилизировано, но реформы не смогли остановить ослабление центральной власти, внутреннюю дезинтеграцию и упадок боеспособности армии и военного флота.

Экономическое положение империи. Крупные социально-экономические перемены произошли прежде всего в аграрной сфере. Подобно раннефеодальной Западной Европе, Византия также

пережила период относительного экономического и социального преобладания деревни над городом. В буре варварских нашествий, в условиях ослабления центральной власти свободное крестьянское землевладение стало основной формой земельной собственности и организации сельского хозяйства. Колонат исчез. Крупные имения сохранились лишь спорадически — они принадлежали в основном фиску, церкви и монастырям.

Наиболее подробные сведения о жизни византийской деревни содержит «Земледельческий закон» VIII в., представляющий собой, как и западные «варварские правды», запись обычного права, которая приобрела характер официального правового сборника. Он был очень популярен в империи, в том числе в районах, населенных славянами. Соседская община переживала время интенсивного развития. Накопление экономических ресурсов происходило тогда преимущественно в деревне, где окрепшее крестьянское хозяйство производило значительные излишки продуктов земледелия. Следствием этого был ускорившийся процесс имущественной дифференциации среди общинников. В результате укрепления частной собственности общинника на пахотный участок (периодические переделы в общине были уже исключением) он стал близким к западноевропейскому аллоду.

В деревне на одном полюсе возник слой зажиточных крестьян, арендовавших или скупавших участки соседей и использовавших труд наемных работников и рабов (главным образом для ухода за скотом). На другом полюсе увеличивалось число общинников, неспособных обработать свою землю из-за отсутствия или потери тягловых животных, недостатка инвентаря и семян, а порой и рабочих рук. Росло также число крестьян, потерявших свои участки и вынужденных наниматься к богатым. Часть крестьян вообще покидала деревню в поисках средств к жизни в городах. В VIII—IX вв., однако, соседская община была еще относительно устойчивой и жизнь византийской деревни сравнительно благополучной.

Существенно иным было хозяйственное положение городов в ту же эпоху. Набеги варваров, разрыв торговых связей, сокращение спроса на дорогие изделия со стороны обедневшей и уменьшившейся численно знати (многие ее представители погибли в войнах и во время террора Фоки) ударили прежде всего по экономике города. Мелкие и средние города, особенно на Балканах и на востоке Малой Азии, аграризировались, т.е. их население занималось почти исключительно сельским хозяйством. Уровень ремесла резко снизился, торговля почти замерла.

Однако упадок городов, особенно крупных, не был абсолютным. Потребности двора и патриархии, заказы на вооружение и снаря-

жение армии и флота, спрос иноземцев на предметы роскоши не дали угаснуть ремеслу в таких городах, как Константинополь, Фессалоника, Никея, Эфес, Трапезунд. Центр внешней торговли в VIII в. стал постепенно перемещаться на Балканы. Возрастало значение путей из славянских стран и из Западной Европы, ведущих к Фессалонике и Константинополю, оживилась торговля с Венецией, Равенной и Амальфи, а на рубеже VIII—IX вв. — с арабами. Имело значение и наличие дешевой рабочей силы в укрепленных крупных городах (ставших убежищем для массы людей, потерявших свои очаги и имущество), а также дешевизна на городском рынке поступающих из деревни продуктов. Не случайно оживление товарно-денежных отношений, возрождение городских форм жизни, подъем ремесла и торговли имели место в IX в. прежде всего в столице империи — Константинополе, быстро обретавшем былую славу мастерской великолепия.

Военно-административные реформы. Фемный строй. Значительные изменения произошли в VII—IX вв. и в управлении империей. Потеря восточных провинций с преобладающим негреческим населением повлекла за собой повышение удельного веса греческого этноса среди подданных императора. С верностью трону именно греков судьбы империи оказались отныне связаны теснее, чем когда-либо раньше. Не случайно поэтому при Ираклии произошел окончательный переход с латинского языка на греческий в государственном делопроизводстве, а сам монарх сменил латинский титул «император» на греческий — «*василевс*».

Смена титула имела и другой глубинный смысл: статус правителя империи уже не связывался с идеей выборности государя как представителя интересов всех подданных, как главная должность в империи (магистрат). Император стал средневековым монархом, исполнителем воли господствующего слоя. Компромисс с римской традицией выразился в добавлении к титулу определения «римский» (официальной была формула — «*василевс ромеев*»), т.е. само государство продолжало рассматриваться как Римская империя, а ее подданные — как римляне.

Наиболее радикальные преобразования начались, однако, в структуре провинциального управления. Критическое положение империи требовало концентрации власти на местах, и принцип разделения властей стал сходить с политической арены. Границы провинций подверглись перекройке, а вся полнота военной и гражданской власти в каждой из них вручалась теперь императором наместнику-стратигу (военачальнику). Стратигу были подчинены также судья и чиновники фиска провинции, а сама она получила отныне наименование «*фема*» (так называли первоначально отряд местного войска).

Ядро войска фемы составили стратиоты — воины-крестьяне, как правило, достаточно состоятельные, чтобы приобрести положенное вооружение, снаряжение, а также боевого коня (если служили в кавалерии). Семья стратиота должна была располагать необходимым числом рабочих рук (включая наемных работников или рабов), чтобы не нести ущерба в отсутствие хозяина, призванного в фемное ополчение для похода или воинских учений (обычно весенних).

Имя крестьянина-стратиота вносилось в военные списки (каталоги). В VII—VIII вв. воинская служба стала наследственным жребием внесенной в каталог семьи (освобожденной от всех налогов, кроме поземельного, и от отработок в пользу казны) независимо от неблагоприятных перемен в хозяйстве стратиота. В IX в., однако, обязанность служить в фемном войске все теснее связывается с наличием у крестьянской семьи участка земли определенного размера — воинская повинность становится поземельной. Иногда государство само предоставляет землю поселянам при условии несения военной службы. Так, в конце VII—VIII в. десятки тысяч покоренных силой или подчинившихся добровольно славянских семей были переселены на северо-запад Малой Азии (в Вифинию) и наделены землей на условиях несения воинской службы. Впоследствии, с успехами интеграции славян в число подданных империи, их делали налогоплательщиками казны и все чаще вносили в местные фемные воинские каталоги.

Первые фемы возникли при Ираклии в Малой Азии после 634 г. — Армениак, Опсикий, Анатолик, затем — в 70-х годах, — Фракия, защищавшая подступы к столице. К середине IX в. фемный строй утвердился на всей территории империи. Новая организация военных сил и управления позволила империи отразить натиск врагов, а затем перейти к возвращению потерянных земель. Скоро обнаружилось, однако, что и фемный строй таит в себе опасность для центральной власти: стратеги крупных малоазийских фем обрели огромную власть, ускользая из-под контроля центра. Они вели даже войны друг с другом. Поэтому императоры стали в начале VIII в. дробить крупные фемы, вызвав недовольство стратигов, на гребне которого к власти пришел стратиг фемы Анатолик Лев III Исавр (717—741).

Внешиеполитическое положение империи. Три главных врага угрожали империи в этот период: протоболгары, славяне и арабы. В 681 г. между Дунаем и Балканским хребтом, на территории, заселенной славянами, возникло и отстояло в борьбе с войсками империи свое право на бывшие земли Византии новое государство — Болгария. Основано оно было пришедшим из Приазовья

во главе с ханом Аспарухом племенным объединением протоболгар, которые частью привлекли к себе в качестве союзников, частью подчинили местных славян. Уже в 681 г. империя была вынуждена платить протоболгарам ежегодную дань. Болгария стала до начала XI в. основным соперником Византии на Балканах, расширяя свои земли за счет империи и подчиняя себе независимые славянии Северной Фракии и Македонии.

Наступающей стороной были обычно протоболгары, конницу которых поддерживали в походах пехотные отряды из славян — подданных хана Болгарии. С конца VII до середины IX в. ее войска много раз вторгались на земли Византии, доходя до стен Константинополя и угрожая ему захватом. Так было, в частности, в 814 г., когда только внезапная смерть хана Крума помешала решительному штурму столицы. В борьбе с этим ханом в 811 г. погиб император Никифор I (802—811), вторгшийся в пределы Болгарии (войска его было уничтожено на обратном пути в балканском ущелье).

Против славяний Северной Фракии, Южной Македонии, Греции и Пелопоннеса в течение двух столетий было предпринято несколько крупных военных кампаний. К середине IX в. большая часть славяний была подчинена, и принявшие христианство славяне стали подданными императора. Лишь часть славяний в малодоступных местах сохраняла полуавтономию, поднимала восстания и отказывалась от несения казенных повинностей.

Наиболее опасным врагом на востоке вплоть до середины IX в. оставались арабы. В 670-х годах они несколько раз подступали к Константинополю, осаждая его и с суши и с моря. Тогда византийцы впервые применили «греческий огонь». Горючая смесь из нефти, селитры и серы через особые трубы с силой выплескивалась на суда или осадные орудия, обращая их в пепел. Нельзя было спастись и в плавы: состав горел на воде. Секрет изготовления «греческого огня» тщательно охранялся: в течение нескольких веков это оружие приносило византийцам победы, особенно на море.

В 718 г. Лев III отбросил арабов, целый год осаждавших столицу империи. В 740 г. он снова разбил их. Во 2-й четверти VIII в. армия империи дошла до Евфрата и Армении, вернув часть восточных земель. Однако в конце этого века арабы снова усилили натиск. В 823—826 гг. они на 130 лет отняли у империи о. Крит. Только к середине IX в. границы с Арабским халифатом были стабилизированы.

Иконоборчество. Социальные конфликты и ереси. Бывший стратиг-мятежник Лев III, как никто другой, понимал огромную опасность трону со стороны своих прежних соратников: завязывался

конфликт между гражданской (чиновной, по преимуществу столичной) знатью и военной (в основном провинциальной) аристократией. Этот конфликт на четыре последующих столетия стал стержнем политической жизни империи: в борьбе за трон каждая из группировок стремилась обеспечить себе преимущественное право на присвоение доходов казны и ренты с крестьян. Лев III видел свою задачу в том, чтобы устранить угрозу со стороны военных, не ослабляя силы войска и не нанося ущерба чиновной знати. Удовлетворить интересы тех и других казалось удобным за счет монастырей, накопивших огромные богатства.

В 726 г. специальным эдиктом Лев III объявил почитание икон и мощей святых идолопоклонством, поддержав таким образом позицию, которую отстаивала часть малоазийского белого духовенства. Оно было крайне обеспокоено тем, что в результате разгула суеверий, охвативших широкие слои народа, огромное влияние в провинциях приобрели монастыри. Они всячески разжигали фанатизм, пропагандировали культ святых, оттеснив белое духовенство на второй план. Дары и пожертвования щедрым потоком текли в монастырскую казну.

Выдвинутый императором тезис — кто за почитание икон и мощей, тот против трона и державы — был предельно ясен для размежевания сторон (иконоборцев и иконопочитателей). Борьба длилась более столетия, и вовлечены в нее были все слои населения. Ей сопутствовали конфискации, ссылки, пытки, истребление инакомыслящих. Закрывались монастыри, монахов насильственно зачисляли в войско, принуждали вступать в брак. Монастырские сокровища переходили в императорскую казну и к военной верхушке. С конца VIII в. иконоборчество стало ослабевать. Его основные задачи были выполнены: монастыри ослаблены и поставлены под надзор государства и церковной иерархии, сепаратистские тенденции крупных религиозных центров подавлены, над стратигами усилен контроль центральной власти. VII Вселенский собор (787 г.) осудил иконоборчество. Второй период иконоборчества, наступивший в 815 г., был уже лишен прежнего ожесточения. И внутренняя обстановка, и международное положение требовали консолидации сил господствующих кругов империи.

В 812—823 гг. столицу осадил узурпатор, один из мятежных военачальников в Малой Азии, славянин по происхождению, Фома Славянин. Его поддерживали знатные иконопочитатели, некоторые стратиги Малой Азии и часть славян на Балканах. Заключил он союз и с Арабским халифатом. Однако осада не удалась, Фома был побежден, схвачен и предан казни.

Иконоборчество навсегда сошло с исторической арены. В целом оно не нашло широкой поддержки в империи. В 843 г. иконопочитание было торжественно восстановлено, иконоборцы, и живые, и умершие, были преданы церковью анафеме.

Немало сил потребовала и борьба с приверженцами дуалистической павликианской ереси. Они считали весь видимый материальный мир, включая светскую власть и официальную церковь, творением дьявола, миром зла, противостоящим потустороннему, духовному миру добра. Павликиане создали на востоке Малой Азии своеобразное государство с центром в городе Тефрика, распространяя порой свое влияние на значительную часть полуострова. В жестокой борьбе с ними армия империи уничтожила несколько десятков тысяч еретиков. Только в 879 г. Тефрика была взята, а их вождь Хрисохир убит.

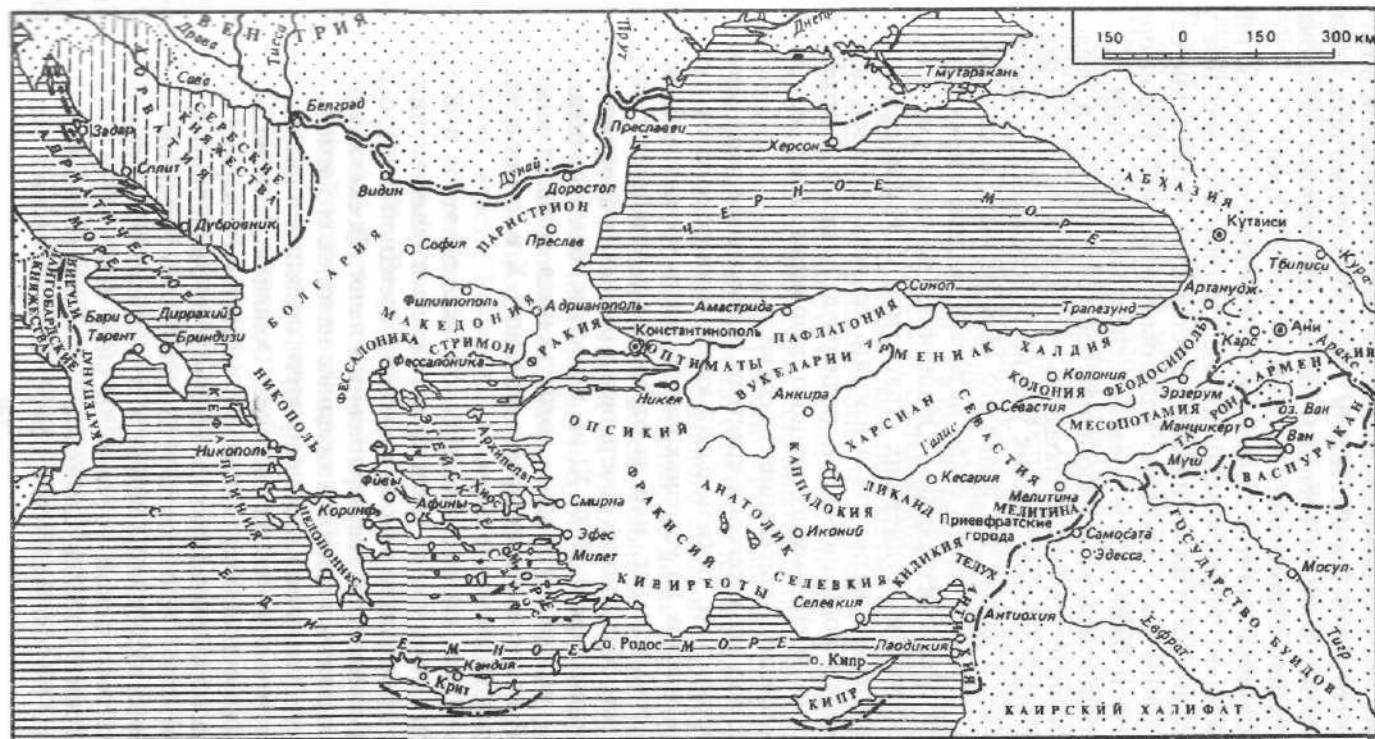
2. ВИЗАНТИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX—XI В.

Время со второй половины IX до конца XI в. составляет второй этап средневизантийского периода. Главное его содержание состояло в окончательном оформлении институтов средневековой монархии, которая после нового яркого расцвета вновь вступила со второй половины XI в. в полосу кризиса, достигшего апогея к 80-м годам столетия.

Византийская деревня. Наметившаяся ранее в Византии тенденция к становлению новой социально-экономической структуры и общественно-политической системы окончательно восторжествовала к концу XI в. Процесс имущественной дифференциации в деревне ускорился.

В ходе отвоевания захваченных варварами земель, иконоборчества и подавления оппозиционных движений государство упрочило право своей собственности на земли страны, за исключением земель сельских общин и частных земельных собственников. Суть происшедших перемен в отношениях собственности состояла в том, что власти империи взяли под контроль все «бесхозные» земли, включая пустоши и неудобья. На всей территории империи господствовали три вида собственности на землю: полная частная собственность отдельных лиц, коллективная собственность сельских общин на неподеленные, т.е. находившиеся в общем пользовании, земли и, наконец, собственность государства (практически все менее отличимая от императорской).

Государственная собственность состояла как из имений, превращенных в доходные хозяйства (правящей семьи, благотворительных учреждений, правительственных ведомств), так и из гигантского неосвоенного фонда, который императоры использовали

Византийская империя в XI в.

в качестве могущественного средства в своей социальной политике и политической борьбе. Жалуя с разной степенью прав и льгот землю гражданским и военным чинам, императоры лавировали между группировками знати, стремясь упрочить трон.

Юридический статус земельной собственности являлся главным фактором, определявшим имущественные и социальные условия жизни всего византийского крестьянства. Разложение сельской общины было ускорено налоговой реформой Никифора I (802—811) и оживлением товарно-денежных отношений. Кроме главного поземельного налога натурой (синоны) были введены другие налоги. Строго соблюдалась эпитаболэ в ее новой форме: заброшенный соседом участок уже не присоединяли к земле общинников, а давали им право его обрабатывать взамен уплаты налогов. Эпитаболэ теперь стали называть «аллиленгием», т.е. «солидарной ответственностью». Общинники по-прежнему в складчину вооружали обедневших стратиотов. С Никифора I (и до конца империи) казна стала взимать со всех жителей деревни «капникон» («подымное»), т.е. подворную подать с домохозяина, независимо от его имущественного положения. Ранее ее платили только «*парики*» (присельники) церкви.

С тех пор эта категория крестьян (парики) все чаще упоминается в источниках. Безземельный крестьянин получал от господина земли участок на условиях уплаты части урожая либо определенной суммы денег, или за отработки в хозяйстве господина. Иногда эти обязанности сочетались в разных пропорциях по воле собственника земли. В X—XI вв. взносы в пользу господина приобретали нередко ту форму, которую имел тогда главный поземельный налог в пользу казны. К концу X в. он стал все чаще собираться в денежной форме.

Специфика частновладельческой эксплуатации в Византии состояла в том, что ее уровень определялся обычаем, приравнивавшим официально взносы париков к арендной плате, более чем вдвое превышавшей государственный налог. Поскольку господин перекладывал на париков и казенные налоги с его земельной собственности, их взносы господину втрое превышали платежи крестьян—собственников своих участков. Основное отличие парика от свободного общинника состояло в отсутствии у парика собственности на обрабатываемую им землю, а от свободного арендатора чужой земли — в отсутствии защищенного публичной властью договора с господином земли и в непременном проживании в пределах господской вотчины. В силу всего этого хотя парик юридически оставался свободным и полноправным подданным империи, он, оказавшись в сфере частноправовых отношений,

попадал и в личную зависимость. Право парика уйти, рассчитавшись с господином, или перейти к другому хозяину было трудно реализовать: основание хозяйства на новом месте требовало немалых средств. К тому же парик нередко получал от господина вместе с участком помощь (скотом, семенами, орудиями), и единовременная выплата долгов была ему непосильной. Если император жаловал господину освобождение от налогов с его земли, то это означало, что он может их собирать с париков в свою пользу. В таком случае налог по его социальному содержанию становился (вместе с ежегодной платой парика господину за участок) подобием феодальной ренты. Поэтому исследователи, справедливо отмечая важность этого обстоятельства и учитывая специфику структуры господствующего слоя империи и ее политической системы, трактуют общественный строй Византии как полуфеодальный, ибо и в империи, и в феодальных странах Западной Европы условия жизни крестьян, составлявших в ту эпоху подавляющее большинство населения, оказались весьма близкими.

Парик пришел в крупном поместье на смену полусвободному и свободному арендатору, наемному работнику, колону и рабу. Владение землей становилось источником богатства только при обеспечении ее рабочими руками. Труд париков стал наиболее выгодной формой эксплуатации: они были наследственными держателями. Через 30 лет непрерывного держания семья парика уже не могла быть согнана с ее участка, но лишь при условии выполнения своих обязанностей перед хозяином земли. Парик не приобретал прав собственности на участок и мог быть продан или подарен вместе с ним другому лицу, церкви или монастырю.

Аграрное законодательство императоров Македонской династии. Стремительное распространение парикии серьезно беспокоило центральную власть. Во-первых, потеря земли свободными общинниками и превращение их в париков частных лиц повлекли сокращение и налоговых взносов в казну, и численности стратиготского ополчения. Во-вторых, корона в ее стремлении обеспечить парическим трудом свои многочисленные поместья столкнулась с острой конкуренцией крупных землевладельцев. Зимой 927/928 г. после катастрофического недорода империю постиг жестокий голод. Спасаясь от гибели, обедневшие крестьяне за бесценок продавали свои участки или отдавали право собственности на них богатым и влиятельным людям (динатам, т.е. «сильным»), становясь их париками, иногда всей деревней. Париками стратигот оказывались и разорившиеся стратиоты, утратившие способность нести воинскую службу.

Троном владели тогда императоры Македонской династии (867—1056), отражавшие интересы высшей гражданской знати

(чиновной бюрократии). В течение столетия, с 20-х годов XI в., императоры издали целую серию законов (новелл), которыми пытались помешать распространению парикии и вторжению динатов в общины налогоплательщиков. Государство утвердило право общинников на предпочтительную покупку земли своих односельчан. Затем такое право было дано им на покупку и динатских земель. Проданную менее 30 лет назад крестьянскую землю безвозмездно возвращали прежнему собственнику. Но законы соблюдались плохо. В новелле 934 г. признавалось, что динаты, «презирая императорские законы», продолжают притеснять крестьян, «сгоняют их с собственных полей, вытесняют с принадлежащей им земли». Внутри общин появились богачи: используя право предпочтения, они вполне законно скупали участки своих односельчан, превращая целые общины в свои поместья.

В 996 г. император Василий II Болгаробойца (976—1025) отменил срок давности: крестьянину (или его наследникам) возвращали землю независимо от того, когда она была потеряна. Общинников, ставших динатами за счет односельчан, предписывалось обращать в прежнее состояние. Согласно закону, свободный крестьянин или его наследники в течение 30 лет сохраняли право собственности на свой заброшенный участок, и в случае их возвращения до истечения этого срока независимо от того, кто и на каких условиях в отношении к фиску использовал эту землю, они снова вступали во владение ею, получая на ближайшие годы налоговые льготы. Если крестьянин (или его наследник) не возвращался, его земля переходила в собственность казны, которая или продавала ее, или сдавала в аренду, или использовала для императорских пожалований.

При императорах Македонской династии были введены специальные, детально регламентированные инструкции (податные уставы) для чиновников фиска о принципах обложения и сбора налогов и о методах защиты прав казны, которая в конкуренции с динатами овладевала запустевшими общинными землями.

Еще строже были законы об участках, внесенных в каталоги стратиотов. В середине X в. эти участки были объявлены неотчуждаемыми. Имущественное положение стратиотов подверглось новой оценке. Обедневшие воины не получили освобождения от службы: вооружали их по-прежнему совладельцы-общинники. Менее состоятельных заставляли служить в пехоте или на флоте, а зажиточных — в коннице. Социальный состав армии менялся. Тяжеловооруженная конница становилась ее ударной силой. Росла стоимость вооружения. На службу в кавалерию стали привлекать мелких и средних вотчинников. Но слой состоятельных крестьян

был невелик. К концу столетия боеспособность фемных ополчений упала, и все большую роль в войске стали приобретать наемники.

Законы лишь затормозили процесс оскудения мелкого крестьянского землевладения. Сами императоры были непоследовательны в своей политике. Росли их уступки динатам, недовольным мерами центральной власти.

Крупное землевладение. По сравнению с положением в Западной Европе в ту же эпоху византийским крупным владениям были присущи три главные особенности. Во-первых, они, как правило, значительно уступали западным по размерам и были зачастую разбросаны по разным провинциям, не составляя больших сплошных массивов. Во-вторых, крупная земельная собственность в империи не имела иерархической структуры, вассально-ленные отношения не получили развития. Императоры все чаще наделяли из фонда государственных земель и из собственных имений отличившихся на службе сановников и военачальников, монастыри и церкви. Сначала среди дарений преобладали *солемины*, т.е. право взыскивать в свою пользу все или часть налогов в том или ином налоговом округе.

Уже в середине XI в. появился особый вид солемнии — *прония*, представлявшая собой пожалование на срок жизни (в награду за службу) налогов с определенной территории с правом управления ею. Так было положено начало получившим с XII в. значительное распространение условным держаниям от короны, но их сходство с западными ленами было весьма относительным (по своей внутренней структуре прония отличалась от феода и лена: иерархия земельной собственности ограничивалась здесь одной ступенью: император — бенефициарий).

В-третьих, крупные землевладельцы редко получали от императора освобождение от всех налогов и никогда не располагали полным судебным иммунитетом в пределах собственных владений (право высшей юрисдикции оставалось прерогативой государства). Центральная власть всегда сохраняла контроль над крупным землевладением, сдерживала его рост и оказывала существенное влияние на уровень частновладельческой эксплуатации. Особыми льготами пользовалось в империи, как правило, только монастырское землевладение.

Все это вызывало растущее недовольство землевладельческой, в основном военной, аристократии. Путь к отмене ограничений и расширению своих владений она видела в возведении на престол ставленника из своей среды — вместо представителя чиновной бюрократии, которая владела и средствами казны, и властью, позволявшей ей самой приобретать земельные владения. Суть вопроса

состояла в том, какая из форм эксплуатации крестьян станет главной: централизованная (в интересах чиновничества) или частновладельческая (о чем мечтала военная знать). Конфликт этих двух группировок господствующего класса стал до конца XI в. стержнем политической жизни общества.

Византийский город. «Книга эпарха». С середины IX в. начался подъем городов в Византии. Свободные мелкие производители-ремесленники и торговцы создавали основную массу продукции, поступающую на рынок. Мастера и торговцы основными продуктами питания и предметами роскоши были организованы в *корпорации* — профессиональные объединения нового типа. Хотя и связанные генетически с прежними коллегиями, они отличались от них главным образом тем, что строились не на принудительном, а на добровольном принципе. Принадлежность к корпорации была не повинностью, а привилегией, вступление в нее было обставлено рядом условий: взнос, наличие материальных возможностей для дела, овладение мастерством, обязательство соблюдать правила. Установленные эпархом (градоначальником), эти правила для 22 корпораций столицы были постепенно сведены в X в. в сборник постановлений — «Книгу эпарха». Ремеслом можно было заниматься и вне корпорации, но такой ремесленник или торговец при получении заказов и продаже изделий и товаров не имел тех льгот, которые были официально предоставлены членам корпорации. Закон защищал их от конкуренции внекорпоративного ремесла. Наибольшие льготы имели корпорации торговцев. Состоятельные члены корпораций использовали труд мистиев (наемных работников) и рабов.

Взамен первоочередного права на получение заказов и продажу своих изделий корпорации были опутаны целой сетью обязательств и ограничений, решительно отличавших их от возникших позднее на Западе средневековых городских цехов. Члены корпорации не имели права избирать главу корпорации — его назначал эпарх. Глава отвечал за уплату налогов и пошлин всех членов объединения и за соблюдение ими не только профессиональных правил, но и принятых норм морали. Члены корпорации под угрозой исключения должны были доносить на своих коллег о любом «слове и деле» против законной власти. Их профессиональная деятельность подвергалась придирчивому контролю со стороны городских чиновников (предписывались объемы производства, запасы сырья, место и время торговли, число и сроки найма мистиев). Была установлена и норма прибыли членов корпорации. Они платили налоги с городской недвижимости (мастерских-лавок), если ее имели, а не брали в аренду, а также пошлину как при закупке сырья и иных товаров, так и при продаже своих.

Тем не менее ремесленное производство и торговля в империи процветали, подъем начался в столице (с середины IX в.), а затем (со второй половины XI в.) и в провинциальных городах. Шелк, художественные изделия из стекла, металла, слоновой кости, дорогая посуда, льняные ткани из Византии снова обрели мировую славу. Возобновились строительство роскошных дворцов знати, многочисленных богато украшенных церквей. Невиданным для иноземцев великолепием отличались императорские дворцы. Возобновились широкие внешнеторговые связи. Возросло количество денег в обращении. Золотая византийская номисма была желанной монетой на рынках Европы и Азии. Успешно развивалась с начала X в. торговля с Древней Русью. Большую роль в торговле с южнославянскими странами, со странами Ближнего Востока и Западной Европы стала играть Фессалоника, связанная древней крупной магистралью (Via Egnatia) и с Константинополем, и с Адриатическим побережьем. Усилилось значение Адрианополя, Фив, Коринфа, а в Малой Азии — Nikeи, Эфеса, Трапезунда, Амастриды. Самым крупным и многолюдным городом всего европейского Средневековья оставался Константинополь — надежно защищенный и с суши и с моря узел мировых торговых связей.

Организация государственного управления. В течение почти 250 лет, начиная с середины IX в., особенно при императорах Македонской династии, совершался непрерывный процесс упрочения власти императора и столичных правительственных ведомств. Они специализировались и дробились. Вместе с дворцовыми службами и канцеляриями число их к началу X в. достигло 60. Огромное значение приобрело налоговое ведомство. Большую роль играло ведомство почты и дорог, осуществлявшее внешние сношения, разведку и тайный сыск.

Каждому сановному лицу присваивался почетный титул. Их было несколько десятков. Они делились на классы и разряды, закрепленные в табели о рангах. Каждому носителю титула была положена, помимо платы за должность, руга — определенная ежегодная сумма денег и парадное одеяние. Каждому были установлены его место и роль в придворных церемониях. Иерархия титулов была громоздкой и сложной. Она охватывала сотни и тысячи представителей гражданской и военной знати. Пожалование титулов — при понятиях того времени о престиже — служило сильным средством политики в руках императора, в том числе политики внешней: титулы даровались также иноземным знатым персонам и нередко были предметом их домогательств.

Лев VI (886—912) заявлял, ликвидируя остатки самоуправления (наследия курий) в городах, что ни в чем подобном отныне

нет необходимости, поскольку «теперь обо всем печется император». Синклит насчитывал в XI в. не менее тысячи столичных вельмож и несколько тысяч провинциальных (они съезжались в столицу весной для получения руги), но он редко играл серьезную роль в политике, всецело подчиняясь воле императора.

Кроме крупных сановников огромное влияние на управление империей приобрели приближенные к особе государя дворцовые евнухи. Часто они не имели ни высокой официальной должности, ни громкого титула, но на деле правили государством от имени императора. Его доверие к ним объяснялось тем, что евнухи по закону не могли помышлять о высшей власти и представлялись поэтому неопасными. Однако паракимомены (спальничие) не раз решали судьбы трона, тайно переходя на сторону оппозиции. Опасаясь растущего своеволия стратигов, представлявших в это время оппозиционную трону группировку военной знати, императоры стали увеличивать полномочия в провинциях судей — представителей чиновной бюрократии в ущерб власти стратигов. Императоры прибегали также к объединению нескольких фем (особенно пограничных) в крупные административные единицы (катепанаты, или дукаты), отдавая управление ими родственникам и доверенным лицам. Со второй трети XI в., вопреки принятым мерам, провинции стали ускользать от контроля центральной власти. Частые мятежи военачальников-узурпаторов усугубляли дело. В тех фемах (болгарских, грузинских, сербских), население которых входило некогда в независимые государства, вспыхивали восстания, угрожавшие единству империи.

Внешняя политика. Главными противниками империи в IX—XI вв. оставались болгары и арабы. Заключив с Болгарией мир в 853 г., Византия постепенно усиливала на нее свое влияние, особенно со времени первого патриаршества Фотия (858—867). Фотий был автором новой перспективной доктрины внешней политики империи, утверждая идею мирного обеспечения безопасности границ на севере посредством приобщения языческих иноверных народов к христианству. Претворяя эту идею в жизнь, патриарх вместе с императором организовал ряд церковных миссий, являвшихся одновременно и дипломатическими (в 860—861 гг. в Хазарию, в 863 г. в Великую Моравию, затем на Русь, в Болгарию и сербские земли). Болгария в 865 г. приняла христианство от Византии, преодолевшей при этом противодействие папства, которое претендовало здесь на церковную супрематию. Между 860 и 867 гг. временно приняла христианство и правящая верхушка Древней Руси, от Византии же вскоре приняли крещение и сербы.

Миссии в Хазарию и Моравию возглавляли выдающиеся церковные и культурные деятели Византии, родные братья из Фессалоники («солунские братья») Константин (в монашестве Кирилл) и Мефодий. В Моравию они прибыли с изобретенной ими славянской азбукой и переводами необходимых богослужебных книг, положив своей деятельностью начало письменной культуре южных, а затем и восточных славян. Через 20 лет ученики просветителей принесли славянскую азбуку в Болгарию, где продолжали дело своих учителей. В отношениях с Болгарией установился длительный мир. Основателю Македонской династии Василию I (867—886) удалось еще более упрочить международное положение империи. Был отражен натиск арабов.

Ситуация резко изменилась в конце IX — начале X в. В 893—896 и 913—919 гг. Византии пришлось выдержать тяжелейшие войны с царем Болгарии Симеоном, принявшим титул «василевса болгар и ромеев» и посягавшим на византийский престол. Примерно тогда же арабы овладели почти всей Сицилией и угрожали владениям империи в Южной Италии. Захватили они и Кипр, а Крит стал гнездом арабских пиратов.

В 904 г. арабы взяли и разграбили Фессалонику. Международное положение империи стало улучшаться с середины X в., чему способствовали военная реформа Никифора II Фоки (963—969), сформировавшего отряды тяжеловооруженной конницы, а также ослабление Болгарии и распад Багдадского халифата. Византия отвоевала у арабов Крит, Кипр, а затем и Северную Месопотамию, часть Малой Азии и значительную часть Сирии и утвердила свое влияние на Армению и Грузию. Собрав силы и пользуясь передышкой на восточных границах, Византия начала войны за подчинение Болгарии и вела их с невиданной жестокостью, обеспечившей Василию II прозвище «Болгаробойца» (победив в одной из битв, он ослепил сразу 14 тысяч пленных воинов). В 1018 г. Болгария была завоевана, а сербы и хорваты признали зависимость от империи. Снова весь Балканский полуостров до Дуная оказался под властью Византийской империи.

Новый, наступивший с 30-х годов XI в. упадок центральной власти и военных сил империи был связан прежде всего с борьбой внутри господствующей верхушки Византии, а также с начавшимся спадом ремесленного производства и торговли, страдавших от стеснительной опеки властей, непомерных поборов и от «порчи» монеты. Население городов, расположенных прежде всего на морских торговых путях, поднимало восстания, требуя всюду одного — снизить налоги, отменить ограничения, препятствующие развитию ремесла и торговли. Крупнейшим было восстание

в столице в 1042 г., когда восставшие захватили часть императорского дворца и сожгли налоговые списки.

Военная знать с последней четверти X в. перешла к решительным вооруженным попыткам отнять власть у ставленника «бюрократов» на троне. Малоазийские военачальники в 70-х и 80-х годах дважды были близки к успеху, стремясь лишить власти юного Василия II. В последней из этих попыток (в 988 г.) император сохранил трон, а может быть, и жизнь благодаря посланному на помощь из Руси отряду, разгромившему узурпатора. Эти мятежи крупнейших полководцев открыли серию восстаний военной знати, следовавших друг за другом в течение полустолетия. С 30-х до начала 80-х годов XI в., менее чем за полвека, на престоле сменилось 10 императоров, 6 из которых были свергнуты. Преемники Василия II на троне, в страхе за судьбу своей власти, стали проводить политику сознательного ослабления армии, отзыва опытных полководцев с постов и их замены гражданскими сановниками и даже евнухами, чуждыми военному делу.

Результаты не замедлили сказаться. Империя на всех границах перешла к глухой обороне. На восточные границы наступал новый враг — турки-сельджуки, на Балканы из причерноморских степей вторгались полчища кочевников-печенегов. Болгары, стремясь восстановить свое государство, поднимали грозные восстания. Особенно крупными были восстания болгар в 1040—1041 и 1072 гг.

Почти незаметным на этом фоне оказалось событие, повлекшее серьезные последствия для империи в последующем. В середине XI в. усилившееся папство, используя ослабление власти империи в Южной Италии, поставило ее под свое церковное главенство. Патриарх резко протестовал. Летом 1054 г. папские послы (легаты), прибыв в Константинополь, потребовали восстановить «законные права» папства также на Иллирик и Болгарию. Получив отказ, легаты провозгласили анафему патриарху Константинополя, а патриарх — легатам. Произошел официальный разрыв (схизма) церквей, формально входивших до этого в единую христианскую церковь. С тех пор полемика между представителями двух церквей, то затухая, то разгораясь, продолжалась веками. Причем сознательно оставляли на втором плане проблему границ супрематии папства и патриархии, выдвигая на первый расхождение по вопросам догматики, обрядности и организации церкви. Например, западные христиане, в отличие от восточных, признавали исхождение Святого Духа «и от Сына», а не только «от Отца», причащались пресным хлебом (опресноками), а не квасным, придерживались безбрачия низшего духовенства, тогда как на Востоке брак священника считался допустимым.

Тактика спорящих сторон состояла в том, чтобы подкрепить претензии на верховенство доводами об истинности своего исповедания христианства. Взаимное отчуждение постепенно привело к утверждению обращенных в адрес друг друга эпитетов с уничижительным оттенком: восточных христиан на Западе стали называть «схизматиками», а западных на Востоке — «латинянами».

В войнах с империей особенно преуспели турки-сельджуки. В 1071 г. они разгромили армию Византии при Манцикерте (в Армении). Император Роман IV Диоген попал в плен. Сельджуки овладели почти всей Арменией и Малой Азией, основав в центре полуострова, на земле империи, свое государство — Иконийский султанат. В том же 1071 г. норманны захватили в Италии последний принадлежавший здесь Византии город Бари (в Апулии). К 1081 г. из окон царского дворца были видны сельджукские разьезды на азиатском берегу Босфора, а печенежские — на берегу бухты Золотой Рог, т.е. в Европе.

Отчаянное положение империи вызвало новое обострение борьбы за власть. В 1081 г. победу одержала военная аристократия, посадившая на престол своего ставленника, ставшего основателем новой династии, — Алексея I Комнина (1081—1118).

Русско-византийские отношения в IX—XI вв. С древними русами византийцы сталкивались уже на рубеже VIII—IX вв. Русы нападали на владения империи в Крыму (Херсон) и на южное побережье Черного моря уже в первые десятилетия IX в. В 860 г. русы, неожиданно появившись на множестве небольших ладей, осадили Константинополь. Столкновение завершилось договором, в результате которого часть правящей верхушки Руси приняла христианство (но ненадолго). С этого времени русы получили доступ на рынки столицы империи.

К началу X в. отношения Руси и Византии осложнились, и летом 907 г. войска русов снова появились на Босфоре, прибыв и по морю и по суше. Окрестности столицы подверглись разгрому. В 911 г. Византия заключила с русами договор, предоставив им право беспошлинной торговли в Константинополе и обязавшись содержать за свой счет послов и купцов Руси во время их пребывания в империи и снабжать их всем необходимым на обратный путь. Торговые связи Руси с империей стали регулярными: ежегодно летом торговые флотилии русов прибывали к Константинополю, располагались в пригороде и вели до осени торг на рынках Константинополя. Особым спросом знатных русов пользовались шелковые ткани.

По неизвестным причинам в 941 г. киевский князь Игорь совершил новый поход на Византию, разорил берега Босфора и часть

побережья Малой Азии, но был разбит под Константинополем с помощью «греческого огня». Не смирившись с поражением, через два или три года он снова двинул на Византию свой флот и сухопутные силы, но был встречен на Дунае послами императора. В 944 г. был подписан новый договор. Усилился приток русов на службу в войска Византии.

В 967 г. Никифор II Фока предложил князю Святославу, щедро уплатив, совершить нападение на враждебную империи Болгарию. В 968 г. Святослав одолел болгар, подчинил их своему влиянию (не лишая трона государя), но вопреки надеждам императора, начал вместе с ними войну против Византии. Война продолжалась до лета 971 г., когда армия империи нанесла поражение русскому князю. Был возобновлен мирный договор. Отношения Руси и Византии снова стали дружественными, несмотря на гибель Святослава по пути из Болгарии в Киев — возможно, при участии византийских дипломатов, побудивших печенегов преградить путь князю, а затем напасть на него в порогах.

В 987 г. отчаявшийся Василий II попросил князя Владимира прислать на помощь отряд для борьбы с узурпатором Вардой Фокой. Владимир выполнил просьбу, поставив условие — выдать за него сестру императора Анну. Русы разбили Фоку в 988 г., но Василий II медлил с выполнением соглашения. Тогда Владимир осадил и взял принадлежащий империи город Херсон в Крыму. Император отправил Анну к Владимиру, который перед вступлением с нею в брак принял христианство и вернул империи Херсон. Шеститысячный отряд русов остался в распоряжении Василия, и в течение почти ста лет это воинское подразделение, периодически пополняясь, оставалось одним из самых боеспособных в империи, сражаясь за ее интересы на всех рубежах.

В 988/989 г. христианство было принято княжеским двором Руси и киевлянами, а затем и жителями других городов и регионов. Крещение продолжалось не один век, но решительный шаг был сделан. Широкий доступ на Русь более высокой византийской культуры был открыт. Вслед за организацией церкви сюда стала проникать не только греческая, но и славяноязычная (сначала богослужебная, затем и светская) литература. В этом процессе большую роль сыграла Болгария, в которой славянская грамота уже опиралась более чем на столетнюю традицию и собственная литература достигла высокого уровня. Русь активно перенимала опыт империи также в каменном зодчестве, живописи, книжном деле, ювелирном и стеклодельном производстве. В начале XI в. на Афоне был основан русский монастырь, ставший важным центром русско-византийских культурных связей.

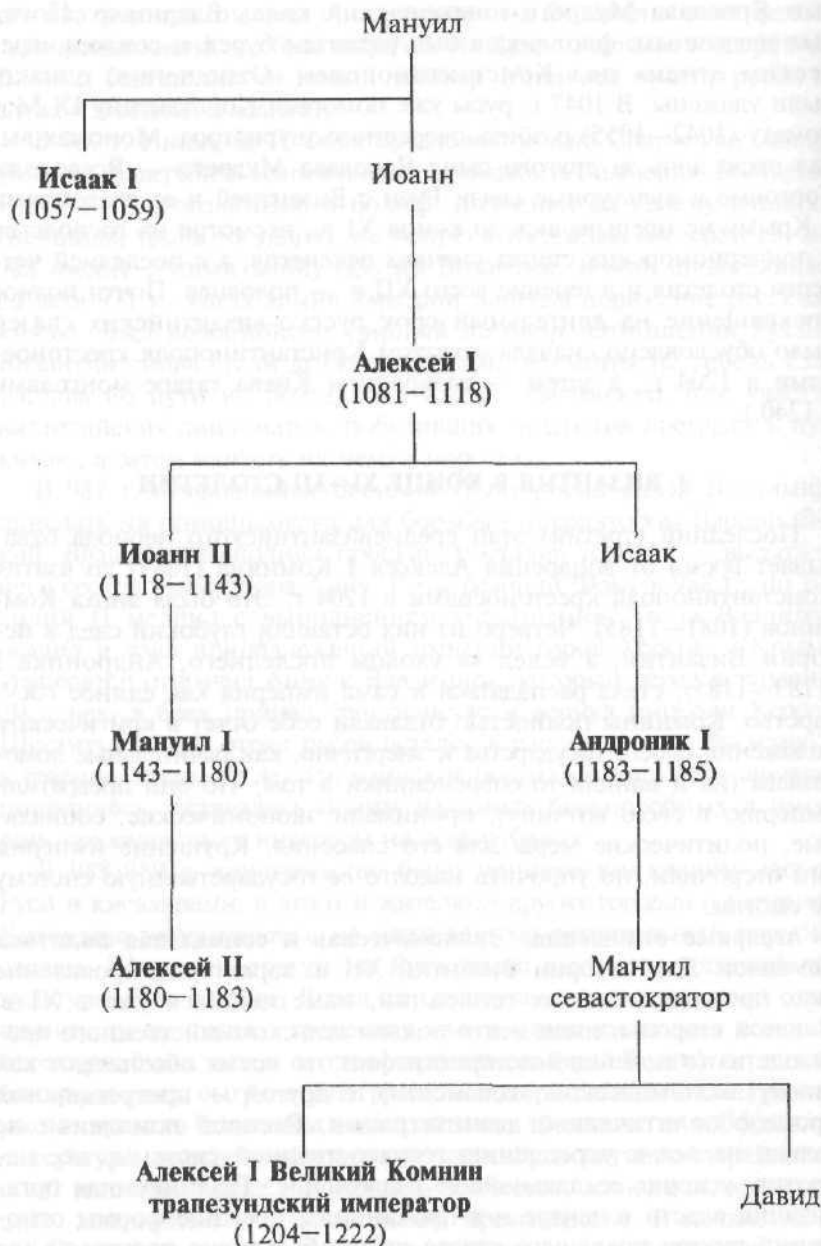
С защитой торговых интересов связан и последний поход уже христианской Руси на Константинополь в 1043 г. Его возглавил сын Ярослава Мудрого новгородский князь Владимир. Поход был неудачным: флот росов был разбит бурей и сожжен «греческим огнем» под Константинополем. Отношения, однако, были улажены. В 1047 г. русы уже помогли Константину IX Мономаху (1042—1055) разбить очередного узурпатора. Мономах выдал свою дочь за другого сына Ярослава Мудрого — Всеволода. Торговые и культурные связи Руси с Византией и ее владениями в Крыму не прерывались до конца XI в., несмотря на господство в причерноморских степях сначала печенегов, а с последней четверти столетия и в течение всего XII в. — половцев. Почти полное прекращение на длительный срок русско-византийских связей было обусловлено сначала захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г., а затем — разорением Киева татаро-монголами в 1240 г.

3. ВИЗАНТИЯ В КОНЦЕ XI—XII СТОЛЕТИИ

Последний (третий) этап средневизантийского периода охватывает время от воцарения Алексея I Комнина (1081) до взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Это была эпоха Комнинов (1081—1185). Четверо из них оставили глубокий след в истории Византии, а вслед за уходом последнего, Андроника I (1183—1185), стала распадаться и сама империя как единое государство. Комнины полностью отдавали себе отчет в критическом положении своего государства и энергично, как рачительные домохозяева (их и винили-то современники в том, что они превратили империю в свою вотчину), принимали экономические, социальные, политические меры для его спасения. Крушение империи они отсрочили, но упрочить надолго ее государственную систему не смогли.

Аграрные отношения. Экономическая и социальная политика Комнинов. Для истории Византии XII в. характерно проявление двух противоположных тенденций, наметившихся уже в XI в. С одной стороны, имел место подъем сельскохозяйственного производства (в новейшей историографии это время обозначают как «эпоху экономической экспансии»), с другой — прогрессировал процесс политической дезинтеграции. Расцвет экономики не только не вел к укреплению государственной системы, но, напротив, ускорял ее дальнейшее разложение. Традиционная организация власти в центре и в провинциях, прежние формы отношений внутри правящего класса стали объективно преградой для дальнейшего общественного развития.

Династия Комнинов (1081–1185)

Комнины оказались перед неразрешимой альтернативой: для упрочения центральной власти и обеспечения доходов казны (необходимого условия для содержания сильной армии) они должны были по-прежнему защищать мелкое землевладение и сдерживать рост крупного, как и раздачу пожалований и привилегий. Но такого рода политика ущемляла интересы военной аристократии, которая привела их к власти и оставалась их социальной опорой. Разрешить эту проблему Комнины (прежде всего Алексей I) пытались двумя путями, избегая коренной ломки общественно-политической системы, считавшейся незыблемой ценностью. Мысль о переменах в «таксисе» (освященном веками правопорядке) была чужда менталитету византийцев. Введение новшеств почиталось грехом, непростительным императору.

Во-первых, Алексей I стал реже, чем его предшественники, предоставлять частным лицам, церкви и монастырям освобождение от налогов и право селить на своей земле на положении париков разорившихся и не уплачивавших налогов в казну крестьян. Скупее стали и пожалования земли из фонда государства и из имений правящей семьи в полную собственность. Во-вторых, раздачу льгот и пожалований Алексей I стал жестко обуславливать личными связями и отношениями. Его милости были или наградой за службу престолу, или залогом для ее несения, предпочтение же при этом отдавалось людям лично преданным, прежде всего — представителям обширного клана Комнинов и породненных с ними фамилий.

Политика Комнинов могла принести лишь временный успех — она страдала внутренними противоречиями: новые формы отношений между представителями господствующего класса могли стать основой для возрождения государства лишь при коренной перестройке централизованной системы управления, но именно ее упрочение оставалось по-прежнему главной целью. Мало того, раздача пожалований и привилегий соратникам вела неизбежно, сколь бы ни были они в данный момент преданы трону, к росту крупного землевладения, ослаблению свободного крестьянства, падению доходов от налогов и усилению тех самых центробежных тенденций, против которых она была направлена. Военная аристократия одолела чиновную знать, но, сохранив прежнюю систему власти и центральный аппарат управления, она нуждалась в услугах «бюрократов» и при проведении своих реформ оказалась их заложницей, ограничиваясь полумерами.

К рубежу XI—XII вв. в парикии оказалась значительная часть крестьянства. Укрепилась крупная вотчина. Жалую ее господину экскуссию (полное или частичное освобождение от налогов), император изымал его владения из-под контроля фиска. Оформлялся

сходный с западноевропейским иммунитет: вотчинник получал право сбора в свою пользу судебной пошлины, т.е. фактически — право суда в пределах его владений, исключая права высшей юрисдикции, связанной с особо тяжкими преступлениями. Некоторые вотчинники расширяли домениальное хозяйство, увеличивали производство зерна, вина, скота, втягиваясь в товарно-денежные отношения. Немалое число их, однако, предпочитали накапливать богатства, большую часть которых множество знатных персон и в XII в. обретали не от доходов вотчины, а от выплат из казны и даров императора.

Шире Комнины стали жаловать пронии, по преимуществу на условиях несения военной службы. Современники сравнивали пронию с бенефицием. При Мануиле I Комнине (1143—1180) возник принципиально новый вид пронии — не на землях казны, а на частных землях свободных налогоплательщиков. Иначе говоря, императоры утверждали право верховной собственности государства на земли свободных крестьян. Жалуемое вместе с правом присвоения государственных налогов право управлять пожалованной в пронию территорией способствовало быстрому превращению условной земельной собственности в полную, наследственную, а свободных налогоплательщиков — в париков обладателя пронии, которая по своей социальной сущности превращалась в частное владение.

В поисках средств Алексей I и его ближайшие преемники прибегали к разорительной для свободных налогоплательщиков практике — откупу налогов (уплатив в казну сумму, превышавшую официально установленную с податного округа, откупщик с лихвой компенсировал затраты с помощью властей). Посягал Алексей I и на долю богатств духовенства. Он конфисковывал сокровища церкви на нужды армии и выкуп пленных, жаловал владения тех монастырей, которые переживали упадок, светским лицам в управление с обязательством наладить хозяйство обитателей за право присваивать часть их доходов. Проводил он и внеочередные ревизии монастырских земель, частично конфискуя их, ибо монахи скупали за бесценок класмы через продажных чиновников фиска и уклонялись от уплаты налогов, не всегда располагая таким правом.

Крупные вотчинники во второй половине XII в. стали, в свою очередь, жаловать часть своих владений своим приближенным, становившимся их «людьми». Некоторые магнаты располагали крупными отрядами воинов, состоявшими, впрочем, в основном не из вассалов (ленные отношения в империи остались слабо развитыми), а из многочисленной челяди и наемников, укрепляли свои усадьбы и вводили при них порядки наподобие столичного

двора. Углублявшийся процесс сближения социальной структуры вотчины с западноевропейской нашел отражение и в нравах знати империи. Проникали с Запада новые моды, стали устраиваться (особенно при Мануиле I) турниры, утверждался культ рыцарской чести и воинской доблести. Если из 7 прямых представителей Македонской династии государем-воином был лишь Василий II, то почти все Комнины сами возглавляли в бою свою армию. Власть магнатов стала распространяться и на территорию округи, часто далеко за пределы их собственных владений. Нарастали центробежные тенденции. Попытку обуздать своеволие магнатов и произвол чиновников предпринял узурпатор, двоюродный брат Мануила I, Андроник I. Он снизил налоги, отменил их откуп, повысил жалование правителям провинций, искоренял коррупцию и жестоко подавлял сопротивление бывших соратников Мануила. Магнаты сплотились в ненависти к Андронику. Отняв у него в результате кровавого переворота трон и жизнь, представители земельной аристократии и основатели новой династии Ангелы (1185—1204) практически ликвидировали контроль центральной власти над крупным землевладением. Земли со свободными крестьянами щедро раздавались в пронию. Имения, конфискованные Андроником, возвращались прежним хозяевам. Были снова повышены налоги. К концу XII в. ряд магнатов Пелопоннеса, Фессалии, Южной Македонии, Малой Азии, утвердив свою власть в целых регионах, отказали в повиновении центральной власти. Встала угроза развала империи на независимые княжества.

Византийский город в конце XI — XII в. Начавшийся в IX—X вв. подъем ремесла и торговли привел к расцвету провинциальных городов. Проведенная Алексеем I реформа монетной системы, увеличение массы разменной монеты, необходимой для розничного товарооборота, определение четкого соотношения между монетами разного достоинства оздоровили денежное обращение. Расширились и укрепились торговые связи сельской округи с местными городскими рынками. В городах, близ крупных монастырей и вотчин периодически устраивались ярмарки. Каждой осенью в Фессалонику съезжались купцы со всего Балканского полуострова и из иных стран (в том числе из Руси).

В отличие от западноевропейских византийские города не были под юрисдикцией знатных персон. Ими управляли наместники государя, опираясь на гарнизоны, которые состояли тогда в основном из наемников. С падением доходов от налогов с крестьян росло значение поборов и пошлин с горожан. Города были лишены каких бы то ни было налоговых, торговых, политических привилегий. Попытки торгово-ремесленной верхушки добиться более

благоприятных условий для своей профессиональной деятельности по-прежнему сурово пресекались. На городские рынки внедрялись крупные вотчинники, развертывавшие оптовую торговлю с иностранным купечеством. Они приобретали в городах дома, подворья, склады, лавки, суда, причалы и все чаще торговали без посредничества городских купцов. Иноземные негоцианты, получавшие льготы от императора в обмен на военную поддержку, платили в два-три раза меньшие пошлины, чем византийские торговцы, или не платили их вовсе. Горожанам пришлось вести тяжелую борьбу и с магнатами и с государством. Союз центральной власти с городами против непокорных магнатов в Византии не сложился.

К концу XII в. признаки грядущего упадка едва наметились в провинциальных центрах, но ярко проявились в столице. Мелочная опека властей, система ограничений, высокие налоги и пошлины, консервативные принципы управления душили корпорации. Ремесло и торговля в столице хирели. Итальянские торговцы находили все более широкий сбыт для своих товаров, которые стали превосходить византийские по качеству, но были значительно дешевле их.

Международное положение Византии. Алексей I захватил власть в результате военного переворота. С первых дней правления новому императору пришлось преодолевать чрезвычайные трудности. Внешние враги зажали империю в клещи: почти вся Малая Азия была в руках турок-сельджуков, норманны, переправившись из Италии на Адриатическое побережье Балкан, овладели стратегическим городом-крепостью Диррахием, разорили, разбив войска империи, Эпир, Македонию, Фессалию. А у ворот столицы рыскали печенеги. Сначала Алексей I бросил все силы против норманнов. Только в 1085 г. с помощью Венеции, купцам которой были предоставлены права беспошлинной торговли в империи, норманнов удалось вытеснить с Балкан.

Еще более грозной была опасность со стороны кочевников. Печенеги уже не уходили после набегов за Дунай — они стали обосновываться в пределах империи. Их поддерживали половцы, полчища которых также вторглись на полуостров. Сельджуки вступили с печенегами в переговоры о совместном нападении на Константинополь. В отчаянии император обратился к государям Запада, взывая о помощи и соблазняя их баснословным вознаграждением. (Воззвание было принято всерьез некоторыми кругами Запада и сыграло свою роль как в организации Первого крестового похода, так и в последующих притязаниях западных сеньоров на богатства империи.) Между тем Алексею I удалось разжечь

вражду между печенегам и половцами. Весной 1091 г. печенежская орда была почти полностью уничтожена с помощью половцев во Фракии.

Дипломатическое искусство Алексея I в его отношениях с крестоносцами Первого похода помогло ему с минимальными затратами вернуть Никею, а затем, после побед западных рыцарей над сельджуками, погрязшими в междоусобицах, отвоевать весь северо-запад Малой Азии и все южное побережье Черного моря. Положение империи укрепились. Глава Антиохийского княжества Боэмунд Тарентский признал Антиохию фьефом Византийской империи.

Труды Алексея I продолжил его сын Иоанн II Комнин (1118—1143). В 1122 г. он разгромил печенегов, снова вторгнувшихся во Фракию и Македонию, и навсегда устранил опасность с их стороны. Вскоре произошло столкновение с Венецией — после того как Иоанн II лишил торговых привилегий обосновавшихся в Константинополе и других городах империи венецианцев. Флот Венеции в ответ разорил острова и побережья Византии, и Иоанн II уступил, подтвердив привилегии республики. Опасными оставались и сельджуки. Иоанн II отвоевал у них южное побережье Малой Азии. Но борьба за Сирию и Палестину с крестоносцами лишь ослабила империю. Прочной была власть Византии только в Северной Сирии.

В середине XII в. центр внешней политики империи снова переместился на Балканы. Мануил I (1143—1180) отразил новый натиск сицилийских норманнов на Адриатическое побережье, о. Корфу, Фивы и Коринф, острова Эгейского моря. Но попытки перенести войну с ними в Италию кончились неудачей. Тем не менее Мануил подчинил себе Сербию, вернул Далмацию, поставил королевство Венгрию в вассальную зависимость. Победы стоили огромной затраты сил и средств. Усилившийся Иконийский (Румский) султанат турок-сельджуков возобновил давление на восточные границы. В 1176 г. они наголову разгромили армию Мануила I при Мириокефале. Империя была вынуждена повсюду перейти к обороне.

Империя накануне катастрофы. 1204 г. Ухудшение положения империи на международной арене и смерть Мануила I резко обострили внутривосточную обстановку. Властью полностью овладела придворная камарилья во главе с регентшей при малолетнем Алексее II (1180—1183) Марией Антиохийской. Казна расхищалась. Растаскивались арсеналы и снаряжение военного флота. Мария открыто покровительствовала итальянцам. Столица кипела от негодования. В 1182 г. вспыхнуло восстание. Повстанцы

расправились с обитателями богатых итальянских кварталов, обратив их в руины. И Мария, а затем и Алексей II были убиты.

Пришедший к власти на гребне восстания Андроник I искал опору среди ремесленно-торговых кругов Константинополя. Он пресекал лихоимство и произвол чиновников, отменил так называемое «береговое право» — обычай, позволявший грабить потерпевшие крушение купеческие суда. Современники сообщают о некотором оживлении торговли в короткое правление Андроника. Однако он был вынужден частично компенсировать ущерб, понесенный венецианцами в 1182 г., и восстановить их привилегии. Международное положение империи ухудшалось год от году: еще в 1183 г. венгры овладели Далмацией, в 1184 г. отложились Кипр. Высшая знать разжигала растущее недовольство столичных жителей и плела интриги. Опальные вельможи воззвали о помощи к норманнам, и те действительно снова вторглись на Балканы в 1185 г., захватили и подвергли беспощадному разгрому Фессалонику. Во всем винили Андроника. Был составлен заговор. Андроника схватила и буквально растерзала толпа на улицах города.

В правление Исаака II Ангела (1185—1195, 1203—1204) и его брата Алексея III (1195—1203) процесс разложения аппарата центральной власти быстро прогрессировал. Императоры оказались бессильными повлиять на ход событий. В 1186 г. болгары сбросили часть империи, образовав Второе Болгарское царство, а в 1190 г. стали независимыми и сербы, возродившие свою государственность. Империя разваливалась на глазах. Летом 1203 г. крестоносцы подступили к стенам Константинополя, и Алексей III, отказавшись от руководства обороной города, бежал из столицы, в которой царил хаос, уступив трон ранее свергнутому им Исааку II и его сыну Алексею IV (1203—1204).

Глава 6

Западная Европа в конце раннего Средневековья

§ 1. Франция в IX—XI вв.

Возникновение Французского королевства. Начало Французскому королевству положил Верденский договор 843 г., по которому Франкское государство было поделено между сыновьями Людовика Благочестивого (см. гл. 4).

Первым королем Западно-Франкского королевства, как в то время называлась Франция, стал младший сын Людовика — Карл Лысый (ум. в 877 г.), отстаивший свои права на корону в многолетней ожесточенной борьбе с другими представителями династии Каролингов. Главным его достижением было обеспечение политического единства Нейстрии и Аквитании, поначалу составлявшей отдельное королевство. Однако расширить свои владения на восток ему не удалось. Территория бывшего Франкского государства продолжала мыслиться как общее достояние потомков Карла Великого, поэтому смерть кого-то из них, как правило, влекла за собой перекройку границ, временные объединения и новые разделы. Чаше всего яблоком раздора становилась Лотарингия — средоточие родовых поместий Каролингов, где своя династия не сложилась. Поделенная в 870 г. между Карлом Лысым и Людовиком Немецким, она вскоре была восстановлена в прежних границах и в течение нескольких десятилетий переходила из рук в руки, но в конце концов вошла в состав Восточно-Франкского королевства на правах племенного герцогства. Юго-Восточная Галлия, составлявшая королевство Арелат, с 1032 г. также оказалась под властью германских королей. Франция вернулась к границам 843 г. и оставалась в их пределах до конца XIII в.

В этническом отношении Французское королевство представляло собой довольно сложное образование. На юго-западе страны, в Гаскони, наряду с потомками галло-римлян проживали баски, на северо-западе, в Бретани, — кельты, на севере, во Фландрии, — германоязычные фламандцы. В начале X в. земли в низовьях Сены, а затем и дальше на запад, по побережью Ла-Манша, захватили

норманны. Остальная территория была романоязычной, но занимали ее две народности — северофранцузская и южнофранцузская, или провансальская. Условная граница между ними проходила примерно по линии Пуатье — Лион. Население Испанской марки, также входившей во Французское королевство, составляли близкие по языку и культуре к провансальцам предки нынешних каталонцев.

Центр политической жизни королевства традиционно находился на северо-востоке. Постоянной столицы еще не было, королевский двор переезжал с места на место, чаще всего задерживаясь в Лане, а с конца X в. — в Париже. Местом коронации постепенно стал Реймс. Управление удаленными областями было возложено на графов (*comites*) и их заместителей — виконтов (*vicecomites*), до конца IX в. остававшихся государственными чиновниками. Борясь с сепаратизмом, Каролинги старались назначать их наместниками в районы, где у тех не было имений, и при этом почаще переводить в другие округа, но иногда (особенно на юге) были вынуждены привлекать к управлению и старую местную аристократию. Другим средством держать графов и виконтов в узде служили периодические наезды из центра государевых посланцев — ревизоров, судей и глашатаев. Однако по мере того как графы и виконты обзаводились на вверенных им территориях вассалами и землями (в первую очередь путем установления родственных связей с местной знатью), они превращались из исполнителей монаршей воли в наделенных публичной властью феодалов. Постепенное вращение их в формирующиеся на местах феодальные структуры, наряду с расширяющейся практикой раздачи имунитетных привилегий, вскоре подорвало основы той относительно централизованной государственности, которая существовала при Карле Великом и Людовике Благочестивом. Принцип наследственности бенефициев (принятие которого знаменовало превращение их в феодалы) утверждался постепенно и стал само собой разумеющимся лишь к концу X в.

С конца IX в. Каролинги понемногу теряют власть. В 888 г., убедившись в неспособности короля Карла Толстого противостоять норманнам, негодующая французская знать возвела на престол Эда, графа Парижского, из рода Робертинов, отличившегося в борьбе с норманнами. После его смерти в 898 г. престол достался Карлу Простоватому из рода Каролингов. Его правление ознаменовалось нарастающим ослаблением королевской власти. В частности, норманнов удалось замирить лишь передачей им в 911 г. земель вдоль Ла-Манша, которые стали называться Нормандией; вассальная зависимость норманнов от французской короны была

Западная Европа в конце IX — начале XI в.:

- 1 — завоевания арабов; 2 — Великоморавское государство в конце IX в.; 3 — Первое Болгарское царство в конце IX в.; 4 — Германская империя в X в.; 5 — границы крупнейших феодальных владений ок. 1000 г.; 6 — область «Датского права». Набеги: 7 — венгров; 8 — норманнов; 9 — арабов

достаточно формальной. В 923 г. Карл Простоватый был смещен и закончил свои дни в темнице, а корона вновь перешла к могущественным Робертинам. Однако большинство знати предпочитало иметь дело со слабыми, но «законными» Каролингами, поэтому с 936 г. мы вновь видим их на престоле, правда, уже без реальной власти. Действительным хозяином страны в середине X в. был граф Парижа и герцог Франции Гуго, происходивший все из того же рода Робертинов, несмотря на отсутствие королевского титула, прозванный Великим. С пресечением в 987 г. династии Каролингов магнаты возвели на трон его сына — Гуго Капета

(такое прозвище было ему дано по монашескому головному убору — *sarra*, который он носил как светский аббат монастыря св. Мартина в Туре), раздавшего ради поддержки на выборах немало родовых владений. Его потомки — Капетинги — правили страной до 1848 г. (с перерывами в конце XVIII — начале XIX в.). Политическая чехарда, вызывавшая нарушение вассально-ленных обязательств, слабость и нерадивость большинства правителей X в. вызвали падение авторитета королевской власти. Смена династии нанесла ему новый удар, поскольку во многих районах, особенно на юге, Капетинги были признаны далеко не сразу, а главное, формально.

Наиболее сильны центробежные тенденции были в окраинных областях. Уже в начале X в. Гасконь, Гиень (составлявшие в дальнейшем одно целое), Бретань, Нормандия, в меньшей степени Бургундия оказались фактически независимыми. Особый статус этих земель получил отражение в титулатуре их правителей — герцогов. С властью короля всерьез считались только на северо-востоке, но и здесь ему противостояло несколько крупных вассалов, из которых по крайней мере двое — графы Фландрии и Шампани — были сильнее своего сеньора. Стремясь упрочить свое положение, Капетинги оформили целый ряд матримониальных союзов, в том числе с представительницами графского рода Вермандуа (потомками Карла Великого по мужской линии) и правящих домов Англии, Германии, Арелата и Руси.

Суверенные права Гуго Капета и его ближайших преемников — Роберта II Благочестивого (996—1031), Генриха I (1031—1060) и Филиппа I (1060—1108) — на деле ограничивались их доменом — небольшой и до начала XII в. почти не увеличивавшейся территорией между Парижем и Орлеаном, получившей впоследствии название Иль-де-Франс — «Остров Франции». Новые приобретения, например Бургундия и Вермандуа, обычно передавались младшим сыновьям в феодальное держание. За пределами домена король признавался лишь как сюзерен, т.е. глава феодальной иерархии. Он улаживал конфликты между вассалами, в случае их гибели опекал их несовершеннолетних детей, предводительствовал на войне. В остальном крупные сеньоры были самостоятельны: вершили суд, чеканили монету, собирали в свою пользу налоги, затевали частные войны, заключали союзы с другими монархами, тем более что международные отношения строились на лично-сеньориальной основе. Вмешательству короля в свои дела они решительно противились, напоминая, что именно они возвели Капетингов на престол.

Социально-политический строй. К исходу XI в., в условиях прогрессирующего ослабления королевской власти, крупные сеньоры также утратили способность управлять своими обширными владениями централизованно. На местах стал возникать своего рода вакуум власти; в результате значительная часть публичных прав и полномочий перешла к сеньорам средней руки — владельцам нескольких, а то и одного замка. Не случайно начиная с X столетия в обстановке непрекращающихся междоусобиц и периодических вторжений норманнов, арабов и венгров во Франции возникает множество хорошо укрепленных замков. Этот процесс, более или менее общий для всей Юго-Западной Европы, получил в специальной литературе наименование *инкастелламенто* («озамкование»). Владельцы замков — *шателены* (от франц. *château* — замок) — понемногу сосредоточили в своих руках судебно-административную власть над окрестным сельским населением, жившим под защитой замков, господствовавших над округой. Такую сеньорию, в отличие от вотчины более раннего времени, в которой преобладала личная и поземельная зависимость, принято называть юрисдикционной. По сравнению с иммунитетными полномочиями, предоставлявшимися первыми Каролингами, власть шателенов была более полной, а возможности для вмешательства в их дела со стороны государства — более ограниченными.

Военной основой этой власти стало формирующееся сословие профессиональных воинов, составивших нижний слой феодальной элиты. В романских наречиях их обозначали терминами, образованными от слова «конь»: на севере говорили *chevalier* («шевалье»), на юге — *cavaller* («кавалер»); таким образом, речь шла о конных воинах, каковыми могли быть, разумеется, лишь достаточно состоятельные люди. В русском языке они традиционно именуются рыцарями (от нем. *Ritter* — «всадник»). Генезис этого социального явления остается предметом научных споров. Связь рыцарства X—XI вв. с конным войском, возникшим в результате реформ Карла Мартелла и Карла Великого, очевидна. Главное отличие состоит в том, что рыцари, как правило, находились в услужении у частных лиц, которым они были обязаны и личной преданностью. Однако уже в XI в. из обозначения социально-профессиональной группы термин «рыцарь» стал превращаться в обозначение любого знатного воина, сражающегося верхом, поэтому рыцарем называли и шателена, и обладающего громким титулом владетельного князя.

В дальнейшем принадлежность к рыцарству становится почетной, звание рыцаря дается за храбрость в бою и другие личные воинские заслуги, посвящение в рыцари сопровождается сложным

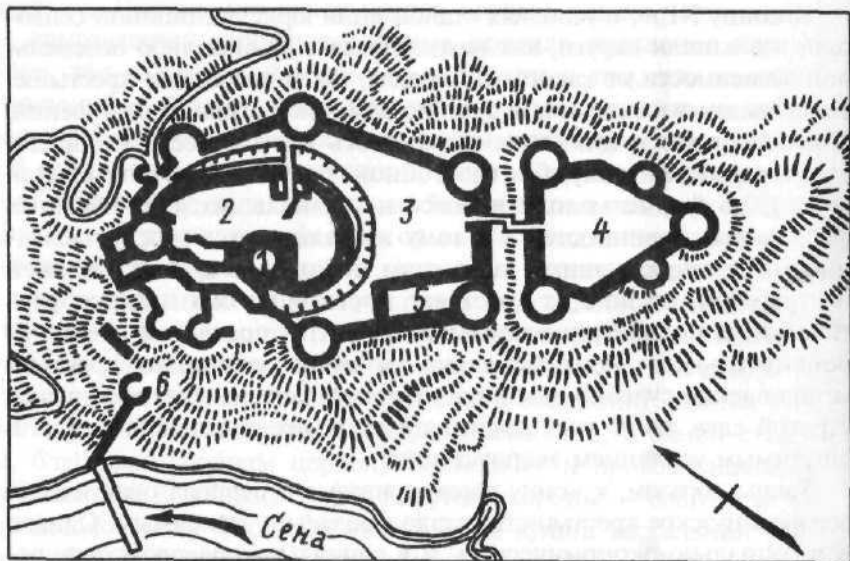
ритуалом. Постепенно складывается особый кодекс чести рыцаря, диктовавший ему определенные правила поведения как на войне, так и в мирной жизни, в частности в том, что касалось отношений с женщинами его круга. Все это послужило мощным средством сплочения феодальной элиты, четко противопоставившей себя остальному населению страны, фактически отстраненному от военного дела. Поскольку большинство рыцарей к XII в. оказались держателями феодалов от вышестоящих сеньоров и их вассалами, рыцарская мораль и рыцарский этикет оказались оптимальным идеологическим выражением вассально-сеньориальных отношений. В частности, они позволили упорядочить взаимные обязательства в среде феодальной элиты, находившейся к 1000 г., в условиях упадка центральной власти, в состоянии «войны всех против всех». Эту ситуацию удалось преодолеть, с одной стороны, благодаря усилиям церкви, периодически провозглашавшей так называемый «Божий мир», с другой стороны — благодаря утверждению среди феодалов своего рода культа вассальной верности. Во Франции господствовала норма «вассал моего вассала не мой вассал», означавшая верность вассала лишь его непосредственному сеньору. Начиная войну, сеньор мог рассчитывать на помощь лишь своих прямых вассалов, которые, однако, должны были явиться в сопровождении верных ему рыцарей. Тем самым был заложен фундамент феодальной иерархии, обеспечивавшей в течение трех-четырёх столетий функционирование государства, с одной стороны, и единство господствующего класса перед лицом простолюдинов — с другой. Полномочия короля были шире, чем у любого другого феодала, но страной он управлял, опираясь на свои домениальные земли и собственных рыцарей, в остальном же был вынужден считаться с мнением крупнейших вассалов, составлявших наряду с верхушкой духовенства его совет.

Социально-экономическое развитие. В истории Франции на IX—XI вв. приходится заключительный этап долгого процесса вовлечения крестьян в феодальную зависимость. В начале этого периода в стране имелось еще много людей, не находившихся ни в личной, ни в поземельной зависимости от частных лиц и подчинявшихся непосредственно короне. Не менее важно, что значительная часть крестьян, уже оказавшихся на положении держателей, еще не попала в полную зависимость к своим сеньорам и в политическом, судебном, административном отношении сохраняла свободу. Раздача иммунитетных привилегий еще не приняла массового характера и за пределами церковных территорий почти не практиковалась.

К концу XI в., в условиях становления юрисдикционной сеньории, все жители округа, как находящиеся в личной либо поземельной зависимости от какого-то феодала, так и свободные крестьяне, стали чьими-то «людьми» в судебно-административном отношении. Поскольку это подчинение выражалось прежде всего в определенных поборах и службах (постоянной, посылной, строительной и т.д.), по форме мало или вовсе не отличавшихся от обычных феодальных повинностей и к тому же делившихся между наследниками и отчуждавшихся по частям, наподобие других платежей и отработок, несшие их крестьяне постепенно оказывались фактически на положении плательщиков ренты, правда, не очень обременительной. Для поземельно- и лично зависимых крестьян установление судебно-административной зависимости обернулось утратой едва ли не всех оставшихся у них гражданских прав и ощутимым усилением эксплуатации.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода практически все французское крестьянство стало феодально зависимым. Однако и в социально-экономическом, и в социально-правовом отношении оно не было единым. Общественное положение и уровень эксплуатации конкретного крестьянина определялись размерами, состоянием и юридическим статусом той земли, на которой этот крестьянин сидел, его происхождением, формами зависимости, связывавшей его с господином, договорными обязательствами, если таковые имелись, местными обычаями и пр. Встречающиеся в источниках этого времени термины «серв», «виллан», «колон», «свободный» отражают лишь наиболее общие, притом не очень четкие, различия социального характера.

В условиях феодальной раздробленности унификация правового статуса крестьянства всей страны и даже отдельного княжества была невозможна. Не существовало и такой политической силы, которая была бы способна надолго и реально закрепить статус даже сравнительно небольших групп крестьянства, обнаруживавших тенденцию к расслоению и социальной трансформации. Поэтому, несмотря на известное сходство в положении наиболее угнетенной и бесправной части (составлявшей, кстати, меньшинство) французского крестьянства этой эпохи — сервов, с одной стороны, и восточноевропейских крепостных XVI—XVIII вв. — с другой, называть сервов крепостными некорректно. Различными были не только исторические условия, породившие серваж и крепостничество, но и сами эти социальные категории по существу. Серв XI и следующих столетий все-таки не был так принижен, как крепостной, был более свободен в хозяйственных занятиях, в передвижении, в семейных отношениях.

Средневековый замок (Шато-Гайяр, Нормандия, Франция)

Типичный феодальный замок XII в. Расположенный на высоком холме недалеко от Сены, Шато-Гайяр был в свое время практически неприступен. В центре замка находится высокая башня — донжон (1), место пребывания сеньора и его семьи. Внутренний двор (2) также окружен высокой стеной с башней и рвом. Во внешнем дворе (3) и отдельно стоящей «вспомогательной крепости» (4) размещались различные постройки, церковь (5). Здесь проживало основное население замка — дружина и челядь феодала. Дорогу к Сене прикрывало предмостное укрепление (6)

И все же применительно к IX—XI вв. можно говорить о явном усилении феодальной зависимости и росте эксплуатации французского крестьянства. Наиболее драматично этот процесс протекал на севере страны, где на рубеже X—XI вв. происходят два крупных крестьянских восстания (в 997 г. в Нормандии, в 1024 г. в Бретани), направленных против самого установления сеньориальных порядков. В других районах, для которых сеньория была привычным явлением, народные движения не принимали столь острых форм, чему способствовали развернувшаяся в это время внутренняя колонизация (позволявшая крестьянам улучшить свое материальное и социально-правовое положение) и начало урбанизации, также открывавшей перед крестьянами новые перспективы.

Экономика и общество этой эпохи имели ярко выраженный аграрный характер. Тем не менее города, унаследованные в большом количестве от римской эпохи, продолжали существовать.

К концу XI в. многие из них (Париж, Реймс, Орлеан, Руан, Туа-тье, Тур, Бордо, Лимож, Тулуза и др.) хотя и насчитывают всего по несколько тысяч жителей, постепенно превращаются в важные центры ремесла и торговли. Возникают и новые города, например Лилль и Кале на севере, Монпелье на юге. С этого времени города становятся неотъемлемым элементом феодального общества.

§ 2. Италия в VIII—X вв.

Политическое развитие. Последняя крупная волна варварских нашествий в Европе пришлось на Италию. В 568 г. на ее территорию вторглось германское племя лангобардов во главе с королем Альбоином; к ним присоединились некоторые другие племена: гепиды, бавары, свевы, саксы. Они легко завладели почти всей Северной Италией, затем захватили Тоскану, Сполето и Беневент. Другие районы Италии — Римский дукат, Равеннский экзархат, юг полуострова и примыкающие к нему острова — оставались владениями Византии, победившей в середине VI в. остготов, но не сумевшей отразить новых варваров. Лангобарды создали в Италии королевство со столицей в Павии. Оно просуществовало до 70-х годов VIII в., когда было захвачено франками Карла Великого.

При лангобардах вся территория королевства была разделена на 36 герцогств, в которых сосредоточивалась административная, судебная и военная власть, что создавало условия для сепаратизма и усиления позиций отдельных герцогов. Лангобардские короли предпринимали постоянные усилия для обуздания самовласти герцогов и стремились расширить свои владения, в частности присоединить к ним Римский дукат и Равеннский экзархат, совершали завоевательные походы в Южную Италию. Не способствовала единству Лангобардского королевства и политико-правовая неоднородность его населения. Привилегированный слой составляли лангобарды, которые жили, как правило, компактными поселениями, где действовало лангобардское обычное право, зафиксированное в Эдикте Ротари (643 г.) и в законах последующих королей. Подвластное лангобардам коренное население Италии оставалось в сфере действия римского права. Отсутствовало в королевстве и религиозное единство — принявшие в свое время арианство лангобарды не спешили переходить в католичество: многое здесь зависело от позиций герцогов, использовавших исповедальные различия в своих политических целях. В VII в. были частыми военные столкновения на религиозной почве, завершавшиеся для удачливых герцогов территориальными приобретениями.

Франкское завоевание 773—774 гг. включило Лангобардское королевство в состав обширного европейского государства, с 800 г. — империи, но не принесло Италии политического единства. В центре Апеннинского полуострова в 756 г. возникло Папское государство, или Папская область. Южная Италия (Апулия, Калабрия, Сицилия и ряд других территорий) оставалась под властью Византии. Карл Великий изменил территориально-административное деление своих владений в Италии: вместо герцогств были образованы 20 графств, отданных в управление представителям франкской знати. В IX в. в городах, являвшихся центрами епископских диоцезов (при франках католичество утвердилось повсеместно), судебно-административные и фискальные функции переходили постепенно в руки епископов и избиравшихся из горожан скабинов, которые выполняли преимущественно судебные обязанности. Контроль за деятельностью графов (в пограничных марках — маркграфов) и епископов осуществляли «императорские посланцы». Однако процесс децентрализации власти усиливался, поскольку широко практиковалась раздача иммунитетных прав епископам и светским лицам.

Политическая раздробленность Италии не была преодолена и после распада империи Карла Великого, хотя по Верденскому договору 843 г. она обрела статус независимого королевства. С конца IX в. титул короля Италии постоянно оспаривали представители разных ветвей династии Каролингов. Непрочность верховной власти позволила венграм совершить в первой половине X в. ряд грабительских набегов на страну. Юг Италии подвергался частым нападениям арабов (сарацин), к концу IX в. овладевших Сицилией.

С середины X в. Северная и Средняя Италия становятся объектом притязаний со стороны германских королей. Сопrotивление местного населения их завоевательной политике делало позиции императорской власти достаточно эфемерными. Более прочным оказывалось владичество графов, маркграфов и высшего духовенства. Хотя формально многие земли Северной и Средней Италии вошли в состав империи, реальную силу императоры обретали лишь в то время, когда находились там со своим войском. Военные походы в Италию стали в XI—XII вв. одним из важных направлений политики германской империи, причем особенно привлекательными для ее правителей становились быстро развивавшиеся и богатевшие итальянские города.

Формирование феодальных отношений. В Италии складывание феодальных отношений происходило в VIII—IX вв. в процессе синтеза романских и германских элементов, путем взаимовлияния порядков, характерных для местного римского населения и привнесенных варварами. В Лангобардском королевстве этот

процесс протекал достаточно медленно — наследование земли по женской линии было разрешено только Эдиктом Луитпранда в 717 г. — и был ускорен франкским завоеванием.

В раннее Средневековье в Италии шли два встречных процесса. С одной стороны, происходили изменения в хозяйственной системе, утвердившейся во владениях римской знати, которая основывалась на труде сервов, колонов и либертинов. Главной тенденцией здесь стало наделение землей сервов и других непосредственных производителей, расширение их экономической самостоятельности и снижение нормы эксплуатации. Стирались различия в социальном статусе разных категорий работников, превращавшихся в прикрепленных к наделу зависимых крестьян. В то же время среди римского населения сохранялась прослойка мелких свободных собственников земли, самостоятельно ведущих свое хозяйство.

С другой стороны, в лангобардскую эпоху на землях, занятых варварами, существовали порядки, характерные для разлагавшегося родоплеменного строя. Большая семья лангобардов — *фара*, обладавшая правами на пахотный надел, который обрабатывался сообща ее членами, постепенно дробилась на малые индивидуальные семьи, получавшие права на землю. С возникновением у лангобардов аллюда стал заметно расти в VIII в. слой свободных мелких собственников, близких по своему хозяйственному положению к римским посессорам. Дифференциация в их среде вела к возникновению свободных арендаторов — либелляриев, получавших землю по договору (либелла) в наследственное пользование с широкими правами распоряжения наделом и фиксированной рентой (денежный чинш или часть урожая). Число либелляриев росло и за счет сервов и колонов, обретавших, как правило, за выкуп личную свободу.

В IX—X вв. либеллярии и другие наследственные держатели (эмфитевты, прекаристы) составляли в Северной и Средней Италии широкую прослойку мелких держателей, постепенно оказывавшихся в разных формах личной зависимости от земельных собственников. Эта тенденция наметилась еще в пору франкского господства, когда раздавались иммунитеты и бенефиции, быстро превращавшиеся в наследственные феодалы. Складывавшаяся в VIII—IX вв. феодальная вотчина, в том числе на церковных и монастырских землях, отличалась незначительными размерами домена — в ней преобладали наделы, обрабатывавшиеся либелляриями, колонами, сервами, либертинами, которые оказывались не только поземельно, но и лично зависимыми от вотчинника. Слой крупных земельных собственников составляли потомки римской

знати. Обширные вотчины возникали и на церковных и монастырских землях — при франках позиции католической церкви заметно усилились. Некоторые монастыри — Боббио, Фарфа, Монтекассино и др. — уже в IX в. стали крупнейшими земельными собственниками.

В Южной Италии, лишь частично затронутой лангобардским завоеванием, процесс феодализации шел медленнее, чем в центральных и северных областях полуострова. В раннее Средневековье здесь продолжали господствовать хозяйственные порядки, сложившиеся еще в позднеримскую эпоху. Основную массу рабочей силы в поместьях составляли сервы и колоны. Сохранялся и слой мелких посессоров. Политика Византии была направлена в целом на консервацию существующей социально-экономической системы, хотя некоторые изменения в статусе рабов и колонов все же происходили. В рамках этой политики проводилась и греческая колонизация в Калабрии и приморских городах Южной Италии — сюда переселялись византийские чиновники и разные категории трудового люда, причем рабы часто получали свободу. Арендные отношения получили распространение в X—XI вв. и сопровождались установлением личной зависимости арендаторов от собственников. Феодальный уклад сформировался в Южной Италии на столетие позже, чем в Средней и Северной Италии, к концу X в., и стал итогом трансформации преимущественно позднеримской хозяйственной системы. Наметившиеся в раннее Средневековье различные пути и темпы складывания феодализма в Южной Италии и остальной части страны сохранились и в последующие столетия его эволюции, в пору его наиболее полного развития.

Рост городов. Важной особенностью истории Италии, в отличие от других стран Европы, был рано обозначившийся процесс оживления городской жизни. Уже в VIII в. постепенно восстанавливались города, разрушенные в эпоху варварских завоеваний или пришедшие в запустение в первые столетия Средневековья в связи с общей натурализацией экономики страны. Но даже в этих условиях многие античные города Италии продолжали существовать в своем прежнем качестве торгово-ремесленных центров, хотя масштабы товарного производства и их торговые связи резко сократились. Именно в таких центрах, как Милан, Верона, Болонья, Рим и др., имел место прямой континуитет от античного города к средневековому. Многие итальянские города и поныне сохраняют римскую планировку центральных улиц и площадей.

В VIII—IX вв. возникали и новые городские поселения, часто на перекрестках торговых дорог или путей пилигримов, по берегам рек и в морских бухтах. Складывались постоянные рынки

внутри страны, расширялись торговые связи со странами Европы, Африки, Ближнего Востока, чему весьма способствовало выгодное географическое положение Италии. В начальную пору подъема городов благоприятно сказывалась на их росте королевская политика покровительства купцам и ремесленникам в фискальных целях. В IX в. интенсивностью экономической жизни отличались многие города Северной и Средней Италии — Асти, Милан, Верона, Пьяченца, Равенна, Лукка. Крупным центром была Павия, оставшаяся столицей до начала XI в. На побережье Тирренского моря в X в. формировались крупные порты — Генуя, Пиза, Амальфи, — имевшие широкие торговые связи с Испанией, Тунисом, Египтом, Византией. Пиза и Генуя обретали силу и в борьбе с морскими набегами арабов, обосновавшихся на о. Сицилия: создавался флот, способный отразить угрозу пиратского разбоя и даже перейти в контрнаступление. Важным торговым посредником между Востоком и Западом был г. Бари, главный центр византийских владений в Южной Италии.

В Восточном Средиземноморье сильным конкурентом Пизы и Генуи стала Венеция, основанная в V в. на островах лагуны в устье р. По и богатевшая на посреднической торговле и экспорте добывавшейся в лагуне соли. Крупные портовые города вели активную торговлю не только на внешних рынках, но и внутри страны, вовлекая в международный товарооборот сельскохозяйственную продукцию (зерно, вино, оливковое масло) и изделия ремесленников (оружие, ткани, стекло и др.). Несмотря на размах посреднической торговли, главной основой богатства многих итальянских городов было интенсивное развитие в них товарного ремесленного производства и рано наметившаяся в нем специализация. Так, Милан уже в X в. стал центром оружейного дела, Павия славилась выделкой кож, Лукка — изготовлением тонких сукон. В ряде городов Южной Италии впервые в Европе началось изготовление шелковых тканей на местном сырье — в деревнях стали разводить тутовый шелкопряд. Позже шелкоткацкое производство было организовано в Лукке и Венеции. В каждом городе формировался свой набор ремесел — и тех, что были необходимы для жизни самого города (продовольственные товары, одежда и т.д.), и тех, что работали преимущественно на экспорт. Вывозили сукна, шелк, льняные ткани, ювелирные изделия, кожаную продукцию и ряд других товаров. В раннее Средневековье город имел и сельскохозяйственный облик: его ближайшая округа (контадо), а порой и территория внутри городских стен включали принадлежащие горожанам сады, виноградники, пахотные участки, обеспечивающие их продовольствием, а иногда и сырьем. Позже, в XI—XIII вв., итальянский город оказал огромное влияние на развитие сельского

хозяйства и социальную структуру деревни, что во многом обусловило специфику феодальных отношений в стране. Высокая степень урбанизации стала характерной чертой Италии уже к концу раннего Средневековья. Обилие развитых городов — важный фактор, воздействовавший на политическую судьбу и культурную жизнь Италии в Средние века.

§ 3. Германские земли в IX — начале XI в.

Восточно-Франкское королевство. Обособление восточной части Каролингской империи началось в ходе разделов Франкской державы между потомками Карла Великого в 843—880 гг. На престоле нового королевства, называвшегося современниками Восточной Францией (*Francia orientalis*), сменяли друг друга государи из дома Каролингов. Они то соперничали с государями Западно-Франкского королевства, то помогали им. Один из «восточных» Каролингов, Карл III (876—888), был приглашен и на западнофранкский престол. Подчинив себе затем Северную Италию, он на короткое время объединил в своих руках всю державу Карла Великого. Как Карл III, так и некоторые другие государи Восточной Франции отправлялись в походы на Рим, чтобы по традиции франкских государей, заложенной Карлом Великим, получить там императорский титул.

В Восточной Франции преобладали не романские, а германские диалекты, а хозяйство и общественные отношения были куда архаичнее, чем в Италии или к западу от Рейна. Здесь сохраняла силу старая, хотя и несколько видоизменившаяся племенная организация, какую уже невозможно было встретить в более развитой западной половине Франкской империи. Крупнейшие германские герцогства — Саксония и Бавария — представляли собой наиболее сложившиеся племенные объединения во главе с герцогами из местной племенной знати.

Герцогство Лотарингия носило совсем иной, неплеменной характер. Лотарингия появилась в результате чисто политических комбинаций и разделов, не имела собственной этнической основы и включала в себя на западе области с преобладанием не германского, а романского населения.

Вдоль р. Майн сложилось Франконское герцогство. Еще при Меровингах Майн стал удобной дорогой, по которой франки охотно переселялись на восток и густо заселяли оба берега реки, ассимилируя осевших там ранее аламаннов и баваров. Для соседних племен этот смешанный народ так и остался «франками», а их земля — Франконией.

Отдаленное и очень архаичное по своим порядкам племя фризов, занимавшее часть побережья Северного моря и ряд близлежащих островов, сыграло большую роль в развитии мореходства и торговли (как, впрочем, и пиратства) в раннее Средневековье. Однако в силу своего окраинного положения фризы почти не участвовали в политической жизни Восточно-Франкского королевства.

Социальные отношения. Если на юге и особенно западе страны (прежде всего в Лотарингии), т.е. в областях с заметным римским и каролингским наследием, процесс социального расслоения и феодализации к X—XI вв. сделал заметные успехи, то в большинстве других земель (и в особенности в Саксонии, Фрисландии и приальпийских районах) сохранялось архаическое, слабо дифференцированное в имущественном и социальном отношении общество. Это естественное стадийное отставание означало, в частности, наличие масс свободных собственников — главной основы сильных армий восточнофранкских государей, а также отсутствие как многочисленной феодальной знати, так и связанных с ней тенденций к феодальной раздробленности, к тому времени уже господствовавших в Западно-Франкском королевстве.

Появившиеся после франкского завоевания на юге и западе Германии огромные и широко разбросанные вотчины каролингского типа (см. гл. 4) сохраняются в X—XI вв., а в отдельных случаях и дольше.

Германская деревня в тех регионах, где уже начался процесс феодализации, предстает весьма пестрым социальным организмом, где бок о бок сосуществуют и хозяйства, втянутые в ту или иную форму зависимости от совершенно разных крупных вотчин, центры которых могут располагаться на большом расстоянии от самой деревни, и владения мелких вотчинников, «выросших» из числа самих местных жителей, и дворы самостоятельных землевладельцев и держателей, весьма разных по своему общественному положению. Соответственно даже факт проникновения вотчинных отношений в германскую деревню на этом этапе еще не означал подчинения деревни и ее традиционной организации вотчине и ее владельцу.

Обитатели деревни описываются в источниках преимущественно терминами «варварских правд»: свободные, литы, сервы. В реальности X в. за каждым из этих понятий стоят группы лиц весьма различного статуса. Особенно существенна неопределенность понятия «свободный»: оно может обозначать и светского вотчинника, и мелкого самостоятельного аллодиста, и человека, находящегося в поземельной зависимости. Постепенное сближе-

ние разных групп земледельческого населения как по их реальному правовому статусу, так и в сознании современников происходит по мере отмежевания их от оформляющегося особого слоя служилых людей, занимающихся только военным делом. Обобщенное понятие «крестьянин» — *Bauer* — появляется только в XI в. и свидетельствует о том, что грань между невоюющими земледельцами и не работающими на земле профессиональными воинами в целом определилась. Другой стороной того же процесса стало некоторое повышение статуса самых низших групп населения, прежде всего рабов. Главными поставщиками рабов в Германию были фризы. Они покупали или захватывали рабов в основном у языческих племен, живших по берегам Балтики. Убийство рабов в принципе запрещалось, но на практике, видимо, не являлось чем-то исключительным. Впрочем, уже переход раба в христианство улучшал его положение. Только с XI — начала XII в. рабы как социально значимая категория населения постепенно исчезает.

Германская знать представляла собой совокупность более или менее обширных родственных групп, взаимоотношения которых между собой во многом определили как политическую историю ранней Германии вообще, так и пути становления германского королевства в частности. Насколько можно судить, знатность приносила земельные богатства, а не обладание землей доставляло знатность. С течением времени соотношение между старой племенной знатью и уже вполне феодальной, выросшей из среды свободных на службе у короля или герцога начинает меняться в пользу последней. Однако для периода ранее середины XI в. не удается обнаружить, из каких именно центров знатные германские семейства осуществляли свою власть. Возможно, это связано с тем, что возводить бурги — укрепления из дерева и земли, а позже и из камня — до той поры считалось исключительной привилегией короля.

Объединение восточнофранкских земель саксонскими герцогами. Восточнофранкские короли, герцоги и знать довольно удачно сдерживали натиск викингов на свои владения. Зато появление в Подунавье кочевых племен мадьяр (венгров) оказало самое тяжелое воздействие на оседлые народы Центральной Европы. Под ударами венгров погибла так называемая Великая Моравская держава — крупное объединение славян, соседствовавшее на западе с Баварией. Постоянные набеги мадьяр нанесли тяжелый ущерб и всем германским землям. Вместе с тем венгерская угроза, по всей видимости, способствовала объединению германских герцогств в одно королевство.

После смерти последнего государя Восточно-Франкского королевства из династии Каролингов впервые королем был избран представитель местного знатного рода — франконский герцог Конрад I (911—918). Он натолкнулся на решительное сопротивление большинства других герцогов и умер, по сути дела потерпев поражение в борьбе с ними. После его смерти королями почти одновременно были провозглашены герцоги двух сильнейших, хотя очень разных по уровню хозяйственного, культурного и политического развития герцогств — Баварии и Саксонии. Корона в конце концов осталась за саксонским герцогом Генрихом, но ему пришлось отказаться от всякого вмешательства в баварские дела. С провозглашения королем Генриха I принято начинать историю германского королевства.

Генрих I (919—936) сумел успокоить страну после десятилетий бесконечных смут и добиться в своем королевстве относительного мира. Ради его достижения король всячески стремился заручиться симпатией и поддержкой германской знати. Чтобы подчеркнуть свою близость к ней, он даже отказался от обычного у франкских королей церковного помазания на царство и коронации — обрядов, возвышавших «помазанника Божьего» над всеми знатными людьми его королевства. При поддержке знати Генриху удалось в очередной раз «переподчинить» Восточно-Франкскому королевству развитую и богатую Лотарингию. Генрих сумел наладить неплохие отношения с церковью, объединить германские племена и разные группировки знати для отпора венграм и добился первых успехов в борьбе с этими опасными кочевниками благодаря широкому строительству бургов и организации сравнительно многочисленной тяжелой конницы. Возникновение такого конного войска (на первых порах в основном из лично зависимых от короля или герцогов людей) было важным этапом складывания феодальной знати и преобразования социальных отношений в германском обществе в целом.

Сын Генриха I Оттон I (936—973) продолжал политику отца в деле организации отпора мадьярам. Его войску из немецких и чешских тяжеловооруженных конников удалось в 955 г. нанести на р. Лех у Аугсбурга настолько тяжелое поражение венграм, что те навсегда оставили в покое германские земли. В остальном Оттон I порвал со многими традициями Генриха I. Так, уже начиная со своей подчеркнуто торжественной коронации в Ахене, Оттон I стремился во всем утвердить превосходство короля над герцогами и всей прочей знатью. Платой ему за это были восстания и мятежи, потрясавшие германские земли много лет подряд.

Итальянские походы и римская коронация Оттона I. Решение начать военные походы в Италию Оттон I принял скорее всего просто потому, что видел в себе достойного преемника франкских государей, продолжателя их давней традиции коронования в Риме. В X в. распад Каролингской империи вовсе не представлялся окончательным. Напротив, именно при Оттоне I, имевшем сильное влияние и в Западно-Франкском королевстве, возрождение державы Карла Великого могло казаться вполне вероятным. Приобретение императорского титула «по всем правилам» в Риме было в этих обстоятельствах действием вполне логичным.

Во время первого похода за Альпы в 951 г. Оттон I не смог достичь Рима, но зато освободил из заключения законную наследницу итальянского (лангобардского) королевства, женился на ней и был провозглашен местной знатью королем Италии.

В 962 г., воспользовавшись призывом о помощи римского папы Иоанна XII, оказавшегося в весьма затруднительном положении, Оттон I прошел, не встречая сопротивления, через всю Северную Италию и вступил в Рим. В «Вечном городе» он был торжественно провозглашен императором. Современники Оттона I видели в этой церемонии только обновление давней франкской традиции. Но впоследствии римская коронация 962 г. стала представляться событием рубежным: с этого года принято отсчитывать историю новой, теперь уже германской, империи.

Имперская церковь. Осуществление власти на больших территориях было на протяжении всего Средневековья труднейшей задачей. Для средневекового монарха самым надежным способом реализовать свою волю в той или иной точке страны было его личное присутствие там. Это одна из причин, почему императоры из Саксонской династии точно так же, как и многие другие государи, находились в постоянных разъездах. В столь обширной державе, как империя Оттона I, однако, явно требовались и другие средства управления.

Самым эффективным способом осуществлять власть, опробованным еще Карлом Великим, было использование в интересах королевства церковной организации. Если Генрих I больше опирался на светскую знать, то для Оттона I и его преемников главным средством управления страной становится именно церковь. Оттон I систематически наделял имперские монастыри и епископства обширными землями и широкими привилегиями, при этом назначая епископами и аббатами верных себе людей. (Каноническое избрание не отменялось, но становилось простой формальностью.) От поставленных королем прелатов требовалось исполнение в интересах империи широкого круга чисто светских

обязанностей — от судебных до фискальных и военных. Начиная с Оттона III епископы стали получать даже графские полномочия. Как и в пору расцвета Каролингской империи, до трех четвертей тяжелой конницы в оттоновское войско приводили с собой епископы и аббаты.

Щедро одаривая церковь, германские государи отнюдь не подрывали материальные основы собственной власти. До тех пор, пока короли могли распоряжаться высшими церковными должностями по собственному усмотрению, они были в состоянии ставить все ресурсы церкви себе на службу. Эти ресурсы за счет новых дарений постоянно возрастали, поскольку церковное имущество, в отличие от светского, не могло делиться между наследниками и, следовательно, дробиться. Отчуждалось оно также крайне редко. В отличие от светских феодалов принадлежащее церкви не могло со временем превратиться в собственность какого-либо знатного рода. Вполне логично, что в германских землях именно императора, щедро одаривающего церковь, но и по своей воле распоряжающегося церковными должностями, привыкли считать главой церкви и даже наместником Христа на земле. Церковная организация, подчиненная императорам и составляющая основу их власти, получила в историографии название «имперской церкви».

«Римская империя» Оттонов. Оттон II (973—983) старался продолжать политику своего отца, но ему меньше сопутствовала удача. Предприняв попытку подчинить своей власти юг Италии, Оттон II потерпел сокрушительное поражение от арабов и едва избежал византийского плена (982). В отношениях между империей Оттонов и Византией вражда чередовалась с попытками заключить союз. Оттон I добился для своего сына — будущего Оттона II — руки византийской царевны Феодано (Теофано), правда, как оказалось, не порфирородной (и не приносившей супругу прав на константинопольский престол). После смерти мужа Феодано с удивительным мастерством семь лет управляла империей в малолетство своего сына.

По рождению наполовину сакс, наполовину грек, считавший себя потомком Карла Великого и византийских василевсов, получивший по своим временам очень хорошее образование, Оттон III (983—1002) был уверен в том, что ему самой судьбой предназначено возродить Римскую империю во всем ее былом величии. Немедленно после объявления совершеннолетия Оттон III устремился в Италию, где сумел быстро получить корону итальянского королевства и впервые в истории возвести немца на папский престол. Новый папа Григорий V тут же короновал своего государя в Риме. Оттон III мечтал о создании единой христианской мировой державы с центрами в Риме и Ахене, а возможно, и в Кон-

стантинополе. Он устроил себе постоянную резиденцию в Риме на месте, где когда-то стоял дворец римских императоров, и завел двор по византийскому образцу. Римских пап Оттон III решил поставить под прямой и постоянный контроль, а потому не стал подтверждать привилегий, полученных апостольским престолом от Пипина и Оттона I, и даже назвал фальшивкой «Константинов дар». После смерти Григория V император поставил папой под именем Сильвестра II своего наставника в науках и старшего друга ученого Герберта из Орильяка.

Всемирную «Римскую империю» Оттон III представлял, вероятно, как совокупность самостоятельных христианских королевств, подчиненных власти единого императора. Политические проекты Оттона III не встретили сочувствия среди знати Германии, которой отводилось место лишь одного из королевств, составлявших империю. Еще хуже относились к идеям императора в Италии, поскольку они самым серьезным образом затрагивали интересы многих влиятельных сил — от римского духовенства до соперничавших между собой многочисленных семейств итальянских нобилей. В конце концов в Риме поднялся мятеж, Оттон III бежал из города и вскоре в возрасте двадцати двух лет скончался, не оставив наследника. Королевская корона перешла к представителю боковой ветви Саксонской династии Генриху II (1002—1024), совершенно чуждому политических фантазий своего предшественника.

Отношения государей Саксонской династии с их восточными соседями. На востоке германские племена вдоль всей границы своего расселения, от Балтики до Адриатики, соприкасались с разными по уровню развития славянскими племенами. Наиболее беспокойной издавна была граница между саксами и ободритами, часто опустошавшими земли друг друга. Первый же король из Саксонской династии Генрих I предпринял большой поход на племена заэльбских славян (929) и подчинил многие из них. Оттон I сделал следующий шаг — он образовал ряд марок на славянском пограничье и начал активную христианизацию славян, создав для этого на их землях несколько епископств. Оттон I основал и новое архиепископство с центром в Магдебурге специально ради организации широкого миссионерства среди язычников-славян. Распространение христианства должно было прочно включить вчерашних язычников в имперскую церковную организацию, а значит, и в саму империю. Кроме того, борьба с язычеством считалась прямой обязанностью всякого императора — главы христианского мира — уже в силу его сана. Первым архиепископом Магдебургским Оттон I назначил «епископа русов» Адальберта, ездившего в 961—962 гг. по приглашению послов княгини

Ольги с миссионерскими целями в Киев, но обманувшегося в своих надеждах и вынужденного быстро вернуться. Близким ко двору Оттона III был миссионер Бруно Кверфуртский, в 1008 г. отправившийся проповедовать христианство печенегам и также посетивший по дороге Киев.

Однако усилия Оттона I по христианизации прибалтийских славян оказались напрасными. В 983 г. заэльбские племена подняли восстание, в ходе которого освободили свою землю, уничтожили там все церковные учреждения и вернулись к язычеству. Им удалось даже разгромить Гамбург. После этого более столетия все попытки как немцев, так и поляков вновь насадить христианство у ободритов и соседних племен и подчинить их себе оставались безуспешными.

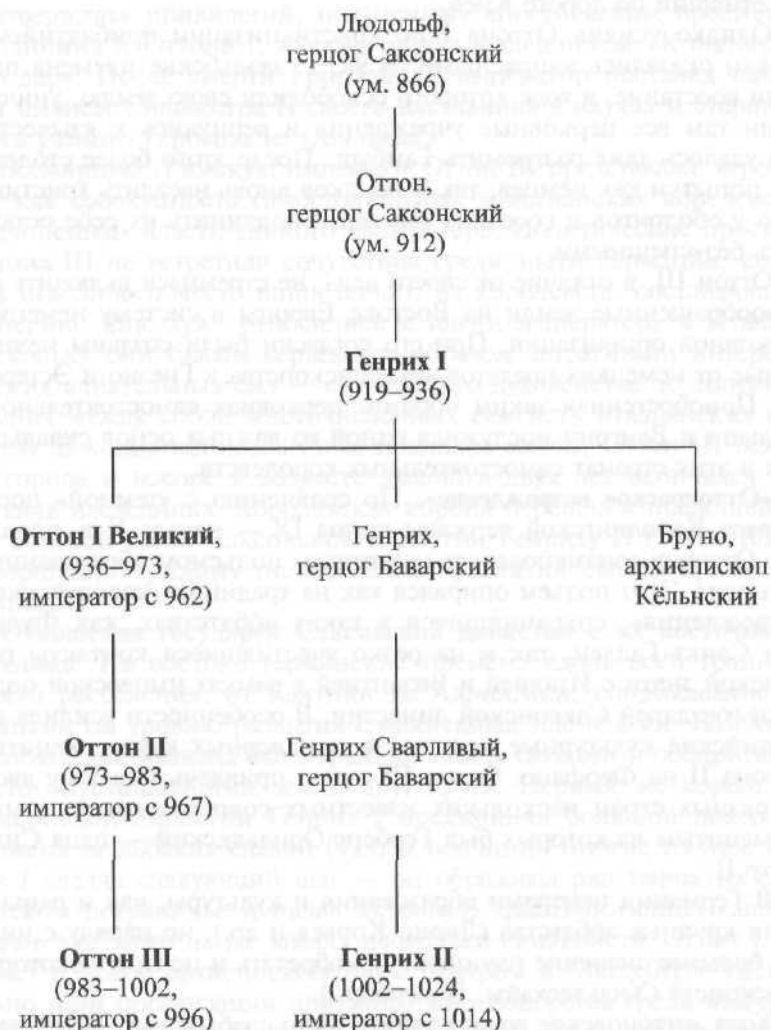
Оттон III, в отличие от своего деда, не стремился включить все новообращенные земли на Востоке Европы в систему немецкой церковной организации. При его согласии были созданы независимые от немецких прелатов архиепископства в Гнезно и Эстергоме. Приобретенная таким образом церковная самостоятельность Польши и Венгрии послужила одной из важных основ складывания в этих странах самостоятельных королевств.

«Оттоновское возрождение». По сравнению с «темной» порой развала Каролингской державы конца IX — начала X в. правление Оттонов ознаменовалось некоторым подъемом образования и культуры. Этот подъем опирался как на традиции «каролингского возрождения», сохранившиеся в таких аббатствах, как Фульда или Санкт-Галлен, так и на резко учатившиеся контакты германской знати с Италией и Византией в рамках имперской политики государей Саксонской династии. В особенности усилила византийские культурные влияния в придворных кругах женитьба Оттона II на Феофано. Оттон III сумел привлечь к своему двору из разных стран нескольких известных современников, самым знаменитым из которых был Герберт Орильякский — папа Сильвестр II.

В Германии центрами образования и культуры, как и раньше, были крупные аббатства (Лорш, Корвей и др.), но наряду с ними все большее значение начинают приобретать и центры некоторых епископств (Хильдесхайм, Падерборн).

Хотя «оттоновское возрождение» было слабым даже по сравнению с «возрождением» каролингским, оно отмечено серьезными успехами, по крайней мере, в историописании. Приближенный к семье Оттонов монах Видукинд из знатного саксонского рода в своей «Истории саксов» прославляет прошлое и настоящее родного племени. Характерно, что к далеким итальянским предприятиям Оттона I отношение у «саксонского патриота» Видукинда

Саксонская династия
(Людольфинги — Оттоны)

весьма прохладное. Крупнейший исторический памятник поры саксонских императоров — «Хроника» Титмара, епископа Мерзебургского. Начатая как история отдельного епископства, «Хроника» превратилась в уникальное сочинение, описывающее исторические события как по всей империи, так и у ее соседей на востоке, в том числе и на Руси.

§ 4. Северная Европа в IX—XI вв.

«Эпоха викингов» в Северной Европе. IX — середина XI в. вошли в историю Северной Европы под названием «эпохи викингов». Это был период их широкой экспансии, в которой разрозненные военные набеги, а позже более организованные походы, возглавленные скандинавскими конунгами, переплетались с развитием международной торговли, с колонизацией и открытием новых земель. В самой Скандинавии этот период ознаменовался усилением распада родоплеменных отношений и зарождением предпосылок для возникновения первых государственных образований.

В «эпоху викингов» произошли глубокие сдвиги в материальной и духовной культуре скандинавских народов. Развертывается внутренняя колонизация — частичное освоение и заселение лесных зон Скандинавского полуострова. Возникают новые типы быстроходных и маневренных кораблей, на которых викинги плавали по Северному и Балтийскому морям, поднимаясь по европейским рекам — по Сене до Парижа и по днепровскому водному пути до Константинополя; суда викингов бороздили Средиземное море и Атлантику вплоть до Исландии и островов у побережья Северной Америки. На основе развернувшейся международной торговли поднялись важные ее центры в Северной Европе — Хайтабю в Дании (в области теперешнего Шлезвига), Бирка на озере Меларен (в Южной Швеции), Скирингсаль в Южной Норвегии. Успехи в строительном и фортификационном деле выразились, в частности, в сооружении системы уникальных по конструкции военных кольцевых укреплений в Ютландии и на примыкающих к ней островах.

Экспансия викингов в IX — первой половине X в. Этимология термина «викинг» до конца не выяснена; возможно, слово происходит от «вик» — бухта, порт, где базировались участники морских походов, но предлагались и другие объяснения. На Западе они были известны под именем норманнов («северных людей»), а на Руси — варягов.

Первые упоминания о нападении викингов восходят к 787 г. В 793 г. отряд скандинавов напал на монастырь на северо-восточном побережье Англии, разграбил и сжег его. Вскоре подобные

разбойничьи нападения сделались подлинным бедствием для населения приморских районов Англии, Ирландии, Франкского королевства, Германии, южного побережья Балтийского моря. Повсюду эти внезапные появления вооруженных и безжалостных язычников несли смерть, разграбление и порабощение захваченных врасплох местных жителей, которые долгое время не были способны оказывать им сопротивление. Духовенство было склонно объяснять это бедствие Божьей карой за грехи, и даже была составлена молитва: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»

Со временем правители стран, подвергавшихся нападениям норманнов, сумели организовать защиту от них, и начались более регулярные военные действия. Отпор, который он встретил со стороны франков, побудил датского конунга Годфреда приступить к постройке оборонительного вала, защищавшего Ютландию с юга. Эта цепь укреплений известна под названием Даневирке («Датский вал»), возведение ее началось в начале IX в., но продолжалось и в следующем столетии.

Датским завоевателям удалось разграбить и подчинить своей власти обширные территории в разных частях Европы. Они переселялись на острова Северной Атлантики — Фарерские, Шетландские, Оркнейские и Гебридские. После 870 г. выходцы из Норвегии открыли и начали заселять Исландию. Первым поселенцем здесь был Ингольф Арнарсон, обосновавшийся на юго-западном берегу острова вблизи горячих источников-гейзеров, в Рейкьявике («Залив дымов»). В IX — начале X в. норвежцы и датчане завоевали значительную часть Ирландии, основав здесь свои королевства. В IX в. шведы, уже обосновавшиеся на южном побережье Балтийского моря, проложили путь «из варяг в греки», выводивший их к Византии и Арабскому халифату. Экспансия на территории Руси имела не только военный, но и торговый характер. Купец шел рука об руку с воином. Присутствие скандинавов на Руси, в том числе в качестве наемников и дружинников киевских и новгородских князей, прослеживается по многим источникам.

На протяжении IX в. датские викинги грабили Северную Германию, Францию, Англию, включая такие города, как Гамбург, Дорестад (в устье Рейна), Руан, Париж, Шартр, Лондон, Кентербери, Йорк. К концу века значительная часть Северной и Восточной Англии была ими завоевана, и на этих территориях стали селиться скандинавские воины, которые делили между собой земли. Королю Уэссекса Альфреду (871—899) удалось лишь остановить эти нашествия. Восточная часть острова получила впоследствии название Дэнло («Область датского права»), здесь переселенцы вводили свои социальные и юридические порядки, сохранявшиеся на протяжении нескольких столетий.

Одновременно викинги появились и в западной части Средиземноморья, разграбляя города Испании, Южной Франции и Италии.

На рубеже IX и X вв. часть датского войска, которое воевало в Северной Франции, обосновалась в низовьях Сены. Его предводитель Роллон получил в 911 г. эту часть Франции в лен от французского короля на условии защиты страны от норманнов. Формально вассальное владение Франции, новое герцогство Нормандия фактически было независимым и от слабых западнофранкских королей, и от датских конунгов. Роллон и его сподвижники оставались еще полуязычниками, совершавшими человеческие жертвоприношения, что не мешало им щедро наделять церковь богатствами и землями. Но на протяжении следующих поколений нормандцы утратили большую часть признаков скандинавского происхождения, включая родной язык и старые обычаи. Норманны интенсивно смешивались с местным населением — потомками кельтов, римлян, франков. В Нормандии сложилось «образцовое» французское феодальное герцогство с сильной центральной властью. Когда впоследствии нормандцы подчинили себе Англию и Южную Италию с Сицилией, где основали в начале XII в. Сицилийское королевство, они и здесь выступали в роли носителей феодальной централизации.

Заселение Исландии. Открытие Америки. Примерно к 930 г. норвежцами была заселена вся береговая кромка Исландии (внутренняя часть острова остается пустынной и до настоящего времени). Расселившись по обособленным хуторам, колонисты занимались скотоводством и морским промыслом и в гораздо меньшей степени земледелием. В 930 г. было учреждено общее для всех жителей Исландии вече — альтинг и были приняты первые законы по норвежскому образцу. Единственная должность, введенная этими законами, была должность законоговорителя — хранителя права, остававшегося еще устным. Альтинг был как судебным и законодательным собранием исландцев, так и центром культурной жизни, местом регулярного общения рассеявшихся по обособленным хуторам местных жителей, крестьян. Разумеется, альтинг не был «древнейшим парламентом Европы» (как его иногда именуют), ибо в общественном устройстве Исландии ясно видны существенные элементы «военной демократии». Признаки государства здесь еще отсутствовали.

В 80-е годы X в. исландцами и норвежцами была открыта Гренландия, которую они начали заселять, а вскоре ими были открыты острова у побережья Северной Америки, названные ими Хёллоланд («Страна плоских камней»), Маркланд («Лесная страна»), Виланд («Страна дикого винограда»). Во главе этих экспедиций, описан-

ных впоследствии в «Саге о Гренландцах» и «Саге об Эйрике Рыжем», стоял Лейв Счастливый (Удачливый), сын Эйрика Рыжего, гренландского первопоселенца. На островах скандинавы повстречали местных жителей — скрелингов. В этих сагах нелегко отделить достоверные сведения от вымысла, но, опираясь на археологические находки, ученые склонны полагать, что скандинавы действительно открыли Ньюфаундленд, где обнаружены следы построек того типа, который характерен для скандинавских «длинных домов» «эпохи викингов», и остатки кузницы. Лейв опередил Колумба на полтысячелетия, но все же именно Колумбу принадлежит первенство в подлинном открытии Америки для Европы, и домыслы об имевшихся у Колумба сведениях о плаваниях викингов на Запад и о картах, которые они якобы составили, ни на чем не основаны (никаких карт скандинавы в X—XI вв. чертить не умели).

Походы викингов первой половины XI в. Крупнейшее достижение скандинавских захватчиков в конце X и начале XI в. — подчинение ими Англии. Сперва датские и норвежские вожди поступали на службу к королям Англии, получая от них жалованье, награды, затем они превратили эти платежи в огромную контрибуцию, взимаемую с населения, изнемогавшего от этих непомерных поборов. В 1016 г. датский вождь Кнут занял английский престол, а после смерти брата сделался королем Дании. В 1028 г. он добился власти и над Норвегией. Так возникла держава Кнута Великого (1016—1035), недолговечная, как и все раннесредневековые политические объединения. После смерти его сына Хардакнута в 1042 г. датчане утратили английскую и норвежскую короны.

Последним викингом на престоле считают норвежского конунга Харальда Хардрада («Сурового правителя», 1046—1066), который в молодости ходил походами в Восточную и Южную Европу, служил в варяжской гвардии в Константинополе и воевал в Италии и Сицилии. Его женой была дочь Великого князя Киевского Ярослава. В 1066 г. Харальд снарядил большой флот и отплыл к берегам Восточной Англии с намерением завоевать английский престол. Скандинавское население острова перешло на его сторону, но только что провозглашенный знатью английский король Гарольд победил норвежского конунга в битве при Стэмфорд-бридже, неподалеку от Йорка. Харальд Хардрад погиб 25 сентября 1066 г. Англия навсегда избавилась от угрозы со стороны викингов, для того чтобы менее чем через три недели, 14 октября того же года, стать в результате битвы при Гастингсе добычей нормандского герцога Вильгельма Завоевателя. На этом экспансия викингов завершилась. К концу XI в. под властью скандинавов оставались Северная Шотландия, Гебридские и Оркнейские острова, остров Мэн, Дублин и Лейнстер в Ирландии.

Общий характер походов викингов. В походах викингов можно видеть последнюю волну Великого переселения народов. Подобно тому как германские и другие племена и союзы племен в V—VI вв. не ограничивались нападениями на богатую Римскую империю, но переселялись в отвоеванные у нее области, создав там новые государства, так и скандинавы в IX—XI вв., переживавшие распад родоплеменного строя и испытывавшие потребность в землях и добыче, вторгались в страны Европы и во многом изменили ее социальную, политическую и демографическую структуру.

Однако эта вторая и заключительная волна Великого переселения отличалась от первой. В V и VI вв. варвары способствовали разрушению уже изжившей себя рабовладельческой системы, тогда как северные варвары (а также нападавшие на Западную Европу венгры и арабы) в IX—XI вв. пришли в столкновение с новым, еще только формировавшимся и укреплявшимся социальным строем, разрушить который они были не в состоянии, и в конечном счете включились в процесс феодализации. В одних частях Европы, например в Англии, скандинавские вторжения несколько замедлили эти процессы, создав новые слои свободного крестьянства, противившегося феодальному подчинению; в других регионах (в Северной Франции и Южной Италии), наоборот, они придали этим процессам большую законченность. В обоих случаях викинги и их потомки, феодализировавшиеся вожди и рыцари, а вслед за ними и военно-крестьянские колонисты восприняли ту социальную структуру, которая уже складывалась в захваченных ими областях, видоизменяя ее. Этот новый социальный опыт они переносили и к себе на родину. Процессы феодализации в Скандинавских странах начались под воздействием импульсов, шедших из более «продвинутых» к феодализму стран Запада, но привели к ощутимым результатам уже после завершения «эпохи викингов».

Своеобразие генезиса феодализма в Скандинавских странах. В Дании, Швеции и Норвегии, развивавшихся вне сферы античного мира и сравнительно поздно испытывавших влияние развитых феодальных обществ, долго сохранялись пережитки родовых отношений и патриархального рабства. Раннефеодальный период длился в Скандинавии до XII—XIII вв. Сложившийся в этих условиях феодализм отличался значительным своеобразием: в Скандинавских странах не получили большого распространения личная зависимость крестьян и барщина, а Норвегия их вообще не знала; права феодалов на лены были более ограничены, а вассальные отношения (феодальная иерархия) менее развиты, чем в странах Западной Европы. Что касается Исландии, колонизованной преимущественно норвежцами, то в ней феодализм вообще не

развивался и она оставалась страной свободных самоуправляющихся хуторян до 60-х годов XIII в., когда подпала под власть норвежского короля.

Своеобразие развития Скандинавских стран в немалой степени объясняется естественно-географическими условиями: относительно суровым климатом, преобладанием моренного, горного ландшафта с малым количеством удобных для хлебопашества земель. Скандинавы издавна были прежде всего искусными кораблестроителями и мореходами. В горных районах Норвегии и Швеции земледелие было возможно лишь на ограниченных пространствах и велось весьма примитивно. Большую роль играло скотоводство; в лесных областях и на севере, в тундре, были распространены охота на пушного зверя и оленеводство, на побережье занимались рыболовством. Только в южной части Скандинавского полуострова, в области Сконе, а также на равнинном Ютландском полуострове (с прилегающими островами) существовали благоприятные условия для земледелия. Здесь раньше, чем в других областях Скандинавии, стали распространяться двух- и трехполье, обработка земли плугом с железным лемехом.

Общественно-политический строй скандинавов в раннее Средневековье. Основную массу населения Скандинавии составляли свободные — бонды. Это были земледельцы, скотоводы, охотники и рыбаки, имевшие собственное хозяйство и жившие в обособленных хуторах (в Норвегии и в некоторых районах Швеции, а также в Исландии) либо небольшими деревушками (в Дании и в большей части Швеции). В датских общинах практиковались переделы земли. Большая семья являлась собственницей пахотной земли, которую нельзя было отчуждать; такое владение называлось *одалем*. Даже после того как начались разделы больших семей, выделявшиеся из их состава индивидуальные семьи не получали права свободного распоряжения участками: сородичи сохраняли в течение длительного времени право преимущественного приобретения и выкупа одаля. Леса, луга и прочие угодья оставались в общей собственности жителей всего округа и считались «общими владениями» (*альменнингами*).

Складывание классового общества в условиях Скандинавии шло медленно. Большую роль играли органы местного самоуправления — *тинги*, областные и окружные собрания бондов. На них вершился суд, решались споры, заключались различные сделки. Право функционировало в Скандинавских странах первоначально как областное, и у каждой области существовали собственные обычаи. В более позднее время, когда появилась письменность (помимо древнего рунического письма), областные правовые уложения были записаны.

Постепенно усиливалось общественное влияние знати. Источником ее могущества были прежде всего стада скота, торговля и особенно богатства, захваченные в морских походах и набегах викингов в IX — первой половине XI в. Там, где родовая знать имела земельные владения, она эксплуатировала рабов из пленных, отчасти из числа обедневших свободных, которых наделяли земельными участками. На Ютландском полуострове, в Сконе и на равнинных пространствах Швеции, где земледелие играло важную роль, возникали поместья с барской запашкой.

По мере роста могущества знати, с одной стороны, и подчинения ей части свободных — с другой, возникали предпосылки для складывания государства. Походы викингов ускорили этот процесс.

Первые скандинавские короли (конунги), выделившиеся из родовой знати, в течение длительного времени в значительной степени оставались предводителями племен и племенных союзов. Тем не менее постепенно закладывались основы политического объединения. В Дании этот процесс начался еще в VIII в., а во второй половине X в. Харальд Синезубый (ок. 950 — ок. 986) значительно упрочил королевскую власть. Конунгу Харальду Прекрасноволосому в конце IX в. удалось подчинить себе многие племенные округа Норвегии, и в начале XI в. объединение Норвегии было в основном завершено. Но королевская власть в Норвегии не стала достаточно прочной. Король Олав Харальдссон (1016—1028) был изгнан из страны и погиб в 1030 г. Затем Норвегия была временно включена в состав обширной, но непрочной державы датского короля Кнута. В Швеции долгое время существовало два королевства: к северу область свеев с центром в Упсале и южнее расположенная область племен ётов. Объединение их под властью королей Упсалы произошло к началу XI в. при короле Олафе Скётконунге (ок. 995—1020). Однако еще и в XII в. власть шведского короля оставалась ограниченной.

Добиваясь укрепления своего положения, королевская власть стремилась опереться на христианскую церковь. Но христианизация наталкивалась на упорное противодействие крестьян и родовой знати, связывавших сохранение язычества с защитой своей независимости. Поэтому борьба против усиления королевской власти принимала подчас форму борьбы за сохранение язычества. Христианская церковь укрепилась в Скандинавии в конце X — начале XI в., однако язычество не было окончательно сломлено еще и в XII в. Тем не менее с успехами феодализации влияние церкви росло. Около 1103 г. было учреждено общескандинавское архиепископство в Лунде. Церковь получала щедрые пожалования

от королей, приобрела особую юрисдикцию и стала проводником церковного права в Скандинавии. Духовенство добились отмены некоторых ограничений в распоряжении земель.

§ 5. Англия до середины XI в.

Римляне правили Британией с середины I до начала V в. За пределами империи оставались только племена Каледонии (нынешней Шотландии), от которых римляне отгородились так называемым Адриановым валом, протянувшимся от Северного до Ирландского моря. Как и в других провинциях, римляне проложили в Британии хорошие дороги, облегчавшие переброску войск и движение товаров. На месте крепостей бриттов они устроили военные лагеря; некоторые стали со временем настоящими городами, на что указывают топонимы, образованные от латинского слова *castrum* («лагерь»), например Ланкастер, Манчестер, Глостер. Пять городов получили статус римского муниципия, среди них Эборакум (в дальнейшем Йорк), служивший резиденцией нескольким императорам. Важнейшим городом Британии был Лондиний — нынешний Лондон, не имевший этого статуса, но издревле бывший оживленным торговым поселением. Романизация затронула преимущественно юго-восток и центр страны, где выявлены многочисленные виллы средиземноморского типа. Западные, в меньшей мере северные районы Британии (где размещались главные военные силы римлян) сохранили в целом древние кельтские порядки. Большинство жителей провинции продолжало говорить на бриттском языке, в который, однако, вошло довольно много латинских слов.

В 408 г. римские войска, размещенные в Британии, были вызваны в Галлию для восстановления порядка на рейнской границе и назад уже не вернулись. Провинция была предоставлена самой себе, ее связи с континентом стали быстро свертываться. В этих условиях участились разбойные нападения скоттов и пиктов, населявших, соответственно, Ирландию и Шотландию. На просьбы о помощи слабеющий Рим не отзывался. Согласно легенде, сохранный английским писателем VIII в. Бедой Достопочтенным, в 449 г. один из правителей римской Британии, Вортигерн, пригласил защищать провинцию германский (ютский) отряд во главе с Хенгестом и Хорсой, выходцами из материковой части современной Дании — Ютландии. Юты вскоре взбунтовались и, получая все новые подкрепления с континента (к ютам присоединились их южные и более многочисленные соседи — англ и саксы), начали завоевание Британии.

Этот процесс растянулся на несколько столетий. Бритты отчаянно сопротивлялись, временами одерживая победы (эта эпопея нашла отражение в легендах о короле Артуре — полумифическом правителе бриттов, жившем в первой половине VI в.), но постепенно отступали на запад, к Ирландскому морю. После того как к началу VII в. германцы вышли к его берегам, сначала южнее, затем севернее Уэльса, их перевес стал очевиден. Часть бриттов переселилась на северо-запад Галлии, часть была покорена и в дальнейшем ассимилирована.

В раннесредневековой истории Британии различимы три этапа: период заселения ее германцами (сер. V в. — конец VI в.); период складывания раннефеодальных государств (VII—VIII вв.); собственно раннефеодальный период (IX — сер. XI в.).

Юты заселили Kent, саксы — другие районы южной Британии, англ — центральную и северную части страны. К началу VII в. из их племенных союзов выросли примитивные государства. Они часто воевали друг с другом за верховенство, реальное содержание которого зависело не в последнюю очередь от личности правителя. Самые авторитетные носили почетный и потому не передававшийся наследникам титул *бретвальда* — «правитель бриттов»; они имели право на получение дани и военной помощи со стороны подчиненных королевств, но оставались конунгами только своего маленького государства. Границы и само число этих государств менялись. Применительно к VII—IX вв. историки, следуя давней традиции, уходящей корнями в Средневековье, говорят о *гептархии* (от греч. слов *hepta* — «семь» и *arche* — «власть»), т.е. о сосуществовании семи королевств: ютского королевства Kent, королевств восточных, южных и западных саксов, известных как Эссекс, Сассекс и Уэссекс, и созданных англами королевств Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия. В начале VII в. самым сильным из них был Kent, затем гегемония перешла к Нортумбрии. Весь VIII в. доминировала Мерсия. Наиболее могущественный из ее правителей, Оффа (757—796), называл себя «королем англов» и считал себя равным Карлу Великому. С начала IX в. верх взял Уэссекс во главе с Эгбертом (802—839). Его власть постепенно признали все англосаксонские королевства. В Кенте, Сассексе и Эссексе ввиду пресечения местных династий он правил как король; в отношении Мерсии, Восточной Англии и Нортумбрии, а также подчиненного им кельтского Корнуолла Эгберт оставался, по сути, бретвальдой. Поэтому, хотя его потомки правили Британией до середины XI в., до подлинного объединения страны было еще далеко: каждое государство сохраняло свои законы, а некоторые — и свою династию, нередко были и мятежи, и отказы признать нового верховного правителя.

Христианизация Британии. Начало христианизации страны относится к III—IV вв., и к концу римского периода значительная часть британцев уже исповедовала христианство, правда, зачастую в тех его формах, которые официальной церковью расценивались как еретические, например в форме пелагианства. Христианизация затронула по преимуществу города, места расположения войск (например, вдоль Адрианова вала), вообще наиболее развитые районы и наиболее романизированные слои населения. Показательно, что обращение Уэльса и Корнуолла относится по большей части уже к VI—VII вв. Вторгшиеся на остров германцы были, однако, несомненно язычниками. Их отношения с бриттами были настолько враждебными, что последние не пытались проповедовать им Евангелие. Во второй половине VI в. ирландские миссионеры во главе со св. Колумбой приступили к христианизации племен, населявших Шотландию, однако англосаксонские королевства в это время оставались в стороне от этого движения.

В 597 г. папа Григорий I направил в Британию миссию во главе с бенедиктинским монахом Августином. Он сумел обратить в христианство кентского короля Этельберта, уже женатого на франкской принцессе-христианке. Тот даровал Августину землю для возведения храмов. Центром нового архиепископства стал Кентербери. Вскоре после этого приняли католичество зависимые от Этельберта короли Эссекса и Восточной Англии, несколько позднее — Сассекса, Уэссекса и Нортумбрии. Вслед за ними крестились и их подданные. Обращение в христианство правителей Мерсии относится к середине VII в. Положение церкви поначалу было непрочным: случались и рецидивы язычества, и гонения на христиан. В северной и средней Британии с католицизмом некоторое время соперничала кельтская церковь, но постепенно католики взяли верх. Было основано второе архиепископство с центром в Йорке и ряд новых епископств. В 664 г. в нортумбрийском монастыре Уитби состоялся собор британского духовенства, на котором большинство приняло римский церковный календарь, а вместе с ним и католическую версию христианства. Это решение имело важные последствия для судеб Британии, так как способствовало ее сближению с христианскими странами континентальной Европы.

Христианизация Британии, как и других германских стран, долгое время оставалась поверхностной: сохранялись стойкие пережитки язычества, образ жизни новых христиан имел мало общего с евангельскими заповедями. Однако католическая церковь быстро заняла в обществе высокое положение. Щедрые пожалования со стороны королей и знати в пользу соборов и монастырей

сопровождались законодательными гарантиями особого статуса духовенства (повышенный вергельд, более мягкие наказания, возможность очиститься от обвинения клятвой) и его активным подключением к государственному управлению. Со своей стороны церковь содействовала укреплению королевской власти, помогая переосмыслить ее социальную роль, как и социальный порядок в целом, с позиций религиозной культуры, сложившейся в гораздо более развитом обществе. Сильной стороной английской церкви, во многом объясняющей успех ее миссии, было богослужение на народном языке. К концу раннего Средневековья Англия стала страной, прочно интегрированной в церковную инфраструктуру Западной Европы и давшей незаурядные образцы религиозной литературы на латинском и английском языках. Англосаксонские проповедники VII—VIII вв. сыграли выдающуюся роль в христианизации саксов, фризов и других германских народов. Чуть позже английские богословы и ученые (в том числе Алкуин), прибывшие ко двору Карла Великого, оказали заметное влияние на развитие континентальной европейской культуры.

Объединению Англии способствовала внешняя угроза, исходившая от норманнов, в первую очередь датчан. Они появились у берегов Англии в 787 г. В течение нескольких десятилетий датчане ограничивались разбойными нападениями, но с середины IX в. приступили к колонизации и захвату страны. В 865 г. они напали на Кент и вынудили заплатить им дань — так называемые «датские деньги», в следующем году заняли Йорк, ставший их столицей, а вскоре и Восточную Англию. Ее король Эдмунд принял мученическую смерть, за что был провозглашен святым. Вслед за этим датчане вторглись в Мерсию; последний мерсийский король бежал из страны и закончил свои дни в Риме. Настал черед Уэссекса, на который норманны нападали и с суши, и с моря, так что войной была охвачена практически вся страна.

Перелом наступил при короле Уэссекса Альфреде (871—899). Его правление началось в необычайно неблагоприятных условиях, когда после ряда поражений судьба королевства висела на волоске. Проявив нестигаемую волю и личную храбрость, Альфред вышел из почти безнадежной ситуации и в 878 г. наголову разбил датчан в битве у Эдингтона. Вслед за этим он заключил с их предводителем Гутрумом (принявшим христианство) мир, по которому Англия была поделена примерно по линии Честер — Лондон. Северные и восточные районы отошли к датчанам и стали называться Данелаг, иначе Дэнло (Danelaw) — областью действия датского права. Юг и запад страны остались за Альфредом, который, таким образом, контролировал помимо Уэссекса и Кента также добрую половину Мерсии.

Он также прибегал к сбору «датских денег», но не для выплаты дани, а для строительства пограничных крепостей, создания сильного флота и реорганизации армии. Основу англосаксонского войска, как и прежде, составляло пешее ополчение (*фирд*), но наряду с ним теперь действовало тяжеловооруженное конное войско, состоявшее из мелкопоместных землевладельцев. Было решено призывать на службу одновременно лишь половину ополченцев, другая же оставалась защищать свои дома и возделывать поля, обеспечивая стране пропитание. Параллельно с реформой армии была проведена реформа государственного аппарата, позволившая улучшить сбор налогов и местное управление. Обобщив древние законы англосаксонских государств, Альфред издал свой судебник, ставший первым общеанглийским сводом законов. В нем уже различим раннефеодальный характер английского общества и государства.

Альфред был самым выдающимся из англосаксонских правителей. В историю он вошел не только как отважный воин и успешный реформатор, но и как один из самых образованных людей своего времени. При нем началось ведение «Англосаксонской хроники». Он лично перевел на английский язык некоторые сочинения Августина, Орозия, Боэция, Григория Великого и Беды Достопочтенного, сопроводив их своими комментариями и новыми сведениями по географии и истории. Подобно Карлу Великому, он покровительствовал книжникам, поощрял работу скрипториев и строительство.

К концу правления Альфред стал именовать себя «королем англосаксов», но официально этот титул принял только его сын Эдуард. При нем возобновилась борьба с норманнами, причем теперь инициатива принадлежала англичанам. Шаг за шагом они отвоевали большинство городов в центральной части страны, при этом многие датчане признали власть английского короля. Задача облегчалась тем, что Дэнло не составляла единого государства, а приток новых воинов-поселенцев из Дании временно иссяк. Следует также отметить дальновидную политику Альфреда и его преемников, гарантировавших датчанам равные права с англосаксами, а также быструю христианизацию датчан, способствовавшую слиянию двух народов. Последнее обстоятельство сыграло важную роль, когда в 20-е годы X в. северные районы Англии оказались под ударом норвежцев, еще остававшихся язычниками. Опираясь на свои базы в Ирландии и на Шетландских островах, норвежцы взяли верх над датчанами и создали собственное королевство в Йорке. В этой ситуации многие датчане предпочли подчинение христианским королям англосаксов. В битве при Брунанбурге

(937) король Этельстан разбил норвежцев и выступивших на их стороне шотландцев. Ожесточенная борьба с норвежцами закончилась их полным поражением и уничтожением Йоркского королевства (954); к этому времени завершилось подчинение и датских областей.

Победа над норманнами обеспечила окончательное объединение страны. До этого времени каждый новый король англосаксов, вступая на престол, должен был заручиться признанием в каждом из бывших королевств, и это далеко не всегда происходило гладко. Со второй половины X в. положение меняется. В 973 г. правнук Альфреда Эдгар (959—975) был торжественно коронован как король всей Англии. Его правление осталось в памяти потомков «золотым веком», свободным от войн и смут. При Эдгаре произошла новая кодификация законов; одновременно по инициативе кентерберийского архиепископа Дунстана началась монастырская реформа, проводимая по клунийскому образцу. Это было также время расцвета английской культуры, в частности богатой литературы на народном языке.

Социально-экономический строй. Переселение в Британию ускорило общественное развитие англосаксов. К началу VII в. у них произошло разложение родоплеменного строя — намного раньше, чем у континентальных саксов. Усиливается социальное неравенство, возникают элементы государственности, складывается система ценностей, характерная для классового общества. Однако на протяжении всего раннего Средневековья в Британии сохраняется много пережитков родоплеменного общества, что во многом определило специфику ее социального и политического строя.

Англия была богатой и достаточно развитой страной. Плодородные почвы и мягкий климат позволяли выращивать практически все злаки (преобладал ячмень), собирая по два полноценных урожая в год, и без ущерба для собственного населения вывозить часть зерна за границу. В то же время в стране были благоприятные условия для скотоводства, и прежде всего овцеводства; английскую шерсть отличало высокое качество, английские сукна ценились на континенте уже в VIII в. Другой важнейшей статьёй экспорта издревле было редкое в Западной Европе олово, которое добывали в Корнуолле и в центре страны, в Дербишире. Англия обеспечивала себя железом, медью и серебром, а также солью — важнейшей приправой, консервантом продуктов и незаменимым средством для выделки кож. Нет ясности в том, насколько англосаксы смогли воспользоваться сельскохозяйственным и ремесленным опытом бриттов и римлян (враждебные отношения и склон-

ность англосаксов селиться отдельно от них этому не способствовали), однако ко времени норманнских вторжений уровень их агротехники, сельских промыслов и ремесел был довольно высок. Англия ввозила в основном предметы роскоши, к числу которых относились оливковое масло и вино, использовавшиеся в литургии; основные потребности удовлетворялись продуктами местного производства, в большинстве своем незамысловатыми, но надежными. Источники позволяют говорить о процветающей экономике, основу которой, наряду с благоприятными природными условиями, составлял труд свободных в массе своей людей. Экономика Англии этого времени была почти исключительно аграрной, но городская жизнь никогда полностью не прекращалась. Начиная с IX в. число городов растет за счет новых торгово-ремесленных центров, не существовавших в римскую эпоху, таких, как Дарэм, Норидж, Ноттингем, Питерборо, Саутгемптон, Ярмут. О развитости рыночных связей говорит и активная чеканка серебряной монеты, налаженная еще при короле Оффе. «Датские деньги» также платились по преимуществу серебром; это подтверждается многочисленными кладами, обнаруженными в Скандинавии.

В VII—VIII вв. малая семья уже ведет самостоятельное хозяйство, но сохраняет тесные связи с родовым коллективом. Это проявляется в конфликтных ситуациях (кровная месть, уплата вергельда), совместном участии в походах, а также в особой системе поземельных отношений. Земля в это время еще не является объектом частной собственности, обладание ею опосредовано принадлежностью к большому родственному коллективу и территориальной общине. Позднее такая земля называлась *фольклендом* — «народной землей». В пределах общины каждая семья имела право на такое количество пахотной земли, которое можно было вспахать упряжкой из восьми волов (что составляло от 80 до 120 акров), и право на пользование общими угодьями. Такой надел (*гайда*) передавался только по мужской линии, его нельзя было продать без разрешения рода, что сдерживало разложение общины и подчинение одних ее членов другим. Большинство домохозяйств были достаточно зажиточны. В это время сельскохозяйственная деятельность еще не стала единственным занятием общинников, они участвовали в народном собрании и ополчении, в поддержании дорог, мостов и укреплений.

Основу общества до самого конца англосаксонского периода составляли свободные крестьяне — *кэрлы*. Родовая знать — *эрлы* — возвышалась, но не господствовала над ними и тем более не эксплуатировала их. И те и другие принадлежали к слою свободных полноправных людей. Наряду с ними существовали приниженные

группы населения: *лэты* (ср. франкское *литы*) и *уили* — букв. «чужаки»; так англосаксы называли потомков поработенных бриттов (ср. топоним «Уэльс»). В VII, отчасти и в VIII в. социальные градации были еще не очень четкими. Однако, как и у континентальных германцев, социальные группы различались по правовому статусу, прежде всего размерами вергельда. Для эрлов он составлял 300 шиллингов, для кэрлов — 100, для остальных — от 40 до 80 шиллингов. Достаточно многочисленные рабы стояли вне гражданского общества и не имели права на вергельд.

Служилая знать еще только зарождалась. Источники упоминают королевских министриалов: *гезитов* (*gesith* — «товарищ») и *тэнов* (*thēn* — «слуга»). Первые были дружинниками в собственном смысле слова, вторые — представителями короля на местах. Они имели долю в полагавшихся королю платежах, а с IX в. нередко получали соответствующую территорию в управление, поэтому тэнов следует считать земельной знатью средней руки, получившей пожалования на условиях несения службы. Эрлы постепенно также вошли в служилую знать, составляя ее верхушку. В дальнейшем, по мере вымирания старых аристократических родов, слово «эрл» превратилось в титул, сопоставимый с франкским «граф», который короли даровали вместе с публичными функциями в той или иной части страны.

Процесс феодализации в Англии совершался в целом так же, как в большинстве стран Северной и Восточной Европы, а именно посредством королевских пожалований министриалам и церковным учреждениям. Объектом пожалований первоначально служила не земля как таковая, а право взимать с определенной территории поборы публичного характера и осуществлять на ней судебные и административные функции. Начиная с IX в. такие пожалования все чаще оформляются грамотами; переданная в «кормление» земля называлась *бокленд* (от англосакс. *boc* — «грамота» и *land* — «земля»). Со временем доходы с такой земли стали отождествляться с земельной рентой, поэтому в перспективе эти пожалования привели к складыванию феодального землевладения и вовлечению живших на этой земле свободных людей в сеньориальную зависимость. На этой основе к концу X в. появляются и крупные поместья, сочетавшие барщину с оброком, который в целом преобладал. Получатель бокленда назывался *глафордом* (от англосакс. *hlāfweard* — «хранитель хлеба», в смысле «окормляющий»). В дальнейшем это слово стало звучать как *lord* и означать «господин», или «сеньор». Различаясь как размерами владений, так и личным статусом, глафордывливаются в местную знать, обретая вассалов из числа мелкопоместных землевладельцев, а это признак системы соподчиненных ленов и феодальной иерар-

хии. Но в этом отношении Англия заметно отставала от Франции и Германии.

Расслоение общины играло менее важную роль в складывании феодальных отношений. Разорение свободных крестьян и их закабаление другими частными собственниками происходило и в Англии, но не приняло таких масштабов, как во Франкском государстве. Большинство населения до середины XI в. составляли кэрлы. Даже в крупных поместьях были заняты не столько они, сколько рабы и полусвободные потомки покоренных бриттов. Сохранение широкого слоя свободного крестьянства и прямая зависимость лордов от короны были отличительными чертами английского феодализма и этого, и более позднего времени, определяя многие особенности общественно-политического развития Англии.

Государственный строй. Как и у всех древних германцев, англосаксонский конунг был прежде всего военным предводителем. Королевский титул был прерогативой определенного рода, но не переходил от отца к сыну, а доставался тому члену рода, который в данный момент считался лучшим кандидатом на престол; претендент должен был подтвердить свое происхождение от любого из прежних королей хотя бы в седьмом поколении. Король избирался сначала народным собранием, позднее — советом знати. О наследственности королевской власти можно говорить лишь с начала IX в., и то с оговорками.

Конунг был носителем сакральных черт: он вел свой род от богов; считалось, что он обладает магической силой, обеспечивающей благоденствие племени. Военные поражения, другие неудачи указывали на утрату этой магической силы; в этом случае он мог быть смещен. Сакральный характер личности короля не имел ничего общего с христианской доктриной божественного происхождения королевской власти; не случайно гражданская власть конунга была достаточно ограниченной. Он не имел права устанавливать налоги и мог рассчитывать только на добровольные подношения. Теоретически он не был вправе издавать законы, а мог лишь оберегать старые обычаи и обеспечивать их применение, хотя на деле, с помощью поправок и истолкований, он мог существенно обновлять законодательство. Показательна и возможность искупить убийство короля штрафом, пусть и исключительно высоким. Однако к IX в. положение меняется. В нормальной ситуации совет знати уже не избирает короля, а, скорее, свидетельствует вступление его на престол. Заметно расширяются его права в области законодательства и введения новых податей и штрафов, а также распорядительная власть. Проступки против

короля теперь караются как преступления против величества и измена. Жители страны начинают рассматриваться как подданные короля, а сам он — как суверен. С VIII в. королевская власть все чаще осмыслиется как власть милостью Божией. С этого же времени зафиксирована практика помазания короля; в этом англосаксы опередили франков. Королевская администрация складывалась медленно, первые внятные сведения об организации двора и дворцовых служб относятся ко второй половине IX в. Долгое время королевский двор переезжал из одного города или поместья в другие и обеспечивался по преимуществу из частных доходов короля. Основные ведомства, в том числе финансовое, выросли из служб королевской вотчинной администрации.

Власть короля была в известной мере уравновешена *уитанагемотом* («советом мудрых») — общекоролевским советом знати, собиравшимся 2—4 раза в год. Состав его не был постоянным и зависел в первую очередь от воли короля. До IX в. он состоял примерно из 30 человек, причем поначалу до половины приходилось на долю иерархов церкви. В X в. в совет входило до 100 человек; среди них было немало тэнов, обязанных королю своим положением и богатством. Обеспечивая решениям короля гласность, уитанагемот рассматривал вопросы внешней и внутренней политики, оформлял законы и пожалования в бокленд, назначал на церковные должности. Кроме того, это был высший суд в государстве. Начиная с Альфреда, короли все чаще действуют без оглядки на уитанов, которые отныне являются, скорее, свидетелями королевской воли. Однако при слабых правителях или в отсутствие очевидного преемника «совет мудрых» приобретал реальный вес и мог даже избрать короля.

Основу территориальной организации англосаксонской Британии на протяжении всего раннего Средневековья составляли сотни, заданные еще родоплеменной организацией. Главным органом самоуправления сотни было народное собрание — *фольксмот*, эволюционировавший от органа народной демократии к органу, подконтрольному королевской власти. Со второй половины IX в. в условиях начавшегося объединения страны появляются более крупные административные единицы — *шайры*. Они оказались очень устойчивыми и в большинстве своем сохранились до наших дней; в русском языке их принято называть графствами. Древнеанглийское слово *scir* первоначально означало «должность», что служит доказательством того, что деление страны на шайры было инициативой королевской власти. В их пределах также происходили собрания, состоявшие, в отличие от сотенных, из местной знати.

Шайрами управляли *элдормены* («старейшины») — представители родовой знати, постепенно превратившиеся в королевских чиновников. Иногда они стояли во главе более крупной территории, сопоставимой с древними королевствами англосаксов. Элдормены были предводителями вооруженных сил графства, обладали полицейской властью, председательствовали в собрании шайра. Ниже рангом стояли *герефы* (происхождение слова неясно) — королевские служащие, ведавшие в пределах вверенной им территории самыми разными вопросами. Они собирали налоги, осуществляли надзор за правосудием, выполняли полицейские функции, в частности организовывали поимку преступников и поиски украденного. Герефы городов, помимо выполнения судебных и полицейских функций, оформляли торговые сделки, наблюдали за торгово-ремесленной деятельностью и чеканкой монеты. Герефы шайров (*scir-gerēfa*, превратившееся со временем в *sheriff* — «шериф») представляли короля в сотенных собраниях и надзирали за ними. Начиная с IX в. полномочия герефы расширяются: он назначает срок слушания судебных дел и контролирует иски как по правонарушениям, так и по поземельным спорам.

Англосаксонские короли не были, конечно, верховными собственниками всей земли в государстве. Их полномочия носили публично-правовой характер и выражались во взимании дани, превратившейся со временем в налоги, судебных штрафов и торговых пошлин, в осуществлении военной и полицейской власти. При этом уже к VIII в. они располагали многочисленными поместьями, принадлежавшими им на праве частной собственности. Начиная с VII в. короли стали собирать регулярные налоги, торговые пошлины, присваивать себе все большую долю в штрафах. Они были вправе освободить те или иные епископства и монастыри, как и отдельных мирян, от уплаты пошлин и иных поборов и, напротив, пожаловать кому-то долю таких поборов в «кормление». Земля, с которой частному лицу причитались такие доходы, была своего рода иммунитетной территорией; она называлась *сока*, а населявшие ее люди — *сокменами*. Эта практика содействовала феодализации страны, однако этот процесс был далек от завершения даже к середине XI в.

Конец англосаксонского государства. Вскоре после смерти Эдгара Англия вступила в полосу затяжного кризиса. В 980 г. возобновились набеги датчан. Король Этельред II Нерешительный (978—1016) не сумел организовать сопротивление, предпочитая откупаться от врагов все более крупными суммами, ложившимися тяжелым бременем на жителей страны. При этом в нарушение старого порядка сбор «датских денег» был поручен не чиновникам,

а представителям местной знати, что вызвало злоупотребления и сказалось на авторитете королевской власти. Уступки датчанам перемежались опрометчивыми распоряжениями истребить их поголовно. Созданный Этельредом флот вышел из повиновения, многие капитаны занялись пиратством. В поисках союзников король женился вторым браком на сестре нормандского герцога Ришара II. Это способствовало проникновению нормандцев и вообще французов в элиту Англии, что вызывало недовольство английской знати.

Как и за полтора века до этого, датчане вскоре перешли от набегов к захвату территорий. Датский король Свен Виллобородый был в конце концов признан в Дэнло. Когда в 1013 г. датчанам сдался Лондон, Этельред бежал в Нормандию. Уитанагемот провозгласил Свена королем Англии, но тот умер до коронации. Этельред смог вернуться, лишь подписав условия уитанов (этот документ считается первым договором английского монарха со своими подданными). Ему наследовал сын Эдмунд Железнобокий (1016). Несмотря на личную доблесть, он проиграл датчанам кровавую битву при Ассандуне, после чего заключил с сыном Свена Кнутом мир на условиях раздела Англии. Но месяц спустя Эдмунд неожиданно умер, и Кнут стал королем всей Англии (1016—1035). С 1018 г. он был также королем Дании, а с 1028 г. — и Норвегии.

Поражение англичан связано, по-видимому, с незавершенностью объединения страны. В социальном и даже этническом отношении между разными областями Англии существовали большие различия. На севере и северо-востоке отчасти как следствие более медленного развития, отчасти в результате миграции датчан и норвежцев все еще преобладало свободное крестьянство; на юге уже появились крупные поместья. Политическое единство Англии также было относительным. Не только Дэнло, но и другие части страны сохраняли свои обычаи. Территории бывших королевств обладали известной автономией, ревностно оберегаемой местной знатью. Жители неохотно шли на войну, если она не касалась их малой родины, и подчинялись королю скорее в силу выбора и согласия, чем по приказу. Нередки были и мятежи против назначенных королем наместников. Все это в полной мере обнаружилось во время вторжения датчан, когда некоторые эрлы и возглавляемые ими отряды ополченцев изменяли королю даже на поле боя.

Стремясь упрочить свое положение, Кнут женился на вдове Этельреда. Раздав немало земель датчанам и опираясь в первую очередь на скандинавскую дружину, он все же посчитал нужным

отправить основные силы датчан на родину и всячески подчеркивал, что он не завоеватель, а король англичан. Он считался с правами и традициями английской знати, щедро одаривал церковь, наделял ее иммунитетными правами. Одновременно Кнут принял некоторые меры к улучшению положения мелких землевладельцев. Изданный им судебник сохранил в целом старые законы англосаксов.

После смерти Кнута созданная им держава распалась. На английском престоле его сменили последовательно два сына: Гарольд и Хартаканут, который был также королем Дании. Умирая, он передал корону Англии своему сводному брату, младшему сыну Этельреда Эдуарду (1042—1066), прозванному за набожность Исповедником и впоследствии канонизированному. При нем продолжилось проникновение норманнцев в Англию. Их засылке в высших органах власти вызвало в 1051 г. мятеж англосаксонской знати во главе с эрлом Уэссекса Годвином, на чьей дочери был женат король. Эдуард подавил мятеж и выслал Годвина и его сыновей из страны, но уже в следующем году они вернули свое положение с оружием в руках, вынудили короля удалить большинство французских советников и фактически отстранили его от власти.

Умирая бездетным, Эдуард, вероятно, видел своим преемником последнего представителя старой династии — несовершеннолетнего внука Эдмунда Железнобокого Эдгара. Однако уитанагемот отдал корону младшему сыну Годвина и шурину покойного короля эрлу Уэссекса Гарольду, который был самым могущественным человеком в Англии, к тому же хорошим полководцем, снискавшим известность победой над валлийцами (1063). Но появился еще один претендент на престол — нормандский герцог Вильгельм, приходившийся Эдуарду двоюродным братом. В его венах не было ни капли английской крови, к тому же он был незаконнорожденным и никакими правами на корону Англии не обладал. Однако он ссылался на устную волю Эдуарда и на клятву, данную ему Гарольдом (попавшим к нему однажды в плен в результате кораблекрушения и таким образом выкупившим свою свободу), содействовать его избранию королем. Вильгельма поддержала французская знать и папа Александр II, недовольный церковной политикой Годвина и Гарольда. Вильгельм стал собирать войска. Положение Гарольда осложнилось тем, что одновременно в Северную Англию вторгся норвежский король Харальд III Хардрада. Так Англия вступила в 1066 г., оказавшийся поворотным моментом в ее истории.

§ 6. Кельтский мир в раннее Средневековье

Понятие «кельты» является научной абстракцией, возникшей в XIX в. для обозначения одной из групп индоевропейской семьи языков. Древние греки именовали кельтами некоторые племена, жившие в Северо-Западном Средиземноморье, а позднее вторгшиеся на Балканы; римляне предпочитали называть их галлами. Ни те, ни другие не применяли эти этнонимы к жителям Британских островов, хотя и отмечали иногда культурное сходство бриттов и галлов. Когда же мы говорим о кельтском мире Средневековья, речь идет прежде всего о Британских островах.

Родиной кельтов была территория к северу и западу от Альп, от Атлантического побережья Франции до Австрии и Чехии. Отсюда они расселились, с одной стороны, на Британские острова, в Испанию и Северную Италию, с другой — на средний Дунай, Балканы и даже в Малую Азию, в центре которой возникла кельтская область Галатия. В период наибольшего могущества в IV—III вв. до н.э. кельты представляли серьезную угрозу для средиземноморских народов; в числе их жертв были Рим и Дельфы. В дальнейшем они перешли к обороне: с юга их теснили римляне, с севера — германцы. К концу I в. н.э. независимость сохранили лишь кельты Ирландии и Шотландии. Кельтский язык и кельтская культура продолжали существовать под сенью Римской империи (в Галлии — вплоть до V в.) и оказали некоторое влияние на раннесредневековые институты, но в конце концов практически все континентальные кельты были ассимилированы.

Начало кельтского освоения Британских островов относится к середине I тысячелетия до н.э. Не исключено, что в Ирландию кельты прибыли, минуя Британию, предположительно из Аквитании. Британия же заселялась выходцами из Северной Галлии. Переселения этой волны продолжались вплоть до I в. н.э. Ирландские кельты отличались от британских как по уровню культуры, так и по языку. К началу Средневековья они с трудом понимали друг друга, чему способствовало отсутствие в древнеирландском звука «п». Так, бритты, увлекавшиеся татуировкой, называли себя *Prydyn* — «узорчатые», «разукрашенные»; ирландцы произносили это слово как *Cruithin*.

Отступая от римлян, часть бриттов переселилась в Ирландию, другие обосновались на юге современной Шотландии, а тогдашней Каледонии. Прежних ее обитателей, отошедших на север, римляне обычно называли *пиктами*, что, видимо, является калькой с бриттского (лат. *picti* означает «разрисованные»). Пикты сохранили независимость от римлян, хотя и не остались в стороне

от их влияния. Они не раз прорывались за Адрианов вал и в середине IV в. доходили до Лондона. Эти рейды побудили брошенных на произвол судьбы бриттов искать защиты у германских наемников. Примерно в это же время западные районы Британии стали объектом нападений ирландцев. Бритты называли их *гойделами* («дикими»); со временем это обозначение стало самоназванием ирландцев. Некоторые из них в V в. переселились на запад Каледонии; в источниках они фигурируют как *скотты*. Так в этих краях называли морских разбойников; сначала это слово применялось к ирландцам, позднее англосаксы распространили его на жителей северной Британии, а затем за ними и закрепили. Шотландских гойделов принято называть *гэлами*. Другие ирландские племена обосновались в Уэльсе, что, наряду со вторжениями германцев, вызвало бегство части бриттов в Северо-Западную Галлию — Арморику, которая со временем стала называться Бретанью. Часть беженцев достигла северо-запада Испании, где кельтские общины сохранялись до IX в.

К началу Средневековья на Британских островах сосуществовали очень разные по языку, культуре и социальному развитию племена. Вторжения германцев, которые (как и римское владычество) не затронули Ирландию, развели их еще больше. Но при всех различиях кельтские народы объединяет известное сходство культуры, социальной организации и во многом общей исторической судьбы.

Общим для средневековых кельтов было их географическое положение на западной окраине Европы и связанная с этим замкнутость, приведшая к тому, что очень долго они (особенно ирландцы) развивались, почти не испытывая влияния других культур. Общим является и природная среда их обитания: это по большей части гористые местности, удобные для скотоводства и зачастую непригодные для земледелия. Сочетание этих факторов способствовало консервации родоплеменного строя. При этом если до V в. кельты опережали германцев в социальном и экономическом развитии, то в дальнейшем они уступали и франкам, и англосаксам, а затем и скандинавам. Единственное, в чем они их обогнали, была очень ранняя христианизация (V—VI вв.). Одним из ее последствий стало распространение латинской письменности, послужившей основой для богатой литературы, в том числе юридической. Это обстоятельство позволяет заглянуть далеко в прошлое кельтов — дальше, чем это возможно в отношении большинства других европейских народов.

История была на редкость неблагоприятна к кельтам. Ни одно из их государств не дожило до Нового времени, все они были завоеваны и уничтожены иноземцами — англосаксами, норманнами,

французами. Гибель кельтских государств сопровождалась уничтожением памятников их письменной культуры и вытеснением их языка на периферию общественной жизни и в самые отдаленные и наименее развитые районы. Тем не менее кельты оставили богатое наследие, оказавшее большое влияние на общеевропейскую культуру.

Общественный строй древних кельтов долгое время осмыслился в рамках так называемой клановой теории, возникшей в XIX в. в результате перенесения на раннесредневековые общества признаков, характерных для гэльского общества начала Нового времени. Гэльское слово *клан* (*clann*) восходит к латинскому *planta* — «саженцы», в переносном значении «дети». В Средние века оно обозначало род как гэльского, так и норвежского и англо-нормандского корня. Члены клана носили одно родовое имя, считались равными, безотносительно имущественного положения, и были обязаны вождю не повинностями, а воинской службой. К XIII в. главы родов получили высшие придворные титулы и при поддержке короны стали претендовать на нечто большее, чем роль старейшины, узурпируя принадлежавшие всему клану полномочия и постепенно превращаясь в феодальных господ. Это послужило основанием для истолкования клана как первичной ячейки древнекельтского общества и коллективного земельного собственника, что не подтверждается источниками.

Современная наука считает, что клановая система сложилась не ранее XIII—XIV вв. в условиях уже феодального общества и что основной единицей древнекельтского общества был не род, а большая семья из четырех поколений. Она проживала в укрепленной и, как правило, обособленно стоящей усадьбе, вмещавшей до полусотни человек. К началу Средневековья большая семья (ирландцы называли ее *фине*) уже не вела совместное хозяйство, но оставалась коллективным собственником лежащих вокруг усадьбы земель. Это не исключало наделения членов семьи имуществом, в том числе недвижимым, как и их сделок с представителями других семей. Однако семья имела право воспрепятствовать заключению сделок, если они затрагивали интересы других членов родственного коллектива. Счет родства велся до девятого поколения; соответствующая группа (*кенел* — ср. лат. *gens*) играла немаловажную роль в жизни человека. И все же социальная организация кельтов в раннее Средневековье имела не столько родовой, сколько территориальный облик. Ирландский *туам* (ср. древнегерм. *thiuda* — «народ») и валлийский *гулад* (ср. русское «владеть») не были племенем в привычном смысле слова: родовые связи в пределах такой общности были слабы и ей, безусловно, не принадлежало право коллективной собственности на землю.

В Ирландии имелось до 150 туатов с населением не менее 3 тыс. жителей. В каждом был свой правитель — *ри* (ср. лат. *rex*), которого мы по традиции называем королем, свой жрец — *друид* (позднее его заменил епископ), свой сказитель и хранитель памяти о прошлом — *филид*, свой знаток обычаев и судья — *брегон*. Все это делало туат устойчивым и почти самодостаточным образованием. Сплоченность более крупных территориальных единиц, например пяти основных областей Ирландии (пятин), была намного слабее. Во главе каждой стоял король, однако ему подчинялись короли туатов, но не их племена. Власть верховного правителя Ирландии (*ардри*) если и не была номинальной, то зависела от ресурсов его малой родины.

В других кельтских странах развитие пошло несколько иным путем. Валлийцы не знали королевской власти как таковой; гуады, во главе которых стояли князья, не составляли более крупных территориальных образований, сохраняя обособленность. В Шотландии, отличавшейся пестрым этническим составом, управление на местах находилось в руках родовых старейшин, понемногу превращавшихся в князей; сначала их называли на пиктский лад *мормер*, позднее, как и в Англии, — *эрл*. Они нередко поднимали мятежи. Тем не менее к концу раннего Средневековья в Шотландии сложилась достаточно сильная королевская власть, имевшая ярко выраженный надэтнический характер; это обстоятельство во многом и обеспечило сохранение страной независимости.

Не будучи наследственной, власть *ри* считалась достоянием одного рода. В отличие от германцев, избиравших конунга из наиболее видных членов рода, кельты полагали, что преемник (*танайше риг* — «второй после короля») предопределен, и признавали таковым одного из родичей короля еще при его жизни. Зачастую он принадлежал к другой ветви рода; у ирландцев и шотландцев постепенно сложилась традиция чередования на престоле представителей разных ветвей, находившихся во все более дальнем родстве. Позволяя избежать раздоров, эта система сдерживала центробежные процессы, но она же мешала укреплению королевской власти.

Власть кельтского короля эволюционировала от сакральной к военной. Прежде считалось, что праведность и само физическое совершенство *ри* обеспечивают благоденствие его народа, тогда как отступление от истинного пути (или увечье как одно из последствий такого отступления) влечет за собой природные катаклизмы, неурожай, болезни, распри и военные неудачи. Эти представления не были полностью изжиты и в христианскую эпоху; случалось, что король являлся также и епископом. И все же кельтские короли этого времени были преимущественно воен-

ными предводителями. Они не издавали законов, не вводили налогов и могли рассчитывать лишь на освященные обычаем дары и гостеприимство, которым пользовались, объезжая территорию туата. Подданные обязаны были идти с королем на войну, оказывать ему знаки уважения, но все это не выходило за рамки родоплеменных отношений. Королевская власть была ограничена обычаями, хранителями которых выступали друиды, брегоны и филиды, а также народным собранием, правомочным даже сместить правителя. В отличие от германского тинга и славянского веча, ирландский *оэнах* («единение») был сходом всех членов племени, притом не только собранием, но также торгом, празднеством и сакральным действием, неучастие в котором грозило всякими бедами. Единое для всего туата родовое имя — как правило, дальнего предка, — образованное при помощи слов *тас* (сын) или *иа* (внук), появилось уже в классическое Средневековье. Ранее оно было прерогативой королевской семьи, но остальные члены считались «детьми сыновей» прародителя этой семьи.

Социальная структура туата определялась делением, во-первых, на соплеменников и чужаков, статус которых оставался ущербным на протяжении нескольких поколений, во-вторых, на свободных и рабов, состоявших в основном из пленников-иностранцев и не сумевших выкупить свою жизнь преступников. Чужаки были почти так же бесправны, как и рабы; это касалось даже членов соседних туатов. Все остальные были правоспособными. Однако кельтам было чуждо представление о равенстве граждан перед законом. Среди свободных (*фении*, иначе *айре* — ср. древнеинд. «арии») выделялись *немед* — люди «священного» статуса. Принадлежность к этому слою была обусловлена не только происхождением, но и личными достижениями. К числу *немед* относились короли, другие «люди власти», священнослужители, поэты, а также — на правах младших — «люди ремесла»: юристы, врачи, кузнецы, ювелиры, арфисты — словом, те, кто жил не сельским хозяйством, а особым мастерством, встречавшимся редко и потому воспринимавшимся с особым почтением.

В среде простых *фениев* также существовали градации, обусловленные местом человека в семье, его материальным положением, правовыми отношениями с другими членами туата, личной репутацией. Многое зависело от статуса его родителей, однако ирландцы полагали, что «человек лучше своего рождения», поэтому богатство, мастерство, праведность или доблесть могли улучшить статус человека. И напротив, неблагоприятные поступки, например трусость на поле боя или отказ от взятых на себя имущественных обязательств, влекли за собой ухудшение его статуса и умаление «цены чести». В отличие от германского вергельда это

понятие несводимо к штрафу за убийство. Так, размеры залога, по которому человек выступал поручителем, не должны были превышать его «цену чести». Правовой статус человека предписывал ему вести определенный образ жизни, оказывать гостеприимство тому или иному числу людей и иметь подобающее число клиентов (*келе*), сопровождающих его в публичных выходах. Обладание достаточным имуществом на протяжении нескольких поколений, окружение себя клиентами, выполнение других положенных «священным лицам» действий приносило этот статус и простым фениям. Как гласит один из законов, «то, что добавляется к имуществу человека, добавляется к его чести».

Клиентела не обязательно оборачивалась эксплуатацией, так как в обмен на послушание, разнообразные службы и оговоренные повинности клиент получал от господина скот, зерно, землю, другие блага. Обратной стороной медали было уменьшение «цены чести» и ограничение правоспособности, например права самому заключать сделки. Тем не менее клиент оставался свободным и юридически самостоятельным человеком. Вернув господину пожалованное им добро и выполнив другие обязательства, он мог вновь обрести независимость, и эта возможность сохранялась за его потомками вплоть до девятого поколения. Клиентами становились люди разного, в том числе высокого, статуса; нередко они состояли со своим господином в родстве, поэтому оказаться клиентом было незазорно. Гораздо менее многочисленными были несвободные держатели, из людей, порвавших с родом и тем самым нанеших непоправимый урон своей правоспособности. Их повинности не были фиксированы, уход от господина был для них практически невозможен, они находились почти всецело в его власти и мало отличались от рабов.

Кельтское общество отличали замедленные темпы развития. Несмотря на прогресс, достигнутый к исходу раннего Средневековья, оно сохранило в целом основные черты, присущие ему в конце античности. Стагнация особенно очевидна в Ирландии, испытавшей минимальное воздействие со стороны других культур. Валлийское общество, развитие которого началось с более высокого уровня, заданного многовековым влиянием римского социума, обнаружило несколько большую способность к изменению. К X в. оно уже не знало клиентелы, его структура выглядит более упрощенной и находит больше параллелей в германском мире: знать, свободнорожденные, зависимые, иноземцы, рабы. Тем не менее валлийское общество также определялось господством родовых связей и воспринималось соседями как бедное и отсталое. Здесь не было городов, развитой торговли и устойчивой государственности.

Причины социального консерватизма кельтов следует искать в ограниченности их экономических ресурсов, помноженной на изоляцию от внешнего мира. Главным богатством кельтов был скот, что само по себе ограничивало возможности для накопления и социальной дифференциации. Не менее важным сдерживающим фактором была редкая прочность родоплеменных связей, сдерживавших как разорение членов большой семьи и подчинение более благополучным соседям, так и превращение их в подлинно самостоятельных индивидов. Будучи в основе кастовым, это общество отличалось чрезмерной стратификацией и слабой социальной мобильностью. С другой стороны, устойчивость родоплеменных отношений препятствовала складыванию государственных институтов.

Ирландия. Римляне не пытались подчинить Ирландию и даже не проявляли к ней особого интереса — вероятно, потому, что не видели в ней источника ни военной угрозы, ни подлинно ценных ресурсов. Торговые и культурные контакты между Британией и Ирландией почти не оставили следов в сочинениях античных авторов, имевших об Ирландии (они называли ее Гибернией) смутное представление. Страбон изображал ирландцев дикарями и даже людоедами, что никак не соответствовало действительности. В древней Ирландии были достаточно развиты и сельское хозяйство, и ремесла. К концу античности ирландцы достигли высшей стадии родоплеменного общества и создали яркую самобытную культуру.

Ирландцы вышли на историческую арену Европы на рубеже IV—V вв., когда начались их набеги на побережье Британии. К этой же эпохе относится начало христианизации Ирландии, связанное с именем св. Патрика. Выходец из семьи романизованного бритта, Патрик был в юности захвачен пиратами и несколько лет жил в Ирландии на положении раба-пастуха, затем бежал и с торговым кораблем вернулся домой. Здесь ему было видение, что он должен возвратиться в Ирландию и обратить ее жителей в истинную веру. Согласно церковной традиции, Патрик отправился учиться в Галлию, откуда в 432 г. был послан в Ирландию. Верховный король Лозгайре, видевший в Патрике прежде всего мудреца (а к мудрецам в Ирландии относились с исключительным почтением), разрешил ему проповедовать новую веру, хотя сам принять ее не спешил. Успех его миссии превзошел все ожидания: уже к концу его жизни (461 г.) христианство прочно укоренилось на острове, причем процесс этот протекал мирно: нам не известен ни один ирландский мученик за веру. Этому способствовала дальновидная терпимость Патрика, добивавшегося разрушения языческих капищ и прекращения жертвоприношений,

но не посягавшего на пронизанные язычеством обычаи ирландцев. На протяжении всего раннего Средневековья в порядке вещей были многоженство и браки между близкими родственниками (чему ирландские богословы находили оправдание в Ветхом Завете), сохранялись представления о священных дорогах, деревьях и животных, а также пережитки кровавых инициаций: вступление короля на трон сопровождалось разбойничьими набегами на соседние туаты.

Обращение ирландцев в христианство завершилось к середине VII в. Но еще столетием раньше ирландские миссионеры начали проповедовать Евангелие в Британии. Наибольший успех выпал на долю св. Колумбы, который в 563 г. основал монастырь на о. Иона (Айона) на полуострове Ирландия к Шотландии и, действуя оттуда, приступил к христианизации этой страны. Он крестил короля пиктов и его народ, бриттов же и гэлов, познакомившихся с христианством еще в V в., приобщил к ирландским церковным обычаям. Вскоре после этого ирландские проповедники обратили свои взоры к англосаксам. Около 585 г. другой ирландец, св. Колумбан, прибыл с миссией в Галлию; результатом стало возникновение на континенте целого ряда ирландских монастырей. В VII—VIII вв. Ирландия была одним из главных центров христианской культуры, куда ездили учиться из других стран, в первую очередь из Англии. В дальнейшем ирландские ученые, бежавшие от норманнов в другие страны, сыграли важную роль в развитии общеевропейской культуры.

Ирландская церковь была, несомненно, католической. Но из-за изоляции Ирландии ее церковная организация чем дальше, тем больше отличалась от римской: с VI в. епископы подчинялись аббатам монастырей, а церковный приход фактически совпадал с монастырем. Имелись и литургические различия, прежде всего в исчислении сроков Пасхи (ирландцы использовали астрономическую формулу, от которой в Риме отказались в 463 г.). Кельтского священнослужителя отличала тонзура на лбу, а не на темени, как у римского. Отношения между двумя ветвями церкви обострились в начале VII в., когда кельтские и римские миссионеры столкнулись в Британии. После того как собор в Уитби (664 г.) признал правильность римских церковных обычаев, кельтская церковь оказалась отгорожена от остального христианского мира. И если римский календарь был принят в кельтских странах уже в VIII в., то римская церковная организация отторгалась еще долго: в Шотландии, Уэльсе и Бретани — до X в., в Ирландии — до середины XII в.

На фоне активных религиозных контактов Ирландии с другими странами удивительна ее экономическая и особенно полити-

ческая обособленность. Ирландия поддерживала торговые связи с Уэльсом и Шотландией, в меньшей мере с королевствами англосаксов, но почти не участвовала в их политической жизни. Британцы также не предпринимали попыток обосноваться на Зеленом острове или вовлечь ее правителей в военные союзы. До конца VIII в. Ирландия была предоставлена самой себе.

В это время в Ирландии еще различимы следы трех этнических групп: эрайнов — видимо, древнейших обитателей острова, давших ему имя (Эрин) и живших в основном на юге; круитинов (т.е. пиктов), закрепившихся на северо-востоке; гойделов, занимавших срединные районы. Однако все они уже говорили на одном языке, исконными носителями которого были гойделы. Бесконечные войны между туатами и пятинами в VII в. утрачивают этническую подоплеку. Они велись не столько за земли или дань, сколько за верховенство и славу и редко изменяли политическую карту страны. Деление на пятин, изначально имевшее племенную основу, сохранялось, но во многом утратило политическое содержание, особенно на севере. Центральная и меньшая из пятин, Миде со «столицей» в Таре (важнейшем культовом центре начиная с неолита), в это время не составляла отдельного королевства и была, по сути, сакральной территорией. В VI в. Тара перестала быть королевской резиденцией, но «венчания» верховного правителя со страной происходили по-прежнему здесь, поэтому обладание Тарой давало достоинство ардри. Северное королевство Улад (на скандинавский манер — Ольстер) к V в. распалось; здесь доминировал род Уи Нейлов. С VI по X в. престол Тары считался их прерогативой, хотя время от времени на него претендовали правители других пятин, прежде всего короли южной области Муму (Мунстера), зачастую бывшие одновременно епископами Кашеля. Западное королевство Коннахт и восточное Лаген (Лейнстер) играли в то время меньшую роль, а иногда находились в зависимости от соседей.

Новая страница в истории Ирландии открылась в 795 г., когда у ее берегов появились норманны. Двести с лишним лет они грабили ее монастыри и селения, уводили в рабство ее жителей. Ирландская культура понесла огромный урон. Но норманны оказались также той силой, которая начала выводить страну из изоляции. Именно норманны (в основном норвежцы) основали первые ирландские города, в том числе Дублин, Корк, Лимерик, быстро ставшие важными центрами торговли. Норманны же первыми стали чеканить в Ирландии монету. Ирландцы заимствовали у них немало слов (например, «рынок», «корабль», «огород»), некоторые изобразительные мотивы, но остались безучастными к норманнским правовым обычаям, культурным представлениям

и верованиям. Напротив, с X в. началось обращение норманнов в христианство.

Опираясь на города, норманны совершали набеги на ирландские туаты, Уэльс и Англию. Война шла с переменным успехом. Ирландцы не раз изгоняли норманнов из того или иного города, но закрепиться в них не пытались, а иногда их попросту сжигали. Очевидно, ирландское общество еще не достигло того уровня, когда возникает потребность в городах. В отличие от Англии норманны не смогли подчинить себе сколь-нибудь большие районы Ирландии и ограничились контролем над отдельными портами.

В 1014 г. в битве при Клонтарфе ирландцы во главе с верховным королем Брианом Бору нанесли дублинским норманнам и их родичам с Гебрид и Оркнеев сокрушительное поражение. Однако престарелый ардри был убит в своем шатре почти что на поле боя. Достигнутое перед лицом общего врага единство большинства туатов было утрачено. Норманны продолжали жить в городах, постепенно растворяясь в кельтской среде. Сами же ирландцы, вновь оказавшись заложниками своей замкнутости, вернулись к бесконечным распрям, продолжавшимся до завоевания острова англо-нормандцами в 1171 г.

Темпы развития Ирландии в XI—XII вв. оставались замедленными, но она, несомненно, развивалась. Города наконец перестали быть для нее чужеродным телом. Расширились ее торговые связи. Выросла внутренняя консолидация пятин, произошло некоторое усиление власти ардри, которая сосредоточивается в руках королей Мунстера (потомков Бриана Бору), затем Коннахта и все чаще передается по наследству. Претерпела изменения и церковная организация. В 1152 г. папа санкционировал резкое сокращение числа епископств, ранее имевшихся в каждом туате, и сгруппировал их в четыре архиепископства, чьи границы в целом совпадали с границами исторических областей Ирландии. Появились первые бенедиктинские и цистерцианские монастыри. В итоге ослабла зависимость церкви от светских властей, отношения между аббатами и епископами начали строиться в соответствии с общецерковными канонами. Это время отмечено и новым подъемом культуры: наиболее ранние из дошедших до нас ирландских рукописей, в том числе ценнейшие сборники эпических и мифологических текстов, датируются именно этим временем.

Шотландия. В начале средневековой эпохи на территории Шотландии существовало четыре протогосударственных образования, имевших племенную основу: на севере — королевство пиктов; на северо-западе — королевство скоттов Дал Риада, до середины VII в. включавшее также северо-восточные районы Ирландии; на юго-западе — королевство бриттов Стратклайд, иначе

Кумбрия; юго-восточная область Лотиан составляла часть королевства англов Нортумбрия.

В 843 г. скотты и пикты создали единое королевство во главе с Кеннетом Мак Алпином, скоттом по отцу и пиктом по матери. Поскольку у пиктов власть передавалась по материнской линии, объединение было, видимо, мирным. Столицей стал городок Скон, удаленный от моря и потому лучше защищенный от набегов норвежцев, появившихся у берегов Шотландии в 794 г. В середине XI в. королевская резиденция была перенесена в Перт, но Скон оставался местом коронации до конца шотландской государственности в XVII в. Поначалу королевство называлось Альба (в древности это слово обозначало всю Британию; отсюда ее поэтическое название — Альбион). «Землей скоттов» (*Scotland*) его стали именовать с легкой руки англичан лишь с XI в. Из-за вторжений норвежцев, обосновавшихся на севере и западе страны, территория королевства ограничивалась центральными районами современной Шотландии. Но уже в X в. скотты подчинили Стратклайд, стали вмешиваться в дела норвежских поселенцев, а в 962 г. отвоевали у англов Эдинбург. Главным этносом Шотландии в это время были гэлы. Пиктский язык исчез к X, бриттский — к XIII в. При дворе говорили на гэльском; лишь в XIV в. на первый план вышел *Scotts*, иначе англо-шотландский, сложившийся на основе говоров Нортумбрии. Гэльский язык, впитавший немало бриттских, норвежских и английских слов, сохранил позиции только в горах северо-запада и на Гебридах.

В 1034 г. последний потомок Кеннета Мак Алпина по мужской линии король Малькольм II передал престол сыну своей дочери Дункану, что вызвало недовольство части знати во главе с потомком, тоже по женской линии, другой ветви того же рода Макбетом, взявшим верх. Эти события легли в основу шекспировской трагедии «Макбет»; вопреки Шекспиру, исторический Макбет был неплохим правителем, немало сделавшим для укрепления государства.

История Шотландии во многом определялась ее взаимоотношениями с Англией. Они уходят корнями в VI в., когда англы обосновались в Лотиане. Нортумбрия не раз воевала со своими северными соседями, но без особого успеха. С начала X в. норвежцы стали втягивать Шотландию в свои конфликты с объединившейся Англией. Один из них вылился в поход Эдуарда Старшего, сына Альфреда Великого, в Шотландию, король которой Константин II признал себя в 921 г. его вассалом. Это соглашение служило основой для последующих претензий английской короны.

В 1018 г., воспользовавшись смутой в Англии, Малькольм II захватил Лотиан. Попытки короля Кнута вернуть эту область

не имели успеха, тем не менее английское влияние в Шотландии постепенно росло. В 1058 г. Эдуард Исповедник помог сыну Дункана Малькольму III, долгие годы жившему при английском дворе и присягнувшему ему на верность, занять шотландский трон. После вторжения нормандцев в Англию он приютил претендента на английский трон Эдгара Этелинга, женился на его сестре Маргарите и попытался помочь англосаксам изгнать нормандцев, но потерпел неудачу. В 1072 г. Вильгельм Завоеватель принудил его принести оммаж и отказаться от Кумбрии. После этого, несмотря на многочисленные войны, англо-шотландская граница стабилизировалась. Подчинение земель, где закрепились норвежцы, растянулось на века. Север Шотландии оставался в их руках до начала XIII в., Гебриды — до 1266 г., Оркнейские и Шетландские острова — до 1468 г.

Вассальная зависимость от Англии содействовала знакомству скоттов с феодальными порядками и англо-нормандской культурой. С середины XI в. при дворе появляется все больше англосаксов, а затем и англо-нормандцев; в числе последних были знатные роды Брюсов и Стюартов, впоследствии давшие Шотландии две королевские династии. Меняется этнический, а затем и экономический облик городов, налаживаются торговые связи с Англией и континентальными странами. Малькольм III начал раздавать земельные пожалования своим «верным». На этой основе в дальнейшем сложилось феодальное землевладение, но в данную эпоху возникновение зависимого крестьянства делало самые первые шаги.

Королева Маргарита поощряла изучение латыни и английского языка, содействовала внедрению в Шотландии более развитого придворного церемониала и принятых в католическом мире норм церковной жизни. Она была канонизирована, в том числе за сочувствие григорианской реформе и поддержку новых бенедиктинских монастырей в противовес старым гэльским. Дочь Малькольма III и Маргариты Матильда вышла замуж за сына Вильгельма Завоевателя короля Генриха I, стремившегося таким образом породниться и с прежней правящей династией, и с королевским домом Шотландии. С этого времени Шотландия вошла в семью европейских народов и стала активно участвовать в международной политике.

Уэльс. Запад Британии был освоен римлянами сравнительно слабо. На всем протяжении их владычества здесь сохранялись заметные формы племенной организации. Города здесь не возникли, редки были и виллы, преобладали, как и прежде, хутора. Римское присутствие было прежде всего военным; крупнейший гарнизон находился в Карлеоне («городе легионов»), лежавшем

на юго-востоке, относительно более романизированном. Латынь распространилась в Уэльсе лишь среди элиты; в ходу оставался бриттский, хотя и вобравший из латыни немало слов, в основном относящихся к культуре более высокого, чем у кельтов, уровня: книга, окно, мост, память, парус, ров, свеча и т.д.

После вывода легионов Уэльс довольно быстро вернулся к дедовским порядкам. Парадоксальным образом с конца VI в. он оказался главным оплотом сопротивления германцам и последним бастионом римской культуры и христианства. Впрочем, массовая христианизация Уэльса, как и Корнуолла, произошла лишь в VI—VII вв. благодаря деятельности св. Давида и других кельтских святых.

Победив бриттов под Деорхэмом (577 г.), англы заняли г. Глев (Глостер), отрезав Уэльс от Корнуолла, Девона и других районов юго-западной Британии. В 613 г. они захватили г. Дева (Честер), разъединив также валлийских и шотландских кельтов. С этого времени начинается история Уэльса как такового. Топоним «Уэльс» образован от древнеанглийского слова *weahlas* — «чужаки»; сами валлийцы называли себя *cymry* (кимри) — «соотечественники». В отличие от юго-западной Британии, покорившейся саксам в VIII—IX вв., Уэльс сопротивлялся завоеванию еще несколько столетий. В начальный период гептархии валлийцы активно участвовали в усобицах англосаксов, позднее в основном отражали их нападения. В конце VIII в. мерсийский король Оффа соорудил длинную цепь земляных валов и рвов, отгородившую Уэльс от Англии. Начиная с Эдуарда Старшего все валлийские гулады находились в зависимости от Англии, но во внутренней жизни были предоставлены сами себе.

В 850 г. на Уэльс впервые напали норманны. Исключая побережье, они нигде не пытались обосноваться надолго, предпочитая внезапные рейды в глубь территории, в первую очередь за рабами и металлом. После того как Альфред изгнал датчан из южной Англии, валлийские князья обычно выступали против них, а затем и норвежцев в союзе с Уэссексом, но иногда использовали отряды норманнов в своих усобицах. Ситуация вновь обострилась в конце X в., когда норманны разоряли то одну, то другую часть Уэльса чуть ли не ежегодно. С приходом к власти Кнута, которого признавали и в Уэльсе, натиск датчан ослабел; рейды норвежцев с Оркнейских и Гебридских островов продолжались до конца XI в.

Раннесредневековый Уэльс представлял собой конгломерат не менее 17 небольших княжеств, почти никогда не знавших политического единства. Важнейшими были Гвинед и Поуис на севере, Гламорган на юге, Дивед на юго-западе и Гвент на юго-востоке. Первый опыт объединения Уэльса связан с именем Родри Вели-

кого, правителя Гвинеда, добившегося контроля над северным и центральным Уэльсом. В 856 г. он нанес поражение норманнам и отвоевал у них остров Мона (на скандинавский лад — Англси) — важный культовый центр и главную житницу Уэльса. Родри погиб в 878 г. в битве с саксами, после чего усобицы возобновились. Следующая попытка объединить страну была предпринята его внуком Хиуэлем Добрым, к концу жизни правившим всем Уэльсом, кроме Гламоргана и Гвента. Он пользовался признанием в Англии, где часто бывал при дворе как вассал короля и участник уитенагемота, и даже в Риме, куда совершил паломничество. Правлением Хиуэля датируются первые валлийские монеты, а также «Законы Уэльса», выработанные путем сравнения обычаев разных гуладов. После его смерти в 950 г. Уэльс снова распался на враждующие княжества.

Апогей политического развития Уэльса связан с Гриффитом ап Ллевелином (1039—1063), изначально правителем Поуиса. К 1057 г. он подчинил весь Уэльс — единственный раз в его истории, когда он был объединен полностью. Гриффит вмешивался в дела англосаксов и даже отвоевал у них некоторые земли к западу от Рва Оффы. Но в конце концов он был наголову разбит будущим королем Гарольдом (чью сторону взяли жители южных гуладов) и погиб. После этого страна вновь надолго погрузилась в усобицы. При Вильгельме Завоевателе по всей восточной границе Уэльса были созданы марки, правители которых повели планомерное наступление на валлийские территории. В 1093 г. англо-нормандцы утвердились на юге Уэльса, ставшего базой для последующего подчинения его центральных и северных районов и одновременно для завоевания Ирландии.

Бретань. Арморика была одной из наименее романизованных областей Галлии. Исключая некоторые приморские местности, здесь до конца античной эпохи сохранялись традиционные кельтские общины. Неслучайно, что в III—V вв. этот район стал одним из главных очагов движения багаудов, выступавших за возвращение старых доримских порядков. С IV в. Арморика, как и все побережье Северной Галлии, стала подвергаться набегам саксонских пиратов; для борьбы с ними была создана цепь укреплений (так называемый Саксонский берег) и привлечены отряды из Британии. Падение Римской империи свело эти усилия на нет, однако этим воспользовались не германцы, а бритты, которые, спасаясь сначала от ирландцев, затем от англосаксов, начали в V в. переселяться в Арморику.

Этот процесс продолжался до VII в. Смещение пришлых кельтов с местными не всегда происходило мирно, но облегчалось языковой и культурной близостью двух народов. При этом родоплеменные

связи, характерные для бриттов, ослабели, поэтому мы не находим здесь аналогов большесемейным и родовым общностям островных кельтов. Основой территориального устройства Бретани стали церковные приходы и диоцезы — видимо, потому, что церковь была единственной силой, сохранившей организацию в масштабах всего региона. Поначалу Бретань представляла собой конгломерат мелких потестарных образований. К IX в. на смену ему пришло единое государство, строившееся на межэтнической основе: бриттская миграция затронула север и запад полуострова, юг и восток сохраняли галло-романский облик, однако обе части страны сочли за благо объединиться перед лицом франкской угрозы.

Франки пытались завоевать Бретань начиная с VI в. В 636 г. она признала зависимость от короля Дагоберта, но на деле сохранила самостоятельность. К VIII в. франки подчинили ее восточную часть (районы Ренна и Нанта), где возникла Бретонская марка; одним из ее графов был знаменитый Роланд. В этой части Бретани начали довольно быстро развиваться феодальные отношения. Воспользовавшись междоусобными войнами наследников Людовика Благочестивого, бретонский вождь Номеноз в 845 г. объединил под своей властью весь полуостров, включая территорию Бретонской марки, провозгласил себя *дуэ* — королем и отстоял свои права с оружием в руках. Его ближайшие преемники сохранили этот титул и до конца IX в. считались не вассалами, а союзниками Каролингов. Впрочем, и в дальнейшем Бретань обладала внутренней самостоятельностью, а установленная тогда восточная граница Бретани существует до наших дней.

Норманны нападали на Бретань с начала IX в. Закрепившись в Нормандии, они в начале X в. разгромили Бретонское государство. В 937 г. Бретань вышла из хаоса и возродилась как герцогство в прежних границах, но уже на иной этнополитической основе. Ядром его стал романоязычный восток, уже во многом феодализированный. В герцогстве утвердилась нормандская династия, признавшая власть французских королей; началась раздача земель французской знати и насаждение феодальных порядков. Это встретило сопротивление местного населения, вылившееся в начале XI в. в крупное крестьянское восстание, жестоко подавленное. Для новой элиты это был серьезный урок. XI век отмечен ее укреплением на завоеванной территории и приобщением к местной культуре, что проявилось и в заимствовании кельтских имен: Алан, Артур, Бриан, Конан и т.д.

Бретани было суждено стать мостом между кельтским и романским мирами. Многие литературные сюжеты, как и некоторые социокультурные представления, привычно связываемые

с Англией и Францией, имеют кельтское происхождение. Среди них — легенды о короле Артуре и история Тристана и Изольды, возникшие, видимо, в Уэльсе, но принявшие литературную форму в Бретани. Кельтские прототипы этих текстов не сохранились, но благодаря французским, а затем и английским переводам они вошли в сокровищницу мировой литературы, став едва ли не самым ярким элементом кельтского культурного наследия.

§ 7. Испания в VIII — середине XI в.

Мусульманское завоевание Испании. К концу VII в. арабы завершили покорение византийских владений в Северной Африке. В 711 г. началось их вторжение в Испанию. Кроме арабов в завоевании участвовали коренные жители Северной Африки — берберы, незадолго до того принявшие ислам. Вестготское войско значительно превосходило врага численно, однако потерпело сокрушительное поражение в первой же крупной битве; к 714 г. сдались все крупные крепости королевства к югу от Пиренеев. Арабы и берберы (в христианском мире их обычно называли сарацинами или маврами) захватили вестготские владения и к северу от Пиренеев, однако их продвижение в глубь Франкского королевства было остановлено Карлом Мартеллом.

Слабость Вестготского королевства была обусловлена острыми внутренними социальными и политическими противоречиями. Крестьянство было отягощено повинностями и государственными налогами; знать вела ожесточенную борьбу за престол, поскольку принцип наследования королевской власти здесь так и не утвердился; огромное влияние католической церкви вызывало недовольство части светской знати, а также проживавших в стране ариан и иудеев. Поэтому основная масса населения довольно безразлично отнеслась к вторжению арабов, а некоторые представители господствующей верхушки (например, архиепископ Севильи) даже помогали им. Серьезное сопротивление мавры встретили лишь на гористом севере полуострова, где несколько позже сформировались испано-христианские государства.

Мусульманская Испания. До 755 г. мусульманская Испания (или ал-Андалус) входила в состав Дамасского халифата. Когда власть там захватили Аббасиды, представитель свергнутой династии Омейядов Абд ар-Рахман сумел утвердиться в ал-Андалусе и провозгласил себя эмиром. Его столицей стал город Кórдова. В 929 г. эмир Абд ар-Рахман III окончательно утвердил независимость арабской Испании от других исламских государств, присвоив себе титул халифа. X век был вершиной политического могущества ал-Андалуса, однако в 1008—1031 гг. серия междоусобиц

и дворцовых переворотов привела к распаду халифата на несколько десятков независимых княжеств — *тайф*, крупнейшими из которых были Кордовская, Толедская, Севильская, Валенсийская, Сарагосская тайфы.

В экономическом отношении мусульманская Испания представляла собой процветающий регион раннесредневековой Европы. На юге полуострова были созданы ирригационные системы, позволившие значительно поднять урожайность традиционных культур (зерновых, винограда и др.) и начать культивирование новых (сахарный тростник, рис, хлопок, цитрусовые). В центральных районах страны получило широкое распространение перегонное овцеводство. Значительная часть завоевателей осела в городах, которые быстро превратились в торгово-ремесленные центры. Ал-Андалус славился своими тканями, керамикой, изделиями из металла и кожи. Несмотря на сложные отношения с остальным исламским миром, арабская Испания активно торговала на Средиземном море, ее монета обращалась на огромной территории от Индии до Ирландии. Экономическое благополучие отличало ал-Андалус вплоть до его окончательного покорения христианами в XV в., делало его города привлекательной целью для военных походов.

В сельском хозяйстве ал-Андалуса господствовало мелкое крестьянское хозяйство при фактически полном отсутствии домена. Не получили развития прикрепление крестьян к земле и связанные с ним тяжелые формы личной зависимости. Крестьяне, как правило, арендовали на тяжелых условиях (до $\frac{2}{3}$ доходов с земли) участки у крупных землевладельцев (воинов, чиновников, придворных и т.п.), проживавших обычно в городах, а также платили значительные налоги в казну. В отличие от других западноевропейских стран раннего Средневековья платежи взимались главным образом деньгами.

Политическое развитие ал-Андалуса даже в период халифата с его централизованной и развитой администрацией отличалось относительной нестабильностью. Правители отдельных территорий, особенно окраинных, нередко добивались реальной автономии от Кордовы. Постоянно вспыхивали мятежи, вызванные противоречиями между племенными группировками арабов, между арабами и берберами. Непросто складывались и отношения завоевателей с местным населением. Значительная часть его приняла ислам, другая, сохранив свою религию, усвоила язык и культуру мавров (таких называли *мосарабы*, т.е. арабизированные). Тем не менее эти категории населения не были полноправными, часто поднимали восстания, особенно в периоды усиления мусульманского

религиозного фанатизма. Главным очагом таких восстаний был город Толедо.

Высокоразвитая городская цивилизация мусульманской Испании стала базой для невиданного в раннесредневековой Западной Европе развития культуры. В светских и религиозных школах Кордовы, Севильи, Толедо преподавали право, философию, историю, причем здесь учились и выходцы из христианской Европы. Библиотека кордовских халифов насчитывала более 400 тыс. свитков, в том числе переводы античных и византийских авторов. Деятельность андалусских ученых и переводчиков сыграла большую роль в становлении европейской средневековой науки; сюжеты и художественные приемы испано-арабской литературы активно заимствовались писателями и поэтами других стран; арабская лексика обогатила все европейские языки, в особенности испанский и португальский.

Возникновение испано-христианских государств и начало Реконкисты. В ходе завоевательного похода 709—714 гг. арабам не удалось покорить небольшую территорию между Кантабрийскими горами, Пиренеями и Бискайским заливом. Эти земли, заселенные автохтонным, докельтским населением Пиренеев — кантабрами, астурами, басками, — не смогли в свое время захватить ни римляне, ни готы, здесь почти не получили распространения процессы феодализации. Бежавшие в Астурию немногочисленные остатки вестготского войска получили поддержку местного населения. В 718 г. близ местечка Ковадонга был разбит арабский отряд, посланный для ликвидации этого последнего очага сопротивления. Командовал победителями Пелайо, родственник последнего готского короля; он был провозглашен первым королем Астурии.

К концу 50-х годов VIII в., воспользовавшись междоусобицами в ал-Андалусе, астурийские короли сумели захватить земли, в несколько раз превосходившие по площади первоначальную территорию государства. Часть этих земель (Галисия) была присоединена, часть опустошена. На границах образовалась своеобразная заградительная полоса от арабских набегов, которая служила одновременно земельным фондом, пригодным для колонизации и хозяйственного освоения. Широкое военно-колониционное движение испано-христианских государств на юг получило название Реконкиста (по-испански — «отвоевание»). Реконкиста во многом определила своеобразие социального, экономического, политического, культурного развития Пиренейского полуострова. Продлившись до конца XV в., Реконкиста была формой не только военно-политического противостояния, но и формой активных контактов и взаимного влияния между севером и югом в области хозяйствования, торговли, культурного обмена и т.д.

Поступательный процесс отвоевания земли и конечная победа христиан в XV в. были обусловлены тем, что все группы населения христианских территорий по тем или иным причинам были заинтересованы в Реконкисте. Феодалы в ходе завоеваний получали новые земли, должности в администрации покоренных областей, укрепляли свою самостоятельность по отношению к центральной власти. Церковь не только получала обширные земельные пожалования, но и учреждала в бывших мусульманских владениях новые приходы, монастыри, епископства, использовала лозунги борьбы христианства против ислама для усиления своего идейного и политического влияния в обществе. Победы над ал-Андалусом обогащали королевскую казну, упрочивали позиции и престиж короны как внутри страны, так и на международной арене. Крестьянство стремилось найти на новых территориях облегчение от сеньориальных и государственных повинностей, приобрести землю, еще не поглощенную феодалными вотчинами. Города, которые основывались в ходе Реконкисты или заселялись христианами после отвоевания, пользовались значительными льготами. Общим для всех участников войн с маврами было стремление к захвату богатой добычи.

Реконкиста длилась почти восемь веков и имела свои особенности на различных этапах. Так, до середины VIII в. для астурийской Реконкисты было характерно переселение людей с юга на север, освоение внутренних районов королевства выходцами из разоренных войной территорий, а также эмигрантами-мосарабами. До середины IX в. заселение безлюдных пограничных земель велось на свой страх и риск отдельными крестьянами и вотчинниками. Позже, когда граница Реконкисты подошла к заселенным землям, замкам и городам, руководство ею взяла на себя королевская власть.

В конце VIII в. наряду с королевством Астурия на Пиренейском полуострове сложился еще один центр Реконкисты — владения франков. Хотя поход Карла Великого на Сарагосу в 778 г. не был удачным, вскоре после него франкам удалось захватить территорию нынешней Каталонии. Там была создана Испанская марка с центром в Барселоне. Горные районы между Астурией, Каталонией и арабскими владениями переходили из рук в руки, пока в течение IX—X вв. здесь не образовались два небольших государства — королевство Наварра и графство Арагон. Таким образом, весь север полуострова был отвоеван у арабов.

В X — начале XI в. на политической карте Испании происходят серьезные изменения. После распада империи Каролингов на территории Испанской марки образуется фактически самостоятельное графство — Барселонское. Астурийские короли, отвоевав

у мавров несколько крупных городов к северу от реки Дуэро, перенесли свою столицу из Овьедо в Леон. Во второй половине X в., в период наивысшего расцвета халифата, Реконкиста приостановилась. Мусульмане под командованием талантливого полководца аль-Мансура неоднократно опустошали как Астуро-Леонское королевство, так и Барселонское графство. Королевская власть в Леоне в это время ослабела, большое влияние в стране приобрели графы Кастилии, сумевшие объединить прежде раздробленные земли на востоке страны. В 1035 г. Арагон и Кастилия стали королевствами. В 1037 г. кастильский король Фернандо I разбил леонского короля и объединил под своей властью запад христианской Испании. Таким образом, к концу 30-х годов XI в. на Пиренейском полуострове сложились: королевство Кастилия, Наварра и Арагон, графство Барселонское с вассальными территориями и около тридцати мусульманских княжеств. В литературе принято называть государства на западе христианской Испании Астуро-Леонским (VIII—XI вв.) и Леоно-Кастильским (XI—XIII вв.) королевствами.

Социально-экономический и политический строй Астуро-Леонского королевства. Север Пиренейского полуострова, за исключением побережья Каталонии, был отсталой окраиной как римской, так и готской Испании. Постоянные набеги с юга также препятствовали экономическому развитию региона. До XI в. Астуро-Леонское королевство было малолюдной аграрной страной. Жители небольших, удаленных друг от друга деревень занимались возделыванием злаковых (пшеница, ячмень) и технических (лен, конопля) культур. Под влиянием Реконкисты необычайно широкое распространение получило скотоводство. Оно требовало меньшего количества рабочих рук, чем земледелие; в случае военной опасности стада были гораздо менее уязвимы, чем посевы; пограничные территории с их благоприятным ландшафтом и редким населением могли успешно использоваться под пастбища; широкое применение конницы в войнах также стимулировало развитие этой отрасли хозяйства. Поскольку названные факторы действовали на протяжении всей Реконкисты, скотоводство долго оставалось важнейшим элементом экономики средневековой Испании.

Источниками формирования зависимого крестьянства были: дифференциация в среде свободных кантабро-баскских общинников; переселение на север (вместе с вотчинниками) части зависимого населения в процессе арабского завоевания; захват свободных земель внутри страны вестготской и местной знатью и подчинение живущих на них общинников; включение в феодальные вотчины завоеванных территорий и их населения; помещение на земле пленных мавров. К середине X в. в королевстве

складывается система феодальных повинностей. Поземельно зависимые крестьяне выплачивали поземельный налог, отрабатывали полевые барщины. Лично зависимые, кроме того, платили подушную подать, поборы за право наследовать имущество, вступать в брак вне вотчины. Потребности Реконкисты обусловили весомую долю служб и платежей военно-административного характера (военный налог, налоги и отработки по ремонту дорог, укреплений, мостов) в системе повинностей. Существенное значение имели поборы за пользование покосами и пастбищами.

Тем не менее, несмотря на разнообразие и обилие феодальных повинностей, в Астуро-Леонском королевстве не получили распространения наиболее тяжелые и жесткие формы сеньориальной зависимости. Необходимость колонизации новых земель заставляла вотчинников и королевскую власть предоставлять переселенцам льготные условия поселения, частыми были случаи бегства крестьян на свободные территории близ южной границы. В такой обстановке даже в глубинных районах страны феодалы были вынуждены смягчать эксплуатацию; серваж исчез уже к XI в. Кроме того, свободные крестьяне составляли важный источник пополнения войска, что побуждало государство заботиться о сохранении данной категории населения. С X в. кастильские графы даже предоставляют свободным крестьянам, способным содержать боевого коня и снаряжение, некоторые привилегии, сближавшие таких крестьян (их называли *кабальеро-вильяно*) с низшими слоями господствующего класса. Свободное крестьянство пополнялось и за счет привлечения на пустующие земли переселенцев-мосарабов из ал-Андалуса.

В состав господствующей верхушки Астуро-Леонского королевства входила высшая светская знать, средние и мелкие служилые феодалы (*инфансоны*), крупное духовенство. Феодальная вотчина здесь отличалась относительно неразвитым доменом; значительную роль в доходах феодалов помимо поземельных платежей играли поступления от военной добычи, отправления судебных и административных должностей. Наибольшая концентрация крупного вотчинного землевладения наблюдалась в Галисии, наибольшее распространение крестьянского и мелковотчинного землевладения — в Кастилии.

В VIII в. король в значительной степени являлся еще военным вождем, опиравшимся на вооруженную силу свободных общинников, лишь к X в. утвердился принцип наследования верховной власти, сложилась достаточно примитивная система центральной и местной администрации (королевский совет, дворцовые графы, судьи и графы на местах). Большую роль в военной организации наряду с феодальными дружинами продолжало играть крестьянское

ополчение. Особенностью внутрифеодальных отношений было сравнительно слабое распространение иммунитетов, замедленное превращение бенефициев (в Испании они назывались *престимониями*) в феоды и постоянное укрепление королевского домена за счет включения в него отвоеванных у мавров земель. Это способствовало относительной стабильности центральной власти. Кроме того, очевидная внешняя опасность заставляла феодалов ограничивать сепаратистские устремления, что способствовало сохранению государственного единства в Астурио-Леонском королевстве.

Каталония. В IX в. на территории Испанской марки возникает несколько графств, управляемых наместниками франкских государей — графами. Наиболее сильным из них было графство Барселонское, где в последней четверти столетия укореняется династия, основанная графом Вифридом Волосатым. После распада Франкской державы Испанская марка оказалась в составе Западно-Франкского королевства. Самостоятельность ее постепенно росла, и когда в 987 г. во Франции была низложена династия Каролингов, графы Испанской марки отказались признать Гуго Капета королем. С этого времени их подчинение французской короне стало номинальным, хотя и сохранялось юридически до 1259 г. В XI в. в Испанской марке происходит политическая консолидация вокруг Барселонского графства, постепенно подчинившего себе другие графства области. В дальнейшем за ней закрепляется название «Каталония», которое, как и топоним «Кастилия», по-видимому, означает «страна замков».

Каталония также участвовала в Реконкисте, хотя и в меньшей мере, чем государства Западной Испании. Борьба шла с переменным успехом. В середине X в. каталонские графства признавали вассальную зависимость от Кордовского халифата и поддерживали с ним интенсивные торговые связи. В 985 г. мавры неожиданно напали на Барселону и разорили ее, но уже через два-три десятилетия инициатива перешла в руки христиан. К началу XII в. граница была отодвинута на юг, в сторону реки Эбро, а некоторые мусульманские правители, включая эмира Сарагосы, платили графам Барселоны дань.

Колонизация новых земель способствовала постоянному пополнению слоя крестьян-аллодистов, особенно в Южной, так называемой Новой Каталонии, где крестьяне были одновременно обязательно воинами. В Старой Каталонии также сохранялось крестьянское аллодиальное землевладение, сложившееся в ходе франкских завоеваний начала IX в. Однако здесь оно рано стало объектом притязаний со стороны светских и церковных сеньоров, с X в. опиравшихся на хорошо укрепленные замки. Феодалная вотчина этого района была архаичной (вплоть до начала XI в.

в ней использовался труд рабов) и влияние Реконкисты испытала на себе сравнительно слабо.

В Старой Каталонии феодализация проходила быстрее, чем где бы то ни было в христианской Испании, а феодальная зависимость приняла наиболее тяжелые для крестьян формы. Свобода перехода крестьян из одной вотчины в другую или переселение их на новые земли существенно ограничивались, платежи взимались в большем размере, чем на западе Пиренейского полуострова, и сопровождались достаточно обременительными службами, в том числе уничижительного характера. В середине XI в. крестьянские повинности были зафиксированы в первом кодексе феодального права Каталонии (одном из древнейших в Европе) — «Барселонских обычаях». Центральное место в этом своде занимают статьи, регулирующие взаимоотношения в среде феодалов. Они свидетельствуют, что социально-политическое развитие в Каталонии совершалось примерно в том же направлении и такими же темпами, что и в Южной Франции.

Наварра и Арагон. Общественный строй Наварры и Арагона в раннее Средневековье был более архаичен, чем в Астуро-Леонском королевстве и Каталонии. Этот район был очень слабо освоен римлянами, влияние вестготов и франков также было поверхностным. В рассматриваемый период здесь преобладало баскское население, романизовавшееся очень медленно. Землевладение феодального типа развивалось главным образом в долинах больших рек, в горах же сохранялись свободные крестьянские общины. Запоздалым было и формирование феодальной иерархической структуры. Об утверждении в этих государствах феодального строя можно говорить не ранее чем с середины XI в.

На рубеже X—XI вв. при короле Санчо Великом Наварра со столицей в Памплоне была сильным государством, подчинившим себе Арагон и Кастилию. После смерти Санчо (1035) его держава распалась; Наварра, отсеченная от арабской границы своими более активными соседями, постепенно отошла от участия в Реконкисте. В дальнейшем ее судьба оказалась теснее связанной с судьбой Франции. Арагон, напротив, ведет в XI в. последовательно наступательную политику, понемногу расширяя свои владения за счет мусульманских эмиратов долины Эбро. Общность целей во внешней политике с графством Барселонским предопределила слияние их в XII в. в единое государство.

Церковь в раннее Средневековье

Обращение Константина. К IV в. культура Римской империи была преимущественно языческой, и в течение нескольких последующих столетий позднеантичному обществу предстояло пережить трудный процесс духовного перерождения, находясь в атмосфере культурного двоеверия. Несмотря на то что христиане еще подвергались гонениям за веру, новая религия широко распространилась на территории Римской империи. Об этом свидетельствует, в частности, возникновение крупных христианских центров в Риме, Антиохии, Иерусалиме, Александрии, в ряде городов Малой Азии и других областях. Однако в это время сама церковь не была внутренне единой: среди христианских учителей и проповедников имелись расхождения относительно словесного выражения истины христианской веры. Но христианство, еще в начале IV в. гонимое «извне» языческим обществом и государством, раздираемое «изнутри» сложнейшими богословскими спорами, встречает новое V столетие, будучи единственной официально признанной религией Римской империи. Свершение этого «чуда из чудес», как часто впоследствии называли «торжество христианства» в IV в., связано с именем императора Константина I (274—337).

Обращение Константина к христианству, учитывая, что сам обряд крещения он принял лишь перед смертью, не может рассматриваться только как результат политического расчета или поиска духовной истины.

Поворот произошел, когда в ходе ожесточенной политической борьбы за власть Константин увидел во сне знак Христа — крест с повелением выступить с этим символом против врага, и, исполнив это, одержал решающую победу в сражении с Максенцием (312). Император придал этому видению совершенно особый смысл — как знак избрания его Христом для победы над врагом и более того — как принятие им креста, христианства, лично от самого Христа, а не через церковь, для осуществления связи между Богом и миром посредством своего императорского служения.

Именно таким образом воспринималась его роль и христианами того времени, поэтому и мог не крещеный император принимать столь активное участие в решении внутрицерковных, догматических вопросов, а не только в укреплении официального положения христианства в империи.

С издания Миланского эдикта (313) христиане становятся под защиту государства и получают равные с язычниками права. Христианская церковь уже не подвергается гонениям, даже в правление императора Юлиана (361—363), прозванного Отступником, — не за нетерпимость к христианству, но за ограничение прав церкви и объявление веротерпимости к христианским неканоническим учениям (ересям) и язычеству. Христианство становится единственной официальной государственной религией при императоре Феодосии I (379—395).

Оформление христианской догматики. Вселенские соборы. Эпоха перехода от античности к Средневековью являлась важнейшим этапом в становлении христианского вероучения. В IV в. церковь не была внутренне единой. Поэтому когда в 323 г. Константин I стал единодержавным правителем всей империи, он выступил инициатором созыва церковного собора, который должен был заложить основы кафолической, вселенско-единой христианской церкви. Отличие Вселенских соборов состоит в том, что они были призваны дать точное общецерковное определение по основным вопросам христианского вероучения, истинам веры (догматике) и правилам церковной организации и дисциплины (канонам). Эти постановления считались важнейшими и обязательными для всего христианского мира.

Оформление основных догматов проходило благодаря активной деятельности отцов церкви. К их числу относятся те христианские учителя и писатели, которых церковь признала наиболее авторитетными толкователями христианства. Изучением их наследия занимается патристика (учение самих отцов церкви и учение об отцах церкви). Христианской догматике посвятили свои труды выдающиеся богословы IV—V вв., часто именуемые «вселенскими учителями»: святые отцы — Афанасий Александрийский, «великие каппадокийцы» (Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский), Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, Августин Блаженный и многие другие. Творения отцов церкви являются составной частью Священного Предания, которое вместе со Священным Писанием (38 книгами Ветхого и 27 книгами Нового Заветов) и составило христианское вероучение.

В центре внимания *Первого и Второго Вселенских соборов* была выработка единого взгляда на догмат о Св. Троице (тринитарное

учение). Собравшиеся в 325 г. в Никее иерархи обсуждали учение александрийского священника Ария (ум. в 336 г.). Он и его последователи (ариане) признавали Бога-Отца как совершенное замкнутое единство, что исключало возможность передачи этой сущности кому-либо другому. Поэтому Бог-Сын, по представлениям ариан, был лишь высшим творением Бога, чужеродным и неподобным Богу-Отцу. Учение Ария вызвало резкую критику св. отцов и было осуждено как отрицающее по существу божественную троичность. Одним из главных догматических деяний I Вселенского собора было провозглашение вероопределения (*броса*), в которое вносилось уточнение в крещальный символ веры о единосущности Бога-Сына Богу-Отцу, что означало признание равенства Отца и Сына по Божеству.

Догматическое постановление Никейского собора было объявлено не только от имени св. отцов, но и от лица императора Константина, что закрепило особую роль византийских императоров во взаимоотношениях с церковью. На соборе помимо догматических вопросов были приняты 20 постановлений канонического характера (о порядке выбора и утверждения епископов провинций; о предоставлении высшей власти над западными епископами римскому, над восточными — антиохийскому, над Египтом, Ливией — александрийскому; и др.). Несмотря на единоегласное осуждение на соборе Ария и его сторонников, церковь не была единой в этом осуждении. Сумев привлечь на свою сторону государственную власть уже в последние годы правления Константина Великого, ариане одержали победу над сторонниками никейского ороса (никейцами), которые в течение нескольких десятилетий подвергались гонениям. Именно поэтому христианизация германских народов, совпавшая по времени с этим периодом, проходила в форме принятия ими арианства.

Второй Вселенский собор, собравшийся в 381 г. в Константинополе, продемонстрировал торжество никейского символа не только над ересью Ария, но и над учением епископа Македония, выступавшего против божественной природы Святого Духа, принимая его за сотворенную Богом силу. Никейское вероопределение на Константинопольском соборе было расширено, получив в историографии название Никео-Цареградского. В нем, в частности, дана краткая формулировка основных положений тринитарного учения. Согласно догмату о Св. Троице, признается истинным единство природы Бога и одновременно его троичности в лицах (ипостасях): Бог есть Отец, Сын и Дух Святой. Лица Св. Троицы не являются соподчиненными одно другому. Они совершенно равны между собой, единосущны, несмотря на то различие, что

Бог-Отец, нерожденный, есть начало других ипостасей — Сына, рожденного от Отца, и Святого Духа, от Отца исходящего. Именно это учение о триипостасности Бога отличает христианство от античного (философского), иудейского и мусульманского монотеизма. На Константинопольском соборе были приняты важные канонические решения: установлены правила принятия в лоно православной церкви кающихся еретиков; выделялись 5 восточных округов с особыми церковными судебными инстанциями. И, наконец, собор определил место константинопольской кафедры в иерархии христианских епископов, назвав его вторым после римского, так как «Константинополь есть Новый Рим». Этим решением ранг Константинопольского епископа становился первым среди всех восточных.

Три следующих столетия истории становления христианского вероучения связаны с напряженной христологической полемикой — по вопросу о природе (сущности) Иисуса Христа. На *Третьем Эфесском соборе* 431 г. речь шла об учении константинопольского патриарха Нестория, отвергавшего божественную и признававшего за Иисусом Христом только человеческую природу. Несторий полагал, что рожденный как простой человек от Девы Марии (Христородицы) Иисус Христос стал некоей обителью Бога, действуя как орудие человеческого спасения (Богоносец). Собор осудил учение Нестория и выдвинул вероопределение, постулирующее идеальное равновесие природ в Богочеловеке (что получило окончательное определение в догматическом постановлении *IV Вселенского собора*). Однако несмотря на решение собора и низложение Нестория, его последователи (несториане) основали свою церковь и развили миссионерскую деятельность в Персии, а затем в Китае, Монголии, Индии. Но в церковную историю Эфесский собор вошел прежде всего как собор, провозгласивший догмат о Пресвятой Богородице.

Самый представительный (650 иерархов) *Четвертый Вселенский собор* 451 г. состоялся в Халкидоне. Обсуждению подверглось учение архимандрита одного из константинопольских монастырей Евтихия. В отличие от Нестория он впал в другую крайность и отвергал человеческую природу во Христе, полагая, что все в нем было поглощено божественной ипостасью, и Иисус Христос имел лишь кажущуюся человеческую плоть. Последователи учения Евтихия получили название монофизитов (по греч. — одна природа), которые и после осуждения собором распространяли свои идеи в Сирии, Египте, Армении. Ввиду упорства несториан и монофизитов на Халкидонском соборе был принят особый догмат «О двух естествах во едином Лице Господа нашего Иисуса

Христа», в котором изложены основы христологического учения отцов церкви. В соответствии с христианским догматом Бог-Сын имел два воплощения. Первое — как одно из лиц Св. Троицы («по Божеству») было «прежде всех век», т.е. вневременным, вечным; второе — от Девы Марии — Богородицы («по человечеству»), когда, непорочно зачав во чреве от Духа Святого, ниспосланного Богом-Отцом, она родила Иисуса Христа. В одном лице Он, по словам халкидонского ороса, «неслиянно, непреложно, нераздельно и неразлучно» соединяет две природы — божественную и человеческую (Богочеловек), при том что каждая из них сохраняет присущие ей свойства.

Утверждение этого вероопределения явилось кульминационной точкой собора. Однако не все собравшиеся епископы приветствовали этот орос, около 150 иерархов не подписали его. Поэтому на соборе были приняты соответствующие постановления о наказании мирян и клириков, не принимающих соборное вероопределение (лишение сана, отлучение от церкви и т.п.). В ряду 30 канонов Халкидонского собора — ряд решений административного и дисциплинарного характера, как, например, о границах Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, о подчинении монахов местному епископу и др. Но самым известным является 28-е правило Халкидонского собора. Оно определяло круг судебной и административной деятельности константинопольского патриарха, уравнивало его права для восточных диоцезов с правами римского престола для западных.

Пятый и Шестой Вселенские соборы проходили в Константинополе в 553 и 680 гг. На них христологическое учение получило дальнейшее развитие в ходе полемики с монофелитами (по греч. — одна воля), которые хотя и признавали во Христе две сущности, но лишь одну действующую в нем божественную волю. На Соборах большое внимание уделялось канонической деятельности. Решения принимались не только по вопросам внутрицерковной жизни (установление иерархии кафедр восточной церкви, обязанностей митрополитов созывать ежегодные поместные соборы и др.), но и касались мирян (отлучение от церкви не посещавших богослужение три праздничных дня; определение правил вступления в брак; наложение епитимии кающимся и др.).

Седьмой Вселенский собор состоялся в Никее в 787 г. Он решительно осудил ересь иконоборцев, завершив первый период иконоборческого движения (см. гл. 5). Главным определением собора было провозглашение догмата иконопочитания. Согласно ему честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней. Среди

22 канонических решений собора наиболее известными являются правила, запрещающие *симонию* (предоставление и получение церковных должностей за деньги), отчуждение церковного имущества монастырей, назначение на церковные должности мирян и др.

Учение о спасении. Наряду с разработкой тринитарного и христологического вопросов большое внимание отцы церкви уделяли и проблеме взаимоотношения человека с Богом, в основе которого лежит учение о спасении человека (*сотеиологии*). Оно тесно связано с христианским учением о вселенной, согласно которому признается, что весь мир есть творение Божие, созданное им за шесть дней. Венцом этого творения и господином созданного мира предстает человек, имеющий образ и подобие Божие, состоящий из души и тела, наделенный разумом и свободной волей.

Библейский рассказ о запретном плоде, когда первые люди — Адам и Ева — не послушались Бога и вкусили от «древа познания добра и зла», т.е. противопоставили свою свободную волю воле Бога, повествует о *грехопадении* человека («первородный грех»). Следствием этого явилось нарушение мирового порядка, созданного первоначально, человек утратил свое бессмертие. С этого же времени в мир вторглось зло, которое в христианском вероучении рассматривается как противоположность долженствующему быть от Бога, а следовательно, зло — явление случайное. Материальный мир (в том числе и тело человека), как созданный Богом, сам по себе не является порождением зла; оно может возникнуть в случае противоречия человека воле Божией в нравственной жизни (грех) и как физические страдания (болезни, нищета и пр.). В последнем своем проявлении зло рассматривается не как абсолютно отрицательное для человека явление, а как божественное попущение, так как именно через физические страдания часто проходит путь к нравственному очищению и спасению.

В этом христианство отличается от *дуалистических учений*, получивших широкое распространение в поздней античности и Средние века (манихейство, павликианство, богомилство, ересь катаров, вальденсов и др.). Сторонники дуализма резко противопоставляли добро и зло, которые, по их мнению, не могут быть волеизъявлением или попущением «Одного Творца и Промыслителя Мира», а, следовательно, признается существование двух высших начал, одно из которых творит зло, другое — добро. Наличие зла в мире и человеке adeпты дуалистических учений объясняли материальной природой всего сущего. При этом материя (в отличие от представлений ортодоксального христианства)

нередко отождествлялась с дьяволом, якобы не менее могущественным, чем сам Бог, от которого может исходить лишь добро.

Однако грехопадение, согласно христианскому вероучению, не является полным разрывом человека с Богом, а лишь началом пути к новому единению с Создателем, любящим свое творение и заботящимся о нем. Этот путь получил название *«Домостроительство спасения человека»*, и исторически он подразделяется на два этапа. Первый — ветхозаветный, когда претерпели неудачу попытки указать человечеству путь ко спасению через лучших людей или избранный народ. Второй этап — новозаветный, когда Бог послал к людям своего Сына. И здесь смыкаются сотериологические и христологические представления христианства: Бог-Сын воочеловечился с тем, чтобы открыть человеку путь к единению с Богом. Согласно Евангельскому рассказу, Бог-Сын, воплотившийся во Христе, крестными муками искупил «первородный грех», указав человечеству путь спасения и обретения бессмертия. По христианскому вероучению, человек усилием своей свободной воли может вернуться к Богу и обрести вечную жизнь, если он будет следовать по пути «Домостроительства». В конце истории состоится Страшный Суд, после которого жившие праведно вернуться в рай, а грешные будут обречены на вечные страдания и низвергнуты в ад.

Примечательно, что уже в IV в. на латинском Западе наблюдается развитие устойчивого интереса к разработке христианского учения о спасении. Одним из авторитетов в этой области был Блаженный Августин (354—430). Он вступил в полемику с монахом Пелагием (ум. после 418), который отрицал учение о первородном грехе человечества и полное упование христиан в деле их спасения на волю Бога. Пелагий полагал, что человек, обладая свободной волей, может самостоятельно достигнуть спасения. Опровергая это, Блаженный Августин утверждал, что нельзя достигнуть спасения без божественной благодати. Со времени грехопадения человека его свободная воля устремлена лишь ко злу. Заслужить божественную благодать невозможно никакими усилиями. По мысли Блаженного Августина, всеведущий Бог, заранее зная, кто из смертных воспользуется дарами его благодати, изначально одарил ею одних и предопределил их к спасению, а всех прочих — к гибели. Хотя учение Пелагия (пелагианство) и было объявлено еретическим, теория Блаженного Августина о *предопределении* также не была принята церковью и возродилась лишь намного позднее, в эпоху Реформации.

Великая сила христианства состоит в провозглашении новой заповеди — христианской любви. В ней состоит залог спасения.

«Бог есть любовь», и поэтому она явлена и, что чрезвычайно важно, дарована людям в Сыне Божием — Иисусе Христе. Новизна заповеди не в провозглашении любви как таковой, а в возможности исполнения этой заповеди путем соединения со Христом. Именно в это время человек получает в дар его любовь, которой и заповедано людям любить друг друга. Таким образом, согласно христианскому вероучению, достичь спасения возможно только «пребывая во Христе», что осуществляется приобщением ко Христу, соединением с ним через таинства. Это происходит в церкви.

Церковь и таинства. Церковь, по словам Апостола Павла, есть «тело Христово», тогда как «глава церкви» — сам Христос. Как «тело Христово» церковь представляет из себя видимое сообщество верующих во Христа (клира и мирян, немощных и сильных, и т.п.). Но в этом «видимом теле» действует невидимая Божия благодать, исходящая от Святого Духа. Она сообщается верующим через *таинства* — определенные церковью видимые священные действия. Древнейшими из них были *крещение* (акт вступления в церковь и рождения в духовную жизнь) и *причащение* (*евхаристия*). Евхаристия (благодарение) означает приобщение верующих к Иисусу Христу и друг к другу через вкушение искупительной жертвы — «Тела и Крови Христовой». Первая евхаристия была совершена, согласно Евангельскому преданию, самим Иисусом Христом в четверг вечером накануне его крестных страданий. Это — «*Тайная вечеря*», когда Христос, находясь с двенадцатью апостолами, «взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф., 26, 26—29). В дальнейшем кроме крещения и евхаристии к таинствам христианской церкви были причислены еще пять чинопоследований: миропомазание (получение укрепляющей благодати), покаяние (исцеление от духовных болезней, грехов), священство (получение благодати на духовное воспитание людей молитвой, обучением, совершением таинств), брак (получение благодати, освящающей супружество, рождение и воспитание детей), елеосвящение, или соборование (призывание благодати на болящего для исцеления телесной и духовной немощи).

Таинство евхаристии является кульминацией *литургии* (по лат. — месса) — главного христианского богослужения, когда церковь приносит благодарственную молитвенную жертву Богу за грехи всего человечества. В соответствии с христианским ортодоксальным вероучением, причастие должно осуществляться «Телом и Кровью Христовой», превращаемыми в ходе литургического богослужения

из хлеба и вина. Однако в ходе исторического развития христианства в разных странах Европы возобладали свои чины литургии.

Становление доктрины папства. Параллельно с институтом Вселенских соборов складывается другое представление об общецерковном авторитете: в случае сомнений или разногласий следует обращаться к *апостольским епископским кафедрам*. Такие кафедры были основаны самими апостолами Христа, и поэтому предполагалось, что их преемники сохранили христианское вероучение в первоизданной чистоте. Главной из кафедр считалась римская, основанная «князем апостолов» Петром. К нему, согласно Евангелию, были обращены слова Христа: «Ты — Петр (по лат. — камень), и на сем камне Я создам церковь Мою... И дам тебе ключи царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мат. 16, 18—19).

Обоснование *общецерковного примата* (верховенства) кафедры апостола Петра стало основным направлением деятельности папства в IV—V вв. Наиболее полно эту доктрину выразил папа Лев I Великий (440—461). Он рассматривал римского епископа как полноправного наследника Петра, как его викария (наместника) на Земле, принявшего от Петра высшую власть над церковью всего христианского мира и ключи от царства небесного. Однако на востоке империи первенство римского епископа признавали лишь формально. Сначала к нему были приравнены по положению епископы крупнейших богословских школ христианского мира — Александрии и Антиохии, а затем и Константинополя — новой столицы империи. Почетное место занимала древнейшая Иерусалимская церковь. На Халкидонском соборе 451 г. окончательно складывается *пентархия*, т.е. система пяти вселенских патриархатов, каждый из которых управлял церковью определенной части христианского мира. Римскому патриарху отводилась роль главы только западной церкви. Притязания же папы Льва Великого встать над самими Вселенскими соборами, которые продолжали считаться высшим церковным авторитетом, были отвергнуты.

Вместе с тем среди восточных патриархатов уже в V в. лидирующее положение занял Константинополь. Халкидонский собор утвердил почетное первенство среди остальных патриаршеств не только за Римом, но и за Константинополем, который фактически являлся проводником императорской церковной политики. Вселенские же соборы, созывавшиеся по инициативе императоров и проходившие под их председательством, стали важным инструментом осуществления императорской власти над церковью.

Еще Константин Великий в своей церковной политике основывался на религиозных прерогативах языческих императоров — великих понтификов, блюстителей божественных культур. Эту традицию переняли и византийские василевсы.

Если на востоке империи церковь оказалась под жестким контролем императора, активно вмешивавшегося в решение догматических вопросов, то на западе папство стремилось отстоять автономию духовенства, а соответственно, и своей власти. Этому немало содействовали перенос столицы империи из Рима, а затем и ликвидация Западной Римской империи. Папа Геласий I в конце V в. сформулировал так называемую теорию двух властей. Он строго разграничил компетенцию светской и духовной власти, считая безусловным злом любое вмешательство империи в дела церкви. Правда, полностью реализовать эту теорию папство смогло лишь в XI в.

Христианизация германских и кельтских племен в IV—V вв.
К концу IV в. христианство утвердилось практически во всех провинциях Римской империи. Еще в 40-е годы IV в. оно усилиями епископа Вульфилы (ум. в 383) проникает к готам. Вульфила, происходивший из Каппадокии и выросший в среде готов, записал литургию на готском языке и перевел не него Библию. Это был первый известный перевод Библии на германский язык. Однако готы приняли христианство в форме арианства, господствовавшего тогда на востоке империи, несмотря на осуждение Никейским собором. Сам Вульфила получил образование в Константинополе в правление императора-арианина. По мере продвижения вестготов на Запад распространялось и арианство. В V в. в Испании от вестготов арианство переняли вандалы и свевы, а в Галлии — бургунды. Лангобарды, вторгшиеся в 568 г. в Италию, унаследовали арианство от остготов.

Напротив, севернее маршрута вестготов и остготов продолжало господствовать ортодоксальное христианство. В 496/97 г. его принял франкский король Хлодвиг, искавший союза с местным галло-римским населением. Стремление к компромиссу с численно преобладающим романским населением, а также к политической консолидации варварских государств привело впоследствии к утверждению никейского вероисповедания на юго-западе Европы: у бургундов — в начале V в., у вестготов — в 589 г., у лангобардов — к концу VII в. В Ирландии, не входившей в состав Римской империи, христианство начинает распространяться в первой половине V в. После ухода римских легионов из Британии (410) ирландцы стали совершать набеги на западное побережье этого острова, где они и познакомились с новой религией. Из

числа романизированных бриттов вышел легендарный апостол Ирландии св. Патрик.

Христианизация варварских народов в основном осуществлялась сверху, в сознании массы населения долгое время продолжали жить языческие представления и образы. Нередко и королей к крещению подталкивали чисто политические мотивы либо стремление приобрести покровительство более сильного бога, способного обеспечить удачу. Церковь, рассчитывая упрочить свое влияние, пыталась ассимилировать языческие представления, приспособить их к христианству. В результате рождался причудливый сплав христианской доктрины и язычества. Языческие обряды и праздники, формы культа наполнялись новым, христианским, содержанием. Вместе с тем слова проповедников, порою против воли последних, своеобразно истолковывались в сознании, далеком от богословской традиции. При этом религиозность необразованных слоев населения, сохранявшая многие элементы примитивных верований, на протяжении всех Средних веков оказывала определенное воздействие и на официальное богословие.

Церковь в варварских королевствах. Во II—III вв. христианство распространялось главным образом в городах Римской империи. И *диоцез* (епархия) позднеантичного епископа в целом соответствовал *civitas* — низовой административной единице Рима. К началу Средних веков практически каждый римский город имел епископа. Слово же *paganus*, т.е. житель пага, буквально — деревни, начинает обозначать язычника. Христианизация деревни растянулась в Западной Европе на многие столетия. Епископ столицы римской провинции, метрополии, именовался *митрополитом*. Он предлагал кандидатуры на вакантные епископские кафедры своей провинции и председательствовал на провинциальных синодах (соборах) духовенства.

Взаимосвязь высшей иерархии церкви и административной структуры империи приобретает новое значение на этапе превращения христианства в государственную религию в течение IV в.: пастырское служение епископа дополняется чисто публичными функциями, исполнение которых ранее возлагалось на те или иные органы городского и государственного управления. К таким функциям относилось и отправление самого культа, рассматривавшегося в Риме как дело публичное, и забота о социально незащищенных слоях. Дарения императоров и частных лиц превратили епископа к V в. в одного из влиятельнейших городских посессоров, а обладание муниципальной землей в сочетании с высоким духовным авторитетом открывало ему путь к широкому участию в городской администрации.

В период варварских нашествий и дальнейшего кризиса муниципальной системы епископ превращается фактически в правителя города. Центром города постепенно делается собор, развиваются культы местных святых — покровителей города. Кроме того, во вновь образованных варварских королевствах епископат стал своего рода представительством галло-римской аристократии, сосредоточенной в городах. Сотрудничество королей с епископатом являлось затем одним из факторов упрочения германской государственности, расширения ее базы. Еще императоры предоставляли церкви *налоговый иммунитет*. Во франкском королевстве всем епископам жаловался также *судебный иммунитет* (т.е. епископ на своих землях мог отныне сам собирать налоги в пользу государства и вершить суд).

С образованием варварских королевств происходил разрыв прежних церковных связей в рамках римских провинций, падала роль митрополитов, а также провинциальных синодов. Возникли так называемые *королевские церкви*, объединявшие епископат каждого королевства. За королем, как некогда за императором, закреплялось право созыва церковных соборов и законодательного утверждения их решений. Но важнейшей прерогативой короля явилось участие в выборах епископов. С первой половины VII в. Меровинги все более рассматривают епископов как своих уполномоченных на местах.

Создание королевских церквей нарушило и начавшие было складываться контакты римского папы с епископствами Запада. С конца V до начала VIII в. власть папы ограничивалась лишь непосредственно римской церковной провинцией в Средней и Южной Италии. Так, когда папа попытался вмешаться в церковные дела вестготской Испании, в ответ от епископов он услышал: «Бог уже на этот счет просветил короля». Вне всякой связи с Римом фиксировались местные традиции в литургии и церковном праве. Папство же сначала, с 493 г., оказалось под властью ариан-остготов, затем с середины VI в. — Византии. Выборы папы были поставлены под жесткий контроль императора, а неугодных пап в лучшем случае ожидало лишение сана. Поддержка временами далекой от ортодоксии церковной политики василевса углубляла отчуждение папства от других церквей даже в Италии. Положение римской кафедры особенно ухудшилось с появлением на полуострове лангобардов-ариан, постоянно угрожавших самому Риму.

Однако в эпоху византийского владычества в Италии произошло событие, в перспективе подготовившее подчинение западных церквей Риму: в 597 г. папа Григорий I Великий (590—604) направил к англосаксам-язычникам проповедников христианства

во главе с монахом Августином. Согласно легенде, прежде папа увидел на рынке рабов англов и удивился сходству их имени со словом «ангелы», что счел знаком свыше. Англосаксонская церковь к концу VII в. стала первой церковью к северу от Альп, подчиненной непосредственно Риму, усвоившей его обычаи и литургию. Символом этой зависимости являлся *паллий* (плат, надеваемый на плечи), присылавшийся из Рима предстоятелю церкви, которого впервые стали называть *архиепископом*, т.е. высшим епископом. Ранее митрополит был лишь первым среди равных. Получение же паллия архиепископом означало утверждение его в должности и делегирование полномочий непосредственно от викария св. Петра.

Раннее монашество. Распространение устава св. Бенедикта. Монашество (от греч. *monachos* — отшельник) — одна из форм осуществления христианского аскетического идеала. Греческое слово *аскеза* (буквально — упражнение) еще в античной этике обозначало своего рода духовную гимнастику. В текстах Нового Завета отсутствует какая-либо разработанная система христианской аскезы, не упомянуты там и монахи. Иисус не требовал от своих последователей безбрачия, а также ограничений в пище, сне и одежде. Однако он учил о тщете всего мирского и призывал следовать за собой, оставив имущество и родных во имя стократного воздаяния (Мат. 19, 17—30). Мотив следования Христу во спасение души, единения с ним становится ключевым в христианской аскезе. Другой ее важной особенностью был культ послушания, смирения. Христианин должен победить не плоть, но свой эгоизм, себялюбие во имя любви к Богу. Однако в действительности христианство заимствовало у различных дуалистических учений поздней античности формы неистовой борьбы с плотью, которые впоследствии нередко превалировали в практике монашества, особенно в ситуации обострения эсхатологических ожиданий.

В III—IV вв. аскеты, до того жившие внутри общины, порывают с ней и удаляются прочь от города, культивируемого странства, «в пустыню». Складываются две формы монашества, существовавшие на протяжении всего Средневековья: наряду с кельями *еремитов* (отшельников) возникают первые *монастыри* — общины монахов, соблюдающих определенный *устав* и подчиняющихся *аббату* (настоятелю). Устав регламентировал распорядок дня, быт и богослужение в монастыре. Конституирование монашества было вызвано численным ростом христианской общины начиная с III в. Один из крупнейших западных отцов монашества Иоанн Кассиан (ум. в 435) подчеркивал: «Монах должен в первую очередь бежать от епископа и женщины». Эта парадоксальная

формулировка раскрывает взаимоотношения аскета и общины, во главе которой стоит епископ. Для аскета пребывание в разросшейся общине или выполнение каких-либо богослужебных обязанностей означало отвлечение от трудов веры, от стези индивидуального спасения. Но в V в. монастырь оказался в подчинении епископа диоцеза. Впоследствии на Западе с ростом самосознания монашества эта зависимость стала причиной острых конфликтов с епископатом.

Монашество появилось в III в. в Египте, затем в Палестине и Сирии. На Западе оно известно со второй половины IV в. Древнейшие монастыри были основаны в Аквитании св. Мартином Турским, однако они представляли скорее колонии отшельников-энтузиастов, жизнь которых была слабо регламентирована. Иной тип монастыря складывается в юго-восточной Галлии. Около 400 г. близ Канн возник монастырь Лерин, ставший центром целой монашеской «республики» по течению Роны. Именно в Лерине скорее всего берет начало магистральное направление западного монашества, которое обрело завершённые формы в уставе св. Бенедикта. В 530 г. св. Бенедикт из Нурсии (ок. 480/490—555/560) основал на Монте Кассино близ Неаполя монастырь. В основе его устава лежало более древнее правило, предположительно связанное с кругом Лерина.

Бенедикт определял монастырь как «школу служения Господу», где основой жизни монахов должно стать безграничное послушание учителю — аббату, «викарию Христа». С послушания начинается воспитание смирения, высшей смысл которого в рабствовании своей воли в воле Бога. Потому-то Бенедикт и считал общину монахов с ее строгой дисциплиной, неусыпным контролем и системой наказаний кратчайшим путем к Богу. Вступив в общину, монах не только отрекается от мира, но приносит обет послушания и оседлости: ворота навсегда закрываются за ним. С тем чтобы исключить всякое проявление индивидуальной воли, Бенедикт последовательно проводит в уставе идею общежитийности: монахи спят, питаются, читают и работают вместе. Он даже устранил индивидуальную молитву монахов из общего богослужения: уста всех братьев произносили одни и те же слова. Наряду с молитвой важным занятием братии должен был стать физический труд. Праздность Бенедикт считал вредной для души. Однако он не требовал от своих монахов измождения плоти ни трудом, ни постами, во всем придерживаясь умеренности.

Распространение устава св. Бенедикта в Европе заняло несколько столетий. Широкую известность принесли ему ирландские миссионеры, появившиеся на континенте в конце VI — VII в.

Ирландское монашество, возникшее в V—VI вв., отличалось глубоким своеобразием. В Ирландии, где города еще только начинали складываться, епископат, не обладавший светской властью, оказался значительно слабее монастырей. Там, собственно, сложилась *монастырская церковь*. Только монастыри осуществляли пастырское служение, а аббаты или аббатиссы сами назначали епископов или митрополитов. Свой авторитет монастыри во многом заслужили невероятной строгостью аскезы. Одной из ее форм стало паломничество Христа ради. Ирландские монахи словно принимали добровольное изгнание, отлучение от родины. Так, в конце VI в. в Галлию прибыл св. Колумбан. Под воздействием его проповеди франкская знать устремилась в монастыри, ранее бывшие лишь убежищем галло-римлян; число монастырей в Галлии возросло более чем в два раза. Колумбан добивался полной правовой независимости своих обителей от власти епископа.

В монастырях Колумбана стало распространяться так называемое смешанное правило, основывавшееся как на ирландских традициях, так и на уставе св. Бенедикта. Колумбан, возможно, получил его из Рима от папы Григория Великого, написавшего в конце VI в. житие Бенедикта. С тех пор устав св. Бенедикта стал восприниматься в Европе прежде всего как римский, хотя собственно в самом Риме бенедиктинцы появились лишь в X в.

Следующим этапом в распространении устава св. Бенедикта стала деятельность англосаксонских миссионеров на континенте в первой половине VIII в. В связи с подчинением английской церкви Риму устав, освященный именем папы Григория Великого, уже с конца VII в. преобладал в английских монастырях. Но наряду с посланцами из Рима в Англии действовали также ирландские миссионеры, привнесшие сюда собственные аскетические представления. Английский епископат, созданный Григорием Великим, не был поглощен монастырями, однако господствовало убеждение, что как епископы, так и священники обязаны вести монашеский образ жизни: лишь «чистые руки» могут прикоснуться к святому причастию.

Усилиями ирландцев, а затем и англосаксонских миссионеров монашество в силу своего высокого морального авторитета занимает совершенно особое положение в Западной Европе. Именно оно становится на долгие века инициатором всевозможных общецерковных реформ, интенсивно воздействует на массовое сознание и повседневную жизнь паствы. Островные миссионеры добивались чистоты *клира* (духовенства), требовали от него монашеского обета безбрачия (*целибат*), ранее не всегда исполнявшегося даже епископами. Под непосредственным влиянием англосаксов

к первой четверти IX в. клир разделился на *регулярный*, живущий общиной и по монашескому уставу, и *секулярный*, т.е. исполняющий лишь обычные требования церковного права. Если часть клира в результате деятельности миссионеров постепенно сближалась с монашеством, то и монахи под влиянием ирландских традиций принимали священнический сан, позволявший им самостоятельно отправлять таинства.

Деятельность англосаксонских миссионеров на континенте увенчалась в середине VIII в. законодательным утверждением устава св. Бенедикта во всех монастырях франкского королевства. Однако в силу разности местных условий, противоречий самого устава в монастырях складывались или продолжали существовать обычаи, дополнявшие или разъяснявшие правило св. Бенедикта. Советник Людовика Благочестивого св. Бенедикт Анианский (ум. в 821), сознавая необходимость приспособить устав к северным реалиям и сложившимся в монастырях традициям, в первой четверти IX в. ввел единый и обязательный для всех монастырей *обычай*. Этот своего рода расширенный устав св. Бенедикта позволил находить приемлемые, с учетом местных традиций, формы монашеской жизни и одновременно обеспечивал единство монашества в духе бенедиктинства. Вплоть до XII в. не новые уставы, а именно письменные «обычаи» являлись инструментами монашеских реформ, ужесточения монашеской аскезы.

Англосаксонские миссионеры на континенте. Англосаксонские *пилигримы* (странники), как и ирландцы, «Христа ради» отправились в конце VII в. на Нижний Рейн, к язычникам-фризам. В первой половине VIII в. в Германии, прежде всего в языческих Гессене и Тюрингии, разворачивается деятельность св. Бонифация из Уэссекса (ум. в 754). Алеманны на Верхнем Рейне и бавары, поселившиеся на среднем Дунае, приняли христианство еще в VII в. от ирландцев. Св. Бонифаций не ограничился только распространением христианства. Он разработал программу глубоких реформ франкской церкви, осуществление которой началось в 40-е гг. VIII в. Целью этой реформы было водворение во всей франкской церкви единообразия и подчинения Риму.

Значение англосаксонской миссии для последующей истории церкви определили два обстоятельства. Во-первых, англосаксы сразу же заключили союз с Каролингами, фактически правившими в королевстве. Для Каролингов христианизация превратилась в орудие внешней экспансии и укрепления франкского господства на завоеванных территориях. Именно в эту эпоху появляется особый тип христианской миссии, которая несла новую веру «на острие меча». Такова позднее была и христианизация Саксонии

в последней трети VIII в. Поддержка же реформаторских устремлений Бонифация давала Каролингам возможность упрочить свое положение внутри франкского королевства. Во-вторых, англосаксы, некогда принявшие христианство из Рима, подчинили свою миссию папе. С тех пор именно папство приобрело право санкционировать и направлять миссионерскую деятельность церкви и государства. Папа руководил и реформой Бонифация. Англосаксы не только заложили фундамент Римской церкви на континенте к северу от Альп, но и способствовали сближению папства с Каролингами.

Союз Каролингов с папством. Патримоний св. Петра. Складывавшийся союз с папством майордом Пипин Короткий в 751 г. использовал для окончательного утверждения своей власти в королевстве франков. Папство в свою очередь рассчитывало при поддержке франков избавиться от лангобардов, подступивших к Риму, и опеки Византии. Пипин, нанеся поражение лангобардам, в 756 г. подарил папе земли в Средней Италии, основав таким образом светское государство пап — *патримоний св. Петра*. Это государство призвано было гарантировать независимость папы от светских властителей. Однако во второй половине VIII—IX в. патримоний св. Петра входил в состав франкского государства, правители которого взяли на себя обязанности защищать Апостольский Престол.

Каролинги, восприняв от св. Бонифация идею церковной реформы, добивались унификации всей церковной жизни на основе римских обычаев. Карл Великий попросил у папы аутентичные тексты римской литургии, церковного права, устава св. Бенедикта. Была осуществлена редакция римского перевода Библии, созданного в IV в. св. Иеронимом. Именно с IX в. Библия Иеронима постепенно становится *Вульгатой*, т.е. общеупотребительной.

Карл Великий считал, что лишь римские обычаи угодны Богу, а потому искоренял все локальные церковные традиции. Римские тексты тиражировались и рассылались во все концы франкской империи как образцовые. С этой целью в монастырях, по повелению Карла, создавались скриптории, библиотеки и школы. Одним из важнейших занятий бенедиктинского монашества становится с тех пор хранение и передача знаний. Большое значение имели структурные реформы церкви. Именно с Карлом Великим связано создание устойчивой сети *приходов*, а соответственно углубление христианизации деревни. Население конкретной области прикреплялось к тому или иному храму-приходу, которому отныне оно должно было вносить десятину.

Реформы Бонифация и Каролингов в целом создали римскую церковь в Западной Европе. Лишь христиане арабской Испании

(мосарабы) сохраняли особые традиции вестготской церкви. Однако на деле и римская церковь Каролингской империи не была полностью под управлением пап, но контролировалась императорами.

Имперская церковь при Каролингах. Основные принципы церковной политики Каролингов оформились в процессе возвышения династии, начиная со второй половины VII в., и затем были приведены в систему при Карле Великом и Людовике Благочестивом. В борьбе с местным сепаратизмом Каролинги утверждали на епископских кафедрах своих приближенных, которые приносили им вассальную присягу. Важной опорой их централизаторских устремлений стали монастыри, предпочитавшие мелочной опеке местного епископа далекую власть короля. Вместе с тем Каролинги использовали институт *частной церкви*, сложившийся еще в VI—VII вв. в силу как социально-экономических, так и морально-религиозных факторов. Крупные франкские магнаты, стремясь гарантировать личное и родовое благополучие, основывали в своих владениях церкви, а позднее, под влиянием св. Колумбана, и монастыри. При этом они как верховные сюзерены сохраняли власть над такими церквями и их имуществом.

Каролинги на землях своего домена, а затем и фиска основали множество частных монастырей, аббаты которых приносили вассальную присягу династии. Позднее они требовали вассальной присяги и от крупнейших епископских и всех частных монастырей королевства. Взамен монастыри получали комплекс привилегий: короли гарантировали им безопасность и покровительство, что означало правовую независимость от епископа и местных сеньоров, а также налоговый и судебный иммунитет, которым располагали еще меровингские прелаты. Именно Каролинги превратили монастыри в крупнейших и привилегированных землевладельцев Европы. В первой половине IX в. привилегии защиты и покровительства были дарованы также всем епископствам франкской империи.

Духовные вассалы императора обязаны были нести службу своему сюзерену, прежде всего военную. Каролинги требовали от аббатов и епископов в обмен на привилегии испомещать на своих землях воинов-вассалов и по приказу императора являться во главе вооруженного отряда. Войско Каролингов на $\frac{2}{3}$, а порою и на $\frac{3}{4}$ состояло из присланных духовными вассалами воинов. Кроме того, духовные вассалы должны были молиться за благополучие империи, помогать сюзерену советом, принимать у себя двор, вносить различные денежные отчисления и т.д. Сосредоточение в руках епископов и аббатов обширных светских полномочий,

вплоть до вынесения судебных приговоров или участие в войне, потребовало учреждения должности *фогта* (защитника) при прелатах-иммунистах. Фогт был правомочен судить и командовать войском прелата.

Таким образом, при Каролингах складывается *система имперской церкви*, основывающаяся на принципе вассально-ленной зависимости духовных иерархов от императора. Это была уже феодальная церковь в отличие от имперской церкви Константина Великого и его преемников IV—V вв. В обосновании своей власти над церковью Каролинги, в особенности начиная с правления Карла Великого, развивали теорию сакральности королевского и императорского сана, практически отождествляя монарха со священнослужителем. Это выражалось уже в акте *помазания на царство*, которое впервые принял Пипин Короткий. Как наместник Бога на земле монарх является защитником и одновременно управителем церкви, а также проповедником истинного христианства. Папе же и клиру надлежало лишь молиться о даровании верховному государю удачи. Каролинги пользовались исключительным правом созывать общеимперские синоды духовенства, лично вмешивались в решение догматических и богослужебных вопросов. Клир их домовых церквей — капеллы — фактически выполнял функции правительства франкской империи. Официально в обязанности *капелланов* входило хранение главной реликвии франкского королевства — плаща св. Мартина Турского, именовавшегося по латыни «*сарра*» и давшего название самому институту. Из числа капелланов рекрутировались имперские аббаты и епископы, лично преданные династии.

Папство во второй половине IX — середине XI в. Реформы Бонифация и Каролингов закрепили авторитет папства в Западной Европе. Однако папам тогда еще не удалось выработать действенные механизмы управления церковью, подвластной светским правителям. Вместе с тем теократические притязания императоров привели уже в 30-е гг. IX в. к первым столкновениям с римским епископом, игравшим на противоречиях в семье Каролингов. Еще в середине VIII в. в Риме возникла подложная грамота — *Константинов дар*, согласно которой Константин Великий передал папе, якобы законному преемнику цезарей на Западе, знаки императорской власти и право короновать светских государей. Эта фальшивка распространилась в Европе в IX в. и свидетельствовала об оформлении притязаний папства на верховную светскую власть. После Верденского раздела 843 г. гарантией статуса императора — теперь лишь одного из трех франкских государей — являлось исключительно владение Римом и акт коронации в соборе св. Петра.

Именно тогда за папами окончательно закрепляется право коронации римских императоров (ранее этот титул главным образом передавался по наследству). Опираясь на возросший престиж, папство присвоило себе положение арбитра в спорах между Каролингами. А с пресечением линии Лотаря оно фактически решало, кому из каролингских отпрысков вручить императорскую корону. Этот успех оказался, однако, иллюзорным.

Во второй половине IX в. с усилением центробежных тенденций реальная власть в империи Каролингов все более сосредоточивалась в руках могущественных кланов знати. К концу IX в. папство также оказалось под контролем итальянских магнатов и римской аристократии, а императорская корона стала своего рода разменной монетой во взаимоотношениях Рима с теми или иными сеньорами Апеннинского полуострова. Период с конца IX и до середины XI в. называют темным столетием в истории папства. В эти годы больше половины пап закончили свою жизнь в изгнании, в тюрьме или были убиты. Восстановление империи в 962 г. Оттоном I в целом лишь ненадолго ослабило зависимость папы от римской и итальянской аристократии. Попытка же Оттона III возродить величие Рима как политического и духовного центра христианского универсума закончилась неудачей. Кругозор папства «темного столетия» провинциализируется, у него отсутствует какая-либо цельная политика в отношениях с заальпийской церковью, светской властью и Византией. Папы, моральный облик которых в большинстве случаев оставлял желать лучшего, активно вмешивались в борьбу различных группировок римской знати, отдавались заботам по управлению своими земельными владениями. Нередко папам приходилось лично и с оружием в руках противостоять арабам, а в начале XI в. еще и византийцам.

Церковь в конце IX — начале XI в. С распадом Каролингской империи было утрачено духовное и политическое единство церкви, достигнутое на основе универсалистской политики Каролингов. В конце IX—X в. церковь переживала глубокий упадок, чему немало содействовали разрушительные набеги норманнов, арабов и венгров.

Наиболее острые формы кризис церковной жизни принял в Западно-Франкском королевстве, Лотарингии и Италии, где интенсивные процессы феодализации привели к появлению множества политических образований, широкому распространению «права частной церкви». Повсеместной стала торговля духовными должностями, открывавшими путь к обширным земельным владениям и значительным властным полномочиям, — *симония*

(от евангельского персонажа Симона Волхва, желавшего купить «дары Святого Духа»). Рост влияния мирян в церкви привел к постепенной порче нравов монашества и духовенства, к обмирщению церкви: и клирики, и даже монахи подражали в быту сеньорам, зачастую обзаводились семьями или сожительницами, передавая церковное имущество по наследству.

Иначе складывалась судьба церкви в Восточно-Франкском королевстве, где феодализация протекала более замедленными темпами, и явления, характерные для западно-франкской и итальянской церкви, были выражены менее отчетливо. Упадок церковной жизни оказался здесь кратковременным. Оттон I, подчеркивая преемственность своей власти от Каролингов, видел в церкви важнейшую опору государства. К началу XI в. в германских землях оформляется система имперской церкви (см. гл. 6).

Как и при Каролингах, христианизация соседних языческих народов становится частью экспансионистской политики германских императоров. В X в. усилиями германских миссионеров христианство утверждается в Чехии, Польше и Венгрии. Тогда же началась насильственная христианизация славянских племен междуречья Эльбы и Одера, продолжавшаяся вплоть до XIII в. В X в. немецкие миссионеры дали импульс распространению христианства в Скандинавии. Таким образом, к началу II тысячелетия христианство утвердилось на всей территории Западной, Центральной и Восточной Европы, исключая лишь Прибалтику, а также часть Испании и Сицилию, занятых арабами.

Развитое Средневековье

то, самым важным из которых является наличие у него «идеи» — своего дела, своего дела, которое он должен сделать, чтобы изменить положение вещей в мире. Идея — это то, что заставляет человека думать, что он должен сделать, чтобы изменить положение вещей в мире. Идея — это то, что заставляет человека думать, что он должен сделать, чтобы изменить положение вещей в мире.

Однако, чтобы идея могла стать делом, необходимо, чтобы человек был способен на самопожертвование. Это означает, что человек должен быть способен на то, чтобы сделать то, что ему нужно, даже если это означает, что он должен пожертвовать собой. Это означает, что человек должен быть способен на то, чтобы сделать то, что ему нужно, даже если это означает, что он должен пожертвовать собой.

Как и в случае с идеей, так и в случае с самопожертвованием, человек должен быть способен на то, чтобы сделать то, что ему нужно, даже если это означает, что он должен пожертвовать собой. Это означает, что человек должен быть способен на то, чтобы сделать то, что ему нужно, даже если это означает, что он должен пожертвовать собой.

Глава 8

Возникновение и рост средневековых городов

Города оказали значительное воздействие на экономику, социально-политическое и духовное развитие средневекового общества. XI столетие — время, когда в большинстве стран Западной Европы в основном сложились города, как и все главные структуры феодализма, — является хронологическим рубежом между ранним (V—XI вв.) и развитым Средневековьем (XI—XV вв.).

Городская жизнь в раннее Средневековье. Первые столетия Средних веков в Западной Европе характеризовались господством натурального хозяйства, когда основные жизненные средства добываются в самой хозяйственной ячейке, ее силами и из ее ресурсов. Крестьяне, составлявшие подавляющую массу населения, производили сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия, орудия труда и одежду для собственных нужд и для уплаты повинностей господину. Принадлежность орудий труда самому работнику, соединение сельского труда с ремеслом — характерные черты натурального хозяйства. Лишь немногие ремесленники проживали тогда в немногочисленных городских поселениях, а также в поместьях крупных замков обычно в качестве дворовых людей. Небольшое число их — кузнецов, гончаров, кожевников и промысловиков (солеваров, углежогов, охотников) — наряду с ремеслом и промыслами занималось и сельским хозяйством.

Производство продуктов на продажу, т.е. товарное производство, в большей части Западной Европы почти не было развито. Определенный обмен продуктами, разумеется, происходил, он был основан прежде всего на географическом разделении труда: различиях в природных условиях и уровне развития отдельных местностей и регионов. Торговали преимущественно добываемыми в немногих пунктах, но важными в хозяйстве товарами: железом, оловом, медью, солью и т.п., а также предметами роскоши, не производившимися тогда в Западной Европе и привозимыми с Востока: шелковыми тканями, дорогими ювелирными изделиями и оружием, пряностями и т.д. Главную роль в этой торговле играли

странствующие, чаще всего иноземные купцы (греки, сирийцы, арабы, евреи и др.)

Обычной была и практика ближней торговли — обмен (обычно прямой, товар на товар) между жителями соседних поселений, районов и даже областей, которые сбывали и приобретали продукты местного производства. Места такого обмена обычно были традиционными, как и стоянки купцов-транзитников. Там постепенно вырастали торговые местечки.

Особенно заметной была их роль в тех обширных районах Европы, где не было прямых античных традиций и возникали лишь отдельные протогородские очаги — торговые и политико-административные центры, поддерживающие друг друга. К VIII в. некоторые из них сформировались в так называемые «ранние города» — торговые эмпории, сыгравшие значительную роль в общественном развитии этих регионов, их международных связей (как, например, скандинавские Бирка, Хелебю, Дорестад и др.). На обширной территории от Британских островов до Прибалтики и Северо-Западной Руси в период расцвета Франкской империи ранние города образовали «кольцо» торгового транзита, связанное с Днепровским, Волжским и далее восточными торговыми потоками. Соответственно уже в раннее Средневековье сформировался хотя и невеликий, но особый слой купцов, чья деятельность регулировалась законами почти всех государств и, следовательно, была заметным фактором их жизни. Не лишне заметить, что такой купец, привыкший к опасным дальним путешествиям, владеющий мечом, знающий грамоту и счет, иноземные наречия и нравы, часто использовался правителями как дипломат и разведчик.

Что же касается античного Юга Европы, то хотя многие старые римские города в первые века после распада Римской империи приходили в упадок, происходила аграризация экономики, городская жизнь отнюдь не исчезла. Сохранялись еще позднеархаический полис в Византии и западноевропейские города, в разной мере запустевшие и разрушенные (Милан, Рим, Равенна, Неаполь, Амальфи, Париж, Лион, Арль, Кёльн, Майнц, Страсбург, Трир, Аугсбург, Вена, Лондон, Йорк, Честер, Глостер и многие другие). Правда, они по большей части играли роль либо административных центров, либо укрепленных пунктов (крепостей-бургов), либо резиденций епископов и т.д. Их небольшое население мало чем отличалось от деревенского, многие городские площади и пустыри использовались под пашни и пастбища. Больше всего городов сохранилось в наиболее романизированных областях Европы: могучий Константинополь в Византии, торговые

эмпории в Италии, Южной Галлии, в вестготской, а затем арабской Испании. И все же многие позднеантичные города в V—VII вв. пришли в упадок, некоторые из них были относительно многочисленны, в них продолжали существовать специализированные ремесла, постоянные рынки, сохранялись муниципальная организация и цехи. Отдельные города, прежде всего в Италии и Византии, являлись крупными центрами посреднической торговли с Востоком. Сохранялись урбанистические традиции: муниципальные, экономические, бытовые, культурные. Сохранялся «воздух» городской жизни.

Таким образом, начало Средневековья вовсе не было «безгородским» периодом. Другое дело, что в масштабах Европы городской строй как завершенная система еще не сложился. Западная Европа отставала в своем развитии от Византии и Востока, где процветали многочисленные города с высокоразвитым ремеслом, оживленной торговлей, богатыми постройками. Но сохранившиеся и выраставшие заново города античных регионов и складывающиеся пред- и раннегородские поселения на варварских территориях сыграли значительную роль в феодализационных процессах. Они служили опорой складывающейся королевской власти и важным источником ее доходов, выступали центрами политико-административной, стратегической сети и церковной организации. Они постепенно сосредоточивали в своих стенах товарное хозяйство, становясь пунктами перераспределения и очагами культуры.

Основы складывания городского строя. Отделение города от деревни. При том что город становился средоточием отделившихся от сельского хозяйства общественных функций, в том числе политико-идеологических, основой городской жизни была экономическая функция — складывание и развитие простого товарного хозяйства, мелкого товарного производства и торговли. Развитие такого производства основывалось на общественном разделении труда, ведь постепенно выделяющиеся отдельные отрасли труда могут существовать лишь путем обмена.

К X—XI вв. в общественной жизни Западной Европы произошли важные изменения. Заметно росли производительные силы. Быстрее всего развивалось ремесло: постепенно изменялись и развивались его техника, навыки труда, совершенствовалась и дифференцировалась продукция. И хотя в деревне постоянно (и в Новое время) сохранялось известное число ремесленников (обычно кузнецы, гончары, сапожники) и крестьяне сами изготавливали большинство необходимых им средств труда и быта, специализация ремесла, его дальнейшее развитие и сбыт продукции не могли уже совмещаться с трудом и образом жизни крестьянина. Вообще

в деревне возможности для развития товарного ремесла ограничивались и узостью местного рынка, и властью землевладельца с его поборами и силовым нажимом. Все требовало не только профессионализации ремесла, его отделения от сельского хозяйства, но также территориального и правового размежевания.

Совершенствовалась и сфера обмена. Распространялись ярмарки, как местные, так и межобластные и международные, собиравшие торгующих лиц из разных земель и стран. Складывались регулярные рынки в городах, торговых местечках, крупных вотчинах. Расширялись чеканка и ареал обращения монет. Развивались пути и средства сообщения. В частности, уход за дорогами, мостами и их сооружение возлагались на местных жителей как их важная повинность, за исполнением которой следили власти.

Наступил момент, когда неизбежным стало превращение ремесла и торговли в особые сферы общественной деятельности и их сосредоточение в особых центрах. Ремесленники и торговцы покидали деревню и селились там, где находили наиболее благоприятные условия для производства и сбыта продукции, приобретения сырья и, конечно, личной независимости и безопасности. Это были города, с их стенами и совершенно иным образом жизни, рыночные местечки. В города уходили и многие крестьяне, которые как раз в этот период вполне ощутили систему сложившегося феодального принуждения.

Другим фактором урбанизации явился прогресс сельского хозяйства. Расширялись посевы зерна и технических культур: развивались и совершенствовались огородничество, садоводство, виноградарство и тесно связанные с сельским хозяйством виноделие, маслоделие, мельничное дело. Увеличилась численность и улучшилась породность скота. Использование лошадей внесло важные улучшения в гужевой транспорт и военное дело, в крупное строительство и обработку почвы. Увеличение продуктивности сельского хозяйства давало возможность сбывать часть его продуктов, в том числе ремесленное сырье, получать готовые ремесленные изделия от мастеров и торговцев, что избавляло крестьянина от необходимости производить их самому.

На рубеже I и II тысячелетий наряду с названными хозяйственными появились важнейшие социальные и политические предпосылки складывания городов. Государство и церковь видели в городах свои опорные пункты и источники денежных поступлений, поэтому они по-своему содействовали их развитию. Выделился господствующий слой, потребность которого в оружии, предметах роскоши и т.п. способствовала увеличению числа профессиональных ремесленников. А рост государственных налогов

и сеньориальных рент до известного времени стимулировал рыночные связи крестьян, которым все чаще приходилось выносить на рынок не только излишки, но и часть необходимых для их жизни продуктов. С другой стороны, крестьяне, подвергавшиеся все большему гнету, стали убегать в города, это была форма их сопротивления феодальному гнету.

В результате в X—XIII вв. (а в Италии с IX в.) повсюду в Западной Европе бурно росли города нового, феодального типа. Город был особым центром ремесла и торговли, отличался по количеству, составу и основным занятиям населения, его социальной структуре и политической организации, по застройке, образу жизни, культуре.

Формирование городов, таким образом, не только отражало общественное разделение труда и социальную эволюцию периода раннего Средневековья, но и было их результатом. Поэтому, являясь органичной составной частью феодализационных процессов, складывание города несколько отставало от складывания государства и классов феодального общества.

Теории происхождения средневековых городов. Вопрос о причинах и обстоятельствах возникновения средневековых городов издавна интересовал ученых. Пытаясь ответить на него, медиевисты XIX и XX вв. выдвигали различные теории. Для значительной их части характерен институционально-юридический подход, когда наибольшее внимание уделялось происхождению и развитию специфических городских учреждений и городского права.

Историки XIX в. занимал в первую очередь вопрос о том, из какой формы поселения произошел средневековый город и как учреждения этой предшествующей формы трансформировались в учреждения города. «Романистическая» теория (*Савиньи, Тьерри, Гизо, Ренуар*), которая строилась главным образом на материале романизированных областей Европы, считала средневековые города и их учреждения прямым продолжением поздних античных городов. Историки, опиравшиеся в основном на материал Северной, Западной, Центральной Европы (в первую очередь немецкие и английские), видели истоки средневековых городов в явлениях нового, феодального общества, прежде всего правовых и институциональных. Согласно «вотчинной» теории (*Эйхгорн, Нич*), город и его институты развивались из феодальной вотчины, ее управления и права. «Марковая» теория (*Маурер, Гирке, Белов*) выводила городские учреждения и право из строя свободной сельской общины-марки. «Бурговая» теория (*Кейтген, Мэтланд*) усматривала зерно города в крепости-бурге и бурговом праве. «Рыночная» теория (*Зом, Шредер, Шульте*) выводила городское

право из рыночного права, действовавшего в местах, где велась торговля.

Каждая из этих теорий отличалась односторонностью, выдвигала какой-либо единственный путь или фактор возникновения города. Поэтому, в частности, они так и не объяснили, почему большинство вотчинных центров, общин, замков и даже рыночных местечек не превратились в города.

Немецкий историк Г. Ритшель в конце XIX в. попытался объединить «бурговую» и «рыночную» теории, видя в ранних городах селения купцов вокруг укрепленного пункта — бурга. Бельгийский историк А. Пиренн в отличие от большинства своих предшественников отводил определяющую роль в возникновении городов экономическому фактору — межконтинентальной и межрегиональной транзитной торговле и ее носителю — купечеству. Согласно его «торговой» теории, города в Западной Европе возникли первоначально вокруг купеческих факторий. Но Пиренн также игнорирует роль ремесла в возникновении городов и не объясняет истоки, закономерности и специфику города именно как феодальной структуры. Тезис Пиренна о чисто торговом происхождении города не был принят многими медиевистами.

В зарубежной историографии XX в. сделано многое для изучения археологических данных, топографии и планов средневековых городов (*Гансгоф, Планиц, Эннен, Эбель и др.*). Эти материалы многое разъясняют в предыстории и начальной истории городов, почти не освещенной письменными памятниками. Seriously разрабатывается вопрос о роли в складывании и в жизни средневековых городов политико-административных, военных, религиозных факторов.

Многие современные зарубежные историки, стремясь уяснить общие закономерности генезиса средневековых городов, разделяют и развивают концепции возникновения феодального города именно как следствия общественного разделения труда, развития товарных отношений, социальной и политической эволюции общества.

В отечественной медиевистике проведены солидные исследования по истории городов почти всех стран Западной Европы. Но длительное время в ней делался акцент преимущественно на социально-экономической функции городов, при меньшем внимании к их прочим функциям. В последние годы, однако, возобладала тенденция рассматривать все многообразие характеристик средневекового города, притом от самых истоков. Город определяется не только как наиболее динамичная структура средневековой цивилизации, но и как органичный компонент феодального строя начиная с его возникновения.

Возникновение феодальных городов. Конкретно-исторические пути возникновения городов весьма разнообразны. Уходившие из деревень в поисках свободы крестьяне и ремесленники селились в различных местах, где были благоприятные условия для занятия «городскими делами», т.е. такими, которые были связаны с рынком. Иногда, особенно в Италии и Южной Франции, это были административные, военные и церковные центры, нередко располагавшиеся на территории старых римских городов, которые возрождались к новой жизни — уже в качестве городов феодального типа. Укрепления этих пунктов обеспечивали жителям необходимую безопасность.

Концентрация населения в подобных центрах происходила также за счет господ с их слугами и свитой, духовных лиц, представителей королевской и местной администрации, которые были постоянными потребителями изделий ремесленников и товаров купцов. Но чаще, особенно в Северо-Западной и Центральной Европе, ремесленники и торговцы селились вблизи больших вотчин, усадеб, замков и монастырей, обитатели которых приобретали их товары. Селились они у пересечения важных дорог, у речных переправ и мостов, на берегах удобных для стоянки кораблей бухт, заливов и т.п., где издавна действовали традиционные рынки. Такие рыночные местечки при значительном росте их населения, наличии благоприятных условий для производства и рыночной деятельности также превращались в города.

Рост городов в отдельных областях Западной Европы происходил разными темпами. Раньше всего, в VIII—IX в., феодальные города, в первую очередь как торгово-ремесленные и политические центры, сформировались в Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Бари, Неаполь, Амальфи); в X в. — на юге Франции (Марсель, Арль, Нарбонн, Монпелье, Тулуза и др.). В этих и других областях с богатыми античными традициями быстрее, чем в других, произошло формирование феодального государства с его опорой на города.

Раннему возникновению и росту итальянских и южнофранцузских городов весьма способствовали также торговые связи этих областей с более развитыми в то время Византией и странами Востока. Конечно, известную роль сыграло и сохранение там остатков многочисленных древних поселений и крепостей, где легче было найти приют, защиту, традиционные рынки, рудименты ремесленных организаций и римского муниципального права.

В X—XI вв. стали возникать феодальные города в Северной Франции, в Нидерландах, в Англии и Германии — по Рейну и верхнему Дунаю. Фландрские города Брюгге, Ипр, Гент, Лилль, Дуэ, Аррас и др. славились тонкими сукнами, которыми снабжали

многие страны Европы. В этих областях было уже не так много римских поселений, большинство городов возникало заново.

Позднее, в XII—XIII вв., выросли феодальные города на северных окраинах и во внутренних областях Зарейнской Германии, в Скандинавских странах, в Ирландии, Венгрии, дунайских княжествах, т.е. там, где развитие феодальных отношений происходило медленнее. Здесь все города вырастали, как правило, из рыночных местечек, а также областных (бывших племенных) центров.

Распределение городов на территории Европы было неравномерным. Особенно много их было в Северной и Средней Италии, Фландрии и Брабанте, по Рейну. Но и в других странах и регионах количество городов, включая мелкие, было таково, что обычно житель деревни мог добраться до какого-либо из них в течение одного дня.

При всем различии места, времени, конкретных условий возникновения того или иного города оно всегда являлось результатом общего для всей Европы общественного разделения труда. В социально-экономической сфере оно выражалось в отделении ремесла от земледелия, развитии товарного производства и обмена между разными сферами хозяйства и разными территориями и поселениями.

Процесс градообразования в целом был длительным, он продолжался и за рамками Средневековья. Но именно в X—XI вв. произошел тот важнейший качественный сдвиг в общественной жизни Западной Европы — складывание характерного для нее городского строя.

Простое товарное хозяйство при феодализме. Товарные отношения — производство на продажу и обмен, — концентрируясь в городах, стали играть огромную роль в развитии производительных сил не только в самом городе, но и в деревне. Натуральное в своей основе хозяйство крестьян и господ постепенно втягивалось в товарно-денежные отношения, появлялись условия для развития внутреннего рынка на основе дальнейшего разделения труда, специализации отдельных районов и отраслей хозяйства (разные виды земледелия, ремесел и промыслов, скотоводство).

Само товарное производство Средних веков не следует отождествлять с капиталистическим или видеть в нем прямые истоки последнего, как это делали некоторые видные историки (А. Пиренн, А. Допш и др.). В отличие от капиталистического простое товарное производство было основано на личном труде мелких, обособленных непосредственных производителей — ремесленников, промысловиков и крестьян, которые не эксплуатировали в широких масштабах чужой труд. Все более втягиваясь в товарный об-

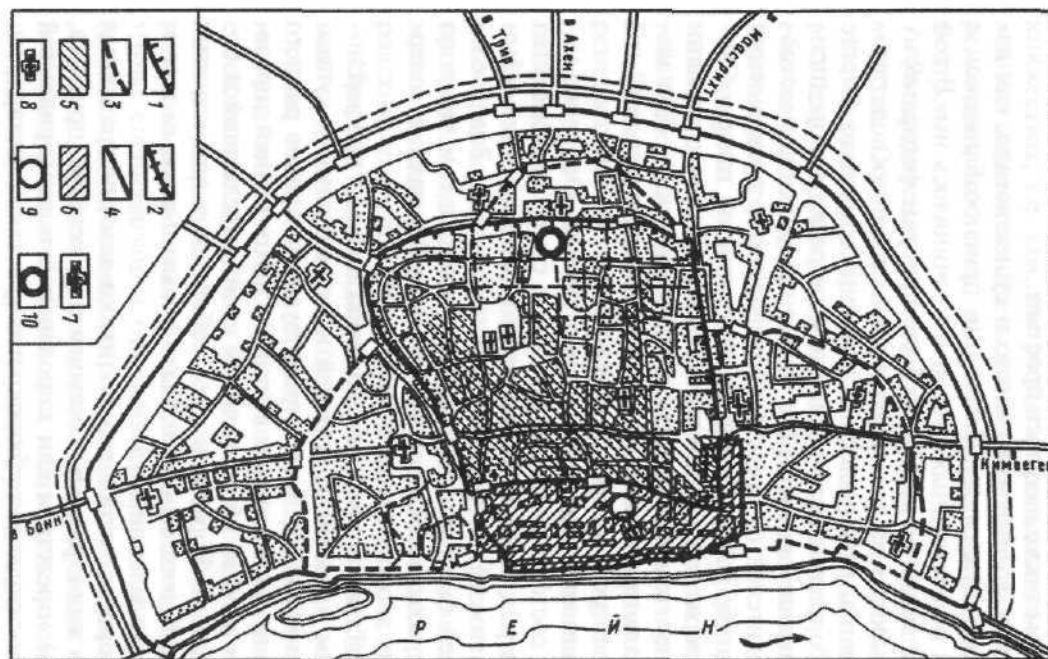
мен, простое товарное производство, однако, долго сохраняло мелкий характер, не знало расширенного воспроизводства. Оно обслуживало сравнительно узкий рынок и вовлекало в рыночные отношения лишь небольшую часть общественного продукта. При таком характере производства и рынка все товарное хозяйство феодализма в целом также являлось простым.

Простое товарное хозяйство возникло и существовало, как известно, еще в античную эпоху. Затем оно приспособлялось к условиям разных общественных систем и подчинялось им. В той форме, в которой товарное хозяйство было присуще феодальному обществу, оно выросло на его почве и зависело от господствующих в нем условий, развивалось и эволюционировало вместе с ним. Лишь на определенном этапе по мере развития предпринимательства, накопления капитала, отделения мелких самостоятельных производителей от средств производства и превращения в массовом масштабе рабочей силы в товар простое товарное хозяйство стало перерастать в капиталистическое. До этого времени оно оставалось неотъемлемым элементом экономики и социального строя феодального общества, так же как средневековый город — главным центром товарного хозяйства этого общества.

Население и внешний вид средневековых городов. Основное население городов составляли люди, занятые в сфере производства и обращения товаров: различные торговцы и ремесленники (сами сбывавшие свой товар), огородники, промысловики. Значительные группы людей были заняты продажей услуг, в том числе на рынке: матросы, возчики и носильщики, трактирщики и содержатели постоялых дворов, слуги, цирюльники и др.

Наиболее представительной частью горожан были профессиональные торговцы из местных жителей и их верхушка — купцы. В отличие от немногочисленных странствующих купцов раннего Средневековья они занимались и внешней, и внутренней торговлей и составляли особый общественный слой, выделявшийся богатством и влиянием. Формирование особого слоя лиц, занятых торгово-купеческой деятельностью, было новым и важным шагом в общественном разделении труда.

В крупных городах, особенно политико-административных центрах, обычно жили феодалы со своим окружением (прислуга, военные отряды), представители королевской и сеньориальной администрации — служилая «бюрократия», а также нотариусы, врачи, преподаватели школ и университетов и другие представители нарождающейся интеллигенции. Заметную часть населения составляло черное и белое духовенство, нередко — воинский гарнизон. В больших городах собиралось много бродячего люда, подрабатывающего поденным трудом, воровством и нищенством.

Средневековый город (Кёльн в конце XII в.):

1 — римские стены; 2 — стены X в.; 3 — стены начала XII в.; 4 — стены конца XII в.; 5 — торгово-ремесленные поселения; 6 — резиденция архиепископа; 7 — собор; 8 — церкви; 9 — старый рынок; 10 — новый рынок. Одним из наиболее распространенных типов городов Средневековья были так называемые “многоядерные” города, возникающие в результате слияния нескольких “ядер”: первоначального поселения, позднейшего укрепления, торгово-ремесленного посада с рынком и т.п. Так, например, возник средневековый Кёльн. В его основе лежат римский укрепленный лагерь, резиденция местного архиепископа (конец IX в.), торгово-ремесленное поселение с рынком (X в.). В XI—XII столетиях территория города и его население резко возросли

Горожане, предки которых обычно были выходцами из общин и деревень, еще долго сохраняли свои поля, пастбища, огороды как вне, так и внутри города, держали скот. Отчасти это объяснялось недостаточной товарностью тогдашнего сельского хозяйства: жителям почти всех городов приходилось обеспечивать себя хотя бы частью продовольствия, имея скот, огороды, угодья и даже пашни. Сюда же, в города, часто свозились поступления из сельских усадеб сеньоров: города служили местом их концентрации, перераспределения и сбыта.

Размеры средневековых западноевропейских городов были весьма невелики. Обычно их население исчислялось 1 или 3—5 тыс. жителей. Даже в XIV—XV вв. большими считались города с 20—30 тыс. жителей. Только немногие из них имели население, превышающее 80—100 тыс. человек (Константинополь, Париж, Милан, Венеция, Флоренция, Кордова, Севилья).

Города отличались от окружающих деревень своим внешним видом и плотностью населения. Обычно они были окружены рвами, высокими каменными, реже деревянными стенами с башнями и массивными воротами. Ворота на ночь запирались, мосты поднимались, на стенах дежурили дозорные. Сами же горожане несли сторожевую службу и составляли ополчение.

Городские стены со временем становились тесными, не вмещали всех построек. Вокруг стен, окружавших первоначальный городской центр (*бург, cité, град*), постепенно возникали предместья — посады, слободы, населенные главным образом ремесленниками, мелкими торговцами и огородниками. Позднее предместья в свою очередь обносились кольцом стен и укреплений. Центральным местом в городе была рыночная площадь, рядом с которой обычно располагались городской собор, а там, где было самоуправление горожан, еще и ратуша (здание городского совета). Люди одинаковых или смежных специальностей нередко селились по соседству.

Поскольку стены мешали городу расти вширь, улицы делались крайне узкими (по закону «не шире длины копья»). Дома, часто деревянные, тесно примыкали друг к другу. Выдающиеся вперед верхние этажи и крутые крыши домов, расположенных напротив друг друга, почти соприкасались. В узкие и кривые улицы едва проникали лучи солнца. Уличного освещения не существовало, как, впрочем, и канализации. Мусор, остатки пищи, нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу. Здесь же нередко бродил мелкий скот (козы, овцы, свиньи), рылись куры и гуси. Вследствие тесноты и антисанитарного состояния в городах вспыхивали опустошительные эпидемии, часто случались пожары.

Борьба городов с сеньорами и складывание городского самоуправления. Средневековый город возникал на земле феодала и поэтому должен был ему подчиняться. Большинство горожан первоначально составляли несвободные министриалы (служилые люди сеньора), крестьяне, издавна жившие на этом месте, иногда бежавшие от своих прежних господ либо отпущенные ими на оброк. При этом они нередко оказывались в личной зависимости от сеньора города. В руках последнего сосредоточивалась вся городская власть, город становился как бы его коллективным вассалом или держателем. Феодал был заинтересован в возникновении городов на своей земле, так как городские промыслы и торговля давали ему немалый доход.

Бывшие крестьяне приносили с собой в города обычаи и навыки общинного устройства, которые оказали заметное влияние на организацию городского управления. Со временем она, однако, принимала формы, соответствующие особенностям и потребностям городской жизни.

Стремление феодалов извлечь из города как можно больше доходов неизбежно привело к *коммунальному движению* — так принято называть борьбу между городами и сеньорами, происходившую повсюду в Западной Европе в X—XIII вв. Сначала горожане боролись за освобождение от наиболее тяжелых форм феодального гнета, за сокращение поборов сеньора, за торговые привилегии. Затем встали и политические задачи: обретение городского самоуправления и прав. Исход этой борьбы определял степень независимости города по отношению к сеньору, его экономическое процветание и политический строй. Борьба городов велась отнюдь не против феодальной системы в целом, а против конкретных сеньоров за то, чтобы обеспечить существование и развитие городов в рамках этой системы.

Иногда городам удавалось за деньги получить от феодала вольности и привилегии, зафиксированные в городских хартиях; в других случаях эти привилегии, особенно право самоуправления, достигались в результате длительной, порой вооруженной борьбы. В нее обычно вмешивались короли, императоры, крупные феодалы. Коммунальная борьба сливалась с другими конфликтами — в данной области, стране, международными — и была важной составной частью политической жизни средневековой Европы.

Коммунальные движения проходили в различных странах по-разному, в зависимости от условий исторического развития, и приводили к различным результатам. В Южной Франции горожане добились, в основном без кровопролития, независимости уже

в IX—XII вв. Графы Тулузы и других городов Южной Франции, как и Фландрии, являлись не только городскими сеньорами, но государями целых областей. Они были заинтересованы в процветании местных городов, раздавали им муниципальные вольности, не препятствовали относительной самостоятельности. Однако они не желали, чтобы коммуны становились слишком мощными, получали полную независимость. Так произошло, например, с Марселем, который в течение столетия был независимой аристократической республикой. Но в конце XIII в. после 8-месячной осады граф Прованса Карл Анжуйский взял город, поставил во главе его своего наместника, стал присваивать городские доходы, дозируя средства для выгодных ему городских ремесел и торговли.

Многие города Северной и Средней Италии — Венеция, Генуя, Сьена, Флоренция, Лукка, Болонья и другие — в XI—XII вв. стали городами-государствами. Одной из ярких и типичных страниц коммунальной борьбы в Италии была история Милана — центра ремесла и торговли, важного перевалочного пункта на путях в Германию. В XI в. власть графа там сменилась властью епископа, который управлял при помощи представителей аристократических и клерикальных кругов. В течение всего XI в. горожане вели борьбу с сеньором. Она сплотила все городские слои. С 50-х годов движение горожан вылилось в гражданскую войну против епископа. Она переплелась с мощным еретическим движением, охватившим тогда Италию, — выступлениями вальденсов и особенно катаров. Повстанцы-горожане нападали на клириков, разрушали их дома. В события были втянуты государи. Наконец, в конце XI в. город получил статус коммуны. Во главе его встал совет консулов из привилегированных граждан — представителей купеческо-феодалных кругов. Аристократический строй Миланской коммуны, конечно, не удовлетворил массу горожан, их борьба продолжалась и в последующее время.

В Германии аналогичное коммунальному положению заняли в XII—XIII вв. наиболее значительные из так называемых имперских городов. Формально они подчинялись императору, но на деле были независимыми городскими республиками (Любек, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне и др.). Они управлялись городскими советами, имели право самостоятельно объявлять войну, заключать мир и союзы, чеканить монету и т.д.

Многие города Северной Франции (Амьен, Сен-Кантен, Нуайон, Бовэ, Суассон и др.) и Фландрии (Гент, Брюгге, Ипр, Лилль, Дуэ, Сент-Омер, Аррас и др.) в результате упорной, часто вооруженной борьбы со своими сеньорами стали самоуправляющимися городами-коммунами. Они выбирали из своей среды со-

вет, его главу — мэра и других должностных лиц, имели собственный суд и военное ополчение, свои финансы, сами устанавливали налоги. Города-коммуны освобождались от выполнения жителями барщины, несения оброка и других сеньориальных повинностей. Взамен этого они ежегодно уплачивали сеньору определенную, сравнительно невысокую денежную ренту, а в случае войны выставляли в помощь ему небольшой военный отряд. Города-коммуны нередко сами выступали как коллективный сеньор по отношению к крестьянам, жившим на окружавшей город территории.

Но так получалось не всегда. Более 200 лет длилась борьба за независимость северофранцузского города Лана. Его сеньор (с 1106 г.) епископ Годри, любитель войны и охоты, установил в городе тяжкий сеньориальный режим. Жители Лана сумели купить у епископа хартию, предоставляющую им определенные права (фиксированный налог, уничтожение права «мертвой руки»), заплатив и королю за ее учреждение. Но епископ вскоре нашел хартию невыгодной для себя и, дав взятку королю, добился ее отмены. Горожане восстали, разграбили дворы аристократов и епископский дворец, а самого Годри, спрятавшегося в пустой бочке, убили. Король вооруженной рукой восстановил в Лане старый порядок, но в 1129 г. горожане подняли новое восстание. Долгие годы борьба за коммунальную хартию шла с переменным успехом: то в пользу города, то в пользу короля. Лишь в 1331 г. король с помощью многих местных сеньоров одержал окончательную победу. Управлять городом стали его судьи и чиновники.

Немало городов, даже значительных и богатых, не могли добиться полного самоуправления. Это было почти общим правилом для городов на королевской земле, в странах с относительно сильной центральной властью. Они пользовались, правда, рядом привилегий и вольностей, в том числе и правом избирать органы самоуправления. Однако эти учреждения обычно действовали под контролем чиновника короля или иного сеньора. Так было во многих городах Франции (Париж, Орлеан, Бурж, Лоррис, Нант, Шартр и др.) и Англии (Лондон, Линкольн, Оксфорд, Кембридж, Глостер и др.). Ограниченные муниципальные свободы городов были характерны для Скандинавских стран, многих городов Германии, Венгрии, Византии.

Множество городов, особенно мелких, не обладавших необходимыми силами и денежными средствами для борьбы со своими сеньорами, оставалось целиком под властью сеньориальной администрации. Это, в частности, характерно для городов, принадлежавших духовным сеньорам.

Права и вольности, получаемые средневековыми горожанами, во многом были сходны с иммунитетными привилегиями, носили феодальный характер. Сами города составляли замкнутые корпорации и превыше всего ставили местные городские интересы.

Одним из важнейших результатов борьбы городов с их сеньорами в Западной Европе было то, что подавляющее большинство горожан добилось освобождения от личной зависимости. В средневековой Европе победило правило, согласно которому бежавший в город зависимый крестьянин, прожив там определенный срок (по обычной тогда формуле — «год и день»), становился свободным. «Городской воздух делает свободным», — гласит средневековая пословица.

Складывание и рост городского сословия. В процессе развития городов, ремесленных и купеческих корпораций, борьбы горожан с сеньорами и внутренних социальных конфликтов в городской среде в феодальной Европе складывалось особое средневековое сословие горожан.

В экономическом отношении новое сословие было более всего связано с торгово-ремесленной деятельностью и с собственностью, основанной прежде всего на производстве и обмене. В политико-правовом отношении все члены этого сословия пользовались рядом специфических привилегий и вольностей (личная свобода, подсудность городскому суду, участие в городском ополчении, в формировании муниципалитета и др.), составляющих статус полноправного горожанина. Обычно городское сословие отождествляется с понятием «бюргерство».

Словом «бюргер» в ряде стран Европы первоначально обозначали всех городских жителей (от германского *Burg* — город, откуда произошло средневековое латинское *burgensis* и французский термин *bourgeoisie*, первоначально также обозначавший горожан). По своему имущественному и социальному положению городское сословие не было единым. Внутри него существовали патрициат, слой состоятельных торговцев, ремесленников и домовладельцев, рядовые труженики, наконец городское плебейство. По мере углубления этого расслоения термин «бюргер» постепенно менял значение. Уже в XII—XIII вв. он стал применяться только для обозначения полноправных горожан, в число которых не могли попасть представители низов, отстраненные от городского самоуправления. В XIV—XV вв. этим термином обычно обозначались богатые, зажиточные и средние слои горожан, из которых позднее вырастали и первые элементы буржуазии.

Население городов занимало особое место в социально-политической жизни феодального общества. Нередко оно выступало единой силой в борьбе с феодалами (иногда в союзе с королем).

Позднее городское сословие стало играть заметную роль в сословно-представительных собраниях.

Таким образом, не составляя социально монолитного слоя, жители средневековых городов конституировались как особое сословие или, как это было во Франции, сословная группа. Их разобщенность усиливалась господством корпоративного строя городов. Преобладание в каждом городе локальных интересов, которые порой усиливались торговым соперничеством между городами, также препятствовало совместным действиям горожан как сословия в масштабах страны.

Ремесло и ремесленники в городах. Цехи. Ремесленник, подобно крестьянину, был мелким производителем, который владел орудиями производства, самостоятельно вел свое хозяйство, основанное преимущественно на личном труде.

В условиях узкого рынка и мелкого производства целью труда ремесленника не могли быть прибыль и обогащение, но лишь само существование на уровне, соответствующем его статусу в обществе. Но в отличие от крестьянина специалист-ремесленник, во-первых, с самого начала был товаропроизводителем, вел товарное хозяйство. Во-вторых, он менее нуждался в земле как средстве непосредственного производства. Поэтому городское ремесло развивалось, совершенствовалось несравненно быстрее, нежели сельское хозяйство и ремесло деревенское, домашнее. Примечательно также, что в городском ремесле внеэкономическое принуждение в виде личной зависимости работника не было необходимостью и быстро исчезло. Здесь применялись, однако, другие виды внеэкономического принуждения, связанные с цеховой организацией ремесла и корпоративно-сословным, феодальным в своей основе характером городского строя (принуждение и регламентация со стороны цехов и города и т.д.). Это принуждение исходило уже от самих горожан.

Характерной особенностью ремесла и других видов деятельности во многих средневековых городах Западной Европы была корпоративная организация: объединение лиц определенных профессий в пределах города в особые союзы — цехи, гильдии, братства. Ремесленные цехи появились почти одновременно с самими городами во Франции, Англии, Германии — с XI — начала XII в., хотя окончательное оформление цехов (получение специальных грамот от королей и других сеньоров, составление и запись цеховых уставов) происходило, как правило, позднее.

Цехи возникали потому, что городские ремесленники как раздробленные, мелкие товаропроизводители нуждались в определенном объединении для защиты своего производства и доходов

от феодалов, от конкуренции «чужаков» — неорганизованных ремесленников или постоянно прибывавших выходцев из деревни, от ремесленников других городов, да и от соседей-мастеров. Такая конкуренция была опасна в условиях весьма узкого тогдашнего рынка, незначительного спроса. Поэтому главной функцией цехов стало утверждение монополии на данный вид ремесла. В Германии она называлась *Zunftzwang* — цеховое принуждение. В большинстве городов принадлежность к цеху являлась обязательным условием для занятия ремеслом. Другой главной функцией цехов являлось установление контроля над производством и продажей ремесленных изделий. Исходным образцом для организации городского ремесла отчасти послужили строй сельской общины-марки и усадебные мастерские-магистерии.

Каждый из цеховых мастеров был непосредственным работником и одновременно собственником средств производства. Он трудился в своей мастерской, со своими инструментами и сырьем. Как правило, ремесло передавалось по наследству, ведь многие поколения ремесленников работали при помощи тех же инструментов и приемов, что и их прадеды. Выделявшиеся новые специальности оформлялись в отдельные цехи. Во многих городах постепенно возникли десятки, а в наиболее крупных — даже сотни цехов.

Цеховому ремесленнику обычно помогала в работе его семья, один или два подмастерья и несколько учеников. Но членом цеха являлся только мастер, владелец мастерской. И одной из важных функций цеха было регулирование отношений мастеров с подмастерьями и учениками. Мастер, подмастерье и ученик стояли на разных ступенях цеховой иерархии. Предварительное прохождение двух низших ступеней было обязательным для всякого, кто желал стать членом цеха. Первоначально каждый ученик со временем мог стать подмастерьем, а подмастерье — мастером.

Члены цеха были заинтересованы, чтобы их изделия получали беспрепятственный сбыт. Поэтому цех через специально избранных должностных лиц строго регламентировал производство: следил, чтобы каждый мастер выпускал продукцию определенного вида и качества. Цех предписывал, например, какой ширины и цвета должна быть изготавливаемая ткань, сколько нитей должно быть в основе, каким следует пользоваться инструментом и сырьем и т.д. Регламентация производства служила и другим целям: чтобы производство членов цеха сохраняло мелкий характер, чтобы никто из них не вытеснял другого мастера с рынка, выпуская больше продукции или удешевляя ее. С этой целью цеховые уставы нормировали число подмастерьев и учеников, которых мог

держат у себя мастер, запрещали работу в ночное время и по праздникам, ограничивали число станков и сырья в каждой мастерской, регулировали цены на ремесленные изделия и т.д.

Цеховая организация ремесла в городах сохраняла феодальную, корпоративную природу*. До определенного времени она создавала наиболее благоприятные условия для развития товарного городского производства. В рамках цехового строя было возможно дальнейшее углубление общественного разделения труда в форме выделения новых ремесленных цехов, расширения ассортимента и повышения качества производимых товаров, совершенствования навыков ремесленного труда.

Цеховая общность повышала самосознание и самоуважение ремесленников. И, конечно, цехи смягчали конкуренцию между мастерами и ограждали их от конкуренции со стороны чужаков и от произвола господ. Поэтому примерно до конца XIV в. цехи играли прогрессивную роль.

Цеховая организация не ограничивалась осуществлением основных, социально-экономических функций, но охватывала все стороны жизни ремесленника. Цехи объединяли горожан для борьбы с сеньорами, а затем с господством патрициата. Цех участвовал в обороне города и выступал как отдельное боевое подразделение. Каждый цех имел своего святого патрона, подчас также свою церковь или часовню, являясь своеобразной церковной общностью. Цех был также организацией взаимопомощи, обеспечивая поддержку нуждавшимся мастерам и их семьям в случае болезни или смерти кормильца. Сплочение цеха достигалось также за счет их участия в свадьбах и похоронах братьев по цеху, торжественных совместных трапезах (в складчину). Поведение участников на этих церемониях было под строгим надзором выборных старейшин.

Цеховая система в Европе, однако, не была универсальной. В ряде стран она не получила распространения и не везде достигла завершенной формы. Наряду с ней во многих городах Северной Европы, на юге Франции, в некоторых других странах и областях существовало так называемое свободное ремесло. Но и там имели место регламентация производства, защита монополии городских ремесленников, только осуществлялись эти функции органами городского управления.

Борьба цехов с патрициатом. Борьба городов с сеньорами в подавляющем большинстве случаев привела к переходу в той или

* Своеобразной корпоративной собственностью являлась монополия цеха на определенную специальность.

иной степени городского управления в руки горожан. Но в их среде к тому времени уже существовало заметное социальное расслоение. Поэтому хотя борьба с сеньорами велась силами всех горожан, полностью использовала ее результаты лишь верхушка городского населения: домовладельцы, в том числе феодального типа, ростовщики и, конечно же, купцы-оптовики, занятые транзитной торговлей.

Этот верхний, привилегированный слой представлял собой узкую, замкнутую группу — наследственную городскую аристократию (патрициат), которая с трудом допускала в свою среду новых членов. Городской совет, мэр (*бургомистр*), судебная коллегия (*шеффены, эшеваны, скабины*) города выбирались только из числа патрициев и их ставленников. Городская администрация, суд и финансы, в том числе налогообложение, строительство находились в руках городской верхушки, использовались в ее интересах, в ущерб интересам всего населения города, не говоря уже о бедняках.

Но по мере того как развивалось ремесло и крепло значение цехов, ремесленники, мелкие торговцы вступали в борьбу с патрициатом за власть в городе. Обычно к ним присоединялись также наемные работники, бедный люд. В XIII—XIV вв. эта борьба, так называемые цеховые революции, развернулась почти во всех странах средневековой Европы и часто принимала очень острый, даже вооруженный характер. В одних городах, где ремесленное производство получило большое развитие, победили цехи (Кёльн, Базель, Флоренция и др.). В других, где ведущую роль играли ширококомасштабная торговля и купечество, победителем из борьбы вышла городская верхушка (Гамбург, Любек, Росток и другие города Ганзейского союза). Но и там, где побеждали цехи, управление городом не становилось демократическим, так как верхушка наиболее влиятельных цехов объединялась после своей победы с частью патрициата и устанавливала новое олигархическое управление, действовавшее в интересах наиболее богатых горожан (Аугсбург и др.).

Начало разложения цехового строя. Уже в XIV—XV вв. роль цехов существенно менялась. Цеховые организации просуществовали долго, еще и в XVI в. утверждались цеховые уставы. По мере роста производительных сил, расширения внутреннего и внешнего рынка конкуренция между ремесленниками внутри цеха неизбежно возрастала. Отдельные ремесленники вопреки цеховым уставам расширяли свое производство, между мастерами развивалось имущественное и социальное неравенство. Владельцы крупных мастерских начали давать работу более бедным мастерам, снабжали их сырьем или полуфабрикатами и получали готовые

изделия. Из среды прежде единой массы мелких ремесленников и торговцев постепенно выделилась зажиточная цеховая верхушка, эксплуатировавшая мелких мастеров.

Расслоение выразилось также в разделении цехов на более сильные, богатые («старшие», или «большие») и более бедные («младшие», «малые») цехи. Так происходило в первую очередь в наиболее крупных городах: Флоренции, Перудже, Лондоне, Бристоле, Париже, Базеле и др. Старшие цехи начинали господствовать над младшими и эксплуатировать их, так что члены младших цехов подчас утрачивали свою экономическую и правовую самостоятельность и фактически превращались в наемных рабочих.

Положение учеников и подмастерьев, их борьба с мастерами. В положение угнетаемых со временем попали также ученики и подмастерья. Первоначально это было связано с тем, что обучение средневековому ремеслу, которое происходило путем прямой передачи навыков, оставалось длительным. В разных ремеслах этот срок колебался от 2 до 7 лет, а в отдельных цехах достигал 10—12 лет. В этих условиях мастер мог долго и с выгодой пользоваться бесплатным трудом своего уже достаточно квалифицированного ученика.

Цеховые мастера все сильнее эксплуатировали и подмастерьев. Продолжительность их рабочего дня была обычно очень велика — 14—16, а иногда и 18 часов. Судил подмастерьев цеховой суд, т.е. опять-таки мастера. Цехи контролировали быт подмастерьев и учеников, их времяпрепровождение, траты, знакомства. В XIV—XV вв., когда в передовых странах началось разложение цехового ремесла, эксплуатация учеников и подмастерьев приобрела постоянный характер. В начальный период существования цеховой системы ученик, пройдя стаж ученичества и став подмастерьем, а затем проработав некоторое время у мастера и накопив небольшую сумму денег, мог стать мастером. Позже доступ ученикам и подмастерьям к этому статусу фактически закрывается. Началось так называемое замыкание цехов. Чтобы получить звание мастера, кроме свидетельств об обучении и личной характеристики требовалось уплатить крупный вступительный взнос в кассу цеха, выполнить образцовую работу («шедевр»), устроить богатое угощение для членов цеха и т.д. Лишь близкие родственники мастера могли беспрепятственно вступить в цех. Большинство же подмастерьев превращались в «вечных», т.е., по сути дела, в наемных рабочих.

Для защиты своих интересов они создавали особые организации — братства, компаньонажи, которые являлись союзами взаимопомощи и борьбы с мастерами. Подмастерья выдвигали экономические требования: повышения заработной платы, уменьшения

рабочего дня; они прибегали к таким острым формам борьбы, как забастовка и бойкот наиболее ненавистных мастеров.

Ученики и подмастерья составляли самую организованную и квалифицированную часть довольно широкого в городах XIV—XV вв. слоя наемных работников. В его состав входили также внецеховые поденщики и работники, ряды которых постоянно пополнялись приходящими в города крестьянами, потерявшими землю, а также обедневшими ремесленниками. Этот слой составил уже элемент предпролетариата, который полностью сформировался позднее, в период широкого и повсеместного развития мануфактуры.

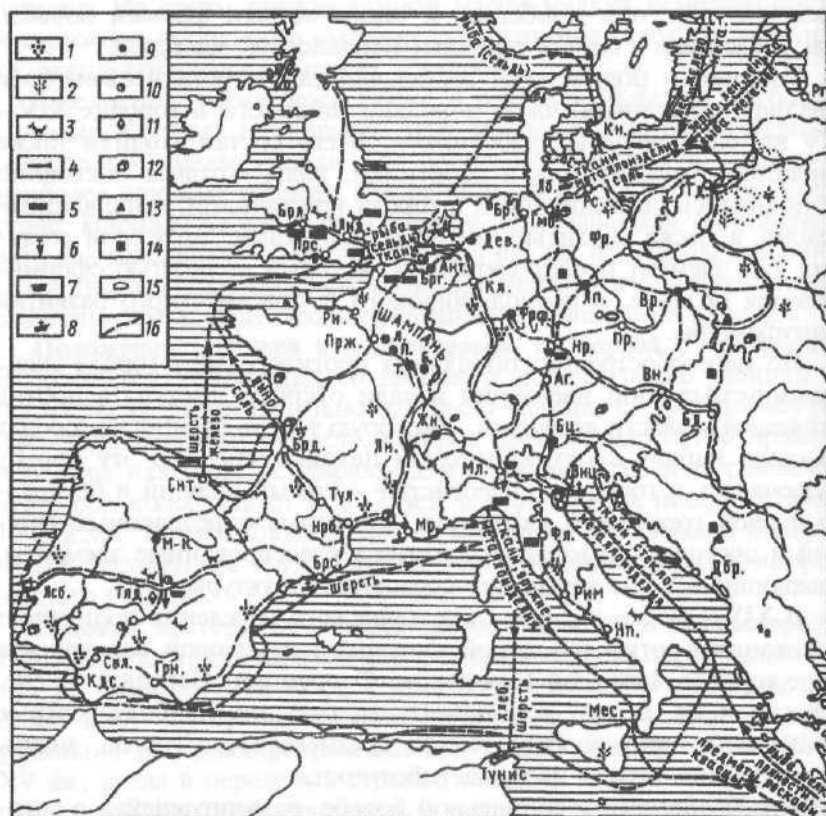
По мере обострения социальных противоречий в городе эксплуатируемые слои населения начали открыто выступать против стоявшей у власти верхушки, в которую теперь во многих городах входила наряду с патрициатом и цеховая элита. В эту борьбу включалось и городское плебейство — самый низший и бесправный слой городского населения, лишенные определенных занятий и постоянного местожительства деклассированные элементы, находившиеся вне феодально-сословной структуры.

В XIV—XV вв. низшие слои городского населения поднимают восстания против городской олигархии и цеховой верхушки в ряде городов Западной Европы: во Флоренции, Перудже, Сиене, Кёльне и др. В этих восстаниях, отражавших наиболее острые социальные противоречия внутри средневекового города, значительную роль играли наемные работники.

Таким образом, в социальной борьбе, развернувшейся в средневековых городах Западной Европы, можно различить три основных этапа. Сначала вся масса горожан боролась против феодальных сеньоров за освобождение городов от их власти. Затем цехи повели борьбу с городским патрициатом. Позднее же развернулась борьба городских низов против богатых городских мастеров и купцов, городской олигархии. Иногда второй и третий этапы совпадали.

Развитие торговли и кредитного дела в Западной Европе. Рост городов в Западной Европе способствовал в XI—XV вв. значительному развитию внутренней и внешней торговли. Города, в том числе и небольшие, прежде всего формировали местный рынок, где осуществлялся обмен с сельской округой.

Значительно развился и рынок между соседними районами. Но в период зрелого феодализма более заметную роль — по стоимости продаваемой продукции, по престижу в обществе — продолжала играть дальняя, транзитная торговля. В XI—XV вв. такая межрегиональная торговля в Европе сосредоточивалась в основ-

Экономическое развитие Западной Европы в XIII—XIV вв.

Районы значительного развития:

1 — виноградарства; 2 — зернового хозяйства; 3 — скотоводства; 4 — центры промышленного рыболовства; 5 — области значительного производства шерсти и тканей. Крупнейшие центры: 6 — оружейного дела; 7 — металлообработки; 8 — судостроения; 9 — крупнейшие ярмарки. Места добычи: 10 — серебра; 11 — ртути; 12 — поваренной соли; 13 — свинца; 14 — меди; 15 — олова; 16 — важнейшие торговые пути.

Аг — Аугсбург, Ант — Антверпен, Б — Бар, Бд — Буда, Бр — Бремен, Брг — Брюгге, Брд — Бордо, Брл — Бристоль, Брс — Барселона, Бц — Больцано, Ви — Вена, Виц — Венеция, Вр — Вроцлав, Гд — Гданьск, Гмб — Гамбург, Грн — Гранада, Дбр — Дубровник, Дев — Девентер, Жи — Женева, Кдс — Кадис, Кл — Кёльн, Кп — Копенгаген, Л — Ланьи, Лб — Любек, Лбс — Лиссабон, Ли — Лион, Лнд — Лондон, Лп — Лейпциг, Мес — Мессина, М-К — Медина дель Кампо, Мл — Милан, Мр — Марсель, Нп — Неаполь, Нр — Нюрнберг, Нрб — Нарбона, П — Провен, Пр — Прага, Прж — Париж, Прс — Портсмут, Р — Рига, Ри — Руан, Рс — Росток, Свл — Севилья, Ст — Стокгольм, Снт — Сантандер, Т — Труа, Тлд — Толедо, Тул — Тулуза, Фл — Флоренция, Фр — Франкфурт-на-Одере, Фрф — Франкфурт-на-Майне

ном вокруг двух торговых «перекрестков». Одним из них являлось Средиземноморье, служившее связующим звеном в торговле западноевропейских стран — Испании, Южной и Центральной Франции, Италии — между собой, а также с Византией, Черноморьем и странами Востока. С XII—XIII вв., особенно в связи с Крестовыми походами, первенство в этой торговле от византийцев и арабов перешло к Генуе и Венеции, Марселю и Барселоне. Главными объектами торговли здесь были вывозимые с Востока предметы роскоши, пряности, квасцы, вино, отчасти зерно. С Запада на Восток шли сукна и другие виды тканей, серебро, оружие. Помимо прочих товаров в этой торговле фигурировало много рабов. Другой район европейской торговли охватывал Балтийское и Северное моря. В ней принимали участие северо-западные области Руси (особенно Нарва, Новгород, Псков и Полоцк), Польша и Восточная Балтика — Рига, Ревель (Таллин), Данциг (Гданьск), Северная Германия, Скандинавские страны, Фландрия, Брабант и Северные Нидерланды, Северная Франция и Англия. В этом районе торговали преимущественно товарами более широкого потребления: рыбой, солью, мехами, шерстью и сукном, льном, пенькой, воском, смолой и лесом (особенно корабельным), а с XV в. — хлебом.

Связи между обоими районами международной торговли осуществлялись по торговому пути, который шел через альпийские перевалы, а затем по Рейну, где было много крупных городов, втянутых в транзитный обмен, а также вдоль Атлантического побережья Европы. Большую роль в торговле, в том числе международной, играли ярмарки, широко распространившиеся во Франции, Италии, Германии, Англии уже в XI—XII вв. Здесь велась оптовая торговля товарами повышенного спроса: тканями, кожей, мехом, сукнами, металлами и изделиями из них, зерном, вином и маслом. На ярмарках во французском графстве Шампань, длившихся почти круглый год, в XII—XIII вв. встречались купцы из многих стран Европы. Венецианцы и генуэзцы доставляли туда дорогие восточные товары. Фламандские и флорентийские купцы привозили сукна, купцы из Германии — льняные ткани, чешские купцы — сукна, кожи и изделия из металла. Из Англии доставляли шерсть, олово, свинец и железо. В XIV—XV вв. главным центром европейской ярмарочной торговли стал Брюгге (Фландрия).

Масштабы тогдашней торговли не следует преувеличивать: она ограничивалась низкой производительностью труда, господством в деревне натурального хозяйства, а также беззакониями господ и феодальной раздробленностью. Пошлины и всякого рода поборы

взимались с купцов при переезде из владений одного сеньора в земли другого, при переправе через мосты и даже речные броды, при проезде по реке, протекавшей во владениях того или иного сеньора. Знатнейшие рыцари и даже короли не останавливались перед разбойными нападениями на купеческие караваны.

Тем не менее постепенный рост товарно-денежных отношений создавал возможность накопления денежных капиталов в руках отдельных горожан, прежде всего купцов и ростовщиков. Накоплению денежных средств также содействовали операции по обмену денег, необходимые в Средние века вследствие бесконечного разнообразия монетных систем и монетных единиц, поскольку деньги чеканили не только государи, но и все сколько-нибудь видные сеньоры и епископы, а также крупные города. Для обмена одних денег на другие и установления эквивалентной стоимости той или иной монеты выделилась особая профессия менял. Менялы занимались не только разменом монеты, но и переводом денежных сумм, из чего возникли кредитные операции. С этим было обычно связано и ростовщичество. Разменные операции и операции по кредиту вели к созданию специальных банковских контор. Первые такие конторы возникли в городах Северной Италии — в Ломбардии. Поэтому слово «ломбардец» в Средние века стало синонимом банкира и ростовщика и сохранилось позднее в наименовании ломбардов.

Самые большие кредитные и ростовщические операции осуществляла римская курия, в которую стекались громадные денежные средства из всех европейских стран.

Городские торговцы. Купеческие объединения. Для значительной части горожан торговля являлась основным занятием. В среде профессиональных торговцев преобладали мелкие лавочники и разносчики, близкие к ремесленной среде. Элиту составляли собственно купцы, т.е. богатые торговцы, преимущественно занимавшиеся дальним транзитом и оптовыми сделками, разъезжавшие по разным городам и странам (отсюда другое их название — «торговые гости»), имевшие там конторы и агентов. Нередко именно они становились одновременно банкирами и крупными ростовщиками, вкладывали средства в горные и другие промыслы. Наиболее богатыми и влиятельными были купцы из столичных и портовых городов: Константинополя, Лондона, Марселя, Венеции, Генуи, Любека. Во многих странах в течение длительного времени купеческую верхушку составляли иноземцы.

Уже в конце раннего Средневековья появились и затем широко распространились общности купцов одного города — *гильдии*. Как и цехи, они обычно объединяли купцов по профессиональным

интересам, например путешествующих в одно место или с одинаковыми товарами, так что в больших городах было по несколько гильдий. Торговые гильдии обеспечивали своим членам монопольные или привилегированные условия в торговле и правовую защиту, оказывали взаимопомощь, были религиозными и военными организациями. Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными и корпоративными связями, к ней подключались и купцы из других городов. Обычными стали так называемые «торговые дома» — семейные купеческие компании, имевшие доверенных людей во многих городах. В Средние века расцвела и такая форма торгового сотрудничества, как различные паевые товарищества (складничество, компаньонаж, коммента). Уже в XIII в. возник институт торговых консулов: для защиты интересов и личности купцов города избирали консулов как глав своих факторий в других городах и странах. К концу XV в. появилась биржа, где заключались коммерческие контракты.

Купцы разных городов также иногда создавали общества. Самой значительной стала знаменитая Ганза — торгово-политический союз купечества многих городов. Ганза имела филиалы в ряде стран и еще в XVI в. держала под своей властью североευропейскую торговлю.

Купцы играли большую роль в публичной жизни города и всего общества. Именно они управляли в большинстве муниципалитетов, представляли города на общегосударственных форумах. Они кредитовали королей и вельмож и нередко были их финансовыми советниками, оказывали влияние на государственную политику, участвовали в захватах и колонизации новых земель. Нередко в своих интересах они инициировали эти процессы.

Зачатки капиталистических отношений в городской среде. Успехи развития внутренней и внешней торговли к концу XIV—XV вв. привели к росту торгового капитала, который накапливался у купеческой верхушки. Торговый, или купеческий (как и ростовщический), капитал представляет собой древнейшую свободную форму капитала. Он действовал в сфере обращения, обслуживая обмен товаров и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистических обществах. Но на определенном уровне развития товарного производства при феодализме в условиях разложения средневекового ремесла торговый капитал начал постепенно проникать в сферу производства. Обычно это выражалось в том, что купец закупал оптом сырье и перепродавал его ремесленникам, а затем скупал у них готовые изделия для дальнейшей продажи. Малообеспеченный ремесленник попадал в зависимое от купца

положение. Он отрывался от рынка сырья и сбыта и был вынужден продолжать работу на торговца-скупщика, но уже не как самостоятельный товаропроизводитель, а в качестве фактически наемного рабочего (хотя нередко он продолжал работать в своей мастерской). Проникновение в производство торгово-ростовщического капитала послужило одним из источников капиталистической мануфактуры, которая зарождалась в недрах средневекового ремесла. Другим источником зарождения раннекапиталистического производства в городах было отмеченное выше превращение учеников и подмастерьев в постоянных наемных рабочих.

Однако значение элементов капиталистических отношений в городах XIV—XV вв. не следует преувеличивать. Их возникновение происходило спорадически, в немногих крупных центрах в Италии, Англии, Нидерландах и в наиболее развитых отраслях производства, в основном в сукноделии, в Чехии и Германии — в горно-металлургическом деле и некоторых других производствах. Развитие этих новых явлений раньше и быстрее происходило в тех странах и в тех отраслях ремесла, где имелся емкий по тем временам внешний рынок сбыта, побуждавший к расширению производства, вложению в него значительных капиталов. Но все это еще не означало формирования капиталистического уклада. Характерно, что даже в крупных городах Западной Европы значительная часть капиталов, накопленных в торговле и ростовщичестве, вкладывалась не в расширение промышленного производства, а в приобретение земли и титулов: владельцы эти капиталов стремились войти в состав господствующего слоя феодалов.

Развитие товарно-денежных отношений и перемены в социально-экономической жизни феодального общества. Города оказывали всевозрастающее и многостороннее влияние на феодальную деревню. Крестьяне все чаще стали обращаться к городскому рынку для приобретения предметов повседневного потребления: одежды, обуви, металлических изделий, утвари и недорогих украшений, а также для сбыта изделий своего хозяйства. Вовлечение в торговый оборот продукции пашенного земледелия (прежде всего хлеба) происходило несравненно медленнее, чем изделий городских ремесленников, и медленнее, чем продукции технических и специализированных отраслей сельского хозяйства (лен-сырец, красители, вино, сыр, сырые шерсть и кожа и т.п.), а также изделий сельских ремесел и промыслов (особенно пряжи, льняных домотканых материй, грубых сукон и др.). Эти виды производства постепенно превращались в товарные отрасли деревенского хозяйства. Возникало и развивалось все больше местных рынков,

что стимулировало образование внутреннего рынка, связывающего различные области каждой страны более или менее прочными экономическими отношениями, что было основой централизации.

Расширявшееся участие крестьянского хозяйства в рыночных связях усилило рост в деревне имущественного неравенства и социального расслоения. Из крестьян выделяется, с одной стороны, зажиточная верхушка, а с другой — многочисленные деревенские бедняки, иногда вовсе безземельные, живущие каким-либо ремеслом или работой по найму в качестве батраков у феодала или у богатых крестьян. Часть этой бедноты уходила в города в надежде обрести более сносные условия существования. Там она вливалась в среду городского плебейства. Иногда в города переселялись и зажиточные крестьяне, стремившиеся накопленные средства использовать в торгово-промышленной сфере.

В товарно-денежные отношения втягивалось не только крестьянское, но и господское хозяйство, что вело к значительным изменениям отношений между ними, а также в структуре сеньориального землевладения. Наиболее характерным для большинства стран Западной Европы был путь, при котором развивался процесс *коммутации ренты*: замена отработочной и большей части продуктовой рент денежными платежами. При этом феодалы фактически перелагали на крестьян все заботы не только по производству, но и по сбыту сельскохозяйственных продуктов. Такой путь развития постепенно приводил в XIII—XV вв. к ликвидации домена и раздаче всей земли феодала в держание или аренду полufeодального типа. С ликвидацией домена и коммутацией ренты было связано и освобождение основной массы крестьян от личной зависимости, завершившееся в большинстве стран Западной Европы в XV в. Коммутация ренты и личное освобождение в принципе были выгодны для крестьянства, обретающего большую хозяйственную и лично-правовую самостоятельность. Однако нередко в этих условиях экономическая эксплуатация крестьян возрастала или принимала обременительные формы — из-за повышения ренты и увеличения различных государственных повинностей.

В некоторых областях, где складывался широкий внешний рынок для сельскохозяйственных продуктов, связь с которым была под силу только сеньорам, развитие шло другим путем: здесь феодалы, напротив, расширяли домениальное хозяйство, что вело к увеличению барщины крестьян и к попыткам укрепить их личную зависимость (Юго-Восточная Англия, Центральная и Восточная Германия, ряд областей Северной Европы и др.).

При возросшем общественном весе крестьянства и бюргерства усиливалось сопротивление крестьян феодальному гнету, обострилась социальная борьба во всех сферах общества. В XIV—XV вв. в ряде стран произошли крупнейшие в истории западноевропейского средневековья крестьянские восстания, поддержанные горожанами и отразившиеся на развитии этих стран. Из-за «черной смерти» середины XIV в. и запустения многих земель к началу XV в. в странах Западной Европы классическая вотчинная система претерпела упадок, и центр сельскохозяйственного производства во многих районах переместился из хозяйства феодала в мелкое крестьянское хозяйство, которое становилось все более товарным. Кризис вотчинной организации четко обозначил, что пик расцвета феодальной системы (рубеж XIII—XIV вв.) в целом в Западной Европе был пройден. Но это отнюдь не означало общего кризиса феодализма, его конца. Феодальная система в целом удачно приспособилась к изменившимся условиям, когда относительно высокий уровень товарно-денежных отношений, развитие простого товарного уклада стали подрывать натурально-хозяйственную экономику. Такая перестройка аграрной экономики, организации жизни деревни была сопряжена с рядом трудностей, особенно для землевладельцев, нехваткой рабочих рук (в том числе держателей), запустением части пашенных земель, падением доходности многих владений.

Если эти явления и можно расценивать как «аграрный кризис» (В. Абель), то только имея в виду аграрный строй классического феодализма — старую вотчинную систему. Сложно видеть в этих явлениях общую «хозяйственную депрессию» (М. Поста́м) и тем более вообще «кризис феодализма» (Р. Хилтон и др.). Нельзя согласиться и с тем, что причиной кризиса были лишь «естественные» факторы (хотя они и сыграли важную роль): убыль населения в результате эпидемии чумы, оскудение почв, ухудшение климата. Во-первых, явления упадка в аграрном производстве не были повсеместными, их не было в Нидерландах, в странах Пиренейского полуострова; в ряде других областей Европы они были выражены слабо. Во-вторых, эти явления во многих странах сосуществовали с заметными успехами крестьянского хозяйства, городского производства и торговли, особенно в XV в.

Изменения, происходившие в деревне Западной Европы XV в., представляли собой дальнейшую ступень эволюции феодального строя в условиях и под воздействием возросшей товарности хозяйства. Действительный кризис феодализма как социальной системы в целом даже в наиболее передовых странах Европы наступил много позднее — в XVI и даже XVII в.

Таким образом, города удерживали ведущие позиции в торговле и ремесле, мореплавании, создании многообразных связей и общностей нового типа, в зарождении буржуазии. Они оказывали повсеместно большое, хотя очень различное в разных странах, влияние на аграрный строй, на положение и феодалов, на государство и церковь, были активными участниками политической жизни. Велика была роль городского сословия в развитии образования и культуры в целом, прогрессу которой они в X—XV вв. значительно способствовали. В городах создавались светские школы и университеты, первые типографии, там возводились величественные соборы и многоэтажные здания, изготовлялись мозаика, витражи, скульптура, фонтаны, строились водопроводы и канализация. В городах возникли театрализованные зрелища. Там начинала формироваться интеллигенция.

Глава 9

Крестовые походы

Предпосылки и характер крестовых походов. Крестовые походы — это военно-колонизационные движения западноевропейских феодалов, части горожан и крестьянства, осуществлявшиеся в форме религиозных войн под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман либо обращения язычников или еретиков в католичество. Классической эпохой Крестовых походов считают конец XI—XIII вв., однако попытки возродить их предпринимались до конца Средневековья, а использование символики и атрибутов крестоносного движения характерно и для Нового времени, вплоть до современности.

Первые Крестовые походы отличались массовым характером и стихийностью. Помимо крупных сеньоров и рыцарей из разных стран в них принимали участие крестьяне и купечество северо-итальянских и южно-французских городов. Постепенно социальная база движения сужалась и они все более становились чисто рыцарскими экспедициями. Крестовые походы конца XII—XV вв. часто организовывались монархами крупных государств Западной Европы при поддержке пап и итальянских морских республик, прежде всего Венеции.

Термин Крестовые походы появился не ранее 1250 г. и стал общепринятым с XVII—XVIII столетий. Участники первых Крестовых походов, нашивавшие на одежды знак креста, называли себя пилигримами, а походы — паломничеством (*peregrinatio*), деяниями (*gesta*), или экспедицией (*expeditio*), священной дорогой (*via sacra*).

Причинами походов был большой комплекс экономических, социальных, внешнеполитических и религиозно-психологических факторов. Начавшийся рост товарно-денежных отношений в странах Западной Европы усиливал расслоение традиционных структур общества, порождал, с одной стороны, рост материальных потребностей феодальной верхушки, с другой — непривычную нестабильность. Право майората, когда лишь старшие сыновья знатных сеньоров получали отцовские фьефы, а младшие должны

были сами заботиться о приобретении домена и средств к жизни, содействовало росту агрессивных настроений рыцарской молодежи. Борьба за землю и за крестьян приводила к фэйдам — кровавым столкновениям знатных родов и кланов, а возможности испомещения за счет внутренней колонизации становились все более и более ограниченными.

Постепенно укоренялось представление, что истинный источник богатств находится на востоке. Итальянские купцы из Венеции, Бари, Амальфи, позднее — Пизы и Генуи привозили на Запад из Византии и с Леванта драгоценности и специи, шелковые ткани, парадное вооружение и многие предметы роскоши. Люди начали верить в то, что овладеть богатствами Востока (неверного, враждебного, но столь притягательного) — дело отнюдь не невозможное и даже богоугодное. Первые успехи Реконкисты на Пиренеях уже готовили почву для еще более широких движений под лозунгом священной войны ради Господа. Эта идея была привлекательна не только для знати, но и для части горожан и крестьян, надеявшихся на освобождение от сеньориального гнета и получение новых земель. Демографический подъем, переживаемый Европой, не был решающим фактором Крестовых походов, как иногда утверждается, но он создал возможности участия значительных масс народа в дальних экспедициях.

Римско-католическая церковь сыграла большую роль в подготовке Крестовых походов, дав им не только лозунги и оформление, но и саму нравственную и психологическую, а нередко и материальную основу. К концу XI в. папство уже могло опираться на положительные результаты Ключнийского движения, рационализацию хозяйства монастырей и укрепление авторитета церкви, достигнутого в борьбе с симонией, невежеством духовенства, посягательством светской власти на церковное имущество. Но сам канун Крестовых походов был тяжелым временем смут и голода («семь тощих лет»), эпидемий чумы и других болезней, косивших обессиленный люд в Лотарингии и Германии, Англии и Брабанте. К этому добавлялись и стихийные бедствия, особенно небывало суровые зимы и наводнения в Северной Европе в 1089—1094 гг. Бегство крестьян от сеньоров принимало все более угрожающий характер.

Росла религиозная экзальтация, усилились крайние проявления аскетизма, отшельничества. Во всей Европе распространялись апокалиптические ожидания скорого конца света. Ждали Божьей кары за грехи, раздавались призывы проповедников покаянием, посещением Святой Земли и особым религиозным подвигом достичь спасения. Благочестивые паломничества в Иерусалим

становились массовым явлением. Возвращавшиеся пилигримы распространяли преувеличенные слухи о преследовании христиан тюрками-сельджуками в Палестине, где находилась главная святыня — Гроб Господень.

Из мифологизированных представлений о Востоке и его богатствах и отождествления его с библейской Землей Обетованной, ставшей достоянием неверных, и родилась идея особого, священного паломничества, войны ради Господа и освобождения его Гроба. Еще папа Лев IX (1049—1054) заявил, что борьба в защиту церкви есть естественная обязанность мирян, в первую очередь — рыцарей. В ходе Реконкисты папы давали индульгенции воинам, сражавшимся с сарацинами за веру. В 1074 г. Григорий VII призвал Запад защитить христианскую религию уже на Востоке, оказав помощь Византии.

Внешнеполитическая ситуация в последней трети XI в. благоприятствовала рождению и воплощению идеи Крестовых походов. Тюрки-сельджуки захватили в 1055 г. Багдад, нанесли поражение Византии при Манцикерте (1071) и принялись методично захватывать Малую Азию, Сирию и Палестину. Византия переживала тяжелую междоусобицу и терпела поражения от печенегов и норманнов, овладевших всей Южной Италией (1071) и даже частью Северной Греции (1081). Император Алексей I не только нанимал отряды варягов и фландрских рыцарей, но и в наиболее критический момент (1090/91 г.) обратился с посланиями о помощи к папе и государям Запада. Его призыв был услышан и использован, но тогда, когда непосредственная угроза уже была отведена от Константинополя, печенеги разгромлены Византией с помощью половцев, а сельджукские эмираты вступили в борьбу друг с другом и с египетскими халифами.

Клермонский Собор. Присутствие послов византийского императора на соборе в Пьяченце (Италия) в марте 1095 г. было использовано папой Урбаном II для начала пропаганды военной экспедиции на Восток. К концу года, заручившись поддержкой клюнийских монастырей и многих светских государей, папа выработал «концепцию» Крестового похода. После окончания официальных заседаний представительного собора в Клермоне (Франция), на котором обсуждались вопросы установления «божьего мира», он выступил 27 ноября 1095 г. с проповедью на открытой площади перед большим скоплением мирян и клириков. Сказанное папой проповедники передавали из уст в уста, а хронисты сохранили варианты этой торжественной речи.

Фульхерий Шартрский так передает слова папы: «О, сыны Божьи! Поелику мы обещали Господу установить у себя мир

прочнее обычного и еще усерднее блюсти права Церкви, есть и другое дело, и Божье, и ваше, превыше иных... Необходимо, чтобы вы как можно скорее поспешили на выручку ваших братьев, обитающих на Востоке, о чем те не раз просили вас». Сам Христос повелевает, продолжал папа, описав преследования христиан на Востоке, — изгнать язычников из христианских земель. Это дело людей всякого звания, богатых и бедных. Всем, отправившимся в поход, папа обещал отпущение грехов. «Да станут отныне воинами Христа те, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются с варварами те, кто раньше сражался против братьев и сородичей». Распри должны были прекратиться и сборы в поход закончены к началу весны. «Так хочет Бог!», — в едином порыве повторяли слова папы все собравшиеся. Формой похода должно было стать покаянное паломничество, участники которого сознательно обрекали себя на лишения, голод и жажду, страдания и даже смерть.

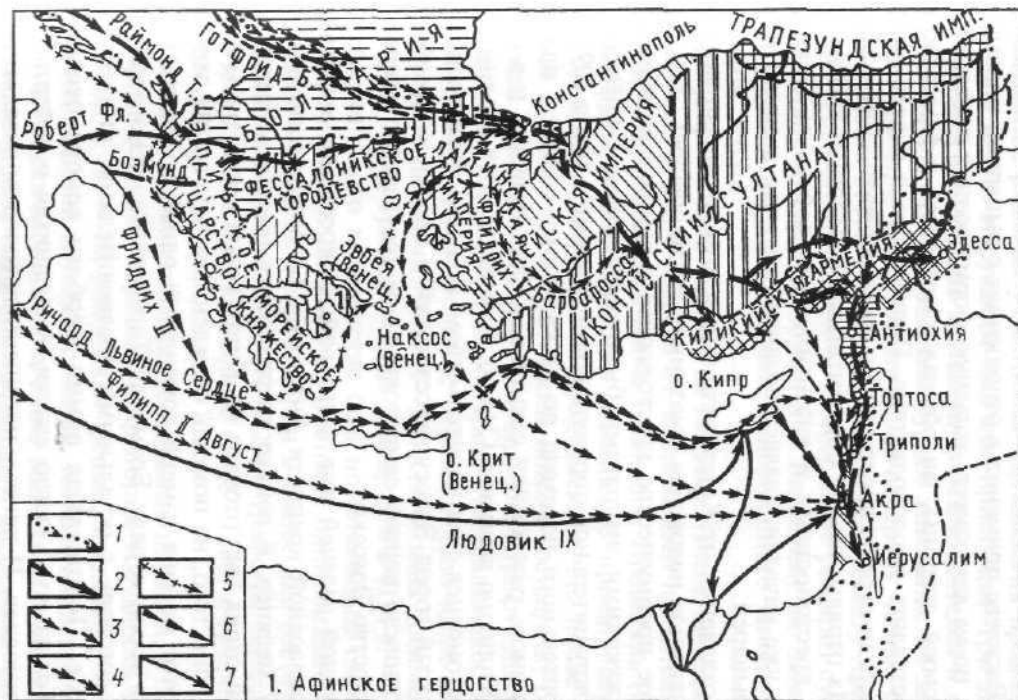
Проповедь войны с неверными была сразу же подхвачена сотнями проповедников, наиболее известным и популярным из которых был аскет Петр Пустынник. По всей Франции, Германии и Северной Италии люди собирались в отряды, вооружались кто чем мог, нашивали на одежду кресты. Это был духовный порыв большой силы, когда обычные материальные заботы казались суетными и несущественными. Чтобы отправиться в поход, бедняки, не имевшие лошадей, подковывали быков, запрягая их в телеги со скудным скарбом, подчас беря с собой и жен с малыми детьми. Чтобы собрать необходимое для похода, продавали имущество. Аббат Гвиберт Ножанский писал, что «в прежнее время ни темницы, ни пытки не могли бы исторгнуть у них того, что теперь сполна отдавалось за безделицу». Церковь брала под свою защиту семьи и имущество крестоносцев, освобождала их от уплаты долгов. Мечты об искупительном подвиге сочетались и с надеждами на обретение земли, которая, по Писанию, «течет медом и млеком», и с фантастическими предрассудками, ярко проявившимися в ходе похода.

Первый крестовый поход (1096—1099). Весной 1096 г. из Шампани, Лотарингии, областей Рейна тысячи крестьян, к которым иногда примыкали группы мелких рыцарей и горожан, соединились в отряды и двинулись на Восток. Ими предводительствовали проповедники, как Петр Пустынник, священники или обедневшие сеньоры. Путь крестьянского по преимуществу воинства, вооруженного косами, дубинами, цепами, топорами лежал вдоль Рейна и Дуная через Венгрию, Белград и Филиппополь (Пловдив)

к Константинополю. Он был отмечен еврейскими погромами в городах Франции и Германской империи (в евреях, на которых возлагали вину за смерть Христа, видели врагов, как и в сарацинах, а задолжавшие еврейским ростовщикам немало денег рыцари и горожане разжигали эти настроения толпы). Лишенные необходимых запасов продовольствия, пополнявшиеся ватагами бродяг и авантюристов, крестьянские пилигримы грабили и бесчинствовали в Венгрии и Болгарии, на византийской территории, нередко встречая отпор местного населения. Когда поредевшие и уже деморализованные отряды в августе 1096 г. прибыли к Константинополю, император Алексей I после переговоров с Петром Пустынником, отказавшимся ждать подхода основных сил рыцарей, переправил их через Босфор в Малую Азию. Не дойдя до Никеи, крестьянское ополчение было разгромлено сельджуками. Подавляющее большинство, как писала византийская царица Анна Комнина, стало жертвами мечей «исмаилитов». Попавшие в плен были проданы в рабство и лишь небольшая часть сумела спастись бегством в Константинополь.

Рыцарские ополчения несколькими колоннами тронулись в путь позднее крестьянских. В августе 1096 г. из Лотарингии выступило войско во главе с герцогом Готфридом IV Бульонским. Оно двигалось тем же путем через Венгрию и Болгарию. Из Южной Италии шли отряды норманнов, давних врагов Византии, под командой князя Боэмунда Тарентского. Итало-норманнские рыцари переправились в октябре из г. Бари через Адриатику и направились к Константинополю через Македонию и Фракию. Тогда же из Южной Франции двинулась в путь армия, предводительствуемая графом Тулузы Раймундом IV Сен-Жилем, одним из первых крупных сеньоров, принявших крест. Перейдя Альпы, эта, самая крупная, армия избрала старинную дорогу через Далмацию к Константинополю — Виа Эгнация. Из Северной и Средней Франции направлялись отряды герцога Нормандии Роберта (в составе его войска были также рыцари Англии и Шотландии), графа Блуа и Шартра Этьена и графа Фландрии Роберта II. Дойдя до Италии, они зазимовали там и продолжили путь с наступлением весны 1097 г.

Рыцарей сопровождали вассалы и оруженосцы, за ними следовали толпы крестьян, что увеличивало численность «паломников». Хотя армии не имели единого руководства, рыцари обладали боевой выучкой и были хорошо вооружены. Чтобы купить дорогостоящие доспехи и припасы, многие из них перед походом продали или отдали в залог, главным образом церкви, свои поместья.

Крестовые походы (XI—XIII вв.):

1 — поход бедноты (1096); путь крестоносцев; 2 — в Первом крестовом походе (1096—1099); 3 — во Втором крестовом походе (1147—1149); 4 — в Третьем крестовом походе (1189—1192); 5 — в Четвертом крестовом походе (1202—1204); 6 — в Шестом крестовом походе (1228—1229); 7 — в Седьмом крестовом походе (1248—1254). Границы государств указаны на начало XIII в., после Четвертого крестового похода. (На схеме не указаны Пятый и Восьмой крестовые походы.)

Проход войск через территорию Византии вновь был ознаменован разбоем. Скопление ополчений «франков» у стен Константинополя создавало угрозу столице империи. Алексей I использовал весь свой дипломатический талант, чтобы подарками, угрозами и пожалованиями, а иногда и военной силой добиться от предводителей обязательств вернуть империи завоеванные у сельджуков территории. Василевс применил в отношениях с рыцарями привычную для них, но не для ромеев, западную форму ленной присяги — оммаж. Со своей стороны, он обещал участвовать в Крестовом походе и поставлять продовольствие. После этого в апреле—мае 1097 г. по очереди отряды крестоносцев были переправлены в Малую Азию. Их отряды, вместе с византийским, подошли к Никее. Осажденная крестоносцами и византийскими войсками Никея, когда штурм уже начался, сдалась византийцам, что вызвало недовольство рыцарей.

По мере отдаления от Константинополя помощь византийцев слабела, а взаимное недоверие союзников увеличивалось. Тем не менее военное преимущество крестоносцев в войне с разобщенными сельджукскими эмиратами было очевидным. Сельджуки потерпели сокрушительное поражение при Дорилее 1 июля 1097 г. После изнурительного перехода по выжженному солнцем плато крестоносцы вновь разгромили сельджуков близ Ираклии и в октябре через Киликию вышли в Сирию. В феврале 1098 г. один из отрядов крестоносцев под водительством Боуэна Фландрского захватил богатый город Эдессу, населенный в основном армянами. Здесь возникло первое самостоятельное государство крестоносцев — графство Эдесское.

Более трудной задачей уже всего войска крестоносцев было взятие первоклассной крепости Антиохии. Ее безуспешно осаждали более 7 месяцев. В войске крестоносцев начались раздоры, византийский отряд был отозван на Кипр. Голод косил ряды пилигримов. Кроме того, на помощь осажденным шла армия эмира Кербогги. В этот момент измена коменданта одной из башен открыла путь в город отряду Боэмунда Тарентского, основавшему позднее, по договору с остальными предводителями, княжество Антиохийское. Подошедшая армия Кербогги вскоре осадила Антиохию. Только чудо могло спасти отчаявшихся и запертых в городе крестоносцев. И когда у истощенных голодом экзальтированных людей стали происходить галлюцинации, пророческие сны и видения, один из бедных клириков объявил, что спасение произойдет, если в одном из храмов Антиохии отыщут священную реликвию: зарытый там наконечник копья, которым римский воин пронзил тело распятого Иисуса. Реликвия была найдена,

и с неимоверным воодушевлением крестоносцы опрокинули намного превосходившую их по численности армию Кербогги.

Раздел завоеванных владений породил раздоры между вождами крестоносцев. Казалось, они оставили планы идти к Иерусалиму, принадлежавшему египетскому халифу. И лишь стихийное возмущение рядовых участников заставило их продолжить поход. 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом. Три дня победители грабили его, учинив невиданную резню жителей и защитников.

Взятие Иерусалима вызвало бурное ликование на Западе. И хотя многие рыцари затем возвратились в Европу, новые массы людей двинулись в 1100—1101 гг. на Восток на подмогу Христову воинству. «Франки» (в основном ломбардские рыцари) сумели взять у сельджуков Анкиру (ее возвратили Византии), но затем потерпели ряд поражений и не оказали существенного влияния на судьбы Святой Земли.

Государства крестоносцев на Востоке. После завоевания Иерусалима было решено избрать из числа князей правителя и наделить его титулом защитника Гроба Господня. Правитель (им стал Готфрид Бульонский) приносил вассальную присягу церкви в лице католического патриарха Иерусалимского. Но после смерти Готфрида в 1100 г. в условиях угрозы новому государству рыцари предложили его брату Бодуэну Фландрскому, графу Эдессы, принять королевскую корону. Так возникло Иерусалимское королевство, включавшее, кроме столицы, первоначально лишь порт Яффу и Вифлеем с округами. В 1101—1109 гг. к ним добавились Хайфа, Кесария, Акра, Триполи, Сайда и Бейрут, а в 1124 г. — Тир. Монарх Иерусалимского королевства был номинальным сюзереном всех других государств Латинского Востока, приносивших ему оммаж. Государства крестоносцев в Сирии и Палестине состояли из Иерусалимского королевства (1099—1291), графства Эдесского (1098—1144), княжества Антиохийского (1098—1268) и графства Триполи (1109—1289).

Повсюду господствовали феодальные порядки, в основном севеорофранцузского образца. Территория государств делилась на бароний, а те — на рыцарские феодалы, владельцы которых были обязаны военной службой сеньору. Король имел право призывать на службу всех вассалов в течение всего года (а не на определенное число дней в году, как на Западе). Вассалы не могли надолго покидать своих владений. Когда мусульмане стали вытеснять крестоносцев и отвоевывать их владения, короли, вместо утраченных феодалов, стали жаловать ленникам в феодал доходные статьи — право сбора различных налогов, пошлин, торговые привилегии и т.п. Углублялось воздействие торговли, товарно-денежных отношений

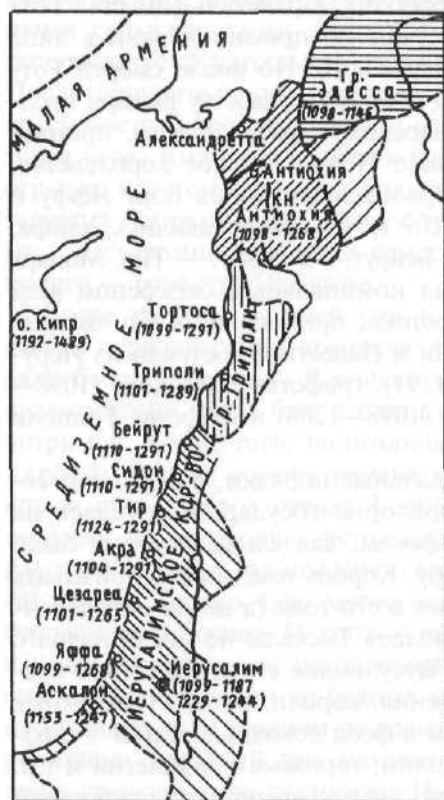
на аграрную по преимуществу экономику латинских государств Ближнего Востока, втягивание их в рыночные связи Восточного Средиземноморья.

Бароны и прямые вассалы короны заседали в курии, или Ассизе Высшего суда, который был и верховным политическим советом, и феодальным судом. Решения, принятые этим судом, ограничивали королевскую власть и нормировали на основании обычаев отношения государя с вассалами. Другая палата — Асси-за суда горожан — разбирала судебные споры этой категории населения по имущественным вопросам. Позднее записи (книги) решений этих палат и трактаты комментировавших их юристов составили свод феодального права государств крестоносцев — «Иерусалимские Ассизы» (слово «ассизы» здесь понималось в значении судебник). Этот кодекс применялся во владениях крестоносцев и венецианцев на Леванте вплоть до XV в.

Местные крестьяне (арабы, сирийцы, армяне, греки и пр.) были лишены личной свободы и обрели статус вилланов, вынуж-

денных нести оброк (от трети до половины урожая и при-плода скота) в пользу сенью-ров и платить налоги госу-дарству. Определенную долю населения в государствах крес-тоносцев составляли рабы, главным образом взятые в плен или купленные «сараци-ны».

Торговля в государствах крестоносцев была сосре-доточена в основном в руках купцов Генуи (оказавшей ры-царям помощь флотом), Пизы, Венеции, Марселя. В товаро-обмене преобладала ориента-

Государства крестоносцев на Ближнем Востоке

Редкой штриховкой показана тер-ритория крестоносных государств в период их наибольшей экспансии (XI–XII вв.); частой штриховкой — в первой половине XIII в.; указаны годы установления и падения власти крестоносцев

ция на внешний рынок, экспорт предметов роскоши, специй и рабов и импорт металлов, оружия, коней, кож и сукна, продовольствия. В портовых городах (Акре, Яффе, Бейруте и др.) купцы морских республик имели свои укрепленные кварталы и привилегии. Они управлялись собственными консулами. Между купечеством различных городов велась конкурентная борьба, втягивающая и феодальных сеньюров, не занимавшихся крупной торговлей, но получавших прибыли от коммерческих пошлин.

Крупным, освобожденным от налогов землевладельцем была церковь. В Иерусалимском королевстве было патриаршество, 14 епископств и много монастырей. Они могли владеть фьефами и, кроме того, собирали церковную десятину. Папы осуществляли через своих легатов повседневный контроль за деятельностью церковных учреждений, выборами епископата.

Вассально-ленная система, отсутствие единого внутреннего рынка, постоянная военная угроза со стороны воинственных мусульманских соседей, недовольство значительной части крестьян и горожан властью иноземных сеньюров, бывших к тому же иноверцами, сокращение притока воинов из Европы не способствовали централизации и прочности государств Латинского Востока. Понимая это, их правители и папы стремились стимулировать крестоносное движение и дальше, а также найти дополнительные средства защиты. Одним из них стало создание *духовно-рыцарских орденов*.

Вступая в любой из них, рыцари приносили три монашеских обета: целомудрия (отказ от брака), бедности (с запретом накопления богатств) и послушания (старшим в Ордене и папам). Но в отличие от обычных монахов члены духовно-рыцарских орденов должны были сражаться за веру с оружием в руках. Они подчинялись не епископам диоцезов, но лишь папе и орденским властям — капитулу и великим магистрам. Орденам передавались многие замки.

Еще около 1070 г. купцами из Амальфи в Иерусалиме был построен странноприимный дом (*hospitalis*) для пилигримов. В ходе и после Первого Крестового похода там принимали и лечили раненых и больных рыцарей. Дому дали имя св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского VII в. Вскоре монахи, ухаживавшие за ранеными, стали и сами участвовать в боевых действиях, и в 1113 г. папа утвердил орденский устав, согласно которому госпитальеры, или иоанниты, были призваны воевать с неверными. (После завоевания Палестины мусульманами иоанниты в 1309 г. овладели островом Родос, а затем, когда его в 1522 г. захватили османы, переехали на остров Мальту; а орден получил новое название — Мальтийского.)

Орден тамплиеров, или храмовников, возник в начале XII в. и получил свой устав в 1128 г. Он был назван по расположению его резиденции близ легендарного Храма царя Соломона. Как защитники церкви тамплиеры наделялись рядом привилегий и большими земельными владениями. Орден накопил и значительные денежные средства (нередко они передавались ему на хранение). С XIII в. часть тамплиеров переселилась во Францию, где при Филиппе IV орден был ликвидирован по обвинению в ереси, а его богатства конфискованы королем. Упразднение было признано папой в 1312 г.

В 1190/91 г. немецкие крестоносцы создали в Палестине орден св. Девы Марии — Тевтонский орден. В начале XIII в. он был переведен в Прибалтику, где постепенно развернул военную активность в Пруссии.

Отличием иоаннитов был красный плащ с белым крестом, тамплиеров — белый плащ с красным крестом, тевтонцев — белый плащ с черным крестом.

Ордены сыграли значительную роль в защите Св. Земли. Постепенно они стали серьезной политической силой, участвовавшей во внутрисполитических распрях государств крестоносцев. С ростом их богатства усиливалось и их обмирщение.

Второй крестовый поход (1147—1148). Оправившись от поражений, нанесенных первыми крестоносцами, сельджуки вскоре перешли в наступление. Атабег (правитель) Мосула Занги обратился к мусульманским правителям с призывом к джихаду — священной войне Ислама против христиан. В 1137 г. он разгромил войска графа Триполи, а в 1144 г. захватил Эдессу. Джихад, набирая силу, создавая угрозу всем государствам крестоносцев.

В 1145 г. папа Евгений III впервые издал буллу, призывавшую к крестовому походу. Проповедь похода была поручена выдающемуся и фанатичному проповеднику аббату Бернарду Клервосскому. Поход возглавили король Франции Людовик VII и германский император Конрад III. Начавшись в 1147 г., он не имел успеха. Немецкие рыцари были разгромлены у Дорилея, французские потерпели поражение при осаде Дамаска в 1148 г. Во время похода проявились серьезные противоречия между «франками» и Византией.

Третий крестовый поход (1189—1192). Во второй половине XII в. внешнеполитическое положение государств крестоносцев продолжало ухудшаться. Полководец-курд Салах ид-Дин (Саладин) стал султаном Египта и присоединил к нему часть Сирии и Месопотамии. В 1187 г. в битве близ деревни Хаттин он наголову разгромил объединенные войска крестоносцев и захватил в плен

короля Ги де Лузиньяна и великого магистра тамплиеров со многими рыцарями. Вскоре после этого он завладел всеми приморскими городами к югу от Триполи, включая Акру и Бейрут, и взял Иерусалим, принудив жителей заплатить высокий выкуп за свою жизнь. Кроме Иерусалимского королевства Салах ад-Дин занял большую часть графства Триполи и Антиохийского княжества. Нависла угроза потери всех владений крестоносцев на Леванте.

В 1187 г. папа призвал католиков к новому крестовому походу. Кардиналы приняли обет пешком обойти Францию, Англию и империю, чтобы проповедовать священную войну. В Третьем крестовом походе участвовали профессиональные рыцарские армии, хотя специальный налог на него — Саладинову десятину — платили (не без ропота и возмущения) жители Британских островов, Франции, итальянских государств... Три отряда «паломников» возглавили король Англии Генрих II Плантагенет, а после его смерти его сын — Ричард I Львиное Сердце, король Франции Филипп II Август и император Фридрих I Барбаросса. Эти монархи лелеяли планы создания универсалистских государств и были давними соперниками. Византия с недоверием отнеслась к крестоносцам, особенно к Фридриху I, заключившему союз с ее врагом — иконийским султаном Кылыч Арсланом II. Император Исаак II Ангел подписал соглашение с Салах ад-Дином, прямо направленное против сельджуков, а косвенно — и против крестоносцев.

Фридрих I стал готовиться к захвату Константинополя, но не получил поддержки от папы и, разорив фракийские области, переправился через Дарданеллы в Малую Азию. Сначала германскому императору сопутствовал успех. Он взял Иконий у разорвавшего союзные отношения нового султана сельджуков Кей Хюкрева I и двинулся в Киликию. Но неожиданное событие изменило ход похода: при переправе через горную речку император утонул, и его войско из киликийских портов отправилось на родину или в Антиохию.

Английские крестоносцы вмешались в борьбу феодальных группировок на Сицилии, а затем отправились на только что отколовшийся от Византии Кипр, захват которого Ричардом I стал наибольшим успехом крестоносцев. Высадившись в Сирии, англичане вместе с французами и рыцарями Иерусалимского королевства осадили Акру и взяли ее после долгой осады. Столкновение Ричарда I с Филиппом II привело к отъезду французских рыцарей из Тира, а затем и к началу войны Франции с Англией. Оставшийся в Палестине Ричард I трижды пытался взять Иерусалим, но безрезультатно. В 1192 г. он подписал с султаном мир, по которому

за крестоносцами сохранялось побережье от Тира до Яффы. Возвращаясь на родину, Ричард I был пленен австрийским герцогом Леопольдом (также участником похода и соперником английского короля) и провел 2 года в заключении у германского императора.

Третий крестовый поход обострил противоречия в Европе и усилил конфронтацию Запада с Византией. Тем не менее он предотвратил падение государств крестоносцев на Леванте. Столицей Иерусалимского королевства стала Акра. Следствием похода было также образование Кипрского королевства (1192—1489), после того как Кипр был продан Ричардом I госпитальерам, а затем перешел к бывшему Иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну.

Четвертый крестовый поход (1202—1204). К началу XIII в. стало очевидным, что судьба Святой Земли зависит от Египта. Поэтому папа Иннокентий III (1198—1216) развернул пропаганду похода, направленного против Египта. Вместе с тем завязавшийся клубок противоречий вывел на первый план антагонизм между группой западноевропейских государств и Византией. В Четвертом крестовом походе справедливо усматривают переломный момент и кризис крестоносного движения, ибо впервые жертвой крестоносцев стали христианские государства. Но не религиозные, а в первую очередь политические амбиции и экономические интересы направили меч крестоносцев против Константинополя, хотя взаимная неприязнь и недоверие греков и латинян постоянно нарастали от Первого к Третьему походу, обострялись и торговые противоречия.

Предводители войска крестоносцев, собравшихся к лету 1200 г. во Франции, обратились к Венеции, располагавшей наилучшим военным и транспортным флотом, с просьбой перевезти их армию в Египет. В 1201 г. дож Венеции Энрико Дандоло подписал с послами крестоносцев договор, по которому Венеция присоединялась к участию в крестовом походе и обязывалась перевезти 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20000 пехотинцев при условии уплаты 85 тыс. марок серебром. В июне 1202 г. корабли уже были готовы, но лишь треть «пилигримов» прибыла в Венецию. Другие отправились через Фландрию, Марсель, Апулию или задерживались в пути. Вожди похода, даже продав свои драгоценности и отдав наличные средства, смогли собрать лишь часть суммы, которую необходимо было внести целиком. Блокированные на острове Лидо, воины Христовы нуждались во всем необходимым и начали роптать, поход был под угрозой срыва. Тогда дож предложил предводителю похода монферратскому маркизу Бонифацию отсрочку при условии, что воины помогут Венеции овладеть далматинским портом Задаром, незадолго перед тем переданным

под власть венгерского короля, тоже, кстати, принявшего крест. Несмотря на запрет папы поднимать оружие против христиан и на протест части знатных и рядовых «пилигримов», покинувших затем лагерь и вернувшихся на родину, князья уступили требованию Венеции и после осады, в ноябре 1202 г., Задар был взят и разграблен. Иннокентий III отлучил Венецию и крестоносцев от церкви, однако, не желая прекращения экспедиции и распада войска, поручил своему легату снять отлучение с воинов, как только они продолжат поход.

В начале 1203 г. к зазимовавшим в Задаре крестоносцам были посланцы германского императора и византийского царевича Алексея Ангела. Отец Алексея, император Исаак II, в 1195 г. лишился зрения и престола, захваченного его братом Алексеем III. Сыну Исаака, тоже Алексею, удалось бежать на Запад, где он нашел поддержку как у своего шурина, короля Филиппа Швабского, унаследовавшего давние притязания Штауфенов на византийские земли, так, по-видимому, и у папы, которому царевич обещал признание византийской церковью главенства Рима. Ставленник Филиппа Швабского Бонифаций Монферратский согласился помочь царевичу в обмен на обязательство выплатить крестоносцам 200 тыс. марок и участвовать в крестовом походе.

Летом 1203 г. Константинополь был осажден. Византия, находившаяся в жестоком кризисе и не имевшая сильного флота, капитулировала. Исаак II был восстановлен на престоле, Алексей IV стал его соправителем, но они смогли ценой чрезвычайных мер собрать лишь половину обещанной суммы, вызвав при этом возмущение населения и православного духовенства. В результате народного восстания императоры были низложены и новый государь, Алексей V Дука, порвав с «латинянами», сделал отчаянную попытку организовать оборону города. Рыцари решились на штурм. Теперь они уже не думали о новом греческом монархе и в марте 1204 г. приняли решение разделить Византию между участниками похода. 13 апреля 1204 г. неприступный ранее Константинополь пал и крестоносцы принялись захватывать и делить греческие земли. Была образована Латинская империя во главе с графом Фландрии и Эно Бодуэном, патриархом избрали венецианского клирика из патрицианского рода Томмазо Морозини. Ни о каком продолжении похода в Святую Землю победители уже не помышляли.

Четвертый крестовый поход был последним крупным деянием и вместе с тем выражением глубокого кризиса крестоносного движения, жертвой которого стала крупнейшая православная держава.

Крестовые походы XIII в. Осознание кризиса привело к поискам новых форм крестовых походов. В рассказе о них легенды причудливо переплетены с действительными фактами и трудно отличимы друг от друга. Хронисты повествуют, например, о том, что в народе распространялось представление, что только чудо, совершенное безгрешными детьми, освободит Иерусалим. В 1212 г. в Северной Франции и в области Кёльна тысячи юношей и подростков, в основном из крестьянских семей, собирались в отряды, желая идти в Святую Землю. Часть из них якобы прибыла в Марсель, где алчные судовладельцы продали детей в рабство мусульманам, часть, перейдя через Альпы, достигла Генуи, а затем рассеялась. Так бесславно и трагично закончился полуполюгендарный *Крестовый поход детей*.

Запад вновь вернулся к идее рыцарских походов. *Пятый крестовый поход против Египта* (1217—1221), в организации которого участвовали венгерский король Эндре II, австрийский герцог, король Кипра и правители государств крестоносцев, увенчался взятием ключевой крепости — Дамьетты. Однако распри среди самих крестоносцев помешали им развить успех и удержать город. *Шестой крестовый поход* (1228—1229) возглавил германский император и сицилийский король Фридрих II Штауфен, принявший крест еще в 1215 г. Находясь под отлучением из-за конфликта с папой, лишенный поддержки госпитальеров и тамплиеров, Фридрих II, тем не менее, укрепил Яффу и сумел путем переговоров с султаном Египта вернуть без боя Иерусалим и прилегающие территории. Доступ в Святую Землю объявлялся открытым для всех. Однако в 1244 г. Иерусалим вновь захватили мусульмане.

Седьмой крестовый поход (1248—1254) тщательно готовился французским королем Людовиком IX. Велись переговоры о союзе с татаро-монголами против Египта. Крестоносцам удалось вновь овладеть Дамьеттой и крепостью Мансура. Однако в 1250 г., не дойдя до Каира, они были разгромлены египтянами. Король и многие рыцари попали в плен и были потом освобождены за огромный выкуп в 200 тыс. ливров. Организованный в 1270 г. тем же королем *Восьмой крестовый поход* также не принес результатов. После высадки в Тунисе в войске крестоносцев вспыхнула эпидемия, жертвой которой оказались многие участники и сам Людовик IX.

После этого попытки новых экспедиций ради освобождения Святой Земли успеха не имели. Государства крестоносцев в Сирии и Палестине были обречены. Помощь им со стороны морских республик и западноевропейских государств была недостаточна. В 1268 г. Египет завоевал Антиохию, в 1289 г. — Триполи,

в 1291 г. — Акру, последнюю столицу Иерусалимского королевства и крупный торговый порт. Эпоха Крестовых походов в Святую Землю закончилась.

«Северные» крестовые походы. В XII—XIII вв. немецкие, датские и шведские феодалы организовывали «северные» крестовые походы в Восточную Прибалтику против «язычников»: финских племен, славян (ободритов, поморян, лютичей), ливов, эстов, пруссов. Захваченные земли в Пруссии, Юго-Западной Финляндии, Западной Карелии активно колонизировались, на них образовывались новые государственные структуры, как, например, немецкие герцогство Мекленбургское, маркграфство Бранденбургское, владения Тевтонского и Ливонского духовно-рыцарских орденов, активно участвовавших в завоеваниях. Коренное население подвергалось христианизации, нередко насильственной (см. гл. 12, 15). На завоеванных крестоносцами территориях, иногда на месте прежних поселений, возникали новые города и укрепления: Рига, Любек, Берлин, основанные немцами, Ревель (Таллин) — датчанами, Выборг — шведами и др. Некоторые из них, как, например, Рига, были важными форпостами католической церкви, резиденциями архиепископов.

Поздние крестовые походы. В XIV—XV вв. делались попытки использовать идею и форму крестовых походов главным образом для противодействия экспансии турок-османов. В 1344 г. папа Климент VI организовал так называемую Священную лигу, в которую вошли Венеция, Генуя, Кипр, госпитальеры Родоса. Флоту крестоносцев удалось завоевать Смирну у турецкого эмирата Айдын. В 1365 кипрский король Пьер I де Лузиньян внезапным рейдом захватил Александрию у Египта, а граф Савойи Амадей VI в том же году отнял у турок и болгар города Галлиполи, Несебр, Созополь, передав их Византии.

Эти частные успехи не остановили продвижения турок. Поход 1396 г. с участием рыцарей Венгрии, Германии, Франции, Бургундии, Англии, воинов Польши и Валахии окончился неудачей в результате сокрушительного поражения близ Никополя на Дунае. Множество рыцарей и сам полководец венгерский король Жигмонд (Сигизмунд Люксембург), попали в плен. Вторая попытка была предпринята в 1444 г. Войска крестоносцев, в основном из Центральной Европы и с Балкан под командованием короля Польши и Венгрии Владислава III и трансильванского воеводы Яноша Хуньяди после ряда успехов были разгромлены султаном Мурадом II в «битве народов» при Варне в 1444 г. Поборником и инициатором крестового похода в середине XV в. был бургундский герцог Филипп Добрый. Но и он не добился существенных

результатов. Идея Крестовых походов в XIV—XV вв. уже была историческим анахронизмом и лишь идеологически оформляла действия коалиций или отдельных государств Западной Европы.

Итоги Крестовых походов. Крестовые походы не достигли тех целей, которые ставили перед собой их организаторы и участники. Они повлекли большие жертвы как среди населения государств Востока, так и среди их участников. Гибли многие культурные ценности, дворцы, памятники и библиотеки. Особенно сильно пострадал Константинополь, никогда не вернувший себе былой красоты и величия после латинского разгрома. Вместе с тем они расширили горизонты, впервые после времен античности привели в близкое соприкосновение Европу и Восток. Результаты их неоднозначны.

Несомненно, вырос товарообмен между Западом и Востоком, порты Восточного Средиземноморья Акра, Бейрут, города Кипра стали важными узлами посреднической торговли. Большую выгоду извлекли для себя итальянские морские республики — Генуя, Венеция, Амальфи, Пиза, основавшие на Леванте торговые фактории, которые обладали значительными торговыми привилегиями. Усилился вывоз западноевропейских товаров, прежде всего английского, фламандского, французского, ломбардского сукна на Восток, что стимулировало ремесленное производство Западной Европы. Некоторые технологические новинки (например, ветряная мельница) и сельскохозяйственные культуры: гречиха, арбузы, абрикосы, лимоны были завезены в ту эпоху с Востока. Крестоносцы познакомились с производством сахара, голубиной почтой. Предметы восточного быта, оружие, редкостные изделия, ковры, сладкие вина и пряности входили в моду, порождая еще большую потребность сеньоров в деньгах и усиливая переход от натуральной к денежной ренте в хозяйстве феодалов. В Западной Европе Крестовые походы углубили социальное, имущественное и юридическое неравенство крестьян и сеньоров, способствовали оформлению рыцарства как сословия.

Крестовые походы содействовали укреплению централизации Франции и Англии, оттоку наиболее беспокойных элементов рыцарской вольницы. Со времен Крестовых походов ведут отсчет интересы Франции и Англии на Востоке. Не случайно владения крестоносцев (именуемых нередко «франками») называли Францией на Востоке. В ходе походов были ослаблены позиции Византии и арабского мира в морской торговле и заложены основы морского могущества Генуи и Венеции. Необходимость перевозки значительного числа людей и товаров, поддержания регулярных связей с Левантом привела к совершенствованию судов, освоению новых маршрутов навигации.

На первых порах вырос, а затем, с упадком движения, снизился авторитет папства. Католическая церковь, тем не менее, существенно расширила зону своего влияния, консолидировала земельную собственность, создала новые структуры в виде духовно-рыцарских орденов. Вместе с тем Крестовые походы усилили конфронтацию Запада и Востока. Они активизировали джихад как ответную агрессивную реакцию мусульманского мира. Четвертый крестовый поход гораздо в большей мере, чем схизма 1054 г., разделил христианские церкви, заложив в сознание православного населения образ поработителя и врага — латинянина. Они укрепили на Западе психологический стереотип, компонентом которого были недоверие, а нередко и враждебность не только к миру ислама, но и к восточному христианству.

В результате Крестовых походов возрос обмен книжным и не-книжным знанием между Западом и Востоком. Резко усилилась социальная мобильность населения. Прежние узкие рамки orbis terrarum Запада были существенно — впервые после античности — расширены.

Глава 10

Франция в XI—XV вв.

§ 1. Франция в XI—XIII вв.

Особенности оформления феодальных отношений. Францию часто называют страной классического феодализма, подчеркивая тем самым завершенность и выраженность его форм. Это определение, однако, приложимо лишь к северной и центральной частям страны, где синтез римских и варварских начал получил наиболее полное воплощение. Там же сложились и наиболее благоприятные условия для развития земледелия, в первую очередь зернового хозяйства. Территорию в бассейне рек Сены и Луары, в районах Парижа и Орлеана, отличали благоприятные географические условия — наличие плодородных земель, рек и сухопутных дорог, относительно высокая плотность населения. К концу XI в. слой феодалов численно вырос и распался на несколько групп. От крупных сеньоров, нередко восходящих к потомкам каролингской знати, отделились многочисленные боковые ветви, образовавшие значительную группу средних феодалов. Количественно преобладали мелкие феодалы, выходцы из слуг и вассалов короля и светских магнатов. Другим важным источником пополнения низших слоев феодалов были выходцы из сельской общины, ставшие воинами-профессионалами.

Уже в XI в. слой феодалов полностью отделился от других слоев, некогда питавших его истоки, и превратился в замкнутую привилегированную группу, принадлежность к которой определялась рождением. Феодалы монополизировали к этому времени практически всю собственность на землю, что отразила господствующая в обществе правовая норма «нет земли без сеньора». Аллоды общинников составляли исключение даже на юге, где их было больше, чем на севере. Под власть сеньоров попали общинные угодья, использование которых для зависимых крестьян теперь было связано с уплатой определенных повинностей. Оформились *баналитетные права* сеньоров: монополия на печь, виноградный

пресс и мельницу, которые раньше были коллективной собственностью общины.

Важным показателем завершенности процесса оформления феодального слоя являлась сложившаяся в его среде иерархия: от низших групп «одноштитных» рыцарей, не имевших вассалов, через 3—4 промежуточные ступени более состоятельных феодалов к властителям значительных территорий — герцогам Нормандии, Бретани, Бургундии, Аквитании, графам Шампани. Правовая норма «вассал моего вассала не мой вассал» охраняла привилегии магнатов от посягательств центральной власти, обеспечивая вместе с тем внутреннюю сплоченность слоя феодалов.

Реализовав монополию на землю, феодалы во Франции приобрели значительную политическую власть. Благодаря широко развитой практике субинфеодации, т.е. передачи сеньорами части своей земли вассалам, политические прерогативы распределились в среде феодалов преимущественно в зависимости от размеров и статуса их земельных владений. Главной политической прерогативой являлось право судопроизводства, судебные штрафы от которого служили важным дополнительным источником сеньориальных доходов. Крупные феодалы могли обладать правом высшей юстиции. В целом процесс оформления господствующего слоя во Франции прошел быстрее, чем во многих других странах Западной Европы, и отличался большей законченностью.

Формирование феодально зависимого крестьянства происходило медленнее, но также завершилось в XI в. Основной категорией крестьян в XI в. являлись сервы, находившиеся в поземельной и личной зависимости. Для многих групп крестьянства, однако, отсутствовало обязательное прикрепление к земле.

Изменения в аграрном строе в XI—XIII в. Внутренняя колонизация и положение крестьянства. Социально-экономическое развитие Франции в это время отличали заметные сдвиги и прогресс в развитии производительных сил, следствием которых явилось повышение продуктивности сельского хозяйства (см. гл. 19). Усовершенствованные за счет железных деталей орудия труда, многократная (до 4 раз) вспашка земли, использование лошадей на сельскохозяйственных работах существенно улучшили обработку почвы и ускорили темпы производства. Этому же способствовало и распространение на севере страны трехполья. В южных областях в силу особенностей климата и почв долго сохранялись двухполье и легкий плуг. Там наряду с зерновыми культурами большие площади занимали виноградники, технические культуры и плодовые деревья. Происходили массовые расчистки под пашню залежных земель и лесов, достигшие апогея во второй половине

ХІІ в. В результате реже стал голод из-за неурожая, засухи или наводнений. Заинтересованные в расширении пригодных для земледелия площадей феодалы и церковь нередко выступали организаторами расчисток. Однако подъем нови был делом главным образом самих крестьянских общин, которые и придавали ему подлинно массовый характер. Внутренняя колонизация, в ходе которой осваивались новые территории и возникали новые поселения, во Франции окончилась раньше, чем в других странах Западной Европы. Крестьяне-пришельцы (госпиты) имели более льготные по сравнению с сервами условия пользования землей. Они не несли барщины, уплачивая натуральный оброк и небольшую сумму денег, были лично свободны, оставаясь только в поземельной и судебной зависимости от феодалов.

Расширение посевных площадей и значительный рост урожайности позволили крестьянину производить в собственном хозяйстве не только необходимый, но и прибавочный продукт. Производительность труда росла преимущественно в крестьянском хозяйстве, так как на своем участке крестьянин трудился гораздо усерднее, чем на барщине, поэтому сеньорам стало выгоднее реализовывать феодальную ренту не в форме принудительных барщинных отработок, а в виде части урожая, собранного крестьянами в их хозяйстве. В ХІІ—ХІІІ вв. началась постепенная ликвидация барской запашки и раздача крестьянам в наследственное держание земель, входивших до того в домен. Это привело к замене барщинных повинностей продуктовой рентой. Процесс сокращения и даже ликвидации барской запашки получил наиболее выраженные формы именно во Франции и особенно в хозяйствах светских феодалов. На церковных землях эти перемены происходили медленнее и в меньших масштабах.

Города в ХІ—ХІІІ вв. Прогресс производительных сил и связанное с ним отделение ремесла от сельского хозяйства способствовали развитию городов как центров ремесла и торговли. Во Франции начиная уже с Х в. расцветают старые городские поселения, основанные еще римлянами и пришедшие в упадок в V—IX вв. (Бордо, Тулуза, Лион, Марсель, Ним, Пуатье, Париж, Руан и др.). Появляются и новые городские поселения. К ХІІІ в. в стране было множество крупных, средних и мелких городов, общее число которых в ходе последующего развития вплоть до XX в. увеличилось незначительно.

Особенностью развития южной Франции в ХІ—ХІІ вв. был именно ранний расцвет ее городов. Этому способствовали их торговые связи со средиземноморским регионом, а также участие в Крестовых походах.

Активная внешняя торговля благоприятно отразилась и на состоянии ремесла, особенно суконного. Ним и Монпелье, например, славились производством тонкого сукна, идущего на экспорт. Широкие возможности сбыта товаров, ослаблявшие необходимость детальной регламентации ремесла, определили такую специфическую особенность социально-экономического развития южных городов, как почти полное отсутствие цехов до конца XIV в. В условиях так называемого «свободного ремесла» контроль не столько за объемом производства, сколько за качеством товаров осуществляли органы городского управления.

Южные города рано приобрели и политическую самостоятельность, чему способствовали не только их экономический подъем, но и традиции позднеантичного муниципального устройства. В процессе освобождения из-под власти сеньора южные города использовали в основном не средства вооруженной борьбы, а финансовые сделки, выкуп. Это обстоятельство наряду с вовлечением части южного дворянства в торговлю смягчили противоречия между горожанами и дворянством и сделали возможным их политический союз на юге Франции.

В течение XII в. почти во всех южных городах была установлена коллективная форма власти — консулат (правление консулов — выборных лиц от проживающего в городах дворянства и духовенства, а также от ремесленной верхушки). Управление принадлежало Большим советам, которые состояли из полноправных горожан, т.е. жителей, имевших собственность в городе и плативших налоги. Процесс этот шел без участия далекой от южных городов королевской власти. Обретя большую степень самостоятельности и ориентированные по преимуществу на внешнюю торговлю, южные города не сыграли значительной роли в деле государственной централизации Франции. Напротив, их подъем питал сепаратистские тенденции в развитии южных провинций.

Иначе сложилась историческая судьба городов Севера. Экономический подъем наиболее значительных из них — Арраса, Бовэ, Амьена, Лана и Реймса — наметился лишь к XII в. и был связан главным образом с развитием в Северо-Восточной Франции производства суконных и льняных тканей. Основным средством достижения политических и экономических прав городов на Севере явились восстания, часто неоднократные, приобретавшие особенно ожесточенные формы в тех случаях, когда борьба шла против духовных сеньоров. В ходе восстаний в этих городах против горожан выступала организованная сила церкви, которая использовала, в частности, такое распространенное и испытанное средство, как интердикт (запрет богослужения).

Обычно горожане заключали тайный союз, члены которого были связаны присягой. Борьба сопровождалась изгнанием сеньора и его рыцарей из города или их убийством. В случае успеха этой борьбы феодалы были вынуждены предоставлять городу большую или меньшую самостоятельность, часто расценивая, однако, уступку как временную меру.

Серию кровопролитных восстаний в городах Северной Франции, развернувшихся с конца XI и в начале XII в. и получивших название коммунального движения, открыл город Камбре. После ряда попыток (967, 1024, 1077) он получил коммунальную хартию на самоуправление. Его примеру в XII в. последовали Сен-Кантен, Бовэ, Нуайон, Лан, Амьен, Суассон, Корби, Реймс и др. В ходе движения города добивались неодинаковых результатов. Некоторые из них получили права коммуны (см. гл. 8). Другие города, как правило, игравшие менее значительную экономическую роль, добивались только некоторых привилегий экономического или политического характера: права личной свободы жителей, привилегий в области торговли или управления (города Лорисс, Бомон). Города, таким образом, вступали с сеньорами в договорные отношения, условия которых были зафиксированы в хартиях городских вольностей. Данные сеньорами, они утверждались королем.

Освобождение обычно шло в несколько этапов, и бывало так, что борьба с сеньорами осложнялась внутренними противоречиями в городе — между ремесленниками и патрициатом или противоречиями в ремесленной среде. Благоприятствовала же успеху принадлежность города нескольким сеньорам, как это случилось в Бовэ, где власть над городом делили епископ, капитул и шателэн, представлявший интересы короля.

Коммунальное движение положило начало политическому союзу городов с королевской властью. Города при этом искали помощи у короля в борьбе против сеньоров и часто находили ее, так как монархия желала ослабления власти крупных феодалов. В этом союзе города всегда находились на положении подчиненного и неполноправного партнера, который платил налоги, покупал хартии привилегий и их подтверждение новым королем, предоставлял государству займы, фактически бывшие безвозвратными ссудами. Король же получал от городов военную, денежную и политическую помощь в борьбе с внешним врагом и во внутренней политике, направленной на ослабление политического могущества крупных феодалов.

На территории своего домена французские короли избегали давать городам права коммуны, уступая им лишь часть привилегий

под контролем назначенного центральной властью чиновника, как это случилось с Парижем, Орлеаном и Буржем. Таким образом, результативность борьбы городов за самостоятельность определялась не только их экономической или политической значимостью, но и принадлежностью города королю или иному сеньору. Поддержка королем городов носила не всегда последовательный характер, так как он руководствовался финансовыми или политическими расчетами.

Завоевание городами политической самостоятельности способствовало быстрому росту их экономического могущества. Основу его составляло развитие ремесла, которое привело к возникновению новых специальностей и цехов. В городах Северо-Восточной Франции существовало 25 специальностей только в сукноделии. В Амьене число ремесленных специальностей, организованных в цехи, равнялось 80, в Аббевиле — 64, в Сен-Кантене — 53. Во второй половине XIII в. по решению прево (должностное лицо короля) Парижа Этьена Буало записываются уставы 100 цехов («Книга ремесел Парижа»), в частности 22 цехов только в области производства металлических изделий. К началу XIV в. число зарегистрированных цехов в Париже достигло 350.

В Северной Франции развивалась хозяйственная специализация областей, послужившая здесь в отличие от Юга основой для формирования внутренних экономических связей. Торговля железной рудой, солью, скотом и сукном из Нормандии, полотном, сукном, высококачественным вином из Шампани и Бургундии, разнообразными ремесленными изделиями из Парижа с ориентацией на внутренний рынок делала эти области экономически зависимыми друг от друга и таким образом связывала их. Проявлением торгово-экономических межгородских связей явилась организация в начале XIII в. в Париже «Ганзы речных купцов», объединившей руанских и парижских купцов, торговавших по Сене. К ней присоединились купцы Бургундии с Верхней Соны и Йонны. Затем появилось товарищество купцов, торгующих по Луаре. Деятельность торговых объединений стимулировала рост производства в городах по Сене, Уазе, Марне, Сомме, Верхней Соне и Средней Луаре. Эта особенность экономического развития северофранцузских городов позволила им сыграть решающую роль в централизации страны.

К XIII в. относится расцвет знаменитых шампанских ярмарок, которые проходили в городах, расположенных на Марне и Сене с их притоками (см. гл. 8). Присоединение Шампани в 1284 г. к королевскому домену закрепило ее экономические связи с Парижем. В XIII в. определилось место Парижа как крупнейшего

экономического центра Северной Франции и политической столицы государства. Его население было весьма многочисленным: 70 тыс. жителей; в Руане проживало около 50 тыс. человек, но большинство других городов было среднего размера — до 5—6 тыс. жителей.

На фоне экономического подъема в городах начинается процесс имущественной дифференциации, который не в состоянии были предотвратить цеховые ограничения. Из среды горожан выделяется зажиточная купеческая и ремесленная верхушка, владевшая движимой и недвижимой собственностью и захватившая в свои руки городское управление. Ей противостояла основная масса ремесленников и торговцев, ущемленных в политических правах и лишенная доступа к городскому управлению. В Париже «Ганза речных купцов» захватила в свои руки городское управление, ее торговый дом стал административным центром столицы — его ратушей (*hotel de ville*). На печатях Ганзы был изображен корабль с горделивой надписью: «Плывет и не тонет». Статуты Этьена Буало на этом этапе еще санкционировали свободное вступление в цех при условии уплаты небольшого взноса. Не во всех цехах требовали изготовления шедевра, в ряде случаев допускалось свободное ремесло, не всегда ограничивались количество учеников и объемы производства. Однако сама запись статута была вызвана волнениями основной массы ремесленников, требовавших от зажиточных мастеров соблюдения цеховых постановлений. Состав плательщиков городских налогов (*тамы*) обнаруживает близость многих мастеров к беднякам и неравенство между цехами, в частности выделение богатых цехов — сукновалов, ювелиров и некоторых других.

В XIII в. по городам прокатилась волна выступлений ремесленников против патрициата, осложненных внутрицеховыми и межцеховыми противоречиями. Так, например, в Бовэ «малый народ» убивал богатых горожан, пытаясь добиться права участия в выборах органов городского управления для всех цехов. Эти волнения служили поводом для вмешательства королевской власти в дела городского управления и проведения с конца XIII в. политики постепенной ликвидации коммунальных вольностей.

Влияние товарно-денежных отношений на французскую деревню. В XII и особенно XIII в. жизнь французской деревни развивалась под значительным воздействием экономически сильных городов. Это вызвало сравнительно быструю замену продуктовой ренты денежной. В условиях наметившейся ранее тенденции к сокращению домена основным поставщиком сельскохозяйственных товаров на рынок стал французский крестьянин. Преимущественная

связь деревни с городским рынком через крестьянское хозяйство составила одну из важнейших особенностей французской экономики.

Следствием отмеченных изменений явился начавшийся в XII в. выкуп крестьян на волю. Бывший серв выкупал четыре основные повинности, характеризующие личную зависимость во Франции: побор с наследства (право «мертвой руки»), брачный побор, произвольную талью и поголовный побор. Земля при этом оставалась собственностью феодала, за пользование которой крестьянин платил денежную ренту — ценз, отчего крестьянин стал называться *цензитарием*, а его земельный участок — *цензивой*. В таком случае рента была фиксированной. Крестьянин мог распоряжаться своим держанием, закладывать или продавать его. При отчуждении участка сеньор получал дополнительную плату. Сохранялась судебная зависимость крестьян от феодала, однако в качестве лично свободных людей (вилланов) крестьяне могли обращаться в королевский суд, апеллируя на решения сеньориального суда.

Выкуп мог быть индивидуальным или коллективным, его сумма определялась договором. Иногда она была настолько обременительна, что крестьяне предпочитали не менять своего положения, и тогда «освобождение» могло быть принудительным.

Распространение продуктовой и денежной форм ренты, участие крестьян в торговле повышали самостоятельность крестьянского хозяйства и диктовали необходимость предоставления личной свободы, хотя и не были единственной причиной этого процесса. Борьбу крестьян в этот период отличает их стремление улучшить не только свое экономическое положение, но и социальный статус. В XII—XIII вв. в деревнях Франции крестьяне стремятся к расширению экономических, административных и юридических прав сельской общины. Этот процесс шел параллельно коммунальному движению в городах и мог иметь своим результатом образование сельской коммуны, где у жителей был бы статус личной свободы, право выборного управления, самостоятельного сбора ренты в пользу сеньора, выбора прокуратора — доверенного лица в ее внешних контактах, право низшей юстиции по конфликтам между ее членами. Права сельской общины закреплялись письменной хартией. Все это укрепляло крестьянскую общность, обеспечивая ее противостояние феодалам, которые в условиях развития товарно-денежных отношений пытались увеличить размеры денежной ренты.

Рост рентных платежей значительно затруднял крестьянам реализацию продукции на рынке. Большая сумма выкупных платежей побуждала крестьян обращаться к ростовщикам и оборачи-

валась долговой кабалой для них. Особенно тяжелыми были условия выкупа свободы у церковных феодалов. Заметным бременем на крестьянах лежала и церковная десятина («большая» — с урожая зерна и «малая» — со скота, шерсти и продуктов животноводства). Наконец, именно в XIII в. государство стало посягать на доходы крестьянского хозяйства. Все это создавало напряженную обстановку в деревне, которая была чревата открытыми выступлениями крестьян.

В 1251 г. во Фландрии и Северной Франции началось самое крупное в XIII в. восстание «пастушков», как называли себя крестьяне. Особенностью его явился ярко выраженный антицерковный характер. Громя монастыри и церкви, крестьяне двигались к Парижу и далее на юг к Туру и Орлеану. Восстание было подавлено, но оно свидетельствовало о глубоком недовольстве в среде крестьянства.

Политическая раздробленность в XI—XII вв. Факторы процесса централизации. Во Франции, как и повсюду в Европе, процессу централизации предшествовал довольно длительный период ослабления королевской власти и политической раздробленности.

До XII в. положение французского короля было крайне затруднительным по нескольким причинам. Среди них — ограниченные материальные возможности правящей династии и компактность земельных владений крупных феодалов, создающая благоприятные условия для их политической автономии. Домен Капетингов представлял собой сравнительно небольшую полосу земли по Сене и Луаре, тянувшуюся от Компьеня до Орлеана и окруженную со всех сторон феодальными владениями — герцогствами Нормандия, Бургундия, Бретань и графством Шампань, во много раз превосходящими по размерам его территорию. Специфика вассальной системы во Франции позволяла королю рассчитывать лишь на помощь прямых вассалов. Отсутствовал дополнительный социальный резерв в виде свободного крестьянства, который могла бы использовать монархия, подобно тому как это было в Англии, Швеции или Кастилии. Своеобразие экономического и политического развития юга и севера страны, усиленное наличием двух народностей, усугубляло политическую раздробленность. Тем не менее процесс государственной централизации начал последовательно осуществляться во Франции, в первую очередь в ее северной части.

Одним из решающих факторов этого явилось возникновение и развитие городов и товарно-денежных отношений, которое нарушило хозяйственную замкнутость отдельных территорий. Это открыло перспективу достижения экономического единства —

необходимого условия политического объединения. Развитие городов породило новую социальную силу — сословие горожан, заинтересованных в усилении королевской власти, с которой они связывали надежду на ликвидацию феодальной анархии и создание благоприятных условий для торговли (устранение таможенных границ, единство мер и весов, защита от иностранных купцов).

Возник политический союз городов и королевской власти. Он приобрел исключительное значение в ходе процесса централизации во Франции из-за узкой социальной базы королевской власти и политической силы крупных феодалов. Союз городов с королевской властью как осознанная монархией линия ее внутренней политики оформился в результате освободительного движения городов, хотя не сразу и с отмеченными выше особенностями. Тем не менее Людовик IX (1226—1270) в своем поучении сыну завещал хранить союз с городами, сила которых, по его словам, должна была служить гарантией безопасности монархии.

Другим фактором, содействовавшим процессу централизации, были изменения в расстановке сил внутри слоя феодалов. Рост хозяйственной самостоятельности крестьян, улучшение их социального статуса, возрастающий отпор крестьянства затрудняли реализацию по отношению к нему внеэкономического принуждения. Феодалы вынуждены были сплотиться вокруг королевской власти. К этому их толкала также надежда на извлечение дополнительных доходов от службы в королевской армии и растущем государственном аппарате, от эксплуатации крестьянства через фиск государства. В сильной королевской власти особенно нуждались мелкие и средние феодалы, не располагавшие ни достаточными материальными средствами, ни средствами внеэкономического принуждения. Противниками централизаторской политики оставались крупные феодалы, более всего дорожившие своей политической самостоятельностью, властью над населением и доходами с него. Королевская власть как представительница порядка в обществе поддерживала то одну, то другую группу феодалов, используя для собственного усиления внутрифеодальные противоречия.

Рост королевского домена. Процесс государственной централизации прошел, не без труда и отступлений, несколько этапов. До конца XII в. французские короли решали проблему усиления собственной власти в пределах домена. На первых порах результатами развития городов, подобно королю в его домене, воспользовались крупные феодалы — герцоги и графы. Поэтому централизация разделилась на два этапа — централизация по провинциям и общегосударственное объединение. Этапы не всегда были четко

разграничены по времени, что существенно осложняло утверждение контроля центральной администрации над местными органами управления.

Начало XII в. явилось переломным моментом в укреплении королевской власти. Людовик VI (1108—1137) и его канцлер аббат Сугерий положили конец сопротивлению феодалов — сеньоров Монтлери, Пуизе и Томаса де Марль в королевском домене. Их замки были разрушены или заняты королевскими гарнизонами. Людовик VII (1137—1180) начал увеличивать королевский домен, присоединив города Бурж и Санс. Благодаря браку с Элеонорой Аквитанской он распространил свое влияние и на юг страны. Затем, однако, последовал их развод и новое замужество наследницы богатой Аквитании с Генрихом Плантагенетом, графом Анжуйским, вассалом французского монарха. В 1154 г. Генрих стал английским королем, и это событие существенно осложнило в будущем взаимоотношения Франции и Англии.

Значительное увеличение домена произошло в правление Филиппа II Августа (1180—1223). При Генрихе II Плантагенете резко увеличились континентальные владения Англии, куда входили Анжу, Мэн, Турень, Нормандия, Пуату, а после женитьбы на бывшей королеве Франции Элеоноре — Аквитания (см. гл. 11). Его владения превышали домен французского короля. Филипп II, искусный политик и дипломат, используя нарушения английским королем вассальных обязательств, начал борьбу с ним. Наибольших успехов Филипп II добился в борьбе с английским королем Иоанном II Безземельным. Объявив его владения во Франции конфискованными, он завоевал в 1202—1204 гг. Нормандию, которая считалась самой ценной жемчужиной английской короны. Война приобрела значение европейского конфликта, так как Иоанн привлек на свою сторону императора Оттона IV, графа Фландрского и некоторых других феодалов. Но в 1214 г. французы разгромили англичан в битвах при Ларош-о-Муане близ Анжера и при Бувине (во Фландрии). Большую помощь королю оказали города домена и крестьянство. Не случайно от этого времени сохранилось большое число коммунальных хартий, дарованных Филиппом II.

Альбигойские войны. Следующее значительное увеличение домена произошло за счет южных областей страны, которые до начала XIII в. жили почти обособленно от северной ее части. Задачу присоединения юга к домену облегчила сложившаяся там внутренняя обстановка.

Экономическое процветание южнофранцузских городов, их политическая самостоятельность способствовали обострению со-

циальных противоречий в этом регионе. Они проявились в идеологической борьбе, вызванной распространением еретических учений вальденсов и катаров в 40-е годы XII в. Центр ереси на юге Франции — город Альби — дал ей название «альбигойской ереси», вскоре превратившейся в массовое народное движение с антифеодальной и антицерковной направленностью.

Приверженцы дуалистической идеи об извечной борьбе добра и зла, катары считали земной мир и католическую церковь созданием дьявола, отрицая ряд догматов христианства, они были преисполнены жадой духовного очищения. Они требовали ликвидации церковной иерархии, церковного землевладения и десятины. Вальденсы ратовали за возвращение евангелической простоты и равенства раннехристианских общин. Часть их выступала с проповедью бедности и отказа от богатств. «Никто не должен ничем владеть», — учил основатель ереси вальденсов Петр Вальдо из Лиона. Основную массу альбигойцев составляли горожане и крестьянство. К движению примкнули рыцари и знать. Даже граф Тулузский Раймонд склонялся к альбигойству. Причастность привилегированных слоев к ереси диктовалась желанием присвоить земельные богатства церкви, а также политическими расчетами. Они сводились к стремлению сохранить политическую автономию юга, тогда как католическая церковь на этом этапе находилась в тесном политическом союзе с Капетингами. Была угроза распространения ереси в Северной Франции. Но, главное, движение давало удобный повод для вмешательства. В 1209 г. папе Иннокентию III удалось организовать крестовый поход против альбигойцев с участием северофранцузских феодалов. Их предводителем являлся барон Симон де Монфор. В 1213 г. в битве при Мюрэ крестоносцы одержали решительную победу. После ожесточенного сопротивления были взяты города Безье и Каркассон. Однако Раймонду Тулузскому удалось удержать Тулузу, Ним, Бокер и Ажан. После гибели Симона де Монфора в борьбу вмешался французский король Людовик VIII. В итоге двух успешных походов в 1224 и 1226 гг. он присоединил к домену графство Тулузское и часть земель по Средиземноморскому побережью (1229). Последний оплот альбигойцев крепость Монтсегюр была взята только после 10-месячной осады; оставшиеся в ней 200 еретиков были уничтожены (1244). Однако Аквитания осталась в руках Плантагенетов.

Война нанесла жестокий удар по экономике южных городов, от которого они постепенно оправились, но потеряли прежнюю независимость от королевской власти.

Государственное управление в XIII в. В середине и второй половине XIII в. расширение королевского домена было подкреплено

созданием общегосударственного аппарата управления. Его основу составили центральные органы, выросшие из королевской феодальной курии: Королевский совет — верховный орган управления; Парижский парламент (верховный суд) и финансовое ведомство — Палата счетов. Основной линией развития государственного аппарата была постепенная замена службы по вассальным обязательствам службой, оплачиваемой государством, которую несли обученные чиновники — легисты, знатоки законов, часто выходцы из неблагородных сословий. Королевский совет как постоянный орган при короле состоял из приближенных к нему крупных феодалов, принцев крови, а также легистов. Во главе отдельных административных округов, на которые был разделен домен, стояли бывшие управляющие королевскими поместьями — прево. Округа соединялись в более крупные единицы — бальяжи (на севере) и сенешальства (на юге). Возглавлявшие их бальи и сенешали как чиновники короля соединяли в своих руках административную, судебную и военную власть. Король назначал их из числа крупных феодалов, стремясь обрести в них политических союзников.

Королевская власть постепенно превращалась во власть, представляющую «общее благо» и имеющую публично-правовой характер. Существенное значение при этом имела тенденция к замене выборной власти короля наследственной. Представители правящей династии Капетингов пытались реализовать наследственный принцип, коронуя наследника при живом отце. Государство не считается теперь личной собственностью короля, которая могла быть разделена между наследниками или подарена частным лицам. Утверждается принцип неотчуждаемости домена. Король перестает рассматриваться как частное лицо, когда он должен был, подобно любому другому феодалу, приносить клятву сеньору, во владениях которого им приобреталась земля. Чтобы избежать унижительной процедуры принесения оммажа, короли перекладывают ее на своих чиновников, а затем вообще отказываются от нее. Король становится законодателем. Укореняются понятия о священной природе королевской власти и о государственной измене.

Наиболее крупные и важные реформы внутреннего управления были проведены в царствование Людовика IX (1226—1270). На территории королевского домена были запрещены судебные поединки (решения тяжб с помощью поединка спорящих сторон, широко применявшиеся в сеньориальном суде). Появилась возможность перенести дело в королевский суд. На решение любого суда — сеньориального или городского — могла быть подана апелляция в королевский суд. Парижский парламент становился верховной судебной инстанцией королевства. Наиболее важные дела,

в первую очередь уголовные, были в ведении только королевского суда. Общественному порядку и ослаблению феодальных усобиц в государстве содействовал запрет Людовика IX вести частные войны на территории домена, а также установление правила, действующего на земле всего королевства и получившего название «40 дней короля». В течение этого срока сеньоры, оказавшиеся перед угрозой военного конфликта, могли апеллировать к королю.

В королевском домене была введена единая монетная система; королевская монета получила право хождения по всему государству наряду с местными монетами сеньоров. Право чеканки собственной монеты имели тогда около 40 сеньоров. Постепенно королевская монета стала вытеснять из обращения местную. Отличаясь высоким содержанием серебра или золота, она широко использовалась как во внешней, так и во внутренней торговле. Это содействовало экономическому единству страны.

Людовик IX, снискавший имя «Святого», пытался реализовать идеал «христианнейшего государя», объявив целями своей внутренней и внешней политики мир и справедливость. Он выступил организатором VII и VIII крестовых походов против «неверных» и добился мира с соседями в Европе. Им были заключены договоры с королем Арагона, который содействовал спокойствию на юге Франции, и в 1259 г. — с королем Англии. Английский король Генрих III сохранил Гиень, за которую давал клятву верности французскому королю. Неоднократно Людовик IX выступал в роли арбитра в спорных европейских делах.

Но о тщетности его усилий добиться «справедливости» внутри страны красноречиво свидетельствовали многочисленные городские волнения и случившееся в период его царствования восстание «пастушков». Вместе с тем проведенные им реформы имели прогрессивное значение для углубления процесса централизации. Последующее усиление налогового гнета, рост злоупотреблений со стороны центральной и местной властей и тяготы войн побуждали современников этих явлений считать время Людовика IX «золотым веком» в истории страны.

§ 2. Франция в XIV—XV вв.

Крестьяне и феодалы в XIV в. Утверждение денежной ренты и экономической самостоятельности крестьянского хозяйства способствовали значительной дифференциации крестьянства. Большая свобода в пользовании цензивой, в частности возможности ее заклада или продажи при условии выплаты взноса феодалу, привели к появлению в деревне значительной прослойки обед-

невших крестьян. Заклад земли и долговая кабала чаще всего не спасали от разорения, так как выплата долга ложилась дополнительным бременем на хозяйство крестьянина. Будучи не в состоянии справиться с этими трудностями, иногда вынужденный продать часть надела, крестьянин, чтобы прокормить семью, уплатить ренту и государственные налоги, должен был наниматься на сезонные работы к сеньору или к своим зажиточным соседям. Возникает особая категория сельского населения — наемные работники.

Параллельно этому процессу формируется новый вид крестьянского держания — аренда земли, часто в виде издольщины. Она отличалась от цензивы, которая как форма наследственного держания с фиксированной рентой обеспечивала возможность сохранения части прибавочного продукта в хозяйстве крестьянина и делала его положение относительно стабильным. Аренда, условия которой земельный собственник менял в свою пользу в зависимости от рыночного спроса, уменьшала сопротивляемость крестьянского хозяйства процессу имущественного и социального расслоения. В Пикардии в конце XIII в. на 100 жителей деревни приходилось 12 неимущих крестьян. В одной из областей 330 крестьян имели в держании небольшие участки земли и были вынуждены дополнительно работать по найму; 36 крестьянских хозяйств имели обычное по размеру держание, но не располагали упряжкой; только 16 хозяйств имели упряжку и плуг; 3 хозяйства считались зажиточными.

Существенные изменения происходили и в положении феодалов. Стремлению увеличить ренту мешали почти полное исчезновение барщинного хозяйства, личная свобода крестьянина и фиксированная денежная рента. Кроме того, усилившаяся королевская власть стала соперником феодалов в эксплуатации крестьянства, что ограничивало размеры сеньориальных платежей. Участвовавшие со стороны короля требования военной службы увеличивали расходы феодалов и также содействовали обеднению части их. Многие сыновья мелких и средних феодалов не могли приобрести звания рыцарей из-за дороговизны процедуры посвящения.

XIV век принес значительные изменения в природу вассальных отношений. В условиях товарно-денежных отношений развивается так называемая фьеф-рента (вассальная служба, при которой сеньор не уступал вассалу земли, но делился частью ренты) и система денежных контрактов. В силу этого отношения в среде феодалов перестают быть связанными непосредственно с землей, ее наследованием и вассальной присягой. Личностные связи, за которыми прежде скрывались поземельные отношения, уступают место вещным. Королевская власть использует эти новые формы

для того, чтобы в обход старых норм вассалитета приблизить к себе основную массу феодалов, используя их на государственной и военной службе.

Социальная жизнь в городе в XIV в. Неспособность цеховых уравнилельных постановлений сдержать процесс имущественного и социального расслоения стала очевидной уже в XIII в. Этот процесс становится еще заметнее в XIV в., вызвав существенные изменения в структуре цеха и взаимоотношениях между цехами. Он проявлялся в выделении зажиточных мастеров внутри цеха, их попытках контролировать производство, в зависимости от них основной массы ремесленников и в «замыкании» цеха, которое закрыло подмастерьям доступ к званию мастера. Это усложнило социальные противоречия в городе, побудив подмастерьев организовывать свои союзы — «компаньонажи» — и подняться на борьбу против зажиточных мастеров (см. гл. 8).

Основная масса ремесленников не была представлена в городских муниципалитетах и не могла контролировать налогообложение. В городе имелось большое число неквалифицированных ремесленников, внецеховой бедноты, пришлых из деревень. Эта прослойка жила случайными заработками, была готова включиться в социальную борьбу на стороне ремесленной массы или стать объектом политических спекуляций городской верхушки. Возникли сложные отношения зависимости между цехами смежных специальностей — красильщиков и суконщиков, мясников, живодеров и дубильщиков кожи и т.д., что свидетельствовало о попытках торгового капитала организовать крупное производство. В ряде отраслей ремесленного производства складываются условия для формирования раздаточной системы: городские купцы начинают активно вовлекать деревенские промыслы в городское производство (сучение шерсти и др.).

Успехи процесса централизации. Усиление королевской власти в начале XIV в. Конец XIII — начало XIV в. в политической истории Франции был ознаменован оформлением *сословной монархии* (феодалной монархии с сословным представительством). Основанием для становления новой формы государства служил процесс централизации страны и дальнейшего усиления королевской власти. Оно было связано, в частности, со значительным расширением к тому времени территории королевского домена. Успехи французского короля в борьбе с английским на юге страны были подкреплены присоединением к домену короля Лангедока (бывшее графство Тулузское), части Аквитании в 1308—1309 гг., а также областей по течению рек Дордони и Гаронны и в 1285 г. — Наварры. Англичане сохранили только узкую полосу вдоль Бискайского

побережья. Важными приобретениями были графство Шампань, присоединенное к королевскому домену после брака Филиппа IV (1285—1314) с дочерью и наследницей графа, и богатый город Лион в центре страны (1307). В начале XIV в. домен короля занимал уже $\frac{3}{4}$ территории королевства. Это укрепило притязания короля на власть в качестве сюзерена, желавшего превратить все население страны в своих подданных. Для этого Филипп IV, ломая иерархию, устанавливал прямые связи с арьер-вассалами, с помощью суда и налогов включал в сферу своей политики крестьянство, зависимое от светских и церковных феодалов.

Расширяя компетенцию королевского суда и Парижского парламента как высшей судебной инстанции, монархия сокращала юстицию светских и церковных феодалов, а также сферу городского суда. В первой половине XIV в. парламент становится постоянным органом с фиксированным числом членов (100 прокуроров, адвокатов, советников). Его деятельность была направлена на нивелировку местных обычаев и постепенную выработку общегосударственного права.

В правление Филиппа IV закладываются основы государственной налоговой системы. Введенный им косвенный налог с продаваемых в стране товаров получил в народе название «дурного». Для пополнения казны Филипп IV не брезговал и прямым грабежом. Меняя содержание драгоценного металла в монете, он снискал себе славу фальшивомонетчика. Филипп IV неоднократно изгонял евреев-ростовщиков из королевства, конфискуя в пользу казны их имущество и беря с них большие суммы за право вернуться. Он требовал займы у городов и, не возвращая долгов, разорял городские финансы. Это облегчало ему осуществление политики, направленной на постепенную ликвидацию коммунальных вольностей и подчинение городского управления королевскому чиновнику.

Члены городского управления в свою очередь перекладывали тяжесть налогов на ремесленников. Эта ситуация вызвала антиналоговые городские восстания. Наиболее крупным из них было восстание 1306 г. в Париже, непосредственным поводом к которому явилась новая порча монеты. Городская беднота обратила свой гнев не только против королевских чиновников финансового ведомства, но и против богатых горожан, подвергнув разгрому их дома. Королю пришлось укрыться в замке ордена тамплиеров и пережить несколько унижительных дней осады. Затем последовала жестокая расправа с восставшими.

Оформление налоговой системы было тесным образом связано с реформами в армии. Смысл их заключался в замене феодального

ополчения наемной армией из числа французских рыцарей и чужеземцев. Побуждая феодалов выкупать военную службу, король стремился создать военную организацию с жесткой дисциплиной и подчинением королю. Известным стимулом для этих реформ Филиппа IV явилась война во Фландрии. Граф Фландрии был вассалом французского короля, но территория его графства лишь номинально входила в состав французского государства, не будучи французской ни по населению, ни по языку. Исключение составляли лишь некоторые пограничные области. Однако Франция притязала на богатые города Фландрии — Гент, Ипр и Брюгге, которые являлись центрами издавна развитого здесь сукноделия и торговли. Филипп IV воспользовался внутренней борьбой в этих городах, став на сторону патрицианско-бюргерской верхушки. Но введение им тяжелых налогов вызвало широкое народное движение. В городах борьба за политическую независимость Фландрии слилась с выступлением ремесленников против патрициата. В 1302 г. в Брюгге они вырезали французский гарнизон и местный патрициат. Это событие, получившее название «Брюггской заутрени», послужило сигналом для восстания городских и сельских масс всей Фландрии. Филипп IV двинул против них свою армию, которая в том же 1302 г. в битве при Куртре потерпела поражение. Это был один из редких в истории того времени случаев, когда рыцарская конница оказалась разбитой городским ополчением. Собранные на поле битвы шпоры французских рыцарей были вывешены в знак победы на воротах города, отчего это событие получило название «Битвы шпор».

Неудачная война во Фландрии побуждала французского короля вновь и вновь требовать военной службы или выкупа ее дворянами, притом не только его непосредственными вассалами. Требования выкупа сочетались с попытками ввести прямой налог на имущество или доходы населения, в том числе и привилегированного. Эта политика вызвала большое недовольство светских и церковных феодалов. Однако для общественного мнения она была оправдана военной необходимостью, кроме того, господствующий класс был заинтересован в феодальной экспансии во Фландрии.

Консолидация сословий и рост их политической активности. Наряду с усилением королевской власти второй существенной стороной образования сословной монархии явился процесс оформления сословий и рост их политической активности. Наиболее выраженные формы этот процесс приобрел в среде горожан. Сословия дворян, духовенства и горожан пытались защищать свои привилегии, консолидируясь на разных территориальных уровнях,

главным образом в рамках провинций. Их привилегии были обычно подтверждены письменными хартиями.

В этих условиях монархии пришлось делить прерогативы — судебные, налоговые, военные — не с отдельными крупными вотчинниками, а с сословными группами, которые обладали, хотя и ограниченной, властью на местах. Королевская власть, претендуя на высший суверенитет, не располагала тем не менее для его реализации достаточными средствами и была вынуждена просить помощи — денежной, военной и политической — у сословий. Результатом явилось образование органа сословного представительства — собрания, на котором монарх советовался с сословиями при решении наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики. Члены этого собрания в отличие от собраний королевской курии должны были быть выборными, а кроме того, на нем присутствовали представители городского сословия. Теряя коммунальные вольности, городское сословие получило политическое признание в рамках государства. Общегосударственный орган сословного представительства — Генеральные штаты — был впервые созван в связи с борьбой Филиппа IV с папой Бонифацием VIII.

Борьба с папством и возникновение Генеральных штатов. Усиление королевской власти при Филиппе IV привело к конфликту с папством. Король существенно ограничивал имущественные и судебные права церкви. Непосредственным предлогом конфликта явилась налоговая политика монархии в отношении церковных земель. Противоречия между королем и церковью переросли рамки внутреннего вопроса, так как французская церковь подчинялась римскому папе. Папа Бонифаций VIII в 1296 г. запретил светской власти взимать поборы с духовенства, а духовенству — платить их без разрешения папы. Филипп IV ответил на это запрещением вывоза из Франции золота и серебра, что исключило поступления в папскую казну денег от французского духовенства. Бонифаций VIII решил вынести обсуждение вопроса о внутреннем положении во Франции на церковный собор 1 ноября 1302 г. Свою решительную позицию он подкреплял, как некогда Григорий VII, притязаниями на примат духовной власти над светской. Филипп IV расценил его политику как вмешательство во внутренние дела Франции. Королевскими легистами была организована кампания, обличавшая Бонифация VIII в злоупотреблениях. Выступив с ответными обвинениями, Бонифаций VIII готовил буллу об отлучении Филиппа IV от церкви. В обстановке широкого недовольства в стране королевской политикой эта мера могла вызвать серьезные осложнения для монархии. Опережая события, Филипп IV созвал в 1302 г. Генеральные штаты, на которых были

представлены духовенство, дворянство и горожане (по 2 депутата от каждого города). На ассамблее, где рассматривался вопрос об осуждении папы как еретика, король оказался перед лицом оппозиции части духовенства, дворянства и городов, главным образом южных. Но Филипп IV сумел заручиться поддержкой своих сторонников, особенно от городских депутатов. Чтобы низложить папу, Филипп IV отправил в Италию своих агентов — Гийома Ногаре и Гийома Плезиана. Не жалея денег, те привлекли политических врагов папы в Италии на свою сторону, ворвались в папский дворец и подвергли Бонифация VIII домашнему аресту. Не перенесший оскорблений Бонифаций VIII вскоре умер. В 1305 г. под давлением Филиппа IV на папский престол был избран французский прелат под именем Клемент V.

Желая закрепить победу, Филипп IV с помощью легистов организовал судебный процесс против ордена тамплиеров с обвинением его в ереси. Духовно-рыцарский орден тамплиеров, основанный в XII в. для поддержки крестоносного движения (см. гл. 9), находился под особым покровительством пап. Уже в XIII в. он превратился в могущественного земельного собственника. Орден перенес центр своей деятельности в Европу, где занимался ростовщическими операциями. Французский король, желая ликвидировать орден, преследовал политические и экономические цели. Он хотел избавиться от независимого противника внутри страны, к тому же действующего в тесном контакте с римским папой, а также конфисковать земли и казну ордена. В этой борьбе Филипп IV опять прибег к помощи общественных сил, созвав Генеральные штаты в 1308 г. Орден, не признанный виновным в ереси, был, однако, распущен по решению церковного собора в 1312 г.

Под давлением короля папа Клемент V перенес свой двор в Авиньон на Роне, этой мерой открыв 70-летний период так называемого «Авиньонского пленения пап» (1309—1378), попавших под контроль французского короля.

Структура сословного представительства. Особенностью сословного представительства во Франции являлось наличие представительных учреждений на разных территориальных уровнях: местных органов, провинциальных и Генеральных штатов. Многие из местных штатов — ассамблеи баронов, рыцарей и консулов в графствах Ажене и Керси, сенешальствах Тулузы, Каркассона и Бокера, провинциальные штаты Лангедока и Нормандии — известны уже с середины XIII в. Генеральные штаты возникли на этапе общегосударственной централизации, позже органов местного значения и некоторых провинциальных штатов.

В системе представительства Франции отсутствовало жесткое соподчинение ее звеньев. Большие размеры страны делали не

всегда реальным созыв Генеральных штатов. В течение XIV и XV вв. часто созывались отдельно штаты в областях Лангедойля и Лангедока, которые одновременно рассматривали одни и те же вопросы, являясь, таким образом, сессиями Генеральных штатов. Наряду с ними собирались местные или областные штаты. Три сословия Генеральных штатов заседали отдельно, формируя три палаты — духовенства, дворянства и городских представителей. Первая палата состояла из прелатов, которых лично приглашал король. Кроме того, в нее на провинциальных собраниях духовенства или в монастырях выбирались прелаты или магистраты церкви. От светских феодалов присутствовали, как правило, крупные сеньоры по приглашению короля. В третьей палате (с конца XV в. она стала называться палатой «третьего сословия») заседали представители городов — члены городского управления, богатые и влиятельные горожане. Они часто не избирались городской общиной, а назначались городским советом. Длительное время во Франции, особенно в среде дворянства, был слабо развит принцип выборности. Лишь к концу XV в. он был реализован для всех трех сословий. Каждая палата имела один голос, и общее решение двух палат не обязывало третью принять его, если ее представители не были согласны с ним.

Генеральные штаты не превратились в регулярно действующий орган. И хотя король прибегал к их созыву под давлением обстоятельств, нуждаясь в помощи, право созыва, назначение места и сроков собрания оставались его прерогативой. Король не был подотчетен Генеральным штатам. Их основной функцией было решение вопроса о субсидиях. Они обсуждали и политические дела, но без формального права утверждать законы. Следовательно, их ограничительная функция по отношению к власти монарха по сравнению с английским парламентом была слабее. Королевская власть во Франции проводила в своих интересах консультации с сословиями на местных или провинциальных собраниях, иногда сознательно противопоставляя их Генеральным штатам, что также уменьшало значение последних.

Слабость Генеральных штатов объяснялась расстановкой социальных сил в стране, характеризующейся резкими противоречиями привилегированных сословий с городским сословием. Это позволило центральной власти выступить инициатором созыва Генеральных штатов и, используя противоречия, как межсословные, так и внутрисословные, поставить их в сильную зависимость от себя. Тем не менее сословия располагали возможностью контролировать действия короля. Право императивного мандата, которым располагал депутат, обязывало его действовать согласно инструкции,

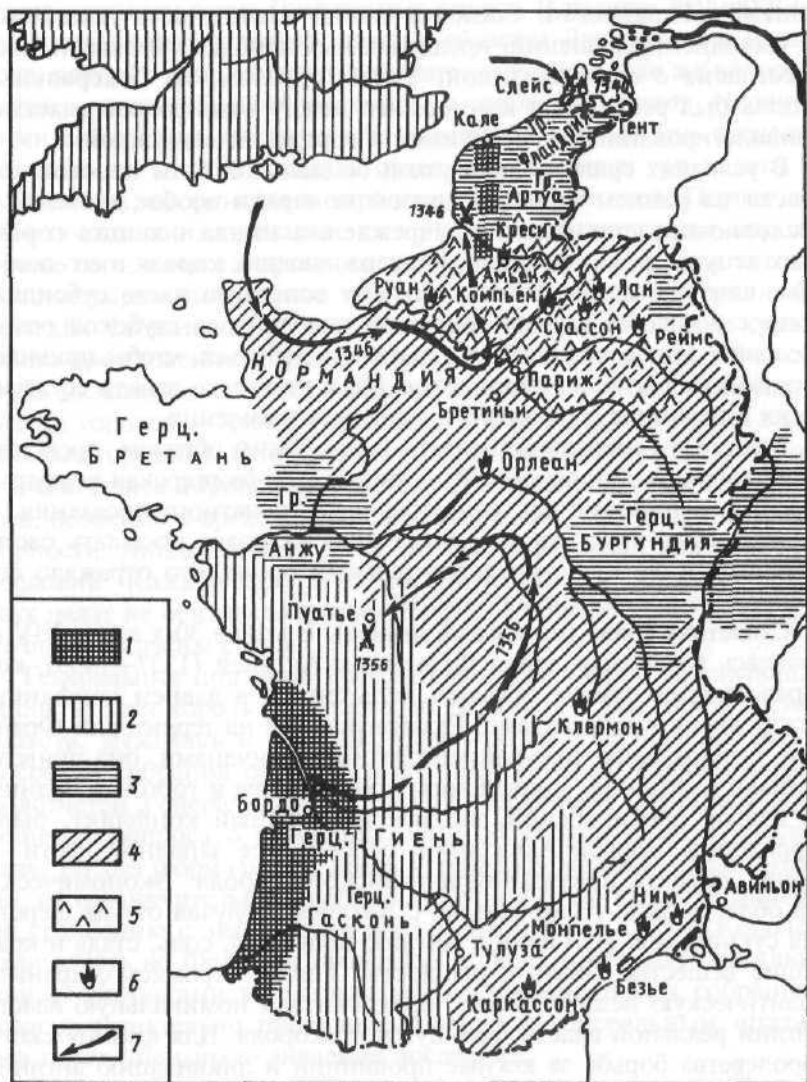
данной избирателями. Сословия имели возможность уклониться от выполнения решений, предложенных королем, высказать свое несогласие с его политикой. Таким образом, на Генеральных штатах был реализован компромисс между королевской властью, привилегированными сословиями и городской верхушкой.

В условиях сравнительно узкой социальной базы королевской власти на раннем этапе сословной монархии особое значение в сословно-представительном учреждении имела позиция городских депутатов, как правило, поддерживавших короля в его политике централизации и дававших ему основную часть субсидий. Вопрос о налогах служил основным поводом для глубокой розни сословий. Городские депутаты пытались добиться, чтобы привилегированные сословия платили налоги, а не только давали согласие на их взимание с городского и сельского населения.

В составе Генеральных штатов были, таким образом, представлены дворяне, духовенство и патрицианско-бюргерская верхушка городов, в то время как основная масса податного населения, и прежде всего крестьянство, была лишена права посылать своих депутатов в сословно-представительный орган, что отражало его бесправное положение в обществе.

Столетняя война (начальный период). В конце 30-х годов XIV в. началась Столетняя война Франции с Англией (1337—1453), которая явилась самым тяжелым испытанием в давнем конфликте между двумя государствами. Развернувшаяся на территории Франции, с длительной оккупацией страны англичанами, она привела к убыли населения, сокращению производства и торговли. Одним из очагов противоречий, вызвавших военный конфликт, была территория бывшей Аквитании, особенно ее западной части — Гиени, объекта притязаний английского короля. Экономически эта область была тесно связана с Англией, получая оттуда шерсть для сукноделия. Из Гиени в Англию шли вина, соль, сталь и красивые вещества. Знать и рыцарство Гиени, стремясь сохранить политическую независимость, предпочитали номинальную власть Англии реальной власти французского короля. Для французского королевства борьба за южные провинции и ликвидацию английского владычества в них была одновременно войной за объединение французского государства. Вторым, тоже давним очагом противоречий явилась богатая Фландрия, которая стала объектом агрессии уже для обеих воюющих сторон.

Столетняя война началась и проходила под знаком династических притязаний английской монархии. В 1328 г. умер последний из сыновей Филиппа IV, не оставив наследника. Английский король Эдуард III, которому в качестве внука Филиппа IV по женской линии представилась удобная возможность объединить обе

Столетняя война (1337—1415):

1 — владения англичан перед Столетней войной; 2 — территория, отошедшая к Англии по миру в Бретиньи; 3 — владения герцога Бургундского; 4 — земли французской короны; 5 — район восстания Жакерии; 6 — городские восстания 80-х годов XIV в.; 7 — путь английской армии

короны, заявил о своих правах на французский престол. Во Франции, однако, сослались на правовую норму, которая исключала возможность передачи короны по женской линии. Основанием для нее послужила статья «Салической правды», отказывавшая женщине в праве получения земельного наследства. Корона была передана представителю боковой ветви Капетингов — Филиппу VI Валуа (1328—1350). Тогда Эдуард III решил добиться своих прав с помощью оружия.

Этот военный конфликт стал крупнейшей войной европейского масштаба, втянувшей через систему союзнических связей такие страны, как Империя, Фландрия, Арагон и Португалия — на стороне Англии; Кастилия, Шотландия и папство — на стороне Франции. В этой войне, тесно связанной с внутренним развитием стран-участниц, решался вопрос о территориальном размежевании ряда государств и политических образований — Франции и Англии, Англии и Шотландии, Франции и Фландрии, Кастилии и Арагона. Для Англии он вырос в проблему образования универсального государства, включавшего разные народы; для Франции — в проблему существования ее как самостоятельного государства. Война началась в 1337 г. успешными операциями англичан на севере. Они победили на море в 1340 г. (битва при Слейсе у берегов Фландрии). Поворотное значение для первого этапа войны имела победа англичан на суше в 1346 г. в битве при Креси в Пикардии, одном из наиболее знаменитых сражений Средневековья. Это позволило им в 1347 г. взять Кале — важный стратегический порт, куда экспортировалась шерсть из Англии. Он был взят после 12 месяцев мужественной обороны жителей и подвига 6 его граждан, которые решились принять смерть ради спасения города от уничтожения.

На юго-западе англичане захватили с моря Гиень и Гасконь, где наместником Эдуарда III стал его сын Эдуард, прозванный по цвету лат Черным принцем и снискавший себе славу военными подвигами. Базируясь в Бордо, он вместе со своими рыцарями совершал жестокие грабительские набеги на центральные области Франции. При возвращении из очередного набега в 1356 г. его войска были настигнуты близ Пуатье французской армией. Французы, численно превосходившие англичан, казалось, могли рассчитывать на победу. Однако и в этой битве они были разбиты.

Причины неудач французов коренились в недостатках военной организации и особенностях тактики. Английская армия была численно небольшой, но хорошо организованной, отряды наемных рыцарей действовали сплоченно, согласованно, четко выполняя приказы командующего. Существенную часть армии составляли

хорошо обученные английские стрелки из лука, главным образом из числа свободных крестьян. В сражениях английские рыцари спешили, что помогало их взаимодействию с лучниками.

Французская армия, несмотря на практику выкупа военной службы, оставалась преимущественно плохо организованным феодалным ополчением. Король мог эффективно контролировать только свою часть войска. Основной боевой единицей являлись тяжеловооруженные конные рыцари. Лучников было немного. Отсутствие взаимодействия рыцарей и пехоты, обычно неподвижно стоявшей в сражении, делало их одинаково уязвимыми для врага. В ближнем бою англичане легко разъединяли французских рыцарей на отдельные отряды, стаскивали с коней, что делало тех совершенно беспомощными из-за тяжелых лат, и брали в плен, чтобы затем потребовать выкуп. Выкуп стал с первого дня войны средством обогащения для той и другой стороны.

Недостатки французской армии сказались с особой силой в битве при Пуатье. Часть феодалов, не выдержав натиска врага, увела свои отряды рыцарей. Были выбраны неудачные для французов позиции, попытка спешивания части рыцарей и их взаимодействия с пехотой тоже оказалась неудачной. Хронисты писали, что в битве погиб весь цвет французского рыцарства. Потери французов насчитывали 5—6 тыс. человек, примерно половину из них составляли рыцари. Многие французы оказались пленниками англичан. Король Иоанн II, бесстрашно сражаясь во имя рыцарской чести, забыл о необходимой для главы государства осторожности и тоже попал в плен.

Парижское восстание 1356—1358 гг. Поражение при Пуатье поставило всю страну в крайне тяжелое положение. Казна была пуста, значительная часть территории оккупирована. Нужны были огромные средства на продолжение войны и выкуп короля из плена. Сумма выкупа была определена в 3 млн золотых экю. К ощущению унижения Франции, которое возникло после Пуатье, прибавилось крайнее негодование в отношении дворянства, не сумевшего выполнить свой долг перед страной и организовать ее защиту. Протест вызывали условия перемирия, заключенного пленным королем, признавшим все завоевания англичан. Дофин (наследник престола во Франции) Карл, желая получить согласие сословий на сбор налога, созвал в октябре 1356 г. Генеральные штаты. В их составе в связи с ослаблением дворянства из-за военных потерь численно преобладали представители городов. Выражая общественное мнение, дофин и Генеральные штаты отказались утвердить договор с Англией. На волне глубокого недовольства правительством Генеральные штаты попытались взять

в свои руки управление страной и тем самым изменить политическую роль представительного органа. Депутаты потребовали отставки членов Королевского совета и ряда должностных лиц. 28 членов комиссии из состава депутатов Генеральных штатов должны были контролировать все решения, касающиеся армии, а также назначений в государственном аппарате. Дофин отказался выполнить требования Генеральных штатов, в Париже начались волнения, которые возглавил глава муниципалитета купеческий старшина Этьен Марсель.

Новое собрание, созванное без согласия дофина в марте 1357 г. при решающем участии городских депутатов, выработало проект реформ, получивший название Великого мартовского ордонанса. Согласно этому проекту Генеральные штаты превращались в регулярный орган, ему должно было принадлежать право формирования центральных органов государственного аппарата из состава депутатов. В стране установилось двоевластие, которое длилось более полутора лет. Этот срок оказался достаточным, для того чтобы обнаружилось глубокое отчуждение представительного органа от народных масс, а также не менее глубокие межсословные противоречия внутри Генеральных штатов. Привилегированные сословия не могли согласиться с решением о налогообложении, так как вотируемая штатами субсидия в размере 15% годового дохода затрагивала их интересы. Духовенство и дворянство отказались платить налог и принимать участие в работе Штатов. Города, ратуя за местные интересы, отказались поддерживать парижан, что отразило слабую консолидацию городского сословия в масштабах страны. Политика Этьена Марселя и городской верхушки рождала протест и у основной массы парижан, за счет которых те пытались решить налоговые трудности в стране. Сильное недовольство вызвали меры по изменению монеты, к которым вопреки общественному мнению прибег Этьен Марсель.

Новое собрание Генеральных штатов в феврале 1358 г. обнаружало политическую изоляцию городской верхушки Парижа. Этим хотел воспользоваться дофин. Тогда Этьен Марсель решил пойти на открытое восстание против королевской власти. 22 февраля 1358 г. купеческий старшина с вооруженными ремесленниками ворвался во дворец, где на глазах дофина были убиты два его ближайших советника — маршалы Шампани и Нормандии. На перепуганного дофина Этьен Марсель надел свою сине-красную шапку (цвета Парижа), обещая ему безопасность и покровительство. Дофин был вынужден подтвердить ордонанс, изданный по инициативе Штатов. Однако через месяц он бежал из Парижа и стал готовить осаду столицы. Дофин использовал при этом местные собрания штатов. Некоторые из них дали ему субсидии, тем

самым еще раз подтвердив, что парижская городская верхушка потеряла авторитет в стране. В условиях, когда дофин открыл военные действия против парижан, городская верхушка пошла на предательство, вступив в союз с королем Наварры Карлом Злым. Этот правитель маленького государства на юге Франции, используя свое родство с Капетингами, вел борьбу с домом Валуа и перешел на сторону англичан. Власти Парижа, заключив с ним союз, сыграли на руку сепаратистским тенденциям, особенно пагубным в условиях войны.

Жакерия и конец Парижского восстания. Тяжелую ситуацию в стране усугубило начавшееся в мае 1358 г. крестьянское восстание. Принятая в то время презрительная кличка крестьян «Жак-простак» дала название этому крупному восстанию. Среди причин Жакерии следует в первую очередь назвать характерное для этого периода стремление феодалов увеличить размеры сеньориальных поборов. Для крестьянства, чьи поселения не были защищены, подобно городам, стенами и укреплениями, были особенно тяжелы последствия военных поражений и оккупации. Их грабили не только англичане, но и французская наемная армия.

В условиях войны резко возросли государственные налоги, оплата которых была особенно тяжела из-за обеднения части крестьянства. Наконец, в 1348 г. на Францию обрушилась эпидемия чумы — «черная смерть», которая унесла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ населения, затронув в первую очередь народные массы. Убыль населения повысила ценность рабочих рук и привела к повышению заработной платы, в том числе сельских работников. Однако правительство приняло так называемое рабочее законодательство, исключавшее возможность роста заработной платы, поддержав таким образом начавшуюся в этих условиях сеньориальную реакцию. Все это определило направленность восстания и как антифеодального, и как антиправительственного.

При объяснении причин восстания следует также учесть перемены в сознании крестьянства. Война усилила социальную роль крестьянских общин, которые брали на себя задачи самообороны от английской оккупации и грабежа наемников.

Непосредственным поводом к восстанию явились меры, которые предпринял дофин. Готовясь к блокаде столицы, он потребовал от окрестных крестьян выполнения работ по укреплению замков. 28 мая в области Бовези к северу от Парижа крестьяне в стычке с отрядом дворян убили нескольких рыцарей. Это послужило сигналом к восстанию. Оно быстро охватило значительную территорию Северной Франции — Бовези, Пикардию, Иль-де-Франс, Шампань. Протест перерос в крестьянскую войну, в которой к крестьянам примкнули деревенские ремесленники, мелкие тор-

говцы, сельские священники. Общее число восставших, по свидетельству хронистов, достигало 100 тыс. человек. Современники назвали ее войной недворян против дворян, поскольку участники ставили цель «искоренить дворян всего мира и самим стать господами».

Жаки уничтожали налоговые документы и списки феодальных повинностей, разрушали замки, убивали феодалов. Они не выработали письменной программы. Однако известную организованность движению сообщало участие крестьянских общин. В ходе восстания обнаружились попытки к совместным действиям между крестьянами и городским плебсом. В ряде городов городские низы выражали сочувствие восставшим крестьянам, открывали им ворота, предлагая объединиться в борьбе с богатыми горожанами. Этьен Марсель тоже попытался использовать крестьянское движение, чтобы, в частности, снять осаду с Парижа, и даже послал несколько отрядов в помощь жакам. Однако по мере развития событий он поспешил отказаться от союза с ними.

Наибольшей организованностью и масштабностью восстание отличалось в Бовези. Во главе объединенных отрядов крестьян стал Гильом Каль, знакомый с военным делом. Он назначал капитанов в отдельные отряды, рассылал приказы, пытаясь добиться единства и дисциплины. Приказы заверялись королевской печатью, на знаменах крестьян изображался королевский герб, что отразило монархизм крестьянства, выступавшего против феодалов и государственных чиновников, но за «доброго короля».

8 июня около селения Мелло крестьяне встретились с войском феодалов под предводительством Карла Злого. Численный перевес был на стороне жаков, однако в течение двух дней обе стороны не рискнули начать сражение. Карл Злой предложил переговоры. Его союз с Этьеном Марселем служил известной гарантией доверия крестьян. Не потребовав заложников, Гильом Каль явился на встречу, был вероломно захвачен, подвергнут пыткам и казнен. После этого рыпари бросились на лишенное предводителя плохо вооруженное крестьянское войско и разгромили его. Восстание в Бовези было подавлено; в ряде районов отдельные крестьянские отряды действовали до сентября 1358 г. Испытав ужас перед крестьянским бунтом, феодалы жестоко расправились с восставшими.

В Жакерии отчетливое желание уничтожить феодалов соединялось с наивными и неопределенными чаяниями свободной жизни без господ, под главенством «доброго короля». Она обнаружила присущую крестьянским восстаниям слабую организованность. Однако восстание до известной степени ограничило попытки сеньоров увеличить феодальную эксплуатацию и обеспечило возмож-

ность дальнейшего развития хозяйства лично свободного крестьянина в условиях товарного производства.

Разгром Жакерии ускорил конец Парижского восстания. В конце июня дофин с большой армией подошел к стенам Парижа. Руководимые Этьеном Марселем городские верхи пошли на открытое предательство, согласившись впустить в столицу английские отряды, которые привел Карл Наваррский. Большинство сподвижников Этьена Марселя покинуло его. В конце июня он был убит сторонниками дофина, который вступил в столицу и расправился с главными участниками восстания. Реформы Генеральных штатов были отменены, хотя монархия использовала некоторые из административных мероприятий Штатов к своей пользе.

Мир в Бретиньи. Реформы Карла V. В 1360 г. Франция заключила с Англией мир в Бретиньи. Его условия носили компромиссный характер, хотя и были тяжелы для Франции. Английский король отказывался от притязаний на французскую корону, но земли к югу от Луары, т.е. треть страны, оставались под его властью.

Мир, по существу, был временной передышкой: продолжение войны представлялось неизбежным, и целям ее были подчинены реформы дофина, затем короля Карла V (1364—1380). Основная из них предполагала усиление королевского контроля над армией и дисциплины в ней. Была упрочена власть главнокомандующего — коннетабля, расширена и укреплена система наемничества при оплачиваемой службе по контракту; усилена артиллерия; приняты меры по обучению пехотинцев стрельбе из лука и арбалета. При Карле V было демократизировано военное руководство, которое избиралось с учетом в первую очередь военной подготовки человека, а не его места в феодальной иерархии. На должность коннетабля (главнокомандующего) был назначен мелкий бретонский рыцарь Дюгеклен — талантливый и осторожный полководец. Благодаря этим реформам, а также переходу к тактике мелких сражений началась полоса военных успехов Франции.

В середине 70-х годов XIV в. французская армия оттеснила англичан на юг страны к морю, оставив под их властью только Бордо, Байонну и побережье между ними.

Военные реформы были подкреплены мерами в области налогов. Карл V собирал прямой подымный налог (*фуаж*) наряду с оксвенными налогами на продаваемые товары, в том числе на соль (*габель*). При нем продолжалось усложнение государственного аппарата, в частности налогового ведомства; появляются должности генералов финансов и провинциальных финансовых чиновников, назначаемых королем. Неизбежное увеличение налогов, которые легли бременем в основном на средние слои городского и сельского населения, вызвало новое обострение социальной борьбы.

Народные восстания во второй половине XIV в. В 70—80-е гг. XIV в. по всей стране прокатилась волна антиналоговых восстаний, которые захватили в первую очередь города.

Вслед за горожанами пришло в движение и крестьянство, в частности на севере страны в районах, где проходила Жакерия. Основные события развернулись в Лангедоке, Оверни, Пуату, Дофине. Движение охватило более значительную, чем при Жакерии, территорию и длилось свыше двух лет (с весны 1382 г. по лето 1384 г.). Восставшие крестьяне, к которым присоединились многие городские ремесленники, именовались «тюшенами» — «скрывающимися в лесу» (*tauche* — лесок; возможна аналогия с именованием восставших тогда же крестьян Савойи — тукинов). Начатое против введения нового тяжелого налога, оно переросло в войну против духовенства, дворянства и купцов — всех, «кто не имел мозолистых и шершавых рук». После разгрома тюшенов в открытом бою близ Нима они разбились на мелкие отряды и перешли к «кустарничной» войне (засады и вылазки), что делало их неуловимыми, позволило долго продержаться и даже захватывать замки и города. Часто их усилия были обращены против грабежей отрядов наемников, сливаясь с борьбой против английской оккупации. В начале 80-х годов основные силы крестьян были разбиты, хотя отдельные отряды тюшенов действовали до 1390 г.

Социальную борьбу 70—80-х годов XIV в. отличало соединение антиправительственного и антифеодального протеста с острой внутригородской борьбой, вызванной имущественным и социальным расслоением ремесленной массы. В результате этой борьбы правительству пришлось временно отменить фуаж. Вплоть до начала XV в. оно не рисковало повышать налоги.

Феодальная усобица. Восстание кабошшенов. Успехи централизации во Франции не исключали обострения сепаратистских тенденций. В условиях внешней опасности это могло нанести серьезный ущерб стране. Так случилось, когда в правление психически больного Карла VI (1380—1422) началась ожесточенная борьба двух феодальных партий, во главе которых стояли дядья и опекуны короля — герцоги Бургундский и Орлеанский.

Бургундию унаследовал младший сын короля Иоанна Доброго Филипп Смелый (1364—1404), основав герцогскую династию Валуа. Он имел особое положение «настоятеля пэров Франции» и укрепил его браком с наследницей богатых областей — Фландрии и Артуа. Бургундские герцоги стремились к тому, чтобы стать самостоятельными государями, чему способствовало формальное вхождение ряда их земель не в состав Франции, а в состав Империи. На этом этапе Столетней войны именно бургундская партия представляла наибольшую угрозу для единства Франции. Союз-

ником герцога Орлеанского являлись его родственники, крупные феодалы юга графы Арманьяки, отчего усобица называлась «войной бургундцев и арманьяков». Пользуясь временным ослаблением королевской власти, обе группировки стремились к политической независимости в своих владениях, в том числе и в апанажах, т.е. территориях, которые выделялись членам королевской семьи из состава королевского домена и были неотчуждаемы.

Междоусобица, сопровождаемая грабежом казны, налоговыми и административными злоупотреблениями, вызвала широкое движение общественного протеста. С требованием внутренних реформ выступили Парижский университет и депутаты Генеральных штатов, созданных в 1413 г. Однако они оказались бессильными исправить положение, и тогда в апреле 1413 г. в Париже вспыхнуло восстание. В нем с особой силой сказались внутригородские противоречия, что определило сложный социальный состав восстания, раскол в среде участников и изменение направленности движения.

Восстание начал цех мясников, зажиточные мастера которого хотели добиться усиления своего политического влияния в городе. Они организовали мелкий ремесленный люд и подмастерьев собственного цеха, а также зависимые от себя цехи живоделов, скорняков и дубильщиков, которые вместе с присоединившимися к ним мелкими ремесленниками и городской беднотой других цехов города составили главную силу восстания. Его предводителем стал живодел Симон Кабош, по имени которого участников восстания стали называть кабошьенами. Были выдвинуты требования прекращения междоусобицы, снижения налогов и упорядочения их взимания. Правительство вынуждено было принять Кабошьенский ордонанс, который предлагал программу умеренных реформ в финансовой и судебной областях. В качестве условия для нормального функционирования государственного аппарата и гарантии от злоупотреблений было выдвинуто требование выборности чиновников и запрета продажи государственных должностей. Несмотря на прогрессивный в целом характер ордонанса, он не мог удовлетворить беднейшие слои города.

Положение усложняло вмешательство герцога Бургундского, причастность которого к восстанию объяснялась его политическими расчетами в борьбе за власть. Начался второй этап восстания. Низы выступили против городской верхушки, которая отошла от восстания. Ее союзник герцог Бургундский пошел на стовор с англичанами. Городская верхушка, избавляя город от англичан и желая подавить восстание, вступила в переговоры с арманьяками, которые вошли в город в сентябре 1413 г. Последовала жестокая расправа с восставшими. Кабошьенский ордонанс был отменен.

Возобновление Столетней войны. В 1415 г. английская армия, возглавляемая королем Генрихом V, возобновила военные действия в Пикардии с намерением взять Кале. Франция, ослабленная междоусобицей, растеряла все достижения в военной организации, приобретенные, в частности, благодаря реформам Карла V. В октябре 1415 г. в битве при Азенкуре с английским войском вновь встретилось плохо организованное ополчение французских рыцарей — феодалов, потерпевших бесславное поражение. Англичане захватили Нормандию и Мэн.

Положение усугублялось позицией герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного (1404—1419), который в 1416 г. заключил союз с Англией и оказал ей значительную помощь. При нем и его сыне Филиппе Добром (1419—1467) набирал силу процесс превращения Бургундии во влиятельную европейскую державу. Существенно расширилась ее территория, создавались органы центральной и местной власти, включая сословно-представительные. Получив титул «Великого герцога Запада», Филипп Добрый стал стремиться и к королевскому венцу. Однако Бургундия была слабым политическим объединением разных областей и городов, тяготеющих к автономии. Герцогская власть носила характер не столько публично-правовой, сколько сеньориальной власти. Тем не менее Бургундское герцогство представляло существенное препятствие для объединения французских земель, а союз с англичанами способствовал его успехам.

В результате англичане добились заключения мира на тяжелейших для Франции условиях. По договору в Труа 1420 г. при жизни Карла VI правителем Франции становился английский король Генрих V, затем престол должен был перейти к сыну английского короля и французской принцессы, дочери Карла VI, — будущему Генриху VI. Дофин Карл, сын Карла VI, был отстранен от наследования. Франция, таким образом, утрачивала независимость, становясь частью объединенного англо-французского королевства. В 1422 г. Генрих V внезапно умер в полном расцвете сил, спустя несколько месяцев эта же участь постигла и Карла VI. Англия и герцог Бургундский признали королем обоих государств десятимесячного Генриха VI, за которого стал править его дядя герцог Бедфорд. Однако дофин Карл, невзирая на условия мира, провозгласил себя королем Франции Карлом VII (1422—1461) и начал борьбу за трон. Его власть признали некоторые провинции, расположенные в центре страны, на юге (Лангедок), юго-востоке (Дофине) и юго-западе (Пуату). Не уступая по размерам областям, занятым англичанами, эти земли, однако, были менее плодородными и населенными. Они не составляли компактной террито-

рии, окруженные и разорванные владениями англичан и герцога Бургундского.

Для Франции начался новый этап войны — борьба за независимость, в которой на карту был поставлен вопрос о самостоятельном существовании французского государства. Этот поворот в войне определился уже к концу ее первого этапа, завершившегося подписанием мира в Бретиньи в 1360 г., однако только теперь он обрел выраженные формы.

Существенным фактором в дальнейшем развитии событий была политика англичан на завоеванных землях. Генрих V начал раздавать их в собственность английским баронам и рыцарям. Порты Нормандии заселялись англичанами. Подобная политика, усиливая английскую экспансию, одновременно рождала ответное сопротивление французского населения, ненависть к завоевателям, вызванную репрессиями англичан и грабежами их наемников.

Необходимостью защитить свой дом и страну в целом послужила источником народного сопротивления, которое явилось решающей причиной нового этапа войны для Франции.

Партизанская война. В условиях Средневековья, когда война шла медленно, с редкими крупными сражениями и преимущественно оборонительной тактикой, население становилось главной жертвой грабежей и осад. Правительство рассчитывало на народное сопротивление, стимулируя и организуя его. Города с укрепленными стенами являлись готовыми центрами отпора врагу. Население деревень укрепляло церкви, которые называли «крепостями бедных».

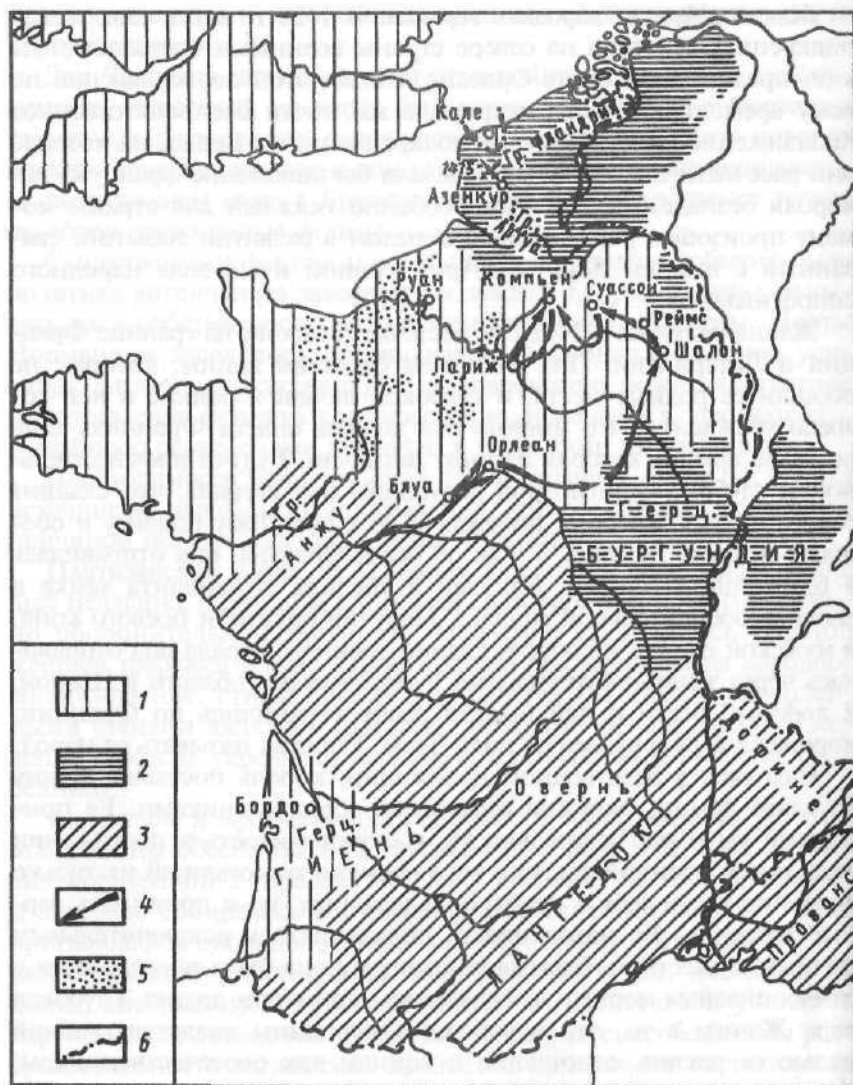
Масштабы и эффективность народного сопротивления на этом этапе войны обеспечивались действиями общин в деревне и цеховых корпораций в городах. По звону колокола население городов и деревень собиралось в отряды, руководителями которых часто приглашались дворяне. Неуловимые для врагов партизанские отряды находили неизменную поддержку жителей, несмотря на казни, которые применяли англичане за содействие и участие в партизанском движении. Развитию движения способствовала рассредоточенность английских крепостей с военными гарнизонами на значительной территории, часто далеко друг от друга и от основных сил армии. В этих условиях англичане не рисковали покидать крепости и передвигаться иначе, как многочисленными и хорошо вооруженными отрядами. Французы стали предпринимать попытки совместных действий народного ополчения с королевской армией. В оккупированных англичанами Париже и Руане были раскрыты заговоры, участники которых вступили в сношения с Карлом VII с целью помочь французской армии при осаде этих городов.

Жанна д'Арк — народная героиня. В 1428 г. англичане, желая подкрепить действия на севере страны военными операциями на юге, предприняли осаду Орлеана. Взятие этой первоклассной по тому времени крепости открывало им почти беспрепятственное продвижение на юг. Получив подкрепление из Бордо, на которое они рассчитывали, англичане сделали бы положение французского короля безнадежным. В этот особенно тяжелый для страны момент произошел решительный перелом в развитии событий, связанный с именем Жанны д'Арк, героини и символа народного сопротивления.

Жанна родилась в 1412 г. в местечке Домреми на границе Франции и Лотарингии. Под влиянием бедствий войны, которые не обошли ее родные места, и глубокой любви к родине в ней созрело убеждение, что именно она должна спасти Францию, став во главе армии, которая изгонит англичан. Будучи впечатлительной и глубоко религиозной девушкой, она уверяла, что слышит голоса святых, которые побуждали ее к военному подвигу и обещали ей свою помощь. Узнав об осаде Орлеана, она отправилась в ближайший городок Вокулер и убедила коменданта замка в своей освободительной миссии. Получив оружие и боевого коня, в мужской одежде и сопровождении военного отряда она отправилась через занятые бургундцами и англичанами области в Шинон, к дофину. Вести о ней быстро распространились по Франции, порождая веру в чудесную роль Девы, как стал называть ее народ.

Находясь в бедственном положении, король поставил Жанну во главе армии, окружив опытными военачальниками. Ее природный ум и наблюдательность, восприимчивость в постижении несложной военной тактики того времени помогали ей не только достойно вести себя в необычных условиях, но и принимать верные решения. Ее находчивость подкреплялась исключительным личным мужеством, благодаря которому она была впереди всех в самых опасных местах, увлекая своим примером других. Глубокая вера Жанны в то, что освобождение родины является главной целью ее жизни, отношение к воинам как соотечественникам, имевшим ту же цель, независимо от их социального положения, — все это порождало необыкновенный энтузиазм во французской армии.

В конце апреля 1428 г. Жанна прибыла с армией в Орлеан. В течение четырех дней английские укрепления под городом были поодиночке взяты французами, и 8 мая англичане сняли осаду с крепости. Освобождение Орлеана имело исключительное значение не только благодаря стратегической роли города-крепости. Это была первая большая победа французов после многих

Столетняя война (1415—1453):

1 — территория, оккупированная англичанами в 1415—1429 гг.; 2 — владения герцога Бургундского; 3 — земли французской короны; 4 — путь французских войск под предводительством Жанны д'Арк; 5 — районы партизанской войны против англичан в 1424—1433 гг.; 6 — границы Французского королевства

лет национального унижения и позорных поражений. Она укрепляла веру Карла VII в законность его права на престол, которого он был лишен по мирному договору в Труа. Соединение его борьбы за престол с войной за освобождение и самостоятельность Франции усиливало позиции Карла VII. Под давлением Жанны он осуществил поход в Реймс, где короновались французские монархи. Торжественная коронация Карла VII превратила его в единственно законного государя Франции в глазах народа и правительств других стран Европы. Последовавшее затем освобождение Шампани резко улучшило положение короля. Предпринятая, однако, Жанной попытка штурма Парижа кончилась неудачей. Вместе с тем в ближайшем окружении короля после первых впечатляющих успехов Жанны возник страх перед ее растущей славой и влиянием.

В мае 1430 г. в стычке под Компьеном, осажденным бургундцами, она была захвачена в плен. Герцог Бургундский продал свою пленницу англичанам за 10 тыс. золотых. В конце 1430 г. Жанну перевезли в Руан — центр английского владычества — и передали инквизиции. Пытаясь умалить значение военных побед французов, англичане желали доказать, что они связаны с происками дьявола. Церковный суд во главе с епископом Кошоном, защищая интересы англичан, обвинил Жанну в колдовстве. Протоколы процесса сохранили свидетельства стойкого поведения Жанны и разумные ответы на вопросы суда, желавшего запутать и погубить ее. Трибунал признал ее виновной в ереси. В мае 1431 г. она была сожжена на центральной площади Руана.

Карл VII, столь многим обязанный Жанне, не оказал ей помощи. Гибель Жанны в конечном счете разрешила те сложности, которые возникали для короля и его окружения в связи с необычайной популярностью народной героини. Лишь спустя четверть века Карл VII приказал пересмотреть судебный процесс. Жанна была признана невиновной в ереси, а позже даже причислена к лику святых.

Подвиг Жанны д'Арк усилил патриотические и национальные чувства французов и содействовал перелому в освободительной войне. В нем воплотились лучшие качества французского народа*.

Для дальнейшего развития событий большое значение имели реформы Карла VII.

* Существует версия, согласно которой Жанна являлась внебрачной дочерью королевы Изабеллы Баварской, жены Карла VI, и умерла только в 1449 г., счастливо избежав казни. Эта версия, отвергая образ «пастушки», спасшей Францию и короля, не отвергает тем не менее личного подвига Жанны, ставшей народной героиней и сыгравшей значительную роль в освободительной войне.

Налоговая и военные реформы Карла VII. В 1439 г. специальным указом Карл VII установил королевскую монополию на *талью* — побор, который взимался до тех пор и королем, и сеньорами на общественные нужды. Отныне феодалы могли взимать его только с согласия короля и не должны были препятствовать сбору королевской тальи. Почти одновременно несколькими ордонансами были проведены военные реформы, которые утвердили монопольное право короля вести войну и запретили сеньорам иметь своих воинов и крепости, а также создали постоянную армию. Находящаяся отныне под безусловным контролем короля, она подразделялась на кавалерию и пешее ополчение — инфантерию.

В кавалерию набирались дворяне (жандармы). Каждые 50 приходов городского и сельского населения поставляли одного обученного воина — вольного стрелка (франк-аршера). Служба в обоих родах войск оплачивалась государством. Талья, предназначенная для содержания постоянной армии, тоже превращалась в постоянный налог, взимаемый в условиях войны и мира. В середине XV в. окончательно определилась социальная сущность налоговой системы, когда привилегированные сословия духовенства и дворянства были освобождены от налогов.

Эти реформы, а также размах народного сопротивления предопределили победу Франции в Столетней войне. На заключительном ее этапе взаимодействие королевской армии с отрядами народного сопротивления привело к изменению военной тактики французов: отказ от длительной осады и штурм городов и переход к мобильным действиям. Военные успехи и укрепление монархии сорвали планы ее политических противников, стремящихся к ослаблению центральной власти. В 1435 г. герцог Бургундский был вынужден заключить союз с Карлом VII, получив в виде вознаграждения Пикардию и некоторые французские земли. Англичане потеряли Париж, Нормандию, Руан, Бордо. В их руках остался только Кале. Так закончилась война, в ходе которой ценой непосильных жертв французский народ сохранил независимость и суверенитет своей родины.

Победа Франции означала ликвидацию притязаний Англии на французскую корону и земли на континенте. Завершение войны в 1453 г. создало благоприятные условия для дальнейшего развития процесса централизации. При этом французская монархия в экстремальной ситуации и частично благодаря ей сумела решить важные для собственного усиления задачи — создать постоянную армию и постоянные налоги.

Укрепление королевской власти нашло отражение и в церковной политике. В 1438 г. на ассамблее французского духовенства

была принята так называемая Буржская Прагматическая санкция, закрепившая вольности галликанской церкви: право свободного выбора местными капитулами епископов и аббатов, отмену анна-тов (платежей в размере годового дохода от каждой церковной кафедры папе римскому), ограничение апелляций в римскую курию только вопросами вероучения. Наступая на права церкви, монархия тем не менее успешно использовала христианскую идею сакральной природы королевской власти, связанной с признанием ее божественного происхождения и ролью посредника между Богом и людьми. В XIII—XV вв. тщательно разрабатывался ритуал коронации с обрядом помазания, который символизировал передачу королю божественной благодати. Политическая мифология правящей династии во Франции включала предание о чудесной природе используемого в обряде елея, принесенного Святым Духом в виде голубя с неба в момент крещения Хлодвиг в Реймсе, а также веру в целительную силу французских королей. После канонизации Людовика IX его почитали небесным покровителем Капетингов. Коронация стала одной из наиболее важных форм репрезентации власти (наряду со свадьбами, похоронами, торжественными въездами в город). Этим подчеркивался особый статус монарха.

Состояние сельского хозяйства, ремесла и торговли во второй половине XV в. Франции потребовалось примерно три десятилетия, чтобы преодолеть урон, нанесенный Столетней войной, и достичь уровня развития 30-х годов XIV в. Особенно печальную картину опустошения и разорения являли собой французские деревни, обезлюдевшие, с заброшенными землями, отсутствием скота. Разорение страны побудило монархию принять чрезвычайные меры. В 1451 г. правительственный указ освободил все крестьянство на 8 лет от налога, призывая его вернуться на прежние места поселения. Феодалы, чьи земли без крестьянских рук не приносили никакого дохода, предоставляли их в наследственное свободное держание, с льготным размером фиксированной ренты. Они охотно шли на выкуп личной зависимости, стремясь привлечь и удержать на своих землях крестьян. Подобная политика способствовала исчезновению остатков личной зависимости во Франции и юридической нивелировке крестьянства. Она укрепила цензиву и положение средних слоев крестьянства.

С завершением восстановительного периода феодалы попытались наверстать упущенное и увеличить ренту, а также вернуть уже забытые баналитеты. Этим попыткам, однако, противостояли окрепшие в годы войны и народного сопротивления крестьянские общины. Они оказались бессильными только перед налоговым

нажимом со стороны государства. За 22 года правления Людовика XI (1461—1483) королевская талья повысилась более чем в 3 раза. Крестьянская община использовалась государством в качестве низшего звена налогового аппарата, что позволяло зажиточным слоям деревни злоупотреблять распределением налогов. Заправляя делами общины, они, как правило, облегчали для себя налоговый гнет. С другой стороны, в соответствии с правилом «сильный несет слабого» от налогов освобождались неимущие элементы, поэтому основным бременем налоги ложились на средние слои французского крестьянства. Их способность выдержать растущий налоговый гнет, который, по свидетельству современников, примерно в 5 раз превышал размеры сеньориальной ренты, свидетельствовала о наличии еще достаточно крепкой прослойки среднего крестьянства и, следовательно, значительных еще возможностях феодального строя. Само усиление государственной эксплуатации оказалось возможным в условиях заметно возросшей продуктивности крестьянского хозяйства в производстве зерна, мяса и вина, экспортируемых в урожайные годы в Англию, Нидерланды, Италию. Вместе с тем во французской деревне шло быстрое расслоение крестьянства, связанное с распространением аренды земли, что было следствием потери частью крестьянства права наследственного держания.

Города Франции тоже испытали тяготы войны. Однако укрепленные стенами, они избежали того безудержного грабежа и разорения, какие выпали на долю деревни. Более быстрому по сравнению с деревней подъему французских городов содействовала монархия, смягчая налоги или освобождая от них горожан.

В правление Людовика XI в экономической политике государства наметились черты будущего *протекционизма* (государственного покровительства отечественной промышленности и торговле). Людовик XI особенно поощрял развитие таких отраслей производства, как шелкоткачество, металлургия и металлургическое производство, книгопечатание, производство стекла, шерстяных тканей. Для этого он предоставлял льготы местным промышленникам и купцам, а также выписывал мастеров из-за границы. Забота о росте ремесла и торговли диктовалась потребностями казны, для которой они служили важным источником дохода. Аккумулируя в казне доходы от ремесла и торговли, монархия затем делилась частью их со служилым дворянством в виде пенсий или платы за государственную и военную службу. Поощряя ремесло, Людовик XI пытался укреплять и насаждать цеховую систему, рассматривая эту меру прежде всего как финансовую операцию, так как право на занятие ремеслом покупалось у короля.

Благодаря этой политике цеховая система распространилась и на южные города, где раньше существовало свободное ремесло. Однако в данный период эта правительственная политика подкреплялась процессом, идущим в самих городах. Обострение противоречий в цехе вызывало стремление средних мастеров с помощью цеховых ограничений воспрепятствовать процессу расслоения. Подобные меры, однако, не могли затормозить появление условий для капиталистической мануфактуры. Расцвет ярмарок — общегосударственных, провинциальных и местных — во второй половине XV в. свидетельствовал об успешном формировании внутреннего рынка страны. Особое значение приобрели ярмарки Лиона, ставшего в этот период крупным общеевропейским центром оптовой торговли. Успешно развивалась морская торговля.

Одним из наиболее ярких представителей торгово-предпринимательского мира был банкир и купец Жак Кёр. Располагая огромным капиталом, он вел торговлю с Левантом, имея для этого собственные корабли. Организованное им производство на железных рудниках носило характер раннекапиталистической мануфактуры. Он предоставлял крупные займы королевскому дому, выполнял дипломатические и государственные поручения. Обвиненный в казнокрадстве, чеканке фальшивой монеты и колдовстве, Жак Кёр был казнен, его имущество конфисковано. Судебный процесс свидетельствовал о слабых позициях купеческого слоя, а также о непоследовательной политике королевской власти. Стимулируя предпринимательство, монархия не отказывалась от возможности присвоить в пользу казны с помощью послушного судебного аппарата крупные капиталы.

Политическое объединение Франции во второй половине XV в. Несмотря на значительное усиление после Столетней войны королевской власти, которая являлась в то время во Франции выразителем национального единства и государственной независимости, во второй половине XV в. неоднократно активизировались силы реакции и сепаратизма. Наиболее крупное вооруженное выступление против централизации произошло при Людовике XI, когда герцоги Бургундский и Бретонский организовали Лигу общественного блага. Выдвинув демагогический лозунг уничтожения налогов и защиты народных интересов, они сумели привлечь на свою сторону часть мелкого и среднего дворянства, а также верхушку некоторых городов, в том числе Парижа. Одновременно и герцог Бургундский Карл Смелый (1467—1477) стремился сокрушить своего главного противника — французского короля, создавая «Великую Лотарингию» от Северного до Средиземного моря.

Часть духовенства, чиновников и зажиточных бюргеров Парижа, намереваясь вернуть столице отнятые королем привилегии, поддержали Лигу. Их политическая измена королю заставила Людовика XI согласиться на позорный мир. Однако, получив передышку, этот очень осторожный и хитрый политик сумел постепенно справиться с врагами, разьединив их усилия и действуя главным образом мирными переговорами и интригами. Со своим главным врагом Карлом Смелым Людовик XI расправился с помощью его политических противников — герцога Лотарингии и швейцарцев, страдавших от агрессии герцога Бургундского. После гибели Карла Смелого в битве с французами при Нанси (1477) Людовик XI воссоединил с Францией Пикардию, Ниверне и герцогство Бургундское (западную часть Бургундии). Графство Бургундия, Франш-Конте и Нидерланды остались у дочери Карла Смелого Марии, которая вышла замуж за Максимилиана Габсбурга, сына германского императора. Эти владения, таким образом, вошли в состав фамильных земель дома Габсбургов.

В 1481 г. к Франции был присоединен Прованс с крупным торговым и морским портом Марселем. В 1491 г. в результате брака Карла VIII (1483—1498) с Анной Бретонской к Франции была присоединена Бретань, в следующем столетии окончательно вошедшая в состав королевского домена. Присоединение Лотарингии, Франш-Конте, Руссильона и Савойи растянулось до середины XIX в. Однако к концу XV в. в основных чертах процесс объединения страны был завершен. Он был подкреплён постепенным слиянием двух народностей. В XIV—XV вв. в Северной Франции на основе парижского диалекта сложился единый язык. Он заложил основы формирования общепроанцузского языка, хотя в ряде областей продолжали существовать местные диалекты (провансальский и кельтский языки юга и Бретани).

В политическом развитии Франция уверенно шла к новой форме государственности — абсолютной монархии. Показателем этого служило свертывание в конце XV в. практики сословного представительства. Генеральные штаты фактически бездействовали. Последние в XV в. Генеральные штаты были созданы в 1484 г., они бесславно попытались в условиях малолетства Карла VIII усилить свое политическое влияние. Для провинциальных и местных штатов спад выразился главным образом в лишении их прежней автономии и подчинении центральной власти. Причиной упадка сословно-представительной системы явились осуществленные монархией реформы — налоговая и военная, которые ослабили ее зависимость от сословий. Кроме того, к концу XV в.

произошли заметные сдвиги в положении сословий и их отношении к центральной власти. Создание постоянной армии, в частности, закрепило приверженность дворянства к военной службе, оплачиваемой государством, его безучастность к хозяйственной деятельности. Это не способствовало его сближению с городским сословием. Налоговая исключительность духовенства и дворянства, утвердившаяся к середине XV в., также усилила раскол привилегированных сословий с податным третьим сословием, к которому принадлежали горожане и крестьянство.

В XVI век Франция вступила крупнейшим из централизованных государств Западной Европы, с развитыми сельской экономикой, ремеслом и торговлей, духовной и материальной культурой.

Глава 11

Англия в XI—XV вв.

§ 1. Англия в XI—XII вв.

Нормандское завоевание. В начале 1066 г. вскоре после коронации Гарольда его права на английский престол были оспорены нормандским герцогом Вильгельмом. Ссылаясь на завещание Эдуарда Исповедника, а также на клятву самого Гарольда, Вильгельм обратился за поддержкой в Рим, предоставив папе рассмотреть спор претендентов на корону Англии. В сентябре 1066 г. Вильгельм, заручившись благословением папы Александра II на борьбу с «узурпатором», вторгся в Англию. Основу войска Вильгельма составляли тяжеловооруженные конные рыцари, которых поддерживали пехотинцы и лучники. Собранное Гарольдом ополчение не уступало нормандскому войску по численности, но преобладавшие в нем плохо вооруженные и хуже обученные военному делу крестьяне не могли оказать достойное сопротивление рыцарской коннице. К тому же за три недели до столкновения с нормандскими силами Гарольд отразил нападение союзника Вильгельма, короля Норвегии Харальда III Хардрата. 14 октября спешно переброшенные с севера на юг войска Гарольда были разбиты нормандцами в битве при Гастингсе. Сам Гарольд в этом сражении погиб. Немедленно после победы нормандский герцог отправился в Лондон, где торжественно короновался под именем Вильгельма I, положив начало новой династии на английском престоле.

В своей коронационной клятве Вильгельм Завоеватель обещал блюсти и защищать «справедливые английские законы». Новый король всячески старался подчеркнуть законность своей власти, именуя не желавших ему подчиниться англосаксов «мятежниками» и «преступниками». Таковых в Англии было немало: многие представители англосаксонской знати, а также часть крестьянства в течение нескольких лет оказывали сопротивление войскам Завоевателя. Первые годы своего правления Вильгельм провел в постоянных военных походах, подавляя мятежи и конфискуя

земли своих противников. Наиболее яростное сопротивление нормандцы встретили в северных и северо-восточных областях Англии («область Дэнлю»). Представители англосаксонской знати пошли даже на союз с королями Шотландии и Дании. Вильгельм жестоко расправился с восставшими, полностью опустошил графства Йорк и Дарэм. Не менее успешно Вильгельм действовал против своих внешних врагов: он не только отразил их нападение, но даже заставил короля Шотландии Малькольма III принести вассальную клятву верности.

Особенности вассально-ленной системы. «Солсберийская присяга». В середине XI в. Нормандское герцогство, в котором процесс феодализации был практически завершен, представляло собой политическое объединение с сильной центральной властью и стройной правовой системой. После завоевания нормы нормандского феодального права были перенесены на английскую почву. Подавив основные очаги сопротивления, Вильгельм упрочил свое положение на английском престоле. Конфискованные у прежних владельцев земли составили огромный королевский домен, занимавший седьмую часть всех возделываемых в Англии земель, или были розданы нормандским феодалам в лен на условиях несения военной службы. Многим мелким и средним англосаксонским лордам удалось сохранить часть своих владений, но теперь они становились вассалами нормандских баронов. Образовавшие феодальную элиту англо-нормандского общества бароны были изначально родственниками и ближайшими соратниками Вильгельма Завоевателя. В правовом отношении к барониям были приравнены владения крупнейших духовных феодалов. Вильгельм и его преемники охотно делали щедрые земельные подарки церкви, при этом ведущие места в церковной иерархии также заняли выходцы из Нормандии.

Щедро награждая нормандских рыцарей английскими землями, Вильгельм делал это постепенно, по мере завоевания. В результате владения его вассалов не представляли собой единого массива: поместья различной величины были разбросаны в разных графствах. Например, земли одного из братьев короля располагались в двадцати графствах. Это обстоятельство имело огромное политическое значение: в отличие от континента в Англии невозможно было складывание обширных княжеств, фактически независимых от центральной власти.

В августе 1086 г., находясь в Солсбери, Вильгельм призвал всех свободных держателей земли принести ему вассальную клятву верности, что способствовало дальнейшей централизации королевства. В отличие от Французского королевства, где действовал

принцип «вассал моего вассала — не мой вассал», в Англии даже вассалы самых могущественных баронов были связаны присягой не только со своими непосредственными сеньорами, но и с королем, по отношению к которому они были обязаны целым рядом феодальных повинностей, в первую очередь военной службой. При этом в обширных континентальных владениях английской короны действовала французская система вассалитета. Там английские короли не были суверенными правителями, а поэтому за каждое из них они должны были приносить вассальную присягу французским королям. Эта присяга накладывала на английских королей те же обязательства, что и на других вассалов. На правах сеньора французские короли могли не только вызывать английских королей в суд своей курии, но даже в случае неповиновения конфисковать их земли.

Завершение процесса феодализации. «Книга Страшного суда». В середине XI в. в Англии шел процесс становления феодализма, однако дофеодальные институты и социальные отношения продолжали господствовать. Зависимые категории населения не представляли собой единой массы поземельно зависимых и подсудных юрисдикции сеньора крестьян. Феодальная иерархия, а также вассально-ленные отношения находились в стадии формирования. Нормандское завоевание заметно ускорило процесс феодализации Англии, способствуя проведению радикальных реформ, облегчая ломку старых отношений между людьми и установление новых порядков. «Солсберийская присяга» была не единственной мерой, направленной на утверждение и оформление новых феодальных отношений.

В 1086 г. по приказу короля была проведена всеанглийская поземельная перепись, по результатам которой был составлен кадастр, названный в народе «Книгой Страшного суда» («Domesday book»). Эта перепись носила прежде всего фискальный характер: она предоставляла королю сведения о размерах и доходности владений его вассалов. Вильгельм Завоеватель превратил «датские деньги» из экстраординарного налога, собиравшегося в случае необходимости, в постоянный поземельный налог. Информация о доходности земельных владений подданных английской короны позволяла королю определять количество рыцарских ленов. Понятие рыцарского лена вырабатывалось в Англии постепенно, но уже Вильгельм I положил в его основу критерий доходности. Во второй половине XIII в. Эдуард I законодательным актом закрепил принцип, согласно которому каждый владелец свободного держания с доходом в 20 (с XIV в. — 40) фунтов обязан принять рыцарское звание и нести соответствующие повинности по отношению к королю. Низший слой английского нетитулованного

рыцарства регулярно пополнялся за счет состоятельных крестьян и горожан, переходивших в благородное сословие. Эта открытость рыцарского сословия имела важные последствия для дальнейшего социально-политического развития Англии.

Отправленные во все графства королевские посланцы под присягой «как на Страшном суде» (отсюда — название кадастра) опрашивали не только свободных людей, но и вилланов. Всем присяжным задавались одинаковые вопросы по разработанной схеме: о размерах и приблизительных доходах манора, о его владельцах, о том, сколько земли составляет домен и сколько находится в крестьянском держании, о численности крестьян разных категорий и т.д. Переписчики фиксировали все: пахоты, пастбища, угодья, рыбные пруды и мельницы. Как отмечали современники, король «повелел произвести такой подробный опрос, что... ни одной коровы или свиньи не осталось без внимания». Все данные классифицировались по трем датам: в правление Эдуарда Исповедника, на момент Завоевания и на 1086 г. Столь подробно составленный кадастр, по которому можно судить о динамике развития социально-экономических отношений в течение 20 лет, делает «Книгу Страшного суда» уникальным источником: ни в одной из стран Западной Европы на протяжении Средних веков не создавалось аналогичных переписей.

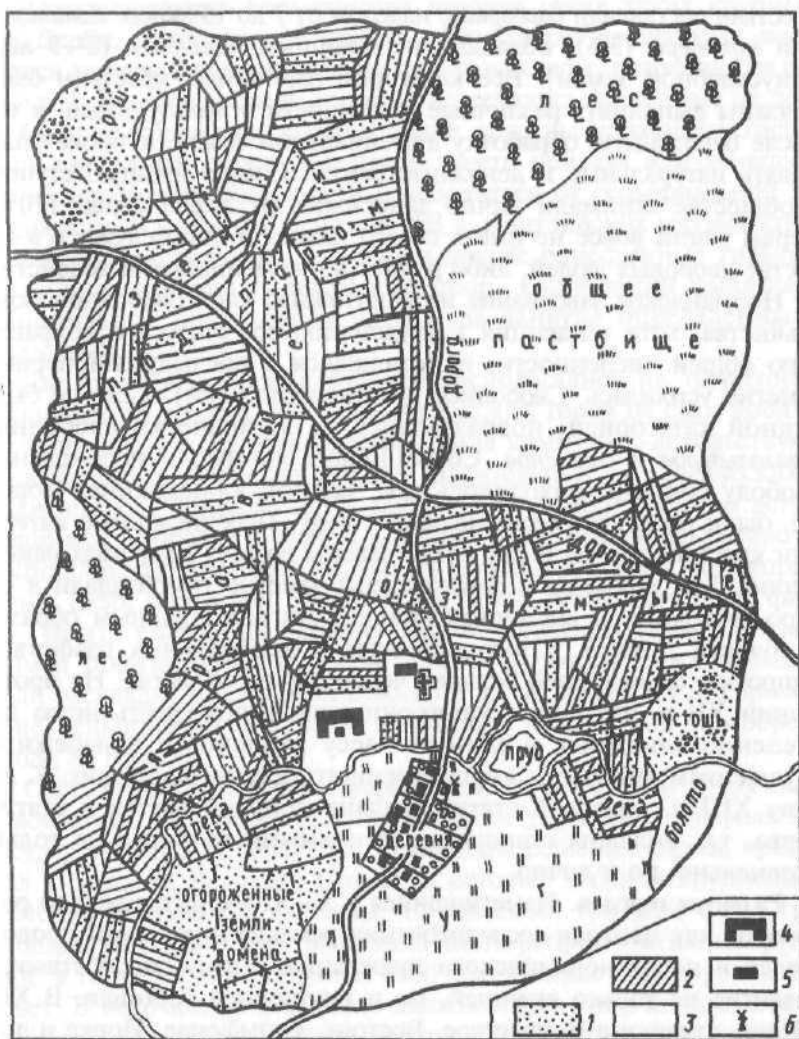
Составленная в переломный момент английской истории, «Книга Страшного суда» не только отразила процесс укрепления феодальных отношений, но и сама способствовала этому процессу. Подбирая латинские эквиваленты англосаксонским терминам, составители (в большинстве своем нормандцы) часто не учитывали всю сложность поземельных отношений между крестьянами и их лордами, игнорируя многочисленные переходные формы зависимости. Многие из крестьян, находившихся под формальным покровительством лордов, были записаны как поземельно зависимые вилланы, что означало понижение их статуса.

Аграрный строй. Социальный состав сельского населения. Несмотря на небольшие размеры территории Англии, разные районы острова существенно отличаются друг от друга по своим природно-географическим условиям, что определило различия в структуре сельскохозяйственного производства. В северо-западных гористых областях с небольшими долинами, скудными почвами и прохладным климатом господствовало скотоводство, главным образом овцеводство. Уже в XI в. овечья шерсть составляла важную статью во внешней торговле Англии. Главным импортером шерсти была Фландрия, специализировавшаяся на производстве высококачественных сукон. Крепнувшие экономические связи Англии

и Фландрии, основанные на торговле шерстью, предопределили и политический союз английской короны с фландрскими городами. Подсобная роль земледелия в северо-западных графствах обусловила возможность ведения хозяйства на индивидуально-подворной основе. Основным типом сельского поселения в этих районах были небольшие деревни и отдельные хутора. Равнины же Центральной и Юго-Восточной Англии были более плодородными, а климат там — более мягким, что делало эти области более пригодными для земледелия. Здесь пахоты значительно преобладали над пастбищами, утвердилась система открытых полей, связанная с чересполосицей и принудительным севооборотом. В этих районах надолго сохранилась сельская община, определяющая порядок землепользования. Впрочем, еще до Завоевания община стала включаться в феодальное поместье, а ее члены — превращаться в поземельно зависимых от лорда крестьян.

С приходом нормандцев английская феодальная вотчина (*манор*) принимает законченную форму. В «Книге Страшного суда» зафиксированы маноры различной величины — от крупных до мелких, размером с крестьянское держание. Структура маноров также была весьма разнообразной. «Классическим» считается манор, состоящий из господского домена (обрабатываемого барщинным трудом зависимых крестьян) и крестьянских держаний различного статуса. Существовали также маноры, в которых полностью отсутствовал или был сведен к минимуму один из компонентов. В районах, где господствовала система открытых полей, домениальная земля подчинялась общему порядку севооборота. До конца XII в. манор оставался по преимуществу натуральным хозяйством. По своей структуре он был не только хозяйственной единицей, но и сложной социально-правовой и фискальной организацией. Владелец манора обладал своей судебной курией, в которой на основе обычая данного манора разбирались дела зависимых от лорда крестьян. Манориальная администрация представляла собой комбинацию общинных (старосты и их помощники) и сеньориальных (сенешали, стюарды и т.п.) должностей.

Население Англии, по данным «Книги Страшного суда», составляло примерно 1,5 млн человек. Непосредственно от короля землю держали около 1400 светских и духовных феодалов, у которых в свою очередь было около 7900 вассалов-рыцарей. «Неблагородные» держатели земли распадалась на множество категорий различного статуса. Наиболее многочисленной группой зависимых земледельцев (41% всех держателей) были *вилланы*, имевшие полный надел земли — виргату (около 30 акров). Следующую категорию (29% от общего числа держателей) поземельно зависимых

Средневековое поместье (схема английского манора XI—XII вв.):

1 — господская земля; 2 — земля церкви; 3 — крестьянские наделы; 4 — усадьба сеньора; 5 — дом священника; 6 — господская мельница. Участки домена разбросаны среди крестьянских наделов; они обрабатываются трудом крепостных по правилам, существующим в сельской общине. Крестьяне обрабатывают также земли местной церкви, выплачивают разнообразные взносы и несут различные повинности, а также подвержены разным баналитетам (в частности, мельничному)

крестьян составляли *бордарии* с наделом от 7 до 15 акров. *Коттариш*, или *коттеры* (3%), обладали небольшими наделами (2—3 акра приусадебной земли). Все категории зависимых крестьян были обязаны выполнять различные повинности в пользу лорда, в том числе барщинную обработку доменiallyной земли, а также уплачивать натуральные и денежные ренты. Самую низшую ступень в обществе занимали лично зависимые от лорда сервы (10%). Сервы могли вовсе не иметь своего надела и либо служить в качестве дворовых людей, либо работать в доменiallyном хозяйстве.

Нормандское завоевание не уничтожило слой свободного крестьянства, хотя тенденция к ухудшению его статуса и сокращению общей численности, наметившаяся в предыдущий период, заметно усилилась. Свободное крестьянство (14%) также не было единой категорией, подразделяясь на юридически свободных *фригольдеров* и *сокменов*. Сохранившие личную и поземельную свободу сокмены находились под частной юрисдикцией лорда, т.е. были подсудны манориальному суду. Перечисленные категории крестьянства не были представлены во всех графствах равномерно. Так, сокмены и фригольдеры заметно преобладали в северо-восточных и восточных районах Англии (главным образом в области Дэнло). В юго-западных и центральных графствах, напротив, сервов было больше, чем в других областях. На протяжении XII в. различные категории зависимого крестьянства постепенно сливались в единую массу вилланов с неизбежным ухудшением личного и имущественного статуса последних. К началу XIII в. правовой статус виллана приравнивается к статусу серва, т.е. вилланы становятся зависимыми от лорда не только поземельно, но и лично.

Развитие городов. Наметившийся в X—XI вв. интенсивный рост городов как центров сосредоточения ремесла и торговли продолжился и после нормандского завоевания. Этому способствовало развитие не только внешней, но и внутренней торговли. В XI—XII вв. ярмарки в Винчестере, Бостоне, Стэмфорде, Йорке и других городах посещали купцы из разных областей Западной Европы, в первую очередь из Фландрии, Италии и Германии. Основными предметами английского экспорта были: шерсть, свинец, олово, скот, кожи, с конца XII в. — зерно. В «Книге Страшного суда» упоминается около 100 городов: часть из них была весьма невелика по размеру, другие, напротив, не уступали крупнейшим городам Западной Европы того времени. Население Лондона, Йорка, Линкольна, Нориджа, Винчестера превышало 5 тыс. человек. В целом доля городского населения составляла тогда около 5% от всего населения Англии.

Часть населения большинства городов (даже таких крупных, как Дерби, Линкольн, Ноттингем, Кембридж) продолжала заниматься наряду с ремеслом сельским хозяйством, сохраняя связь с округой. Еще чаще среди горожан встречались зависимые от лорда бывшие крестьяне, которые были обязаны уплачивать господину ежегодный оброк изделиями своего ремесла или деньгами. Со временем эти люди могли освободиться от сеньориальной зависимости. В конце XI — начале XII в. в английских городах стали возникать текстильные, а потом и другие ремесленные гильдии. Уплачивая королю гильдейский сбор, корпорации защищали монопольное право своих членов на занятие определенными ремеслами.

Две трети английских городов располагались на территории королевского домена. Ни один английский город не смог добиться права полного самоуправления (типа коммуны), довольствуясь приобретением более или менее значительных экономических и политических привилегий. К таким привилегиям (обычно встречавшимся в городах в разных комбинациях) относились: право на беспощинную торговлю, право на выборные органы самоуправления (мэр, городской совет и т.д.), право городского суда, фирма (уплата ежегодной фиксированной денежной суммы в казну взамен произвольных поборов, причем горожане сами производили раскладку и сбор этой суммы) и др. К концу XII в. королевские сеньориальные хартии на разные привилегии приобрели около 80 городов.

Система государственного управления. После смерти Вильгельма Завоевателя его преемники продолжили укреплять центральный государственный аппарат. Все важнейшие решения король принимал с согласия Великого Совета, в который входили крупнейшие светские и духовные феодалы. Созываемый три раза в год громоздкий Великий Совет выполнял чисто репрезентативные функции, в то время как реальным рабочим органом стал королевский совет. В него входили высшие должностные лица королевства — ведавший судопроизводством и финансами юстициарий, канцлер, казначей и другие назначенные королем сановники.

При младшем сыне Вильгельма Завоевателя Генрихе I (1100—1135) было создано два важнейших органа центрального управления — королевская курия и Палата шахматной доски*, ставшая главным финансовым органом королевства: в нее поступал доход

* Название связано с системой подсчета денежных сумм. Столы в палате были разделены продольными линиями на несколько полос, по которым в определенном порядке раскладывались и передвигались столбики монет, что напоминало игру в шахматы.

с графств, а шерифы предоставляли отчет о своих расходах. Высшей судебной инстанцией была королевская курия. В состав курии входили также разъездные судьи, которые контролировали работу шерифов. Таким образом, помимо судопроизводства курия также выполняла определенные административные и финансовые функции.

Смутное время. После смерти Генриха I (1135) претензии на английскую корону высказали два претендента: его дочь Матильда, жена графа Анжу Жоффруа Плантагенета, и племянник покойного короля Стефан граф Блуа. В спорной ситуации избрание короля зависело от решения прелатов и баронов королевства, большинство из которых были близкими родственниками обоих претендентов. В то время как Матильда и ее муж граф Анжу попытались захватить власть в Нормандии, Стефан (права которого были более спорными) искал союзников в Англии. Младший брат Стефана епископ Винчестерский не только передал ему королевскую казну, но и обещал поддержку большинства прелатов. Сам Стефан не скупился на обещания и посулы своим сторонникам. Активную поддержку ему оказали горожане Лондона. Состоявшаяся в конце 1135 г. коронация Стефана была основана главным образом на праве избрания. Апелляция Матильды в Рим не имела успеха.

Став королем, Стефан был вынужден выполнять свои обещания: он подтвердил все «древние права» своих подданных, обещал искоренить злоупотребления шерифов и других должностных лиц, закрепил подсудность клириков исключительно церковному суду, отказался оспаривать завешания клириков, позволил баронам и рыцарям укреплять свои дома и строить замки и т.д. К тому же новый король охотно раздавал титулы, земли, привилегии и пенсии. Завоевывая сторонников, Стефан допустил несколько ошибок: опора короля на наемников-фламандцев настроила баронов против него, арест по подозрению в измене могущественного юстициария Англии епископа Солсберийского и его близких родственников, также принадлежавших к числу высших иерархов церкви, отвратил от Стефана Блуа все духовенство, включая его собственного брата.

Воспользовавшись ситуацией, Матильда переправилась из Нормандии в Англию и выдвинула свои притязания на корону. Провозглашенная отвернувшимися от Стефана прелатами и баронами в 1141 г. госпожой (*domina*) Англии и Нормандии, Матильда завоевывала популярность теми же методами, что и ее соперник. Играя на противоборстве сторон, феодалы стремились как можно выгоднее обменять свою временную поддержку. На долгие годы

Англия погрузилась в анархию междоусобной войны, в ходе которой духовные и светские феодалы превращали свои жилища в укрепленные замки, окружали себя отрядами вооруженных людей, грабивших окрестности. Экономика, финансовые, административные и судебные институты пришли в полный упадок. Наконец, в 1153 г. противникам удалось достичь соглашения: королем оставался Стефан, наследовать которому должен был сын Матильды Генрих Плантагенет. Через год после смерти Стефана граф Анжу, герцог Нормандии, ставший благодаря своему браку с Алиenorой Аквитанской властителем и этого южнофранцузского герцогства, вззошел на английский престол под именем Генриха II.

Реформы Генриха II. Свое правление в Англии Генрих II начал с мер, направленных на ликвидацию последствий смуты. По приказу короля было снесено более тысячи замков, воздвигнутых в годы правления Стефана. Попавшие за этот период в частные руки земли короны были возвращены в королевский домен, вооруженные отряды знати были распущены, была восстановлена юрисдикция шерифов. Феодалы неохотно расставались со своими вольностями, но, обладая огромными финансовыми и людскими ресурсами, которые предоставляли ему континентальные владения, Генрих смог силой подчинить непокорных вассалов.

Восстановив порядок, Генрих II приступил к реформам, направленным на дальнейшее укрепление центральной власти. Важнейшее место среди его преобразований занимает судебная реформа. В середине XII в. судопроизводство в Англии мало отличалось от того, которое было до нормандского завоевания. Являясь в суд, истец и ответчик вместе со своими соприсяжниками приносили клятвы, подтверждавшие истинность их показаний. В случае отсутствия соприсяжников или просто по желанию сторон истина устанавливалась путем ордалии — «божьего суда». Королевская власть обладала особой привилегией — назначать инквизиционный судебный процесс, в ходе которого особые чиновники проводили расследование с опросом свидетелей (присяжных) по делу. Король мог прибегать к этому более прогрессивному виду судопроизводства не только в своих тяжбах, но и предоставлять право на его осуществление духовным и светским лицам в качестве особой милости.

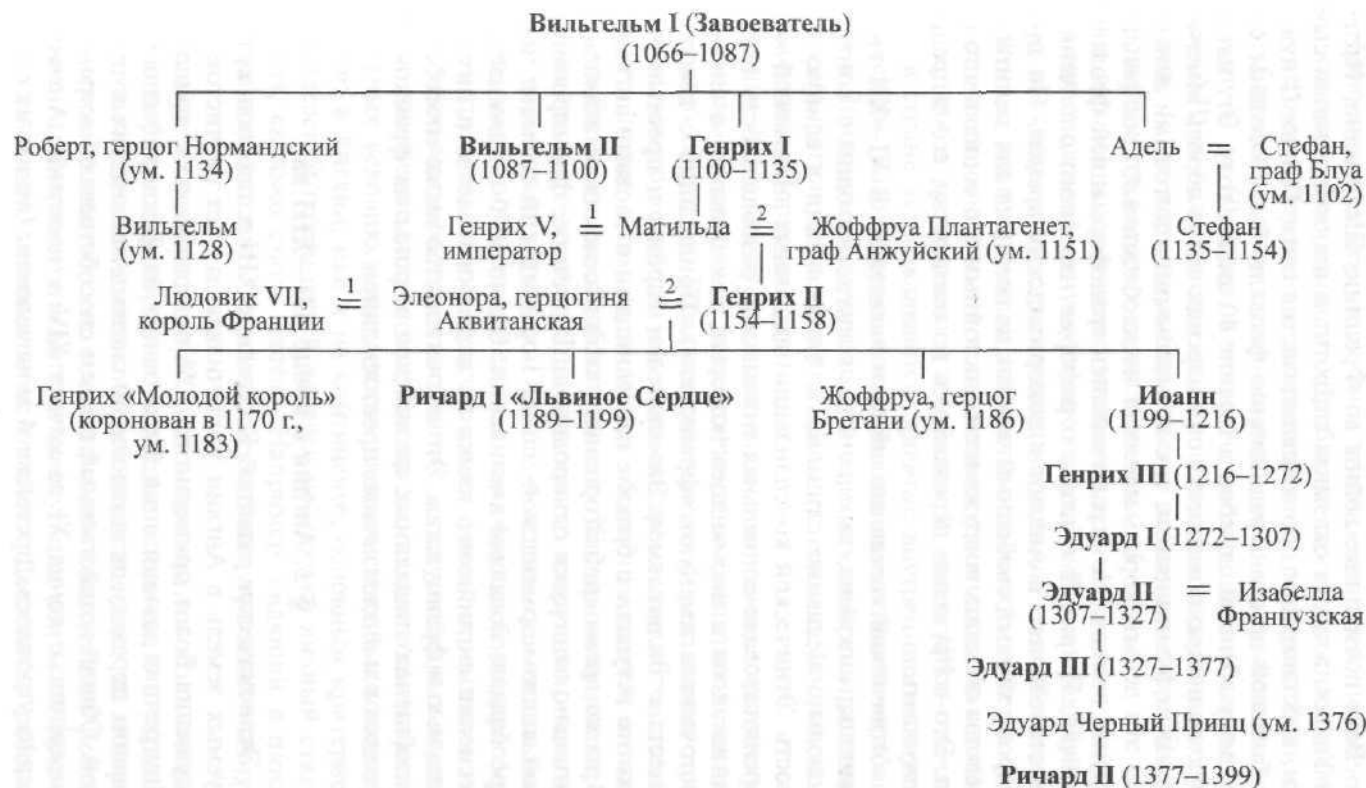
Генрих II разрешил всем свободным людям обращаться за определенной платой по гражданским и уголовным делам в королевскую курию. Делая инквизиционный процесс доступным для всех свободных, король расширял пределы юрисдикции своей курии главным образом за счет юрисдикции шерифов и частных лиц. Этому также способствовало изъятие некоторых дел из сферы местных

судов (в том числе защищенных иммунитетами) и передача их королевскому суду. К сфере королевского права были отнесены все дела, связанные со свободными держаниями, а также все тяжкие преступления, к которым помимо убийств, грабежей, разбоя относились поджоги, дела о фальшивомонетчиках и фальсификациях документов. Для упрощения функционирования королевской курии утверждалась практика разъездных судов. Королевская курия являлась также высшим апелляционным судом для всех сеньориальных судов. Все дела лично зависимых категорий населения по-прежнему разбирались в сеньориальных куриях. Централизация судопроизводства способствовала проявлению общего для всей Англии права (*common law*), вытесняющего местное обычное право. Английское средневековое общее право, формирование которого началось в правление Генриха II, было единым для всех свободных подданных английской короны на всей территории королевства. Располагавшие судебным иммунитетом феодалы были вынуждены соблюдать нормы, принятые в королевских судах.

С реформой в области судопроизводства тесно связана церковная реформа. В 1164 г. в Кларендоне король приказал записать все обычаи королевства, регулирующие отношения короны и церкви. Согласно «Кларендонским постановлениям», уголовные и гражданские дела клириков подлежали юрисдикции королевского суда, король утверждался в качестве последней апелляционной инстанции (таким образом, запрещались апелляции к папе), архиепископам, епископам и держащим бенефиции клирикам запрещалось покидать королевство без разрешения короля, за свои держания клирики были обязаны нести по отношению к королю те же повинности, что и светские держатели, доходы от вакантных кафедр шли в королевскую казну, избрание и утверждение высших иерархов церкви в Англии также зависели от короля.

Стремление Генриха II поставить церковный суд под контроль королевской власти встретило жесткое сопротивление архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета, отказавшегося признать «Кларендонские постановления». В 1170 г. Бекет был убит по тайному приказу короля. В 1173 г. папа Александр III причислил Бекета к лику святых мучеников. По настоянию папы король принес публичное покаяние: стоя на коленях, король подставил обнаженную спину монахам для бичевания, сожалея об убийстве, свершенном якобы без его ведома и желания. К тому же Генрих обещал впредь подчиняться власти папы, уничтожить все «вредные» для церкви законы и обычаи, отказаться от дальнейшей реформы церкви и отправить отряд рыцарей для защиты Иерусалима.

Английский королевский дом в XI–XIV вв.

Ведя постоянные войны во Франции, Шотландии, Ирландии и Уэльсе, а также оказывая сопротивление собственным сыновьям, восставшим против единовластия отца, Генрих II нуждался в большой армии. Традиционно феодалы были обязаны своему сеньору военной службой в течение 40 дней в году. Эту натуральную воинскую повинность с рыцарских ленов король заменил денежным эквивалентом, так называемыми «щитовыми деньгами». На эти деньги король нанимал на необходимый срок рыцарей и других воинов. Не ограничившись трансформацией феодального войска, Генрих II объявил о реформе народного ополчения, существовавшего в Англии с донормандских времен. По приказу короля каждый свободный человек должен был для защиты королевства обладать вооружением, достойным его социального статуса. Это вооружение передавалось по наследству, его запрещалось отчуждать.

Этнический состав английского населения. В XI—XII вв. нормандцы, анжуйцы, пикардийцы и другие выходцы с континента довольно медленно сливались с англосаксами в единую народность. Этнической консолидации подданных английской короны препятствовала социальная и языковая разобщенность потомков англосаксов и нормандцев (которых, как правило, в английских источниках именуют «франками»). Пришедшие с континента вместе с Вильгельмом Завоевателем бароны и простые рыцари охотно вступали в браки с наследницами и вдовами англосаксов. В то же время «неблагородные» слои населения оставались относительно этнически однородными. В процессе формирования новой англо-нормандской элиты нормандский элемент заметно преобладал, подавляя английский. Около 1070 г. начинается вытеснение английского языка из делопроизводства и литературы латынью и французским. Это обстоятельство также способствовало разобщению подданных английской короны на франкоязычных феодалов и англоязычных простолюдинов.

§ 2. Англия в конце XII—XIII вв.

Экономическое развитие. К середине XIII в. площадь культивируемых земель в Англии увеличилась за счет расчисток леса и осушения болот примерно на 50% по сравнению с концом XI в. Внутренняя колонизация была одним из факторов, способствовавших переходу от двухпольной системы земледелия к трехпольной. Общий хозяйственный подъем способствовал быстрому росту населения: с конца XI до начала XIV в. население Англии примерно утроилось, превысив 4 млн человек. Одним из следствий

этого было значительное увеличение числа держателей, появление новых селений, хуторов и т.п. Дробление крестьянских наделов между держателями вело к сокращению их размеров. Если по «Книге Страшного суда» половина всех вилланских наделов колебалась от 30 до 60 акров, а четверть превосходила 60 акров, то в конце XIII в. большинство вилланов держали наделы размером в 7 акров. Та же картина наблюдалась с держаниями фригольдеров, большинство которых держали наделы в 5 акров.

Рост городов и увеличение удельного веса городского населения, а также дальнейшее углубление наметившейся в предыдущий период хозяйственной специализации районов способствовали постоянному росту спроса на продукты сельского хозяйства. Это стимулировало вовлечение в рыночные отношения как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. В конце XII — начале XIII в. в стране устанавливаются прочные внутренние экономические связи. Важнейшими центрами общеоанглийской торговли наряду с Лондоном и другими крупными городами по-прежнему оставались регулярные ярмарки (Винчестерская, Бостонская, Стэмфордская, Йоркская и др.).

С конца XII в. начинается активное втягивание в рыночные связи манора — основной хозяйственной и социальной ячейки английского общества. Возможность выгодной реализации продуктов сельского хозяйства обусловила стремление вотчинников расширить домен, в том числе за счет общинных угодий, а также увеличить барщину для обработки домена. Как правило, расширение домениального хозяйства практиковалось в крупных, главным образом церковных, вотчинах. Поскольку ведение домениального хозяйства могло осуществляться главным образом благодаря барщинному труду зависимых крестьян, вотчинники стремились перевести максимальное число свободных и полусвободных держателей на положение вилланов путем предоставления им (нередко на льготных условиях) вилланских наделов. Это было связано с тем, что в Англии, как и на континенте, основным критерием для определения повинностей являлся не столько личный статус держателя, сколько статус надела. Например, сидящий в пятом поколении на вилланской земле свободный утрачивал личную свободу.

В мелких и средних манорах с незначительным количеством вилланов наблюдалась обратная ситуация: в них связь с рынком могла осуществляться не только через домениальное, но и через крестьянское хозяйство, что стимулировало коммутацию ренты. В отличие от континента в Англии коммутация ренты не приводила к ликвидации домениальных хозяйств. Дешевизна рабочей

силы позволяла вотчинникам прибегать к услугам наемных батраков (как правило, временных, сезонных рабочих) из числа мало-земельных коттеров и свободных крестьян. Эта практика была особенно выгодна тем, что цены на сельскохозяйственную продукцию росли гораздо быстрее оплаты труда.

Экономическое и политическое развитие городов. На протяжении XIII в. английские короли предпринимали различные меры, направленные на защиту интересов городского населения и в конечном счете на развитие городского ремесла и торговли. Центральная власть устанавливает и охраняет не только полновесность и пробу монеты, единство мер и весов, но также некий стандарт качества наиболее ходовых товаров (хлеба, вина, пива, сукон). Ряд статуты был направлен на защиту прав кредиторов, а также на упрощение процедуры взимания долгов. Успешному развитию торговли способствовали меры, направленные на поддержание и защиту торговых путей. Корона также заботилась об интересах английского купечества в других странах.

В XIII в. с ростом экономической роли английских городов значительно возросло их политическое значение. К концу XIII в. в целом завершается процесс консолидации городского сословия в особую социальную группу, обладающую относительно равными правами в масштабе всего королевства. Вынужденные считаться с интересами городского населения, а также постоянно нуждаясь в дополнительных источниках доходов, короли широко продавали городам различные хартии, фиксирующие их права и привилегии. Если к началу XIII в. хартии имели 80 наиболее крупных городов, то на протяжении XIII в. различные привилегии получили еще 113 сравнительно небольших городов. Чаше всего города добивались экономических привилегий: права организации рынка, купеческих и ремесленных гильдий, частичного или полного освобождения от пошлин. Гораздо реже корона соглашалась даровать судебные и административные привилегии: право городского судопроизводства, запрещение сеньориальным или королевским чиновникам вмешиваться в городское самоуправление и т. д. К концу правления Эдуарда I (1272—1307) городские советы существовали лишь в 14 крупнейших городах. Обладание хартиями не гарантировало защищенность города от произвола королевской власти. Город в любой момент мог потерять самые широкие привилегии. Например, в 1257 г. Норидж был лишен городских вольностей из-за пожара в кафедральном соборе. С конца XIII в. представительство горожан в парламенте способствовало большей защите их экономических и политических интересов.

С середины XIII в. в английских городах, так же как на континенте, обостряются внутренние социально-политические противоречия. Как правило, волнения были связаны с тем, что пользоваться городскими привилегиями могли не все горожане, а лишь те из них, кто участвовал в уплате налога — фирмы.

Политическое развитие Англии в конце XII—XIII вв. Предпринимая различные меры по укреплению центральной власти, английские короли, как и континентальные монархи в аналогичных ситуациях, сталкивались с сопротивлением магнатов. Этого не мог избежать и Генрих II. В 1173 г. против короля восстали трое его старших сыновей — Генрих, Ричард и Жоффруа — номинальные сеньоры в английских континентальных владениях, на деле полностью зависевшие от воли отца. Поскольку Анжу, Мен, Турень, Пуату, Нормандия и Аквитания находились в вассальной зависимости от короля Франции, Людовик VII поддержал присягнувших ему на верность принцев. Лишь через два года Генрих II подчинил мятежных сыновей своей воле. В 1188 г. Ричард, ставший к тому времени старшим из оставшихся в живых принцев, снова восстал против отца в союзе с новым королем Франции Филиппом II Августом. Развязкой этого мятежа стали смерть Генриха и последовавшая за ней коронация Ричарда I Львиное Сердце (1189—1199).

Воспитанный в Аквитании и одержимый идеей организации Крестового похода, Ричард воспринимал Англию прежде всего как источник средств. Не довольствуясь богатой казной, оставленной ему бережливым отцом, Ричард объявил о сборе специального налога — «саладиновой десятины» со всех своих подданных. Король развернул широкую торговлю должностями, хартиями, титулами, землями, феодальными привилегиями, он даже продал английский суверенитет над Шотландией ее королю Вильгельму Льву. Лихорадка, вызванная подготовкой к походу против врагов христианства, охватившая все слои общества, вылилась в массовые еврейские погромы по всей Англии. Новые экстраординарные поборы были проведены в 1193 г., когда понадобилось собрать огромную сумму в 150 тысяч кельнских марок для выкупа короля из плена. За все время своего правления Ричард не провел в Англии и года, что способствовало идеализации его образа в народе, приписывавшем бесконечные поборы и притеснения произволу наместников и должностных лиц. В народных балладах о благородном разбойнике из Шервудского леса Робине Гуде Ричард Львиное Сердце предстает справедливым и мудрым государем, неустанно заботящимся о благе своих подданных.

После смерти Ричарда на английский престол взошел его брат Иоанн Безземельный (1199—1216). Прозвище «Безземельный» дал своему младшему сыну Генрих II, когда оставил его без удела во время раздела между сыновьями континентальных владений английской короны. В правление Иоанна сопротивление подданных королевской тирании достигло своего апогея. В отличие от предшествующих столкновений королей с вассалами против Иоанна сплотились не только бароны, но фактически все слои свободного населения Англии. Сластолюбивый, жадный и вспыльчивый, король попирает права своих вассалов, по своей воле облагая их налогами и поборами, порой нанося им оскорбления и унижая достоинство рыцарей и клириков. Катализатором раздражения стала неудачная война с королем Франции Филиппом II Августом. Регулярные поражения войск Иоанна не оправдывали взимания частых экстраординарных субсидий и «щитовых денег» (нередко обложению подлежали не только миряне, но и духовенство). Протесты подданных против королевского произвола приводили к изгнаниям, арестам, казням и конфискациям. Больше всех пострадали феодалы, имевшие держания и в Англии, и на континенте. В войне 1202—1204 гг. английская корона утратила целый ряд обширных континентальных владений: Нормандию, Анжу, Мэн, Турень, часть Пуату. Поражение Иоанна в битвах при Ларош-о-Муане и Бувине (1214) положило конец его попыткам отвоевать эти земли. Во избежание двойного подданства Иоанн приказал своим вассалам, желавшим сохранить земли в Англии, отказаться от владений на континенте.

Недовольство подданных усугублялось конфликтом короля с папой Иннокентием III. Начало конфликта было положено в 1207 г., когда Иоанн отказался признать назначенного папой архиепископа Кентерберийского. Король и папа поочередно наносили друг другу удары: в ответ на наложенный на Англию интердикт и отлучение самого Иоанна от церкви король объявил о конфискации всех церковных владений в своем королевстве. В 1211 г. папа пригрозил королю освободить его подданных от принесенной ими клятвы верности и поручить исполнение этого решения французскому королю. Страхась вторжения французов и мятежа в Англии, Иоанн был вынужден любой ценой добиваться прощения папы: король передал папскому престолу свое королевство и получил его обратно в качестве лена, за который он и его потомки обязались ежегодно выплачивать ренту в 1000 марок серебром. Осознавая слабость короля, бароны воспользовались удобным моментом для восстановления своих прав и привилегий. Весной 1215 г. бароны и рыцари собрали свои войска и двинули

их на столицу. Союзные с восставшими горожане Лондона открыли ворота. 15 июня 1215 г. король Иоанн был вынужден подписать составленную баронами Великую хартию вольностей (*Magna Carta Libertatum*).

Великая хартия вольностей. Большинство статей Великой хартии вольностей отражало интересы тех, кто являлся главной силой восстания против короля — светских и духовных феодалов. Король обещал блюсти свободу церковных выборов, не нарушать права своих держателей, не повышать установленные обычаем феодальные поборы и службы и т.д. Все вольности и права, обещанные королем своим непосредственным держателям, те также должны были соблюдать по отношению к своим субвассалам. Государь соглашался не взимать «щитовых денег» и других экстраординарных налогов без согласия Великого Совета королевства, в который должны были входить все крупнейшие держатели короны.

Самые знаменитые статьи хартии касались осуществления правосудия. Ни один свободный человек не мог быть отныне арестован, лишен имущества, отправлен в изгнание или объявлен вне закона иначе как по приговору пэров (т.е. равных себе по статусу) и закону королевства. Например, бароны были подсудны суду баронов, а горожане — городскому суду. Эти положения хартии явились краеугольным камнем развития английского обычного права. Королевские судьи бдительно следили за тем, чтобы ни один подданный короны не был задержан иначе как по приговору суда. В противном случае нарушителю высылалось предписание предоставить «удерживаемое им тело» в распоряжение суда. В 1679 г. эти принципы были окончательно подтверждены актом *Habeas Corpus*.

Хартия отменяла введенное Генрихом II право переносить некоторые дела, связанные с земельными исками, из сеньориальных судов в королевскую курию. Это положение свидетельствовало о стремлении баронов ограничить все расширяющуюся юрисдикцию королевского суда.

Поддержавшие восставших против Иоанна феодалов горожане (главным образом лондонцы) получили подтверждение всех своих старинных вольностей и обычаев. Хартия ограничивала полномочия королевских должностных лиц по вопросам, связанным с принудительной покупкой хлеба и других продуктов и предметов, необходимых для нужд королевского двора и администрации. Целый ряд мер был направлен на развитие торговли: разрешался свободный въезд в Англию иностранных купцов, устанавливалось единство мер и весов.

Все статьи Хартии вольностей касались исключительно свободных подданных короны, не распространяясь на вилланов и другие категории зависимого населения. Для гарантии соблюдения королем провозглашенных в Хартии прав и вольностей бароны избирали из своей среды комитет из 25 человек. В случае нарушения королем или его чиновниками Хартии бароны предоставляли королю сорокадневный срок для искоренения злоупотреблений, по истечении которого они имели право на вооруженное сопротивление королевской тирании. Сама формулировка данного положения была представлена как королевский приказ всем подданным присягнуть баронам-гарантам Хартии и следовать за ними против самого короля, принуждая его к восстановлению порядка и справедливости. Таким образом, Великая хартия вольностей узаконивала восстание как средство правозащиты.

Помощь Иоанну пришла со стороны его «сеньора» — папы Иннокентия III, который признал действия баронов противоправными, отлучил их от церкви, объявил Хартию недействительной и освободил короля от принесенной им клятвы соблюдать ее. Разразившаяся война между королем и баронами могла привести к весьма серьезным последствиям, поскольку бароны предложили английскую корону сыну французского короля Филиппа II Августа Людовику. Французский принц высадился с войском на английском побережье. Внезапная смерть Иоанна в октябре 1216 г. расставила все по своим местам: бароны присягнули на верность девятилетнему сыну Иоанна Генриху III (1216—1272), Людовик отказался от всех претензий на английскую корону в обмен на 10 тыс. марок.

Установление баронской олигархии. Возникновение парламента. В правление Генриха III формальный суверенитет папы над Англией ощущался с максимальной силой: лучшие епископские кафедры и богатейшие бенефиции были заняты папскими ставленниками, к многочисленным регулярным отчислениям в пользу Рима постоянно добавлялись экстраординарные налоги и поборы. Засилье итальянцев среди духовенства сопровождалось господством при дворе французских и провансальских родственников короля и королевы. Все это вызывало недовольство английской элиты (потомки пришедших с Вильгельмом Завоевателем нормандцев за два века стали осознавать себя англичанами). Все попытки баронов высказать королю и папе коллективный протест против бесконечных вымогательств были безуспешны вплоть до 1258 г. Незадолго до этого Иннокентий IV попытался побудить Генриха III к завоеванию для младшего сына короля принца Эдмунда короны Обеих Сицилий. Итальянская авантюра требовала

гигантских затрат, для покрытия которых король потребовал от имени папы треть движимого и недвижимого имущества своих подданных.

В июне 1258 г. английские бароны и прелаты во главе вооруженных отрядов (собранных ввиду войны в Уэльсе) съехались в Оксфорд для участия в Великом Совете, где предъявили королю петицию с требованиями проведения реформ. Подчинившись силе, Генрих III согласился подписать выработанные собранием магнатов так называемые «Оксфордские провизии» (*provision* — предложение). В этот период, состоявший из баронов и прелатов Великий Совет, как правило, именовался парламентом (от старофр. *parlemen* — обсуждение). Провизии «бешеного», как его прозвали сторонники короля, Оксфордского парламента утверждали существование постоянного совета из 15 баронов, без согласия которых король не мог принимать никаких решений и под контролем которых находились все должностные лица королевства. Бароны также избрали 12 человек от рыцарей и городов, которые вместе с Советом 15-ти составляли парламент, собиравшийся трижды в год для обсуждения государственных дел. Эти, а также ряд других мер были направлены на защиту интересов главным образом непосредственных держателей короны, а также против королевских фаворитов.

В феврале 1259 г. среди собравшихся в Вестминстере парламентариев начались разногласия. По настоянию Симона де Монфора, графа Лестерского, парламент принял новые провизии, защищавшие интересы средних и мелких держателей. В числе прочих мер предполагалось установление в графствах контроля со стороны местной знати за деятельностью шерифов.

Гражданская война 1263—1267 гг. В 1262 г., воспользовавшись разногласием в стане баронов, Генрих III заручился у папы освобождением от принесенной им год назад клятвы и отказался соблюдать «Оксфордские провизии». В следующем году оппозиция, состоявшая из большинства баронов, рыцарей, а также горожан Лондона и крупнейших портовых городов, начала военные действия против короля. Свое выступление мятежники оправдывали правом подданных («общины» королевства) оберегать короля от нарушения закона. Начиная с этого времени в английской политической мысли утверждается идея подчинения короля закону, вносить изменения в который государь может только с согласия «общины», поскольку именно «всей общине» принадлежит высшая власть в королевстве. «Избранники от всей общины» (т.е. представители от всех свободных сословий из всех регионов Англии)

должны стать советниками короля, ограждая его от злоупотреблений властью. Если король нарушает закон, подданные имеют право на вооруженное сопротивление.

Последней попыткой мирного урегулирования конфликта стало обращение к третейскому судье — Людовику IX Святому. Французский король вынес решение в пользу Генриха III, объявив «провизии» унижающими честь и права короля, а также источником смут и бедствий для всего королевства. Оппозиционеры, во главе которых стоял Симон де Монфор, не признали приговор и возобновили войну. В битве при Льюисе (1264) королевская армия была разбита, Генрих III и его старший сын Эдуард попали в плен. Монфор стал фактическим правителем Англии.

Желая предать законность своим постановлениям, Монфор от имени короля значительно расширил представительство выборных членов парламента, представляющих «общину» королевства. Начиная с 1265 г. в парламент личными письмами короля приглашались знатнейшие магнаты и иерархи церкви (епископы, аббаты и приоры крупнейших монастырей, магистры рыцарских орденов). Кроме того, туда вызывались по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от указанных королем городов. Рыцари и городские представители избирались на местных собраниях. Именно 1265 г. принято считать датой возникновения парламента как сословно-представительского органа.

Одерживая победы, Симон де Монфор и его сторонники захватывали в свою пользу земли своих противников, объявляя приверженцев короля «лишенными наследства». Дележ добычи нередко приводил к ссорам союзников. В итоге, опасаясь начавшихся антифеодальных выступлений, а также возвышения Монфора, многие бароны перешли на сторону короля. В августе 1265 г. в битве при Ившеме сторонники Монфора потерпели поражение, а сам он был убит. В 1267 г. власть Генриха III была восстановлена. Король пообещал соблюдать права и вольности баронов, рыцарей и горожан. Итогом гражданской войны стало превращение парламента из совета баронов в орган сословного представительства.

Английский парламент в XIII—XIV вв. Возникновение сословной монархии. Структура и сфера деятельности парламента окончательно сложились в правление Эдуарда I. При нем английское феодальное государство приобретает форму сословной монархии. Установлению полномочий парламента и определению его роли в системе управления Англией в немалой степени способствовали события 1297 г. В этом году интенсивность ведения военных кампаний королем, который облагал своих подданных различными экстраординарными поборами, в очередной раз вызвала недовольство во всех слоях английского общества. Во избежание новой

гражданской войны Эдуард I был вынужден издать «Подтверждение хартии», официально утвердившее право парламента устанавливать налоги. Закрепление за парламентом этой важнейшей функции привело к тому, что подданные хотя бы формально получили право контролировать существенную часть расходов государственного бюджета.

Как правило, местом созыва парламента был Лондон, но король мог его созвать в любом удобном для него месте. С начала XIV в. парламент стал делиться на две палаты: верхнюю — палату лордов, где заседали прелаты и бароны, и нижнюю — палату общин, в которую входили рыцари и представители городов. Прочный союз рыцарства и городской верхушки в парламенте обеспечил им большее политическое влияние по сравнению с сословно-представительными собраниями других стран, например по сравнению с Генеральными штатами Франции (в которых «третье сословие» голосовало отдельно от первых двух). Вotирование налогов и утверждение дополнительных субсидий было одной из важнейших, но далеко не единственной функцией парламента. Парламент был высшей судебной инстанцией, в нем также обсуждались проблемы внешней политики. В XIV в. он приобрел право участвовать в издании статуты (законы), которые обычно принимались королем и палатой лордов по петиции палаты общин. С этого времени все важнейшие дела в королевстве вершились с согласия этого сословно-представительного органа. Немалую роль в политических успехах парламента сыграла Столетняя война: нуждаясь в финансировании военных кампаний, короли были вынуждены идти на уступки сословиям, которые посредством парламента смогли обозначать и расширять свое присутствие во власти.

На протяжении столетий парламент при необходимости представлял для королевской власти эффективный противовес могуществу крупных феодалов. Опираясь на рыцарство и городскую верхушку, короли проводили через парламент законы, ограничивающие привилегии светских и духовных магнатов. В целом создание парламента способствовало усилению королевской власти, а также политической централизации Англии. Немаловажным для политического развития английского королевства было и идеологическое обоснование необходимости существования парламента как гаранта соблюдения законности и интересов всех подданных.

Завоевание Уэльса. В XI—XIII вв. на территории Уэльса находилось несколько постоянно враждовавших между собой племенных княжеств, среди которых с середины XII в. ведущее положение

принадлежало Гвинеду (северный Уэльс). С утверждением Нормандской династии на английском престоле завоевательная политика английских королей по отношению к Уэльсу не изменилась. Однако вплоть до второй половины XIII в. покорение Уэльса осуществлялось главным образом не самими королями, а англо-нормандскими баронами, захватившими южные и центральные долины. Закрепляясь на завоеванных территориях, англо-нормандские феодалы строили замки, заключали браки с дочерьми местных вождей, а также включались в межклановые распри. Англо-нормандская колонизация способствовала дальнейшей феодализации Уэльса, однако родоплеменные отношения продолжали господствовать в валлийском обществе вплоть до конца XIII в.

Наибольшего успеха на пути объединения Уэльса под властью одного правителя добился в середине XIII в. принц Гвинед Ллевелин ап Гриффит, которому в 1258 г. принесли оммаж почти все валлийские лорды. Во время гражданской войны в Англии Ллевелин поддержал Симона де Монфора. В 1265 г. Симон де Монфор от имени короля Генриха III признал Ллевелина верховным правителем Уэльса в обмен на принесение оммажа.

В 1277 г., воспользовавшись восстанием в Уэльсе против английского суверенитета, Эдуард I решил покончить с валлийским сепаратизмом. В ходе успешного военного похода Уэльс был подчинен власти английского короля. Покинутый сторонниками, Ллевелин ап Гриффит был вынужден покориться английскому королю. Однако сопротивление валлийцев продолжалось и было подавлено лишь в 1282 г. Эдуард I ввел в Уэльсе английские законы, раздал земли английским баронам, основал новые города и крепости. С 1301 г. наследник английского престола, как правило, носит титул принца Уэльского.

В 1400—1410 гг. в период борьбы первого короля из династии Ланкастеров Генриха IV (1399—1413) с самозванцами, выдававшими себя за низложенного Ричарда II (1377—1399), в Уэльсе произошло последнее национальное восстание под предводительством Оуэна Глендауэра. При Генрихе VIII (1491—1547) Уэльс окончательно утратил свою автономию, был слит с Англией актом об административном устройстве и с 1541 г. получил представительство в парламенте.

Завоевание Ирландии. В 1155 г. папа Адриан IV (англичанин по происхождению) пожаловал Генриху II титул господина (*dominus*) Ирландии, санкционировав английское вторжение на этот остров. Занятый войной на континенте, Генрих не смог сразу воспользоваться дарованным ему правом. В 1166 г. в Ирландии началась крупная война между клановыми вождями. Изгнанный своими

противниками из Ирландии, король Лестера Дермот обратился за помощью к английскому королю. Генрих разрешил Дермоту вербовать союзников из числа своих вассалов. В 1169—1170 гг. английские бароны добились заметных успехов: они не только восстановили Дермота на престоле, но и захватили ряд земель на юго-востоке острова. В 1171 г. после смерти Дермота в Ирландию вторглось новое англо-нормандское войско во главе с самим Генрихом II. Генрих довольно быстро разбил войска клановых вождей, которые были вынуждены признать его верховным правителем. Дублин, Уотерфорд, Корк и другие города на юго-востоке Ирландии стали опорными пунктами завоевателей: там были размещены английские гарнизоны, а вскоре поселились и англо-нормандские феодалы, которым король щедро раздавал новые земли.

Укрепленный юго-восточный район получил название Пэйл, что означало буквально «огороженная территория». На завоеванных территориях утверждалась английская система вассально-ленных отношений, вводились английские административные и судебные органы. Административным центром захваченной англичанами территории стал Дублин, где находились резиденция наместника, казначейство и суд общих тяжб. Для лучшего управления Пэйл был разделен на 12 графств, в которые были направлены королевские шерифы. В 1222 г. Генрих III постановил уравнивать ирландские законы с английскими. В 1297 г. по распоряжению Эдуарда I в Ирландии был создан парламент, в котором первоначально заседали только светские и духовные феодалы, и лишь с начала XIV в. к ним добавились депутаты от городов.

Попытки завоевания Шотландии. До середины XII в. основные англо-шотландские противоречия сводились к спорам из-за пограничных территорий. Шотландские короли издревле держали от английской короны земли в Нортумбрии, принося за них вассальную присягу. В 1072 г. Вильгельм разбил войско шотландского короля Малькольма III (1057—1093), помогавшего англосаксам оказывать сопротивление нормандам. Победенный король Шотландии принес Вильгельму оммаж и клятву верности как своему сеньору. После смерти Вильгельма I эта клятва была принесена его сыну Вильгельму II. С этого времени началось сильное влияние англо-нормандской культуры на политическую и социальную жизнь Шотландии. На границе с Англией быстрее, чем в других областях, шел переход от родового строя к раннефеодальным отношениям. В целом в период классического Средневековья шотландское общество отличалось гораздо большей архаичностью и замедленным развитием, чем английское.

В 1173 г. шотландский король Вильгельм Лев в союзе с французским королем Людовиком VII и английскими принцами выступил против Генриха II. Шотландское войско было разбито, сам Вильгельм Лев оказался в английском плену. В 1174 г. в Фалезе (Нормандия) был заключен договор, по которому Шотландия становилась английским фьефом, а Вильгельм — вассалом Генриха, шотландская церковь должна была подчиняться английской, а все магнаты обязывались присягать королю Англии и его потомкам. В 1189 г. Фалезский договор был отменен и Вильгельм Лев выкупил у Ричарда I все свои права за 10 тыс. марок.

В 1190 г. со смертью внушки Александра III пресеклась древняя династия шотландских королей. В 1291—1292 гг. в Шотландии разгорелась «Великая Тяжба» за корону, на которую претендовало тринадцать магнатов. Эдуард I отдал приказ разыскать в архивах и монастырских библиотеках любые свидетельства английского суверенитета над Шотландией. Путем подкупов и обещаний Эдуард I добился того, что большинство основных претендентов (включая Роберта Брюса и Джона Бэллиола) признали его суверенитет и доверили королю Англии роль арбитра в их тяжбе. Избранный в 1292 г. королем Шотландии Джон Бэллиол немедленно присягнул на верность поддержавшему его Эдуарду I. Однако уже в 1294 г. Бэллиол в угоду шотландским магнатам отказался помочь королю Англии в войне против Филиппа IV. А в следующем году в Париже был подписан официальный франко-шотландский договор, направленный в первую очередь против Англии.

В 1296 г. в ходе успешной военной кампании Эдуард I, стяжавший прозвище «Молот шотландцев», разбил Бэллиола, провозгласил себя шотландским королем и принял присягу верности у новых подданных. В 1297 г. в Шотландии началась война за независимость. На первом этапе антианглийские силы возглавил мелкий землевладелец Уильям Уоллес. Основу войска Уоллеса составили неимущие простолюдины и мелкие землевладельцы. За полгода им удалось не только изгнать англичан из Шотландии, но и вторгнуться в пределы Английского королевства. За свои заслуги Уоллес, ставший народным героем и символом борьбы за независимость, был посвящен в рыцари и провозглашен Хранителем королевства. Сосредоточение верховной власти в руках незнатного Уоллеса было не по нраву шотландским лордам, которые отказывались служить под его началом и повиноваться его приказам. К осени 1304 г. большинство лордов Шотландии подчинились власти Эдуарда I. В 1305 г. возле Глазго Уоллес был пленен и вскоре казнен по обвинению в измене своему сеньору, т.е. Эдуарду I. С 1306 г. всеобщую войну за независимость возгла-

вил один из претендентов на шотландскую корону Роберт Брюс. Эдуард II (1307—1327) не смог отстоять свои права на Шотландию. В 1314 г. в битве при Баннокбурне Брюс разбил английское войско, после чего утвердился на шотландском престоле. В 1328 г. вступивший на английский трон после низложения отца Эдуард III (1327—1377) подписал мир с Брюсом, которого он официально признал королем независимой Шотландии. В период войны за независимость укрепились франко-шотландские союзнические отношения, которые просуществовали более трехсот лет.

В 1332 г. Эдуард III нарушил условия мира и предпринял новую попытку установить английский суверенитет над Шотландией. В результате вторжения английских войск в Шотландию в 1333 г. королем был провозглашен сын Джона Бэллиола Эдуард, который сразу же присягнул на верность английскому королю. Начавшаяся вскоре Столетняя война помешала английскому ставленнику Бэллиолу окончательно утвердиться на троне. В 1356 г. он передал шотландскую корону в дар Эдуарду III. Этот акт был простой формальностью, поскольку большинство шотландцев продолжало считать своим королем Дэвида II, сына Роберта Брюса. Тем не менее этот договор был для Англии удобным поводом для постоянных вторжений в Шотландию.

§ 3. Англия в XIV—XV вв.

Экономическое и социальное развитие английской деревни в XIV—XV вв. В 1348—1349 гг. на Англию, как и на всю Европу, обрушилась эпидемия чумы — «черная смерть», которая унесла более трети всего населения. Больше всего пострадали горожане и клирики. Повторные вспышки эпидемии (1361, 1368, 1375) привели к дальнейшему ухудшению демографической ситуации: вместо 5 млн человек в первой половине XIV в., в начале XV в. население Англии насчитывало 3 млн человек. За полвека исчезло несколько сотен сельских поселений. Новый рост численности населения начался лишь в последней трети XV в. Чума пагубно сказалась на всех отраслях английской экономики, но больше всего пострадало сельское хозяйство. Пока продолжалась эпидемия, люди нередко полностью прекращали все виды деятельности: земля не обрабатывалась, налоги и ренты не собирались, ярмарки не устраивались, правосудие осуществлялось нерегулярно.

Чума привела также к резкому сокращению числа держателей всех статусов. Почти во всех манорах произошло увеличение домена за счет выморочных крестьянских держаний, что приводило к сокращению доходов от ренты. Острый спрос на рабочие руки

способствовал резкому росту платы наемным рабочим. На фоне общего кризиса экономики новые расценки за наемный труд были весьма обременительны для владельцев земли. Правительству пришлось издать ряд постановлений, известных как «рабочее законодательство». В 1349 г. Эдуард III издал первый ордонанс, предписывающий всем людям обоего пола в возрасте от 12 до 60 лет, не имеющим земли и других средств к жизни, наниматься на работу за ту плату, которая существовала до чумы. За отказ от найма и уход от нанимателя до истечения срока нарушителю грозила тюрьма. Наниматели и работники, договорившиеся о более высокой оплате, наказывались штрафом. Этот ордонанс распространялся не только на сельских работников, но и на ремесленников. Затем последовал ряд статutow, подтверждавших эти постановления и усиливавших наказания за их нарушения. Законы также регулировали цены на продукты питания, искусственно поддерживая их на уровне, предшествующем эпидемии. В каждое графство направлялись специальные должностные лица для наблюдения за выполнением «рабочего законодательства».

Одним из важнейших сдвигов в истории английского средневекового общества стало личное освобождение основной массы вилланов. В отличие от Франции, где освобождение сервов осуществлялось путем выкупа, в Англии процесс освобождения вилланов был связан главным образом с коммутацией ренты, а поэтому проходил гораздо медленнее. Начавшийся еще в конце XIII в., этот процесс заметно ускорился в период демографического кризиса, когда лордам не хватало держателей на условиях выполнения регулярной барщины. На протяжении XIV—XV вв. на смену наследственно-зависимым от лорда вилланам постепенно приходят лично свободные *копигольдеры* (держатели по копии), получившие свое название от копии протокола из манориальной курии. За свои наделы копигольдеры были обязаны лорду, который был собственником земли, фиксированной денежной рентой, а также некоторыми традиционными феодальными повинностями. Главным пережитком несвободного происхождения копигольдеров была их подсудность манориальной курии по земельным делам. По другим вопросам свободные копигольдеры могли обращаться в коронные суды.

Низкая производительность барщинного труда, нехватка рабочей силы, слабая приспособленность к условиям рынка создали к середине XIV в. предпосылки для упадка домениального хозяйства. Эти причины, а также ослабление в результате коммутации ренты хозяйственных связей между держаниями вилланов и домом привели к распространению на маноре арендных отношений.

Аренда развивалась не только на земле домена, но и на землях держателей. В аренду могли сдаваться небольшие участки в несколько акров и целые маноры. В последнем случае арендатор вместе с землей получал и сеньориальные права лорда. Разнообразны были и сроки аренды: от краткосрочной (на год) до продолжительной, наследственной (сроком на 99 лет). В целом преобладала мелкая краткосрочная крестьянская аренда.

Демографические и экономические изменения привели к тому, что с середины XIV в. начался процесс сокращения пахотных земель и их обращения в пастбища. По сравнению с другими отраслями сельского хозяйства овцеводство не требовало больших затрат труда, к тому же в связи с растущим спросом на шерсть было весьма доходным. Еще в XIII в. стали появляться статуты, разрешающие лордам огораживать в свое индивидуальное пользование отдельные участки неподеленных общинных земель. В XIV в. процесс огораживания заметно усилился: лорды, а иногда и держатели путем покупки или обмена приобретали сплошные участки земли. Огороженная земля изымалась из принудительного севооборота и общинного пользования, открывая владельцу или арендатору возможность хозяйствовать по своему усмотрению. Как правило, к огораживанию прибегали богатые свободные крестьяне (*йомены*), а также нетитулованные феодалы средней руки (*джентри*). Незамкнутость английского рыцарства обеспечивала постоянное пополнение джентри за счет разбогатевших крестьян и горожан. В отличие от титулованной аристократии, консервативной по своему менталитету, не заботящейся о повышении доходности своих поместий, джентри, как правило, были тесно связаны с рынком и занимались предпринимательской деятельностью.

Развитие городов в XIV—XV вв. В середине XIV в. в Англии насчитывалось около 400 городов, большинство из которых были весьма невелики (до 1 тыс. человек). В результате «черной смерти» городское население резко сократилось. Только нескольким крупнейшим городам (таким как Лондон, Йорк, Бристоль, Ковентри) удалось довольно быстро восстановить и даже увеличить число жителей главным образом за счет растущей миграции из сельских областей. В конце XIV в. население Лондона достигло 50 тыс. человек, Йорка и Бристоля — 15—20 тыс.

Уже в раннее Средневековье высокого уровня в английских городах достигли сукноделие, обработка металла и камня, дерева, кожи и меха. Эти отрасли продолжали развиваться и в XIV—XV вв. Ювелирное дело процветало во всех больших городах, особенно в Лондоне (в 1403 г. цех ювелиров насчитывал 186 членов). В XIV в. рост и углубление специализации городских ремесленников спо-

собствовали возникновению и распространению новых ремесленных гильдий. Перчаточники, сумочники, кошелечники, булавочники, лучники и другие мастеровые выделялись в отдельные цехи. В 1328 г. в Лондоне было 25 гильдий, а к 1422 г. — уже 111. Вместе с тем развитие такой важнейшей отрасли английской экономики, как сукноделие, приводит к его перемещению из городов в сельскую округу. Это было связано с освоением новой техники обработки шерстяных тканей (на сукновальных мельницах при помощи силы воды), близостью к источникам сырья, а главное — усилением цеховой монополии в городах.

В середине XIV в. на смену ярмаркам, игравшим в предыдущий период важную роль во внутренней и внешней торговле, приходят постоянно функционирующие рынки. Система дорог связывала отдаленные города, порты и внутренние рынки Англии, обеспечивая регулярное сообщение между ними. Существенную роль в торговле играло речное и морское судоходство. Городские рынки становятся центрами не только мелкой розничной, но и широкой оптовой внутренней и внешней торговли. В XIV—XV вв. главным предметом экспорта по-прежнему оставалась шерсть, но постепенно намечается тенденция к росту вывоза уже готовой продукции — сукна. В этот период значительно возрастает доля английских купцов в экспортной торговле, которая раньше была сосредоточена в руках иностранцев.

В XIV в. большинство английских городов уже обеспечило себе довольно широкие экономические, юридические и административные свободы, регулярно получая и подтверждая у короны соответствующие привилегии и хартии. Однако города продолжали выполнять в рамках королевства различные фискальные, военные и прочие повинности; кроме того, король мог влиять на внутренние дела городов, пользуясь своим правом выступать арбитром в конфликтах, смещать с должностей неугодных ему лиц и требовать избрания новых.

Рост политической активности городского сословия приводит к его включению в систему государственного управления через участие выборных представителей от городов в заседаниях парламента. В середине XIV в. в Англии насчитывалось примерно 200 «парламентских» городов, т.е. городов, которые когда-либо были представлены в парламенте. Как правило, короли высылали на каждую сессию парламента приглашение 70—80 городам. Регулярность приглашения зависела прежде всего от экономического и административного значения города. Мелкие города нередко сами игнорировали королевские приглашения и не высылали своих представителей. На протяжении XIV—XV вв. количество таких

отказов неизменно уменьшалось. С одной стороны, это свидетельствовало о росте политической значимости городского сословия; с другой — означало, что жители городов стали доверять парламенту как институту, способному представлять интересы разбирателей и общества в целом.

Движение за реформу церкви. Во второй половине XIV в. в Англии разворачивается широкое движение за реформу церкви. По разным причинам его поддерживали самые различные силы и группы английского населения. Прежде всего в ослаблении политического влияния церкви, и в особенности папства, были заинтересованы английские короли, которые уже с конца XIII в. тяготились признанной Иоанном Безземельным вассальной зависимостью от Святого Престола. Недовольство двора постоянным вмешательством пап во внутреннюю и внешнюю политику Англии усилилось в период Авиньонского пленения, во время которого папы активно поддерживали французских королей. Антипапские настроения в английском обществе подпитывались многочисленными налогами и отчислениями в папскую курию, а также тем, что папским ставленникам и их приверженцам предоставлялись лучшие кафедры и приходы. Король, двор и парламент были единомышленны в своем стремлении освободить английскую церковь из-под влияния пап. Уже на первом этапе Столетней войны на фоне растущего национального самосознания английские теологи и правоведы начинают обсуждать идею суверенной, единоличной власти английского короля, над которым нет иного господина, кроме Бога. В широких слоях общества циркулировали слухи о шпионаже папских сборщиков налогов в пользу французов, а также о том, что полученные из Англии деньги папы передают королям Франции. В 1353 г. Эдуард III издал закон о запрете переносить судебные разбирательства в папскую курию, а в 1366 г. с согласия парламента отказался выплачивать папе ренту, объявив Англию суверенным королевством. Начавшаяся в 1378 г. Великая Схизма еще больше подорвала авторитет папства.

К антипапским настроениям примешивались общее недовольство народа обмирщением духовенства, роскошью церкви, расцветом симонии, продажей индульгенций и другими свидетельствами отхода от апостольских идеалов.

В середине 70-х годов XIV в. выразителем общего настроения стал профессор Оксфордского университета, теолог и философ Джон Уиклиф (1320—1384). Свои выступления Уиклиф начал с протеста против папских притязаний на английские бенефиции и поборы с Англии. Его высказывания о том, что папы не только не имеют права вмешиваться в дела светской власти, но и, напро-

тив, сами во всех гражданских делах должны подчиняться светским государям, вызывали симпатии при дворе. Главными защитниками Уиклифа стали дядя малолетнего Ричарда II (1377—1399) фактический правитель Англии Джон Гонт и мать короля Джоанна. На стороне Уиклифа также были магистры и студенты Оксфорда, парламент и горожане Лондона. Уиклиф стал одним из самых популярных людей в Англии.

Осознавая силу своего влияния, Уиклиф обратился к более серьезным вопросам, затрагивающим основные догматы католицизма. Он усомнился в фундаменте, который обеспечивал привилегированное положение клира по отношению к мирянам: доктрине о пресуществлении Святых Даров и учении о благодати, которая наделяет священников исключительным правом отпускать грехи и спасать души верующих. Развивая эту мысль, Уиклиф пришел к выводу о том, что все миряне сами могут, и даже должны, толковать Библию — главное средство спасения души. Для того чтобы Священное Писание стало доступным мирянам, Уиклиф с группой своих оксфордских учеников перевел его на английский язык.

Другой важнейшей составляющей учения Уиклифа стало развитие августинской концепции об абсолютном Божественном Предопределении. Согласно этой доктрине, Богу заранее известны помыслы и поступки всех людей, поэтому он предопределяет предназначенных к спасению людей быть благочестивыми и совершать добрые дела. Обреченные на гибель изначально оставлены без Божьей поддержки. Постичь Божественную волю не дано никому, в том числе и папе. От предопределения зависят тяжесть совершаемых людьми грехов и величина добродетелей: грехи осужденных на гибель людей тяжелее аналогичных грехов, совершаемых достойными спасения.

Много внимания Уиклиф уделял критике пороков священников, осуждая их жадность власти и богатства; он также отрицал торговлю индульгенциями и использование отлучения и интердикта по политическим и финансовым мотивам. Порицая богатство церкви, Уиклиф ставил под сомнение традицию поклонения мощам и изображениям святых.

В 1377 г. папа Григорий XI осудил учение Уиклифа как еретическое. Собор английских епископов вынес аналогичный приговор только в 1382 г. после продолжительных диспутов и ученых дискуссий. Заступничество двора не позволило епископам привлечь Уиклифа к церковному суду. Отстраненный от преподавания, он провел остаток жизни в своем приходе, занимаясь переводом Евангелия.

Учение Уиклифа нашло широкий отклик в разных общественных кругах. Среди наиболее ревностных его сторонников были приверженцы секты лоллардов. В начале XIV в. прозвище лолларды (в нижненемецком *Lullen, lollen* — петь, напевать) получили члены благотворительного общества св. Алексея в Антверпене, которые ухаживали за больными и погребали умерших от чумы. В Англии в секту входили рыцари, горожане, купцы и даже представители низшего духовенства. В трудах лоллардов все основные положения учения Уиклифа получили дальнейшее развитие. В своих проповедях и трактатах лолларды активно обличали пороки духовенства, обрядовую сторону культа и иконопочитание, оспаривали необходимость церковной иерархии, право священников исповедывать и отпускать грехи. Центральное место среди конкретных предложений по преобразованию церкви занимало требование лишить клир богатств: по их мнению, пополнив королевскую казну, секуляризированное имущество церкви избавит короля от необходимости собирать налоги с подданных. В начале XV в. лолларды все чаще стали критиковать институт монашества и celibat. Предвосхищая протестантские учения, лолларды осуждали паразитизм нищих (в том числе и нищенствующих монахов) и провозглашали обязанность каждого человека обеспечивать себя собственным трудом.

До начала XV в. лолларды стремились достичь своих целей исключительно мирным путем, главным образом через петиции. Со вступлением на престол Генриха IV (1399—1413) начались гонения на еретиков, к числу которых причисляли и лоллардов. В 1401 г. был издан статут о возможности сожжения еретиков. Часть трудов Уиклифа была подвергнута торжественному сожжению. В 1414 г. осужденный как еретик Джон Олдкасл, могущественный лорд Кобхем, бежал из заключения и поднял вооруженное восстание. Для проведения церковной реформы Олдкасл и его сторонники планировали захватить власть и расправиться с королем и его братьями. Только в 1417 г. Генриху V (1413—1422) удалось разбить восставших и казнить Олдкасла. После этого движение ушло в подполье. В начале XVI в. движение лоллардов возродилось, некоторые из них со временем примкнули к протестантам.

Восстание крестьян под руководством Уота Тайлера. В 1377 г. закончилось пятидесятилетнее правление Эдуарда III, инициатора Столетней войны, при котором англичане одержали множество славных побед на континенте и в Шотландии. Уже при жизни подданные сравнивали Эдуарда с его легендарным предком — королем Артуром, покорившим, согласно преданиям, многие соседние народы. Желая максимально усилить лестное сходство, Эдуард III

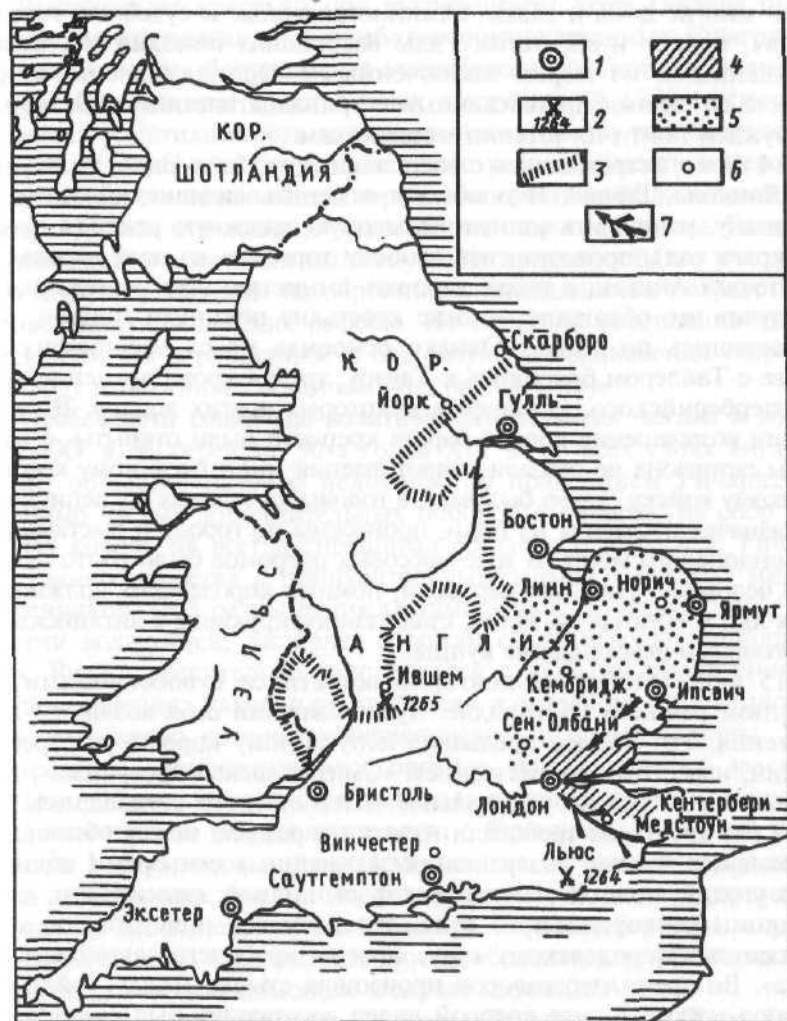
даже основал Орден Подвязки (один из старейших светских рыцарских орденов), в который входили 26 лучших христианских рыцарей, а также братство рыцарей Круглого Стола, объединившее 300 воинов. Помимо почета и славы война во Франции сулила англичанам немалые материальные выгоды (выкуп пленных, трофеи, награды, мародерство и т.д.), что поддерживало заинтересованность всех слоев населения в продолжение военных действий. Внешнеполитические успехи Эдуарда III и страх перед возможным нападением иноземцев оправдывали частые экстраординарные налоги и поборы, снимая накал общественного недовольства.

Правление Ричарда II явилось для современников печальным контрастом с эпохой его прославленного деда. Малолетний король неоднократно давал свое согласие на сбор экстраординарных налогов: например, единовременный поголовный налог был взыскан в 1377 г., 1379 г. и, в утроенном размере, — в 1380 г. Но неудачи в войне не оправдывали затрат. Налоги и злоупотребления сборщиков, судей и других королевских чиновников послужили поводом к массовому вооруженному восстанию.

Весной 1381 г. на юго-востоке Англии, в Эссексе и Кенте, вспыхнуло восстание, которое вскоре перекинулось на соседние области, охватив в конце концов 25 из 40 графств. Крестьяне отказывались платить налоги, жестоко расправлялись с судьями, присяжными и сборщиками налогов, жгли документы, фиксирующие повинности. Постепенно к крестьянам примкнули и городские низы: в Колчестере и других городах были разграблены дома должностных лиц и просто богатых горожан, разорены и избиты иностранные купцы.

Вождями восстания были деревенский кровельщик Уот Тайлер, имевший богатый военный опыт, полученный им во время войн во Франции, и бедный священник, популярный народный проповедник Джон Болл, приверженец ереси лоллардов. Болл проповедовал идею ликвидации сословного и имущественного неравенства, несправедливого и противоречащего христианской доктрине. По мнению Болла и других лидеров восстания, крестьянам следует пожаловаться на свои бедствия молодому королю и только в случае отказа Ричарда II исправить тяжелое положение его подданных действовать самостоятельно. Вера в «доброго короля», от имени которого плохие советники издают «дурные» указы, была чрезвычайно сильна в народных массах.

Подойдя к Лондону, крестьяне без особого труда вошли в столицу, поскольку многие горожане (в том числе члены городского совета) симпатизировали восставшим. В Лондоне начались грабежи и погромы: помимо дворцов членов королевского совета постра-

Англия в XIII—XIV вв. Восстание Уота Тайлера:

1 — наиболее крупные центры вывоза шерсти и тканей в XIII—XIV вв.;
 2 — крупнейшие сражения периода баронской войны; 3 — северная граница восстания 1381 г.; 4 — район начала восстания; 5 — район наиболее активных действий восставших; 6 — города, принявшие участие в восстании; 7 — поход крестьян на Лондон

дали многие дома и лавки, административные и судебные учреждения, церкви и аббатства. Ряды восставших пополнились освобожденными из тюрем заключенными. Осажденный в Тауэре вместе со своими приближенными, тринадцатилетний король был вынужден пойти на уступки мятежникам.

14 июня, встретившись с восставшими в Майл-Энде, на окраине Лондона, Ричард II пообещал отменить вилланский статус и барщину, установить единую невысокую денежную ренту (4 пенса с акра в год), провозгласить свободу торговли во всех городах и местечках Англии, а также даровать амнистию всем мятежникам. Получив это обещание, многие крестьяне покинули Лондон, отправившись по домам. Однако основная масса восставших во главе с Тайлером бросились к Тауэру, требуя крови архиепископа Кентерберийского, казначея и некоторых других лордов. В ожидании возвращения короля ворота крепости были открыты, а солдаты гарнизона не оказали сопротивления многотысячному крестьянскому войску. Тауэр был взят, а головы казненных архиепископа и казначея насажены на пики, пронесены по городу и выставлены у Лондонского моста. В ходе массовых погромов было убито около 150 человек. Главными жертвами, помимо королевских должностных лиц и богатых магнатов, стали конкурирующие с английскими торговцами фламандские купцы.

15 июня Ричард II повторно встретился с восставшими на скотном рынке в Смитфилде. Чувствовавший себя хозяином положения, Уот Тайлер предъявил испуганному королю ряд требований, известных под названием «Смитфилдская программа», которые были гораздо радикальнее майл-эндского соглашения. На этот раз крестьяне требовали изъятия и раздела между общинами церковных земель, возвращения захваченных сеньорами общинных угодий, полной отмены всех форм личной зависимости, ликвидации сеньориального суда, утверждения подсудности всех подданных королевскому суду, отмены «рабочего законодательства». Во время переговоров произошла стычка между Тайлером и лорд-мэром, в ходе которой лидер восставших был смертельно ранен. Обращение короля к мятежникам с обещанием восстановить справедливость предотвратило дальнейшее кровопролитие. Вскоре на выручку к королю подоспели войска под предводительством прославившегося на войне во Франции Роберта Ноллиса.

Лишенные предводителя, крестьяне поверили королевским обещаниям и беспрепятственно покинули Лондон. К концу лета королевским войскам удалось покончить с волнениями в графствах юго-восточной и восточной Англии. Самыми серьезными были восстания в городах и селениях Норфолка. В декабре Ричард II провозгласил полную амнистию. Король также пошел на облегчение налогов и смягчение «рабочего законодательства».

Выступление крестьян под руководством Уота Тайлера было одним из крупнейших и наиболее организованных (благодаря военному опыту большинства участников) восстаний Средневековья. Подавлению крестьянских выступлений 1381 г. способствовала их стихийность и неподготовленность, разобщенность действий отдельных отрядов, а также разрозненность интересов участников: основные массы горожан и крестьян были готовы довольствоваться отдельными уступками со стороны короны. Главной особенностью восстания была глубокая преданность его участников королю и надежде на обретение справедливости посредством проведения королевских реформ. Не случайно восставшие пытались добиться справедливости под лозунгом повиновения «королю Ричарду и истинным общинам (т.е. парламенту)».

Особенности социально-политического развития Англии в конце XIV—XV в. К середине 90-х годов XIV в. во всех слоях английского общества назрело недовольство правлением Ричарда II. Помимо частых дополнительных поборов и налогов, на сбор которых король не всегда спрашивал согласие парламента, Ричард постоянно прибегал к принудительным займам у богатых мирян и клириков. Под разными предлогами король отменял городские хартии вольностей, заставляя горожан снова выкупать привилегии. Ричард решительно расправлялся с любыми проявлениями неповиновения, казня или отправляя в изгнание оппозиционеров, имущество которых конфисковалось в пользу короны. Как отмечали современники, «все богатые люди опасались за свою жизнь». Общее недовольство вызывала внешняя политика короля, направленная на установление мира с Францией. Ради этой цели Ричард II был готов пойти на множество уступок: отказаться от ряда завоеванных земель и титула французского короля, принести оммаж за континентальные владения. Угрожая баронам, король открыто заявлял о своей готовности обратиться к французскому королю за военной помощью в случае мятежа в Англии.

В 1399 г. умер дядя короля, герцог Ланкастерский Джон Гонт. Ричард объявил о конфискации наследства герцога у его сына Генриха Болингброка, который за год до этого был отправлен в изгнание за выступление против короля. В мае 1399 г., воспользовавшись отплытием Ричарда с армией в Ирландию для усмирения ее непокорных вождей, Генрих Болингброк вместе со своими сторонниками высадился в Англии. Здесь Генрих почти не встретил сопротивления: население королевства видело в нем освободителя от тирании Ричарда. В августе вернувшийся в Англию Ричард оказался в плену у двоюродного брата, после чего отказался от престола при условии сохранения себе жизни.

Низложение Ричарда II было проведено через парламент, признавший короля неспособным управлять государством. Ричард не был первым официально низложенным парламентом королем: в 1327 г. парламент осудил «дурное правление» Эдуарда II и вынудил короля отказаться от короны в пользу своего сына Эдуарда III. В 1399 г. парламент признал Генриха Ланкастера королем не только «по праву завоевания», но и для «реформирования королевства».

Особая роль парламента в событиях 1399 г. стала очередным этапом на пути укрепления английской конституционной монархии. Начиная с Великой Хартии 1215 г. в английском праве утверждается идея подчинения короля закону и право подданных осуществлять контроль над королевскими решениями. В конце XIII в. участие в парламенте выборных представителей от графств и городов осуществлялось под лозунгом «то, что касается всех, должно одобряться всеми». В XIV—XV вв. за парламентом окончательно закрепляются законодательные полномочия вплоть до права низложения неспособного к управлению государством или обвиненного в тирании короля. Укрепившийся в Англии институт политического представительства, позволяющий соучаствовать в управлении королевством сравнительно широким слоям населения, удачно сочетался со сложившимися в ней правовыми и судебными традициями (зафиксированным законодательством равенством всех свободных подданных английской короны и их правом на обращение в коронные суды). В середине XV в. канцлер Генриха VI юрист Джон Фортеस्कью написал ряд трактатов, в которых доказывал преимущество английских законов и государственного устройства перед всеми другими. Английские законы создаются и изменяются королем совместно с общинами и лордами, т.е. с согласия всего королевства. С точки зрения Фортеस्कью, в Англии королевская власть издревле носила не абсолютный, а смешанный характер благодаря идеальному сочетанию монархических и республиканских элементов. Окончательно идея ограниченной монархии будет сформулирована и получит широкое распространение в XVII в.

Окончание Столетней войны и восстание под руководством Джека Кэда. В 1422 г. во время очередной французской кампании скончался во цвете лет от дизентерии Генрих V (1413—1422). Как регента и наследника французской короны (по условиям договора в Труа 1420 г.), его сначала отпевали в аббатстве Сен-Дени, после чего тело было торжественно переправлено в Англию. Англичане искренне скорбели о смерти любимого короля, зарекомендовавшего себя не только великим воителем, но и справедливым государем и благочестивым христианином. Несколько месяцев спустя в том

же 1422 г. умер и Карл VI. Наследнику обоих королевств сыну Генриха V и Екатерины Валуа Генриху VI (1422—1464, 1470—1471) было меньше года. Разногласия между регентами и членами королевского совета способствовали отвоеванию французских земель войсками дофина Франции, будущего Карла VII, и его союзников. Совершеннолетие Генриха VI не улучшило ситуацию, поскольку молодой король оказался неспособным управлять государством из-за умственного расстройства. От имени короля правили его жена Маргарита Анжуйская и ее фаворит граф Саффолк. В 1450 г. английские войска под командованием герцога Сомерсета оставили Нормандию. Поражения во Франции тяжелейшим образом переживались всеми слоями английского общества, поскольку помимо территориальных потерь, неоправданных денежных дополнительных поборов была затронута и национальная гордость англичан.

В 1450 г. на юге Англии вспыхнуло восстание, центром которого снова стало графство Кент. Однако новое восстание носило скорее политический, нежели социально-экономический характер. Его участники боролись против злоупотреблений королевских чиновников, упадка правосудия, вмешательства магнатов в выборы рыцарей, представляющих графства в парламенте. Мятежники требовали наказать советников, виновных в поражении английских войск во Франции (в первую очередь Сомерсета и Саффолка, обвиненных в «продаже» Нормандии французам якобы с согласия королевы-француженки), настаивали на том, чтобы королевский совет возглавил находившийся в оппозиции к правительству королевы герцог Йоркский и т.д. Сторонники герцога сыграли самую активную роль в подготовке мятежа, разжигая недовольство масс налоговым бременем. Во главе движения встал опытный солдат, зажиточный фригольдер Джек Кэд, именовавший себя двоюродным братом герцога. Основную массу восставших составили крестьяне, к которым присоединились рыцари и горожане.

Поход двадцатитысячного войска Кэда на Лондон напоминал восстание 1381 г.: в столице вооруженные крестьяне учинили погромы и расправы над должностными лицами и богатыми горожанами. В результате многие горожане стали оказывать помощь гарнизону Тауэра. После поражения в Лондоне восставшие, надеясь на королевскую амнистию, разошлись. Кэд и другие вожди восстания были схвачены и казнены. В течение нескольких месяцев королевские войска покончили с продолжавшимися волнениями в Кенте и других графствах. Герцог Йоркский, демонстрируя свою верность престолу, председательствовал на процессе против мятежников.

Война Алой и Белой розы (1455—1485). Несмотря на демонстрацию лояльности короне, герцог Йоркский продолжал оставаться фигурой, опасной для дома Ланкастеров. Прадед Генриха VI Джон Гонт, герцог Ланкастерский, был лишь четвертым сыном Эдуарда III, в то время как предками Ричарда Йоркского были третий и пятый сыновья того же Эдуарда III (их потомки породнились в третьем поколении), что давало дому Йорков формальное старшинство над домом Ланкастеров. В 1455 г. противостояние двух партий при королевском дворе привело к вооруженному столкновению, положившему начало войне за корону. Этот конфликт вошел в историю под названием войны Алой и Белой розы, поскольку на гербе Ланкастеров была изображена алая роза, а на гербе Йорков — белая. На стороне обеих партий в войне участвовали значительные силы. Все английские магнаты при желании могли собрать большие отряды из своих приближенных — родственников, вассалов, наемников, носящих геральдические знаки своего сеньора и покровителя («ливреи»). Династический конфликт, вылившийся в гражданскую войну, нередко использовался феодалами в качестве способа решить свои частные распри.

Одержав первую крупную победу над королевским войском в битве при Сент-Олбансе (1455), во время которой Генрих VI был взят в плен, герцог Йорк добился своего назначения протектором королевства. Через год королева смогла настоять на отстранении герцога от двора. В ответ тот заявил о своих правах на английскую корону, основанных на формальном старшинстве дома Йорков над домом Ланкастеров. В июле 1460 г. при Нортгемтоне Генрих VI потерпел очередное поражение и снова стал пленником Йорка. Парламент признал герцога регентом королевства и наследником престола (в обход принца Эдуарда, сына Генриха VI). В декабре 1460 г. войска королевы Маргариты, не признавшей условия соглашения и решение парламента, одержали победу при Уэкфилде. Сам герцог пал в сражении, его отрубленная голова в бумажной короне была выставлена над воротами города Йорка. Силы йоркистов возглавил старший сын Йорка Эдуард. После ряда кровопролитных сражений, в которых погибли многие представители английской знати, йоркисты одержали решительную победу в битве при Таутоне (1461). Генрих VI и его жена бежали в Шотландию, а Эдуард Йорк провел через парламент решение о признании его законным королем Англии.

Осенью 1470 г. против Эдуарда IV (1461—1470, 1471—1483) возник заговор: брат короля герцог Кларенс и могущественный магнат граф Уорик перешли на сторону Ланкастеров. В свое время граф Уорик, получивший от современников прозвище «Делатель

королей», способствовал коронации Эдуарда IV. Заговорщики извлекли из Тауэра и восстановили на английском троне Генриха VI. Собрав на континенте большое войско, Эдуард Йорк в апреле 1471 г. возобновил борьбу за корону. В нескольких кровопролитных сражениях ланкастерцы были разгромлены. В числе погибших были граф Уорик и единственный сын Генриха VI Эдуард. Низложенный во второй раз Генрих VI был тайно убит в Тауэре.

В правление Эдуарда IV королевский совет почти полностью узурпировал полномочия обеих палат парламента. Столетняя война способствовала дальнейшей централизации Англии, превращению ее в государство с унифицированной системой управления и судопроизводства, а также отлаженной машиной исполнительной власти. Необходимость обеспечивать функционирование этой власти и содержать боееспособную армию закрепила за короной право сравнительно самостоятельно распоряжаться доходами и перераспределять налоги. Эдуард IV старался не зависеть от парламента в первую очередь в финансовых вопросах. При нем широкое распространение получила практика взимания произвольных налогов в форме «беневоленций» (подати, взимавшейся с населения под видом добровольного приношения) и принудительных займов. Король также заставил парламента предоставить ему пожизненное право сбора таможенных пошлин. Другим солидным источником королевских доходов была конфискация имущества обвиненных в государственной измене. Не прибегая к созыву парламента для вотиования новых налогов, Эдуард лишал сословия права участия в законодательстве и управлении государством. Вместе с этим Эдуард IV проводил политику поощрения английской торговли и промышленности. Запрет на ввоз иностранной шерсти стимулировал развитие английского сукноделия. Король также предпринимал меры для ограничения посреднической торговли ганзейских и венецианских купцов.

Вскоре после смерти в 1483 г. Эдуарда IV в Тауэре были убиты или умерли естественной смертью двое сыновей короля. На английский престол под именем Ричарда III (1483—1485) взошел младший брат Эдуарда IV. Вплоть до XIX в. историки и писатели изображали Ричарда III жестоким и коварным горбуном, готовым ради власти пойти на любое злодеяние. Ричарда обвиняли в смерти племянников, брата Кларенса, собственной жены и некоторых других родственников. Созданию «черной легенды» о Ричарде в немалой степени способствовали историки и драматурги конца XV—XVI вв. (Р. Холиншед, Т. Мор, У. Шекспир). Против него объединились уцелевшие сторонники дома Ланкастеров и даже часть недовольных йоркистских баронов. Они подняли восстание и выдвинули нового претендента на престол — Генриха

Тюдора, представителя младшей ветви уничтоженной династии Ланкастеров. В 1485 г. в битве при Босворте Ричард III потерпел поражение и был убит. Это сражение положило конец войне Алой и Белой розы.

Взошедший на английский трон под именем Генриха VII, основатель новой королевской династии Тюдоров (1485—1603) женился на дочери Эдуарда IV, примирив таким образом враждующие кланы. Политика Генриха VII была направлена на укрепление королевской власти, создавая предпосылки для оформления абсолютистской монархии. Успешному проведению этой политики способствовало несколько обстоятельств: гибель в ходе войны Алой и Белой розы значительной части феодальной аристократии; рост социального влияния нового дворянства и зарождение буржуазии, заинтересованной в усилении королевской власти, а также наметившееся в правление королей из династии Йорков ослабление роли парламента.

Предпосылки складывания английской нации. В конце XIII—XV вв. процесс складывания единой английской нации получает заметное ускорение. На протяжении нескольких веков страна находится в состоянии постоянной мобилизации. Продолжительные войны, главным образом во Франции и в Шотландии, способствовали дальнейшей централизации управления и экономики, в частности складыванию единого внутреннего рынка. Столетняя война и другие внешние конфликты также ускорили процесс формирования английского национального самосознания. Гордость за победы своих соотечественников, страх перед нашествием врагов, раздражение по поводу поражений или попыток заключить мир, воспринимавшихся как национальная измена, — все это способствовало единению подданных английской короны. Английская политическая и культурная элита в этот период подчеркнуто дистанцировалась от своих французских корней и родственников. Одним из следствий этого процесса стало вытеснение французского и латинского языков национальным английским. С 1362 г. на нем ведутся прения в парламенте и официальные судебные разбирательства. Уиклиф переводит на английский язык Библию. Многие поэты (Уильям Ленгленд, Лоренс Майнот, Джон Гауэр, Джефффри Чосер) и хронисты создают свои произведения на этом языке. В начале XV в. английский язык становится основным даже для высшей аристократии. Поражение в Столетней войне также способствовало дальнейшей консолидации народа и государства, его замыканию в пределах острова.

Глава 12

Германия в XI—XV вв.

§ 1. Германия в XI—XIII вв.

Императоры и церковная реформа. Назревание кризиса. Со смертью бездетного Генриха II (1024) прекратилась Саксонская династия. Германская знать избрала королем Конрада II из древнего франконского рода, членов которого позднейшие авторы называли Салиями. Германская корона принадлежала государям Франконской (иначе Салической) династии вплоть до 1125 г.

В годы правления одного из них — Генриха III (1039—1056) раннесредневековая германская империя достигла своей вершины. Система имперской церкви действовала безотказно, и император твердой рукой правил своей державой. Генрих III, как и его предшественники, считал себя наместником Христа на земле и полагал, что помазание на царство дает государю, помимо прочего, благодать священства. *Rex et sacerdos* (король и священнослужитель) — формула, отражавшая представление о двояком — светском и религиозном — характере власти императора. Генрих III всячески поддерживал стремление к обновлению церкви, резко усилившееся в Западной Европе в X—XI вв. Хотя в германском монашестве и зародились движения, напоминавшие клунийское (см. гл. 20), главным инициатором церковной реформы в Германии была императорская власть, видевшая в церкви свою важнейшую опору и потому заинтересованная в ее всемерном укреплении.

Генрих III в 1046 г. самовластно низложил трех соперничавших между собой пап — ставленников разных групп итальянской знати — и поставил нового папу, немца по происхождению. Папы родом из Германии, прямо назначавшиеся императором, правили в Риме с 1046 по 1057 г. и сделали очень много для обновления церкви. Никто тогда не предполагал, что усилившаяся в результате реформ римская церковь вскоре выйдет из подчинения императорам.

Причины глубокого кризиса императорской власти, приближение которого стало чувствоваться уже в последние годы правления

Генриха III, состояли, однако, не столько в росте самостоятельности римской церкви, сколько в социальных сдвигах в самой Германии. Процесс феодализации, который ранее привел к распаду западной части каролингской империи, теперь стал делать быстрые успехи в Германии. Место немногочисленной племенной верхушки, с которой приходилось иметь дело Оттонам, заняла новая — феодальная — знать. Она состояла из значительно большего числа влиятельных семейств, уже сумевших собрать и прочно закрепить за собой крупные комплексы владений, как родовых, так и полученных за службу. Именно позиция новой знати стала постепенно в весьма большой степени определять успехи и неудачи германских государей.

Кризис начался в правление Генриха IV (1056—1106). Уже в малолетство этого государя разные группировки германской знати вели между собой ожесточенную борьбу. Но настоящие испытания для императорской власти наступили несколько позже — во время Саксонского восстания и в особенности так называемой борьбы за инвеституру.

Жители Саксонии давно уже были недовольны переходом королевской короны к династии из другого герцогства. Когда же Генрих IV начал решительно укреплять свои позиции и имущественные права в Саксонии, создавая подобие королевского домена на подступах к богатым серебром горам Гарца, саксы ответили восстанием (1073). В начавшемся мятеже приняли участие все слои саксонского общества; восставших тайно или явно поддерживали недовольные королем князья и в других германских землях. Генрих IV едва спасся и вскоре вынужден был согласиться на требования повстанцев. Однако осквернение мятежными крестьянами захоронений ближайших родственников государя резко изменило настроение в стране. Германские князья пришли на помощь Генриху IV, королю удалось договориться с некоторыми из знатных повстанцев, и в 1075 г. саксонское войско было разбито, причем крестьянское ополчение уничтожено полностью.

«Борьба за инвеституру». Саксонское восстание было прологом к гражданской войне, охватившей всю Германию. Причиной ее стала, как говорили современники, «борьба за инвеституру».

В древнегерманском обществе переход недвижимости от одного владельца к другому закреплялся символической передачей какого-либо предмета, например стебля травы. К X—XI вв. из этого обычая развился новый — публичное вручение одним лицом другому, стоящему ниже его по иерархии, определенных символических предметов. Это действие означало передачу части властных полномочий, а также связанных с ними земель, доходов,

прав; оно получило название *инвеституры*. Светского князя германский государь *инвестировал* обычно знаменем, церковного — кольцом и посохом. Каждый новый епископ сначала должен был получить эти предметы из рук короля или его представителя, затем они освящались и вручались ему вторично — уже в ходе церковного обряда посвящения.

В XI — начале XII в. разгорелся острейший конфликт между императорами и папами, формально — по вопросу об инвеституре епископов. Папы, вдохновлявшиеся идеями церковной реформы и стремившиеся освободить церковь от влияния светских властей, стали усматривать в королевской инвеституре недопустимый акт симонии: избрание духовных лиц — внутреннее дело церкви, вмешиваться в которое не имеет права ни одно светское лицо, в том числе и сам император. Однако императоры не собирались, естественно, отказываться ни от давнего обычая, позволявшего им свободно распоряжаться церковными должностями, ни от своего понимания императорского сана (*«rex et sacerdos»*).

На последней стадии «спора об инвеституре» правоведы императора особо остро ставили вопрос о владениях, пожалованных церкви светскими властями. Если папа, ссылаясь на Новый Завет, отстаивает независимость церкви от императорской власти, то пусть он вернет церковь к бедности апостольских времен, возвратив светским властям все имущество, подаренное ими церкви. Если же он желает сохранить эти владения, то пусть несет за них соответствующие обязательства перед империей.

Сущность «спора из-за инвеституры» состояла, разумеется, не в ритуальных формальностях, а в том, под чьим контролем должна находиться церковная организация — главная опора власти в империи, являвшейся крупнейшим политическим образованием Западной Европы (оно включало германские земли, Бургундское королевство и значительную часть Италии). В самом общем плане «спор за инвеституру» решал вопрос о том, кому быть во главе христианского мира — императорам или папам.

Отношения между Генрихом и избранным в 1073 г. папой Григорием VII (см. о нем гл. 20) были вначале вполне мирными. Еще в 1074 г. Григорий VII, предвосхищая идею Крестового похода, предполагал отправиться во главе христианского войска в Святую Землю, оставив Генриха IV управлять вместо себя церковью. Но когда Генрих осенью 1075 г. своей волей поставил трех итальянских епископов, папа в категорических выражениях потребовал от короля отменить эти назначения и впредь оказывать должное послушание преемнику апостола Петра.

В ответ по приказу Генриха IV большинство немецких епископов отказали в повиновении папе. Король потребовал от «Гильдебранда, более не папы, но лжемонаха», чтобы он немедленно освободил Римскую кафедру. Тогда Григорий VII прибег к неслыханному дотоле средству: он публично отлучил Генриха IV от церкви, объявил его низложенным и освободил всех подданных короля от клятвы верности (1076).

Впечатление, произведенное этим решительным шагом Григория VII, было исключительным. От императора отвернулось большинство князей, германские епископы один за другим стали слать папе покаянные письма. Все враги Генриха в самой Германии увидели в папском отлучении удобную возможность для возобновления борьбы; князья договорились не признавать его королем, если он пробудет под папским отлучением более года. Именно это решение вынудило Генриха IV в январе 1077 г. спешно отправиться вымаливать прощение у папы в Каноссе (см. гл. 13).

Примирение сторон было, однако, лишь кратковременным. Смуты и внутренние войны почти непрерывно сотрясали германские земли, не прекратившись даже после свержения Генриха IV с престола его сыном — Генрихом V (1106—1125). Генрих V собирался мириться с папами, но логика политической борьбы заставила и его продолжить старый конфликт. Борьба императоров с папами шла с переменным успехом в зависимости от того, на чью сторону в тот или иной момент склонялись германские светские и духовные князья. Генрих IV сумел занять Рим и получить из рук поставленного им «антипапы» императорскую корону (1084), Генрих V однажды даже захватил римского папу в плен, но добиться победы над римской церковью не удалось ни тому, ни другому. Всех поставленных целей не смогла достичь и римская церковь.

«Борьба за инвеституру» весьма способствовала развитию политико-правовой мысли в Западной Европе. Появилось немало трактатов, в которых сторонники пап и императоров подробно обосновывали свои позиции и старались опровергнуть аргументы противников. В ходе страстных споров, которые велись тогда не только в ученой среде, порой рождались суждения и идеи, далеко отходившие от принятых ранее норм.

Вормсский конкордат и итоги кризиса. Многолетний конфликт истощил обе стороны и привел их в конце концов к заключению в 1122 г. в Вормсе конкордата (т.е. соглашения). Генрих V торжественно отказывался от инвестирования епископов посохом и кольцом и обязывался признавать выборы епископов, осуществленные по каноническим правилам. Папа соглашался с тем,

что избрание епископа должно проводиться в присутствии короля (или его представителя). Если из-за несогласий в соборном капитуле избранными будут считать себя сразу двое, за государем остается право поддержать сторону, которую он считает правой. Канонично избранный епископ мог немедленно занять свой пост. Однако чтобы вступить во владение имуществом церкви (без которого власть епископа оставалась бы призрачной), ему все-таки необходимо было пройти обряд инвеституры и получить от императора жезл. (В отличие от посоха и кольца, жезл был предметом «нейтральным», не относившимся к обязательным атрибутам епископского сана). Очень важным было то, что в Германии инвеститура жезлом могла проводиться *перед* церковным посвящением епископа, тогда как в других областях империи — Бургундии и Италии — лишь спустя полгода *после* него.

Вормсский конкордат наносил существенный удар по системе «имперской церкви». Из нее (а значит, и из сферы власти императора) по сути дела изымались Италия и Бургундия. Инвеститура скипетром в этих краях становилась формальностью, и у императора не оставалось средств для прямого влияния на посвящение епископов. В Германии, напротив, такое влияние сохранялось. В результате Вормсского конкордата в Германии укрепились позиции не столько папы, сколько германских князей — ведь именно из членов княжеских родов и состояли по большей части церковные капитулы, которые должны были «свободно избирать» новых епископов. Соответственно, реальное выполнение конкордата в Германии зависело от состояния отношений между государем и князьями в каждой конкретной исторической ситуации. «Сильным» императорам и много лет спустя после Вормсского конкордата удавалось распоряжаться епископскими кафедрами по собственной воле.

В итоге кризиса империи конца XI — начала XII в. окончательно изменилась сущность связей между императором и германской знатью. Они в полной мере приобрели характер вассально-ленных отношений, что, естественно, означало снижение возможностей центральной власти. Ослабление связей между императором и германской церковью привело к тому, что монархи все больше искали себе опору среди министериалов. Такая ориентация станет характерной чертой политики государей Салической династии и сменившей ее династии Штауфенов.

Империя при Штауфенах. С трудом оправившись от кризиса времен «борьбы за инвеституру» и приспособившись к новым условиям, средневековая империя вновь переживает подъем в годы правления государей из династии Штауфенов (Гогенштауфенов)

Священная Римская империя в XII—XIII вв.:

1 — граница Священной Римской империи; 2 — светские владения князей церкви; 3 — владения Венеции; 4 — поход Фридриха I Барбароссы (1158) и разгром Милана; 5 — поход Фридриха I Барбароссы и битва при Леньяно; 6 — города, вошедшие в состав Ломбардской лиги

(1138—1254). Некогда не слишком значительный швабский род оказал решительную поддержку Генриху IV в самые трудные для него годы. За свою верность государю Штауфены получили титул герцогов Швабии и породнились с королевской семьей. То и другое позволило им быстро сконцентрировать в своих руках обширные владения в Швабии и прилегающих землях, а затем и выдвинуть претензии на корону. Главным соперником Штауфенов в Германии на протяжении десятилетий был богатый и влиятельный род Вельфов, связанный родственными узами с английскими королями из дома Плантагенетов. Самый могущественный из Вельфов — Генрих Лев (1142—1195) правил одновременно в двух крупнейших германских герцогствах — Баварии и Саксонии. Штауфены и Вельфы то враждовали друг с другом, то шли на взаимные уступки, заключали брачные союзы и политические соглашения. Именно в результате одного из компромиссов с Вельфами Штауфены смогли получить королевскую корону.

Смуты времен «борьбы за инвеституру» привели, в частности, к укреплению права германской знати избирать себе королей. В результате наследственная монархия в средневековой Германии так и не сложилась. «Сильный» император мог заставить князей еще при его жизни избрать королем своего сына и наследника, но заменить сам принцип выборности правом наследования не удалось никому. Право князей избирать короля не позволяло сложиться ни прочному королевскому домену, ни другим институциональным основаниям королевской власти. В их отсутствие судьба династии и королевства сильно зависела от личности монарха, от продолжительности его правления и т.п. Королевская власть при Штауфенах, опиравшаяся прежде всего на имперских министерялов и на развившуюся к тому времени систему ленных связей, была относительно сильной. Немалые денежные средства, оказывавшиеся в их распоряжении, впервые позволили императорам набирать наемные войска. И все же германским государям приходилось все чаще покупать поддержку князей ценой тех или иных уступок.

Важную роль в истории XII — первой половины XIII в. сыграли три императора из рода Штауфенов: Фридрих I (1152—1190), его сын Генрих VI (1191—1197) и внук Фридрих II (1212—1250).

Характерной чертой политики всех Штауфенов было настойчивое стремление подчинить своей власти Италию. Если Оттоны (за исключением Оттона III) и Салии ограничивались отдельными экспедициями за Альпы, то Штауфены последовательно стремились превратить Италию в главную опору своей власти. При этом им, естественно, то и дело приходилось сталкиваться с папами, видевшими в Италии область исключительно собственного влия-

ния. Многолетняя борьба императоров с Римом поэтому представляла собой не столько соперничество двух универсалистских сил, претендовавших на лидерство во всем христианском мире, сколько столкновение конкретных политических интересов германских государей и пап.

Вторым после папы противником Штауфенов в Италии было возникшее в 1130 г. норманнское Сицилийское королевство (см. гл. 13). Со временем в Северной Италии выросла еще одна могущественная сила — городские коммуны. Большая часть их во главе с Миланом чаще противостояла императорам, меньшая, обычно возглавлявшаяся соперницей Милана Кремоной, была склонна в основном поддерживать их. У германских государей было немало постоянных или временных союзников в Италии, но императоры с трудом разбирались в сложных и быстро менявшихся хитросплетениях политической борьбы там, что не раз приводило их к серьезным поражениям.

Император Фридрих I, вошедший в историю с данным ему потомками итальянским прозвищем Барбаросса (т.е. Рыжебородый), в течение ряда лет старался создать в Северной Италии подобие собственного домена. Развитие процессов феодализации в Германии сделало насущной задачей для ее государей формирование мощного комплекса собственных фамильных владений как основы власти в стране. Фридрих I пытался создать такой комплекс в самой богатой области империи. Юридическое обоснование его претензий разработали болонские юристы, опираясь на римское право. Представление о том, что средневековая империя является непосредственным продолжением империи Августа и Константина, весьма способствовало так называемой *рецепции* (т.е. восприятию) и широкому распространению в Западной Европе начиная с XII в. норм классического римского права.

Шесть раз отправлялся Фридрих I походом в Италию для осуществления своих политических планов. Решающую роль в их судьбе сыграло сражение при Леньяно (1176), когда войско императора потерпело поражение от ополчения союза ломбардских городов, поддержанного папой. Одной из основных причин такого исхода битвы стал отказ Вельфа Генриха Льва прислать на помощь императору свои войска. После Леньяно Фридриху I пришлось идти на заключение мирных договоров с папой (1177) и Ломбардской лигой (1183). По этим соглашениям император вынужден был отказаться от ряда своих важнейших претензий в Северной Италии. Последствием поражения при Леньяно стали и имперские судебные процессы против Генриха Льва (1179—1180), после которых у Вельфа силой были отняты почти все его владения, а сам он изгнан в Англию.

Итальянская политика Фридриха I получила развитие при его сыне императоре Генрихе VI. По стечению обстоятельств он стал наследником Сицилийского королевства и сумел силой подтвердить свое право на южноитальянскую корону. Военный поход, который закончился пышной коронацией Генриха VI в Палермо (1194), стал возможен благодаря огромному выкупу, заплаченному англичанами Генриху за освобождение из неволи короля Ричарда I Львиное Сердце. Объединение под властью одного государя империи и Сицилийского королевства вызвало чрезвычайное беспокойство как в Риме, так и в Константинополе. Энергичный Генрих VI вынашивал планы подчинения Византии и освобождения Святой Земли, но прямо перед отправлением в Крестовый поход он неожиданно умер в цветущем возрасте.

Рано осиротевший сын Генриха VI Фридрих родился и вырос в Сицилийском королевстве под опекой папы Иннокентия III. Хотя объединение корон Сицилии и Германии было крайне невыгодно Риму, обстоятельства заставили Иннокентия III выдвинуть именно юного Сицилийского короля своим претендентом на германский трон. В 1212 г. Штауфен стал германским королем, а через восемь лет императором Фридрихом II. Несмотря на то что Фридрих II был ставленником римской церкви, именно при нем борьба между империей и папством достигла исключительного ожесточения. Решительно продолжая политику отца и деда в Северной и Средней Италии, Фридрих II мог опираться на большие ресурсы исключительно централизованного по меркам XIII в. Сицилийского королевства. Много лет находясь под церковным отлучением и даже объявленный папой низложенным, как когда-то Генрих IV, Фридрих II с переменным успехом вел войны за подчинение Италии. Неожиданная кончина (1250) застала его в тот момент, когда чаша весов, казалось, в очередной раз стала клониться в его сторону.

Правление Штауфенов пришлось на время расцвета крестового движения. Неудивительно, что на втором месте после итальянской политики для каждого из государей этой династии стояло дело освобождения Гроба Господня. Конрад III был одним из предводителей неудачного Второго крестового похода (1147—1149), Фридрих I Барбаросса умер на пути в Палестину, Генриху VI только смерть помешала отправиться в «паломничество», зато Фридрих II (пребывавший под отлучением) высадился с небольшим войском в Святой Земле (Шестой крестовый поход). Без единого сражения император договорился с египетским султаном о мирной передаче Иерусалима, Вифлеема и Назарета на несколько лет под власть христиан. Сам возложив на свою

голову корону в храме Гроба Господня, Фридрих II подтвердил принятый им уже ранее титул короля Иерусалимского.

«Освобождение» Иерусалима в 1229 г. тесно связано с представлениями Штауфенов, прежде всего Фридриха II, об особой роли империи и императора в судьбах человечества. Хотя германские государи всегда считали себя стоящими во главе христианского мира, из этого не делалось политических выводов о необходимости подчинить силой оружия всех христиан. Но то, что христианская «Римская империя», согласно общепринятому пониманию пророчества Даниила, является последней (четвертой) мировой державой, возлагало именно на императоров ответственность за состояние, в котором человечество встретит Страшный Суд. Империя для Штауфенов — не только политическое образование, но и метафизическое явление, она освящена Богом и имеет исключительное значение для исполнения Божественного промысла. Не случайно именно со времен Штауфенов обычным названием германской державы становится *Sacrum imperium*, или *Sacrum Romanum imperium* — Священная (точнее, Освященная) империя, или же Священная Римская империя. В духе эсхатологических ожиданий, столь характерных для XII—XIII вв., распространялось представление о Штауфенах как последней императорской династии перед вторым пришествием. Освобождение императором Иерусалима от власти неверных — важный пункт в пророчествах о конце света, так что именно во Фридрихе II нередко видели императора, завершающего мировую историю.

Сам Фридрих II чем дальше, тем больше подчеркивал мессианский характер своей власти, называя себя образом и наместником Всевышнего, повелителем мира и четырех элементов, одушевленным законом, новым Константином, основателем золотого века, всеобщего мира (*Friedrich* — «царство мира»), а после коронации в Иерусалиме еще и преемником царя Давида. Местечко, где родился император, сравнивалось с Вифлеемом, канцлер Фридриха — с апостолом Павлом. Во время торжественных процессий император раздавал народу благословения, словно он был священником или, скорее, мессией. На взгляд врагов, Фридрих II также предстал в эсхатологическом свете то как предтеча Антихриста или сам Антихрист, то в качестве апокалипсического Зверя.

Сам Фридрих, однако, был весьма далек от религиозного фанатизма. В беседе с людьми султана он позволял себе подсмеиваться над христианскими обрядами и с одобрением отзываться об исламских обычаях. Книга о соколиной охоте, написанная Фридрихом II, выдает в авторе человека весьма рационального склада мышления. Может быть, враги государя были не так уж

далеки от истины, когда утверждали, что он отзывался о Моисее, Иисусе и Мухаммаде как о трех величайших обманщиках в истории.

Эсхатологически окрашенный у современников образ Фридриха II породил легенду о том, что император не умер в 1250 г., а таинственно скрылся, чтобы появиться в конце времен, реформировать церковь и установить царство всеобщего мира. На протяжении всей второй половины XIII в. в Италии и Германии появлялись самозванцы, выдававшие себя за Фридриха II.

Политическое развитие во второй половине XIII в. В 1254 г. после ряда одержанных побед умирает последний король из дома Штауфенов — сын и преемник Фридриха II. С этого момента начинается почти тридцатилетнее «междущарствие», когда в Германии не было общепризнанного государя. Папам и их союзникам удалось со временем искоренить весь люто ненавидимый ими род «гонителей церкви» — Штауфенов. Последний законный отпрыск штауфенского рода — юный внук Фридриха II швабский герцог Конрадин — попытался в 1268 г. отвоевать Сицилийское королевство, но проиграл сражение, попал в плен и был обезглавлен победителями в Неаполе. Смутное время княжеских междоусобиц, в ходе которых были разграблены многие имперские владения в Германии, продолжалось до 1273 г., когда князья избрали на престол Рудольфа I (1273—1291) из скромного швабского рода графов Габсбургов.

«Междущарствием» в полной мере воспользовались германские князья, начавшие переходить к объединению комплексов своих владений в более или менее сплошные территории. От старых племенных герцогств к тому времени уже мало что осталось, вследствие как общего развития феодализации в Германии, так и сознательной политики императоров. Фридрих I Барбаросса, например, после победы над Генрихом Львом раздробил старое Саксонское герцогство на ряд самостоятельных княжеств. Он же отделил от Баварии возникшую еще в X в. Восточную марку, наделил ее значительными привилегиями и сделал ее герцогством Австрией. Швабское герцогство после утасания Штауфенов распалось на множество независимых владений. Зато новое Австрийское герцогство, отвоеванное королем Рудольфом I у сильнейшего имперского князя — короля Чешского, станет со временем ядром обширных земель габсбургского дома.

Приобретение Рудольфом I Австрии явилось важной вехой не только в истории Габсбургов, но и в эволюции королевской власти в Германии. После поражения Штауфенов и десятилетий междущарствия верховные права и прерогативы императоров были

ослаблены настолько, что каждому германскому государю приходилось править, рассчитывая прежде всего на ресурсы собственного фамильного княжества. Для государей из дома Габсбургов это была Австрия и присоединенные к ней со временем земли, для Виттельсбахов — Бавария, для Люксембургов — Чехия. Единого для всех династий королевского домена в Германии так и не образовалось.

Деревня и замок. Быстрый демографический подъем в XI в. вызвал аграрное перенаселение и, соответственно, нехватку обрабатываемых земель. Следствием этого стало резкое расширение внутренней колонизации. До начала XIV в. по всей Германии интенсивно расчищались леса, осушались заболоченные равнины. Расчистки всячески поощрялись сеньорами, и крестьяне, бравшиеся за освоение новых земель, пользовались немалыми льготами. Поэтому вновь основанным поселениям не свойственна социальная пестрота деревень предшествующего периода. Теперь все жители зависели от одного и того же сеньора и несли перед ним примерно одинаковые обязанности. Это способствовало объединению крестьян — не случайно именно в поселениях, возникших на расчистках, историк обнаруживает классические образцы общины-марки.

Положение крестьянства в XII—XIII вв. в целом существенно улучшается. Сокращается число лиц, находящихся в тяжелых формах зависимости, идет определенное усреднение статуса земледельца, в большинстве районов Германии заметно укрепление наследственных прав крестьян на их участки. Права жителей «старых» деревень постепенно начинают подтягиваться к правам колонистов, осваивавших новь. Во многих случаях деревня становится отдельным низшим судебным округом. Выход значительных групп крестьянства из личной зависимости давал им права на владение движимым имуществом, а это, в свою очередь, ускоряло процессы имущественной дифференциации в деревне. Сдвиги в деревне стимулировались и развитием городской жизни. Все эти обстоятельства вызвали, по всей видимости, значительный рост аграрного производства в XII—XIII вв.

Известно лишь одно крупное столкновение между крестьянами и господами в Германии в ту пору. На крайнем севере Германии свободные крестьяне «штединги» (потомки колонистов из Нидерландов), сохранившие весьма архаичные социальные отношения и, возможно, некоторые языческие традиции, вступили в борьбу с бременским архиепископом. В 1232—1233 гг. против обвиненных в ужасных ересьях штедингов пришлось даже объявлять крестовые походы. Крестоносцы терпели вначале поражения, и только в 1234 г. сопротивление крестьян было, наконец, сломлено.

На протяжении XI—XII вв. серьезные изменения происходят и в положении сеньоров. Вотчинное хозяйство теперь получило почти повсеместное распространение, но сам характер вотчины существенно изменился по сравнению с предыдущим периодом. Большинство рыхлых и разбросанных на огромных территориях вотчин каролингского типа не смогло пережить времена смут и гражданских войн. Нередко от такого старого вотчинного владения в итоге оставался лишь небольшой набор мало связанных между собой прав (чинши и др. сборы, баналитеты, пошлины и пр.). Чтобы, опираясь на такие владельческие права, постепенно собрать компактное поместье — «излюбленный» тип вотчины в этот период, — сеньорам нужно было приложить много усилий.

Больше всего возможности для приобретения со временем земель, зависимых людей и власти в определенной округе давали судебные права, или *бани* — полученное от императора право ловить преступников, судить их и наказывать осужденных. Использовать это право для создания крупного комплекса владений можно было потому, что оно распространялось, во-первых, на целый округ, чьи бы владения там ни лежали, а во-вторых, не только на зависимых людей, но и на свободных.

С XI в. замок (бург) становится типичным жилищем знати. Государи Франконской династии, как и Оттоны, продолжают строить королевские бургы. Однако теперь императоры уже не могут сохранить эту прерогативу только за собой. С конца X — начала XI в. крупные, а потом и мелкие сеньоры начинают возводить многочисленные сторожевые башни и бургы сначала в угрожаемых приграничных областях (на Нижнем Рейне и Маасе для защиты от норманнов, позже в Майсенской и Восточной марках), а затем по всей империи. Внутренние войны второй половины XI — начала XII в. создали условия для возникновения множества рыцарских замков. Замок — важное средство обеспечения господства над всей округой, а не только над отдельными группами зависимого населения, и не случайно с рубежа XI и XII вв. в знатных семействах укореняется обычай называть себя по родовым замкам.

С XI в. видна тенденция к быстрому социальному подъему министриалов. Они смогли сконцентрировать в своих руках значительные средства и начали претендовать на сословные привилегии знати. Примерно в XIII в. происходит слияние министриалов и рыцарства, что приводит к более четкому отграничению низших слоев знати от прочих групп свободного населения.

Город, торговля и промыслы в XI—XIII вв. Римские города существовали лишь на небольшой части будущей Германии —

в областях к западу от Рейна и к югу от Дуная. Вдоль этих пограничных рек протянулась цепь римских опорных пунктов и укрепленных городов, на месте которых впоследствии выросли Кёльн, Майнц, Вормс, Страсбург, Аугсбург, Вена и др. Многие римские муниципии сумели пережить эпоху Великого переселения народов, но потеряв значительную часть населения и претерпев радикальные перемены в топографии города и его функциях. Как и в других областях бывшей Западной Римской империи, остатки большинства сохранившихся городов со временем превратились в резиденции епископов (Трир, Кёльн, Вормс, Майнц и др.). В той части Германии, где римских поселений не было, говорить о городской жизни до XI—XII в., как правило, не приходится. Германские, скандинавские и славянские укрепления, торжища и культовые места могли временами собирать значительное число людей, но так и не приобрели черт постоянных городских поселений.

Быстрый рост населения Европы начиная с XI в. стал одной из важнейших предпосылок постепенного подъема городов. Не случайно наиболее урбанизированная область в Европе к северу от Альп стала с этого времени складываться по нижнему течению Рейна и Мааса — в «нижних землях», или Нидерландах (по большей части относившихся к Германской империи). Именно в этих краях заметен с X—XI вв. особенно сильный демографический подъем. Наряду с другими обстоятельствами (например, исключительно удачным географическим положением), высокая плотность населения способствовала превращению Нидерландов в один из самых развитых регионов Средневековой Европы. Отсюда на протяжении всего Средневековья исходили импульсы к экономическому и социальному развитию Вестфалии, областей по Рейну, Северной Германии, соседних французских земель. Богатство многочисленных нидерландских городов скапливалось благодаря не только успешной торговле, но и рано развившемуся высокоспециализированному сукноделию. Самым крупным и влиятельным городом в этом регионе стал Брюгге в западной Фландрии.

Население старых римских городов вдоль Рейна и Дуная к XI в. находилось в основном в личной зависимости от сеньора и было обязано ему отработками и податями, обычными для несвободных людей. Значительную группу жителей наряду с клириками, купцами и ремесленниками составляли министриалы епископа, также не обладавшие свободой. Правда, несколько привилегированной группой населения с самого начала были приезжие купцы — особые права их объединений впоследствии вошли составной частью в городские права.

По мере роста численности и влияния городского населения с XI в. начинает складываться городская община, все более отделяющая свои интересы от интересов сеньора. Однако примеров самостоятельной политической активности горожан в XI—XII вв. очень мало. В это время большинство городов еще жизненно заинтересовано в покровительстве сеньора, и только самые развитые и большие из них (Кёльн, Вормс, Майнц) уже предпринимают первые самостоятельные шаги в политике. Так, горожане Вормса, порой даже вопреки воле своего епископа, поддерживали Генриха IV в самые тяжкие для него времена. В 1074 г. в Кёльне вспыхнуло первое известное нам восстание против сеньора города — архиепископа, закончившееся, правда, неудачей. Жители Вормса в 1111 г. попытались захватить знаки власти тяжело заболевшего императора. Предполагая его скорую кончину, они, очевидно, всерьез готовились повлиять на выборы нового государя.

В развитом виде городская община в западных германских землях предстает только с середины XII в. Примерно на то же время приходится и становление цехов: в 1128 г. впервые упоминается один из них — вюрцбургских сапожников, а в XIII в. цехи становятся в городах Германии явлением повсеместным. Купеческие корпорации (*гильдии*) — старше: так, гильдия вормских торговцев рыбой получила свою привилегию уже в 1106/07 г. Наверняка были и более ранние гильдии, о которых не дошло прямых свидетельств.

На рубеже XII и XIII вв. во многих германских городах появляется городской совет, члены которого, вероятно по аналогии с городскими магистратами в Италии и Бургундии, стали называться консулами. Городские советы создавались с согласия сеньоров, чтобы освободить их от многих мелких забот по контролю за горожанами. Однако скоро совет становится выразителем интересов общины и уже с начала XIII в. возглавляет ее выступления против сеньора. На протяжении XII—XIII вв. в большинстве германских городов формируется городской патрициат из богатых купцов и министриалов, который и берет постепенно в свои руки власть.

К востоку от Рейна и северу от Дуная торгово-ремесленные поселения начинают складываться у стен королевских пфальцев (Гослар), монастырей (Кведлинбург), у рыночных мест (Нюрнберг), замков. К началу XII в. на территории Германии насчитывалось в общей сложности примерно полсотни городских поселений. Церковь и светская знать быстро осознали, что собственные города приносят большие выгоды, а потому с середины XII в. германские сеньоры повсеместно основывают новые города в своих

владениях. Таково происхождение, например, Любека, Мюнхена и Лейпцига. Чтобы привлечь людей, сеньоры с самого начала обещали «своим» горожанам много прав и привилегий, за которые в старых епископских городах приходилось бороться мучительно и долго. Прежде всего горожанам гарантировалась личная свобода. Даже пришлые зависимые люди могли избавиться в городе от власти своих сеньоров. Уже в императорской привилегии Бремену 1186 г. говорилось, что всякий проживший в нем «год и день» обретал свободу. Постепенно эта норма распространилась очень широко, и поздние юристы даже придумали правовую формулу: «Городской воздух делает свободным».

Основной торговый путь в Германии на протяжении всего средневековья вел от альпийских перевалов по Рейну в Нидерланды и Англию. По нему на север перевозились в первую очередь товары из Византии и Леванта, доставлявшиеся итальянскими купцами, а также вино. В южном направлении довольно рано стали транспортировать сукна из Фландрии. Лучше всего сумел воспользоваться преимуществами своего расположения на этом пути Кёльн, постепенно опередивший своего давнего конкурента — Майнц и со временем превратившийся в крупнейший город средневековой Германии. Кёльнцы уже в XII в. держали собственное подворье в Лондоне. На Северном и Балтийском морях преимущество в XII в. принадлежало купцам из вестфальских городов. Немецкие купцы сначала постоянно бывали в Висби на Готланде — главном центре балтийской торговли, а с конца XII в. начали оттеснять готландцев с их ведущих позиций. Не позднее 1192 г. появился немецкий двор в Новгороде. (В свою очередь и русские купцы, по крайней мере вплоть до первой трети XIII в., бывали в Любеке). На рубеже XII и XIII вв. немецкие купцы стали постоянными гостями и в устье Западной Двины, откуда при их активном участии началось завоевание земель ливов. Не последнюю роль в успехе немецких купцов сыграло широкое использование ими нового типа парусного корабля — когга, изобретенного во второй половине XII в. фризами. Когг превосходил все другие суда на Балтике и Северном море размерами, грузоподъемностью и маневренностью.

Купцы из разных северогерманских городов, часто связанные семейными узами и общностью происхождения, действовали совместно, когда затрагивались общие интересы. Свое объединение они называли Ганза (т.е. братство, гильдия). В XIII в. Ганза представляла собой союз купеческих фамилий, организационно весьма аморфный, но отчасти именно поэтому легко приспособившийся к весьма различным в разных зонах его влияния

условиям. Постепенно Ганза становилась главной силой на Балтике и в Северном море.

В южной Германии роль важнейшего торгового центра играл Регенсбург в Баварии. Именно туда поступала основная часть восточных товаров, поскольку везти их из Венеции удобнее всего было через перевал Бреннер в Тироле, а оттуда накатанная дорога вела в Баварию. По крайней мере с 1228 г. в Венеции было постоянное подворье немецких купцов, в основном регенсбургских. Помимо южного торгового пути, важную роль для Регенсбурга и всей Верхней Германии в X—XII вв. играл путь восточный — через Прагу, Краков и Галич в Киев. В Регенсбурге была отдельная гильдия купцов, торговавших с Русью; сохранились сведения о посещениях регенсбуржцами Киева и русскими купцами Баварии. Из Руси поступали меха, воск, рыба, в обратном направлении везли фландрские и кельнские сукна. Лишь нападения половцев и в особенности вторжение татаро-монголов прервали эту торговлю.

Немецкие города вырастали преимущественно на посреднической торговле, производстве товаров, которые пользовались бы спросом за пределами непосредственной округи, на первых порах было редкостью. Если во Фландрии уже в XI в. делались сукна, известные по всей Европе, то в германских городах текстильное производство широко распространяется лишь с XIII в.

При относительно слабом развитии ремесленного производства некоторые немецкие горожане освоили весьма прибыльные промыслы. Самым выгодным из них занимались жители северных приморских городов — с XIII в. они на широкую ногу поставили ловлю сельди на Балтике. Засоленная балтийская сельдь пользовалась высоким и постоянным спросом по всей Европе, что и неудивительно при изобилии постных дней, в которые христианам запрещалось есть мясо.

В южной Германии активно развивался горный промысел. Для нужд расширявшейся европейской торговли требовалось все больше серебра. Помимо известного еще в X в. месторождения в горах Гарца на протяжении XII—XIII вв. были обнаружены залежи серебра в Шварцвальде и Тироле. Однако только успехи «внутренней колонизации» позволили основать крупнейшие прииски в Рудных горах, ставшие главным поставщиком серебра в XIII в., а также рудники в Силезии и Чехии. Уже в XII в. немцы научились делать шахты для разработки сравнительно глубоко залегающих пластов. Чтобы осваивать месторождения, сеньоры должны были предоставлять немалые привилегии мастерам горного дела. Из таких привилегий на протяжении XIII в. складывается особое горное право. Помимо серебра в Германии XII—XIII вв. добывалось немало железной руды. В хорошо поставленном ме-

таллургическом деле уже около 1200 г. началось использование энергии падающей воды для раздувания мехов. Это позволило увеличить температуру плавки и соответственно повысить качество выплавляемого металла.

«**Восточная колонизация**». Постепенное распространение немецких поселений на Восток началось еще в VIII в. (средний Дунай, восточные Альпы). Новая демографическая ситуация и благоприятно складывавшиеся политические обстоятельства привели в XII в. к резкому усилению колонизационных процессов на восточных рубежах империи. Если в южной части славяно-германского пограничья колонизация проходила преимущественно мирным путем, то на севере она привела к бесконечным кровопролитным войнам. Императоры Салии и Штауфены редко обращали внимание на восточных соседей — им было достаточно, чтобы Чехия, Польша и Венгрия признавали ленную зависимость от империи. Зато князья, стоявшие во главе пограничных «марок», были весьма заинтересованы в расширении своих владений. С XII в. они вновь настойчиво стремятся к покорению балтийских славян — ободритов и лужичей, освободившихся от власти германских князей после восстания 983 г.

Во время Второго крестового похода папа разрешил саксонским рыцарям не отправляться в Палестину, а заняться насильственным обращением в христианство соседних язычников — славян. Хотя результаты этого «вендского» крестового похода 1147 г. были скромными, судьба племен, оказавшихся зажатыми между империей и Польским королевством, была в XII—XIII вв. решена. Главную роль в дальнейшей истории заэльбских областей сыграли не столько немецкие и польские рыцари, сколько крестьяне-переселенцы с запада, которых князья привлекали на завоеванные земли большими земельными наделами, налоговыми и иными льготами. Быстрый рост населения Западной Европы в XI в. способствовал успеху этой политики. Многие крестьяне-колонисты, отправившиеся на восток, покидали родные края из-за аграрного перенаселения и вызванного им малоземелья. Не случайно среди первых колонистов было так много выходцев из Нидерландов — области с самой высокой плотностью населения в Европе к северу от Альп.

Немецкая колонизация охватывала не только земли, завоеванные силой оружия. Некоторые западнославянские князья, принявшие христианство, сами приглашали в свои владения немецких поселенцев, ожидая от них существенного увеличения собственных доходов. В результате немецкой колонизации многие славянские племена были полностью ассимилированы; возникли новые немецкие земли — Мекленбург, Бранденбург, Померания. В зоне

колонизации стали возникать и расти города, среди них Любек, Штральзунд, Берлин. В XIII в. многочисленные немецкие поселения существовали уже в Силезии, Чехии, Венгрии. На то же столетие приходится и немецкая колонизация Восточной Прибалтики, населенной языческими племенами балтийской и финно-угорской языковых групп — ливов, лэтов, эстов, пруссов.

Ливония. Дорога в устье Западной Двины была освоена раньше всего купцами из Бремена и Любека. За ними пришли миссионеры (получившие у полоцкого князя разрешение проповедовать в этих краях), а за миссионерами и воины. В 1201 г. в земле ливов была основана Рига, ставшая со временем центром новой немецкой земли — Ливонии. Один за другим в Ливонии стали вырастать каменные замки.

Стремление колонистов крестить местное население наталкивалось на упорное сопротивление — войны в регионе продолжались многие годы. Массового переселения крестьян из Германии в Ливонию организовать не удалось, так что, в отличие от других областей в зоне восточной колонизации, немецкое население здесь всегда составляло меньшинство, сосредоточенное по городам и замкам. Соответственно, слабо были выражены и процессы ассимиляции.

В политическом отношении Ливония не представляла собой единства — рижские епископы (позже архиепископы) то и дело вступали в конфликты с основанным в 1202 г. духовно-рыцарским орденом меченосцев, порой с другими ливонскими епископами, а со временем и с городской общиной Риги. Отношения с соседними русскими землями (Новгород, Псков, Полоцкое княжество) были у немцев очень непростыми, что не исключало, впрочем, союзов в конкретных политических обстоятельствах. Мир 1243 г. с Новгородом на столетия определил восточную границу Ливонии по реке Нарве.

Пруссия. Покорение Пруссии началось позже, чем завоевание Ливонии (1231), но шло значительно успешнее. Главную роль здесь сыграл Немецкий (Тевтонский) орден, приглашенный в Прибалтику польским герцогом Конрадом Мазовецким, чьи владения особенно страдали от набегов пруссов. Немецкий орден сумел прекрасно воспользоваться предоставившейся возможностью и создал на завоеванных землях пруссов небольшое, но сильное и хорошо организованное государство. После падения Акры в 1291 г. основная деятельность ордена сосредоточилась в Пруссии, с 1309 г. там пребывал и верховный магистр. Завоевав земли пруссов и подавив нередкие в первое время восстания, орден привлек в страну большое число поселенцев — крестьян, дворян, бюргеров из Германии.

Салическая (Франконская) династия

Династия Штауфенов

Фридрих I, герцог Швабский
(ум. 1105)

Фридрих II,
герцог Швабский

Конрад III
(1127–1135; 1138–1152)

Фридрих I (Барбаросса)
(1152–1190,
имп. с 1155)

Генрих VI
(1169–1197,
имп. с 1191)

Филипп
(1198–1208)

Фридрих II
(1212–1250,
имп. с 1220)

Генрих VII
(1220–1235)

Конрад IV
(1237–1254)

Конрадин,
герцог Швабский
(1254–1268)

Главного врага орден видел в литовских племенах, сохранявших язычество до XIV в., против которых и направлял военные экспедиции почти ежегодно. В «литовских походах» Немецкого ордена принимали участие рыцари со всей Европы — от португальцев до поляков. Захват орденом земель к западу от Вислы в начале XIV в. серьезно испортил его отношения с Польским королевством.

Распространение немецких поселений на обширных территориях Центральной и Восточной Европы в XII—XIII вв. являлось частью общеевропейского процесса — широкой «внутренней колонизации» и массовых военно-колонизационных движений.

§ 2. Германия в XIV—XV вв.

К началу XIV в. Священная Римская империя оставалась крупнейшим политическим образованием в Западной Европе, лишенным, однако, внутреннего единства. Ядро империи составляли старонемецкие земли, а также обширные области за Эльбой и по Дунаю, которые были германизированы в ходе колонизации. Кроме того, в империю входили лишь формально связанные с ней, фактически автономные государства Северной Италии и Тосканы, королевство Чехия. В XIV—XV вв. империя не имела твердо закрепленных границ, они изменялись в результате войн, династических браков, перемен в вассальных связях. Четких устойчивых границ не было и внутри империи: даже крупнейшие княжества еще не сложились в замкнутые компактные территории, их пределы зависели от совокупности личных владельческих и верховных прав властителя. Перемены в этой ситуации свершались медленно и стали особенно заметны лишь во второй половине XV в.

Образование и развитие Швейцарского союза. В 1291 г. на территории империи было положено начало новому политическому образованию — Швейцарскому союзу. Свободные общины трех альпийских «лесных земель» — Швица, Ури и Унтервальдена — объединились против попыток Габсбургов подчинить их и овладеть важным торговым путем, который через перевал Санкт-Готхардт (Сен-Готард) связывал Германию и Италию. В 1315 г. швейцарская пехота, состоявшая из крестьян, наголову разбила рыцарскую конницу Габсбургов у горы Моргартен (южнее Цюрихского озера). К союзу, сумевшему защитить свою независимость, в середине XIV в. примкнули пять округов (кантонов), в том числе «городские» — Люцерн, Цюрих, Берн. Понадобились, однако, долгая борьба и новые военные победы швейцарцев, прежде чем конфедерация окрепла, а ее участникам удалось добиться фактической

автономии от империи. Это произошло после разгрома членами «вечного союза» своих противников в Швабской войне 1499 г. Международное признание своей независимости Швейцария получила, однако, лишь в 1648 г.

В конце XV — начале XVI в. Швейцарский союз пополнился еще пятью новыми членами, включая город Базель, и стал конфедерацией 13 небольших государств-кантонов. К ним примыкали «союзные земли», имевшие более ограниченный правовой статус, а также территории, подвластные союзу, которые контролировались одним или сразу несколькими кантонами. Постоянных органов центрального управления в конфедерации не было, верховной властью считался *тагзатцунг* — периодические собрания представителей кантонов, на которых шел обмен мнениями и по возможности вырабатывались общие позиции. Союзные земли на этих совещаниях своего голоса не имели. Каждый из кантонов обладал правом на собственную внутреннюю и внешнюю политику, но давал обязательство не действовать во вред общим интересам конфедерации.

Развитие городов в XIV—XV вв. Для средневековой Германии XIV и XV столетия стали временем наивысшего расцвета ее городов, бурного роста ремесел и торговли, особенно посреднической, между разными странами. Всему этому способствовало выгодное положение страны на путях международной торговли.

Уже на рубеже XIII и XIV вв. в Германии было около 3500 городов, в которых проживала примерно пятая часть населения, составлявшего 13—15 млн человек. В подавляющем большинстве это были мелкие города разного типа с числом жителей до тысячи человек, тесно связанные со своим аграрным окружением. Их рынки привлекали крестьян из близлежащих деревень, расположенных в радиусе 10—30 км. Такое расстояние позволяло за день побывать на рынке и вернуться домой. Сеть этих городков покрывала всю страну, но в Германии сложились и три зоны преимущественной концентрации городской жизни, где находилась основная масса более крупных городов, с 3—10 тыс. жителей, а также самые значительные немецкие города с населением свыше 20 тыс. человек — Кёльн, Страсбург, Любек, Нюрнберг.

Первая из этих зон — северогерманская, в нее входили Бремен, Гамбург, Любек, Висмар, Росток, Штральзунд и другие портовые города, расположенные на побережье Северного и Балтийского морей либо на речных путях к ним. Они энергично включились в европейскую транзитную торговлю на разветвленных морских трассах между Лондоном и Новгородом, Брюгге и Бергеном. Вторая зона — южногерманская: Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Регенсбург, а также Базель, Вена и другие города. Многие из них вели ожив-

ленную торговлю с землями по Дунаю, но большинство ориентировалось прежде всего на Италию: они были связаны через альпийские горные проходы с Миланом, славившимся ярмарками, и с Венецией и Генуей — двумя главными посредниками в торговле Западной Европы с Левантом. Третью зону образовали многочисленные города вдоль Рейна, от Кёльна до Страсбурга. Через них шел торговый обмен юга и севера не только Германии, но в значительной мере и Европы в целом. Общий уровень развития внутригерманской торговли был высок, хотя тяготение отдельных регионов друг к другу оставалось по-прежнему слабым.

Собственное производство в немецких городах было рассчитано преимущественно на местные рынки. Сложились, однако, и такие его центры, продукция которых ценилась по всей стране и за ее пределами. Это были прежде всего южногерманские города, где изготавливались добротные льняные и хлопчатобумажные ткани, в том числе бумазея. На них существовал постоянный спрос в Италии и Испании. В этих городах занимались шелкоткачеством, используя привозной сырец, достигли высокого мастерства в обработке металлов. Общеввропейской славой пользовались изделия из металла нюрнбергских ремесленников — от художественного литья и ювелирных изделий, разнообразных видов оружия, церковных колоколов и светильников до наперстков, ножниц, циркулей, клещей и прочего трудового инструментария. Как и в других западноевропейских странах, главной отраслью производства, поставлявшей товары на экспорт, было сукноделие. Грубые сукна изготавливались по всей Германии для собственных нужд, обычно из местной шерсти и с использованием местных красителей. Вывозили из Германии тонкое сукно. Им особенно знаменит был Кёльн, пытавшийся соперничать даже с фламандскими сукноделами.

Во второй половине XIV в. ремесленники работали в крупных городах Германии более чем в 50 отраслях производства, и эта дифференциация позже еще возросла. В ряде отраслей — в нюрнбергской металлообработке, кёльнском сукноделии — появилась специализация по двум десяткам профессий. В результате складывалась одна из предпосылок для развития немецкого мануфактурного производства.

К середине XV в. усилились новые веяния в хозяйственной и социальной жизни немецкого города. Хотя цеховой строй продолжал господствовать, явными стали симптомы его начавшегося разложения: «замыкание цеха», появление «вечных подмастерьев», нарастающая имущественная поляризация в среде цеховых ремесленников. Одновременно в немецком текстильном производстве, главным образом в сельских районах, где труд был де-

шевле и отсутствовала цеховая регламентация, начала укореняться «система раздач». Это была форма рассеянной мануфактуры, при которой купец-предприниматель, организатор расчлененного на операции процесса производства, скупал сырье оптом на дальних рынках, ссужал его работавшим на дому изготовителям пряжи и изделий-полуфабрикатов, доводил изделие до полной готовности в городе у опытных специалистов-ремесленников и затем сбывал продукцию снова на дальних рынках. Основными районами, где распространялась «система раздач», стали Южная Германия, область Северного Рейна с центром в Кёльне, Саксония, которая в XV в. по сукноделию превратилась в одну из передовых земель страны.

Особое место в экономике Германии принадлежало горному делу и металлургии, в которых немецкие мастера занимали ведущие позиции в Европе XIV—XV вв. К концу этого периода значительно возросла добыча серебра и различных цветных металлов, выплавка меди, чугуна, железа. В горном деле зарождались элементы раннекапиталистических отношений. Углубление шахт, удлинение штолен требовали крупных затрат на оборудование, в том числе для откачки воды и очистки воздуха. Необходимый капитал стали обеспечивать паевыми взносами состоятельных горожан, богатых монастырей, торговых фирм, получавших долю прибыли, соразмерную их вкладу. Обладавшие верховными правами на землю владельцы недр — князья и император — нередко закладывали горные промыслы торговым фирмам, а те сдавали их на откуп предпринимателям или сами вторгались в организацию производства. Наряду с горняками, работавшими на рудниках самостоятельно, на свой страх и риск, к концу XV в. появились уже тысячи наемных рабочих.

Зарождение мануфактурного производства в централизованной форме происходило главным образом в бурно развивавшейся новой отрасли — возникшем в середине XV в. книгопечатании. К концу XV в. в немецких землях было около 50 центров книгопечатания, в том числе несколько крупных.

Дальнейший рост немецкой экономики и зарождение в ряде отраслей производства новых форм его организации встречали на своем пути серьезные преграды. Главными из них были неравномерность хозяйственного развития отдельных регионов и их слабая взаимосвязь друг с другом, политическая раздробленность страны. Ее характерными проявлениями были разнообразие монет, мер и весов, небезопасность дорог и многочисленность таможенных поборов на торговых путях. На рубеже XIV—XV вв. различные монеты чеканились в Германии в 500 местах, а таможен только на Рейне было свыше 60.

Слабость центральной власти, неспособной гарантировать мир и правовой порядок на местах, произвол князей и рыцарства, отсутствие имперской поддержки немецким купцам и в своей стране, и за рубежом приводили к тому, что города были вынуждены сами защищать свои интересы в Германии и за ее пределами, объединяясь в союзы. Самым крупным из них в истории средневековой Европы стало северогерманское торговое «товарищество» — Ганза. Возникнув в XII в. как объединение отдельных купцов и их групп, она с конца XIII в. до середины XIV в. превратилась в союз городов и просуществовала более 500 лет, формально — до 1669 г. Ее расцвет приходится на XIV — середину XV в., когда она объединяла около 160 городов.

Целью Ганзы была активная посредническая торговля, обеспечение безопасности торговых путей, гарантии привилегий, а по возможности — и монопольных прав своих купцов за границей, поддержание стабильности политического строя в городах союза, где у власти стояла, как правило, богатая патрицианская верхушка. Ганза обеспечивала взаимную защиту и регулирование судебных, таможенных дел, денежного обращения. Она осуществляла свои задачи всеми доступными ей средствами — от дипломатических до применения против соперников экономической блокады и военных действий. Ее ядро составляли уже упоминавшиеся города северной зоны, самыми влиятельными из них были Любек и Гамбург. Ганза господствовала в торговле между Нидерландами, Англией, Скандинавскими странами и Русью, имела свои торговые конторы, жилые дома, складские помещения в Новгороде, Стокгольме, Бергене, Лондоне, Брюгге и других городах, но ее купцы бывали и в Бордо, Лиссабоне, Севилье.

Флотилии ганзейских кораблей, бравших на борт до 200—300 т груза, а трехмачтовые парусники в XV в. — свыше 400 т, везли из Прибалтики, Скандинавии и русских земель зерно, рыбу, соль, руду, лес, изделия из дерева, мед, воск, сало, меха, а в обратном направлении — западноевропейские ремесленные изделия из металла, серебро, высококачественное сукно, вина, предметы роскоши, а также пряности, проделавшие путь от самого Леванта. В отличие от торговли южногерманских городов товары собственного производства занимали в ганзейской торговле мало места.

Внешнюю и внутреннюю политику Ганзы определяли не бюргерские и тем более не плебейские слои ее городов. Плебс составлял в них свыше половины населения, но был бесправен. Власть крепко держал в руках патрициат, десятая доля городских жителей. Со второй половины XIV в. представители городов Ганзы собирались на регулярные съезды, решения которых были обязательны для всех ее членов. Подобно государству, Ганза не раз вела

войны. Так, с помощью Швеции и других союзников она энергично воевала с Данией, победила и по миру 1370 г. не только подтвердила привилегии своих купцов, но и получила во владение ряд крепостей на юге Скандинавского полуострова.

Каждый ганзейский город был автономен в ведении своих торговых и политических дел, но не должен был наносить ущерб всему союзу. У Ганзы не было единого управления, кассы, флота; усилия объединялись лишь для общих, выгодных всем его участникам конкретных задач. Нередко они определялись интересами одной из групп городов, входивших в союз. В результате для какой-либо торговой операции либо для военных целей могла быть отправлена флотилия и в несколько кораблей, и в несколько их десятков. Всего у Ганзы было около тысячи судов. Ее члены вели также ближнюю и дальнюю сухопутную торговлю.

Ганза играла двойственную роль: она способствовала развитию посреднической торговли на огромной территории, но душила конкуренцию купцов других стран; она отстаивала коммунальные свободы своих членов от притязаний феодальных властителей, но и подавляла внутригородские выступления против засилья патрициата; она объединяла города Северной Германии, но и отбеди-няла их от других частей страны.

К середине XV в. Ганза испытывает растущее давление со стороны конкурентов, получающих поддержку от своих государств, в то время как ганзейцы ее не имели. Их теснят голландские, затем и английские купцы. Ослабевает значение ряда старых центров союза. В торговле с Новгородом ведущее положение переходит от Любека к городам Ливонии, усиление Польши повышает значение Данцига. Новая ситуация обостряет внутренние противоречия в Ганзе. Ее удельный вес в транзитной торговле снижается, но упадок союза относителен, он еще остается большой силой.

Ганза была не единственным крупным городским союзом в Германии. Во второй половине XIV в. возникают Швабский и Рейнский союзы, объединившиеся в 1381 г. В эту коалицию входило более 50 городов. Их целью было обеспечение своей независимости от крепнувшей власти князей, защита от нападений рыцарей, общее повышение значимости городов в политической жизни страны. Активизируется и рыцарство, особенно в Юго-Западной Германии, создающее ряд собственных сословных объединений — Общество Льва, Общество святого Георгия, Общество святого Вильгельма. Стремясь расширить свое влияние, рыцарские союзы вступают в борьбу с городскими. Этим воспользовались князья, которых не устраивало усиление ни рыцарей, ни городов. Когда члены Швабского союза начали вооруженный конфликт с герцогом Баварским, спровоцированный претензиями

герцога, князя в 1388 г. разгромили объединение сначала швабских, затем рейнских городов. Попытка городов подкрепить свою роль военной силой, чтобы добиться усиления своего политического влияния в империи, провалилась. Вместе с тем их экономическое и культурное значение продолжало расти.

Немецкая деревня в XIV—XV вв. Рост товарно-денежных отношений в это время сказался на переменах не только в городе, но и в сельском хозяйстве Германии, где и крестьяне и феодалы все больше втягивались в связи с рынком. Бурное развитие городов отозвалось в деревне рядом неблагоприятных последствий, в том числе характерными для XIV—XV вв. так называемыми «ножницами цен»: высокими ценами на ремесленные изделия и низкими на сельскохозяйственные продукты, особенно на зерно. Эту ситуацию обострили «черная смерть» — эпидемия чумы 1348—1350 гг., унесшая большие массы деревенского населения, войны, голодовки неурожайных лет. Результатом крупнейшего демографического кризиса XIV в. стали обезлюдение многих ранее обжитых мест, сокращение пахотных площадей, наступление леса и болот на заброшенные поля. В целом в Германии исчезла почти пятая часть прежних поселений, особенно хуторов и небольших деревень. Процесс «запустений» оказался связан, однако, и с попытками повысить интенсивность сельского хозяйства, вызванными нехваткой рабочих рук. XIV—XV вв. стали для Германии временем максимального распространения виноградарства, возрастания удельного веса животноводства, в том числе овцеводства и стойлового разведения скота, расширения площадей под садово-ягодными и техническими культурами, из которых особенно большое внимание уделялось посевам льна и конопли.

В аграрном строе немецкой деревни этого времени наметились две основные тенденции развития, различие которых нарастало к концу XV в. Одна характерна для территорий к западу от Эльбы, другая — к востоку от нее, для ранее колонизированных земель.

Восточнее Эльбы было много свободных крестьян, обеспеченных крупными наделами еще со времен переселения и владевших двумя третями пахотной земли; остальное принадлежало главным образом рыцарям. В XIV — середине XV в. крестьянство сохраняло здесь свое более благоприятное положение, однако ситуация начала меняться, когда увеличились потребности в аграрной продукции в местных городах, а затем все больше стал расти спрос на хлеб для вывоза его за границу, преимущественно в Нидерланды. Стремясь повысить доходность своих владений, рыцарство пыталось расширить их, сгоняя крестьян с их наделов и используя их труд на барщине в господских имениях. В XV в. это явление еще не стало массовым, однако новая тенденция обозначилась к началу XVI в. достаточно ясно.

Западнее Эльбы процесс перестройки вотчины пошел иначе — к частичному или полному отказу от господской запашки. Доходы сеньоров здесь складывались в основном из рент, полученных за счет поземельной, судебной, личной зависимости крестьян. Части крестьянства удалось улучшить свое положение, закрепив на договорной основе объемы и сроки повинностей, но возросло и число крестьян, имевших лишь половину или четверть надела, а то и вовсе утративших его. В Северо-Западной Германии сложился значительный слой свободных зажиточных крестьян-*мейеров*. Сеньоры сдавали им в наследственную аренду целиком или долями земли бывшего домена. Хозяева на больших участках в 20—40 га пашни, мейеры платили крупные чинши и в свою очередь использовали за плату труд малоземельных *коттеров*, участки которых не превышали 0,1 га, и безземельных крестьян, число которых с развитием денежных отношений продолжало расти.

В Юго-Западной Германии, где господствовала «чистая сеньория», преобладали мелкие крестьянские хозяйства. Здесь особенно далеко зашли имущественное расслоение и задолженность крестьян, они оказались наименее защищенными от стремления светских и духовных господ повысить доходы за их счет. Именно здесь раньше и в большей мере, чем в других областях Германии, началось разностороннее наступление феодалов на права крестьян: захват крестьянских общинных угодий для интенсификации своего животноводства, особенно овцеводства; стремление увеличить барщину для расширения господских посевов технических культур, пользующихся спросом; пересмотр к ущербу крестьян-арендаторов условий и сроков арендных договоров; использование личных и судебных повинностей крестьян для возвращения их к состоянию всесторонней наследственной зависимости. Результатом этих процессов было обострение социальных противоречий в сельской местности.

Политическое развитие Германии. Характерной чертой политического развития Германии XIV—XV вв. стали дальнейшие успехи князей, стремившихся не допустить усиления императорской власти, продолжить централизацию в рамках отдельных территорий. Этим целям служило и избрание князьями на королевский престол малозначительного владетеля графства Люксембург Генриха VII (1308—1313). Идя по уже проложенному его предшественниками пути укрепления родовых владений как основы для дальнейшего усиления власти короля, он женил сына на наследнице короля Чехии, надеясь обеспечить своим потомкам владение этой страной. С другой стороны, он обратился к старым традици-

ям немецких государей и совершил поход в Италию, где впервые после векового перерыва был коронован в Риме императором.

Видя в усилении Люксембургов угрозу своим интересам, одна часть князей после смерти Генриха VII избрала на престол австрийского герцога Фридриха Красивого из рода Габсбургов, другая — герцога Людвиг Баварского (1314—1347) из рода Виттельсбахов. Людвиг в вооруженной борьбе победил соперника. С его именем связан последний крупный акт многовековой борьбы между империей и папством. Выступив против политических и финансовых притязаний папы Иоанна XXII в Германии, Людвиг получил поддержку широкой антипапской оппозиции, главную силу которой составляли немецкое бюргерство и часть клира. В числе главных идеологов движения были нашедшие убежище в Германии ярые противники светской власти папы Марсилиус Падуанский и Вильям Оккам. Папа отлучил Людвиг от церкви и наложил интердикт на его владения, тот в свою очередь объявил папу еретиком, совершил в 1327—1330 гг. поход в Италию, провозгласил новым папой своего ставленника и короновался императором. Немецкие князья, вовсе не желавшие чрезмерного усиления Людвиг Баварского, воспользовались остротой борьбы и еще при жизни Людвиг избрали на германский трон всегда ладившего с церковью моравского маркграфа (а вскоре и чешского короля) Карла, представителя династии Люксембургов.

Карл IV (1346—1378) правил империей, соблюдая прочный союз с авиньонскими папами и заботясь прежде всего об экономическом и культурном процветании Чехии, ресурсы которой служили ему главной опорой. Именно в этот период политическая раздробленность Германии получила правовое закрепление в изданной императором «Золотой булле» (1356). Она оставалась ядром имперского законодательства до упразднения Священной Римской империи в 1806 г.

Булла подтверждала сложившийся порядок избрания немецкого короля, «долженствующего стать императором». Коллегия выборщиков состояла из семи князей-курфюрстов: трех церковных (архиепископы Майнцский, Кёльнский и Трирский) и четырех светских (король Чешский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский). Избрание должно было проводиться по инициативе архиепископа Майнцского во Франкфурте-на-Майне большинством голосов. При избрании короля Германии (его называют «королем римским») одобрения папы не требовалось — оно признавалось необходимым только при коронации императором. Булла санкционировала не только старые, но и новые привилегии князей. Они закрепили свое право на высший суд, разработку горных недр, чеканку монеты, взимание тамо-

женных пошлин. Социальная направленность буллы недвусмысленно сказалась в содержащемся в ней разрешении феодалам вести «законно объявленные» частные войны (кроме выступлений вассалов против своих сеньоров), в то время как союзы между городами были названы «заговорами» и категорически запрещены. В целом булла не столько привела к существенному усилению позиций курфюрстов, сколько зафиксировала их исторически сложившиеся привилегии, включая право избирать государя. Карл IV, однако, обеспечил буллой отстранение от участия в коллегии курфюрстов соперников своей династии — герцогов Баварии и Австрии, закрепил привилегированные позиции Чехии.

Более чем тридцатилетнее правление Карла IV, лишь ненадолго усилившее центральную власть, заложило традиции дальнейшей политики Люксембургской династии, которая уделяла преимущественное внимание своим наследственным землям и шла ради этого на очередные уступки князьям и римской курии. Император Сигизмунд (1410—1437), мечтавший о великой державе под главенством Люксембургов, пытался упрочить свою власть, участвуя в восстановлении единства церкви, гонениях на еретиков, строя планы большой коалиции европейских государств против растущей турецкой опасности. Вместе с папой он организовывал крестовые походы против чешских гуситов, но все они закончились неудачей, и лишь церковный компромисс с умеренным крылом гуситов позволил Сигизмунду к концу жизни получить признание в качестве чешского короля.

После пресечения Люксембургской династии императорская власть с 1438 г. на века перешла к Габсбургам. Фактическая наследственность власти императоров (при сохранявшемся порядке выборов) уже не представляла серьезной опасности для князей, закрепивших свои позиции. Упадок империи усиливался одновременно с кризисом другого универсалистского учреждения — папства. Особое бессилие центральной власти в Германии было характерно для более чем полувекового правления Фридриха III (1440—1493). Это время ознаменовалось множеством княжеских междоусобиц, сопровождавшихся грабежами городов и опустошением целых районов в сельской местности. Небывалых даже для Германии масштабов достиг разбой на дорогах, который вели рыцари, ощущавшие свою безнаказанность. Попытки Фридриха III провозглашать запреты на нарушение мира и порядка оказались безрезультатными: у императора не было реальной силы, чтобы заставить выполнять свои предписания.

Долгое время и во внешней политике вялого и нерешительного Фридриха III преследовали неудачи. Частый союзник империи Тевтонский орден, потерпевший тяжелое поражение от Польши,

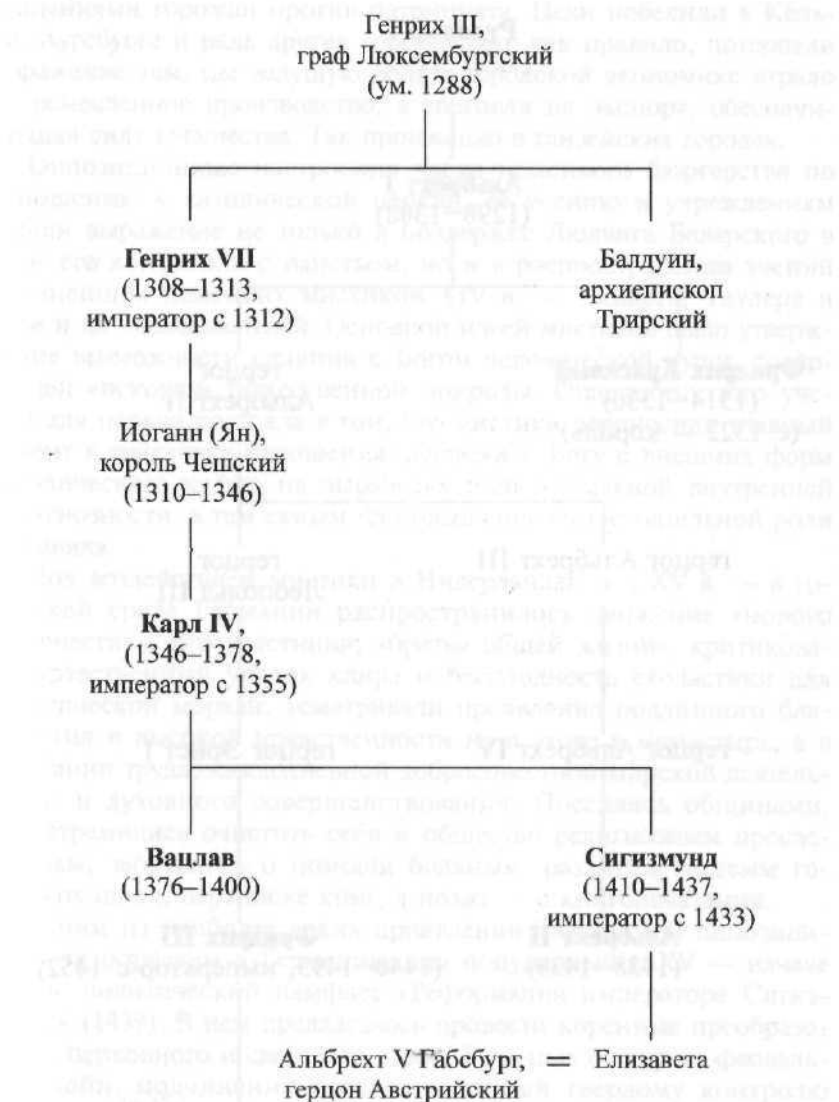
оказался в вассальной зависимости от ее короля (1466). Датский король присоединил к своим владениям входившие в состав империи Шлезвиг и Гольштейн (1460), Франция — числившийся за империей Прованс (1481), а венгерский король Матьяш Корвин отобрал у императора даже его родовые владения — Верхнюю и Нижнюю Австрию и Штирию. Лишь к концу правления Фридриха III положение его династии значительно окрепло. Австрийские земли удалось вернуть. Распад Бургундского государства и династический брак сына Фридриха III Максимилиана с Марией Бургундской принесли Габсбургам Нидерланды, а осуществленный уже после кончины старого правителя брак его внука с наследницей испанских королей позволил Габсбургам стать в XVI в. самой могущественной династией в Европе.

Положение императорской и княжеской власти в Германии наложило отпечаток и на развитие в XIV—XV вв. немецких сословно-представительных органов. Выросшее из первоначального совета императорских вассалов собрание представителей «чинов», входивших в империю, в конце XV в. получило название *рейхстага*. Эти имперские собрания включали представительство курфюрстов, других духовных и светских князей и господ, посланцев крупнейших имперских и вольных городов. Рыцарство, потерявшее с развитием огнестрельного оружия и наемничества былое военное значение, не имело самостоятельного корпоративного представительства, духовенство не было выделено в особую курию, а города, и без того представленные крайне неполно, обсуждали лишь вопросы, затрагивавшие их непосредственные интересы.

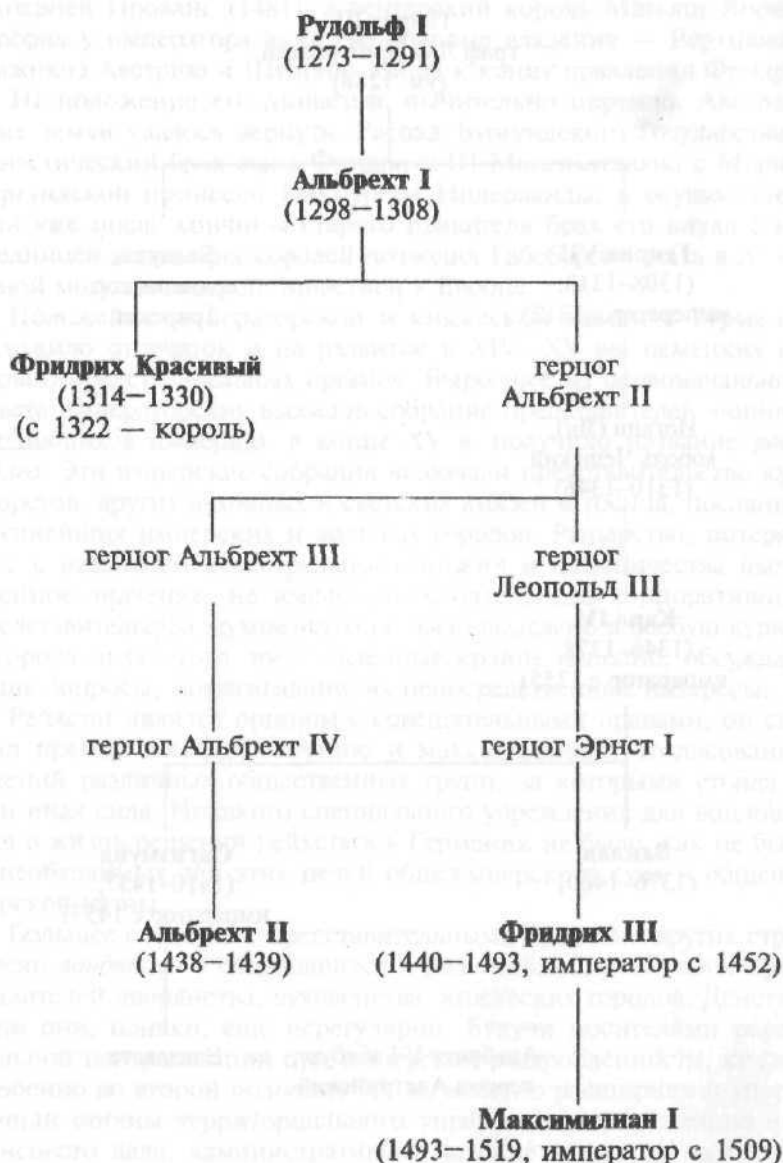
Рейхстаг являлся органом с совещательными правами, он слушал прежде всего выяснению и максимальному согласованию мнений различных общественных групп, за которыми стояла та или иная сила. Никакого специального учреждения для воплощения в жизнь решений рейхстага в Германии не было, как не было и необходимых для этих целей общеимперского суда и общеимперской казны.

Большее сходство с представительными органами других стран имели *ландтаги* — сложившиеся в ряде княжеств собрания представителей дворянства, духовенства, княжеских городов. Действовали они, однако, еще нерегулярно. Будучи носителями региональной централизации при имперской раздробленности, князья, особенно во второй половине XV в., заметно расширили и упорядочили органы территориального управления, организацию финансового дела, административное деление княжеств на округа, усовершенствовали территориальное законодательство. Княжеские резиденции постепенно становятся столицами: таковы Мюнхен в Баварии, Штуттгарт в Вюртемберге, Гейдельберг в Пфальце.

Династия Люксембургов

Династия Габсбургов

Оппозиционные движения в городах. Наиболее яркие вспышки внутригородских конфликтов в этот период были связаны с выступлениями горожан против патрициата. Цехи победили в Кёльне, Аугсбурге и ряде других городов, но, как правило, потерпели поражение там, где ведущую роль в городской экономике играло не ремесленное производство, а торговля на экспорт, обеспечивавшая силу купечества. Так произошло в ганзейских городах.

Оппозиционные настроения части немецкого бюргерства по отношению к католической церкви, ее учению и учреждениям нашли выражение не только в поддержке Людвига Баварского в пору его конфликта с папством, но и в распространении учений крупнейших немецких мистиков XIV в. — Эккарта, Таулера и Сузе и их последователей. Основной идеей мистиков было утверждение возможности слияния с Богом человеческой души, содержащей «искорку» божественной природы. Опасность этого учения для церкви состояла в том, что мистики переносили главный акцент в трактовке отношения человека к Богу с внешних форм католического культа на выработку индивидуальной внутренней религиозности, а тем самым на повышение самостоятельной роли индивида.

Под воздействием мистики в Нидерландах, а в XV в. — в городской среде Германии распространилось движение «нового благочестия». Его участники, «братья общей жизни», критиковали нравственный упадок клира и бесплодность схоластики для практической морали, усматривали проявление подлинного благочестия и высокой нравственности не в уходе в монастырь, а в сочетании труда, каждодневной добросовестной мирской деятельности и духовного совершенствования. Поселяясь общинами, они стремились очистить себя и общество религиозным просвещением, заботились о помощи больным, развитии системы городских школ, переписке книг, а позже — о книгопечатании.

Одним из наиболее ярких проявлений бюргерской оппозиционности порядкам в Германии стал популярный в XV — начале XVI в. политический памфлет «Реформация императора Сигизмунда» (1439). В нем предлагалось провести коренные преобразования церковного и светского строя. Речь шла о запрете феодальных войн, подчинении своеволия князей твердому контролю городов, на основе которого Германия должна была пойти по пути централизованного государства. Намечалось создание единого судопроизводства, единой монетной системы, единообразия таможенных сборов. Задачи церкви усматривались в поддержке светской власти, которой она должна была подчиняться. Намечалось сокращение числа монахов и отстранение их от светских дел.

Ради улучшения ремесла и торговли анонимный автор требовал упразднить цеховые ограничения и владеющие крупными капиталами торгово-ростовщические компании, которые обвинялись в насаждении «монополий». К числу наиболее важных требований памфлета, утверждавшего необходимость для проведения реформ активных действий «простых», «малых» людей, относились предложения о возврате захваченных сеньорами общинных угодий, упразднении ряда повинностей и отмене наследственной личной зависимости крестьян. Проведение реформ следовало, по мнению автора, доверить только светским лицам.

Крестьянские движения в XIV—XV вв. Специфика противоречий социально-политической жизни немецкого общества этого времени обусловила многообразие крестьянских выступлений. В 1336—1339 гг. в Юго-Западной Германии и ряде других районов произошли вспышки движения, направленного против городских ростовщиков, дававших ссуды и крестьянам. В начале XV в. крестьяне непосредственно граничившей с Швейцарским союзом области Аппенцель вели военные действия против аббата Санкт-Галлена, поддержанного феодалами Австрии и Вюртемберга, добиваясь включения в Швейцарский союз. Несмотря на поражение, крестьяне упорно держались своих намерений. Аппенцель вошел в состав Швейцарии в 1513 г.

С 1439 по 1445 г. крестьянские отряды вели партизанские действия против вторгшихся в пору Столетней войны из Франции в Юго-Западную Германию разноплеменных конных отрядов наемников — арманьяков. Грабежи и бесчинства чужеземных захватчиков вызвали всеобщее возмущение, и группы крестьян по 30—40 человек, устраивая засады, неожиданно нападали на арманьяков на дорогах, лишали регулярного снабжения и в конце концов вынудили их убраться из Германии. Именно в эту пору в борьбе с арманьяками крестьяне впервые поднимали знамя с изображением Богородицы и крестьянского башмака с длинными шнурами. «Башмак» стал символом самостоятельных действий крестьян. Они начали постоянно обращаться к нему в своих дальнейших выступлениях, в том числе и в 1460 г., когда под знаменем «Башмака» восстали крестьяне земли Гегау в Юго-Западной Германии.

Глава 13

Италия в XI—XV вв.

§ 1. Италия в XI—XII вв.

Становление городских коммун. В пору развитого Средневековья Италия вступила страной городов, где статус города имели более 300 епископских центров, были многочисленные другие городские поселения — бурги, а также замки, представлявшие собой своеобразные хозяйственные и социальные общности.

С XI в. ускорился демографический рост в городах: к началу XIII в. численность населения во многих из них возросла в среднем от 5—6 до 30—40 тысяч человек. Менялась и топография — на линейную планировку античного городского поселения налагывалась хаотическая средневековая застройка тесных, кривых улиц и переулков, соединенных небольшими площадями. Возникавшие на «пустом месте» города имели с самого начала своеобразную застройку, часто определявшуюся рельефом местности.

Ремесленники и торговцы предпочитали селиться «по цехам», группируясь вокруг определенных приходских церквей. Из сельской округи в город переселялись не только крестьяне, пополнявшие ремесленную среду, но и феодалы. Рыцари (вальвассоры) предлагали горожанам свои военные услуги и нередко активно включались в их торгово-финансовую деятельность. Крупные феодалы (нобили, гранды) оказывались жителями города часто не по доброй воле.

Издавна обосновавшиеся в замках ближайшей и более отдаленной округи города (*контадо* и *дистрикто*) и наделенные широкими иммунитетными правами, феодальные сеньоры по мере роста экономической мощи городов начинали чинить серьезные препятствия их нормальной жизни. Они облагали произвольными пошлинами купцов, не гнушались применять силу к непокорным и творить несправедливый суд. В XI в. многие крупные города начали «войну с замками». Так, Флоренции потребовалось почти два столетия, чтобы положить конец самовластью окрестных нобилей. Борьба с владельцами замков стала ее целенаправленной

политикой, которая проводилась разными методами — от выкупа, частичного или полного, у феодальных сеньоров их судебно-административных и фискальных прав, а также приобретения земель до военных походов, кончавшихся разрушением замков и принудительным переселением их владельцев в город. Так, в 1125 г. была разрушена мощная крепость Фьезоле, представлявшая особую угрозу для Флоренции. К этому времени ослабела власть сеньоров Флоренции — маркграфов Тосканских, потерявших значительную часть своих владений в округе. Флорентийская коммуна приобрела фактическую независимость. Было ограничено и влияние епископа — он исполнял лишь религиозные функции. Путь к утверждению власти коммуны, который прошла Флоренция, был типичен для многих городов Тосканы, Ломбардии и других районов Центральной и Северной Италии.

Переселение нобилей в город, пик которого пришелся на конец XII — начало XIII в., знаменовало победу над замками городских коммун, набиравших экономическую и политическую силу. Однако это обернулось для городов и угрозой внутренней нестабильности. Нобили возводили внутри городских стен укрепленные дома-башни, где жили семейными кланами, нередко вместе со своими военными дружинами. Такие дома-башни и поныне сохранились во Флоренции, Болонье, Сан-Джиминьяно и ряде других городов. Претендуя на власть в городе, феодальные семейства вступали в ожесточенную борьбу друг с другом, вовлекая в нее пополанов (торгово-ремесленные слои) и плебс. Государственная самостоятельность, которую получили многие города Северной и Центральной Италии к концу XII в., стала итогом борьбы, которую они вели как с помощью денег, так и с оружием в руках не только против окрестных феодалов, но, что еще важнее, против местного сеньора, духовного или светского, а также против верховного сюзерена — германского императора.

К началу XI в. вся полнота власти в итальянских городах принадлежала, как правило, епископам (напомним, что статус города имели центры епископских диоцезов), но иногда и светским сеньорам. Опорой епископа были коллегии консулов, избиравшиеся поначалу из городской знати, а затем и из купечества. Консулы (число их колебалось в разных городах от двух до двенадцати и даже двадцати) участвовали наряду с местным клиром в избрании епископа и помогали ему в административных и судебных делах. Однако постепенно коллегия консулов, ограничивая власть епископа, сосредоточила в своих руках ее важнейшие прерогативы. При этом все дела консулы решали коллегиально. Не всегда, впрочем, освобождение города от власти епископа

проходило гладко. Так, в Милане утверждение независимости города и образование коммуны стало результатом длительной и ожесточенной борьбы горожан с архиепископом — трижды поднимали они восстания в 30—70-е годы XI в. В 1098 г. в Милане возникла коммуна, а в 1117 г. власть в городе взяла в свои руки коллегия консулов.

В конце XI—XII в. коммуны с консульским правлением сложились в десятках городов Северной и Центральной Италии — в Падуе, Ферраре, Кремоне, Генуе, Пизе, Сьене, Болонье и многих других. Формально статус коммуны подтверждал своими хартиями германский император как верховный сюзерен итальянских земель, оговаривая в этих документах и свои фискальные и судебные права. В XII в., в пору консульского правления, формировались основные властные структуры городских коммун. Высшим законодательным органом стал Большой совет (от 300 до 600 человек), включавший представителей городской знати и торгово-ремесленной верхушки. Он не только принимал законы, но и назначал магистратов, а также избирал консулов сроком на год. Исполнительная власть, включая суд и командование городским войском, принадлежала консулам. Для контроля за их деятельностью из представителей влиятельных фамилий создавался Малый совет.

К концу XII в. города-коммуны превратились в самостоятельные городские республики со своим законодательством и администрацией, с собственным войском, правом чеканить монету, взимать торговые пошлины и т.д. Социальная структура городов-республик была достаточно разнородной. Четко различались несколько групп: феодальная знать, имевшая крупные земельные владения в округе, средние и мелкие феодалы (*капитаны, вальвассоры*), торгово-ремесленное население (*пополаны*), состоявшее из двух групп — «жирного народа», к которому принадлежали богатые торговцы и ремесленные мастера, ростовщики и менялы, и «тощего народа» — основной массы ремесленников и мелких торговцев. Большую часть жителей города составлял плебс — подмастерья, наемные работники и пополнявшие их ряды крестьяне, переселившиеся в город. Власть в городе принадлежала знати и представителям «жирного народа». Но со временем ее все активнее начинали оспаривать широкие слои пополанов.

Город и деревня. XI—XII века — период бурного роста торговой активности многих городов Северной и Центральной Италии, чему немало способствовали и Крестовые походы. От Первого крестового похода очень выиграли Пиза, Генуя и Венеция, оказавшие помощь крестоносцам деньгами, оружием и судами, на которых

они переправлялись на Восток. В награду эти города получили часть военной добычи и торговые привилегии от правителей крестоносных государств. И в последующих походах итальянские города предоставляли значительную помощь европейскому рыцарству, что приносило им немалые выгоды. В первой половине XII в. Венеция, Генуя и Пиза основали свои торговые фактории почти по всему побережью Сирии и Палестины, ставшие важными центрами торговли между Востоком и Западом.

Помимо выгодной посреднической торговли, итальянские города имели мощный источник обогащения в кредитных операциях международного масштаба. Крупнейшим в Европе банкиром была в XII в. Сьена, за пределами Италии активно вели финансовые дела выходцы из городов Ломбардии. Имя «ломбардцы» стало собирательным для всех итальянских купцов, занимавшихся кредитованием европейских феодалов. Крупные купцы Генуи, Венеции, Пизы, Пьяченцы были, как правило, и финансистами. Спаянность торговых и кредитно-денежных операций — одна из характерных черт городской экономики Италии в Средние века. Значительные доходы получали города и от продажи производившейся в них ремесленной продукции. В XII в. городские ремесленники стали объединяться в цеховые организации (объединения купцов возникли еще раньше), что ослабляло конкуренцию в каждой отрасли и обеспечивало более надежный сбыт ремесленных изделий как на внутренних, так и на внешних рынках. Все более заметной становилась специализация отдельных городов на производстве товаров, имевших спрос особенно в торговле с другими странами. Так, производство шерстяных тканей в крупных масштабах было развито в этот период в Милане, Падуе, Вероне, сукна и шелка — в Лукке. Главным центром оружейного дела, как и производства других изделий из металла, был Милан. В Пизе, Генуе и Венеции большого размаха достигло кораблестроение. Славу приобрели ремесленники, работавшие по дереву и камню: многие города активно обустраивались в XII в. — возводились укрепления, строились храмы и дворцы коммуны. Переживала расцвет архитектура романского стиля, многие выдающиеся ее образцы сохраняются и поныне: грандиозные соборы в Лукке, Пизе и Парме, церкви Сан Микеле в Павии и Сан Клементе в Риме, баптистерий во Флоренции.

Экономически сильные и политически независимые города-коммуны в ходе ожесточенной борьбы с окрестными феодалами вытеснили их из округа, постепенно подчиняли своему влиянию небольшие соседние города, бурги и сельские поселения. Деревня была источником снабжения города продовольствием и сырьем

для ремесла. Одним из главных путей утверждения власти города над округой стало приобретение земель и отдельными горожанами, и коммуной в целом (собственность коммуны в свою очередь сдавалась в аренду или продавалась жителям города). В быстро набравшем темпы процессе мобилизации земельной собственности участвовали не только знать и состоятельное купечество, но и лица свободных профессий (нотарии, медики, учителя), а также простые ремесленники. Во владении рядовых горожан оказывались, как правило, небольшие участки, снабжавшие их необходимым продовольствием. Крупные земельные собственники торговали получаемой из своих имений сельскохозяйственной продукцией. Торговый обмен между областями Италии включал пшеницу, просо, другие зерновые, а также бобовые культуры, оливковое масло, вино. Причем последние широко вывозились и в другие страны. Активное втягивание деревни в сферу городской торговли определило одну из особенностей аграрного развития Италии — уже в XII в. наметилась устойчивая тенденция роста удельного веса натуральной ренты (наряду с денежной) в системе крестьянских платежей.

Превращение итальянского города в гораздо большей мере, чем в других странах Европы, в земельного собственника не изменило феодальной природы поземельных отношений. В XI—XII вв. сохранялись категории лично зависимого крестьянства — сервов и колонов, хотя возможности освобождения за выкуп несколько расширились. Города даже способствовали этому процессу — в XIII в. он примет характер целенаправленной городской политики. Либеллярии, эмфитевты и другие свободные наследственные держатели, составлявшие основную массу крестьянства, по-прежнему пользовались широкими правами распоряжения наделом. Не исчез и слой крестьян — мелких собственников. Однако все более заметной становилась имущественная дифференциация в среде сельских жителей, которую ускоряли вовлечение деревни в товарно-денежные отношения и ростовщические операции, связанные с земельными держаниями (заклад, продажа участка и др.). Более распространенной становилась в XII в. мелкая крестьянская аренда на короткий срок (5—7 лет) с уплатой собственнику части урожая — от одной четверти до половины. В срочную аренду сдавали компактные участки земель с многообразной агрикультурой и монокультурные — виноградники, оливковые рощи и т.д. Самой распространенной отраслью сельского хозяйства было виноградарство, которое сохранило от античности высокий уровень агротехники.

Воздействие города на экономическое развитие деревни шло разными путями. Ориентируя крестьянское хозяйство на рынок и преследуя прежде всего собственные интересы, город насаждал в округе и разведение технических культур — льна, конопли, хлопка. В то же время городские коммуны поддерживали освоение пустошей, строительство систем мелиорации и ирригации. В Венето, Лигурии, Тоскане в XI—XII вв. активно шел процесс внутренней колонизации, в котором принимали участие ремесленники и рыцари, получавшие освоенные участки новых земель в наследственное держание, а затем и в собственность. Наконец, своим примером городские коммуны способствовали возникновению в XII в. сельских коммун — самоуправляющихся общин, разными путями добивавшихся судебно-административных прав у местных сеньоров. Сельские коммуны владели угодьями, имели свою выборную администрацию, право суда по делам низшей юрисдикции и в ряде случаев — право издавать статуты, касавшиеся преимущественно хозяйственных распоряжений (сроки сева и уборки урожая, характер агрикультуры в зерновом хозяйстве, виноградарстве и т.д.). Городские суды в XII в. обычно поддерживали иски сельских общин к местным феодалам относительно земельной собственности, административных прав и т.п. Покровительство сельским коммунам было частью антифеодальной политики городов в тот период, когда они сами добивались независимости. Позже, уже в начале XIII в., взаимоотношения города и его округи приобретут иной характер — не только экономического, но и политического подчинения деревни городу-государству.

Завоевание Южной Италии и Сицилии норманнами. Если в Северной и Центральной Италии к концу XII в. сложились самостоятельные города-республики, то в Южной Италии политические процессы развивались иначе. Крупные города — Неаполь, Амальфи, Салерно, Бари, Палермо — по размаху торговой активности и уровню ремесленного производства не уступали ведущим городам Центральной и Северной Италии. В XI в. многие города Южной Италии и Сицилии добились от феодальных сеньоров вольностей, в том числе участия представителей горожан в органах судебно-административной власти. Начался процесс формирования городских коммун: от имени «всего народа» совершались земельные сделки, заключались торговые договоры, подтверждались издавна сложившиеся обычаи и т.д. Однако полной самостоятельности города Южной Италии добиться не смогли. В условиях феодальной раздробленности и междоусобиц сеньориальная власть оказалась достаточно сильной, чтобы не лишиться себя такой важной материальной опоры как города.

После завоевания во второй половине XI в. Южной Италии и Сицилии норманнами, выходцами из герцогства Нормандия в Северной Франции, возникли новые препятствия для расширения свободы городов. Когда в 1130 г. норманнский правитель Рожер II образовал Сицилийское королевство, объединив в нем Южную Италию и Сицилию, некоторые города подняли восстания, отказываясь признать новую власть. Рожер II сломил их сопротивление, но был вынужден ради укрепления своих позиций подтвердить прежние привилегии городов. Однако затем во главе городской администрации был поставлен королевский чиновник, ограничивались судебные и финансовые права городов, зафиксированные в хартиях. Развитие городской экономики серьезно тормозили непомерные государственные налоги. К тому же в результате норманнского завоевания купцы Амальфи, Салерно, Бари и других крупных городов, традиционно торговавшие на рынках Византии, лишились своих преимуществ из-за враждебных отношений сицилийских королей с «империей ромеев».

При норманнах в Южной Италии и на Сицилии завершился процесс складывания феодальных отношений. Значительная часть земель была отобрана у местных владельцев, не только у магнатов, но и у мелких собственников, и роздана норманнской знати на правах феодалов. Она заняла ведущее положение в Сицилийском королевстве, оттеснив прежнюю феодальную верхушку. Оформилась и структура всего слоя феодалов. В нем четко вычленились три уровня — графы, бароны и рыцари — с соответствующей иерархией ленных отношений. Однако норманнские короли Рожер II и его преемник Вильгельм II сохраняли за собой верховное право распоряжения ленами, равно как и право высшей юрисдикции, и стремились не допустить усиления власти графов и баронов, решительно пресекая всякие проявления феодальной вольницы. Главной опорой королевской власти стали рыцарство и католическая церковь, которую она щедро одаривала земельными пожалованиями.

К концу XII в. Сицилийское королевство достигло высокой степени централизации. Власть опиралась на разветвленный чиновничий аппарат. Несмотря на то что сицилийские короли были прямыми вассалами пап, они сохраняли право назначать епископов и аббатов в своих землях. Расцвела столица Сицилийского королевства — Палермо. В 80-е годы XII в. при Вильгельме II в городе были воздвигнуты величественный собор и королевский дворец.

С приходом норманнов усилилась полиэтничность Южной Италии и Сицилии: здесь жили италийцы, составлявшие основ-

ную часть населения, греки, арабы, норманны. Завоеватели отличались веротерпимостью и охотно принимали на службу представителей разных этнических групп. Сохранялись и правовые различия — действовали лангобардское, византийское, арабское и норманнское право. Широкое распространение имели виды держания с полным или частичным прикреплением работника к земле. Это были лишенные личной свободы и права покинуть надел сервы, а также полусвободные вилланы. Заметную прослойку составляли свободные наследственные арендаторы (либеллярии) и мелкие собственники-аллодисты. Эти категории крестьян упорно отстаивали свою независимость, нередко с оружием в руках. Важную роль в урегулировании взаимоотношений крестьян с вотчинниками в XI—XII вв. играла община, добивавшаяся получения хартий от сеньоров, где определялись некоторые судебные-административные права жителей (участие «добрых людей» в сеньориальном суде, выборы синдика, отвечавшего за выполнение соглашений, и т.д.).

Империя, папство и города-коммуны. В XI—XIII вв. Италия была главной ареной борьбы двух универсалистских сил — германской империи, претендовавшей на господство в Европе, и папства, стремившегося утвердить свое верховенство над светскими государями христианского мира. Напряженное противостояние этих мощных политических сил периодически взрывалось ожесточенными конфликтами, в которые вовлекались и итальянские города. В первой половине XI в. во взаимоотношениях пап и императоров тон задавали последние. В самом начале столетия папа Сильвестр II и германский император Оттон III выдвинули утопический план создания универсального христианского государства, в котором высшая светская власть принадлежала бы императору, а папа был бы его духовным главой. Этому плану, где предусматривалось верховенство императора, не суждено было сбыться как из-за смерти его инициаторов, так и в силу противодействия ему со стороны Англии, Франции, Византии, а также германской и римской знати и духовенства.

В последующие десятилетия XI в. папская власть оказывалась во все большей зависимости от воли германских императоров, что вызывало растущее недовольство римского духовенства. Назревало и движение за реформу церкви (борьба с симонией), за нравственное очищение духовенства, за верховенство папской власти.

Решительный шаг к укреплению авторитета папы и всей римско-католической церкви был сделан Григорием VII (1073—1085), бывшим монахом Гильдебрандом. В так называемом «Диктате папы», отразившем суть его доктрины, резко подчеркивалось, что

светские властители должны подчиняться папе, наместнику Бога на земле, единственному главе церкви. Светским правителям запрещалось назначать и смещать епископов (это означало лишение их права на инвеституру), а духовенству не разрешалось получать церковные должности из рук светских владык. Утверждалось также, что никто не имеет права судить папу. Германский монарх Генрих IV объявил папу «узурпатором и лжемонахом». В ответ Григорий VII предал Генриха IV церковному проклятию и освободил его подданных от принесенной ему присяги. Под угрозой неповиновения значительной части своих подданных, включая епископов и светскую знать, Генрих явился в январе 1077 г. в тосканскую крепость Каноссу, где тогда находился папа, чтобы принести ему покаяние. Как кающийся грешник он трое суток стоял перед закрытыми воротами замка, добиваясь приема у папы. Григорий VII снял с Генриха IV отлучение, лишь получив клятвенные заверения в полном и неизменном послушании.

Противостоявшая «папе-еретику» ломбардская знать резко осудила короля за измену их общему делу, утверждая, что он «обманул надежды Италии». Но Генрих IV, испытавший унижение в Каноссе, вовсе не собирался прекращать борьбу с «папой-узурпатором» и уступать свои прерогативы. Разрядив внешней покорностью папе остроту сложившейся ситуации, он вскоре перешел в наступление, создал антипапскую коалицию и поддержал германских епископов, избравших в 1080 г. нового папу Климента III. Через четыре года Генрих IV с войском вступил в Рим, где в соборе св. Петра его короновал императорской короной поставленный им папа Климент III.

Григорий VII укрылся в замке св. Ангела, который германские рыцари не смогли взять штурмом, и призвал на помощь норманское войско во главе со своим ленником Робертом Гвискарсом. Поход последнего на Рим сопровождался насилиями над жителями и многочисленными разрушениями. Григорий VII был вынужден покинуть Рим, опасаясь гнева восставших горожан, обвинивших его во всех своих бедах. Он отправился в Салерно под защиту норманнов, где умер несколько месяцев спустя. Климент III еще долго противился власти законно избранных пап. Только Урбану II удалось прочно утвердиться на папском престоле, а после его призыва в 1095 г. к великому военному походу христианского рыцарства за освобождение Иерусалима от сарацин авторитет римского первосвященника значительно упрочился.

В ожесточенной борьбе империи и папства, развернувшейся в последние десятилетия XI в. и завершившейся компромиссом — Вормским конкордатом 1122 г., обе конфликтующие стороны

были озабочены поддержкой итальянских городов и потому жаловали им права самоуправления. Так, Пиза, Сьена и Лукка получили хартии вольностей от Генриха IV, а свободы Милана и Флоренции были подтверждены папскими грамотами. Четко обозначившаяся к началу XII в. полярная политическая ориентация городских коммун приняла позже форму «партийного» противостояния *гвельфов* и *гибеллинов* — сторонников соответственно папы и императора. Однако в основе длившейся более двух столетий распри между городами в Северной и Центральной Италии лежала не только приверженность папе или императору, в которых они видели гарантов своих свобод, но прежде всего их экономическое соперничество, острая конкурентная борьба на внутреннем и внешнем рынках.

Политическая разобщенность городов-коммун, усилившаяся к середине XII в., позволила германскому императору Фридриху I Барбароссе начать решительное утверждение своих верховных прав на территории Италии. Страна с множеством богатых, процветающих городов стала одним из главных направлений его внешней политики. В 1154 г. Фридрих I вступил с войском в Северную Италию, собрал под Пьяченцей совет из представителей феодальных сеньоров и городов-коммун Ломбардии и потребовал от последних восстановления императорских прерогатив-регалий, что означало бы резкое ограничение городских судебно-административных и финансовых прав (к этому времени обязательства городов перед императором были сведены к минимуму — предоставлению небольших денежных субсидий и военных отрядов). Серьезные претензии Фридрих I предъявил Милану, активно утверждавшему свою власть в Ломбардии, — в назидание он разграбил и сжег несколько соседних с ним коммун. Затем Фридрих I короновался в Павии итальянской короной и двинулся на Рим, где должен был по традиции получить из рук папы и с согласия римлян императорскую корону.

Папа Адриан IV находился в остром конфликте с жителями Рима, отстаивавшими право на существование римской коммуны, которая была провозглашена в 1143 г. Во главе республиканского движения стоял Арнольд Брешианский, сурово критиковавший высшее духовенство за отступление от нравственных принципов христианства: он осуждал клир за алчность, лицемерие, продажность. Папа поставил условием коронации Фридриха I выдачу Арнольда Брешианского, захваченного в плен его рыцарями, вступившими в Рим. Настроенный на союз с папой в борьбе против городов, не склонных расставаться с независимостью, Фридрих I

выдал папе «еретика», Арнольд Брешианский был брошен в тюрьму и вскоре казнен. В Риме вспыхнули волнения, которые император жестоко подавил. Наметившийся союз папы с императором оказался недолгим — Фридрих I был возмущен тем, что папа признал права на трон в Сицилийском королевстве его противника Вильгельма I.

Император покинул Италию, но в 1158 г. начал новый поход. Теперь у Фридриха I было два врага — города-коммуны и папа, недовольный тем, что в нарушение Вормсского конкордата 1122 г. назначение епископов вновь перешло в руки императора. Подойдя с войском к Милану, продолжавшему выказывать неповиновение, опираясь на поддержку других коммун, император выдвинул условия: восстановление регалий, утверждение избранных коммуной консулов, уплата дани (9000 марок серебром). В Ронкальской долине он созвал совет из представителей ломбардской знати и городов, на который пригласил и четырех юристов из Болоньи. Юристы, ссылаясь на «Кодекс» Юстиниана, подтвердили его права на регалии и на судебную власть. Решения Ронкальского совета возбудили против Фридриха I недовольство всех коммун. Однако первый же город, который оказал сопротивление этим решениям — Крема, был разрушен по приказу императора. В 1161 г. Фридрих I, опустошив сельскую местность вокруг Милана, начал летом осаду города. Весной 1162 г. магистраты Милана вынуждены были сдать город императору, который приказал жителям покинуть его, а солдатам — разграбить дома и сжечь их. Милан был полностью разрушен.

Жестокая политика Фридриха I оттолкнула от него поддерживавшие его города и привела к сплочению Италии — от Венеции до Сицилийского королевства — вокруг папы Александра III. Опираясь на поддержку папы, Милан отстроил стены и в 1165 г. вошел в оборонительный союз с Венецией, Вероной, Падуйей и Виченцей, образовавших Веронскую лигу. Фридрих I в 1166 г. предпринял новый поход в Италию, но разразившаяся в его войске эпидемия вынудила его вернуться в Германию. Тем временем итальянские города, оставив распри, стали активно объединять усилия по укреплению своей военной мощи. В 1167 г. Бергамо, Мантуя, Бреша, Феррара и Кремона создали еще одну лигу, которая в том же году соединилась с Веронской лигой. Так возникла Ломбардская лига — мощный союз городов, которому оказывали поддержку папа и Сицилийское королевство. На общие средства был восстановлен Милан и построена близ него стратегически важная крепость, названная в честь папы Алессандрией.

В течение шести лет Ломбардская лига, которая к 1174 г. насчитывала 37 городов, готовилась к решительной борьбе. Весной 1175 г. Фридрих I осадил Алессандрию после неудавшегося штурма, а войско лиги в свою очередь окружило его отряды. Через год, 29 мая 1176 г. городское ополчение Ломбардской лиги, состоявшее преимущественно из рыцарей и пополанов Милана и Бреши, напало на стоявшее лагерем близ Леньяно войско императора и выиграло сражение. Фридрих I был сбит с лошади и исчез в суматохе, оставив на поле боя свой меч и знамя, а его рыцари в панике разбежались. Одержав решающую победу над императором, итальянские города отстаивали свою независимость. Выиграло и папство. После битвы при Леньяно многие вассалы императора перешли на сторону папы, а в 1177 г. Фридрих I подписал соглашение, признав верховную власть папы и отказавшись от достигнутого в предшествующих походах.

После длительных переговоров мир был заключен в Констанце в 1183 г. Ронкальские постановления отменялись. Городские коммуны признали суверенитет императора, но получили право избирать магистратов, чеканить монету, иметь свой суд, войско, объявлять войну и заключать мир, создавать союзы, что означало их фактическую независимость. За императором сохранялась высшая юрисдикция, право постоя и формальное утверждение избранных коммунной консулов. Городские коммуны Северной и Центральной Италии получили статус самостоятельных государств. К концу XII в. в этой части Апеннинского полуострова, в отличие от централизованного Сицилийского королевства, сложилась политическая система городского полицентризма, не равнозначная феодальной раздробленности. Небывалый расцвет городской цивилизации в Италии в последующие столетия вывел ее в число самых передовых стран средневековой Европы.

§ 2. Италия в XIII—XV вв.

В XIII—XV вв. Италия оставалась страной с различными формами государственности. Южная Италия и о. Сицилия входили в состав созданного норманнами Сицилийского королевства (в XV в. оно называлось Королевством обеих Сицилий), централизованной монархии. Значительную часть Средней Италии занимало теократическое государство римских пап — Папская область. В Северной и Средней Италии, преимущественно в Ломбардии и Тоскане, сложилось несколько десятков независимых городов-республик. В XIII в. таких небольших государств, включавших город и его дистрикты, было 70, но в XIV и особенно в XV в. их число резко

сократилось, поскольку многие городские коммуны были подчинены более могущественными соседями. Менялась и форма их государственного устройства — республики превращались в *синьории*, а последние — в *принципаты*. В северо-западной части Апеннинского полуострова существовали государства с традиционной феодальной системой управления: княжество Пьемонт, герцогство Савойя и некоторые другие.

Аграрное развитие. Несмотря на интенсивный процесс урбанизации, деревенское население Италии численно преобладало над городским и в XV в., а сельское хозяйство доминировало в структуре экономики страны. Особенностью аграрного ландшафта Северной и Средней Италии в период развитого Средневековья стало распространение поликультурных хозяйств, в которых посевы зерна сочетались с разведением виноградников, оливковых и плодовых деревьев. Эти хозяйства — *подэре* — соседствовали с мелкими монокультурными участками — *парцеллами*. В XIV—XV вв. заметно углубилась специализация отдельных районов по выращиванию зерновых и технических культур, спрос на которые увеличивался с ростом ремесленного производства в городах. Так, в Ломбардии сеяли марену (из нее получали красную краску для тканей), в Тоскане — вайду, которую использовали для изготовления синей краски. В округе Болоньи, Неаполя, в Ломбардии большие пространства были засеяны льном.

Мощное развитие в XIV—XV вв. получило перегонное скотоводство. С Апеннин и Альп осенью спускались многотысячные стада овец, коз, крупного рогатого скота и лошадей, а весной они возвращались на горные пастбища. Мясное и молочное животноводство стало быстро растущей отраслью сельского хозяйства, особенно на севере страны — в Ломбардии, где возникла фермерская аренда скота, предназначавшегося на продажу. Животноводство обеспечивало сырьем сукноделие (овечья шерсть), кожевенное ремесло, производство обуви.

Серьезные изменения происходили в положении крестьянства. XIII в. стал заметным рубежом в правовом статусе колонов и сервов, прикрепленных к земле и находившихся в личной зависимости — в случае бегства их насильно возвращали господину, а сервами хозяева распоряжались, как вещью. Многие города Северной и Средней Италии по разным причинам — одни были заинтересованы в притоке рабочих рук, другие стремились ослабить экономическую мощь окрестных феодалов — выкупали колонов и сервов, правда без земли и иного имущества, и предоставляли им личную свободу. Так, Болонья, согласно «Райской книге» 1257 г., освободила более пяти с половиной тысяч сервов, принадлежавших

более 400 сеньорам, а в 80-е годы XIII в. коммуна сделала свободными многих колонов дистретто. Подобную акцию, хотя и в меньших масштабах, предприняла в конце XII в. Флоренция, освободившая от прикрепления к земле и личной зависимости колонов тех феодалов округи, которые не признавали ее власть. При этом она воздержалась, однако, от предоставления свободы колонам, сидевшим на землях городских собственников. Выкуп крестьян, находившихся в наиболее приниженном положении, стал важной чертой городской политики и привел к расширению слоя свободных арендаторов. Впрочем, колоны и сервы не исчезли окончательно: немало их сохранялось в отсталых окраинных районах — Пьемонте, Фриуле и др., но особенно в Южной Италии, где прослойка несвободных держателей возросла благодаря законодательству норманнских королей.

Углублялись и иные различия между аграрным развитием юга и севера страны. На севере шло не только освобождение лично зависимых категорий крестьянства, но и укреплялись права свободных наследственных арендаторов на распоряжение землей. Важным фактором, способствовавшим этим процессам, было существование сельских коммун, защищавших интересы держателей. В Южной Италии, наоборот, города слабели и усиливалась власть феодалов, подчинявших своему влиянию и деревенские общины. Правда, и на севере свобода сельских коммун сохранялась сравнительно недолго — уже в XIII в. здесь намечается тенденция к сокращению их прав, а затем и полному подчинению их городу. Изменилась и позиция городских коммун, ставших крупными земельными собственниками округи, — они не поддерживали больше иски сельской администрации против нарушения крестьянских прав местными сеньорами. Более того, заинтересованные в повсеместном утверждении собственной власти в дистретто, города повели наступление на свободу сельских коммун: ограничивали их административные права, сокращали сферу деятельности должностных лиц, расширяли регламентацию сельскохозяйственных работ, устанавливали выгодные горожанам цены на зерно и другую сельскохозяйственную продукцию. В XIV в. свободных сельских коммун в Северной и Средней Италии почти не осталось — они сохранялись лишь в труднодоступных горных районах.

XIV век отмечен кризисными явлениями в аграрном развитии Италии: череда неурожайных лет, несколько сильных эпидемий чумы и как следствие — сокращение населения страны за полтора столетия (с 1300 по 1450 г.) с 11 млн до 8 млн человек. Однако демографический спад, неравномерно проявлявшийся в разных

регионах, неодинаково сказавшись на экономике отдельных территорий. Как и прежде, в числе наиболее развитых областей были Тоскана и Ломбардия. В XIV—XV вв. здесь резко возросли масштабы земельной собственности горожан (они скупали участки не только у церкви и светских феодалов, но и у мелких собственников и наследственных арендаторов); при этом проявилась тенденция к укрупнению владений и к переходу от парцелл к крупным поликультурным хозяйствам — подере. Менялись и формы крестьянских держаний: наследственная аренда (либелла, эмфитевсис и др.) все заметнее уступала место различным видам краткосрочной аренды (издольной — с уплатой от четверти до половины урожая — и аффикту с фиксированной денежной рентой). Собственники, особенно горожане, предпочитали сдавать подере на условиях издольщины, тогда как аффикт чаще был связан с парцеллами.

Испольщина (медзадрия) стала первым шагом перехода от феодальной аренды к капиталистической. Хозяин земли участвовал здесь в производстве, предоставляя арендатору часть семян для посева и ссуду для приобретения рабочего скота и инвентаря. Испольщик уплачивал хозяину половину урожая (в XV в. укоренилась практика принесения еще и «дополнительных даров»). Однако оставшаяся у арендатора часть урожая далеко не всегда покрывала потребности его семьи. Отсюда его постоянная задолженность собственнику подере. Хотя испольщина как форма аренды, переходная к капиталистической, должна была бы способствовать прогрессивному развитию сельского хозяйства, в условиях Италии этого не происходило. Поскольку испольщик не имел прав распоряжения землей, в том числе права изменять агрикультуру участка, его хозяйственная инициатива была скована, тем более что у него, как правило, не было достаточных средств. В итоге испольщик не стал работником, заинтересованным в повышении производительности своего труда. В Тоскане широкое распространение испольщины в XV в. привело в последующем к стагнации деревни. В Ломбардии шаги к капиталистическому предпринимательству, особенно в животноводстве, были более уверенными, но чрезвычайно медленными.

Крестьянские восстания. Различия в аграрном развитии отдельных регионов Италии сказались на характере социальной борьбы крестьян. На северо-западе полуострова, в маркизатах Монферрат и Салуццо, в Пьемонте, где сохранялись наиболее тяжелые формы личной зависимости крестьян, в 1303—1307 гг. произошло одно из наиболее организованных восстаний сельской и городской бедноты, которым руководил монах-францисканец Дольчино. Он был

последователем еретического движения «апостольских братьев», основанного членом францисканского ордена монахом Сегарелли (который был осужден инквизицией и сожжен).

Дольчино проповедовал идеи имущественного и духовного равенства; осуждал церковь, оскверненную непомерными богатствами и погрязшую в грехе, говорил о неизбежном наступлении «тысячелетнего царства» справедливости, призывал к насилию над богатыми. Проповеди Дольчино привлекли к нему множество сторонников из крестьян и городских низов. В 1304 г. близ г. Верчелли в Пьемонте его вооруженные отряды одержали победу над войском местных феодалов. Тогда папа Климент V объявил крестовый поход против восставших. Дольчино вынужден был отступить в высокогорный район, где на горе Цебелло создал укрепленный лагерь, в котором жизнь была организована на началах примитивного равенства. Отрядам Дольчино удалось дважды отбить штурм горы рыцарским войском под предводительством герцога Савойского. Однако после длительной осады крепости обреченные на голод повстанцы весной 1307 г. были разбиты. Дольчино умер под пытками, не отказавшись от своих идей.

В XIV—XV вв. в разных районах Северной и Средней Италии вспыхивали крестьянские волнения, вызванные ростом налогов, торговых пошлин, резкими колебаниями цен и т.д. С обретением свободы самые разные категории держателей (большинство их составляли краткосрочные арендаторы) оказывались под финансовым гнетом города — они должны были платить помимо арендной платы прямые налоги (определенный процент от доходов хозяйства), особенно же страдали от чрезвычайных и косвенных налогов. С утратой влияния и независимости сельских коммун жители ближних и дальних пригородов попадали в полное подчинение к городу, что вызывало протест с их стороны и приводило к частным локальным выступлениям крестьян. Так, в округе Пистойи (дистретто Флоренции) в 40—50-е годы XIV в. произошло шесть антиналоговых выступлений. В 1462 г. крупные волнения вспыхнули в округе Пьяченцы (дистретто Милана): крестьяне были недовольны увеличением пошлины и введением ограничения на продажу в городе продукции сельского хозяйства. 7-тысячное войско крестьян подошло к Пьяченце и потребовало от наместника герцога снизить пошлины на продажу вина, зерна и скота, разрешить их свободную продажу в городе и отменить налог на помол зерна. После долгих переговоров с наместником крестьянское войско, оставленное примкнувшими к ним вначале отрядами местных сеньоров, было разгромлено.

Городское ремесло и торговля. Обретение городами Северной и Средней Италии политической независимости, успешная «война с замками» и установление собственной власти в округе, разительное расширение городского землевладения — все это создало благоприятные условия для бурного экономического роста городских республик, небывалого расцвета их ремесла, торговли, банковской деятельности. В XIII—XV вв. итальянские города лидировали в торгово-промышленном и финансовом предпринимательстве европейских стран.

В развитии ремесла уже в XIII в. становился все более заметным процесс специализации, отпочкования все новых профессий. В крупных городах насчитывалось по несколько сотен ремесленных профессий, которые охватывали производство самых разных предметов потребления — от одежды и утвари до ювелирных и других художественных изделий. Профессиональная дробность ремесла, свидетельствующая о далеко зашедшем разделении труда, сопровождалась, как правило, возникновением цеховых корпораций. В Италии этот процесс приобрел своеобразные черты. Так, число цехов в городе далеко не всегда соответствовало количеству ремесленных профессий — цехов было значительно меньше (от 20 до 80, исключение составляла Венеция, где их насчитывалось 147). Это объяснялось прежде всего тем важным обстоятельством, что в итальянских городах-государствах цехи выполняли не только экономические, но и политические функции. Ремесленные корпорации могли иметь своих представителей в органах власти, само гражданство во многих городах определялось принадлежностью к какому-либо цеху. Цехи были правомочными независимыми корпорациями (лишь в Венеции они полностью подчинялись государству), имевшими свою администрацию, финансы, военное ополчение и знамя. Нередко цех объединял десятки ремесленных профессий. Так, во Флоренции, где к концу XIII в. сложился 21 цех, корпорация галантерейщиков включала в свой состав ремесленников 30 специальностей, а цех «врачей и аптекарей» охватывал около 50 профессий. Объединение в одну корпорацию ремесленников порой очень далеких друг от друга специальностей диктовалось политической необходимостью — иметь свое представительство в магистратурах с тем, чтобы успешнее противостоять засилию магнатов и купеческой верхушки. Что же касается экономических интересов входивших в широкую корпорацию ремесленников, то у каждой профессиональной группы были свои уставы, регламентирующие производство, и своя администрация.

В городах-государствах Северной и Средней Италии цехи уже в XIII в. стали основной формой не только хозяйственной, но и социально-политической организации ремесленной прослойки попола́нства, активно боровшегося за участие в городском управлении. Цехам противостояли не только магнаты, но и купеческие корпорации, которые начали возникать еще в XI—XII вв. и поначалу принимали в свой состав и ремесленников. Так, в Парме в начале XIII в. в «общество купцов» входили также суконщики, мясники, сапожники, кузнецы. В XIV—XV вв. купеческие корпорации обрели более узкие рамки и структурно мало отличались от ремесленных цехов (собственная администрация, устав, финансы и т.д.). Главное отличие состояло в том, что единицей цеха была мастерская ремесленника, а деятельность купцов протекала, как правило, в рамках разного рода компаний, создававшихся на паевых началах сроком на год — два. Характер компании зависел от вида торговли — морской или сухопутной, внутренней или международной. В некоторых городах, как это произошло во Флоренции, купеческие компании входили в состав сукнодельческих цехов, но при этом задавали там тон, диктуя свои условия этой самой крупной отрасли производства — купцы поставляли для нее шерсть и красители, от них зависел и сбыт готовой продукции. В Лукке корпорация торговцев шелком-сырцом и шелковыми тканями была широко представлена в органах городского самоуправления и держала в своих руках все нити экономики.

Ведущие позиции купечества в большинстве городских республик завоевывались в длительной и ожесточенной борьбе с нобилитетом (к концу XIII в. этот этап успешно завершился) и ремесленными массами попола́нства. В Италии купечество не было социально однородным, замкнутым слоем, если не считать Венецию с ее монолитным патрициатом, монополизировавшим торговлю и государственное управление. Купечество пополнялось выходцами как из нобилитета, так и из верхушки ремесленников и сельских богатеев. Главную опору итальянских купцов составляло их богатство, размеры состояний многих крупных купеческих фамилий поражали современников. Основными источниками накопления служили торговля и ростовщичество, нередко в замаскированной форме, поскольку католическая церковь осуждала взимание процентов по ссудам.

Торговля приобрела очень широкий размах уже в XIII в. и вплоть до конца XV в. оставалась наиболее динамично развивавшейся отраслью итальянской экономики. Разрастался внутренний товарообмен, морские порты все теснее связывались с городами внутренних районов полуострова, усиливались связи и между

последними. Торговые операции носили не только транзитный характер, но в них включались и сотни видов товаров местного производства, чему немало способствовала хозяйственная специализация отдельных районов. Основные сухопутные торговые магистрали шли с севера на юг страны (из Милана и других городов Ломбардии в Тоскану, Умбрию и далее вплоть до Сицилии), а также с востока на запад (из Венеции в Тоскану), с северо-запада на юго-восток (из Пьемонта в Рим). Каботажные суда шли из Генуи в Пизу и Неаполь, из Сицилии в Венецию. Сухопутной доставкой грузов часто занимались объединения перевозчиков, о размахе их деятельности говорят, в частности, сотни гостиниц и постоянных дворов на торговых маршрутах. Только во Флоренции в конце XIV в. было 622 гостиницы, а в ее предместье — 234.

Несмотря на интенсивное развитие внутренней торговли, в Италии еще и к концу XV в. не сложился внутренний товарно-ценовой рынок. Этому процессу препятствовали и государственный полицентризм, и острая конкуренция крупнейших городов на внешних рынках (к тому же каждый из них претендовал на роль ведущего центра внутри страны), и, наконец, природный рельеф полуострова — расчлененность его Апеннинским хребтом. Сказывалось и сложившееся еще в раннее средневековье своеобразие быта, наречий, хозяйственных и культурных традиций отдельных районов страны. Не способствовала складыванию единого рынка ориентация итальянского купечества на внешние рынки — итальянские торговые компании рано осознали выгоды географического положения страны на перекрестке торговых путей Востока и Запада. Крупные торговые дома Генуи и Венеции, Милана и Флоренции, Лукки и Болоньи, да и многих других городов Италии имели десятки филиалов в разных странах Европы и на Ближнем Востоке, равно как и в государствах Апеннинского полуострова. Таков был, например, дом Медичи — состоявшая из представителей этого рода торгово-банковская компания, базировавшаяся во Флоренции, основала в XIV—XV вв. свои филиалы не только в Пизе, Милане, Риме и Венеции, но также в Брюгге, Лондоне, Антверпене, Брюсселе, Любеке, Женеве и Лионе.

Торговая деятельность итальянских купцов, как правило, сочеталась с банковскими операциями. Разбросанность филиалов купеческих компаний, крупные объемы купли-продажи товаров и денежных сделок подталкивали к усовершенствованию банковского дела. Именно в Италии впервые появились векселя и двойная бухгалтерия (строгая фиксация дебета и кредита, всех счетов, унификация мер и т.д.). Итальянские монеты — чеканившийся во Флоренции полновесный золотой флорин и золотые венеци-

анские дукаты — играли роль международной валюты, а банкиры Флоренции, Сьены, Болоньи, Милана приобрели огромный вес как внутри страны, так и за ее пределами, широко кредитуя феодальную знать, купечество и правителей Франции, Германии, Испании и других европейских стран.

Зарождение мануфактуры. Производство шерстяных тканей — одна из ведущих отраслей средневековой экономики европейских стран — в XIII—XIV вв. прошла путь от традиционного ремесла, когда мастер самостоятельно закупал сырье или полуфабрикат (шерсть, пряжу, красители и т.д.) на местном рынке и там же сбывал свою продукцию, до мануфактурного производства. Последнее было по-прежнему основано на ручном труде («мануфактура» от лат. *manus* — рука и *facere* — делать), но организатором его выступал купец-предприниматель. Впервые в Европе мануфактура возникла в крупных итальянских городах — Флоренции, Сьене, Лукке, Болонье — уже в начале XIV в.

Лидировала в этом процессе Флоренция. XIII век стал подготовительным этапом: наряду с существовавшей ранее перепродажей привозных сукон началась организация их производства в самом городе. В конце XII в. во Флоренции был образован цех Калимала, занимавшийся окраской и отделкой грубых привозных сукон, которые продавались затем на внутренних рынках и вывозились в другие страны. Организаторами этого производства стали компании купцов-шерстяников, которые постепенно к XIV в. подчинили себе занятых окраской и отделкой сукон ремесленников, определяли как технологию производства, так и заработную плату. В результате внедрения в это производство торгового капитала ремесленники оказались отторгнутыми от рынка, превращаясь в наемных рабочих (финансовая зависимость от компаний нередко вынуждала их закладывать и продавать свои орудия производства). Так возникала рассеянная мануфактура, в которой ремесленники работали по-прежнему в своих мастерских.

Еще более наглядно путь складывания мануфактуры можно проследить на примере полного цикла сукнодельческого производства, организатором которого во Флоренции стал цех Лана, возникший в начале XIII в.

Сукна Ланы — а это были тонкие шерстяные ткани яркой окраски и высокого качества — изготавливались из особых сортов овечьей шерсти, которая привозилась из Испании, Португалии, Северной Африки и Англии. Поначалу шерстобиты, прядильщики, ткачи, красильщики и аппретурищики самостоятельно участвовали в рыночном обороте сырья и полуфабрикатов, а компании купцов-шерстяников, входивших в цех, занимались лишь доставкой

сырья и сбытом готовой продукции. Но уже в начале XIV в. купцы стали выполнять функции главных организаторов производства. Складывалась смешанная мануфактура, в которой производственный процесс выглядел следующим образом. Компания шерстяников (она состояла из двух-трех купцов, вносивших капитал, и шерстяника, вместе с наемными помощниками руководившего производством) могла начать дело, лишь получив лицензию от цеха и обязавшись соблюдать установленную им технологию и количество изготавливаемых штук сукна. Далее закупалась шерсть, для ее промывки и очистки нанимались рабочие, не имевшие особой квалификации. Они промывали шерсть в принадлежавших цеху бассейнах на берегах реки Арно, просушивали ее, а затем выбивали и расчесывали в мастерской шерстяника принадлежавшими ему орудиями труда — палками и гребнями. Чистую шерсть помощники шерстяника раздавали прядильщикам-надомникам (часто ими были женщины) из городской округи, а пряжу передавали ткачам, работавшим в своих мастерских. Ткачи входили в особый цех, подчиненный цеху Лана. Затем ткань проделывала путь от красильщиков на сукновальные мельницы (они также принадлежали цеху Лана), далее — в помещения для вытягивания сукон, которые строил обычно цех, а оттуда, наконец, в мастерскую шерстяника, где ее обрабатывали гладильщики и аппретурщики, которых нанимала компания.

Разделенное на 28 операций сукнодельческое производство осуществлялось, таким образом, в смешанной мануфактуре, т.е. начальные и конечные операции — в мастерской шерстяника, остальные — вне ее. Возникновение такой мануфактуры предопределили два главных фактора: наличие крупных капиталов у купцов-предпринимателей и максимально возможное в данной отрасли разделение труда. Высококачественные флорентийские сукна вывозились через Венецию в Германию и на Ближний Восток. О масштабах сукноделия во Флоренции говорят такие цифры: в середине XIV в. в городе было более 200 компаний шерстяников, в год они производили до 80 тысяч кусков сукна, каждый по 150 м. В сукноделии было занято 30 тысяч человек, из них 10 тысяч — чомпи (так назывались рабочие, занятые первичной обработкой шерсти). Производительность труда на флорентийских мануфактурах была выше, чем в традиционном текстильном цеховом производстве. В мануфактуре организатор производства, освобождая ремесленников от связи с рынком, увеличивал тем самым время на производство продукции, которое к тому же у каждого работника было отдано какой-нибудь одной операции. Мануфактура открывала путь для резкого увеличения производства

товаров массового спроса, в данном случае — сукон, и заметного обогащения купцов-предпринимателей. Капиталы многих флорентийских купцов, складывавшиеся не только в сукноделии, но и в торгово-банковской сфере, достигали сотен тысяч флоринов.

И все же возникшие в Италии раннекапиталистические отношения не стали формообразующими для других стран Европы и не получили длительной экономической перспективы в самой стране. Уже к концу XV в. стали заметно сказываться негативные стороны итальянских мануфактур, особенно сукнодельческих, — их тесная связь с цехом, который строго регламентировал весь производственный процесс, ограничивала инициативу по его усовершенствованию, технические нововведения не приветствовались, а порой и пресекались, к тому же ценовая политика цеха не всегда делала конкурентоспособными итальянские сукна на внешних рынках.

Кроме сукноделия раннекапиталистические отношения в Италии складывались в шелковом производстве (в Лукке и Венеции) и судостроении в портовых городах. В последнем важную организующую роль играло государство (в Венеции — созданный республикой Арсенал).

Социально-политическое развитие городских коммун. Обретение городскими коммунами Северной и Средней Италии политической самостоятельности открыло возможности для укрепления и дальнейшего развития их государственных институтов — советов и различных магистратур административного, судебного и полицейского характера. На эволюцию системы управления в городах оказывала влияние обострившаяся в начале XIII в. социальная борьба. Главная линия противостояния пролегла между нобилитетом и организованным в цехи пополанством, но к этому добавлялась борьба между отдельными феодальными кланами, соперничество крупных купеческих фамилий, а также волнение «тощего народа» и плебса. Городское законодательство — статуты — еще только начинало разрабатываться (первые записи статутного права относятся ко второй половине XIII в.) и еще не всегда ставило преграду усилению власти в городе могущественных нобильских фамилий. Это вызывало ответную реакцию со стороны отстраненного от управления, но экономически прочно стоящего на ногах купечества. Порой достаточно было небольшого повода, чтобы в городе начались вооруженные столкновения — ведь феодальная знать опиралась на свои дружины, готовые по первому знаку вступить «за честь» сеньора, да и цеховые ополчения имели опытных военных предводителей из числа рыцарства.

ХІІІ век стал временем постоянной социальной напряженности в городах, часто взрывавшейся вооруженными столкновениями враждующих партий. Эти партии еще со времен итальянских походов императора Фридриха І Гогенштауфена получили название *гвельфов* — противников императора, искавших поддержки у папства, и *гибеллинов* — сторонников императора. Поначалу гибеллинской ориентации придерживались нобили, а гвельфской — пополаны. Однако в ХІІІ в. эти партийные знамена утратили четкую социальную принадлежность, их выбор нередко определялся конкретной политической ситуацией. Постоянным еще и в ХІV в. оставалось само размежевание враждующих городов и социальных групп внутри них на гвельфов и гибеллинов. Так, тесно связанной с папством гвельфской Флоренции (ее банкиры были главными кредиторами римской курии) противостояли ее соперницы — Пиза, Сьена и Лукка, державшиеся гибеллинской ориентации. Но та же Сьена, да и Лукка порой провозглашали себя сторонниками гвельфов, года это было им выгодно политически. Сохранению традиций этого партийного противостояния способствовало продолжение борьбы империи и папства в первой половине ХІІІ в.

В этой сложной обстановке внутренней нестабильности и внешней опасности стали изменяться и формы городского управления. Исполнительная власть выборных (из числа горожан) консулов уже в конце ХІІІ в. стала уступать место судебно-полицейской власти чужеземного чиновника — *подеста* (от лат. *potestas* — власть), приглашавшегося на службу в город сроком на один год. По соглашению с коммуной, выплачивавшей подеста солидное вознаграждение, он приводил с собой вооруженный отряд, судей и нотариуса и располагался в специально строившемся для него дворце — палатце подеста. Эти дворцы правосудия стали во многих городах выразительными образцами романской и своеобразной готической архитектуры Италии ХІІІ в. В городских статутах четко определялись функции подеста, преимущественно судебно-полицейского характера. Его авторитет в городе был высок, он председательствовал в городских советах, однако законодательных прав не имел и в конце срока отчитывался о своей деятельности перед коммуной.

Во второй половине ХІІІ в. система управления в коммунах значительно усложнилась. Там, где пополанство в борьбе с нобилями одержало победу, — во Флоренции, Лукке, Сьене, Пизе, Болонье, Милане и других городах — наряду с Большим советом, или Советом коммуны, возник Совет народа, в котором были представлены, в отличие от первого, только пополаны, прежде

всего цеховые старшины. Во главе городского ополчения стал теперь капитан народа, которого избирали на один год из рыцарей-чужеземцев, а его функции во многом переплетались с полномочиями подеста (в некоторых коммунах капитан народа заменил собой подеста). Таким образом, внутри «большой коммуны» стала складываться «малая коммуна», отражавшая интересы верхушки пополанства. Новая форма правления обеспечила на какое-то время баланс политических сил, но не привела к прочной социальной устойчивости в городе. Наиболее влиятельные аристократические фамилии не оставляли надежд на утверждение всей полноты власти в рамках «большой коммуны». В этой связи начала возрастать роль капитана народа, командовавшего цеховым ополчением, как гаранта интересов пополанства. Это стало шагом на пути к установлению синьории — новой формы правления, утвердившейся в конце XIII — начале XIV в. во многих городах Северной и Средней Италии.

Так, в Милане, Падуе, Мантуе, Вероне капитаны народа были провозглашены «синьорами» (т.е. правителями, господами) города, власть которых не ограничивалась определенным сроком, а в первой половине XIV в. стала наследственной. Синьор не упразднял советы и магистратуры коммуны, но последовательно сводил на нет их роль в жизни города, становясь полновластным единоличным правителем. Он присваивал себе право назначать подеста, который теперь был ответствен только перед ним, ставил некоторые преграды могуществу нобилей (например, в Вероне им запрещалось строить замки в контадо), заигрывал с цехами, и главное — командуя городской армией, начал вести активную завоевательную политику в округе, подчиняя мелкие города своей власти.

Такую политику проводила, в частности, синьория рода Скалигеров, утвердившаяся в Вероне. В XIV в. Скалигерам удалось подчинить ряд городов Ломбардии. Но гибеллинской Вероне противостоял здесь всегда державшийся гвельфской ориентации Милан, претендовавший на господство в Северной Италии. Война Вероны с Миланом окончилась ее поражением, в 1387 г. она была включена в состав Миланского герцогства. В начале XV в. Верону, как и ряд других городов Ломбардии, подчинила своей власти Венецианская республика. Сходной оказалась политическая судьба Падуи, где синьорию основал род Каррара. В конце XIV в. Падуя оказалась под властью Милана, а в 1406 г. над ней установила свое господство Венеция. В Вероне и Падуе синьориальное правление длилось около столетия, его итогом стало ослабление в обоих городах власти цеховой верхушки пополанства

и укрепление позиций нобилитета и крупного купечества. Коммунальные магистратуры здесь перестали избираться, их состав назначался синьором, таким образом, с пополанской коммуной было покончено.

Иной путь прошла Феррара — крупный город Северной Италии, где сеньория возникла раньше других городов — в середине XIII в. В первой половине этого столетия здесь бушевала борьба гвельфов и гибеллинов. Причем партию гвельфов составляла феодальная знать во главе с маркизами д'Эсте, а партию гибеллинов — купечество, опиравшееся на средние слои пополанства. В 1240 г. при поддержке Венеции и гвельфских городов Ломбардии д'Эсте одержали победу над гибеллинами Феррары. В результате местное купечество было оттеснено венецианскими купцами от важных каналов транзитной торговли. Феодалы, наоборот, сохранили прочные позиции в округе. В 1264 г. они поддержали избрание синьором города представителя рода д'Эсте. Он получил неограниченные полномочия в Ферраре и ее дистрикто: мог изменять старые и издавать новые статуты, назначать чиновников и т.д. Синьория рода д'Эсте просуществовала в Ферраре более трех столетий. Синьоры вели активную завоевательную политику, строили крепости, широко использовали наемные войска, что вело к усилению налогового гнета на население. Это стало причиной крупного антиналогового восстания в 1385 г., которое было жестоко подавлено. В то же время д'Эсте покровительствовали университету, были щедрыми меценатами, привлекали ко двору поэтов, художников, ученых. В XV в. Феррара стала одним из центров гуманистической культуры. В 1471 г. Борсо д'Эсте получил титул герцога. Феррара превратилась из синьории в государство монархического типа — принципат. По воле монарха, стремившегося к централизованному правлению в своих владениях, складывался бюрократический аппарат, вытеснивший коммунальные магистратуры.

В XV в. в Северной и Средней Италии наиболее могущественные из городов-государств укрупняли свои владения, насаждали в подчиненных территориях свою администрацию, что было шагом к централизации государственной власти, как монархической (Миланское герцогство, Феррара), так и республиканской (Венецианская республика, Флоренция).

Городские восстания. Борьба пополанства с нобилитетом, которой был отмечен в истории итальянских городов XIII век, в следующем столетии сменилась в одних случаях установлением синьории и относительного равновесия сил, в других, там где власть перешла к торгово-ремесленной верхушке пополанства, — резким

усилением противоречий между «тощим» и «жирным» народом, т.е. между массой наемных рабочих и мелких ремесленников, с одной стороны, и цеховыми мастерами, владельцами мануфактур, купцами — с другой. Лишенный политических прав, задавленный нуждой и тяжелым трудом (рабочий день длился 12—14 часов), «тощий» люд, составлявший почти треть населения города, начал подниматься на борьбу за лучшую долю. В Средней Италии — во Флоренции, Сьене, Перудже, других городах в 40—80-е годы XIV в. прокатилась мощная волна городских восстаний — их было более 20. Они различались по целям и требованиям, по степени организованности и составу участников. Как правило, выступления мелких ремесленников, подмастерьев, наемных рабочих были вызваны ухудшением их экономического положения — ростом цен, снижением уровня заработной платы и т.д. Однако в ряде случаев восстания принимали более широкий социальный характер, в них вовлекались средние слои пополанства. Такие выступления преследовали не только экономические, но и политические цели: восставшие требовали создания новых цехов, что позволило бы лишенным гражданских прав ремесленникам принимать участие в управлении городом, поскольку гражданство определялось не только имущественным цензом, но и принадлежностью к цеху.

Весной 1345 г. во Флоренции чесальщик Чучо Брандини вел агитацию среди чомпи цеха Лана, призывая их организовать братство, которое имело бы своих выборных лиц. Чучо и его единомышленники начали готовить антиправительственный заговор. Когда Чучо был арестован, чесальщики, оставив работу, направились ко дворцу Синьории, требуя его освобождения. Получив отказ, они подняли восстание, к которому примкнули многие наемные рабочие, требуя повышения заработной платы. Чучо был казнен, а восстание разгромлено.

Летом и осенью 1368 г. волнения во Флоренции вспыхнули вновь: сначала чомпи протестовали против высоких цен на хлеб, а затем красильщики провели ряд забастовок, требуя повышения заработной платы. Однако самым мощным и зрелым стало восстание чомпи во Флоренции летом 1378 г. Ему предшествовала тяжелая экономическая ситуация в городе (сокращение торговых связей, спад производства сукон), вызванная наложенным в 1376 г. на Флоренцию интердиктом за участие вместе с другими городами в войне против папы. Правительство стало увеличивать налоги, вводить новые принудительные займы, что усилило недовольство населения города. Обострилась борьба между грандами и пополанством. В июне 1378 г. представители цехов подали в Синьорию

петицию с требованием принять законы против грандов. Однако обсуждение петиции в комиссиях не дало положительного результата. Это послужило толчком к началу восстания: с лозунгом «Да здравствует народ и цехи!» ополчения младших цехов двинулись ко дворцу Синьории, а затем начали поджигать дома знати. К ним примкнули чомпи и другие горожане, что вынудило правительство (приоров) принять ряд постановлений, по которым гранды лишались прав занимать государственные должности, а права младших цехов были расширены. Положение наемных рабочих не изменилось, что создавало почву для новой вспышки восстания, которая и произошла в июле 1378 г.

На этом этапе восстание тщательно готовилось: проводились тайные собрания наемных рабочих и цеховых ремесленников, вырабатывалась программа (были составлены две петиции), назначен срок восстания — 20 июля. В петицию были включены требования чомпи и всего «тощего народа»: участие его представителей в правительстве, создание цеха чомпи, повышение заработной платы на 50% и ряд других. Восстание началось в назначенный день по сигналу колокола: вооруженные отряды подошли ко дворцу Синьории, где к ним присоединилась многотысячная толпа — ремесленники, подмастерья, наемные рабочие. Начали поджигать дома грандов и шерстяников, а также дворец цеха Лана. 21 июля восставшие захватили дворец подеста и избрали представителей «тощего народа», которые вручили петицию членам Синьории (вскоре она была утверждена советами республики). В тот же день участники восстания с лозунгом «Да здравствует тощий народ!» вступили во дворец Синьории, требуя смены правительства. Был сформирован новый состав Синьории, куда вошли три представителя от старших цехов, младших цехов и чомпи. Главой Синьории стал выходец из чомпи Микеле ди Ландо (в ходе дальнейших событий оказавшийся предателем). 28 июля был избран новый состав советов и комиссий, к власти пришли представители всех слоев населения, «бедных и богатых», по словам хрониста. Возникли три новых цеха — чомпи, красильщиков и портных, в которые вошли ремесленники других профессий. Однако экономические требования восставших выполнены не были, поскольку владельцы сукнодельческих мастерских начали саботировать решения Синьории. Назревало новое восстание.

Последний этап восстания чомпи начался в августе. На тайных сходках чомпи создали свое правительство («Восемь святых божьего народа»). 28 августа тысячные отряды восставших осадили дворец Синьории и подали правительству петицию, в которой решительно потребовали ограничить экономическую и политическую власть «жирных» пополанов. Петиция была утверждена

Синьорией, но с ее осуществлением она не спешила. Тогда чомпи потребовали признать законным их правительство «Восьми святых». 31 августа его представители явились во дворец Синьории, чтобы принять от него присягу, но были арестованы по приказу Микеле ди Ландо. Готовившийся против чомпи заговор «жирных» пополанов был осуществлен: верные синьории ополчения нескольких цехов окружили площадь перед дворцом, где собрались чомпи, и жестоко расправились с восставшими. Цех чомпи был ликвидирован, а в 1382 г. такая же судьба постигла два других цеха, возникших в ходе восстания, — красильщиков и портных. Во Флоренции прочно утвердилась власть «жирных» пополанов.

Флорентийская республика. В XIII—XIV вв. Флоренция была одним из самых крупных и экономически развитых городов-государств Италии. Ее население до эпидемии чумы 1348 г. составляло 125 тысяч человек. Флорентийские купцы вели широкомасштабную торговлю со странами Европы и Ближнего Востока, они наживали большие капиталы также и в банковской деятельности. К середине XIV в. Флоренция была главным поставщиком итальянских сукон в европейские страны. Хозяйственные успехи пополанской верхушки города во многом предопределили и укрепление ее политических позиций. Во Флоренции в 1250 г. была принята одна из первых в Италии пополанских конституций. Наряду с Советом коммуны был создан Совет народа и стал избираться капитан народа, деливший с подеста судебную и военную власть. В 1282 г. после победы гвельфской партии над грандами-гибеллинами был создан новый орган высшей государственной власти — Синьория (или коллегия приоров), куда вошли 6 представителей от старших цехов. К концу XIII в. явный перевес в делах республики получили, таким образом, пополаны. Попыткам грандов с оружием в руках вернуть бывшее господство в коммуне был положен конец новой конституцией Флоренции — «Установлениями справедливости», принятыми в 1293 г. Гранды были лишены политических прав, вытекавших из наличия гражданства, — оно стало прерогативой объединенного в цехи пополанства. Тем не менее особенностью дальнейшего социально-политического развития Флоренции стало сближение нобилитета и цеховой верхушки. Ряд законов, изданных в XIV в., обязывал аристократические фамилии города принять пополанский статус.

XIV век — время расцвета пополанской демократии во Флоренции. Ее гарантом был гонфалоньер справедливости — глава Синьории, избиравшийся, как и остальные ее члены, сроком на два месяца. Пребывание в Советах длилось 4 месяца. Выборность всех магистратур и их краткосрочность (не более полугода) —

главные черты флорентийской пополанской демократии. Раз в пять лет проводилось всеобщее голосование среди граждан, в ходе которого выбирались кандидаты на различные должности. В главных магистратурах можно было служить лишь раз в три года. В них могли избираться представители как от старших, так и от младших цехов; первых было 7, вторых — 14. Однако законами закреплялись пропорции представительства в пользу старших цехов. Так, в конце XIV в., после подавления восстания чомпи, в избирательных списках кандидатов от старших цехов было в 2,5 раза больше, чем от младших. Пополанская демократия во Флоренции была по сути демократией «жирного народа», допускавшей к управлению республикой немногим более тысячи семейств, хотя и не фиксированных, как это было в Венецианской республике, где патрицианская олигархия стала замкнутой социальной прослойкой. Представительство «тощего народа» в магистратурах Флоренции было сведено к минимуму. Но даже это скромное участие выгодно отличало Флоренцию от других городских республик, например Сьены и Лукки, где власть безраздельно принадлежала «жирным» пополанам.

В конце XIV — первые десятилетия XV в. во Флоренции развернулась ожесточенная борьба олигархических группировок из числа бывших грандов и разбогатевшего купечества за ведущую роль в государственных делах. Побеждавшая партия изгоняла политических противников из города, нередко с конфискацией имущества. Так, клан Альбицци добился изгнания из Флоренции своих соперников во главе с Козимо Медичи. Однако в 1434 г. Медичи вернулся в город как победитель. Будучи богатейшим купцом и банкиром, Козимо имел немало сторонников, как правило, находившихся от него в финансовой зависимости, что позволяло ему оказывать влияние на выборы магистратов и проводить в высшие органы власти своих ставленников. Вплоть до смерти в 1464 г. Козимо Медичи важные государственные дела не решались без его согласия, хотя он и не занимал государственных должностей. Вся структура республиканской власти сохранялась, но со временем все больше походила на декорацию, прикрывавшую тиранию Медичи. Политика республики вершилась во дворце Козимо. Его внук Лоренцо, прозванный Великолепным за щедрое меценатство и выдающиеся способности, фактически правил Флорентийской республикой с 1469 по 1492 г., не входя ни в одну из высших магистратур. Власть оказалась в руках 25 семейств, тесно связанных с домом Медичи родственными или экономическими узами. В 1480 г. был создан Совет 70, получивший широкие полномочия, что закрепило перерождение флорентийской

демократии в олигархически-синьориальный режим власти. Современники Лоренцо Великолепного видели в нем подлинного тирана, но и воздавали ему должное как яркой личности, блестящему поэту, покровителю наук и искусств.

Лоренцо сосредоточил в своих руках всю внешнюю политику Флорентийской республики — принимал послов, вел войны, подавлял восстания в подчиненных городах. В XV в. в результате завоевания Пизы, Вольтерры и ряда других городов Тосканы Флоренция превратилась в обширное государство, управление которым требовало немалых средств. Для пополнения казны, которой Лоренцо пользовался как своим банком, он увеличивал налоги, вводил принудительные займы. Все это в сочетании с пышностью его двора, бесконечными праздниками, карнавалами, турнирами вызывало широкое недовольство. Его усиливали проповеди доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, осуждавшего увлечение Лоренцо и его окружения языческой античной культурой, а также финансовую политику, приводившую к обнищанию народа, разрушению республиканских порядков.

При сыне Лоренцо Пьеро в 1494 г. открытое возмущение широких масс города политикой Медичи вынудило его к бегству. Были восстановлены республиканские институты власти, изменена налоговая система. Влияние Савонаролы на государственные дела было огромным. Однако коренных изменений в положении мелких ремесленников и наемных рабочих не произошло, да и часть нобилитета мечтала о возвращении Медичи. Проповеди Савонаролы, в которых он клеймил позором роскошь и безнравственность духовенства и призывал к восстановлению раннехристианских порядков, привели к отлучению его от церкви. В 1498 г. он был осужден как еретик и сожжен.

Миланское герцогство. Расположенный на пересечении международных торговых путей Милан в XIII—XV вв. был одним из крупнейших городов Италии (к XV в. в нем насчитывалось около 100 тысяч жителей), главным промышленным центром Ломбардии, поставщиком оружия и различных тканей — шерстяных и шелковых, льняных и хлопчатобумажных. Через Милан шли транзитные товары — из Венеции по реке По через альпийские перевалы в Западную Европу. Постепенно Милан экономически консолидировал вокруг себя мелкие города Северной Италии, подчиняя их своему влиянию. Политическому возвышению Милана способствовала и его особая роль в борьбе с империей в XII в.

В первой половине XIII в. ведущая роль в коммуне Милана принадлежала нобилим, которые, в отличие от Флоренции, сохраняли свои владения в округе. Им противостояли оттесненные от власти торгово-ремесленные слои пополанства, объединенные

в союз — Креденцу св. Амвросия, который стал малой коммуной. К нему присоединился другой союз — Мотта, включавший средних и мелких феодалов, а также часть купечества. В середине XIII в. в Милане обострилась социальная борьба. Гвельфская партия, опираясь на поддержку Креденцы св. Амвросия и Мотты, начала проводить реформы в интересах пополанства: был введен налог на земельные владения феодалов, установлен контроль над финансами и т.д. Это вызвало сопротивление нобилей, во главе которых стал представитель гибеллинской семьи Висконти. Он добился перехода на свою сторону союза Мотты; в 1277 г. гибеллины одержали победу над гвельфами. За этим последовала реформа, предоставившая право замещать высшие должности только нобилим (их список был определен в 200 семейств), что закрепило олигархический строй Миланского государства. В 1302 г. власть снова перешла к гвельфам, а их глава Гвидо Торриани стал синьором города. Однако спустя несколько лет, не получив широкой поддержки пополанства и тем более нобилей, он был вынужден капитулировать перед гибеллинами, которым покровительствовал германский император Генрих VII. В 1317 г. Общий совет Милана провозгласил главу гибеллинов Маттео Висконти пожизненным синьором города. В короткий срок он подчинил своей власти ряд крупных городов Ломбардии, что стало важным шагом на пути превращения Милана в территориальное государство. К середине XIV в. преемники Маттео Висконти сделали немало для укрепления синьории Милана, значительно расширили его владения, присоединив многие города Ломбардии. Синьория Висконти, опиравшаяся на нобилитет, в 1349 г. стала наследственной. Республиканские черты сохранялись, но власть все более приобретала характер тирании.

Висконти последовательно проводил централизаторскую политику, лишая феодалов их судебно-административных прав на местах и наделяя ими чиновников, непосредственно подчиненных синьору Милана. Унифицировались законодательство и право, финансовая и военная системы. В сплочении и укреплении Миланского герцогства особенно преуспел Джан-Галеаццо Висконти (он получил в 1395 г. титул герцога). Выдающийся политик, он умел лавировать и идти на компромиссы, учитывал местные обычаи в подчиненных городах и противоречивые интересы разных социальных групп. Джан-Галеаццо сохранил Общий совет Милана, в который по-прежнему избирались 900 человек, но резко уменьшил его реальную власть, наделив большими полномочиями в гражданских делах совет из 12 членов, назначаемый синьором. Согласно статуту 1396 г., высшая законодательная и судебная власть принадлежала герцогу — издаваемые им грамоты получали

силу закона, но при этом сохранялись и старые статуты. Под контроль чиновников были поставлены цехи и торговые корпорации, но при этом оказывалась поддержка купцам и мануфактуристам. Протекционистская система пошлин вела к процветанию местной промышленности. В то же время основная масса населения испытывала тяжелый налоговый гнет: содержание пышного двора, строительство крепостей и бесконечные войны требовали огромных средств. В правление Джан-Галеаццо экспансия Милана приняла особенно широкие масштабы. Герцогу удалось подчинить своей власти большинство крупных городов Северной и Средней Италии — Верону, Падую, Болонью, Перуджу, Пизу, Лукку. Он угрожал и независимости своего главного врага — Флоренции, возглавившей борьбу итальянских городов против «миланского тирана». Завоевательные планы Джан-Галеаццо простирались на всю Италию, но им не суждено было сбыться — он умер во время чумы, охватившей его лагерь на подступах к Флоренции (1402).

Его сыновья, особенно Филиппо-Мария Висконти, продолжали политику централизации и укрепления государства, но не смогли сохранить обширные владения Милана. На господство в Ломбардии претендовала Венеция, выступавшая в союзе с Флоренцией. После смерти Филиппо-Марии, летом 1447 г. в Милане по инициативе оппозиционной части нобилитета была провозглашена Амброзианская республика, верховным органом стал Общий совет. Положение на границах было тяжелым, поэтому был призван на помощь известный кондотьер (предводитель наемных отрядов) Франческо Сфорца, в 1448 г. остановивший наступление венецианцев. В 1450 г. он был провозглашен синьором Милана, а вскоре получил и титул герцога. В правление династии Сфорца во второй половине XV в. продолжался экономический рост герцогства: активно насаждались мануфактуры, особенно в шелковом производстве, был запрещен вывоз сырья, строились ирригационные сооружения в сельской местности. При Лодовико Моро (1479—1508) Миланское герцогство приобрело законченные черты принципата — централизованного государства с монархическим правлением абсолютистского типа.

Папская область. В XI—XII вв. значительно расширился патримоний св. Петра — Папская область, к ней была присоединена часть Тосканы, а также Сполето и Беневенто. В государстве пап не было крупных, процветающих городов, здесь господствовали феодальные отношения с тяжелыми формами зависимости крестьянства. Церковные и светские феодалы прочно держали в своей власти и города — папы не спешили предоставлять им права самоуправления. В 1143 г. торгово-ремесленные слои Рима, опираясь

на поддержку рыцарства, попытались создать в Риме коммуну. Они захватили здание главных магистратур на Капитолии и провозгласили республику, подчеркнув ее преемственность с республиканской эпохой Древнего Рима. Проповеди Арнольда Брешианского, противника светской власти пап, осуждавшего обогащение церковного клира, побуждали восставших горожан разрушать замки феодалов (в Риме их было более 200) и дома духовенства. Подавить движение за коммуну папе Адриану IV помог император Фридрих I Барбаросса. В 1155 г. Римская республика была ликвидирована. Власть папы в городе была восстановлена.

В XIII в. папы еще больше расширили свои владения, распространив власть на ряд областей Средней Италии — Романью, Марку, Умбрию. Однако шагов к централизации государства папы не делали. В XIV в. «Авиньонское пленение» пап, постоянно пребывавших во Франции, усилило феодальную раздробленность в Папской области. В Риме стали властвовать крупные аристократические фамилии — Орсини и Колонна, в Урбино фактически самостоятельно правили граф Монтефельтро (с середины XV в. они стали герцогами), в Римини — род Малатеста. В некоторых городах (Равенне, Фаэнце, Форли и др.) складывались тиранические режимы по образцу синьорий. В Риме вновь была предпринята попытка создать коммуну. Движение возглавил выходец из городских низов Кола ди Риенцо, провозглашенный в 1347 г. на Капитолии «трибуном свободы, мира и справедливости». Власть перешла к пополанству. Феодалов обязали присягнуть на верность Римской республике и передать ей свои крепости, налоги были сокращены. Кола ди Риенцо, мечтавший о восстановлении роли Рима как центра всей Италии, призвал итальянские города объединиться вокруг древней столицы страны. Но независимые города-государства не захотели терять свободу. Народ Рима также не поддержал «трибуна», действовавшего единолично и не всегда решительно. К концу 1347 г. папе и римской знати удалось вернуть власть в городе. Кола ди Риенцо был вынужден покинуть Рим. Попытка создать пополанскую коммуну не удалась прежде всего в силу экономической и политической слабости торгово-ремесленных слоев. В 1354 г. Кола ди Риенцо снова оказался в Риме как посланец папы, призванный ограничить своеволие знати. Народ вначале поддержал его, но предпринятое им повышение налогов для найма войска вызвало восстание, в ходе которого Кола был убит.

Для наведения порядка в Папскую область был послан кардинал Альборноз, призванный сломить власть фактических независимых городов и областей. Кардинал сравнительно легко овладел Римини, Ассизи, Орвьето и рядом других городов. В 1357 г. он

созвал собрание представителей знати и высшего духовенства, на котором была принята предложенная им конституция: Папская область разделялась на семь провинций, во главе которых стояли назначаемые папой ректоры и другие чиновники. Знать, духовенство и представители коммун провинции получали право издавать законы и распределять налоги. Папская область в провинциях во второй половине XIV в. все более откровенно держалась на поддержке кондотьеров и их отрядов, подавлявших восстания в городах, которые стремились получить независимость. Смутам в Папской области способствовала схизма, когда на престоле было по два, а порой по три папы одновременно.

Ситуация начала улучшаться при Мартине V (1417—1431). Он восстановил в Риме коммуну, предоставил некоторые права патрициату городов в обмен на отчисления в курию значительных средств, усмирил феодалов. Однако произвол чиновников, интересы личного обогащения пап, власть которых была непродолжительной, и их nepотов («племянников»), интриги двора, траты на содержание Римской курии и строительство дворцов (к концу XV в. они преобразили облик Вечного города) — все это не способствовало наведению порядка и процветанию Папской области. Особенно пагубной была политика nepотизма — возвышение правящим папой своих родственников и разорение и оттеснение от власти ставленников предшественника.

Так, понтификат Александра VI Борджа (1492—1503) был насыщен борьбой его семьи за власть не только в Папской области, но и во всей Италии. Его старший сын Чезаре Борджа, захватив Римини, Фаэнцу, Урбино, создал в Романье собственное государство — синьорию, где жесткими мерами проводил политику централизации. В ходе Итальянских войн (см. т. 2) он утратил свои владения. Внешняя политика пап в XV в. отмечена постоянными попытками сталкивать итальянские государства друг с другом с целью помешать их объединению и извлечь выгоды из миссии «примирителя».

Неаполитанское королевство. Королевство, включавшее Южную Италию и Сицилию, достигло высокой степени централизации и процветания при Фридрихе II Гогенштауфене. Сын германского императора Генриха VI и дочери сицилийского короля Вильгельма II Констанции, Фридрих вырос в Палермо, после ранней смерти отца до своего совершеннолетия находился под опекой папы Иннокентия III и в 1212 г. был возведен на сицилийский престол; в 1220 г. стал германским императором под именем Фридриха II (см. гл. 12). Большую часть жизни он провел в Италии. Великолепие его двора в Палермо, обустроенного на вос-

точный манер, поражало современников. Главную задачу своей политики в Сицилийском королевстве он видел в пресечении феодальной вольницы местных баронов и укреплении центральной власти.

Фридрих II потратил немало усилий на восстановление королевского домена, поскольку многие земли были расхищены графами и баронами, а также перешли к церкви в годы опекунства папы Иннокентия III. Законодательно, по Мельфийским конституциям 1231 г., сыгравшим важную роль в укреплении государства, были упорядочены ленные отношения: верховным сюзереном провозглашался король, его разрешение требовалось при заключении браков и передаче ленов. Запрещались ношение оружия и частные войны, были разрушены все крепости, построенные после смерти Вильгельма II. Руководство всей государственной администрацией осуществляла королевская курия. Для ослабления власти феодалов на местах королевство было разделено на 11 округов, во главе которых стояли назначаемые королем чиновники — юстициарии, наделенные правом высшей юрисдикции. Однако за некоторыми графами и баронами судебно-административные права сохранялись, что создавало условия для подрыва централизации. Под контроль королевской администрации были поставлены и города, но представители городов участвовали наряду с духовными и светскими феодалами в заседаниях королевской курии, хотя и без права голоса. Отсутствие самостоятельности городов тормозило их экономическое развитие.

Внешняя политика Фридриха II была направлена на осуществление имперских целей: он предпринял ряд походов против городов-республик Средней и Северной Италии, номинально входивших в состав империи, чтобы реально утвердить свою власть, однако не сумел добиться этой цели. Сильным противником Фридриха II в этой политике было папство: Григорий IX и Иннокентий IV неоднократно предавали его анафеме, обвиняли в ереси, поводом для чего служил религиозный скептицизм императора.

После смерти Фридриха II в 1250 г., при его сыне Манфреде борьбу за трон Сицилийского королевства начал брат французского короля Людовика IX граф Прованса Карл Анжуйский, в 1268 г. провозгласивший себя правителем. Бесчинства французов, резкое усиление налогового гнета (необходимо было оплачивать многочисленные военные походы Карла в Италии, Тунисе, на Ближнем Востоке) вызвали ряд крупных восстаний на Сицилии. Началом их стала «Сицилийская вечерня» 1282 г., когда в Палермо ночью был вырезан французский гарнизон. Мощное антифранцузское движение привело к отделению Сицилии — вскоре она

стала объектом притязаний Арагонского дома и в 1302 г. вошла в состав Арагонского королевства. Анжуйская династия сохранила за собой Неаполитанское королевство.

Господство французов не способствовало политической прочности и экономическому подъему Неаполитанского королевства. В промышленности и особенно в торговле и банковском деле все заметнее становилась роль купцов из Северной и Средней Италии — флорентийцев, венецианцев, генуэзцев. Они сосредоточивали в своих руках важнейшие торговые операции, приобретали земельные владения и титулы, их принимали на государственную службу, путь к которой открывали широкие кредиты неаполитанским королям. Внутренние экономические связи в Неаполитанском королевстве складывались медленно, что делало непрочной и его политическую централизацию. На местах усиливалась власть графов и баронов, не встречавших сопротивления со стороны слабых правителей Анжуйской династии. На Неаполитанское королевство начал претендовать король Арагона и Сицилии Альфонсо I, почти 20 лет добивавшийся над ним военной победы, и в 1442 г. Неаполитанское королевство перешло к Арагону. Двор Альфонсо I стал крупным центром ренессансной культуры, он покровительствовал гуманистам, поэтам, художникам. В его правление Неаполитанское королевство обрело политическую устойчивость, но при его преемниках вновь начали усиливаться позиции феодальной знати.

§ 3. Итальянские морские республики

Географическое положение Италии в центре Средиземноморья, на пересечении морских путей создавало благоприятные предпосылки превращения крупных портов Италии в центры посреднической торговли между Востоком и Западом. Первоначально на это претендовали города Южной Италии — Бари, Амальфи, тесно связанные с Византией и арабским миром. Однако их подчинение в XI—XII вв. норманнами, враждовавшими с Византией и не заботившимися об интересах купцов, подрывало их значение как торговых посредников. Постепенно, в эпоху Крестовых походов, на первые роли выдвигаются Пиза и особенно Венеция и Генуя. Не имевшие собственной аграрной периферии (Венеция расположена на островах лагуны, Генуя в Лигурии отделена от плодородных равнин Ломбардии горами) эти города активно развивали мореплавание и судостроение и прошли путь от скромных поселений до самых крупных и процветающих региональных центров, столиц крупных государств.

Пиза была речным портом, но на побережье Тирренского моря пизанцы устроили гавань. В IX—XI вв. флот Пизы вместе с генуэзским принимает участие в борьбе с арабами в Западном Средиземноморье. В XI в. Пиза захватывает острова Эльбу, Корсику и Сардинию, в 1113—1114 гг. предпринимает морской поход против арабов на Балеарские острова, затем завязывает тесные связи с Северной Африкой. Пизанские купцы обосновываются в городах Туниса, в Южной Франции (Монпелье) и на Сицилии. Приняв участие в Первом крестовом походе, Пиза получает привилегии и создает торговые фактории в городах Палестины, одновременно ведя прибыльную торговлю в Константинополе. Утрата крестоносцами их владений на Леванте в XIII в., а также жестокая конкуренция с Генуей подорвали морское и торговое могущество Пизы. В 1284 г. пизанский флот был разгромлен генуэзцами при Мелории (островке недалеко от пизанской гавани), Пиза потеряла владения в Западном Средиземноморье и была вытеснена конкурентами из Восточного. В 1406 г. она была завоевана Флоренцией.

Генуэзская республика. Возвышение Генуи началось с середины X в., когда она вместе с Пизой отразила нападение арабов и освободила от них северное побережье Тирренского моря. В то время власть в Генуе делили между собой виконт, назначаемый номинальным королем Италии, епископ и городской патрициат. Роль виконта постепенно ослаблялась, тогда как патрициат в 1099 г. создал так называемую Компанию (организованную по типу торгового общества) для защиты коллективных интересов горожан, торговцев и ремесленников. Компания расширяла юридические и политические права, превращаясь в корпоративный орган городского самоуправления. Во главе ее стояли выборные консулы.

Политическое значение Генуи возросло после принятия ею в 1143 г. первого в Италии городского статута. В 1162 г. император Фридрих I Барбаросса дал Генуе диплом на владение территориями на побережье Лигурии от Монако до Портовенере. Генуя официально становится республикой. Этому способствовали успехи генуэзских купцов в торговле, как на Леванте так и в Западном Средиземноморье. Генуэзский флот участвовал в Первом крестовом походе, генуэзские купцы основали торговые фактории в Акре, Триполи, Бейруте, других городах Леванта. В 1155 г. они добились значительных привилегий в Византии. Поддержав никейских императоров в борьбе за восстановление Византийской империи против Латинской империи и Венеции, генуэзцы в 1261 г. добились права беспошлинной торговли на всей территории Византии и монопольных прав на торговлю в Черном море.

И хотя им не удалось сохранить эту монополию, генуэзцы воспользовались ею и договорами с ханами Золотой Орды для устройства многочисленных поселений в Причерноморье (см. гл. 18). Участие в Реконкисте укрепило позиции Генуи в городах Каталонии и Арагона. Активными были связи Генуи и с Северной Африкой. В последней четверти XIII в. товарооборот генуэзского порта возрос почти в 4 раза. Рост торгового оборота продолжался и в первой четверти XIV в. Однако после победы над Пизой Генуе пришлось столкнуться с мощной конкуренцией Венецианской республики.

Борьба с Венецией за господство в средиземноморской торговле определяла политику Генуи во второй половине XIII — начале XV в. В 1298 г. генуэзцы разгромили венецианский флот в битве при Курцоле. Однако Венеция быстро укрепилась после этой войны, и единственным плодом победы стало замедление венецианской торговой активности в Черном море. Новая война между Венецией и Генуей (1350—1355) велась за овладение рынками Византии и Причерноморья. Несмотря на ожесточенный характер и переменные успехи в морских баталиях, она также закончилась неустойчивым компромиссом, вызвавшим вскоре очередной конфликт (1378—1381). Разгромив после ряда неудач генуэзский флот, блокировавший Венецианскую лагуну, в битве при Кьодже в 1380 г., Венеция ликвидировала непосредственную угрозу и добилась разграничения сфер влияния. Она уступила Генуе позиции в Черном море, но потеснила генуэзцев в Сирии и Египте.

Городской патрициат Генуи был преимущественно феодальным по происхождению. Его ядро составляли синьоры, выходцы из контадо, активно включившиеся в морскую торговлю. Наиболее влиятельными были семейства Дория, Спинола, Фьески, Джустиниани, Гримальди. С конца XIII в. нобили стали объединяться в союзы, часто по принципу родства, соседства и экономических интересов. Так постепенно возникли аристократические кланы, называемые *альберги*, нередко враждовавшие друг с другом. Постепенно усилилась и роль пополаров в торговле и ремесле. Их претензии на власть, вражда гвельфов с гиббеллинами, между кланами нобилей, ярко выраженный индивидуализм предпринимателей, обладавших значительными капиталами и не желавших установления контроля над ними сильной администрации, разная географическая ориентация торговых интересов отдельных групп купцов способствовали слабости центрального управления Республики св. Георгия, как называла себя Генуя по имени своего покровителя. Наличие в Генуе многочисленного портового люда, бурно выразившего и нередко менявшего политические симпатии,

способствовало многочисленным переворотам. После краткого периода в первой половине XIII в., когда во главе управления стояли подеста из иностранцев, сменившие прежних консулов, в Генуе предпринимались безуспешные попытки как установления синьории, так и пополарской диктатуры во главе с энергичными пополарами из рода Бокканегра. Гульельмо Бокканегра был избран народным капитаном в 1257—1262 гг., а Симоне стал первым пожизненным (хотя и свергаемым) дожем (1339—1344 и 1359—1363). Дожи, как ранее подеста, опирались на представительный орган — Совет старейшин. Ослабленная внутренними распрями Генуя в конце XIV—XV вв. не раз переходила под власть французских королей, маркизов Монферрата и миланских герцогов, сохраняя при этом автономию.

Более авторитетны и влиятельны, чем административные, были судебные и финансовые магистратуры Республики, особенно созданный в 1407 г. Банк св. Георгия. Первоначально этот банк вырос из слияния ассоциаций купцов, кредитовавших государство. Эти ассоциации получали в виде процентов за предоставляемые ссуды квоты от налогов, поступающих в казну. Получив возможность влиять на механизмы управления, банк расширил финансовую деятельность и, по сути, стал контролировать крупную морскую и сухопутную торговлю Генуи. В 1453 г. Республика даже передала ему в управление свои черноморские фактории. Во второй половине XV в. банк стал крупнейшим в Европе, кредитовал монархов, влиял на формирование рынка капиталов.

Создание подобного банка было возможно только на основе многолетнего опыта предпринимательства. Генуэзские купцы умели выбрать наиболее эффективные формы организации торговли. Одной из них была коммента. Заключая договор комменды, один партнер инвестировал капитал, другой вкладывал свой труд в часто рискованные торговые операции. Инвестор капитала получал обычно от двух третей до трех четвертей прибыли, но на его счет относили и риск потерь, остальная часть прибыли доставалась путешествующему купцу — трактатору. Коммента позволяла купцам, ведущим торговлю на Леванте или в Англии, быстро аккумулялировать капитал, закупать товары и осваивать новые рынки. Поначалу трактаторы через комменту заимствовали средства не только у крупных купцов и финансистов, но и у простых людей, даже собственных слуг. Постепенно суммы возрастали, заморская торговля становилась привилегией крупного купечества, складывались более устойчивые рыночные механизмы и происходила замена трактаторов институтом постоянных комиссионных агентов, осуществлявших сделки на любых рынках, где они имели свои

конторы, за фиксированный процент. К XV в. возросли роль и значение банковского кредита и коммерческого страхования товаров. Генуэзцы активно вели и работоторговлю, вывозя «живой товар» из портов Черного моря и Африки в города Западной Европы, мамлюкский Египет. Делопроизводство Генуи вели многочисленные и высокопрофессиональные нотариии, нередко занимавшиеся торговлей и обладавшие значительными капиталами. Несмотря на финансовые успехи, со второй половины XIV в. и до конца XV в. морская торговля Генуи сокращалась. Республика теряла свои владения на Леванте под ударами турок-османов и стремилась все больше переориентироваться на рынки Западной Европы.

Венецианская республика. Возникшая в V в. как поселение рыбаков и добытчиков соли на островах лагуны вокруг Риальто, куда бежали, спасаясь от нашествия варваров, жители римской провинции Аквилея, Венеция до конца X в. входила в состав Византийской империи. Начало ее процветания было связано с посреднической торговлей сначала между портами Адриатики, а затем и с Восточным Средиземноморьем. Судостроение, производство оружия, художественного стекла, тканей укрепили экономику города, во главе которого стоял патрициат аристократического происхождения, участвовавший в морской торговле. С перенесением на Риальто в 828 г. мощей апостола Марка, выкраденных купцами в Александрии, и постройкой знаменитой базилики св. Марка Венеция становится важнейшим церковным центром Запада. Отразив в X в. угрозу с моря, исходившую от арабов и пиратов Адриатики, и подчинив города Истрии, Венеция оказывала помощь Византии флотом, прежде всего против общего врага — норманнов. В 1082 г. она получила от императора Алексея I Комнина беспрецедентные права беспошлинной торговли в Константинополе и на территории империи и быстро воспользовалась ими для расширения торговой экспансии на Леванте. Добившись в ходе первых Крестовых походов привилегий в городах Сирии и Палестины, Венеция затем приняла участие в Четвертом крестовом походе, направленном против Византии. Захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. положил начало созданию Венецианской морской державы, в которую вошли Крит, города и острова Греции, с XV в. — Кипр и другие территории так называемой Венецианской Романии (см. гл. 18).

Процветание Венеции обеспечивалось могуществом ее торгового и военного флота. С начала XIV в. она первой из итальянских морских республик, организовала регулярные рейсы хорошо оснащенных и принадлежащих государству гребных судов — галей как на Восток, в Константинополь — Черное море и Кипр — Си-

рию — Египет, так и на Запад — в Прованс, Фландрию, Англию. Эти конвои тщательно охранялись отрядами арбалетчиков и патрулировались военными эскадрами в Эгейском и Адриатическом морях. Плавание на таких судах было безопасным (пираты и даже военные корабли противников редко осмеливались нападать на эти конвои). Караваны «галей линии» перевозили дорогие грузы: специи, шелк, драгоценные металлы и камни, хлопок, сукна, меха. Они обслуживали элитную торговлю и позволяли быстро перебрасывать в нужное место большие объемы денежных средств. Каждая галей перевозила от 140 до 240 т полезных грузов. В составе каравана плавали от 3—4 до 10—12 галей. «Тяжелые» грузы (лес, зерно, масло, вино, соль, железо и т.п.) и рабов транспортировали на менее скоростных и менее маневренных, но имевших большой тоннаж парусных судах — навах или кокках. Кокки могли перевозить до 600—1000 т каждая. Только многочисленный флот Генуи, состоявший преимущественно из частных судов, мог конкурировать с венецианским в XIV—XV вв. Благодаря «галейм линии» и коккам Венеция превратилась в главного распределителя дорогих левантских товаров на Западе. Она регулировала и потоки драгоценных металлов с Запада на Восток.

Ремесленное производство также получило большое развитие в Венеции и на подвластных ей землях. Помимо кораблестроения Венеция славилась производством знаменитого стекла, сосредоточенного (в том числе и из-за боязни пожаров в густонаселенных кварталах) на острове Мурано, металлообработкой, изготовлением дорогостоящих сортов тканей, преимущественно шелковых.

Именно Венеция создала и наиболее устойчивую структуру государственного управления, просуществовавшую до XVIII в. Власть в ней принадлежала купеческой олигархии. Однако ее члены, как правило, с юности обучались морскому делу, военному искусству, особенно стрельбе из арбалетов, последовательно проходили разные ступени административных и военных магистратур, замещаемых только на короткий срок. Венецианский патрициат подчинялся строгой государственной дисциплине и обладал большими и разносторонними навыками управления. Его профессионализм и выучка, жесткая система контроля, в том числе судебного и финансового, обеспечивали стабильность Республики, не знавшей с середины XIV в. больших социальных потрясений. Ремесленники не входили в состав патрициата, но права и привилегии цеховой верхушки учитывались и защищались правящим слоем.

Номинальным главой государства считался дож (первые дожи упоминаются с конца VII в., но тогда это были византийские военачальники — дуки). Дож избирался из патрициев и пожизненно осуществлял полномочия высшего должностного лица.

Попытка одного из дождей Марино Фальера установить в Венеции автократический строй была решительно пресечена патрициатом, а сам Фальер вместе со сторонниками был казнен (1349). Высшим органом власти был Большой Совет, в который входили представители всех знатных семейств республики, внесенных в особую книгу (с 1506 г. она называлась «Золотой»). С 1297 г. доступ в Большой Совет для новых членов был закрыт, и Республика приобрела окончательно олигархический характер. Большой Совет избирал дожа и других магистратов, решал вопросы войны и мира, принимал законы. Из своего состава он создавал специальные комиссии. Одна из них — Совет испрошенных (названный позднее Сенатом) — с начала XIV в. превратился, по сути, в правительство и принимал решения по вопросам текущей политики, морской торговли, управления венецианскими территориями. Совет Десяти и Совет Сорока (Кварантия) вершили уголовный суд и осуществляли полицейский надзор, поставленный в Венеции на небывалую высоту. Малый Совет, или Синьория, был исполнительным органом при доже и готовил для Сената предложения по финансовым и административным делам. Специальные комиссии ведали финансами, взиманием налогов, рассмотрением купеческих споров. Венецианский Арсенал — один из крупнейших в Европе — представлял собой огромную судостроительную верфь и оружейную мастерскую. Для управления им была создана особая администрация во главе с адмиралом и патронами Арсенала. Венецианская монета — золотой дукат — была с XIII в. одной из наиболее устойчивых и стабильных в Европе.

Успехи на море и расширение торговли на континенте стимулировали венецианскую территориальную экспансию и на Апеннинском полуострове. В XIV—XV вв. Венеция захватила Тревизо, Виченцу, Верону, Падую, Брешу, Равенну, Кремону. Республика стала не только крупнейшей морской, но и большой континентальной державой. В боевых действиях на суше Венеция, имевшая ограниченные собственные людские ресурсы, широко и с успехом использовала отряды наемных воинов — кондотьеров.

С XV в. основную угрозу владениям и интересам Венеции представляли османы. Они постепенно захватывали венецианские фактории в Восточном Средиземноморье. В 1463—1479 гг. Венеция вела тяжелую войну с Турцией, опираясь на поддержку пап и союз с шахом Персии и Ак-Куюнлу — Узун Хасаном.

Глава 14

Страны Пиренейского полуострова в XI—XV вв.

§ 1. Пиренейский полуостров в XI—XIII вв.

Реконкиста XI—XIII вв. Период с середины XI до середины XIII в. был временем решающих военных успехов Реконкисты. Раздробленные мавританские владения явились сравнительно легкой добычей христианских государей. Так, в 1085 г. кастильцы заняли Толедо — крупнейший город Центральной Испании, бывшую столицу вестготов. В начале XII в. арагонцы овладели Уэской и Сарагосой. В 1147 г. при поддержке участников Второго крестового похода был взят Лиссабон. В руках христиан к концу XII в. находилась большая часть территории полуострова. Тем не менее продвижение их на юг было неизмеримо более медленным, чем арабское завоевание Испании в VIII в. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, среди христианских государств полуострова не было единства. Объединение Леона и Кастилии было непрочным. Несколько раз королевство подвергалось разделу между сыновьями умершего монарха. Окончательно объединение Кастилии и Леона произошло только в 1230 г. В 1137 г. Арагон и Каталония заключили унию, однако сохраняли автономию во внутреннем управлении. В 1139 г. португальский граф Афонсу Энрикеш провозгласил себя королем, хотя Кастилия смирилась с отпадением этой области лишь после разгрома ее войск португальцами в 1385 г. Наварра, которая с XII в. не имела общей границы с маврами и перестала участвовать в Реконкисте, тем не менее была постоянно вовлечена в междоусобные войны на полуострове. В качестве союзников в междоусобицах государства севера полуострова нередко привлекали мусульманских правителей ал-Андалуса, что, конечно, также замедляло Реконкисту.

Другим фактором, сдерживавшим продвижение Кастилии и Арагона на юг, было военное вмешательство берберских государств Северной Африки. Андалусские эмиры неохотно прибегали к их помощи, опасались попасть от них в зависимость, однако в критических ситуациях берберы наносили тяжелые удары христиан-

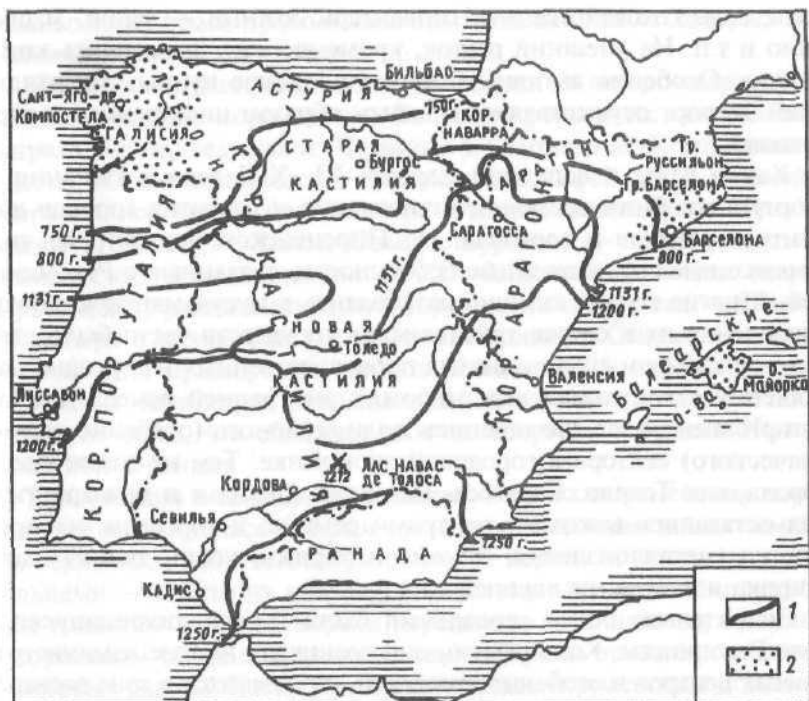
ским государям. Так, их победы над кастильцами в 1086 г. при Салаке и в 1195 г. при Аларкосе на несколько десятилетий отсрочили решающие успехи Реконкисты. С другой стороны, христианские королевства вели борьбу преимущественно своими силами, помощь извне (Франция, крестоносцы, Генуя, Пиза) оказывалась лишь эпизодически.

Важнейшим обстоятельством, определявшим темпы Реконкисты, была объективная возможность подчинения и колонизации захваченных земель. Далеко не всегда имелись средства для строительства крепостей на южных границах, содержания гарнизонов в городах, где нередкими были восстания мусульманского населения. При дефиците людских ресурсов приобретение земель, которые нечем было заселить, не создавало стимулов к новым захватам. Поэтому с XI в. частым явлением становится не завоевание отдельных мавританских государств, а превращение их правителей в данников, ежегодно выплачивавших Кастилии и Арагону огромные суммы.

В силу названных обстоятельств Реконкиста в XI—XIII вв. осуществлялась не постепенно и плавно, а как бы скачками. Ее главные победы пришлись на первую половину XIII в. В начале века Кастилии удалось урегулировать свои отношения с соседями, в 1212 г. ее король Альфонсо VIII во главе союзного войска наголову разбил берберов при Лас Навас де Толдоса. После окончательного объединения Леона и Кастилии Реконкиста сделала решительный шаг вперед. В 30—50-е годы XIII в. кастильцы завоевали крупнейшие мавританские тайфы — Хаэн, Кордову, Севилью. Захватив город и область Мурсию на Средиземноморском побережье, Кастилия отрезала Арагону путь для Реконкисты на юг. Экспансия Арагона пошла в несколько ином направлении: он утвердился в Валенсии, на Балеарских островах, на Сицилии, Сардинии и в Южной Италии. Арагонские короли имели также владения в Южной Франции. Португалия завоевала область Альгарви, завершив свое участие в Реконкисте.

Таким образом, во второй половине XIII в. в руках мавров на Пиренейском полуострове осталась лишь Гранада с прилегающей к ней территорией. Реконкиста приостановилась до конца XV в.

Экономическое развитие полуострова. Города. В рассматриваемый период в странах Пиренейского полуострова наблюдался прогресс во всех сферах производства. В сельском хозяйстве возросла роль земледелия. Функционировали созданные маврами ирригационные системы, получили широкое распространение виноградарство, выращивание олив, шелковицы. Преобладающей системой выращивания злаковых оставалось двуполье. С завоева-

Государства Пиринейского полуострова в XI—XV вв.:

1 — границы Реконксты на указанные даты; 2 — районы крестьянских восстаний XV в.

нием обширных плоскогорий Центральной Испании (Новая Кастилия и Арагонская Месета) открылись широкие возможности для перегонного скотоводства. В связи с развитием как в Испании, так и в других странах Западной Европы сукноделия особенно выгодным занятием становится овцеводство.

С XIII в. испанская шерсть вывозится во Фландрию, Италию, Францию, Англию. Овцеводством занимались не только крестьяне. Крупные стада скота имели светские феодалы, церковь, города. Для нормирования пользования пастбищами, перегона стад, защиты своих интересов в XII—XIII вв. образуются союзы собственников скота — *месты*. В Кастилии в 1273 г. места были объединены в общегосударственный «Почетный совет Месты». Специализация сельскохозяйственного производства в различных районах полуострова создала условия для роста внутренней торговли. Северные и центральные районы (Астурия, Галисия, Каталония, Арагон, Старая и Новая Кастилия) поставляли скот, кожи, рыбу,

соль, сельскохозяйственный инвентарь, южные — зерно, масло, вино и т.п. На внешний рынок, кроме шерсти, вывозились кожи и вина. Особенно активны были каталонские купцы, а кастильский экспорт осуществлялся главным образом иностранными торговцами.

Как и везде в Западной Европе, XI—XIII века в Испании и Португалии были временем становления и развития городов как центров ремесла и торговли. На Пиренейском полуострове этот процесс имел существенные особенности, связанные с Реконкистой. Многие города активно развивались в мусульманскую эпоху. Включение их в состав христианских государств часто было связано с разрывом традиционных производственных и торговых отношений с мусульманским миром, с эмиграцией ремесленников и торговцев на юг, увеличением доли аграрного (особенно скотоводческого) сектора в городской экономике. Тем не менее такие города, как Толедо, Сарагоса, Валенсия, Севилья и при христианах оставались важными центрами ремесла и торговли, их продукция (металлоизделия, оружие и упряжь, кожи, ткани) были широко известны на европейских рынках.

Значительно более скромными были города, появившиеся в ходе Реконкисты. Как правило, они возникали на базе административных центров и особенно крепостей, строившихся в зоне военных действий. Короли и графы, основывавшие их, были заинтересованы в привлечении поселенцев, которые могли бы составить постоянный гарнизон. Для этого еще с IX в. издавались специальные «поселенные грамоты», фиксирующие различные льготы для переселенцев. Экономика этих поселений оставалась аграрной, но уже в X в. здесь появляются рынки, а на рубеже X—XI вв. — ремесленные мастерские ткачей, бондарей, колесников, кузнецов и т.д. Возникают некоторые элементы самоуправления, специфические правовые обычаи, которые записываются в особые документы — *фуэро*. Фуэро города Леона 1020 г. еще предписывает возвращать сеньорам переселившихся в него зависимых крестьян, но более поздние памятники, как правило, провозглашают свободу горожан независимо от того, как долго они там проживают. В XI—XII вв. население городов быстро увеличивается, растет их ремесленное и торговое значение. Однако земледелие и особенно скотоводство продолжают играть большую роль в их хозяйстве. Важными центрами овцеводства, например, были Сеговия, Куэнка, Теруэль, Порту. Они поставляли сырье для сукноделия. Изготавливались также льняные и шелковые ткани, металлоизделия, предметы повседневного обихода. Во всех более или менее значительных городах наряду с постоянно действующими или ежене-

дельными рынками проводились ярмарки, доходы от которых пополняли королевскую казну.

Некоторой спецификой обладали города на северо-западе Леоно-Кастильского королевства. Большую роль в их становлении сыграла дорога, ведущая из Франции к Сантьяго-де-Компостела — одному из известнейших в Европе монастырей, куда ежегодно отправлялись сотни паломников. Это обстоятельство, а также близость столиц — Леона, Овьедо, Бургоса, — привлекли сюда французских ремесленников. В XII—XIII вв. здесь шла острая борьба между ремесленниками и городскими сеньорами — аббатом монастыря в городе Саагуне и архиепископом в Сантьяго-де-Компостела. Для приморских городов Каталонии, в первую очередь Барселоны, характерно развитие дальней торговли и наличие богатого купечества, что сближает их с некоторыми городами Италии и Южной Франции.

Колонизация и социальное развитие. Во всех пиренейских королевствах выработалась сходная процедура заселения новых земель. Их верховным собственником считался король, а реальными владельцами — те, кто их населял. В дарственных хартиях, «поселенных грамотах» и фуэро короли передавали вотчинникам, сельским и городским общинам права на землю и, как правило, жаловали налоговые льготы. Часть земли становилась королевским доменом, Нередкими были случаи, когда короли нарушали пожалованные ими же привилегии и передавали свободные деревни и даже города во владение светским и церковным сеньорам. Поэтому право феодального государя распоряжаться землей было не номинальным, а вполне реальным.

В свободной деревне земля делилась на пахотные наделы и уголья, подконтрольные всей общине — *консехо**. Общинное устройство было свойственно и зависимым деревням. Консехо отвечал перед вотчинником или короной за выполнение повинностей. В Кастилии и Португалии они были сравнительно невелики: для зависимых крестьян — фиксированный натуральный или денежный ценз (например, 3 хлеба и курица; 1—2 солида в год), иногда — полевые барщины (как правило, несколько дней в году); в свободных деревнях — доземельный налог и различные поборы военно-административного происхождения. В Старой Каталонии и Арагоне, где власть вотчинников над крестьянами с раннего Средневековья была прочнее, чем на западе полуострова, положение зависимого населения ухудшилось.

* От лат. *concilium* — «совет». Так назывались не только сельские и городские общины, но и органы власти в этих общинах.

Промежуточное положение между свободными и зависимыми крестьянами в Леоне и Кастилии занимали члены так называемых *бегетрий* (от лат. *benefactoria*, т.е. «благодетение»). Бегетрия — крестьянская община, которой сеньор оказывал оговоренное соглашением покровительство, а крестьяне за это выполняли в его пользу некоторые повинности, первоначально весьма необременительные. Различались два типа бегетрий — «от моря до моря», члены которых могли избирать себе сеньора по всей стране (т.е. от Бискайского залива до Атлантики), и «бегетрии рода», где сеньором мог быть лишь член определенного семейства. Крестьяне были вправе менять сеньора, вести с ним судебные тяжбы. Однако в XIII—XIV вв. повинности членов бегетрий существенно возросли, право на смену сеньора было сильно ограничено и на практике членство в бегетрии превратилось в одну из форм феодальной зависимости.

Некоторые черты землевладения и социального устройства деревни были унаследованы государствами Пиренейского полуострова от мавров, в особенности в тех областях, где проживало значительное мосарабское население (Тоledo, Валенсия, Севилья и т.п.). Здесь сохранялась аренда, по условиям которой лично свободный арендатор выплачивал земельному собственнику часть урожая натурой или денежный взнос. Арендные договоры возобновлялись довольно часто, что сопровождалось повышением платы, и могли заключаться также между крестьянами. Начиная с XII в. земли мосарабов интенсивно раздариваются королями светским и церковным феодалам, а их население переходит в разряд зависимых держателей.

Социальный и сословный строй городов Леоно-Кастильского королевства различался в зависимости от того, был ли данный город свободным или имел сеньора. Большинство крупных и средних городов в стране были свободными и подчинялись непосредственно короне. Полноправными горожанами считались те, кто обладал недвижимой собственностью независимо от характера занятий и длительности проживания. Наиболее зажиточные горожане, как правило, обязаны были приобрести боевого коня и вооружение; за это их освобождали от городских и государственных повинностей и, как и кабальеро-вильяно, приравнивали в некоторых отношениях к служилым феодалам. Такие городские кабальеро занимали высшие муниципальные должности, имели привилегии в пользовании городскими землями (в первую очередь пастбищами), представляли городскую общину в органах сословного представительства. Непривилегированное полноправное городское население состояло из ремесленников, мелких тор-

говцев, лиц, которые вели собственное хозяйство в аграрной сфере городской экономики.

Ремесло в испанском городе развивалось преимущественно по типу «свободного ремесла», поскольку королевской власти и городской верхушке удалось воспрепятствовать организации цехов — в них видели источник повышения цен на рынке и угрозу для правящих слоев общины. Поэтому корпорации ремесленников и объединения торговцев возникали только с конца XII—XIII вв. лишь в некоторых отраслях ремесла и преимущественно в Каталонии и Арагоне. Кроме полноправных горожан, в состав городского населения входили наемные работники, чей труд использовался как в ремесле, так и в земледелии и скотоводстве, бедняки, арендовавшие жилье и небольшие участки земли. В городах, имевших сеньора, проживала также его челядь, а все жители таких городов, не исключая и кабальеро, были обязаны сеньору некоторыми платежами и службами.

Границы феодального сословия Леоно-Кастильского королевства были размытыми и, особенно до середины XIII в., открытыми: верхушка свободного крестьянства и зажиточные горожане довольно легко могли превратиться в кабальеро. К XIII в. постепенно складывается различие между *кабальеро* и *инфансонами* — представителями потомственных служилых феодалов. Теперь источники часто именуют тех и других «*идальго*» (от исп. *fijo d'algo* — «сын значительного человека»). Идальго, как правило, не были богаты; довольно скудные доходы, получаемые от рент, дополнялись военной добычей и выручкой от продажи скота и шерсти. Высшая знать королевства — *рикос-омбрес* (букв. «богатые, могущественные люди») — имела обширные земельные владения, значительные денежные доходы (в том числе и в виде выплат из казны), пользовалась большим влиянием на государственные дела. Ядро этого слоя составляли 20—30 феодальных родов (таких, например, как Лара, Гусман, Аро и др.), которые постоянно боролись друг с другом за влияние в стране, нередко поднимали мятежи против королевской власти. В Леоно-Кастильском королевстве слой *рикос-омбрес* пополнялся за счет наиболее богатых или выделившихся на королевской службе *идальго*; наоборот, отдельные обедневшие знатные роды постепенно растворялись среди массы мелких и средних феодалов.

Особую группу составляли члены духовно-рыцарских орденов (Сантьяго, Алькантара, Калатрава и др.), которые сложились во второй половине XII в. по образцу орденов крестоносцев. В орден вступали как клирики, так и светские феодалы — *рикос-омбрес* и *идальго*, отдавая организации полностью или частично свое имущество. Оставаясь мирянами, рыцари орденов принимали на себя

обеты, главным из которых была непримиримая борьба с мусульманами. Ордена располагали значительными вооруженными силами, активно участвовали как в Реконкисте, так и в междоусобицах, имели огромные земельные владения, замки, неисчислимые стада скота. В XIII—XV вв. отношения с орденами выросли в серьезную проблему для королевской власти.

В отличие от Леоно-Кастильского королевства, в Каталонии и Арагоне и знать, и средние, и мелкие феодалы подразделялись на ряд сословных групп — в зависимости от происхождения и способа получения титула и земельных владений («по естеству», «по королевской грамоте», «по праву завоевания» и т.д.). Возможность попасть в состав кабальеро для горожан или свободных крестьян была крайне ограниченной. Арагонская знать и даже дворянство располагали значительно большей, чем в Кастилии, независимостью от короны и даже имели признанное право вести войны против своего монарха.

В Португалии слой феодалов развивался примерно тем же путем, что и в Леоно-Кастильском королевстве. Следует, однако, отметить, что здесь городские кабальеро прочнее, чем в Кастилии, сохраняли связь с собственно городскими занятиями, особенно с торговлей и мореходством. Большое влияние в стране имел духовно-рыцарский Авишский орден, магистр которого в конце XIV в. даже занял королевский трон и основал новую правящую династию.

Политическая организация. Реконкиста оказала существенное влияние на политическую организацию пиренейских стран. Внешняя опасность, а позже необходимость консолидации феодалов для осуществления совместных завоеваний, препятствовали развитию феодальной раздробленности. С XI в. в Леоно-Кастильском королевстве монархия окончательно приобретает наследственный характер. В борьбе с мятежными феодалами короли могли использовать финансовые ресурсы вассальных мусульманских территорий, военные формирования городов, помощь многочисленных кабальеро и идалго. Однако полномочия королевских должностных лиц на территории государства все же существенно ограничивались привилегиями крупных светских сеньоров, церкви и орденов, с одной стороны, и правами сельских и особенно городских общин — с другой. С середины XIII в. центральная администрация стремится унифицировать систему управления: вместо традиционных фуэро городам навязываются новые своды права («Королевское фуэро», «Семь Партид мудрого короля дона Альфонсо»), которыми закреплялась ведущая роль королевской власти в решении местных вопросов. Консехо решительно противодействовали посягательствам на свою автономию, заключали между

собой союзы («эрмандады» — братства), поднимали восстания против центральной власти, иногда блокируясь с мятежной феодальной знатью. В результате этого сопротивления введение в действие общегосударственных законов в Леоно-Кастильском королевстве началось лишь в середине XIV в., причем они не столько заменили, сколько дополнили уже существовавшее обычное право.

У леонских и кастильских королей уже с XI в. существовал обычай созывать ассамблеи с участием высшей светской и церковной знати для обсуждения вопросов законодательства, судопроизводства, сбора податей и текущей политики. В 1188 г. в Леоне на такую ассамблею были впервые привлечены горожане. Это положило начало органам сословного представительства в странах Пиренейского полуострова. С середины XIII в. в этих органах (они назывались *кóртесами*) стали регулярно заседать и кастильские горожане. Леоно-кастильские кортесы делились на три палаты: в первой заседали епископы и аббаты, во второй — светские сеньоры, в третьей — представители консехо, в выборах которых принимали участие наряду с зажиточными горожанами и наиболее самостоятельные крестьяне (обычно кабальеро-вильяно); участие свободного крестьянства в сословном представительстве было особенностью Леоно-Кастильского королевства. Поскольку духовенство и знать не принимали активного участия в работе кортесов, наиболее влиятельным в них было городское сословие, особенно во второй половине XIII — первой половине XIV в. В это время кортесы пользовались большим авторитетом в вопросах законодательства и особенно в налоговой политике; однако поскольку в кортесах заседали кабальеро, освобожденные от налогов, они не препятствовали усилению финансового обложения торгово-ремесленных слоев населения городов, а также крестьянства.

Восточная часть Пиренейского полуострова в политическом отношении представляла собой своеобразную федерацию владений (королевства Арагон и Валенсия, принципат Каталония с вассальными территориями на юге Франции), имевших общего монарха — короля Арагона, но управлявшихся различными учреждениями по разным законам. Так, кортесы Каталонии, Арагона и Валенсии избирались и заседали отдельно. В арагонских кортесах было четыре палаты — рикос-омбрес, кабальерос, духовенства и горожан (с конца XIII в.); крестьянство никакого участия в их работе не принимало. Арагонской землевладельческой знати и патрициату богатых городов Каталонского побережья удалось превратить кортесы в серьезное орудие оппозиции королевской власти. Особенностью сословного представительства было

существование в Арагонском королевстве постоянно действовавшего органа — «генеральной депутации», который наблюдал за исполнением решений кортесов между их сессиями; контроль над депутацией реально принадлежал аристократии.

Кроме Кастилии и Арагона, трехпалатные кортесы сложились в XIII в. также в Португалии и Наварре.

§ 2. Испания и Португалия в XIV—XV вв.

Пиренейский полуостров в XIV—XV вв. С середины XIII в. Реконкиста надолго приостановилась. Мавританские владения — Гранадский эмират — стремились поддерживать мир со своими северными соседями, особенно после 1340 г., когда в битве при Саладо христианские войска нанесли поражение Гранаде и ее североафриканским союзникам. Эта битва положила конец военной помощи берберов ал-Андалусу. Границы между Кастилией и Арагоном постоянно изменялись в ходе междоусобных войн. Арагон на протяжении всего периода осуществлял планомерную экспансию в Средиземноморье: он подчинил Балеарские острова (в конце XIII — первой половине XIV в. там было самостоятельное государство — королевство Майорка), утвердился на Сицилии (1282) и в Неаполитанском королевстве (1442), завоевал остров Сардинию. Кастилия в начале XV в. присоединила Канарские острова, а Португалия с 1415 г. захватом города Сеута в Северной Африке начала свою колониальную экспансию в Атлантике. После брака наследников кастильского и арагонского престолов — инфанты Изабеллы и принца Фердинанда — в 1479 г. произошло объединение этих королевств. Наварра, не игравшая существенной роли на полуострове, в конце XV в. была поделена между Арагоном и Францией. В 1492 г. войска Кастилии и Арагона взяли Гранаду и тем самым завершили Реконкисту. Таким образом, к концу столетия закончилось отвоевание земель и объединение территории Испании в единое государство. Прямым следствием проводимой унификации стало принудительное обращение в христианство иудеев и мусульман, которых стали называть соответственно марранами и морисками.

Социально-экономическое развитие. С середины XIII в. в экономике Испании и Португалии усиливаются кризисные явления, связанные с решением главных задач Реконкисты. Христианское завоевание вызвало отток мавританского населения в Гранаду и Северную Африку; бывали случаи, когда мусульмане сгонялись с земли по распоряжению королевской власти. Это не могло не сказаться на высокоразвитой агрикультуре Андалусии, ремесле

крупных городов. Эпидемия чумы в середине XIV в. в некоторых областях (например, в Каталонии) унесла более половины населения. Ухудшились социальные условия для развития крестьянского хозяйства и ремесленного производства. Ослабление колониационного процесса позволило феодалам северных районов полуострова ужесточить эксплуатацию крестьянства. Особенно ярко это проявилось в Каталонии и Арагоне. В конце XIII — первой половине XIV в., когда в соседней Франции шел процесс ликвидации серважа, здесь, наоборот, происходит законодательное оформление личной зависимости. *Ременсы* (такое собирательное название носили каталонские крепостные) должны были выплачивать специфические сервилльные повинности, что обозначалось как «дурные обычаи»; они подлежали суду сеньора, который был вправе выносить даже смертные приговоры; сильно ограничена была возможность ухода крестьянина от феодала.

Неблагоприятные изменения произошли и в положении крестьян Кастильского королевства. В Астурии, Галисии, Леоне возросли повинности соларьего, урезывались права бегетрий; в центральных и южных районах полуострова резко увеличиваются нормы натуральных и денежных поземельных платежей. Серьезную опасность для крестьянского хозяйства стало представлять коммерческое овцеводство крупных сеньоров, церкви и орденов. В начале XIV в. в Испании была выведена порода длинношерстных овец-мериносов, чья шерсть пользовалась широким спросом в Италии, Англии и Фландрии. Это способствовало возрастанию удельного веса скотоводства в экономике страны, наступлению феодалов на общинные земли с целью расширения пастбищ. Массовый вывоз сырья за рубеж вел к его удорожанию на внутренних рынках, к ослаблению позиций местного текстильного ремесла. Несколько иные условия сложились в Португалии, где вокруг портовых городов, специализировавшихся на экспорте аграрной продукции, успешно развивалось зерновое хозяйство. При этом усиливалась имущественная дифференциация крестьянства, увеличивалось число малоземельных держателей, живших феодальным наймом, причем плата наемным работникам в Португалии (как и в Испании) ограничивалась законом.

Наступление на права крестьян, естественно, встречало их сопротивление. В XV в. происходит ряд восстаний в Галисии и Старой Кастилии. Наибольшего размаха крестьянское движение достигло во второй половине XV в. на Балеарский островах и в Каталонии. Уже в 50-е годы XV в. каталонские ременсы требовали права выкупаться из личной зависимости, а с 1462 г. они поднялись на вооруженную борьбу, однако войска кортесов легко

рассеяли крестьянские отряды. В 1482 г. крестьяне восстали вновь под руководством Педро де ла Сала. Успеху восстания благоприятствовала острая политическая борьба короля с мятежной знатью. Размах движения заставил феодалов пойти на уступки. В 1486 г. были отменены «дурные обычаи» и разрешен выкуп ремесленников за довольно высокую плату.

Феодалы и внутривластная борьба. В XIV—XV вв. в Кастилии и Португалии в значительной степени исчезает возможность зажиточным крестьянам и горожанам приобретать статус дворянина. Еще ранее, на рубеже XIII—XIV вв., размываются группы сельских и городских кабальеро как особые сословные группы; их обедневшая часть переходит в состав мелкого крестьянства и непривилегированных горожан, а верхушка вливается в ряды идалго и порывает с производственной деятельностью. С этого времени и законодательство, и сословная мораль считают труд (особенно в ремесле и торговле) несовместимым с благородным статусом. При этом идалго продолжали жить не только в деревне, но и в городе, образуя влиятельную часть его населения, контролирующую муниципальные учреждения. Другой характерной чертой данного периода является усиление замкнутости высшего слоя — аристократии (рикос-омбрес, гранды). Этому способствовали введение в Кастилии в конце XIII в. майората, т.е. неделимости вотчин знатных сеньоров при наследовании, а также намеренно создаваемые ограничения в приобретении титула для идалго.

В конце XIII—XV вв. приостановка Реконксты привела к уменьшению доходов дворянства; острое недовольство как феодалов, так и городов вызвали централизаторские устремления королей; различные группировки знати соперничали за политическое влияние, за право присваивать коронные земли и доходы. Все это создавало почву для острой и затяжной междоусобной борьбы во всех христианских государствах Пиренейского полуострова. XIV—XV века были временем настоящей феодальной анархии, когда королевская власть, лишь балансируя между враждующими «униями», «братствами» и «лигами» грандов с помощью подкупа и террора, могла сохранить контроль над положением. Объединение Кастилии и Арагона позволило несколько стабилизировать ситуацию в Испании. Сложность расстановки политических сил внутри страны, наличие многочисленного воинственного дворянства относятся к тем причинам, которые побуждали испанских и португальских монархов в XV—XVI вв. поощрять внешнюю экспансию, в частности колониальные захваты.

Церковь и ереси. Роль католической церкви в средневековой Испании была особенно велика, ведь Реконкиста шла под лозунгами борьбы христианства против ислама. Церковь не только

вела проповедь религиозной войны, но и непосредственно в ней участвовала. Многие епископы имели собственные вооруженные формирования, лично участвовали в битвах и походах; большую роль в Реконките сыграли духовно-рыцарские ордена. Существенное влияние оказывала церковь и на политику королевской власти: глава (примас) испанской церкви архиепископ Толедский, другие виднейшие прелаты (архиепископы Сантьяго, Картахены, Барселоны) были влиятельными членами королевских Советов, канцлерами королевств Кастилии и Арагона.

Церковь в Испании предпринимала большие усилия по обращению в христианство мусульман на отвоеванных территориях. Особенно заметной стала религиозная нетерпимость в XV в. Насильно крещенные мавры (мориски) нередко втайне отправляли обряды ислама. Мосарабская христианская церковь, существовавшая в ал-Андалусе, выработала некоторые свои обряды и особенности в толковании Священного Писания, не признававшиеся папством и духовенством Кастилии и Арагона. Все это дало повод для усиления в XV в. борьбы с ересями и учреждения в 1481 г. специального церковного трибунала — инквизиции. В 1483 г. испанскую инквизицию возглавил Торквемада, который при поддержке Фердинанда и Изабеллы (прозванных католическими королями) осуществлял массовые преследования еретиков, к которым нередко причислялись и новообращенные христиане — бывшие мусульмане и иудеи.

Глава 15

Скандинавские страны в XII—XV вв.

Формирование феодального строя. С прекращением походов викингов (см. гл. 6) иссякли прежние источники богатств родоплеменной знати, ослабло ее общественное влияние. Земля стала концентрироваться в руках новых социальных элементов, прежде всего служилой знати. В формирующийся слой феодалов входило и высшее духовенство, и часть старой знати. «Сильные люди» и «могучие бонды», выделявшиеся из среды свободного населения, также сосредоточили в своих руках немалые земельные владения. В течение XII и XIII вв. значительная часть скандинавских крестьян из собственников земли превратилась в держателей наделов на землях крупных землевладельцев.

Важную роль в развитии феодальных отношений играла королевская власть. Короли были крупнейшими землевладельцами, они захватывали право верховной собственности на общинные пастбища и леса. В силу этого многие крестьяне, имевшие хозяйства на расчищенных от леса землях и пустошах, превратились в держателей короля. Король принуждал население содержать его вместе со свитой во время постоянных разъездов по стране. Со временем эти поборы превратились в регулярный налог, уплачивавшийся обычно продуктами. Право сбора налога король передавал своим служилым людям, поставленным во главе областей и округов. Эти пожалования отчасти напоминают лены (феоды) в других странах Европы. Однако в Скандинавских странах они формально не считались наследственным достоянием их владельцев, хотя фактически нередко были таковыми. Замки, возводившиеся в Дании и Швеции начиная с XIII в., не являлись собственностью феодалов: они занимали их в качестве наместников короля, должны были охранять их, следить за порядком в округе и собирать подати с населения.

Своеобразно проходил и процесс складывания феодально-зависимого крестьянства. Поскольку *бонд* был обычно не только земледельцем, но и скотоводом, рыбаком, охотником и жил зачастую на обособленном хуторе, где вел самостоятельное хозяйство,

там, где земледелие было слабо развито или отсутствовало, он, по сути дела, мало был связан или совсем не был связан с определенным участком пахотной земли. Втянуть такого человека в зависимость было нелегко. Скандинавские крестьяне упорно сопротивлялись нажиму феодалов. Бонды обладали оружием, так как на них лежала обязанность по призыву короля являться в ополчение, они на собственные средства строили и снаряжали военные корабли. Поскольку значение крестьян в военном деле было велико, королевской власти приходилось с ними считаться.

Однако по мере роста социального расслоения военная служба становилась тягостной для крестьян. Междоусобицы, войны и служба в ополчении во многом способствовали их разорению. Стремясь избавиться от королевской военной службы и растущих налогов, многие бонды передавали себя и свою собственность под власть и покровительство крупных землевладельцев. Как и повсюду в Европе раннего Средневековья, в странах скандинавского Севера шел процесс социального разделения общественных функций, при котором власть, военное дело и управление сосредоточивались в руках общественной верхушки, а материальное содержание общества возлагалось на зависимых, подвластных крестьян — непосредственных производителей.

Тем не менее в силу значительной хозяйственной самостоятельности и длительного сохранения общинных порядков крестьянство Скандинавии — за исключением Дании, где земледелие было ведущей отраслью хозяйства, — на протяжении всего Средневековья отчасти сохраняло личную правоспособность; феодальная зависимость выражалась здесь преимущественно в уплате ренты продуктами. При сохранении бондами значительных элементов личной свободы гарантией собственнических прав феодалов на землю было лишение держателей юридической обеспеченности держания. Поэтому, хотя обычно держатель пользовался участком длительное время и даже пожизненно, за ним не закреплялось право прочного владения землей, поскольку срок, на который заключалось соглашение о владении им землей, не превышал нескольких лет. Крестьянин не был прикреплен к земле или к личности собственника, но за это он расплачивался правовой необеспеченностью держания. Вместе с тем в тот период в Скандинавских странах еще существовал большой слой крестьян, сохранявших право собственности на землю и лишь обязанных платить налоги государству.

Норвегия в конце XII—XIII в. С развитием феодальных отношений обострялась социальная борьба. Она нередко принимала форму выступлений против короля и поддерживавшей его служилой

знати. Крупнейшим событием явились гражданские войны в Норвегии в последней четверти XII — начале XIII в. На первом этапе это была борьба претендентов на престол. Но вскоре в нее все более активно стали вмешиваться, с одной стороны, феодализировавшиеся элементы общества и служилая знать, заинтересованные в укреплении государства, а с другой — обездоленные слои крестьян, страдавших от растущей эксплуатации.

В 1177 г. самозванец Свёррир возглавил восстание *биркебейнеров* («берестянников» — прозвище вызвано тем, что потерпевшие поражение повстанцы, износив свою обувь, стали обвязывать ноги берестой) — бедняков, надеявшихся с его победой поправить свое положение. Но после захвата престола Сверрир (1184—1202) стал проводить политику в интересах крупных землевладельцев и служилых людей, в число которых вошли и выходцы из биркебейнеров, возвысившиеся в ходе борьбы. Конфликт между духовенством и Сверриром, который добивался установления верховенства королевской власти над церковью, достиг такого ожесточения, что папа отлучил короля от церкви и наложил на страну интердикт. Сверрир в свою очередь изгнал из Норвегии тех прелатов, которые поддерживали папу и вели пропаганду против короля. Восстания крестьян не прекращались, так как в период гражданских войн возросли государственные поборы, ложившиеся на плечи бондов тяжелым бременем, и укрепил свои позиции господствующий класс, спланивавшийся вокруг престола. Народное движение было подавлено лишь после того, как старая знать и церковники (которых поддерживали папа и датский король) примирились с потомками Сверрира и вместе с новыми феодальными землевладельцами стали поддерживать монархию.

Укрепление королевской власти в Норвегии в XIII в. произошло при короле Магнусе Исправителе Законов. В 1274 г. он издал первый общенорвежский свод права, заменивший областные судебники, записанные в конце XII — начале XIII в. Во главе местного управления стояли ленники короля. Крестьяне были отстранены от участия в политической жизни. Церковным и светским землевладельцам тем не менее не удалось полностью лишить норвежских бондов остатков личной свободы. В Норвегии не сложились такие институты, как сеньория, система вассалитета и феодальной иерархии, иммунитет и вотчинный суд. При ограниченности пригодных для пахоты земель и преобладании поселений хуторами барщина не получила развития, домениальное хозяйство имело скромные размеры. Преобладала рента продуктами. Повинности крестьяне несли главным образом в пользу государства.

Феодализм в Норвегии был развит слабее, чем в других Скандинавских странах.

Развитие феодализма в Швеции. Хотя и в Швеции постепенно возрастал слой держателей, не имеющих собственной земли, число крестьян, сохранявших независимость от крупных землевладельцев, было велико. В ходе борьбы за укрепление королевской власти и начавшегося в XII в. завоевания Финляндии складывалось служилое сословие. Местная знать пыталась сохранить обособленность областей и выборную королевскую власть, но потерпела поражение. В процессе этой борьбы укрепилось положение *ярла* — правителя королевства и начальника ополчения. Ярл Биргер возглавил крестовый поход против Финляндии (1249—1250) и подчинил ее западные области. При поддержке церкви он возвел на престол своего сына и основал новую династию (1250).

Укрепление королевской власти и в Швеции сопровождалось введением постоянных налогов и ухудшением положения бондов. Во второй половине XIII в. шведские феодалы — *фрельсы* (т.е. «освобожденные» от публичных повинностей и поборов) окончательно превратились в господствующее сословие. Они несли конную рыцарскую службу и освобождались от уплаты налогов. Имунитетные привилегии получили и высшее духовенство. Попытка шведских феодалов вторгнуться на Русь и захватить устье Невы закончилась их разгромом (Невская битва 1240 г.).

Развитие феодализма в Дании. В течение XII в. в Дании также развернулась междоусобная борьба, но король Вальдемар I (1157—1182), устранив соперников, усилил свою власть союзом с церковью. Влияние церкви на государственные дела в Дании было очень велико. Духовенство получило имунитетные привилегии от короля и во многом способствовало торжеству феодальных отношений. Дания в большей мере, чем другие Скандинавские страны, испытывала влияние развитых феодальных стран Западной Европы.

Со второй половины XII в. в Дании создается рыцарское войско из средних и мелких феодальных землевладельцев, освобождаемых за военную службу от уплаты налогов. Служилое привилегированное сословие превращалось в главную опору королевской власти, а бонды — в слой, который должен был своим трудом содержать это сословие. Введение тяжелой поземельной подати, взимаемой с каждого плуга, вызвало в 1250 г. крестьянское восстание против короля Эрика IV, прозванного Плужный грош.

С крайней жестокостью проводились датскими феодалами крестовые походы против славянского Поморья. Балтийские славяне были покорены и насильственно крещены. Войны Дании против эстов сопровождались подчинением районов Нарвы и Ре-

веля (Таллина) (в середине XIV в. эти владения были проданы Тевтонскому ордену). Ослабление императорской власти датские короли использовали для захватов в Северной Германии. Вальдемар II (1202—1241) подчинил себе Голштинию, Гамбург и другие территории. Любек находился под его покровительством. Однако вскоре почти все эти владения были утрачены в результате поражения, нанесенного Вальдемару северогерманскими городами и крестьянами северо-западной области Германии Дитмаршена (1227).

Процесс феодализации общества нашел отражение в первых записях датского права, относящихся к началу XIII в., и в поземельной описи Дании, составленной при Вальдемаре II.

Города и бюргерство. Замедленность экономического развития и устойчивость натурального хозяйства в Скандинавских странах проявились в относительной слабости городов. Торговые центры, игравшие большую роль в период походов викингов, пришли в упадок в X—XI вв. Солеварение, металлургия, ткачество и другие ремесла оставались преимущественно крестьянскими промыслами. Городские ремесленники были малочисленны. Внутренняя торговля была слабо развита, в сельских местностях деньги представляли редкость, и в течение долгого времени сохранялся натуральный обмен. Средствами обмена служили скот, куски домашнего сукна и другие товары.

Во второй половине XII и XIII в. ремесло и торговля сделали некоторые успехи. Особенно расширилась внешняя торговля, увеличился вывоз рыбы, мехов и кож. Берген в Норвегии, Висбю на острове Готланд, ежегодные ярмарки в Сконе играли значительную роль в торговле Северной Европы.

Ряд датских и шведских городов получил королевские хартии, жаловавшие им частичное самоуправление по образцу немецкого (магдебургского) городского права. В это время возвышается Стокгольм. Однако экономически слабое бюргерство не оказывало существенного влияния на политическую жизнь. К тому же с середины XIII в. и в XIV в. в торговле Скандинавии все более заметное место начинают занимать богатые ганзейские купцы, главным образом из Любека и Ростка. Они захватывали в свои руки вывоз рыбы, продуктов животноводства и промыслов. В Швеции, где с XIII в. началась интенсивная разработка горных месторождений железных и медных руд, немцы добились доминирующего положения. Короли Дании, Норвегии и Швеции давали немецким купцам и ростовщикам, у которых брали большие суммы денег, широкие привилегии. Муниципальные советы наиболее крупных шведских городов состояли наполовину из немцев, они управляли в Бергене и датских портах.

Роль немецкого купечества и ремесленников в экономической жизни Скандинавии была двойственной: они способствовали развитию торговли и некоторых отраслей хозяйства, например, крупного рыболовства, животноводства, горного дела. Но засилье немцев тормозило рост местного бюргерства, особенно в Норвегии.

Политическая борьба в конце XIII и XIV в. Проводимая королевской властью политика централизации не имела прочных успехов. Крупные феодалы выступали против короля и навязывали ему свою волю. Внутренняя борьба переплеталась с конфликтами между Скандинавскими странами, ибо и короли, и их вассалы искали поддержки за рубежом.

Чрезвычайно важной была борьба в Дании. В 1282 г. королю Эрику Клиппингу пришлось подписать хартию, которой он обязывался ежегодно созывать *dánexoф* — общий совет государства, состоявший из магнатов, и соблюдать права и вольности феодалов. Попытка Эрика нарушить эту датскую «хартию вольностей» закончилась его убийством, после которого начался длительный конфликт крупных феодалов с королевской властью. В 1320 г. королевская власть в Дании окончательно капитулировала перед знатью, установившей контроль над государственным управлением. Король не имел права без ее согласия объявлять войну и взимать налоги. За феодалами была признана судебная власть над крестьянами.

В Швеции в 1284 г. также стал созываться совет из светских феодалов и епископов — *риксрода*. Это усилило феодальную знать. В 1319 г. мятежные феодалы изгнали из Швеции короля и возвели на престол малолетнего норвежского короля Магнуса Эрикссона. Ко времени его правления относятся первые общешведские своды законов, заменившие записи обычного права. Персональная уния Швеции и Норвегии (1319—1363) существовала лишь до тех пор, пока была выгодна шведской знати. Попытки Магнуса ограничить финансовые привилегии аристократии и церкви вызвали оппозицию крупных феодалов. Низложив Магнуса, шведские феодалы избрали королем немецкого герцога Альбрехта Мекленбургского, который должен был дать обязательство править с согласия *риксрода*. Немецкое влияние еще более усилилось.

Реальная власть во всех трех Скандинавских государствах в XIV в. находилась в руках крупных феодалов, причем многие из них имели владения не только в своей стране, но и в других Скандинавских странах. Их фискальные привилегии расширялись, быстро увеличивалось число крестьян, попавших в зависимость.

В первой половине XIV в. ухудшилось положение крестьян, страдавших и от эксплуатации землевладельцев, и от государ-

ственных поборов и повинностей, и от войн и усобиц. В сельском хозяйстве наблюдался застой, кое-где забрасывались пахотные земли. «Черная смерть» в середине XIV в. углубила хозяйственный упадок. Экономические последствия чумы в Скандинавских странах, особенно в Норвегии, были очень тяжелыми. Нехватка рабочих рук вела к резкому сокращению земледелия и к дальнейшему повышению удельного веса скотоводства. Норвегия не смогла выйти из состояния упадка и застоя до конца XV — начала XVI в.

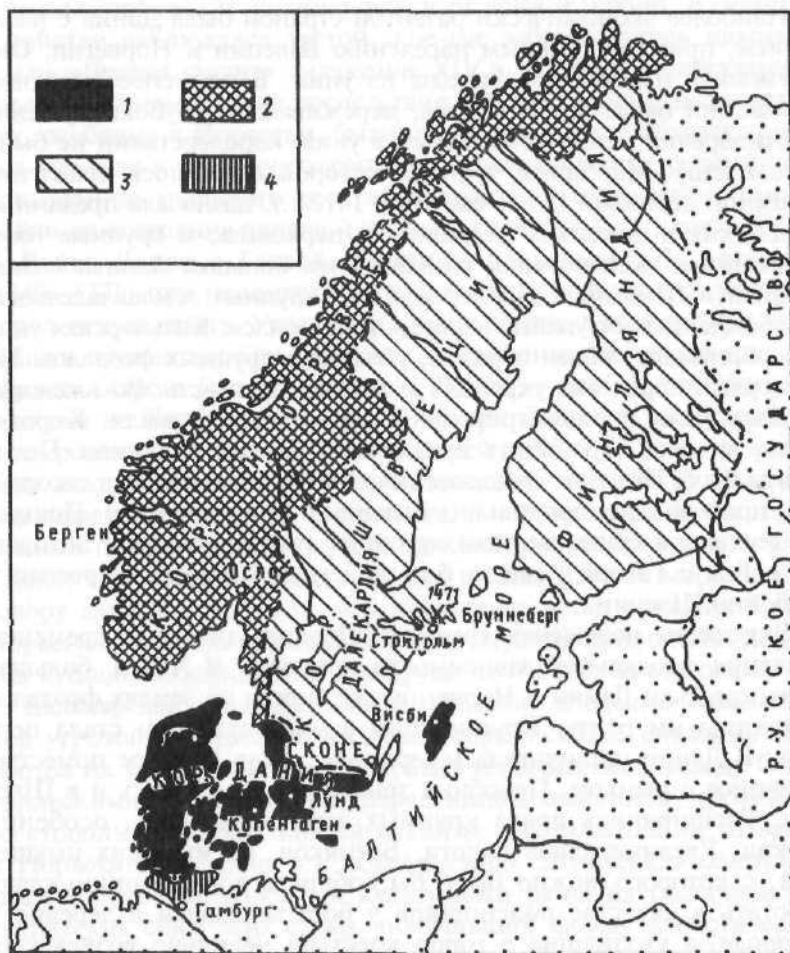
Война Дании с Ганзой. В Дании Вальдемару IV Аттердагу (1340—1375) при поддержке церкви и рыцарства удалось укрепить королевскую власть. Утраченные ранее земли, в том числе и богатейшая провинция Сконе, были возвращены. Но захват датским королем острова Готланд с городом Висбю — важнейшим торговым пунктом на Балтийском море — привел Данию к столкновению с северонемецкой Ганзой. В войне с ней (1367—1370) Дания потерпела тяжелое поражение. Штральзундский мир (1370) предоставил ганзейцам торговые привилегии, в частности снижение таможенных пошлин и переход под их контроль четырех крепостей в Сконе, что утвердило их господство на Балтийском море. По договору датский король не мог короноваться без согласия Ганзы. Норвегия также была вынуждена подтвердить привилегии немецких купцов, захвативших в свои руки почти всю ее торговлю.

Кальмарская уния. Датские и шведские владения находились под угрозой отторжения их северогерманскими князьями. Несмотря на конфликты, неоднократно вспыхивавшие между Скандинавскими государствами, перед лицом опасности, грозившей со стороны немецких князей и Ганзы, феодалы Дании, Швеции и Норвегии стремились к объединению. Этническая общность, сходство экономического и культурного развития облегчали политических союз этих стран, получивший форму династической унии. Маргарита, дочь датского короля Вальдемара IV и жена норвежского короля, возвела на датский престол своего сына Олафа, от имени которого правила Данией и Норвегией, а после его смерти сама стала во главе обоих государств. В 1389 г. при поддержке шведских феодалов она получила власть и над Швецией. В июне 1397 г. на собрании представителей трех королевств в шведском городе Кальмаре внучатый племянник Маргариты Эрик Померанский был провозглашен королем Дании, Швеции и Норвегии. Во главе их впредь должен был стоять один король. Государства должны были оказывать друг другу помощь в случае войны, но в каждом из них сохранялись свои законы. Уния не была, однако, передана на утверждение государственных советов и носила личный характер.

Наиболее экономически развитой страной была Дания с населением, примерно равным населению Швеции и Норвегии. Она и извлекла наибольшие выгоды из унии. В наименее выгодном положении оказалась Норвегия, переживавшая глубокий упадок. Противоречия между вошедшими в унию королевствами не были преодолены. Маргарита, в руках которой оставалось правление огромной державой (до ее смерти в 1412 г.), назначала преданных ей датских и немецких феодалов на церковные и крупные государственные должности и раздавала им большие ленные пожалования в Швеции и Норвегии. Слой крупных землевладельцев, освобожденных от уплаты налогов, расширился. Кальмарская уния способствовала, таким образом, усилению крупных феодалов. Но на первых порах она укрепила королевскую власть. Во владении короны были сконцентрированы значительные земли. Королю Эрику удалось ограничить привилегии немецких купцов. После войны были введены «зундские пошлины», взимавшиеся с кораблей, проходивших проливы из Балтики в Северное море. Пошлины составили существенный источник государственных доходов. Но война с Ганзой нанесла большой ущерб Дании, Норвегии и особенно Швеции.

Ухудшение положения крестьян. Период унии был временем усиления феодальной зависимости крестьян. В XIV в. большая часть крестьян Дании и Норвегии уже сидела на землях феодалов и платила им ренту. Крупнейшим землевладельцем стала церковь. В Дании увеличивалась барщина, росло крупное поместье, связанное с рынком. Подобные тенденции намечались и в Швеции. Расширялись права крупных землевладельцев, особенно церкви. Увеличивались налоги. Бедняков, не имевших имущества, с которого можно было бы собирать подати, принуждали работать в качестве поденщиков у богатых людей в деревне и в городе, а уходивших в город крестьян насильно возвращали в сельскую местность. На усиление гнета крестьяне отвечали восстаниями.

Восстание Энгельбректа Энгельбректссона (1434—1436). Ущемление самостоятельности Швеции и Норвегии датскими правительствами затрагивало интересы различных слоев населения в этих странах. Особенно сильной была оппозиция в Швеции. Купцы Стокгольма и в особенности рудокопы провинции Далекарлия, где находились богатейшие в Европе медные и железные рудники, выражали недовольство. В Далекарлии в 1434 г. и началось восстание: рудокопы и крестьяне потребовали уменьшения налогов и выступили против засилья в Швеции датчан и немцев. Во главе восставших стал владелец рудника, выходец из среды низшего рыцарства Энгельбрект Энгельбректссон. К движению присоеди-

Скандинавские страны в XIV—XV вв.:

1 — королевство Дания во второй половине XIV в. Территории, объединенные с Данией по Кальмарской унии (1397); 2 — королевство Норвегия (в унии с 1330 г.); 3 — королевство Швеция (в унии с 1397 г.); 4 — герцогство Голштиния (в унии с 1460 г.)

нились и некоторые феодалы. В 1435 г. было созвано сословно-представительное собрание, на котором наряду с духовенством и светскими феодалами присутствовали выборные от бюргеров и бондов. Так возникло шведское сословное представительство — *риксдаг*, окончательно оформившийся во второй половине XV в.

Но Энгельбрект, избранный «вождем государства», в 1436 г. был предательски убит. Восстание крестьян было подавлено, но оно значительно подорвало датское и немецкое засилье в Швеции.

Под влиянием событий в Швеции начались народные движения в Норвегии, Финляндии и Дании. Восстание в районе Осло вспыхнуло в 1436 г., а в 1441 г. крестьянское движение охватило Северную Ютландию, быстро распространившись на другие области. Крестьяне жгли королевские замки и усадьбы феодалов. Вместе с тем феодалы использовали народное движение в своих интересах. Король Эрик вынужден был бежать из Дании; королевская власть была вновь ослаблена.

В Дании собрание сословий стало созываться в 1468 г. Но оно (как и в Швеции, в отличие от крупных стран Европы) не контролировало финансовую политику короны и созывалось очень нерегулярно.

Скандинавские страны во второй половине XV в. Исход борьбы за и против Кальмарской унии в Швеции и Норвегии был неодинаков. Норвежское бюргерство оставалось слабым и оттесненным от предпринимательской деятельности купцами Любека и Востока. Слабое норвежское дворянство было неспособно возглавить освободительное движение против унии. Норвегия потеряла в этот период Оркнейские и Шетландские острова, перешедшие под власть королей Шотландии. В Исландии, где феодализация почти вовсе не развивалась, в конце XIV в. установилось господство датчан, сменившее власть норвежского короля. Свертывание мореходства и торговли привело к прекращению связей между Норвегией и Гренландией; скандинавские поселения в Гренландии исчезли.

В Швеции борьба за разрыв унии была вместе с тем борьбой различных социальных сил между собой. Часть дворянства и высшего духовенства искала помощи в Дании. Обладание землями в обоих государствах делало многих дворян приверженцами унии. Против унии выступала другая часть дворянства, нашедшая поддержку у бюргерства и крестьян. Опираясь на освободительное движение, крупный шведский феодал Карл Кнутссон захватил престол (он правил с перерывами с 1448 по 1470 г.). В 1471 г. бюргеры и крестьяне под руководством представителя шведской знати Стена Стуре нанесли при Брункеберге поражение войскам датского короля. Эта битва послужила толчком для дальнейшего патриотического подъема. Из городских советов были удалены немцы, был основан первый шведский университет в Упсале.

Деятельность регентов из дома Стуре (1471—1520), расчетливых политиков, использовавших народные движения в интересах

дворянства, была направлена на ограничение вывоза из Швеции драгоценных металлов, сосредоточение торговли и ремесла в руках шведских бюргеров. Вывоз железа и меди стал государственной монополией. В руках государства была сосредоточена чеканка монеты. В интересах светских феодалов Стуре ограничивали церковное землевладение. Стуре не ставили целью выход Швеции из унии с Данией, но тенденция к приобретению Швецией полной самостоятельности делалась все более неодолимой.

В течение XV в. в Дании также выросло влиятельное бюргерство. Копенгаген стал резиденцией короля. В последней четверти столетия там возник университет. Привилегии ганзейцев были уничтожены. Торговля сельскохозяйственными продуктами, перешедшая в руки датских феодалов, связывала Данию в экономическом отношении с Северной Германией, что облегчило и политическое сближение. Королю Кристиану I (1448—1481) удалось добиться своего избрания герцогом Шлезвига и Голштинии (1460), тем самым он стал имперским князем. Поддержку в борьбе против Ганзы и Швеции датские короли нашли у московского великого князя Ивана III, с которым в 1493 г. они заключили соглашение.

Во второй половине XV в. продолжалось втягивание датских крестьян в личную зависимость. Крупные землевладельцы принуждали исполнять все увеличивавшуюся барщину.

Глава 16

Венгерское королевство в X—XV вв.

Обретение родины. В 896 г. венгерские племена под напором печенегов проникли из причерноморских степей через Карпатские перевалы в Среднее Подунавье, со временем осели там и основали государство.

Венгры принадлежат к семье финноугорских народов. Предположительно, их прародина локализуется в бассейне Среднего Поволжья, рек Камы и Белой. Попав в середине I тыс. н.э. в причерноморские степи, кочевники-скотоводы венгры долго жили под властью разных тюркских народов, восприняли многое из их материальной культуры, верований, политических институтов и языка. На них распространилось имя одного из тюркских племен — оногуров и, видоизменившись (лат. *hungarus*), закрепилось за ними в европейских языках. Самоназвание же венгров — мадьяры.

Через Карпаты перешли семь заключивших между собой кровный союз венгерских племен, к ним присоединились три племена тюрков-кабаров. Во главе этого союза встал вождь Арпад. От него ведет свое начало княжеская, а затем первая королевская династия Венгрии — Арпады (правили до 1301 г.). Пришельцы-кочевники заняли прежде всего удобные для пастбищ равнинные и степные области Большой Дунайской низменности и Трансильвании, но постепенно, как мирным путем, так и с помощью оружия, расселились по всему Карпатскому бассейну (включая часть современной Словакии). Племена размещались отдельно и жили вполне самостоятельно друг от друга. Лучшие земли — по Дунаю, к югу от нынешней столицы Венгрии — достались Арпаду и его роду.

Население средневековой Венгрии. Средневековое Венгерское королевство было полиэтничным. Ко времени прихода венгров местные славянские племена находились на более высоком уровне развития и впоследствии оказали большое влияние на завоевателей. Об этом свидетельствует целый ряд заимствований в венгерском языке славянских терминов, относящихся к сельскому хозяйству,

ремеслу, быту, административному строю. В ходе экспансии венгерских королей в XII—XIII вв., а также миграций славянский элемент усиливался. Под властью венгров в разное время оказались предки словаков, хорваты, словенцы, сербы, русины.

Велико значение немецкой колонизации венгерских земель, поощрявшейся венгерскими королями, особенно в XIII—XIV вв. Возникли районы компактного расселения баварцев, саксонцев, швабов, наиболее многочисленные в Трансильвании. Последняя выглядела особенно пестро в этническом отношении. Помимо венгров и немцев, там расселились секеи (секлеры) — народ, по-видимому, тюркского происхождения, не омадьярившийся. С XII в. письменные источники все чаще стали упоминать среди жителей Трансильвании предков румын — влахов-пастухов, хотя в историографии существует мнение, что они жили там и значительно раньше. Число влахов постоянно росло. Заметный след в этнической истории Венгрии оставили кочевники — половцы (куны) и аланы (ясы), поселенные в начале XIII в. венгерскими королями в степных районах королевства.

Набеги венгров на Западную Европу. Между появлением венгров за Карпатами и их окончательным поселением там прошло более полувека, в течение которого венгерские конные отряды беспрестанно совершали опустошительные грабительские набеги на Западную Европу. Они доходили до Валенсии и Апулии, устья Луары и Ютландии. Тактика неожиданных рейдов легкой, вооруженной стрелами конницы, схожая с тактикой арабов, долго вызывала растерянность на Западе и в Византии. Лишь в 955 г. германский король Оттон I наголову разбил венгров в битве на реке Лех близ Аутсбурга. Тем самым он положил конец их набегам и вынудил их закрепиться на новой родине.

Венгры окончательно перешли к оседлому образу жизни. Их основным занятием стало земледелие, хотя как в хозяйственном укладе, так и в образе жизни скотоводство — разведение крупного рогатого скота и коневодство — сохраняло важную роль. Еще в XIII—XIV вв. в некоторых областях Венгрии летом население покидало свои жилища в деревнях и переселялось в степь, в шатры.

В ходе расселения и оседания на новых землях, а также грабительских походов, возникало социальное неравенство, отношения власти и подчинения, складывалось государство. В X в. начало распространяться христианство.

Возникновение раннефеодального государства. Иштван I. Основателем венгерского государства по традиции считается Иштван I Святой (ок. 974 — 1038), прямой потомок Арпада. Подавив сопротивление племенной знати и уничтожив соперничавших с ним

в борьбе за верховную власть родственников, Иштван сумел объединить в единое государство все племенные территории. В 1000 г. он провозгласил себя королем. Опасаясь попасть в зависимость от германских императоров, которые оказывали сильнейшее давление на молодое государство, Иштван принял корону от папы Сильвестра II. Впоследствии на этом основании папы неоднократно притязали на сюзеренитет в отношении Венгрии. В то же время этот факт послужил отправной точкой для формирования в более позднее время очень важной в политической истории средневековой Венгрии концепции «святой короны». Считалось, что римский первосвященник получил ее через ангелов от Бога. Это ставило в особое положение и королевство — как находящееся под небесным покровительством, и саму корону. Постепенно она стала символизировать не только власть короля, но и само государство. В периоды ослабления королевской власти эту идею к выгоде для себя использовали венгерские бароны. Не коронованный «святой короной» («коронай св. Иштвана») монарх не считался законным.

Крещенный в детстве Иштван насаждал в стране христианство католического толка. При нем церковь обрела организационные формы. Были основаны два архиепископства (Эстергомское и Печское), первые десять епископств, монастыри. Подданным строго вменялось в обязанность строить приходские храмы и платить десятину. Благодаря королевским пожалованиям церковь стала крупнейшим землевладельцем в королевстве. Помимо католичества в средневековом Венгерском государстве было распространено греко-православное исповедание, возобладавшее среди невенгерского населения.

Иштван владел более чем половиной земель королевства. На них он учредил 45 королевских округов — *комитатов*, военно-административными центрами которых сделал королевские замки. Во главе комитатов стояли назначавшиеся королем *ишпаны* (графы), происходившие как из местной, так и из венгерской, бывшей племенной, знати. Родовые территории постепенно подпадали под королевскую юрисдикцию. К середине XII в. число королевских комитатов возросло до 70.

При Иштване стали складываться государственные институты средневековой Венгрии. Высшим органом совещательного характера при короле был Королевский совет, ядро которого составляли ишпаны, прелаты, высшие дворцовые чины. Первым должностным лицом в государстве был придворный ишпан (надор, или палатин), доверенное лицо короля. Первоначально в его компетенцию входило разрешение споров при дворе. Со временем надор стал замещать короля в суде, а также при решении военных и других

общегосударственных вопросов. В помощь надору был учрежден пост дворцового судьи, превратившегося позже в главного судью королевства. Второй по важности фигурой в центральном управлении был примас венгерской церкви — эстергомский архиепископ, который с XIII в. возглавил королевскую канцелярию как канцлер.

Важнейшие мероприятия, связанные с государственным и церковным строительством и гарантировавшие защиту складывавшихся основ феодального строя, в XI — начале XII в. были оформлены королевскими законами.

Социальная структура раннефеодального общества. Процесс складывания основных структур феодального общества в Венгрии затянулся до XIV в. В правовом отношении крестьянство было весьма пестрым. Его статус определялся происхождением, а также тем, в чьих владениях оно проживало. На королевских землях положение зависимого населения было лучше. Но везде прослеживалась одна тенденция: понижение статуса свободных и повышение статуса потомков рабов (сервов и либертинов). Основное различие между лично свободными и зависимыми заключалось в том, что первые располагали правом свободного перехода и несли фиксированные повинности. Наиболее привилегированное положение занимали госпиты — крестьяне, принимавшиеся землевладельцем на льготных условиях. В своих общинах они сами выбирали судей и совместно вносили сеньориальные платежи, отличавшиеся к тому же меньшими размерами, чем у обычных свободных крестьян. Одним из важнейших показателей условий свободного статуса в Венгрии было несение военной службы, что могло заменяться платежами.

Наиболее привилегированным, как и везде в Европе, был воинский слой. В него входили несшие в королевских замках военную службу свободные венгры и выходцы из невенгерской знати. По зову короля они выступали в поход под предводительством королевских ишпанов. Другая категория воинов — сервиенты. Они находились в непосредственном подчинении у короля и сражались под его знаменами. Со временем все они вошли в состав феодального сословия. В борьбе с племенной знатью Иштван опирался на иностранцев, прежде всего немцев. После его женитьбы на баварской принцессе в страну хлынул поток рыцарей и миссионеров из германских земель. В формировании новой знати и феодальных институтов в Венгрии они сыграли заметную роль.

Внутренние усобицы в XI — начале XIII в. В правление королей из династии Арпадов трон, как правило, передавался по мужской линии. При этом чередовались принципы наследования трона то старшим в роду (братом короля), то старшим сыном короля. Это

приводило к жестокой борьбе за трон внутри правящего дома. После смерти Иштвана, умершего бездетным, в Венгрии с 1038 по 1070 г. сменилось семь королей, и лишь один из них умер естественной смертью.

Из междоусобиц извлекала пользу феодальная знать (бароны, или магнаты). Когда с восшествием на престол Андраша II (1205—1235) братоубийственным распрям был на время положен конец, обнаружилось, что королевский земельный фонд существенно сократился и созданная Иштваном система королевских комитатов рухнула. В частные руки попали целые комитаты, а в тех, что еще оставались у короля, военная и административная организация перестала справляться со своими функциями. В отличие от Западной Европы этого времени, Арпады жаловали землю без всяких условий, навечно. Наиболее могущественные из магнатов становились фактически независимыми от центральной власти.

Магнаты враждовали как между собой, так и с королями. При Андраше II конфликт баронов с центральной властью достиг своего апогея. Ситуация осложнялась тем, что Андраш и его жена Гертруда, происходившая из Баварии, покровительствовали чужеземцам. Бароны во главе с надором Банком составили в 1213 г. заговор и в отсутствие короля во время охоты убили королеву и наиболее ненавистных ее приближенных из числа иностранцев. Сила магнатов возросла настолько, что Андраш II не посмел понастоящему расправиться с заговорщиками.

«Золотая булла» 1222 г. Усиление магнатов и распад системы королевских комитатов угрожали положению свободных мелких и средних землевладельцев, которые без защиты со стороны короля оказывались беспомощными перед властью и злоупотреблениями светских и церковных магнатов. Недовольство этих общественных групп было направлено как против магнатов, так и против короля, не способного защитить своих подданных. Во главе движения встали представители той части аристократии, которая не имела тесных связей с двором и была обделена пожалованиями.

В 1222 г. оппозиция вынудила Андраша II принять свои основные требования, сформулированные в изданной от имени короля «Золотой булле». Большая часть статей этого документа направлена против злоупотреблений короля и магнатов. Так, запрещалось пожалование целых комитатов частным лицам и ограничивалось влияние чужеземцев. Заключительная статья буллы оговаривала право могущественных баронов и прелатов оказывать сопротивление королю в случае невыполнения им обещаний — право, которым впоследствии магнаты неоднократно пользовались в борьбе с центральной властью. Однако истинное значение «Золотой буллы»

состоит в том, что в ней впервые были заявлены права и привилегии сервиентов и близких к ним категорий, составивших основу сложившегося позже венгерского дворянства. Декларировались личная свобода сервиентов и подвластность только королевскому суду; запрет задерживать их без законного постановления судьи; вознаграждение за военную службу королю (за исключением тех случаев, когда страна подвергалась нападению извне). Владения сервиентов освобождались от податей и повинностей.

Татарское нашествие. Сын Андраша Бела IV (1235—1270) своими попытками ограничить самовластие магнатов и вернуть утраченные королевские комитаты настроил против себя значительную часть аристократии. Это было особенно опасно в условиях приближающейся татарской угрозы. Весной 1241 г. татаро-монгольские войска под предводительством хана Батыя, встретив лишь слабое сопротивление, вторглись в страну. Напрасно королевские посланцы по старинному обычаю объезжали страну с окровавленным мечом, созывая феодалов в поход. Войска собирались крайне медленно. 11 апреля 1241 г. у деревни Мохи на севере королевства состоялось одно из самых трагических и памятных сражений в истории средневековой Венгрии. Венгры потерпели сокрушительное поражение. Их войско было уничтожено полностью. Погибли надор, оба архиепископа и много других представителей знати. Сам король едва спасся в Далмации. В XIII в. венгры уже не могли противостоять тактике стремительных набегов кочевников, которую так успешно применяли сами против Западной Европы три века назад.

Совершив опустошительный рейд по Венгрии, татары летом 1242 г. неожиданно покинули пределы королевства. Они оставили после себя разоренную и обезлюдившую страну. Татарское нашествие стало важным рубежом в истории Венгерского государства. Неудачи венгров в борьбе с татарами показали слабость обороны и военной организации. Бела IV решил развернуть строительство каменных крепостей. Поскольку казна была не в состоянии справиться с этой задачей, он вернулся к раздаче земель магнатам. Во второй половине XIII в. Венгерское королевство, как двумя веками раньше Западная Европа, покрылось замками, что повлекло за собой усиление частной власти магнатов. Этому, в свою очередь, сопутствовало становление системы сеньориально-вассальных связей. Возник институт *фамильяриев*: свободные воины-землевладельцы, ранее зависевшие непосредственно от короля, были вынуждены поступать на службу к баронам и прелатам.

Произошли изменения и в положении крестьянства. Повторное заселение обезлюдивших во время татарского нашествия областей

приводило к стабилизации и улучшению условий его существования, приближавшихся к статусу госпитов.

Во второй половине XIII в. был дан толчок росту городов. Бела IV поощрял строительство укрепленных городов и предоставлял их населению широкие льготы. Такие поселения быстрее возникали в привилегированных общинах госпитов-немцев (Пешт, Капша¹, Лёче²), а также на базе королевских замков (Эстергом, Секешфехервар, Буда, Дьёр, Шопрон, Пожонь³). Возникшие города имели статус «свободных королевских городов», их самоуправление ограничивалось королевской администрацией. Отличительной чертой городов было преобладание в них немецкого этнического элемента.

Внешняя политика Венгерского королевства в XII—XIII вв. Если в XI в. внешняя политика венгерских королей была направлена на борьбу за выживание, против более сильных соседей, прежде всего германской империи, то с XII в. окрепшее Венгерское королевство само переходит к внешней экспансии. В конце XI — начале XII в. Ласло I и Калман I подчинили Славонию и Хорватию, которые, однако, сохранили автономию. Тогда же власть венгерских королей распространилась на приморскую Далмацию с ее богатыми торговыми центрами. В результате Венгрия приобрела могущественного соперника в лице Венеции. В 1136 г. Бела II объявил себя королем Боснии. В своем продвижении на Балканах Венгрия столкнулась с Византией. Византийский император Мануил I использовал все возможные средства — от военных до дипломатических, чтобы вытеснить Венгрию с Балкан и подчинить ее. После безуспешных попыток вступить в союз против Венгрии с Фридрихом I Барбароссой он усыновил и воспитал при своем дворе венгерского принца Белу (будущего Белу III) в качестве своего наследника. Однако этот план объединения государств не был реализован.

Уже с XI в. венгерские короли выступали с притязаниями на Галицко-Волынскую Русь. В конце XII в. они активизировали свои действия в этом направлении, предприняв ряд походов. Венгерские короли не раз объявляли себя «королями Галича». Но в середине XIII в. они были вынуждены отказаться от планов подчинения этой области.

Утверждение Анжуйской династии. Ее внутренняя политика. В XIV—XV вв. венгерское феодальное общество переживало наи-

¹ Совр. Кошице.

² Совр. Левоча.

³ Совр. Братислава.

высший подъем и расцвет. Королевство стало играть важную роль в международной жизни Центральной Европы.

В 1301 г. со смертью Андраша III в Венгрии пресеклась династия Арпадов. Последние короли из этого дома оказались не в состоянии справиться с баронской вольницей. Страна при номинальной власти короля фактически распалась на ряд почти самостоятельных владений. Так, надор Матэ Чак, владевший 12 комитами на севере королевства, имел свой двор, при котором дублировались высшие государственные должности (надора, канцлера и т.д.).

После смерти Андраша III враждующие магнатские группировки выбрали сразу трех королей из чужезмцев, состоявших в родстве с Арпадами. При поддержке папы на венгерском троне утвердился Карл Роберт (1310—1342), представитель неаполитанской ветви Анжуйской династии. Он был признан законным королем лишь после третьей коронации, когда ему, наконец, удалось добыть «корону св. Иштвана». Карл Роберт укрепил материальные и политические основы государства и тем самым обеспечил успех правлению своего сына Лайоша I Великого (1342—1382).

Карл Роберт подчинил своей власти всю страну. Земли политических противников были конфискованы. В руки короля вернулись больше половины королевских замков и пятая часть земель королевства. Карл Роберт создал новую аристократию из верных ему людей, раздавая замки и поместья. Особенность этих пожалований состояла в том, что по большей части они были связаны с назначением на высшие государственные должности. По сути это была разновидность бенефициальной системы, которая в Западной Европе к тому времени стала анахронизмом. Позже отдельные ишпанства превратились в наследственные при некоторых должностях. Послушная вначале своему благодетелю и его сильной руке новая знать со временем опять стала противопоставлять себя центральной власти и в конце XIV в. возобладала над ней.

Короли Анжуйской династии активно использовали старые и искали новые источники доходов. На территории королевства располагались богатейшие в Европе золотые и серебряные рудники. Через границы в обоих направлениях шел большой поток транзитных товаров. Чтобы взять эти богатства под контроль, были установлены королевская горная и таможенная *регалии*. В государстве ввели первый регулярный налог — с крестьянского двора («с ворот»). Карл Роберт провел денежную реформу, заменив имевшие хождение многочисленные типы местной сеньориальной и иностранной монеты полновесным королевским золотым флорином.

Под покровительством королевской власти возникали все новые свободные королевские города. И все же городское развитие отставало от Западной Европы. Городов было мало; свое благосостояние они строили не на ремеслах, а на торговле, причем преимущественно дальней. Города концентрировались на транзитных торговых путях у границ королевства. В глубине страны исключение составляла лишь Буда. Не случайно в XIV в. она превратилась в экономический и политический центр королевства, куда перенесли свою резиденцию короли. Неразвитость городской жизни обусловила слабость начавшего формироваться городского сословия.

В XIV в. еще большие, чем при Беле IV, масштабы приняла внутренняя колонизация, осуществлявшаяся, как и прежде, преимущественно за счет притока переселенцев из-за пределов страны. В условиях, когда города не могли в полной мере осуществить координацию внутренних хозяйственных связей, эту задачу брали на себя торговые села, так называемые «аграрные города», число которых к XV в. достигло 800. Крестьянское население этих рыночных местечек производило продукцию на продажу. Там же развивалось и ремесло, хотя оно играло второстепенную роль. Короли предоставляли рыночным местечкам сходные с городскими привилегии.

Следует подчеркнуть особую роль скотоводства и виноградарства в экономике страны, уже в XIV в. приобретавших экспортный характер. С одной стороны, успехи в разведении крупного рогатого скота определялись географическими условиями страны (степные пространства и луговые земли в долинах Дуная, Тисы и их многочисленных притоков). С другой стороны, развитие скотоводства и виноградарства повлияло на хозяйственный строй деревни и структуру земельной собственности. В районах, где преобладали эти отрасли сельского хозяйства, меньше распространен был домен. Но и в зерновых зонах в XIV и XV вв. домениальное хозяйство не утвердилось. Этому способствовали обилие земли и относительно малая плотность населения.

Изменения в социальной структуре. К середине XIV в. крестьянство приобрело единый правовой статус. Оно состояло из наследственных держателей земли, располагавших личной свободой, правом перехода, вносивших повинности деньгами, а также продуктами.

В XIV в. типичной фигурой был полнонадельный крестьянин, т.е. державший достаточный для самостоятельного хозяйствования земельный надел. Не случайно надел стал единицей налогообложения. Однако с XV в. из-за дробления крестьянских держаний

растет число живущих на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и т.д. части надела, а также безземельных крестьян. Но поскольку повинности и налоги взимались, как правило, с пахотной земли, большая часть дополнительных источников крестьянских доходов, связанных со скотоводством, торговлей, ремеслами, могла остаться в их распоряжении. В целом материальное положение крестьянства в XIV — первой половине XV в. было устойчивым.

Формирование единого по статусу крестьянства нашло отражение в законодательстве. В 1351 г. был издан королевский декрет, впервые регламентировавший в масштабах королевства крестьянские повинности в пользу феодалов. Этот закон был в первую очередь призван помочь дворянству, особенно сильно страдавшему от ухода крестьян в поместья крупных феодалов, где уровень эксплуатации был ниже.

В XIV—XV вв. венгерские короли проводили последовательную политику поддержки дворянства, рассчитывая на него в борьбе с магнатами. Тот же декрет закреплял права и привилегии дворянства и фактически подводил черту под его оформлением в единое сословие. Об этом свидетельствует формула декрета, провозглашавшая равноправие всех ранее пестрых в правовом отношении групп дворянства: «Проживающие в пределах страны истинные дворяне... пользуются одной и той же свободой». Тем не менее верхушку дворянства (владельцев 10—40 сел) от многочисленных однодворных дворян отделяла пропасть.

Оформившись в сословие, дворянство при поддержке королевской власти смогло более эффективно защищать свои интересы перед лицом магнатов. Этим целям служили дворянские комитаты, возникавшие еще в XIII в. на месте распадавшихся королевских. Короли предоставляли дворянам право в рамках комитатов иметь свой суд, администрацию, финансы и ополчение. Высшим коллегиальным органом было комитатское собрание, в котором могли принимать участие все дворяне комитата. Комитат возглавлял ишпан, назначавшийся королем из числа преданных ему баронов. В аппарат комитатского самоуправления входили регулярно переизбиравшиеся судьи, присяжные, нотариусы. Дворянские комитаты, хотя и превратились в соперников власти баронов на местах, не смогли преодолеть ее. Структуры магнатской и комитатской власти тесно переплетались.

Итак, в XIV в. Венгрию можно назвать страной дворян и крестьян. В этом полиэтническом государстве ряды как крестьянства, так и феодалов в равной мере пополнялись за счет представителей других народностей, которые на своих территориях нередко пользовались привилегиями и некоторой автономией.

Управление Трансильванией. Управление трансильванскими землями имело свои особенности. Эти земли попали под власть венгров в эпоху «обретения родины». Со времен Иштвана там существовала комитатская организация. Во главе семи трансильванских комитатов стоял представитель короля — трансильванский воевода, располагавший широкими судебными, финансовыми и военными полномочиями. Он входил в число высших должностных лиц королевства. С XIII в. под председательством воеводы действовало Генеральное собрание, на котором решались в первую очередь судебные дела края. Бела IV, желая закрепить права на трон за своим старшим сыном (будущий Иштван V), объявил его своим соправителем и герцогом, а затем и королем Трансильвании. В результате статус этой территории в королевстве на время повысился. Упадок центральной власти при последних Арпадах привел к тому, что воеводы Трансильвании, как и магнаты других частей королевства, надолго стали самостоятельными.

Помимо комитатов, в полиэтничной Трансильвании в XIII в. возникли секейские и саксонские (немецкие) округа, не зависевшие от воеводы и также обладавшие большой самостоятельностью. Они управлялись особыми королевскими сановниками — ишпаном секеев и ишпаном саксонцев. Секеи были обязаны королю лишь военной службой. На этом основывались их привилегии: личная свобода, освобождение от податей и повинностей. До XV в. секеи жили в условиях родового строя.

Саксонцы заселяли Трансильванию как госпиты. Привилегии, даровавшиеся госпитским общинам, способствовали возникновению городов. Саксонские города сами избирали свою администрацию, священников, пользовались королевскими регалиями (охота, рыболовство, горное дело), торговали без пошлины своими товарами, устраивали ярмарки. Венграм, влахам и секеям не разрешалось селиться на землях саксонцев. Саксонцы платили королю установленную сумму и поставляли в его войско некоторое число воинов.

Влахи Трансильвании традиционно занимались пастушеским овцеводством. Венгерские короли, особенно после татарского нашествия, охотно брали их на пограничную службу. В своих общинах они жили по собственному — волошскому — праву. За военную службу влахам предоставлялись привилегии, сходные с дворянскими. Влашская знать роднилась с венгерской. Эти процессы интеграции отразились в декрете 1366 г. Лайоша I: рядовые влахи по юридическому статусу приравнивались к зависимому крестьянству, а привилегированные воины — к дворянству.

Общественно-политические структуры населявших Трансильванию народностей взаимодействовали между собой. Так, в 1437 г. в разгар восстания венгерских и валашских крестьян венгерские дворяне, секеи и патрициат саксонских городов заключили между собой союз, — так называемую «унию трех наций», направленную против восставших крестьян. Однако этнически вlahи не разделились среди венгров и других народностей Трансильвании. Более того, по мере перемещения в Трансильванию с Балкан под давлением османов все большего числа вlahов, они стали оказывать значительное влияние на этнические процессы этой провинции. Этническому сплочению вlahов в Трансильвании способствовала их принадлежность к православной христианской церкви.

Внешняя экспансия. Внешняя политика Венгерского королевства в XIV в. отличалась большой активностью. Если Карл Роберт войнам предпочитал мирную деятельность, а конфликты с соседями стремился улаживать дипломатическим путем, то его сын Лайош I получил прозвище Великий за свои военные предприятия, несмотря на то, что большинство из них представляли собой безрезультатные авантюры. Так в конечном счете выглядят его походы в Неаполь, войны с Венецией. Успехи же Лайоша на Балканах (установление сюзеренитета над Сербией, Боснией, завоевание части Болгарии) в целом враждебно настроили покоренные народы по отношению к Венгрии, что облегчило турецкие завоевания на Балканах.

Дипломатия королей Анжуйской династии положила начало сближению Венгрии с Чехией и Польшей. Оно было оформлено договором между тремя королями на их встрече в Вишеграде (Венгрия) в 1335 г. Этот союз носил военный и торговый характер и был направлен прежде всего против австрийского герцога. В 1370 г. Лайош I занял польский престол, что, однако, не означало слияния двух королевств. После смерти Лайоша их пути снова разошлись.

Отношения Венгрии с Чехией осложнились в то время, когда германским императором выбрали чешского короля Карла I Люксембургского. Лайош I долгое время выступал против императора, неоднократно меняя союзников. Но в конце концов в 1372 г. враги примирились и договорились о браке между своими детьми: дочерью Лайоша I Марией и сыном Карла Сигизмундом.

Начавшееся при Анжуйской династии чешско-польско-венгерское сближение, несмотря на имевшиеся противоречия и раздоры, в целом оказалось перспективным. Складывалось подобие политического блока, который в течение более двух столетий серьезно влиял на расстановку сил в Центральной Европе, особенно

в правление утвердившейся на престолах трех королевств династии Ягеллонов.

Люксембурги в Венгрии. Ошибки политики Анжуйской династии сказались сразу после смерти «великого» короля. В лишившемся твердой власти королевстве с новой силой заявили о себе бароны. Они создавали враждующие между собой лиги, которые, однако, объединялись в стремлении урезать королевскую власть. Избранию королем Сигизмунда (в венгерской традиции Жигмонда) Люксембурга (1387—1437) предшествовала кровавая гражданская война нескольких баронских лиг, выдвигавших своих претендентов на престол.

В этой, казалось бы, повторяющей основные коллизии прежних баронских выступлений борьбе отчетливо проступили новые черты. Бароны открыто рвались к власти и законодательно желали закрепить свое превосходство над королем. В период междоусобия придворный баронский совет облек себя высшими властными полномочиями и правил от имени «святой венгерской короны», которая, таким образом, окончательно отделилась от носителя верховной власти — короля. Жигмонд был признан официально лишь после коронации короной св. Иштвана, поднесенной ему баронами. За это он обязался составлять свой совет исключительно из прелатов, баронов и их наследников, сохранял высшие должности в их руках и был вынужден согласиться с почти полной потерей королевского земельного фонда. Попытки молодого короля освободиться из-под власти баронов в 1400 г. привели к тому, что они захватили его и некоторое время держали в плену.

Со временем Жигмонд сумел навести порядок в стране, поладив с магнатами, которые в течение почти сорока лет не затевали смут. Опираясь на новую аристократию и значительную часть дворянства, этот король продолжил политику Карла Роберта в области экономики.

Достигнув относительного спокойствия в стране, Жигмонд все свои силы направил на достижение внешнеполитических целей. Между тем в этой сфере в конце XIV — начале XV в. появились новые факторы, ставшие впоследствии определяющими в истории Венгерского королевства. Турки неотвратимо приближались к его границам. В ряде наступательных военных акций Жигмонд пытался остановить их. Но после поражения объединенных войск западноевропейских рыцарей под командованием Жигмонда в битве при Никополе в 1396 г. Венгрия перешла к оборонительной политике. Попытки Жигмонда обеспечить сюзеренитет над государствами Балкано-Дунайского региона в целом потерпели неудачу. Однако в руки венгров попал ряд стратегически важных областей и крепостей, в том числе Белград.

Основные усилия своей внешней политики Жигмонд сосредоточил на западном направлении. С этого времени быстро пошло сближение с германской империей и австрийскими Габсбургами, определившее основные контуры политики Венгрии в будущем. Как сын германского императора Карла IV, Жигмонд стремился повторить путь отца. Это удалось ему. В 1411 г. он был избран германским королем, в 1420 г. — чешским, в 1433 г. короновался в Риме и стал императором.

Для Венгрии возвышение ее короля в целом принесло мало пользы. Король часто и подолгу отсутствовал, доверяя управление страной Королевскому совету. Материальные ресурсы Венгерского королевства использовались для осуществления планов имперской политики, на Гуситские войны и т.д. Вместе с тем на Констанцском соборе императору удалось подтвердить верховные права венгерского короля в отношении венгерской церкви. Распоряжения папской курии, касающиеся Венгрии, а также кандидатуры на высшие церковные должности, должны были получить одобрение короля. Остальные церковные должности замещались исключительно по воле короля, а доходы от вакансий пополняли королевскую казну. Половину своих доходов венгерская церковь должна была направлять на борьбу с турками.

Жигмонд пытался обезопасить как само королевство, так и свою династию от феодальной анархии, пойдя на сближение с австрийскими Габсбургами. Уже в 1402 г. он договорился с австрийскими герцогами о принципах взаимонаследия. Чуть позже он определил в качестве своего преемника Альбрехта V Габсбурга и в 1421 г. выдал за него свою единственную дочь и наследницу Марию. В истории Венгрии это был первый договор, открывавший Габсбургам путь к венгерскому престолу. В 1437 г. Альбрехт Габсбург был объявлен венгерским королем.

Последняя победа над турками. Последовавшие за смертью Жигмонда два десятилетия венгерской истории ознаменовались новым наступлением турок. На этот раз борьбу с ними возглавил один из магнатов — Янош Хуняди.

Янош Хуняди, мелкий владетель, сделал головокружительную карьеру в правление Жигмонда благодаря своим выдающимся полководческим талантам, которые проявил в борьбе с турками. Он стал обладателем высших должностей в государстве (в том числе правителя королевства при малолетнем короле Ласло V) и самого крупного состояния. Янош Хуняди совершил несколько походов на Балканы, которые, однако, не остановили турок. В 1456 г. они осадили Белград. Его взятие открыло бы путь туркам в глубь страны, к столице. Двор бежал в Вену. Магнаты

не спешили со сбором войск. На призыв папы пойти крестовым походом против турок откликнулись прежде всего местные крестьяне и ремесленники. Хуняди смог снять осаду с Белграда, опираясь в основном на своих фамилиариев, наемников и крестоносцев-крестьян.

Венгерский хронист Янош Туроци писал по этому поводу: «Завоевателя сокрушила крестьянская рука, которой привычной обращаться с лопатой, нежели с оружием». После победы над турками в лагере крестоносцев стало нарастать недовольство против бездействующих властей и магнатов. Возникла опасность социального взрыва, но неожиданно в лагере началась чума. Ее жертвой стал сам Янош Хуняди. Победа при Белграде на 70 лет остановила турок перед границами Венгерского королевства и обеспечила его последний взлет в правление Матяша Корвина.

Становление сословной монархии. В XV в. Венгерское государство складывается в форме сословно-представительной монархии. Ее особенности определялись спецификой сословной структуры венгерского общества. Слабое городское сословие не участвовало в государственной власти. Оно не стало материальной и политической опорой королей в их борьбе с магнатами и не могло обеспечить им достаточную независимость от воли феодалов. Королевская власть искала поддержки у мелких и средних феодалов, облакая их все новыми правами и привилегиями. Дворянство оформилось в сильное сословие. В целом короли могли рассчитывать на него, однако сами далеко не всегда были способны защитить дворян от посягательств со стороны знати и этим вызывали недовольство дворян. Венгерская сословная монархия складывалась в противоборстве трех сил: королевской власти, магнатов и дворянства. Усиление или ослабление центральной власти в значительной степени зависело от позиций по отношению к ней борющихся между собой группировок феодалов.

Высшим органом сословного представительства в Венгерском королевстве были Государственные собрания. Их историю начинают с 1437 г., когда в Буде собрались представители баронов, прелатов и дворян. В 1445 г. в Государственном собрании впервые появились депутаты от городов. Государственные собрания имели законодательные функции, вотивали налоги, выбирали королей. Как правило, съезды сословий происходили раз в год. Магнаты получали личные приглашения, дворяне — через дворянские комитаты. В XV в. еще не выработался принцип представительства, поэтому на собрании могли (а иногда и были обязаны) явиться все дворяне. Вследствие этого Государственные собрания были многочисленными и шумными, нередко сопровождалась стыч-

ками и кровопролитием. Именно в таких условиях на венгерский трон был избран Матяш I Корвин (1458—1490).

Расцвет Венгерского королевства при Матяше I. Младший сын Яноша Хуняди Матяш Корвин занял престол благодаря поддержке 20 тысяч вооруженных дворян, собравшихся на Ракошском поле близ Буды, чтобы выбрать короля. Матяш — одна из самых ярких личностей в венгерской истории. Прекрасно образованный человек, умный, властный, энергичный государственный деятель, тонкий дипломат, храбрый воин, рыцарь и гуманист, ценитель и покровитель искусств и наук — таким предстает этот король в описания современников. Он любил, чтобы его изображали на манер римских императоров, но в то же время бывал инкогнито в домах простых горожан и наблюдал жизнь народа. Он стал героем народных легенд и сказок.

Матяш сконцентрировал управление делами королевства в центральных учреждениях, отодвинув баронов на второй план. Все дела для Королевского совета готовились в королевской канцелярии, где также составлялись грамоты и велась дипломатическая переписка. В канцелярии работали профессионалы: секретари, нотариусы, писцы, получившие университетскую подготовку за границей. Управление королевскими доходами сосредоточилось в казначействе. Верховным судом стал суд «в присутствии короля». Там могли судить непокорных магнатов. Судьи королевского суда также получали юридическое образование. В государственных учреждениях формировалась интеллигенция, доступ в ряды которой открывался не только для феодальной элиты, но и для людей низкого происхождения — бюргеров и даже крестьян.

При Матяше чрезвычайно возросли денежные потребности центральной власти. Налоговое бремя увеличилось, и главная его тяжесть падала на крестьян. Вместо налога «с ворот» он установил налог с каждой крестьянской семьи, учитывая дробление наделов. Крестьяне также платили чрезвычайный военный налог — по 1 форинту с надела. Сбор всех пошлин он сосредоточил в своих руках. В результате этих реформ доходы казны сильно возросли. В то же время законодательными мерами король старался защитить имущество и личность крестьянина от злоупотреблений и самоуправства феодалов и чиновников. Тем не менее Матяш не смог остановить процесс наступления феодалов на крестьян.

Чтобы обеспечить независимость от магнатов, Матяш создал передовое по тем временам наемное войско. В его состав входили конница, пехота, боевые повозки, дунайская флотилия, артиллерия.

Внешняя политика во второй половине XV в. Основные усилия Матяш сосредоточил на укреплении венгерско-чешско-австрийского единства. Конечную цель он видел в создании Дунайской монархии. Чешские войны Матяша (1468—1478), в которых против него выступали Чехия, Польша и Австрийское герцогство, закончились компромиссом. Он разделил титул чешского короля с Владиславом Ягеллоном (будущим венгерским королем Уласло II), которому досталась Чехия. Матяш же получил Моравию, Силезию и Лужицы. В течение почти всего своего царствования Матяш воевал против Фридриха III Габсбурга, претендовавшего на венгерский престол в качестве родственника Ласло V. В 1463 г. Фридрих III вынудил Матяша Корвина признать свое право на наследование венгерского престола в случае отсутствия у Матяша сына. Со временем Матяш стал вести войну против Фридриха на австрийской территории. Он овладел большей частью Австрии и в 1485 г. занял Вену, куда перенес из Буды двор. В землях чешской короны и Австрии власть иноземца Матяша не упрочилась и продержалась лишь до смерти венгерского короля. Планы создания Дунайской монархии не осуществились.

Укрепляя свою власть и расширяя пределы королевства, Матяш мечтал утвердить на венгерском престоле свою династию. Своего единственного сына, незаконнорожденного Яноша Корвина, он хотел сделать своим преемником и вынудил Государственное собрание признать свою волю. Однако и этот план не удался. На венгерский престол после смерти Матяша был избран Уласло II Ягеллон (1490—1516).

Валахия и Молдавия до конца XV в.

Формирование валашской и молдавской средневековых народностей. Древними обитателями территории современной Румынии являлись фракийские племена гетов и даков. Их племенные объединения и политические союзы, существовавшие в I в. н.э., распались в результате завоеваний римлян. На землях даков в 106 г. была образована римская провинция Дакия, включавшая территории современной Трансильвании, Баната и Олтении (западной Валахии). С переселением сюда римлян и распространением рабовладельческих отношений местное население постепенно романизировалось, воспринимая латинский язык и письменность, многие элементы римской культуры, религии и быта. Племена, населявшие Мунтению (восточную Валахию) и Молдавию, не подверглись римскому завоеванию и жили в условиях разложения первобытно-общинного строя.

После отхода римлян в конце III в. за Дунай, в Карпато-Дунайских землях в IV—VI вв. происходили передвижения и расселение различных племен — готов, гуннов, гепидов, лангобардов, болгар. Местное земледельческое население продолжало обитать в долинных областях Подунавья, а скотоводы — в предгорьях Карпат.

С начала VI в. на левобережье Дуная расселялись славяне. Археологические материалы свидетельствуют о проживании их в Карпато-Дунайских землях вместе с местным романизированным населением. В условиях постоянных контактов, тесных экономических и культурных связей между ними к X в. сформировалась восточно-романская этническая общность, которая в латинских и греческих источниках называется «влахами», в славянских — «волохами».

Уже около двух столетий ученые ведут споры о происхождении влахов — предков румын, молдаван. Современное состояние источников и уровень исследования проблемы позволяет утверждать, что этнической основой их формирования было романизированное гето-дакийское население, длительное обитание которого

вместе со славянами по обоим берегам Дуная привело к появлению в X в. влахов. Влахы стали этнически господствующими к северу от Дуная, к югу возобладали славяне. Но контакты между ними продолжались и в последующие периоды истории.

Славяне оставили значительный след в истории духовной и материальной культуры влахов, особенно во всем, что связано с земледелием и ремеслами. Славянское влияние сказалось и в области социальных отношений. Первые политические объединения влахов и славян X—XIII вв. возникали в форме славянских институтов «кнезатов» и «воеводатов». Вместе с христианством, воспринятым валахами у южных славян, с X в. во влашском обществе распространяется славянское письмо и книжно-славянский язык, который стал официальным языком в возникших в XIV в. Валашском и Молдавском княжествах. Влияние славян проявилось и в процессе формирования языка восточнороманского населения, о чем говорит значительное число славянских заимствований в его лексике при сохранении основного словарного фонда и грамматической структуры народной латыни.

В результате особенностей контактов и взаимовлияния влахов к северу от Дуная с разными ветвями славянства — в юго-западных областях региона с южными славянами, в Восточном Прикарпатье — с восточными, к XIV в. в Карпато-Дунайских землях возникли две народности, формированию которых способствовало создание двух самостоятельных государств — Валашского и Молдавского княжеств. Влахы, обитавшие на территории Трансильвании, оказались под властью королевства Венгрии (см. гл. 16).

Экономическое и социальное развития Карпато-Дунайских земель в XIII—XIV вв. Первые раннегосударственные объединения. В XIII—XIV вв. в результате притока влахов из южнодунайских областей и бежавших от феодальной эксплуатации с территорий, входивших в состав королевства Венгрии, в Карпато-Дунайских землях и Восточном Прикарпатье возрастает и становится преобладающим валашское население.

Главными отраслями хозяйства здесь были скотоводство и земледелие. Развивалось и ремесло: получили распространение гончарное дело, добыча и обработка металлов. Отделение ремесла от сельского хозяйства приводило к его концентрации в отдельных районах, где складывались центры производства и торговли, возникали города. В юго-западной части региона в конце XIII—XIV вв. появились города Кымпулунг, Куртя де Арджеш, в Восточном Прикарпатье — Байя, Сирет, Сучава. Расширился внутренний обмен, чему способствовала и транзитная торговля. Через Карпато-Дунайские земли проходили торговые пути, связывавшие

Западную и Центральную Европу с Причерноморьем и Балканским полуостровом, Балтийское море с Черным.

Основой социальной организации сельского населения была территориальная община, объединявшая одно или несколько поселений в совместном владении земельной площадью. Общинники получали во владение участки земли; леса, пастбища, луга и водоемы находились в общем пользовании. Дела в общине решались общим собранием ее членов, управлял общиной совет старейшин из числа зажиточных крестьян. В совет входил вождь (кнез), осуществлявший власть в военное время. С разложением общин роль общих собраний падает, власть кнеза становится постоянной.

Из среды зажиточных общинников, сосредоточивавших в своих руках крупные земельные и материальные богатства, формировалась феодализирующаяся знать, захватывавшая административную и судебную власть в общине. Постепенно в XIII—XIV вв. общинная знать превращалась в верхушку раннефеодального общества. Вместе с общинной собственностью эта знать присваивала себе право взимания общинных повинностей, превращая часть членов общины в зависимых крестьян.

В XIII — начале XIV в. в Карпато-Дунайских землях оформляются раннегосударственные объединения владов — кнезаты и воеводаты. Возглавлял их кнез или воевода, власть которого опиралась на военную дружину. В случае военной опасности созывалось народное ополчение. Административные и судебные функции также были в руках кнеза или воеводы, их власть постепенно становилась наследственной.

В середине XIII в. на территории Олтении существовали кнезаты Иоанна и Фаркаша, на севере Олтении и северных склонах южных Карпат сформировался кнезат Литовоя. В северной части Мунтении располагались земли воеводы Сенеслава. Имеются данные, свидетельствующие о существовании политических объединений владов и в Восточном Прикарпатье.

Эти раннефеодальные политические объединения владов находились в трудных внешнеполитических условиях, будучи вынужденными сохранять самостоятельность в окружении половцев и татар. В XIII в. кнезаты и воеводаты юго-западного района Карпато-Дунайских земель оказались в зависимости от королевства Венгрии. Необходимость внешней защиты, внутреннее социальное развитие вызывали стремление кнезатов и воеводатов к объединению в более крупные государственные формирования.

Образование княжеств Валахии и Молдавии. В начале XIV в. источники фиксируют в Мунтении государство во главе с воеводой

Басарабом. В господарских грамотах того времени оно называется «Румынской землей» или «Угровлахийей», позднее появляется название Валахия. Образованию этого государства благоприятствовала внешнеполитическая обстановка на юго-востоке Европы. После гибели хана Ногая Золотая Орда была отвлечена борьбой с ильханами Ирана. В королевстве Венгрии вспыхнула феодальная анархия, вызванная борьбой магнатских группировок. Византия, Болгария, Сербия соперничали между собой.

В этих условиях Басарабу удалось объединить существовавшие в юго-западных районах Карпато-Дунайских земель князаты и воеводаты в одно государство с центром в Куртя де Арджеш. Признав формально вассальную зависимость от венгерской короны, Басараб стремился проводить самостоятельную внешнюю политику, участвовал в нападениях татар, болгар и сербов на южные границы королевства Венгрии. В 1330 г. венгерский король Карл Роберт предпринял поход против влашского воеводы, но был вынужден отступить из-за трудных гористых условий. Около местечка Посада Басараб устроил ловушку отступающим королевским войскам и выиграл сражение с ними.

Победа при Посаде способствовала укреплению власти воеводы в княжестве в борьбе против крупной знати, противившейся централизации. Опорой воеводы являлись крестьяне-общинники, обязанные нести воинскую повинность и составлявшие войско в случае военной опасности. При преемниках Басараба расширяется территория княжества, происходит прогресс в социально-экономическом развитии, растет его политический вес, о чем говорит учреждение в 1359 г. в Куртя де Арджеш «угровлашской» митрополии. Упрочение внутреннего положения княжества побуждало валашских воевод к проведению самостоятельной политики, что встречало противодействие венгерской короны, стремившейся к укреплению своего сюзеренитета в Карпато-Дунайских землях.

В Восточном Прикарпатье в середине XIV в. возникло другое государство, называвшееся в источниках «Молдавская земля». Центром его формирования был бассейн реки Молдовы, откуда, как полагают ученые, и происходит это название. В начале XIV в. Восточное Прикарпатье оказалось под властью венгерских королей и управлялось их наместниками.

Недовольное правлением венгерского наместника местное население поддержало восстание влахов входившей в королевство области Марамуреша, выступивших против попытки короля упразднить их автономию. Во главе восставших встал воевода Богдан, который в 1359 г. с частью влахов переселился в район Молдовы и установил свою власть на большей части территории

Восточного Прикарпатья. Воспользовавшись занятостью венгерского короля Лайоша войной с Венецией и балканскими проблемами, Богдан объединил существовавшие здесь политические образования влахов в единое государство и в 1365 г. добился признания его независимости. Большое значение для укрепления нового государства на юго-востоке Европы имела смута в Золотой Орде и победа русских над татарами на Куликовом поле, заставившие Орду оттянуть свои силы из Нижнего Подунавья.

Государственное устройство Валахии и Молдавии. Возникшие Валашское и Молдавское княжества сформировались как монархии во главе с воеводой, титуловавшимся также господарем. Господарь избирался собранием светских и духовных феодалов, которое решало и важные государственные вопросы — объявление войны и мира, отношения с иностранными державами. Господарская власть была наследственной. Поддержка отдельными группами феодалов разных претендентов на престол приводила к частым феодальным распрям и междоусобным войнам. Власть господаря ограничивалась боярским советом, в который входили наиболее влиятельные и родовитые феодалы, а также служилые бояре.

Административно княжества были разделены на округа во главе с назначаемыми господарем пыркалабами, которые представляли власть на местах, осуществляли судебные функции. Возглавлял судопроизводство господарь. Судебные дела велись на основе обычаев земли, называющихся в источниках «волошским правом». В судопроизводстве княжеств долгое время сохранялся обычай принесения присяги; главной мерой наказания были штрафы. Основу военных сил составляли господарские и боярские дружины из служилых людей, так называемое «малое войско». В периоды войн путем призыва крестьян собиралось «большое войско». Опорой господарской власти служила и православная церковь в княжествах, пользовавшаяся автономией при формальной зависимости от Константинопольского патриархата.

Развитие феодальных отношений. Складывание государственности стимулировало процесс феодализации в княжествах. Проявившиеся в ходе этого процесса особенности в каждом из княжеств были обусловлены различным уровнем развития феодальных отношений на территориях, где они сложились. В Валахии ко времени образования государства уже была сильная феодальная знать, сосредоточившая в своих руках значительную часть земель, что обусловило небольшие размеры домена валашского господаря. В этих условиях формирование частного землевладения за счет господарских пожалований здесь было ограничено, источником для феодалов оказывались общинные земли. На территории Молдавского княжества, где феодальная знать еще не окрепла, в руках

господаря оказались обширные земли. В данном случае складывание владений светских и церковных феодалов происходило преимущественно за счет господарских земельных пожалований.

К концу XV в. в обоих княжествах процесс оформления частнофеодального землевладения завершается. По сравнению со странами Центральной и Восточной Европы размер частновладельческой ренты в княжествах были незначительными. Основным ее видом был оброк продуктами в размере десятины. Барщинные работы ограничивались 2—6 днями в году и состояли главным образом из сенокосения, извоза, ремонта мельниц, ухода за прудами и озерами. Сравнительно выше были государственные повинности частновладельческих крестьян (подворный налог-бир, десятина натурой с различных отраслей крестьянского хозяйства, выполнение отработок, связанных со строительством и ремонтом дорог, заготовкой дров и т.д.). Государственные крестьяне несли такие же повинности в пользу государства, но в больших размерах. Денежная рента большого распространения не имела.

Церковные феодалы в княжествах пользовались значительным податным и судебным иммунитетом. Светские вотчинники, хотя формально и обладали правами в сборе податей и суда над своими подданными, были ограничены государственной властью в осуществлении финансовых и судебных функций. Это обусловило то, что развитие феодальных отношений в княжествах не привело к политической раздробленности.

Процесс феодализации, сопровождавшийся установлением феодальной зависимости крестьян, встречал сопротивление с их стороны. Крестьяне отказывались от выполнения повинностей, захватывали земли бояр и монастырей. Широко распространилось бегство за границу. Молдавские крестьяне переселялись на украинские земли, входившие в состав Польши. Крестьяне из Валахии уходили в Карпатские горы и за Дунай. Крестьянские волнения перерастали иногда в открытые выступления. В 1490 г. вспыхнуло антифеодальное восстание молдавских и украинских крестьян в пограничных с Польшей районах, которое возглавил «волошин» Муха. Социальный протест крестьянства и городских низов находил выражение также в распространении религиозных ересей богомилства и гусизма, проникавших из соседних Болгарии и Чехии.

Развитие ремесла, городов и торговли. Образование Валашского и Молдавского государств ускорило процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. Развитие ремесла шло по линии специализации, о чем говорит существование многочисленных профессий — скорняков, ткачей, портных, сапожников, кузнецов и т.д. В XIV—XV вв. ремесленное производство было мало связано

с рынком, большинство ремесленников работало на заказ. Однако потребности внутреннего обмена стимулировали развитие торговли в городах. Главной ее формой становятся ярмарки, где крестьяне начинают сбывать свою продукцию и покупать необходимые изделия ремесла.

Возникали новые торгово-ремесленные поселения, перераставшие в города. Городское население состояло главным образом из ремесленников и торговцев. Проживали здесь феодалы и духовенство, а также крестьяне. Многие горожане занимались земледелием и несли государственные повинности. Города пользовались некоторым самоуправлением. Во главе их находился городской совет из 12 членов, деятельность которого контролировалась входившим в него представителем господаря.

Развитию внешней торговли княжеств способствовало соседство с Причерноморьем, где скреплялись международные торговые артерии, связывавшие европейские страны с Востоком. После завоевания османами Малой Азии важное значение в XV в. приобрел «молдавский торговый путь», по которому шли через Молдавское княжество восточные товары в Валахию, Трансильванию, на Львов и далее в Центральную и Западную Европу. Транзитная торговля стимулировала внешние связи княжеств. Особенно оживленными были торговые отношения молдавских и валахских городов со Львовом и трансильванскими городами Брашовом, Сибиу, Быстрицей. Ввозились в княжества преимущественно ремесленные изделия, а вывозились скот, продукты сельскохозяйственного производства. Большую роль во внешней торговле княжеств играли иностранные купцы — генуэзцы, немцы, греки, армяне и др., находившиеся под покровительством властей и получавшие от господарей торговые привилегии. С XV в. в торговле начинают участвовать и местные купцы.

Внешнеполитическое положение Валахии и Молдавии в условиях экспансии Османской империи. В конце XIV в. над Валахией нависла османская угроза. В этих условиях господарь Мирча Старый (1386—1418) принял меры по стабилизации экономики княжества и укреплению своей власти. Чтобы упрочить внешнеполитическое положение княжества, Мирча наладил отношения с молдавским господарем Петром Мушатом и польским королем Владиславом Ягеллоном, укрепил крепости на южных границах. Осенью 1394 г. Мирче удалось одержать победу над османами при Ровине. Но несмотря на определенные успехи в антиосманской борьбе, Мирча в 1415 г. был вынужден согласиться на уплату дани Порте.

После смерти Мирчи в Валахии начинается период длительной политической неустойчивости. Борьба различных группировок

валашского боярства за власть, искавших поддержки извне, создавала условия для вмешательства соседей — королевства Венгрии и Османской империи, соперничавших за утверждение позиций в Юго-Восточной Европе.

Влад Цепеш (1456—1462), занявший престол при поддержке Яноша Хуняди, сумел вновь стабилизировать положение в княжестве. Господарь жестоко расправлялся с боярством, часто приказывая сажать своих противников на кол, за что и получил прозвище Цепеш-Колосажатель. Во внешней политике Цепеш ориентировался на Венгрию. Чтобы расправиться с неудобным господарем, султан Мехмед II в 1462 г. вторгся с войсками в Валахию. Недовольное централизаторской политикой крупное боярство пошло на сговор с османами и поддержало ставленника Порты на престол Раду Красивого, брата Цепеша. Раду Красивый (1462—1476) стал послушным данником султана.

Предательская политика крупного валашского боярства привела к тому, что к концу XV в. Валахия оказалась в вассальной зависимости от Османской империи. Султан утверждал господаря и обязывал ежегодно лично доставлять ему дань, участвовать с войском в османских походах.

Для Молдавского княжества османская угроза возникла позднее. Сменивший Богдана на молдавском престоле господарь Лацку (1365—1374), а затем Петр I Мушат (1374—1392) проводили политику укрепления центральной власти, отвечавшую интересам политической консолидации феодалов и защиты княжества от внешней опасности. В 1287 г. Петр признал вассальную зависимость от польского короля, который обязывался защищать княжество, а господарь должен был в случае войны оказывать помощь сюзерену. Значительных успехов в централизаторской политике достиг господарь Александр Добрый (1400—1432). Для укрепления внешнеполитического положения княжества большое значение имело завоевание им порта Килии в устье Дуная и Монкастро (Белгорода-Днестровского).

Начавшаяся после смерти Александра Доброго борьба боярских группировок ослабила центральную власть (до 1457 г. сменилось 15 господарей), усилила могущества крупного боярства, ухудшила международное положение княжества. Венгерские короли не оставляли надежду на восстановление своей власти в Восточном Прикарпатье. На северо-восточных границах княжества не прекращались нападения татар из Крыма, хотя Золотая Орда испытывала уже упадок. Возрастала османская опасность. По мере усиления влияния Порты в Валахии, она стала реальной для Молдавского княжества после завоевания Мехмедом II Константинополя

в 1453 г. В условиях тяжелого внутреннего положения в княжестве, раздираемом боярскими междоусобицами, господарь Петр III Арон осенью 1455 г. был вынужден согласиться на уплату султану дани.

Сместивший Арона Стефан III Великий (1457—1504) вначале тоже платил Порте дань. Опираясь на военно-служилое сословие, города и церковь, он укротил крупное оппозиционное боярство и добился упрочения своей власти. Для защиты от внешней опасности он создал сильную армию, построил сеть крепостей и пограничных укреплений. Имея в виду планы королевства Венгрии по восстановлению своих прежних вассальных территорий и то, что король Матяш Корвин поддерживал его соперника Петра Арона, Стефан принес присягу польскому королю. Обострению молдавско-венгерских отношений способствовал и захват господарем в 1465 г. крепости Килии, уступленной Петром II в 1448 г. венгерской короне за помощь в получении престола.

В 1467 г., воспользовавшись причастностью Стефана к восстанию трансильванских феодалов против короля, Матяш Корвин предпринял поход на Молдавское княжество. Решительными действиями молдавский господарь нанес поражение венгерским войскам в сражении при Байя. Раненый венгерский король с большими потерями вынужден был отступить.

В 1469 г. Стефан расправился с соперником Петром Ароном и в следующем году выступил против валашского господаря Раду Красивого, вассала Венгрии и данника Порты. Стремясь сделать Валахию союзницей, Стефан в течение нескольких лет вел борьбу за утверждение на валашском престоле своего ставленника. Эта борьба привела его к конфронтации с Османской империей. В 1473 г. он отказался от уплаты дани Порте. Султан решил силой подчинить молдавского господаря. В конце 1474 г. многочисленное османское войско во главе с румелийским бейлербеем Хаджи Сулейман-пашой вступило на территорию Молдавского княжества. Применяв тактику «выжженной земли», Стефан нанес неприятелю поражение у Васлуя (10 января 1475 г.).

Молдавский господарь понимал, что остановить новый натиск османов можно только совместными усилиями европейских стран. Но занятые своими проблемами, они были заинтересованы в мирных отношениях с Портой. Польский король также начал переговоры с султаном, которые закончились заключением мира в 1476 г. Это заставило Стефана признать венгерский сюзеренитет.

После захвата в 1475 г. Каффы, Мангупа и подчинения Крыма султан Мехмед II сам двинулся в 1476 г. на Молдавское княжество, но решающего успеха не сумел добиться. Сказывалась вновь

примененная Стефаном тактика «выжженной земли», в османской армии начались голод, чума. Весть о приближении венгерской помощи заставила султана отступить.

Общие интересы в противодействии планам польских Ягеллонов сблизили Стефана с Русским государством. Важное значение для укрепления молдавско-русских связей имело бракосочетание в 1483 г. его дочери Елены с сыном Ивана III Иваном.

В 1483 г. Венгрия договорилась о мире с Портой. Новый султан Баязид II возобновил экспансию и в 1484 г. захватил крепости Килию и Белгород. Внешнеполитическое положение Молдавского княжества осложнилось. Соседние европейские правители, установив мирные отношения с османами, были заняты соперничеством друг с другом. Валахия оказалась в вассальной зависимости от Османской империи. Внутри княжества оппозиционное боярство открыто выступало за мир с Портой. В этих условиях Стефан был вынужден согласиться на уплату дани султану.

В складывавшейся к концу XV в. трудной для Молдавского княжества международной обстановке, стремясь избежать подчинения османам, господарь использовал конфронтацию Венгрии и Польши с Османской империей. Учет этого фактора позволил Стефану отразить нападение польских войск во главе с королем Яном Ольбрахтом на Молдавское княжество в 1497 г. Когда же Венгрия и Польша вступили в 1498 г. в антиосманский союз, Стефан присоединился к нему, заключив при посредничестве венгерского короля мир с Яном Ольбрахтом и отказавшись от уплаты дани султану.

Изменившаяся в связи с военными успехами османов в начале XVI в. международная ситуация на юго-востоке Европы заставила молдавского господаря вернуться к мирным отношениям с Портой. При преемниках Стефана угроза подчинения княжества Османской империи возрастает. К середине XVI в. Молдавское княжество также оказывается в вассальной зависимости от султана.

Культурное развитие населения Карпато-Дунайских земель в X—XIII вв. Культура в Валахии и Молдавии XIV—XV вв. Население Карпато-Дунайских земель достигло в X в. достаточно высокого уровня культуры, характеризовавшейся сочетанием дако-романских традиций с культурным влиянием Византии и славян.

В X—XIII вв. церковная организация владхов испытывала влияние соседних славянских государств. Распространение в этот период юрисдикции болгарских епископий на территории Добруджи и Валахии, Галицкой епископии на территорию Молдавии привело к тому, что в письменной культуре, как церковной, так и светской, доминирующим стал старославянский язык. Этим

объясняется хождение славянской религиозной литературы на территории Карпато-Дунайских земель в период, предшествовавший образованию государств.

Самыми древними свидетельствами славянской письменности в регионе являются эпиграфические надписи X в. в Добрудже и Валахии. К XIII—XIV вв. относятся составленные в Нямецком монастыре Молдавии «Восьмигласник» и «Четвероевангелие».

Археологические материалы, относящиеся к Карпато-Дунайскому региону X—XIV вв., позволяют судить об уровне строительной техники при возведении крепостей, монастырей, о формировании на византийской основе определенного стиля церковной архитектуры. Одним из образцов строений XIII в. является сохранившийся фундамент господарского дворца в Куртя де Арджеш. Остатки некоторых церковных сооружений XIV в. выявляют черты оформившегося впоследствии архитектурного стиля трехчастного храма. Обнаруженные археологами остатки керамики, украшений, различных изделий из благородных металлов свидетельствуют о значительном развитии искусства у населения Карпато-Дунайских земель в X—XIV вв.

С образованием в XIV в. государств развитие культуры населения региона происходило в рамках Валашского и Молдавского княжеств. Оформление государственности дало толчок развитию письменности.

В XIV—XV вв. большинство богослужебных книг, имевших хождение в Валахии, составляли славянские рукописи болгарского и сербского происхождения, переписывавшиеся церковными книжниками при монастырях. К началу XV в. относится появление и первого оригинального славяно-валашского произведения церковной литературы — сборника церковных песнопений валашского логофета Филоса. Среди византийских книг, циркулировавших в Валахии в славянских рукописных переводах, были «Номоканоны», или, как их называли в Валахии, «Правила». Они представляли собой сборники византийских церковных и светских положений, основанных на законодательстве императора Юстиниана I и других юридических и канонических памятниках. Наиболее древней являлась славянская рукопись «Законника», переписанная в 1451 г. в Тырговиште дьяконом Драгомиром. «Правила» широко применялись в судопроизводстве, что было связано с политикой укрепления государственной власти в княжестве. Централизаторским целям служили и славяно-валашские летописи, которые не дошли до нас, но следы их, по мнению ученых, обнаруживаются в позднейших хрониках Валахии.

В Молдавском княжестве была широко распространена не только переводная, но и оригинальная славянская религиозная литература. Среди авторов дошедших до нас ранних оригинальных церковных произведений XV — начала XVI в. монах Путнянского монастыря Евстафий и игумен Нямецкого монастыря Феодосий. Немалая заслуга в создании оригинальной славяно-молдавской литературы принадлежит известному книжнику из Тырново, а впоследствии киевскому митрополиту Григорию Цамблаку, который в начале XV в. был игуменом Нямецкого монастыря и служил проповедником при дворе господаря Александра Доброго. Из-под пера Цамблака вышли несколько проповедей, произнесенных им при господарском дворе, а также жизнеописание почитавшегося в Молдавии святого Иоанна Нового.

Помимо религиозных рукописей, большое место в переводной литературе занимали юридические трактаты. Широкую известность в Молдавском княжестве получил славянский перевод трактата «Синтагмы» Матвея Властаря, в который были включены некоторые положения церковного и гражданского права и который известен в нескольких списках.

Успехи политики централизации при господаре Стефане III Великом обусловили в XV в. более развитое, в отличие от Валахии, официальное господарское летописание. При дворе Стефана была составлена летопись его правления, которая дошла до нас в нескольких списках в составе более поздних летописных сводов. Один из списков, условно называемый молдово-русской летописью, в переработанном и сокращенном виде включен в русскую Воскресенскую летопись.

Развитие культуры в Валахии и Молдавии происходило в условиях постоянных контактов между княжествами, способствовавших культурному обогащению каждого из них. В то же время сказывалось отрицательное воздействие военных столкновений, происходивших в юго-восточном регионе в ходе соперничества европейских стран и особенно участвовавших с началом экспансии Османской империи на Балканах.

Глава 18

Византия в XIII—XV вв.

Четвертый крестовый поход и Латинская Романия. Наступивший с конца XII в. кризис усилил процесс децентрализации Византии, облегчил успехи завоевателей. Еще в 1185 г. сицилийский король Вильгельм II отторгнул у Византии Ионические острова. В 1191 г. английский король Ричард I овладел Кипром, уступив его через год бывшему иерусалимскому королю Ги де Лузиньяну. Возникло самостоятельное Кипрское королевство (1192—1489). Однако систематический захват византийских земель начался в ходе Четвертого крестового похода. 13 апреля 1204 г. его участники взяли штурмом Константинополь. Византия пала и на ее месте образовалась Латинская империя (1204—1261). Но крестоносцам не удалось осуществить план подчинения всех земель, некогда принадлежавших Византии: этому помешало сопротивление местного населения малоазийских и балканских провинций, а также Болгарского царства. В северо-западной части Малой Азии возникло самостоятельное греческое государство — Никейская империя, в Южном Причерноморье — Трапезундская империя, на западе Балкан — Эпирское государство. Все они в той или иной мере считали себя наследниками Византии и боролись за ее восстановление.

Тем не менее западноевропейскими рыцарями, венецианцами, а позднее и генуэзцами были основаны государства и фактории, протянувшиеся от Ионического до Черного моря. Их совокупность получила название Латинской Романии (так как в Западной Европе Византию нередко называли Романией). В состав Латинской Романии входили: Латинская империя со столицей в Константинополе и государства «франков» на Балканах; владения Венецианской республики, фактории генуэзцев, территории, принадлежавшие духовно-рыцарскому ордену госпитальеров (иоаннитов): Родос и острова Додеканеса (1306—1522).

Латинская империя. После того как Константинополь перешел в руки латинян, совместная комиссия, состоявшая из венецианцев

и франков, избрала императором одного из вождей похода, графа Фландрии и Эно Балдуина I. По форме как бы восстанавливалась византийская государственность, сохранялся пышный церемониал и титулатура византийских монархов. Но по существу Латинская империя строилась на основе разветвленной феодальной иерархии французского образца. Централизация страны была поверхностной. Императору непосредственно принадлежала лишь часть Константинополя (другой частью владели венецианцы) и завоеванные впоследствии Фракия и северо-западная часть Малой Азии. Правители других государств Латинской Романии считались вассалами императора, но их зависимость от него была номинальной. На Балканах были основаны Фессалоникское королевство (1204—1224), Афинская сеньория, затем герцогство (1205—1456), Морейское, или Ахейское княжество (1205—1432).

Латинская империя, формально объединившая эти владения, оказалась непрочной. Балдуин Фландрский сразу же отказался от любого сотрудничества с греками и вступил в конфликт с болгарским царем Калояном, разгромившим войска империи в битве при Адрианополе (1205). От этого поражения Латинская империя не смогла оправиться. Несмотря на временную стабилизацию, достигнутую при преемнике Балдуина Генрихе I (1205—1216), силы ее таяли, ожидаемого притока рыцарей с Запада не было. Терявшее одно владение за другим это государство пало в 1261 г. Подобную же судьбу разделило и Фессалоникское королевство. Иначе складывалась ситуация в Центральной и Южной Греции. Вся земля там была разделена на рыцарские лены. Бароны считались пэрами Морейского княжества и владели десятками ленов. Самый крупный домен принадлежал князю Мореи. В феодальную иерархическую структуру были включены и греческие феодалы, слой которых был достаточно многочисленным и обеспечивал власти морейских князей большую устойчивость.

«Франки» принесли в Грецию феодальные отношения, основанные на широком распространении домениального хозяйства. Повсеместно усилилась частнопрововая зависимость крестьян от сеньора, возросла барщина. Основной категорией зависимого крестьянства были парики, или вилланы, лишенные личной свободы. Вилланский статус был пожизненным.

Греческие феодалы — *архонты* — сохранили в Морейском княжестве свои земли и привилегии, особый правовой статус. Совладение отдельными территориями, смешанные браки способствовали сближению двух этнически разных групп господствующего класса. Медленно, но неуклонно развивались процессы эллинизации «франков», усваивавших язык и традиции местного

населения. Консолидации Морейского княжества способствовало и то, что православная церковь отчасти сохранила здесь свои позиции: весь низший клир оставался греческим и лишь верхушка епископата принадлежала к римско-католической церкви. Морейские князья признавали, что унификация обрядов и полное подчинение церкви папству резко усилят сопротивление местного населения господству «франков».

В XV в. Морейское княжество было завоевано византийцами (1428—1432), а Афинское герцогство — османами (1456).

Венецианская Романия. В отличие от «франков», венецианцы не стремились к созданию большого государства на территории Византии. Они добивались обеспечения торговой монополии своей республики в Восточном Средиземноморье, контроля над коммуникациями и главными рынками Романии. После Четвертого крестового похода Венеция приобрела торговые кварталы Константинополя, остров Крит, порты Корон и Модон на Южном Пелопоннесе, острова в Ионическом море. Постепенно Венеция расширяла свои владения за счет важных крепостей Греции (Навплий, Монемвасия и др.) и островов в Эгейском море (Эвбея, Спорады, Киклады и др.). Крупнейшим ее приобретением в XV в. стал Кипр (1489). Города венецианской Романии играли первостепенную роль в посреднической торговле Венеции с Востоком. Кроме того, они были поставщиками сельскохозяйственной продукции Романии, особенно зерна, на венецианские рынки.

На Крите и других островах земли были поделены между государством, венецианскими колонистами, церковью и греческими архонтами. Венецианские колонисты находились в более привилегированном положении, чем архонты. Они монополизировали управление и внешнюю торговлю. На Крите увеличилось отработочные повинности крестьян, возросли налоги. Недовольство крестьян усилением эксплуатации, а архонтов — политическими и экономическими ограничениями привело к резкому обострению социальной борьбы. С 1212 по 1367 г. на Крите произошло 12 крупных выступлений против венецианского владычества. Это заставило республику пойти на уступки местной знати, многие представители которой вошли в состав привилегированного чиновничества, а также на некоторое смягчение эксплуатации крестьян. С середины XIV в. усиливалась консолидация феодального слоя, шел процесс эллинизации венецианских колонистов. Вместе с тем быстрое развитие товарно-денежных отношений способствовало освобождению крестьян за выкуп, росту торгово-ремесленных слоев. В XV—XVI вв. Крит был важным центром греко-венецианской культуры, испытывавшей влияние итальянского Ренессанса.

Генуэзская Романия. Генуя не приняла участия в Четвертом крестовом походе и для образования торговых факторий в Романии воспользовалась договором с никейским императором Михаилом VIII (1261). После восстановления Византии и падения Латинской империи генуэзцы основали в Галате, на противоположном от Константинополя берегу бухты Золотой Рог, свой город-крепость — Перу. Затем, с конца 60-х годов XIII в., они приступили к колонизации Крыма, где их важнейшим оплотом стал город Каффа (Феодосия). Постепенно сеть генуэзских факторий покрыла все берега Черного и Азовского морей. Наибольшее значение из них имели Солдайя (Судак), Чембало (Балаклава), Тана (Азов), Самастро (Амастрида), Севастополис (Сухуми). С середины XIV в. и до 1475 г., когда Каффа была завоевана османами, генуэзцы фактически контролировали торговлю в Азово-Черноморском бассейне. В Эгейском море им принадлежал остров Хиос и Фокея с богатыми месторождениями квасцов. Генуэзская династия Гаттилузи управляла островами Лесбосом и Фасосом, а в XV в. — и Лемносом.

В отличие от Венеции Генуя, с ее слабым центральным управлением, предоставляла дело организации факторий частным лицам или объединениям предпринимателей, банкам. Фактории обладали значительной самостоятельностью и управлялись избираемыми на год консулами и небольшим штатом финансовых и судебных чиновников. Генуэзское население было в подавляющем меньшинстве в городах Романии, и оно довольно быстро наладило прочные связи с феодальной и городской верхушкой тех областей, где устраивались фактории. Так как в генуэзской колонизации довольно широко участвовали не только купцы, но и городские низы, матросы и ремесленники, последние три группы нередко сближались по положению с эксплуатируемым местным населением городов Черноморья или Эгеиды и вместе с этим населением участвовали в борьбе против городского патрициата.

Города и фактории генуэзцев в Северном (Каффа) и Северо-Восточном (Тана, Мапа-Анапа) Причерноморье были крупными центрами работорговли и экспорта рабов в Европу и мамлюкский Египет.

Греческие государства в первой половине XIII в. Первые попытки отдельных греческих архонтов организовать сопротивление латинянам, народные выступления против их владычества не имели успеха. Однако с 1205 г. в Вифинии, вокруг не занятых крестоносцами городов Брусса и Никея, складывается ядро новой государственности — Никейской империи. Города Малой Азии, вошедшие в ее состав, были развитыми центрами ремесла и торговли,

а земли отличались плодородием. Основатель государства Феодор I Ласкарь (1205—1222) не располагал большими денежными средствами. Однако он унаследовал много бывших императорских поместий, провинциальные владения константинопольских церквей и монастырей, захваченных латинянами. Эти земли он использовал для раздачи в пронию, как правило, без права передачи их по наследству и с условием обязательного несения прониаром воинской службы. Опираясь на прониаров, а также на отряды пограничных военных поселенцев — акритов и зажиточных свободных крестьян — стратиотов, Феодор I создал эффективную армию, остановившую продвижение латинян в Малой Азии. Его преемник, талантливый полководец и администратор Иоанн III Ватац (1222—1254), перенес военные действия на Балканы, осуществил там значительные завоевания и подготовил падение Латинской империи. Ему, однако, пришлось вступить в борьбу с другим греческим государством — Эпирским царством (1204—1337).

В отличие от Никейской империи, Эпирское царство распалось на множество полусамостоятельных феодальных владений и наместничеств. Архонты Эпира властвовали в городах. Неравномерность экономического развития отдельных областей и пестрый состав его населения (греческого, албанского, славянского и влашского) усиливали децентрализованность. В 1230 г. Эпирское царство было разгромлено болгарами, а в 40—50-е годы XIII в. никейцами и вышло из борьбы за восстановление Византии.

Третье государство возникло в Южном Причерноморье, в области Понт. Отрезанная от остальной части Малой Азии высокими горными хребтами, эта область издавна тяготела к политической самостоятельности. В 1204 г. при поддержке войск грузинской царицы Тамары там образовалась Трапезундская империя (1204—1461) во главе с Великими Комнинами, потомками известной византийской династии. В первые годы своего правления трапезундские Комнины приняли участие в борьбе за восстановление Византии, но после поражений, нанесенных им Феодором I Ласкарем и сельджуками, вышли из борьбы. Трапезундская империя занимала выгодное географическое положение на магистральных путях торговли Западной Европы со странами Востока; она была одной из наиболее густонаселенных областей византийского мира.

Восстановление Византийской империи. Значительные экономические ресурсы, близость к Константинополю, победы над соперниками предопределили успех Никейской империи в борьбе за восстановление Византии. В 1259 г. никейские войска разгромили союзную армию эпирских правителей и морейского князя, наиболее сильного из государей Латинской Романии. В 1261 г.

почти без сопротивления отряды никейского императора Михаила VIII Палеолога заняли Константинополь. Латинская империя прекратила свое существование.

Восстановленная Византия была лишь подобием некогда огромной державы. В нее вошли западная часть Малой Азии, часть Фракии и Македонии, острова в Эгейском море и ряд крепостей на Пелопоннесе. Внешнеполитическое окружение Византии было неблагоприятным: на западе возникла враждебная ей коалиция, куда входила и Венеция во главе с сицилийским королем Карлом I Анжуйским, на востоке росла турецкая угроза, на севере империю теснили болгары и сербы. Михаил VIII Палеолог (1259—1282) был опытным политиком. Еще накануне захвата Константинополя он предоставил большие торговые льготы генуэзцам, рассчитывая на поддержку их флота против венецианцев и Карла Анжуйского. В 1274 г. он пошел на заключение унии с папством, чтобы расколоть враждебную коалицию, что ему и удалось сделать. Против болгар Михаил VIII стремился использовать орды монгольского хана Ногая. Казалось бы, внешнеполитическая угроза была устранена. Однако резко выросла внутренняя оппозиция Михаилу VIII из-за непопулярности его униатской политики у греческого населения и его пособничества крупным феодалам в ущерб городам, акритам (которых он стал облагать высокими налогами) и основной массе сельских жителей.

Позневизантийский феодализм (XIII — середина XV в.). В конце XIII — середине XV в. господство крупного феодального землевладения, как светского, так и церковного, еще более упрочилось. Прония вновь приобретает форму наследственного условного владения, приближаясь к западноевропейскому феоду. Существенно расширяются иммунитетные привилегии феодалов: помимо пожалованного налогового иммунитета они все чаще получают (или присваивают) административный и судебный иммунитеты, тем самым укрепляя свою власть над населением вотчин. Государство, правда, как и ранее, определяло размеры публично-правовой (т.е. выросшей из государственного налога) ренты с крестьян, которую оно передавало феодалам. Основу публично-правовой ренты составлял *телос* — налог с дома, с земли и с упряжки скота. Помимо телоса существовали налоги, распространяемые на всю общину, например десятина скота и пастбищные сборы. Кроме публично-правовой ренты (которую платили и немногочисленные свободные крестьяне) зависимые крестьяне (парики) несли частнопровольные повинности в пользу феодала, т.е. такие, которые регламентировались не государством, а обычаем. Барщина была сравнительно невелика, составляя в среднем 24 дня в году.

Кроме того, в XIV—XV вв. она все чаще коммутировалась в денежные платежи. Более существенными были денежные и натуральные сборы в пользу феодала.

В XIV—XV вв. завершается наступление феодалов на крестьянскую общину: они подчиняют ее самоуправление, превращая его в элемент вотчинной организации. Однако в отличие от Латинской Романии в Византии вплоть до ее падения парики имели право при условии уплаты ими ренты переселяться на другие земли и в города, хотя на практике такие возможности могли ограничиваться и феодалами, и государством.

В XIII—XIV вв. росла товарность сельского хозяйства. Продукты, произведенные в вотчинах, особенно хлеб и вино, широко экспортировались. Но продавцами на внешних рынках выступали не крестьяне (сбывавшие часть своей продукции на местных рынках), а светские феодалы и монастыри, извлекавшие наибольшие выгоды из этой торговли. Имущественная дифференциация крестьян выражалась в основном в процессе оскудения их низших слоев, что вело к превращению безземельных и малоземельных париков в наемных работников и арендаторов чужой земли. Укрепление вотчинного хозяйства приводило к развитию в деревне ремесленного производства. Поздневизантийский город не обладал монополией на изготовление и сбыт ремесленной продукции.

В конце XIV — середине XV в. многие византийские феодалы утратили свои земельные владения, перешедшие в руки османов и других врагов империи. Проживая в Константинополе и других крупных городах, феодалы все шире включались в ростовщические и коммерческие операции, помещая деньги в иностранные, прежде всего итальянские, банки.

Византийский город в XIII—XV вв. В XIII—XV вв. большинство городов Византии испытывало упадок. Он был вызван усилением феодалов в экономике и управлении городов, слабостью самих торгово-ремесленных слоев, утратой городами их аграрной периферии, демографическим спадом, произошедшим вследствие опустошения многих городов завоевателями и оттока из них населения. Все глубже в систему товарообмена внедрялись генуэзские и венецианские купцы, сохранившие и приумножившие свои привилегии к ущербу местного купечества, а отчасти и ремесленников. Так, например, расширение ввоза более дешевых и качественных западноевропейских сукон и шелковых тканей подрывало ткацкое ремесло византийских городов. Вместе с тем итальянские предприниматели стимулировали развитие некоторых других отраслей византийского ремесла, прежде всего — обрабатывавших сырье и обслуживавших международную торговлю.

Упадок городской жизни особенно рельефно проявился в Константинополе, где целые кварталы находились в запустении. Но и там экономическая жизнь полностью не заглохла, а временами даже оживлялась. Более благоприятным было положение крупных портовых провинциальных городов, например Трапезунда. Здесь существовал союз местных феодалов и торгово-предпринимательской верхушки, возникший на основе участия в широкой международной и местной торговле. При этом феодалы извлекали основные выгоды из торговых налогов, а купцы — из посреднической торговли. Купцы Трапезундской империи сотрудничали с итальянскими коммерсантами, перенимали у них более передовую коммерческую технику, становились их младшими торговыми партнерами.

Большинство средних и мелких городов Византии аграризировалось, превращалось в центры местного обмена товарами с весьма ограниченным ремесленным производством. Некоторые из них оставались только церковно-административными центрами или резиденциями крупнейших феодалов.

Византия в конце XIII — первой половине XIV в. Широкая раздача земель в пронию, расширение налоговых иммунитетов, предоставляемых феодалам, и торговых привилегий — итальянским купцам, а также местным монастырям, оскудение крестьян и горожан резко сократили поступления в государственную казну. Обширные траты на армию и флот, на содержание двора и нужды дипломатии уже при Михаиле VIII быстро исчерпали наличные средства. В поисках выхода из создавшегося положения императоры увеличивали налоги, прибегали к систематическому снижению золотого содержания монеты, что приводило к росту цен. К тому же нарастала турецкая угроза.

К началу XIV в. большая часть Малой Азии уже была в руках турок. Попытка отразить их с помощью наемного каталонского войска в 1303—1305 гг. закончилась провалом. Пытаясь создать собственное княжество на территории Византии, каталонцы восстали и в 1306—1307 гг. разграбили Фракию, Фессалию и Южную Македонию, а в 1311 г. захватили Афинское герцогство. Лишь в Эпире и на Пелопоннесе византийцам удалось расширить свои владения. В 1320—1328 гг. в Византии вспыхнула междоусобная война между императором Андроником II и его внуком Андроником III, стремившимся захватить престол. Победа Андроника III еще более усилила феодальную знать и силы децентрализации. В 20—30-е годы XIV в. Византия вела изнурительные и бесплодные войны с Болгарией и Сербией, ослабившие все стороны накануне решающего столкновения с османами.

Гражданская война и восстание зилотов (1341—1355). После смерти Андроника III в 1341 г. власть в империи оказалась в руках регента его малолетнего сына Иоанна V — знатнейшего и богатого землевладельца Фракии Иоанна Кантакузина. Оппозиционные ему силы — чиновно-служилая знать, торгово-ремесленные круги столицы, поддержанные городскими низами, — сплотились в борьбе против Кантакузина вокруг матери Иоанна V — Анны Савойской и незнатного по происхождению, но влиятельного сановника Алексея Апокавка. Пользуясь временным отсутствием Кантакузина в Константинополе, оппозиция взяла власть в столице в свои руки. Имущество Кантакузина и его сторонников было разграблено или конфисковано, сам он был лишен должностей. Феодалы провинции в ответ провозгласили Кантакузина императором. Однако ненависть народа к магнатам вылилась в широкое народное движение против кантакузинистов. Крестьяне громили поместья феодалов. Против феодалов и ростовщиков восстало население Адрианополя и окрестных деревень во главе с землекопом Враном. Дома феодалов разрушали, их самих убивали или отправляли под конвоем в Константинополь. Движение набирало силу. Стихийно складывался союз городов с императорской властью, поддержанный крестьянами и направленный против провинциальной знати, сил децентрализации.

В 1342 г., после того как Кантакузину не удалось захватить Фессалонику, кантакузинисты были изгнаны и оттуда. Власть во втором по значению городе империи перешла к *зилотам* («ревнителям»). Во главе зилотов стояла зажиточная городская торговая верхушка, чиновная администрация. Основную их военную силу составляли корпорация моряков и, возможно, ремесленники. С самого начала зилоты разделили власть с представителем константинопольского правительства, братом Алексея Апокавка Иоанном. На первом этапе движение не отличалось радикализмом и имело в основном лишь антикантакузинистскую направленность. В 1345 г. городская верхушка и часть оставшихся в городе феодалов попытались достичь компромисса с Кантакузином и сдать ему город. Их заговор был раскрыт. Народ восстал и уничтожил более ста знатных заговорщиков во главе с Иоанном Апокавком. Три дня плебейские массы громили дома богачей.

Однако победа зилотов не привела ни к широким социальным реформам, ни к изменению формы правления. Частично было перераспределено имущество, конфискованы земли знати и монастырей, ограничивалось ростовничество. Но и после победы в 1345 г. вожди зилотов не пошли далее полумера, не выдвинули собственной программы, ориентируясь на константинопольское

правительство. К 1347 г. перевес был уже на стороне Кантакузина, который использовал для борьбы с противниками иноземные, прежде всего турецкие, отряды, безжалостно опустошавшие византийские земли. В 1347 г. император Иоанн VI Кантакузин овладел Константинополем. В движении зилотов произошел раскол. Правительственный архонт Алексей Метохит, сменивший Апокава, направил недовольство плебейских масс против корпорации моряков и фактически разгромил ее. Силы сопротивления были ослаблены. Выдержавший не одну осаду Кантакузина город был наконец взят им в 1349 г. Восстание зилотов было подавлено.

По своей сути это крупнейшее городское движение поздней Византии было последней попыткой торгово-ремесленных кругов бороться с засильем феодалов. Слабость городов, отсутствие сплоченного городского патрициата, социальной организации ремесленных цехов, традиций самоуправления предопределили поражение. Реакция торжествовала. Городское население попало в еще большую, чем ранее, зависимость от феодалов. Страна была разорена.

Кантакузины и Палеологи делили ее на уделы, принадлежавшие тем или иным представителям императорской фамилии. В 1348—1352 гг. Византия проиграла войну с генуэзцами. Черноморская торговля и даже снабжение Константинополя хлебом были сосредоточены в руках итальянцев, зависимость от которых Византии все возрастала.

Идейно-богословская борьба в империи. Положение империи осложнялось и острой полемикой по богословским вопросам, в специфических условиях Византии затронувшей все ее слои и обострившей социальные противоречия. Сначала, с 30-х годов до середины XIV в., дискуссии велись между *паламитами* и их оппонентами, позднее — между сторонниками и противниками заключения унии с папством.

Видный теоретик византийского мистического богословия, причисленный позднее церковью к лику святых, архиепископ Фессалоникский Григорий Палама обосновал учение о возможности спасения человека через его непосредственное и осязаемое единение с Богом, достигаемое путем «умной молитвы».

Эта «деификация», согласно учению Паламы — *исихазму*, основывалась на восприятии человеком благодати Божьей через Божественную энергию, явленную на горе Фавор. Учение о Фаворском свете, об отказе от суетных забот мира сего ради достижения личного спасения, последовательный разрыв с рационализмом утверждали в византийском обществе идеалы созерцательности. Противники исихазма, опиравшиеся в основном на философские традиции аристотелизма и западного богословия,

оказались в меньшинстве и были осуждены (см. гл. 22). Признанное на соборе 1351 г. в качестве канонического, исихастское богословие не стало, однако, в Византии знаменем сплочения церкви и народа в борьбе против внешней опасности.

С другой стороны, необходимость защиты государства от нарастающей турецкой угрозы толкала императоров на настойчивые поиски союзников на Западе. Папы выдвигали условием союза и помощи католического Запада признание главенства (примата) римских первосвященников над греческой церковью и заключение унии на основе католического вероучения, прежде всего — принятия догмата о *Filioque* (исхождении Святого Духа и от Отца, и от Сына), отвергаемого православным богословием.

Первая попытка унии, как уже отмечалось, была предпринята в 1274 г. на Лионском соборе и окончилась провалом. В 1369 г. во время посещения Рима византийский император Иоанн V Палеолог принял католичество. Это расценивалось, однако, как его единоличный, хотя и значимый, акт. Переговоры об унии церквей, то затухая, то активизируясь, шли всю вторую половину XIV — начало XV в., не давая ощутимых результатов в первую очередь из-за догматических расхождений и антилатинских настроений, которые разделяло большинство населения империи ромеев.

Турецкие завоевания на Балканах (1352—1402). Пользуясь ослаблением Византии, крупнейший из турецких эмиратов — османский — в 1352 г. захватил крепость Цимпе на полуострове Галлиполи, на европейском берегу Дарданелл. Путь на Балканы был открыт. В 1362 г. Мурад I, принявший титул султана, завоевал Адрианополь и перенес туда столицу Османской империи. Вся Фракия вместе с городом Филиппополем (Пловдивом) оказалась вскоре в руках турок. Чтобы спасти империю, византийский император Иоанн V Палеолог отправился на Запад и пытался найти поддержку папства, Венгрии и других государств в организации отпора османам, однако его миссия не привела к успеху. Турки разгромили по очереди болгар, сербов и византийцев.

Византия была вынуждена признать вассальную зависимость от османов, платить им дань и даже принимать участие в османских завоевательных походах. Но преемнику Мурада Баязиду I этого казалось мало. В 1394—1402 гг. (с перерывами) он блокировал и осаждал Константинополь, надеясь закончить с Византией. Антиосманский крестовый поход, возглавленный королем Венгрии Жигмондом (Сигизмундом Люксембургом), окончился страшным поражением крестоносцев в битве при Никополе на Дунае в 1396 г. В самом Константинополе против османов сражался тысячный отряд французского полководца маршала Бусико.

Но этих сил было слишком мало. Византийский император Мануил II, как и его отец Иоанн V, отправился за помощью на Запад. Его принимали в Венеции и Милане, Париже и Лондоне с большими почестями, но реальной помощи, кроме денежных субсидий, он не получил. Неожданное избавление пришло с Востока: в 1402 г. в битве при Анкаре османы были наголову разгромлены войсками Тимура. Внутренние смуты, раскол Османской державы после этого события отсрочили гибель Византии.

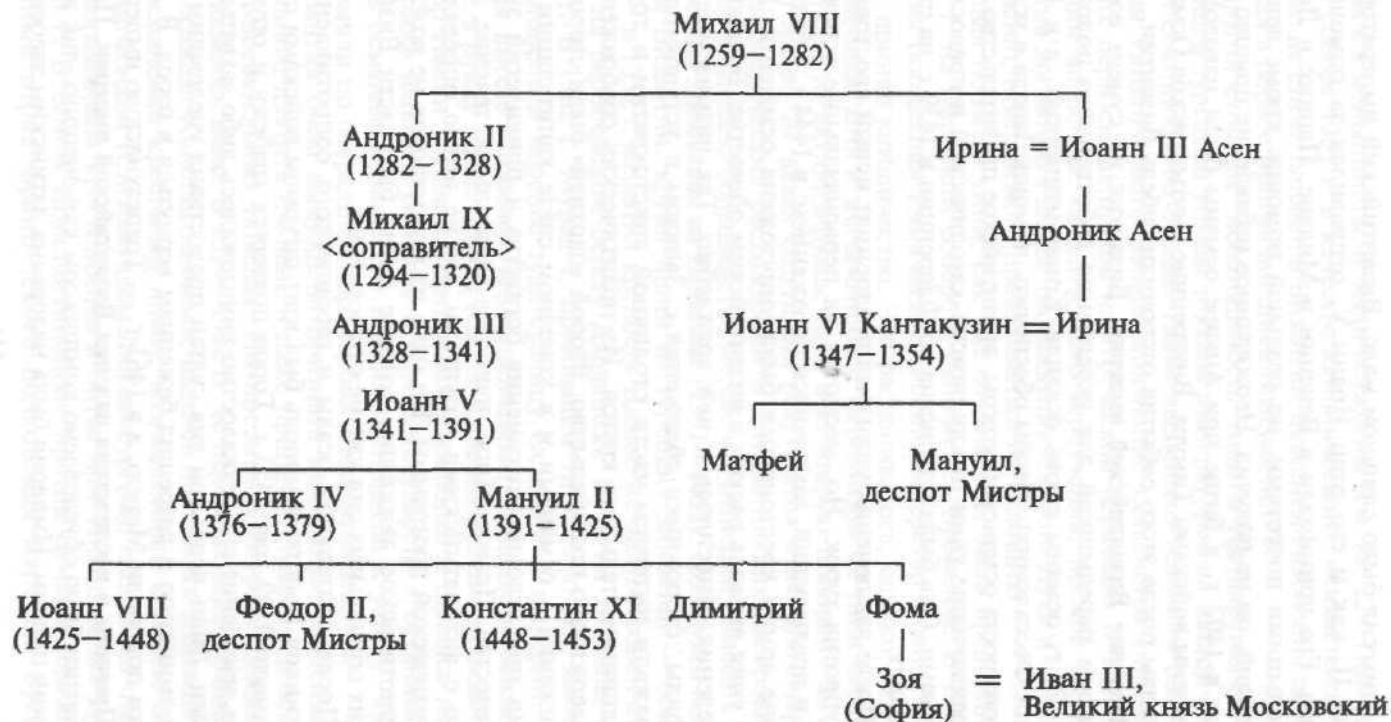
Падение Византийской империи. Византия не сумела воспользоваться передышкой для укрепления собственного положения. В 1422 г. османы вновь осадили Константинополь, а в 1430 г. взяли Фессалонику. Чтобы обеспечить помощь Запада в условиях нового роста османской угрозы, византийское правительство пошло на заключение унии между римско-католической и православной церквями. Она была подписана во Флоренции в 1439 г. на папских условиях.

После заключения унии был предпринят новый крестовый поход против турок. Но, несмотря на первоначальные успехи, он, как и предыдущий, закончился поражением: в 1444 г. в битве при Варне армия крестоносцев была уничтожена османами. Между тем уния вызвала раскол в византийском обществе. Большинство населения относилось к ней враждебно. Так называемые латинофилы, сторонники сближения с Западом и уступок папству, выражали интересы части столичной аристократии и торгово-предпринимательских кругов. Из политических соображений их поддерживало правительство. Второй «партией» были сторонники сближения с османами и в конечном счете капитуляции перед ними при условии сохранения богатства и привилегий знати и купечества. Православное, наиболее влиятельное течение, выступало с антилатинскими лозунгами, но не имело определенной политической программы. Ни одна из группировок не возглавила патриотическое движение, которое могло бы спасти Византию. Таких социальных сил уже не существовало.

После длительной осады и героического сопротивления защитников Константинополь был взят штурмом войсками султана Мехмеда II 29 мая 1453 г. Город подвергся грабежу и опустошению, население его безжалостно уничтожалось либо захватывалось в плен. Лишь через три дня султан предоставил уцелевшим жителям амнистию и разрешил беженцам вернуться в город. В 1460 г. турки покорили Морею, а в 1461 г. — Трапезундскую империю.

Причины и последствия падения Византийской империи. Падение Византии было обусловлено комплексом как внешних, так и внутренних причин. Империя была надорвана латинским завоеванием

Династии Палеологов и Кантакузинов в Византии

начала XIII в. С конца XIII в. Византия вела почти непрерывные войны на западе и востоке империи. Они, а также кровавые междоусобицы XIV в. изматывали государство, истощали его ресурсы. Силы слабеющей Византии и набиравшей мощь Османской державы были уже в XIV в. несопоставимы. Но главнейшими причинами гибели Византии были все-таки упадок городов, ремесленного производства и торговли, оскудение крестьянства. Страна переживала политическую раздробленность, которая пришла на самый критический период в ее истории. Помощь Византии со стороны других государств, нередко преследовавших своекорыстные цели, была недостаточна для отражения натиска османов. Рост самосознания греческого народа сдерживался господством устаревшей доктрины ойкуменизма, провозглашавшей универсальность и исключительность богохранимой «империи ромеев» в ее древних границах.

Османское завоевание тяжело отразилось на экономике и социальном развитии Юго-Восточной Европы, привело к длительному регрессу в развитии производительных сил. Хотя османское господство укрепило хозяйственное положение части феодалов, которые пошли на сотрудничество с завоевателями, расширило внутренний рынок, обеспечило большую централизованность, оно ухудшило положение народов Балкан, испытывавших жестокий национальный и религиозный гнет.

Утверждение османов на византийской территории сделало ее плацдармом турецкой агрессии против стран Центральной и Восточной Европы, Ближнего Востока.

Производительные силы общества Западной Европы в V—XV вв.

Производительные силы средневекового общества — это люди с присущими им особенностями сознания и трудовыми навыками; природная среда их обитания; созданные ими в процессе жизнедеятельности орудия, технологии и формы организации труда.

Будучи материальной основой феодального общественного строя и средневековой цивилизации в целом, производительные силы отличались тогда рядом особенностей. Хозяйство было преимущественно мелким и натуральным. Его характеризовали ручные орудия и низкая производительность труда, отсутствие сколько-нибудь значительных материальных ресурсов, простое (нерасширенное) воспроизводство. Даже крупные владения господ чаще всего представляли собой конгломерат более или менее значительных усадеб, деревень или их групп, обычно разбросанных и существовавших за счет суммированного индивидуального труда. Такому хозяйству были присущи не только комплексный характер, использование одного и того же инвентаря для бытовых и производственных нужд, но как бы «сращение» работника с орудиями его труда и с всеобщим средством производства — землей, прямая зависимость от природной среды.

Демографические процессы в V—XV вв. Решающая производительная сила общества — люди. Рождаемость и смертность, характер семьи, миграции и расселение людей, общая структура населения (социальная, профессиональная, этническая, половая, возрастная) и их динамика определяются как естественно-биологическими, так и общественными факторами. В V—XV вв. демографические процессы в Западной Европе были сложными и отнюдь не прямолинейными, они прошли через ряд спадов и подъемов. Слишком сильны были факторы смертности — знаменитая «триада бедствий»: болезни, войны, голод.

Наиболее опасными болезнями, нередко со смертельными исходом, были туберкулез, сибирская язва, желтуха, малярия, дизентерия, брюшной тиф, венерические болезни. Немалые страдания приносили малокровие, трахома, ревматизм, кожные поражения,

паразиты. Женщины часто погибали от родов, дети — от рахита и других детских болезней. Эпидемии чумы, оспы, холеры подчас принимали общеевропейский характер, опустошали население целых районов. Каждое столетие было отмечено пандемиями. Известны тяжелые последствия эпидемий чумы и оспы в VI в., трагические результаты «черной смерти» — бубонной чумы 1348—1352 гг., которая унесла в разных странах от четверти до половины населения. Эпидемиям способствовала антисанитария, особенно в городах с их скученностью.

Люди, материальные запасы и ценности, важные для их жизни, погибали в ходе войн и военно-колонизационных движений, столь частых в ту эпоху. В ходе Великого переселения народов, арабских завоеваний VIII в., набегов венгров, походов викингов конца VIII — середины XI в., нормандского завоевания Англии XI в., затем Крестовых походов погибало до $\frac{1}{3}$ местного взрослого населения, особенно мужчин. Для XII—XV вв. были характерны также непрерывные межгосударственные войны, внутренние усобицы и мятежи.

Средневековые документы свидетельствуют о хроническом недоедании основной массы населения и гибели многих людей от голода. Описаны катастрофические, доводившие до людоедства голодовки VI, VIII—IX вв. В X—XI вв. даже в давно освоенной долине Рейна неурожаи и голод повторялись каждые 3—4 года, в XI в. в разных районах Германии было до 62 голодных лет. В среднем по Западной Европе были голодными каждые 3—6 лет. В условиях прямой зависимости от природы любое стихийное бедствие — ураган, засуха или излишние осадки, пожар или наводнение, размножение вредителей или эпизоотия — вызывало неурожай, падеж скота и как следствие — голод. Создавать же и хранить запасы продовольствия при тогдашних низких урожаях, отсутствии консервантов, высоких рентах и налогах не представлялось возможным.

«Триада бедствий» тесно увязывалась со всеми общественными условиями. От недоедания более всего страдали низшие слои горожан и крестьян. Голодные люди порождали слабое потомство и были восприимчивы к болезням. Эпидемии приводили к забрасыванию пашен. Войны разрушали хозяйственную цикличность и производительные силы. И все это снова порождало голод.

Средняя продолжительность жизни составляла примерно 40—45 лет для мужчин и 35 лет для женщин. Треть детей не доживала до 12—15 лет (возраст совершеннолетия и брачности), из них большая часть умирала до года. До 50 лет доживало менее четверти людей, в основном из более состоятельных слоев. Нередко до половины мужчин оставалось вне брака: воины, монахи, работники

и ученики, с XI в. — белое духовенство. Религия и обычаи того времени поощряли высокую (естественную) рождаемость. Но из-за высокой детской смертности и частого бесплодия женщин в большинстве семей вырастало обычно лишь от одного до трех детей.

Численность населения увеличивалась медленно. В V в. она пережила резкий спад, с VII в. начала восстанавливаться. К XI в. на Британских островах проживало до 2 млн человек, в Италии и Франции — примерно по 6, на Пиренейском полуострове — более 4, в Скандинавских странах — 1, в Германии — 3,5, на Балканах — 2—4 млн человек. На рубеже I и II тысячелетий произошел демографический скачок, население увеличилось на 20—40%. Видимо, это было следствием складывания вотчинной системы и государства, что дало людям большую экономическую и политическую стабильность. Численность населения продолжала медленно увеличиваться до конца XIII в., а в середине XIV в. резко упала в результате «черной смерти», затем пострадала от Столетней и других войн, крупных восстаний. Лишь к началу XVI в. был достигнут доэпидемический уровень: на Британских островах — 3—5 млн человек, во Франции — 12—18, в Италии — 7,5—11, в Германии — 7,5—12, в Скандинавских странах — 1—2, в Греции — 4,5—6 млн человек¹.

Этнический состав Западной Европы в раннее Средневековье был пестрым: греки, романские народности, кельты, фракийцы, германцы, балты, славяне, угрофинны, «вкрапления» азиатских и африканских этносов (арабы, евреи, берберы, тюрки, левантийцы). В V—XI вв. в результате перемещения больших масс людей произошло сильное смешение племен и народностей Западной Европы. Образовывались народы с полиэтнической основой — ядра будущих наций. Обмен общественным опытом ускорял развитие орудий труда, коммуникаций, правовой и общей культуры.

В Средние века по всей Западной Европе окончательно сформировалась и распространилась малая индивидуальная семья (родители и неженатые дети, в среднем до 5 человек). Сначала сохранялась и большая семья (родители, женатые дети, братья с семейными детьми и т.д. — до 40 и более человек). В условиях натурального хозяйства, примитивной техники, трудоемких работ (корчевание леса, осушение болот и др.) это было необходимо. В ходе миграций, войн, внутренней колонизации, обезземеливания крестьян и их ухода в города, роста общественного разделения труда, особенно в период зрелого феодализма, большая семья

¹ Все эти цифры, конечно, условны, так как основаны на сопоставлении косвенных данных: ведь статистика населения тогда не велась.

постепенно разрушалась. Хозяйство велось преимущественно малыми семьями, сородичи привлекались в экстренных случаях. Но в ряде стран большие семьи до конца Средневековья не только сохраняли известные права на наследственную родовую землю, но и выступали как производственный коллектив.

Среда обитания средневекового общества. Основу производительных сил в Средние века составляла используемая и преобразуемая человеком природно-географическая среда. Она диктовала подавляющей массе людей их занятия, особенности и типы поселений и жилищ, характер одежды и пищи, применение тех или иных сельскохозяйственных культур, орудий и способов труда. Она воздействовала на складывание и развитие городов, торговли и средств сообщения, отражалась на политической и духовной жизни, темпах социальной эволюции, на менталитете.

К началу Средних веков следы деятельности человека почти не сказались на экологии Западной Европы. Ее ландшафты, почва, флора, фауна были представлены практически в исконном богатстве и разнообразии. Умеренный и субтропический пояса, обнимающие основную территорию континента, были благоприятны для земледелия, скотоводства и занятия многими промыслами. В V—XIII вв. несколько более влажный, чем в древности, климат южных и более сухой — северных регионов Западной Европы способствовал значительному развитию растительного покрова, распространению новых культур, расширению выпасов. Выходы к морям и океанам, изрезанные берега, обилие внутренних вод способствовали развитию городов и торговли, водного транспорта, мореплавания, рыболовства, внутренних и внешних связей Западной Европы. Особенно велико было историческое значение Средиземного, а с VIII в. — и Балтийского морей как центров двух основных торговых зон эпохи, а также рек: Луары, Сены, Роны, Гаронны во Франции; Рейна, Эльбы, Мозеля — в Германии; По — в Италии; Темзы — в Англии. «Морские народы» отличались особенной торговой и политической активностью.

Еще в XII — первой половине XIII в. до $\frac{2}{3}$ площади Западной Европы занимали леса. Существовали десятки крупнейших лесных массивов, в сотни тысяч гектаров каждый. На протяжении всего Средневековья европейцы располагали обширными запасами некультивированных земель, незаселенных территорий. Колонизация, распашка целинных земель были одним из важных ресурсов развития производительных сил.

Но «дикая природа» очень много значила для средневекового человека и сама по себе. Свое жилище он сооружал из дерева, камня или глины. Из этого же природного сырья изготавливались

и нехитрые предметы быта. В лесу и в поле он кормил свой скот. В шкуры и мех диких животных одевались, они служили постелью, их мясо было для большинства населения главным источником белков и животных жиров (ведь рядовое население деревни редко питалось мясом домашнего скота и птицы, почти не употребляло очень дорогое тогда животное масло). Водоемы давали рыбу. К главному злаковому продукту своего стола — кашам, лепешкам, болтушкам, а по мере внедрения подовых печей — и печеному хлебу простолюдин добавлял множество разнообразных диких растений. Охота, рыбная ловля, собирательство, лесные и прочие промыслы были столь же обычными видами деятельности средневекового крестьянина, как возделывание земли, разведение скота, изготовление необходимых предметов быта.

Важную общественную роль играл тогда ландшафт. Так, равнинный ландшафт способствовал появлению деревень, а изрезанный рельеф вынуждал к хуторскому расселению, дроблению пашен. Моренный ландшафт, обычно с каменистыми почвами, мешал применению плуга, консервировал мотыгу. Холмы использовались в фортификационных целях. Природные рубежи служили границами между государствами и владениями. На каждом этапе Средневековья люди обретали новые возможности для освоения природной среды, постепенно совершенствуя условия своего обитания. В ходе этих процессов создавался вторичный (искусственный) ландшафт: умножались и усложнялись поселения — деревни, хутора, города, замки, монастыри; строились каналы, дамбы, мосты, осушались болота, леса сменялись пашнями. Вместе с тем экстенсивные формы хозяйствования и хищническое использование природных ресурсов истощали их. Произошло буквальное сведение лесов в Византии, Англии, Франции, Испании, Голландии (Holland — «лесная страна»). Уже с начала II тысячелетия сокращение лесов стало усиливать эрозию и выветривание почв, а к концу XIII в. в старопашенных районах снизилось природное плодородие почв. В XV в. оказались выбранными многие доступные тогда залежи полезных ископаемых. Мелели реки, сокращались фауна и флора; их недостаточность приходилось возмещать за счет интенсификации земледелия и скотоводства.

Особенности орудий, навыков и организации труда до конца классического Средневековья. Самая динамичная производительная сила, конечно, — орудия труда. Но в Средние века совершенствование орудий и технологий производства происходило медленно, путем накопления и прямой передачи практического опыта и весьма неравномерно. В сельском хозяйстве быстрее совершенствовались пахотные орудия, но в целом сельскохозяйственные инструменты принципиально мало изменились вплоть до новейшего

времени. Неизмеримо быстрее развивались ремесленные инструменты. Скачок здесь произошел с развитием городов и горно-металлургического дела. Преимущественно целям обрабатывающего производства стали служить и первые механизмы (мельничные и часовые передачи, подъемные приспособления и др.). Конечно, применение механизмов было ограниченным, а коэффициент их полезного действия — невысоким из-за примитивности двигателей (мускульная сила людей и животных, сила воды и ветра). Однако распространение механизмов содействовало развитию соответствующих отраслей производства и эволюции техники. По сложности инструментов и технологии, по разделению труда лидировала металлообработка. Кузнецы многих специальностей изготавливали предметы непосредственного потребления, орудия труда и войны. Общественная важность ремесла придала кузнецам особый авторитет и ореол. В раннее Средневековье их искусство считали чуть ли не колдовством и не низким занятием даже для коронованных особ. Но и в ремесле важнейшие изобретения появлялись именно в ходе практической деятельности как результат многих проб.

При ручной, медленно изменяющейся технике прогресс производства сильно зависел от организации труда, форм объединения и разделения функций в самом процессе производства. В Средние века преобладал мелкий, индивидуальный, раздробленный и поэтому комплексный труд. В сельском хозяйстве индивидуальный труд обычно сочетался с простым кооперированием, когда группа людей одновременно совершала однородную работу. В крестьянском доме кооперирование осуществляла семья, в поместье — зависимые крестьяне и наемные работники.

Постепенно в городском ремесле стали возникать и более сложные формы разделения и кооперации труда. Над одним объектом подчас должны были трудиться лица разных специальностей, осуществляя уже не комплексные, а более или менее обособленные операции. Это могло происходить как одновременно (строительство зданий и кораблей, металлургия), так и последовательно (при изготовлении монет, книг, тканей). Но чаще всего разделение труда в ремесле осуществлялось не в рамках мастерской, а путем отпочкования отдельных самостоятельных специальностей. В одних случаях разделение шло по конечному продукту. Например, от кузнецов отделились ювелиры, оловянники, медники, слесари, замочники, оружейники; последние затем разделились на изготовителей амуниции, арбалетов, холодного оружия; последние — на мечников, ножовщиков и т.д. В других случаях особые ремесла складывались на основе отдельных операций по изготов-

лению одного продукта. Более всего специальностей возникло в текстильном деле: свыше 30 — в сукноделии (от мойщиков сырой шерсти до красильщиков готового сукна), свыше 20 — в ткачестве (включая прядильщиц).

Средневековый человек был великим мастером. При помощи простых средств он и поддерживал свое существование, и создавал шедевры, потрясающие потомков заложенными в них искусством, красотой и целесообразностью. Орудия труда и оружие стоили дорого, служили долго. Их берегли, передавали по наследству, воспевали. Ощущая средства созидания и войны как продолжение себя, люди наделяли их чудесными, сверхъестественными свойствами и личными именами, окружали сложной символикой.

В течение V—XV столетий развитие производительных сил Западной Европы прошло через несколько этапов. Каждый из них получил разное выражение в зоне с преобладающим античным влиянием (I), в зоне со смешанной (синтезированной) общественной основой (II) и в зоне с варварской основой (III).

Материальная культура в V—VII вв. В первые века Средневековья сохранялся значительный разрыв в уровне материальной культуры между романизованными и прочими регионами Западной Европы. Правда, в V—VII вв. в Южной Европе, подвергавшейся сильной варваризации, произошел известный разрыв с античной традицией. Огрублялись орудия труда и вообще ремесленные изделия. Ухудшилась породность скота, сократилось число сельскохозяйственных культур, были утрачены некоторые трудовые навыки. Опустели быт. Пришли в упадок многие города.

Было бы, однако, ошибкой преувеличивать общий упадок материальной культуры Западной Европы. Античные традиции были еще достаточно сильны на территории бывшей Римской империи и сохранились в Византии, что определило большую культурную роль этой страны вплоть до XIII в. В Италии, Южной Галлии, Испании сохранялись развитая агрикультура и города, умели сооружать двух- и трехэтажные дома, в том числе из плинфы, которую с VI в. стали особенно широко применять в церковном строительстве, как и цветное стекло (в церквях Византии и Галлии), Использовали водяные мельницы, которые появились еще в Римской империи, чеканили монету. При помощи сыродутного процесса (распространился с V в.) делали железо и бронзу. Появились колокола; книги на пергамене и с деревянными переплетами (кодексы) вытеснили папирусные свитки. В VII в. возобновилось применение гончарного круга. Греки делали катапульты, осадные башни и зажигательную смесь («греческий огонь»), в VI—VIII вв. строили корабли многих типов, в том числе крупные, с экипажами

до 200 гребцов и 70 матросов. Изделия, предназначенные для знати, отличались роскошью и изысканностью. Во II зоне в VI—VII вв. по Рейну, а затем в Англии начали восстанавливать римские и сооружать новые дороги, возводить здания в несколько этажей и т.д.

Примером состояния производительных сил на варварской территории (III) был скандинавский Север. В хозяйстве все еще преобладали разведение скота, рыбная ловля и другие промыслы. Относительно скудное земледелие было мотыжным, основывалось на подсечно-огневой системе. Господствовали деревянные и земляные постройки, земляные укрепления с деревянным частоколом. Городов не было, существовали только торговые или административные центры. Лепная керамика была грубой, как и домашнее сукно. Достижениями северных германцев была искусная обработка металлов, особенно при изготовлении оружия и украшений, и навыки навигации и морских промыслов. К VIII в. скандинавские гребные ладьи — без палубы, небольшие (на 12—16 пар гребцов), но маневренные и устойчивые — уже оснащались парусом. Подобно баскам, скандинавы могли осуществлять дальнюю навигацию в открытом море. Но вообще европейцы в то время практиковали каботажное плавание.

Таким образом, несмотря на материальные потери, в первые века Средневековья в Западной Европе не только поддерживались многие античные традиции, но возникали и новые элементы в развитии производительных сил.

Прогресс производительных сил в VIII — начале XI в. В последние столетия раннего Средневековья ускорилось развитие бывших окраин Римского мира: Северной и Восточной Франции, Западной Германии, особенно территорий вдоль Рейна, в меньшей мере — Англии. В I и отчасти во II зонах завершается образование раннефеодальных государств; начался этот процесс и в III зоне. Новая общественная система уже вырастает в масштабах всего континента. Ее вызревание сопровождалось заметным прогрессом в развитии производительных сил. Наиболее значительные для всей Западной Европы показатели были достигнуты в романизованных регионах.

На территории первой и второй зон развиваются города, возникают замки. Увеличивается число сельских поселений, что свидетельствует о росте населения и внутренней колонизации. Начали сооружать мощенные камнем дороги (Кордова, IX в.) и постоянные мосты (через Рейн — у Майнца, Луару — у Орлеана и др.). В строительство внедряется обожженный кирпич. Лепная керамика вытесняется гончарной (изготавливаемой с помощью круга),

появляется глазурь. Изобретение в IX в. вертикального ткацкого станка стало переворотом в ткачестве. Начинается взлет сукноделия; с X в. для валяния сукон, а также осушения болот (в Нидерландах) приспособляется водяная мельница. Внедрение начиная с IX—X вв. новой упряжи (хомут и усовершенствованная сбруя) позволило использовать лошадь (которая в раннее Средневековье служила почти исключительно для верховой езды) как важнейшую тягловую силу в сельском хозяйстве и на транспорте; это подняло производительность труда, дало мощный толчок развитию сухопутных дорог и транспортных средств, крупному строительству и военному делу. Быстро развиваются кузнечное, оружейное, шорное ремесла. Еще в предыдущий период началось использование шпор, стремян и подков. В VII в. стал применяться тяжелый меч. В VIII в., с формированием рыцарского войска, появились кольчуга и цельноклепанный металлический доспех, были усовершенствованы щиты, кинжалы и боевые топоры. Затем (в X в.) внедряется твердое седло с прочными креплениями, необходимое для тяжеловооруженного рыцаря.

Через арабов европейцы получили культуры риса, хлопка и сахарного тростника, бумагу, немало ремесленных навыков и научных познаний — в математике, медицине, анатомии и др. В VII — начале IX в. испанские арабы создали и первые теоретические труды по химии, обосновали теорию химического состояния веществ; они умели изготавливать кислоты, щелочи и купоросы, проводили опыты по превращению металлов. Монах из Орильяка Герберт (ок. середины X в. — 1003 г.), обучавшийся в Испании, впервые «перенес» на европейскую почву арабские (индийские) цифры, абак и позиционную систему исчисления; он построил в Реймсе гидравлический орган, читал лекции по астрономии и геометрии, создал первое в средневековой Европе математическое исследование.

Произошло как бы расширение, социальное и территориальное «окультуривание» всего континента. Этот фактор — синтез ряда традиций — способствовал успешному последующему развитию производительных сил.

Производительные силы в XI—XIII вв. В XI—XIII вв. феодальный строй в Западной Европе переживал период взлета. Это потребовало нового арсенала орудий и средств труда, способов его организации. Город с его товарным производством, рынком, связями, углубленным разделением труда превратил товарообмен и товарно-денежные отношения в важнейшие факторы общественной жизни. Отныне они играют все более существенную роль.

Наряду с социальными и сословными различиями углубляются различия, связанные с профессиональными занятиями, образом жизни, степенью состоятельности и объемом прав, общественным положением и влиянием. Укрепляется малая семья. Эти столетия отмечены заметным ростом населения, что приводило к относительной перенаселенности освоенных районов. Избыточное население, подстегиваемое ростом феодальной ренты, искало выход в бегстве с насиженных мест. Поэтому XI—XIII века отмечены значительной динамикой населения: происходит широкая внутренняя колонизация незанятых земель. Специфической формой внешней колонизации стали Крестовые походы. Возникают многие тысячи деревень и хуторов, тысячи новых городов; население старых и новых городов сравнительно быстро возрастает.

Расчистки под пашни сопровождались вырубкой лесов и мелiorативными работами (Ломбардия, Нидерланды). В Западной Европе к концу XIII в. заметно увеличился вторичный ландшафт, сократилась площадь болот и лесов. Одновременно усилилось освоение недр: добыча металлических руд, соли, строительного камня, удобрений, торфа, каменного угля. В отличие от предшествующего периода (когда поваленный лес сжигался), древесина стала полностью использоваться как сырье при строительстве, для поделок, варки дегтя, смолокурения, как топливо. Вошли в практику специальные лесоразработки. Усиление регалии (права верховной собственности монархов) на землю, ее недра, воды, фауну и флору резко ограничивало возможности рядового населения использовать плоды дикой природы. Охота стала «дворянским занятием».

По мере усовершенствования орудий и способов обработки почвы, особенно с распространением железного плуга с упряжкой в несколько пар быков, а также двуполья и трехполья, росла производительность труда в сельском хозяйстве. За счет внутренней колонизации, освоения новых земель увеличились площади культивируемой земли. Наряду с ячменем расширяются посевы яровой и озимой пшеницы (сменившей полбу), а также ржи; превращение лошади в основную тягловую силу повлекло распространение пришедшего с Востока овса. Развиваются специализированные отрасли земледелия: огородничество, садоводство, виноградарство, разведение масличных и технических культур (льна, растений-красителей и др.). Постепенное потепление климата Западной Европы в течение VIII—XIII вв. способствовало продвижению на север даже теплолюбивого винограда. Совершенствуется виноделие, маслоделие, сыроварение. Наиболее богатыми агрономическими приемами и разнообразием культур располагали Италия и Византия, но с XIII в. трактаты по агротехнике создаются

в Англии и других странах II зоны. Истощенные почвы нуждались в удобрениях. Наряду с навозом и золой в качестве удобрений все шире применяют ископаемые: мергель (глинистый известняк) и торф.

Традиционные методы земледелия (подсечно-огневой, залежный и переложный) сохранялись в Европе долго. Но с рубежа I и II тысячелетий все далее на север распространяется более совершенная система севооборота: двуполье (на юге оно применялось уже в начале VII в.) и трехполье (обычно по схеме: пар — озимые — яровые). Новые системы полей стали одним из важнейших элементов развития производительных сил, они способствовали комплексному использованию земли и восстановлению плодородия почвы. И хотя урожайность зерновых оставалась низкой, в среднем сам-три, общий объем продукции земледелия заметно возрос.

Расширилось разведение домашних животных, особенно лошадей, овец, а также собак; повысилась роль мясного скота. В наиболее развитых странах начали заниматься улучшением пород скота. В Англии, Испании, Италии, Нидерландах особенно распространилось овцеводство.

Еще более заметный подъем наступил в ремесле, прежде всего городском, где складывается цеховая форма организации ремесленников. Из конопляной, льняной, шерстяной пряжи вырабатывались ткани для одежды, парусина и мешковина, канаты. От испанских арабов европейцы с VIII в. получали хлопок. Через Византию Западная Европа заимствовала китайский шелк; в течение X—XII веков тутовое дерево и шелковичный червь попали в Андалусию, Италию, Францию. Развитие торговли и судоходства позволило сукноделам Тосканы и Фландрии с XIII в. получать шерсть-сырец из Англии и Испании. Кожевники и сапожники применяют точные красители и дубильные вещества. С Карпат и из Средней Азии начались ввозить каменную соль.

В городе, замке и, что особенно важно, в деревне повысился спрос на изделия из металла: орудия труда и оружие, украшения и монеты. В горно-металлургическом производстве произошел качественный скачок. В XII—XIII вв. перешли к использованию глубинных залежей. В металлургии наряду с древесным стал применяться каменный уголь (в Англии и Франции с XI в.) и появились кирпичные стационарные домницы (с XII в.). Появились такие методы обработки металла, как сварка, термическая обработка, горячая и холодная ковка и штамповка, вытяжение, изгибание, протягивание, закрутка, шлифовка, чеканка, с XIII в. — строгание, сверление, обточка и полировка. В странах, обладающих значительными запасами металлических руд, — Германии, Испании,

Швеции, Англии, — горно-металлургические промыслы выросли в особые, самостоятельные отрасли.

Подъем переживает и строительство. Возрастает число замков и более мелких укреплений, монастырей и храмов. Все более разнообразными становятся типы крестьянских жилищ. Города застраиваются многоэтажными каменными и кирпичными жилыми домами. С XI—XII вв. повсеместно внедряется обожженный кирпич, появляется известковая штукатурка, облицовочный кафель и печные изразцы, черепица. Сооружается первый в Средние века водопровод с элементами канализации (Труа, XII в.). В церквях и даже частных домах используют цветное стекло и витражи. Начинается производство зеркал (Венеция).

В ткачестве и сукноделии, горном деле и металлургии, строительстве и других ремеслах создаются новые механизмы. Во Фландрии в 1131 г. появился первый ткацкий стан современного вида (но без механического двигателя). Огромную роль сыграло усовершенствование первой машины — водяной мельницы, где стало использоваться средне-, а затем верхнебойное наливное колесо вместо нижнебойного, как ранее. Это позволило применять ее не только для обмолота зерна, но и во многих ведущих ремеслах: при валянии сукон и изготовлении бумаги, обработке конопляного волокна и кож, обогащении руды. К концу первого периода стали распространяться ветряные мельницы. Простые механизмы — ворота, домкраты (в том числе винтовой), поршневые насосы и др. — используются в шахтах. Появляются ручные и ножные (педальные) станки для токарных и точильных работ по металлу, пружинные приспособления (например, протез руки с движущимися пальцами для Фридриха Барбароссы, 1153 г.).

Совершенствуются сухопутные дороги, сооружаются первые судоходные каналы. Изобретены колеса со спицами (вместо сплошных деревянных дисков). Расширилась практика дальнего плавания в открытом море, укрупнились и специализировались корабли. В конце XIII в. появились первые морские карты — лоции (Генуя, 1270 г.), а на рубеже XIII и XIV вв. — карты береговых линий — портуланы.

Общественные перемены и производительные силы в XIV—XV вв. В XIV—XV вв. экологическая, демографическая и политическая ситуация была исключительно сложной. С конца XIII в. началось похолодание, стало ощущаться ухудшение почв в старопашенных районах. В середине XIV в. разразилась эпидемия «черной смерти», затем чума неоднократно повторялась. Эпидемии, большие войны и восстания, характерные для этого периода, породили кризисную ситуацию в сельском хозяйстве. Во многих странах

наблюдались деколонизация культурных земель, забрасывание пашен, нехватка рабочих рук, падение урожая и рент, повышение цен на продукты питания и сырье. Выход из аграрного кризиса был достигнут путем значительной хозяйственной перестройки: развития наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организации землепользования и труда в поместьях, более интенсивного использования природных ресурсов, особенно промышленного значения. Перестройка сопровождалась значительным числом изобретений в области орудий труда, особенно механизмов, и — впервые — заметными проявлениями роли науки.

В течение XIV—XV вв. появились кривошипные механизмы, зубчатые передачи, сверлильный станок (для расточки деревянных водопроводных труб), колесный домкрат, подъемный кран, землеройная машина (в том числе для прокладки и очистки каналов), огромные плющильные молоты. Эти механизмы, прочные, удобные и простые в употреблении, хотя не имели из-за отсутствия механических двигателей высокого коэффициента полезного действия, все же были многократно производительнее ручного труда. Появился и первый автомат: механические часы. Собственно, колесные часы с боем были изобретены еще в XII в., через столетие были изготовлены первые часы с гиревым механизмом, еще через столетие — башенные часы (в Милане и английском аббатстве Гластонбери). В XV в. нюрнбергский мастер П. Хенляйн сделал первые карманные часы.

Совершенствуются и ручные орудия труда. В прядении древнее веретено и стоячую прялку сменила самопрялка с колесом. Стандартизация технологии позволила унифицировать отделку тканей, в частности сукон (начало положила Италия). Появилась плотная и тонкая керамика — предшественница европейского фарфора (Каррара, XV в.). Началась систематическая шлифовка драгоценных камней (Брюгге, 1456 г.), осваивается применение шлифовальных линз для очков (Нидерланды, XIV в.) и алмаза для резки стекла (там же, конец XV в.).

В XIV в. уже строят домны (Лотарингия), позволяющие варить чугун. Расширяется применение цветных металлов и их сплавов (латунь и др.). Храмы увенчиваются огромными куполами. Появляется цемент, стальные иглы, кареты и современная телега (XIV в.), водолазный колокол для подводных работ, первый горный тоннель (для усовершенствования альпийского пути через Сен-Готардский перевал), канализация в нескольких городах. Шахты углубляются до 500 м. Появляется паром с бортовыми колесами, который может идти по реке против течения (XIV в.).

Распространяется бумага из тряпичного сырья. Первые книги из нее делали еще в XII в., королевские документы — в XIII в., тогда же стали штамповать (оттискивать) текст. В последней трети XV в., с изобретением книгопечатания, появилась современного вида книга. До конца XV в. в Европе отпечатали свыше 40 тыс. книг*.

Огромные сдвиги произошли в военном деле: появились чешуйчатые доспехи, новые арбалеты и др. Но подлинную революцию совершило изобретение огнестрельного оружия, действие которого основано на использовании пороха. В Западную Европу порох принесли испанские арабы еще в конце VII в., он применялся для подрыва укреплений. В XII в. те же арабы изобрели индивидуальное огнестрельное оружие, которое распространилось в XIV в. В начале XIV в. впервые в массовом масштабе были использованы примитивные пушки (при осаде кастильцами арабского Гибралтара в 1308 г.). Затем их поставили на корабли, в следующем столетии сделали пушки из чугуна и поставили на подвижные лафеты, изобрели фитильный замок. Внедрение огнестрельного оружия совершенно изменило военное дело — тактику боя, состав армий, их снаряжение, характер фортификаций. Начало падать значение рыцарского войска, что подрывало военную роль рыцарства.

Изобретение способа солить рыбу (на которую был очень большой спрос) необыкновенно расширило с XIV в. рыболовецкий и соляной промыслы, рыботорговлю, а также объем торгового флота и перевозок.

В мореплавании началось систематическое применение лоций (и возникает профессия лоцмана), совершенствуются якоря, рули и парусное оснащение. Компас и другие навигационные приборы повсеместно внедряются в навигацию. Переворот в судостроении произвело появление каравеллы — многомачтового корабля со сложным и разнообразным снаряжением, способного совершать далекие океанские путешествия. Так, в XV в. была создана техническая основа Великих географических открытий.

В лабораториях производят сложные опыты по взаимодействию химических веществ, их возгонке и очищению. Заново открывают рецепт мыла (утерянный в VI в.). К XV в. уже умели готовить кислоты, соли, щелочи, аммиак, скипидар, олифу, эфирные масла, составлять краску для художников (в том числе масляную), стекловаров, кожевников и красильщиков тканей. Появление первых механизмов (мельниц, часов), навигационных и оптиче-

* Эти древнейшие книги называются инкунабулами.

ских приборов, огнестрельного оружия сопровождалось созданием руководств-трактатов для соответствующих ремесел и промыслов, трудов по механике.

Составляются обширные энциклопедии, отражающие сумму знаний тогдашнего мира. В XIV—XV вв. наука, имеющая преимущественно экспериментальный характер и опирающаяся на опыт, в том числе производственный, сделала в Западной Европе большие успехи.

В передовых отраслях ремесла, где применялись механизмы, объединялись усилия многих людей и вкладывались значительные средства, возникли новые формы организации труда: паевые товарищества (горно-металлургический промысел, книгопечатание), артель с подрядчиком (строительство), подчинение низших цехов высшим и раздаточная система, ранние мануфактуры (ткачество, сукноделие, изготовление пушек и др.). В этих ремеслах предпринимательство и независимые ремесленники уступают место наемным рабочим (см. гл. 8).

В XIV—XV вв. увеличился вклад в материальную культуру ряда регионов. по разным причинам отстававших в предшествующий период (в частности, Португалии, Скандинавских стран). За счет регулярных торговых и прочих связей неизмеримо возросла передача опыта. Материальная культура — быт, орудия, приемы и навыки, организации труда, оружие, украшение. одежда, книги и т.д. — все быстрее универсализируется, хотя этот процесс пока заметен лишь на уровне феодалов и бюргерства, мало захватывает крестьян.

Особенности и итоги развития производительных сил до конца XV в. Эволюция производительных сил и всего общества были взаимно обусловлены. Так, первый скачок в развитии производительных сил (VIII—IX вв.) произошел в ходе завершения в передовых странах феодализационных процессов; второй (XI—XII вв.) — со складыванием городов; третий (середина XIV — XV в.) — в результате внутренней перестройки феодальной общественной системы под воздействием товарно-денежных отношений. Ускоренная эволюция производительных сил стала основой для складывания в передовых странах элементов раннего капитализма и сама стимулировалась ими в конце Средневековья.

Важнейшим стимулом развития производительных сил явился обмен материальным опытом и его распространение из центров на периферию.

Развитие производительных сил в V—XV вв. отличалось значительной неравномерностью по регионам, периодам, сферам. Несомненно, что в целом оно ускорялось. При этом первоначально

данный процесс много быстрее происходил в странах с античной основой — в Италии, Византии, а затем, с XI—XII вв., — во Франции, Англии, Германии, Фландрии. В составе производительных сил наибольшим динамизмом отличались орудия металлообрабатывающих ремесел, технически более сложных и имевших более емкий рынок, а также оружие.

Медленно, но все же уменьшалась прямая зависимость человека от природы. Например, с развитием коммуникаций появилась возможность получать привозное сырье, продукты питания, предметы быта. Сужение возможностей природной среды сопровождалось расширением вторичной среды. Рост народонаселения стимулировал освоение природных ресурсов и разделение труда; благоприятная природная и общественная ситуация, в свою очередь, способствовала увеличению рождаемости. Низкая агротехника обрекала на подсечно-огневой способ культивации земли, а это консервировало общинно-родовые формы труда и собственности. Переход к регулярной системе полей способствовал развитию соседской общины; он подорвал большую семью, а вместе с ней и универсальное мелкое домохозяйство.

Одновременно происходило обратное воздействие на материальные основы жизни различных общественных институтов и явлений. Классическая феодальная вотчина (с доменом, где трудились наделенные землей зависимые крестьяне) на первых этапах интенсифицировала сельское хозяйство, способствовала разделению и кооперации труда в деревне, но по мере развития товарно-денежных отношений она стала их тормозом, что привело передовые страны к необходимости начиная с конца XIII в. сменить формы поместного строя. Монастыри сыграли выдающуюся роль в развитии многих ремесел, письменности, книжного дела, в разведении новых культурных растений и пород скота. Нужды армии стимулировали военные ремесла, аристократии — изготовление предметов роскоши, торговых домов — делопроизводство, дипломатии — почтовые сообщения и т.д. Револуционизирующим обществом фактором был обмен продуктами деятельности. Огромная роль развития торговли, как и товарно-денежных отношений вообще, в истории Средневековья стала особенно очевидной со II тысячелетия. Проводниками и центрами торговых связей служили города, крупные купеческие компании.

В раннее и развитое Средневековье природные факторы до известного предела доминировали над технической оснащенностью общества, а непосредственный опыт — над научным обобщением. Постепенно, с возрастающей активностью осваивалась природная среда, развивался вторичный ландшафт и в то же время появились

некоторые необратимые изменения среды (резкое уменьшение лесов, болот и связанной с ними фауны). Возросла численность населения, произошли важные для материальной культуры процессы территориальных перемещений, этнокультурного и социального синтеза. Возникла сложная социальная и профессиональная дифференциация населения, умножались новые занятия и специальности. Развивались формы организации труда, новые общности.

В конце V в. в Западной Европе господствовала ручная техника. А к концу XV в. уже возник сложный технический арсенал: первые крупные механизмы, огнестрельное оружие, новые типы кораблей. К началу XVI в. прогресс в развитии производительных сил сделал возможным появление ростков капиталистического способа производства.

Глава 20

Церковь в XI—XV вв.

Монашеские движения X — первой половины XI в. Идея церковной реформы. В X в. на фоне глубокого кризиса церковной жизни предпринимаются первые попытки возрождения аскетических ценностей. Инициатором обновления выступило монашество, в недрах которого оформились движения за реформу монастырей, подготовившие к середине XI в. и общецерковную реформу. Свою силу монашество черпало в широко распространившихся среди мирян ожиданиях конца света — сначала в тысячелетнюю годовщину Рождества, а затем и Воскресения Христа. Именно *реформированное монашество* становится во второй половине X — XI в. наиболее авторитетной силой христианского мира.

Особое влияние среди разнообразных монашеских движений уже к середине X в. приобрели *клюнийцы*. Монастырь Ключни в Бургундии был основан в 910 г. В отличие от других аббатств, Ключни с самого начала оказался вне сферы действия «права частной церкви». Его основатель, герцог Аквитании, на вечные времена отказался от своих прав на монастырь, передав его под покровительство римского папы, что обеспечивало и независимость от епископа диоцеза. Освобождение монашества от влияния извне, будь то со стороны епископа или светского сеньора, стало основой клюнийской программы реформы. Это не означало, что клюнийцы добивались отмены «права частной церкви». Напротив, они сами пользовались этим правом для осуществления реформы монастырей, получая их в дар во спасение души, покупая или вступая с сеньором в совместное владение. Ключницы направляли свои усилия прежде всего на устранение тех очевидных нарушений бенедиктинского устава, которые были вызваны обмирщением монастырей в конце IX — X в. Не случайно для своих одеяний клюнийцы избрали черный цвет, символизировавший отказ от всего мирского. Основной задачей монашества представлялась молитва за мирян перед Богом, соединение с ним в молитвенном созерцании. Месса в Ключни в течение дня не прекращалась ни на секунду и отличалась особенной торжественностью.

Постепенно вокруг Ключни складывается мощное объединение монастырей, главой которого являлся сам аббат Ключни, а основной монашеской жизни — *ключнийский обычай*, дополнявший устав св. Бенедикта. Ключни подчинялись сотни монастырей по всей Европе. Особую роль сыграли ключнийцы в христианских государствах Испании, где они содействовали вытеснению мосарабских богослужебных традиций римскими и утверждению авторитета папы. Ключнийское объединение не ограничивалось сферой политических интересов того или иного сеньора, как, скажем, объединение монастырей Каролингской империи вокруг правящей династии (см. гл. 7). Ключнийские монастыри были выведены из-под власти местных епископов. Аббат Ключни, позднее получивший из Рима знаки епископского сана, являлся как бы епископом подчиненной ему «ключнийской церкви». Свободные от власти сеньоров и епископов ключнийские монастыри образовывали своего рода суверенное монашеское государство, главу которого современники нередко называли «королем».

В X — начале XI в. попытки реформировать монашество предпринимаются и в германской империи. Но если ключнийское движение развивалось снизу, по инициативе отдельных подвижников из числа самих монахов, то в Германии главным поборником реформы выступал император. Так, например, Генриха III (1039—1056), а не какого-либо аббата, современники называли «правителем монахов». Реформаторские устремления германских императоров были направлены на укрепление системы имперской церкви. Продолжая традиции Каролингов и рассматривая свою власть как сакральную, императоры претендовали на роль защитников церкви и истинного благочестия. Бороться со всевозможными церковными настроениями, по их мнению, входило в обязанности помазанника Божьего.

Именно эти соображения побудили Генриха III и его окружение выступить с идеей церковной реформы, выходящей за пределы одного лишь монашества. Оздоровление церкви Генрих III решил начать с Рима, положив конец власти римской аристократии над Апостольским престолом. В 1046 г. он низложил сразу трех пап, избранных различными группировками римского духовенства и нобилей. После чего сам назначил папой немецкого епископа, сторонника реформы. Период с 1046 по 1058 г. называют *эпохой немецкого папства*. В эти годы римскую церковь возглавляли папы немецкого происхождения, опиравшиеся в деле реформы церкви на императора. Целью реформы было в первую очередь запрещение симонии и браков клириков. Именно в середине XI в. в западной церкви в целом утверждается обет безбрачия (целибат)

для клира. Целибат обеспечивал неотчуждаемость церковного имущества и способствовал росту экономического могущества церкви в последующие столетия.

Контакты папства с епископствами и монастырями Западной Европы упрочились и стали более интенсивными. Началось создание и особых механизмов осуществления папской власти над церковью. Эти усилия связаны в первую очередь с понтификатом Льва IX (1049—1054). Лев IX провел реорганизацию папской канцелярии, которая вскоре получила название *римской курии*. Наряду со значительным штатом писцов и нотариев, позволявшим папству вести обширную переписку, в нее вошли ближайшие советники Льва IX из числа реформаторов церкви. Эти советники образовали *коллегию кардиналов*. Кардиналами ранее называли римских клириков, а также епископов семи ближайших к Риму кафедр; в их обязанности входило главным образом участие в папском богослужении. Однако теперь Лев IX рассматривал кардиналов как опору папства в управлении церковью и проведении реформы. В коллегию кардиналов вошли клирики из разных стран, олицетворяя, таким образом, универсальный (вселенский) характер папской власти.

Раскол церкви. В 1054 г. произошел разрыв между папством и восточной церковью, положивший начало раздельному существованию двух церквей — *римско-католической* (греч.: вселенской) и *православной*. В действительности, церкви на латинском Западе и греческом Востоке уже давно развивались обособленно, а затяжные *схизмы*, то есть расколы единой церкви, случались и ранее. Во многом противостояние восточной и западной церквей определялось как различными представлениями о взаимоотношениях светской и духовной власти, так и соперничеством римского папы и константинопольского патриарха. Существенную роль в обострении взаимоотношений Рима и Константинополя играли политические факторы — такие, как возрождение Римской империи на Западе и борьба империи и папства против Византии на юге Италии в первой половине XI в. Вместе с тем, между латинской и греческой церквями к середине XI в. накопились и значительные различия в толковании христианского вероучения.

По-видимому, еще в борьбе с варварами-арианами, отстаивая полное равенство Христа Богу Отцу, на Западе к никейскому Символу веры стали добавлять *filioque* (лат.: «и от Сына»), утверждая таким образом исхождение Святого Духа не только от Бога Отца, но и от Сына. В конце VIII в. по инициативе Карла Великого это добавление было принято во Франкской империи, а в начале XI в. утверждено папством.

В первой половине XI в. на Западе окончательно оформилось учение о пресуществлении, то есть о способе пребывания тела и крови Христа в хлебе и вине, используемом в таинстве евхаристии. Если на Востоке полагали, что тело и кровь присутствуют в хлебе и вине лишь духовно, то на Западе укрепилось мнение, согласно которому при отправлении таинства хлеб и вино превращаются в подлинную кровь и плоть Спасителя, которые верующие, по словам одного из теологов, буквально «пережевывают зубами». На основании учения о пресуществлении в XIII в. было обосновано и различие между причастием мирян и духовенства, также углубившее догматические противоречия, разделявшие католическую и православную церковь. Если в хлебе и вине присутствует подлинная кровь и плоть Христа, иными словами сам Христос, то и в хлебе отдельно и в вине отдельно наличествует весь Спаситель сразу. Католические теологи сочли поэтому возможным причащать мирян одним хлебом, священников же — по-прежнему хлебом и вином.

К этим противоречиям добавилось впоследствии и расхождение в представлениях о загробном мире. Основываясь на Священном Писании, греческие богословы продолжали представлять потусторонний мир двухчастным, состоящим из рая и ада. Однако еще в раннем Средневековье у некоторых латинских авторов упоминалось об «очистительном огне», временном испытании, очищающем душу, не завершившую при жизни покаяния, перед вступлением ее в Рай. В начале XIII в. папство утвердило догмат о чистилище как особом, третьем «отсеке» загробного мира. Принимая догмат, папство старалось усилить влияние католического клира в обществе, утвердить идею о спасительной роли церкви, способной молитвами избавлять души усопших от страданий в чистилище.

Несмотря на углубление теологических расхождений, современники не воспринимали раскол 1054 г. как окончательный. Схизма стала реальностью лишь после разгрома крестоносцами Константинополя в 1204 г. Папа Иннокентий III (1198—1216) признавал, что после бесчинств в константинопольских церквях греки видят в латинянах лишь «творения порока и тьмы» и «справедливо сторонятся их будто псов». Вместе с тем, попытки заключения унии между католической и православной церквями предпринимались и позднее. Такие унии, фактически подчинявшие папе церковь ослабшей Византийской империи, были подписаны на II Лионском (1274) и Ферраро-Флорентийском (1439) соборах. Однако в целом они были впоследствии отвергнуты православной церковью, получив признание лишь в ряде так называемых *униатских церквей* Восточной Европы.

Григорианская реформа. В конце 50-х гг. XI в. в кругах римских реформаторов зарождается идея более глубокого обновления церкви и прежде всего освобождения ее от власти светских правителей. Этому предшествовал анализ неудач реформаторов в борьбе с симонией. Подлинные корни симонии виделись теперь в нарушении канонической, то есть утвержденной соборами, процедуры избрания священнослужителей. Согласно каноническому праву, кандидатуру на вакантную духовную должность предлагает вышестоящий иерарх церкви (епископ или архиепископ), затем претендента избирает «клир и народ». Однако вовлечение церкви в вассально-ленные отношения привело к тому, что духовные должности стали распределяться государями и сеньорами. В глазах мирян они были не более, чем доходными местами, поэтому и торговля ими приняла столь крупные масштабы. Главное бедствие для церкви, по мнению реформаторов, заключалось в узурпированном мирянами *праве инвеституры*, то есть введения духовного лица в должность, а также в «праве частной церкви». Сторонники реформы стремились оградить церковь от всякого подчинения мирянам, восстановить каноническую процедуру выборов. Это требование было воплощено в декрете, подписанном папой Николаем II в 1059 г. Согласно этому декрету, выборы папы стали исключительной прерогативой коллегии кардиналов. Затем новый папа формально утверждался римским клиром и народом. Императора при этом причисляли к «народу», отрицая за ним какие-либо особые права.

Непримиримая борьба против светской инвеституры началась в 1076 г. в понтификат Григория VII (1073—1085). Характеризуя упорство и ярость Григория, проявленные в борьбе с церковными нестроениями, один из современников назвал его «святым сатаной». Григорий VII принял ряд мер, направленных на полное освобождение церкви от власти мирян, подчинение ее папе и восстановление действия канонического права. Они получили в историографии название «григорианской реформы». Ее принципы отстаивали и преемники Григория в конце XI — начале XII в. Именно тогда было запрещено «право частной церкви».

Однако полностью исключить церковь из системы вассально-ленных отношений папству не удалось. Компромиссное решение было найдено в конце XI в. известным теологом Иво Шартрским, обозначившим различие между духовным и светским компонентом во власти прелата. Светские сеньоры сохраняли право инвеституры лишь применительно к светским прерогативам епископа, то есть вводили его во владение пожалованными землями, тогда как непосредственно духовный сан переходил в акте церковной инвеституры. В начале XII в. это компромиссное решение было

утверждено французским королем, затем английским и, наконец, в 1122 г. германским императором. В XII в. компромисс был найден и в отношении «права частной церкви». Сеньору позволялось осуществлять *патронат* (покровительство) над основанным им приходом или монастырем, контролировать его имущество и выборы предстоятеля. Однако в Скандинавских странах право светской инвеституры и «частной церкви» почти в полном объеме сохранялось и позднее, вплоть до XIII в.

Итогом григорианской реформы стало существенное ослабление зависимости церкви от светских сеньоров и ее консолидация в вертикальную иерархическую структуру во главе с римским папой, назначавшим архиепископов. Вскоре папство запретило монархам взимать и какие-либо налоги с церкви, рассматриваемой теперь как государство в государствах и обязанной отныне лишь вносить ежегодный налог папе — *аннату* и другие отчисления.

Установление папской теократии. Григорий VII и его преемники в ходе борьбы за инвеституру выработали концепцию папского универсализма, или папской теократии, противостоявшую идее универсальной светской империи. Наиболее полно основные ее положения изложены в так называемом «*Dictatus papae*» (продиктованное папой), документе, приписываемом Григорию VII. В нем утверждается, что папство обладает по праву как высшей духовной, так и высшей светской властью. Новая доктрина папства основывалась на «Константиновом даре», а также на обширном комплексе фальшивок — «*Лжеисидоровых декреталиях*», который возник еще в IX в. во Франкском королевстве и приписывался св. Исидору Севильскому (ум. в 636 г.).

Папы эпохи григорианской реформы являлись выходцами из реформированного монашества. Поэтому в концепции папской теократии отразилось прежде всего монашеское мирозерцание, согласно которому мир является лишь царством порока и алчности; только святая церковь, которая также представлялась монашеской, способна спасти его от гибели. Все светские государи должны быть слугами наместника Бога на земле — римского папы, в то же время получившего от Константина Великого и высшую светскую власть на Западе. В противном случае они превращаются в слуг Антихриста, и долг папы отлучить их от церкви, а вверенный им народ призвать к восстанию. Во второй половине XII — XIII в. к руководству римской курии пришли юристы, нередко занимавшие и папский престол. Они в целом закрепили и развили теоретические рассуждения пап-монахов в каноническом праве. Вершиной папской теократии считается понтификат Иннокентия III (1198—1216). Именно он официально утвердил за папой титул *викария Христа*.

В XII—XIII вв. папство находилось в зените своего могущества. Оно сумело организовать крестоносное движение, добилося от многих европейских монархов принесения вассальной присяги, уплаты регулярной подати Апостольскому престолу («денарий св. Петра»), активно вмешивалось во внутренние дела всех христианских государств. Мощным оружием в руках папства стали *отлучение от церкви и интердикт* (запрет отправления таинств и других церковных обрядов), широко применявшиеся в отношении непокорных государей. Если же эти средства не действовали, то папа, используя противоречия между европейскими государствами, мог провозгласить крестовый поход против ослушника. Наградой за эту услугу являлась корона завоеванного королевства. Постоянно действовал институт папских легатов на местах, которые контролировали не только церковь, но во многом и светские власти.

Канонисты, опираясь на закрепленные в церковном праве прецеденты, разработали *теорию о непогрешимости пап*, о том, что именно папы выносят окончательные решения по вопросам догматики и церковной дисциплины. Такие решения оформлялись в виде декреталий (указов) папы, не требовавших одобрения церкви. Декреталии составили важнейший раздел канонического права и зачастую обладали большим авторитетом, чем постановления Вселенских соборов или Священное Писание.

Во многом усиление власти папы с конца XI в. основывалось на вере, что именно римский епископ, имеющий ключи от царства небесного, в состоянии обеспечить спасение, открыть дорогу в рай. Это, в частности, давало возможность папству предоставлять полное отпущение грехов — *индальгенцию* — сначала всем участникам Крестовых походов, а с конца XII в. и тем, кто хотя бы пожертвовал деньги на их организацию. Место в раю, таким образом, можно было купить за деньги, перечисленные римской курии. В XIII в. теологи разработали учение о «*сокровищнице церкви*» — неиссякаемом запасе благодати, накопленном благодаря усилиям святых и мучеников. Папа и иерархи церкви, принимающие от него свою власть, могут распоряжаться этой благодатью и выдавать индальгенцию за деньги или различные услуги всем мирянам вообще и даже умершим, находящимся в чистилище. На практике эта теория вела к обожествлению власти папы и церковной иерархии.

Цистерцианский орден. Движение регулярных каноников в XII в. К концу XI в. реформированные монастыри, прежде всего клунийские, уже были далеки от тех идеалов, за которые некогда боролись теоретики монашеской реформы. Но именно высокий моральный авторитет монашества эпохи реформ привел к невероятному обогащению монастырей. В разросшихся монастырях

все труднее было обрести уединение, особенно учитывая то, что громкая слава некоторых обителей нередко привлекала туда людей, пытавшихся продвинуться по социальной лестнице. Но роскошь, изнеженность многочисленной братии порождала и неприятие, стремление к первоначальной простоте бенедиктинского уклада жизни. Не случайно поэтому параллельно с усилением реформированных монастырей развиваются и те или иные формы отшельничества. Поначалу, в первой половине X в., к бегству от мира побуждали прежде всего пороки клира и епископата. Позднее отшельничество все больше становится реакцией на обозначившиеся изъяны в образе жизни большинства бенедиктинских аббатств, принявших реформу.

Так, в конце XI в. группа аскетически настроенных монахов покинула свой монастырь и удалилась в уединенное место Ситó (лат. Цистерций) в Бургундии. Эта обитель и дала позднее название ордену цистерцианцев. Орден являлся новой формой организации монашества. Цистерцианцы не реформировали старые монастыри, но закладывали новые, тем самым резко противопоставляя себя прежнему монашеству. Это противопоставление зримо отражали белые, «ангелические», одеяния цистерцианцев, контрастировавшие с черными одеждами, введенными в бенедиктинском монашестве клюнийцами. Новые монастыри образовывали замкнутую централизованную организацию — орден. В отличие от клюнийского объединения, главой которого являлся аббат Клуни, верховной властью в ордене цистерцианцев обладал не настоятель Сито, а *генеральный капитул* — ежегодное собрание всех аббатов цистерцианских монастырей. Их уклад полностью регулировали *статуты ордена*, утвержденные генеральным капитулом, тогда как клюнийский «обычай» был обычаем прежде всего самого Клуни и в других монастырях объединения наслаивался на местные монашеские традиции. Впоследствии по образцу цистерцианцев все монашество, включая и клюнийское, организуется в различные ордена, каждый из которых предписывал своим членам особый уклад жизни, те или иные виды деятельности, определенный цвет одежд и т.д.

Цистерцианцы, хотя и отталкивались от устава св. Бенедикта, во многом отошли от традиций, сложившихся в реформированных бенедиктинских монастырях. Они выбирали для основания своих обителей еще не обжитые человеком места. В задачи монахов входили, таким образом, расчистка лесов, осушение болот, обустройство монастырского хозяйства. Физический труд цистерцианцы считали основой монашеского служения. В отличие от прежнего бенедиктинского монашества, цистерцианцам не дозволялось жить чужим трудом, владеть деревнями, иметь зависимых

крестьян, вассалов из числа мирян. В результате цистерцианцы больше времени проводили в поле, на скотном дворе или в винограднике, чем в скриптории, школе или в храме за богослужением.

Орден цистерцианцев приобрел огромное влияние в Западной Европе в первой половине XII в., чему немало способствовала деятельность выдающегося идеолога цистерцианства св. Бернарда Клервоского (1090—1153). Благодаря проповедям св. Бернарда, благословившего создание духовно-рыцарских орденов, цистерцианцы нередко выступали проводниками насильственной христианизации, как было в языческой Прибалтике или арабской Испании. Идеалы уединения, бедности, физического труда не спасли и цистерцианские монастыри от постепенного обмирщения. Рачительные монахи, отводившие много времени интенсивному сельскохозяйственному труду, охотно внедрявшие различные технические новшества, активно включались в торговлю, обогащались. Очень скоро цистерцианцы переложили занятия физическим трудом на так называемых *конверсов* (обращенных), рекрутировавшихся из сельской бедноты. Конверсы, или «бородатые братья» (в отличие от монахов, которым надлежало бриться), принимали монашеский обет, но жили отдельно от основной братии. Обет послушания обязывал конверсов работать столь долго, сколь это было необходимо аббату. При этом за свой труд они, как члены цистерцианского ордена, получали одно лишь скудное пропитание.

XII век стал переломным в истории монашества. Все существовавшие к этому времени формы бенедиктинского монашества, включая и цистерцианцев, были укоренены в аграрной, негородской, части христианского мира. Город издавна представлялся монахам вертепом порока. К тому же города, во главе которых, как правило, стояли епископы, таили в себе угрозу подчинения монастырей епископату. Однако с ростом городов в Западной Европе в XI—XII вв., усилением их экономического, политического и духовного влияния, все сильнее стала ощущаться потребность в укреплении пастырского служения в городских общинах, сохранении монополии церкви в духовной жизни общества. Бенедиктинское монашество, исповедовавшее идеал ухода от мира, вряд ли могло стать надежной опорой церкви в новых условиях. В 20-е гг. XII в. папство отказывается от поддержки монастырей в их борьбе за автономию внутри церкви. Монастыри вновь переходят в подчинение епископов диоцеза, правда, сохраняя некоторую самостоятельность. Духовенство же, живущее в миру и занятое пастырским служением, возвращает себе ведущие позиции в церкви и во многом определяет политику папства.

В XII в. большого размаха достигло движение регулярных каноников — служителей по преимуществу соборных и приходских церквей городов, живших особыми общинами — *каноникатами*, в соответствии с определенным уставом (лат. *regula*). В начале XII в. происходит размежевание регулярных каноников с монашеством. В качестве устава каноники избрали не правило св. Бенедикта, а устав, приписываемый знаменитому отцу церкви св. Авгуστину. Поэтому их и стали называть *августинцами*. Устав св. Августина принимали практически все новые духовные ордена, включая монашеские, возникшие в XII—XIII вв. В основу этого устава легла особая мистическая категория христианского вероучения — любовь. Высшая любовь к Богу требовала жертвенной любви к ближнему, которая прежде всего выражалась в активной проповеднической деятельности в миру. Августинцы и другие ордена, принявшие устав св. Августина, чувствовали свою ответственность за спасение всех христианских душ и потому им был чужд идеал монашеского уединения во имя личного спасения, характерный для бенедиктинства.

Ереси второй половины XII — XIII в. Учреждение инквизиции. Исследователи выделяют XII в. в истории Западной Европы в связи с глубокими переменами в массовом религиозном сознании. Иногда говорят даже о *внутренней христианизации* Европы в XII в., противопоставляя ее внешнему, формальному утверждению христианства в предшествующие столетия. Ранее христианство воспринималось по преимуществу как религия сильного Бога, способного, по выполнению верующим определенного набора сакральных действий, защитить от сил зла, обеспечить земное и загробное благополучие. Элементы этого понимания христианства сохранялись и позднее, но в XII в. представители самых широких слоев населения обращаются к поискам интимного, индивидуального пути к Богу, часто отвергая привычные формы общения с потусторонним миром, предлагаемые церковью. Пробуждается интерес к Священному Писанию, миряне стремятся познакомиться с ним не через посредство клира, знающего латынь, а самостоятельно. Библия начинает переводиться на народные языки, а ее положения своеобразно переплавляются в сознании мирян. Массовый религиозный подъем породил и беспрецедентное множество различных еретических учений во второй половине XII — XIII в. Удобную почву они находили в городах, население которых в силу сравнительно высокого уровня грамотности было наиболее восприимчиво ко всякого рода духовным исканиям.

Крупнейшими еретическими движениями, оформившимися во второй половине XII — XIII в., явились ереси *вальденсов* и *катаров*. Первоначально они возникли в городах юга Франции и оттуда распространились по всей Европе. В них нашли отражение также и острые социальные конфликты эпохи, вызванные интенсивным развитием товарно-денежных отношений и растущей поляризацией городского общества. Определенное влияние на программу еретиков оказало коммунальное движение, направленное против городских сеньоров, которыми нередко являлись епископы. Наконец, антиепископская и в целом антицерковная направленность учения и деятельности вальденсов и катаров была реакцией на рост светской власти и финансового могущества церкви в эпоху папской теократии. Знакомство с Евангелием, переведенным на народное наречие, приводило к выводу, что богатая католическая церковь давно забыла заветы святой бедности и служит не Христу, но мамоне (т.е. земным благам).

Основатель ереси вальденсов, давший ей имя преуспевающий лионский купец Пьер Вальдо, отказался от принадлежавшего ему имущества, чтобы жить в бедности и подобно апостолам бродить по дорогам, проповедуя Евангелие и призывая народ к покаянию. Позднее вальденсы сформулировали тезис о том, что развращенная богатством римская церковь потеряла святость и отправляемые ею таинства не имеют силы. Поэтому вальденсы считали, что право совершать таинства имеет не тот, кто получил священнический сан, а любой мирянин, который, согласно заповедям Христа, ведет нищенский образ жизни, лишен постоянного пристанища и порою даже крыши над головой.

Значительно дальше в осуждении католической церкви пошли катары. На их учение определенное воздействие оказала дуалистическая ересь богомилов, возникшая в X в. в Болгарии. Богатую и могущественную католическую церковь катары объявляли творением сатаны. А крест, которому поклоняются католики, они считали символом материального злого мира, его страданий и пороков. Этой «грязной» церкви катары противопоставляли свою «чистую» церковь (катары — от греч. «чистый»), основанную на принципах суровой аскезы и нестяжательства и служащую истинному Богу. Особенного успеха церковь катаров достигла в районе между Тулузой и Альби, где к ней примкнули не только широкие слои горожан, но и представители среднего и высшего, титулованного, дворянства. По названию одного из центров катаров — города Альби — их стали именовать *альбигийцами*.

Распространение еретических движений во многих странах Западной Европы, их массовый характер, более или менее четкие

организационные формы заставили католическую церковь прибегнуть к чрезвычайным мерам, например, таким, как провозглашение крестового похода против альбигойцев в начале XIII в. (см. гл. 10) и учреждение системы папской инквизиции в 30-е гг. XIII в. Преследование еретиков велось и ранее, но оно оказалось малоэффективным. Теперь же во всех епископствах вводилась особая должность *папского инквизитора*, которому надлежало единолично вести следствие (лат. *inquisitio*) по всем делам, относящимся к ереси, вплоть до вынесения окончательного приговора. Решение папского инквизитора обязаны были неукоснительно выполнять как местные епископы, так и светские власти, которым еретик и передавался для исполнения приговора. Обычным наказанием по обвинению инквизиции стало сожжение на костре (порт. *аутодафе* — акт веры), якобы очищающее еретиков от их заблуждений.

Нищенствующие ордена. Папство в борьбе с ересями не ограничилось одними лишь карательными мерами, понимая, что еретические движения выражали тягу широких слоев населения к обновленной, бедной, церкви и во многом были обусловлены неэффективностью проповеднической деятельности католического клира. Так, папа Иннокентий III исходил из необходимости подчинить движение за святую бедность, «приручить» его и использовать затем для укрепления авторитета всего духовенства в глазах паствы. Он и его преемники утвердили создание нищенствующих орденов, первыми и важнейшими из которых явились *доминиканцы* и *францисканцы*, появившиеся в начале XIII в.

Нищенствующие ордена воплощали новые воззрения на монашескую аскезу, отчасти восходящие к идеалам регулярных каноников, отчасти сформировавшиеся под влиянием еретических и иных массовых религиозных движений второй половины XII — начала XIII в. В основе организации нищенствующих орденов лежало представление об апостольской жизни, т.е. стремление во всем следовать примеру апостолов Христа, несших его учение в мир. Бенедиктинскому идеалу аскета-отшельника, затворившегося в монастыре, они противопоставляли идеал странствующего по миру аскета-проповедника. Нищенствующие монахи с самого начала сосредоточились на проповеднической деятельности в городах, «заботе о душах», а также на миссионерстве. Чрезвычайно быстро распространившись во всех странах Западной Европы, они уже в XIII—XIV вв. устремились за ее пределы — в Палестину, Египет, Закавказье, Крым, державу монголов в Центральной Азии, достигнув даже Китая.

Однако организация проповеди в нищенствующих орденах существенно отличалась от практиковавшейся в церкви, в том числе

и регулярными канониками. Она использовала опыт катаров и вальденсов. Проповедник не ждал, когда к нему, в церковь, соберется паства, но сам искал ее, шел к людям, «пешком без золота и серебра, словом, во всем подражая апостолам». Нищенствующие монахи проповедовали тишету всего мирского уже самым своим обликом: они скорее напоминали нищих странников, чем монахов и священников. Бедность, таким образом, являлась наряду с проповедью другой важной стороной представления об апостольской жизни. Некогда уже цистерцианцы стремились воплотить идеал бедности, однако нищенствующие монахи пошли еще дальше. Им поначалу не только запрещалось владеть каким-либо имуществом, но и предписывалось жить исключительно за счет милостыни, нищенства. Несмотря на ряд общих черт, важнейшие из нищенствующих орденов — доминиканский и францисканский — имели свою ярко выраженную специфику, обусловленную обстоятельствами их возникновения. На всей последующей истории этих орденов лежал глубокий отпечаток личности их создателей — св. Доминика и св. Франциска.

Св. Доминик (ум. в 1221 г.), испанский каноник-августинец, в начале XIII в. оказался на юге Франции, охваченном ересью альбигойцев. Свою задачу он видел в первую очередь в организации эффективной проповеди во имя сохранения целостности католической церкви. Официальное название доминиканцев, выражающее специфику ордена, — *братья проповедники*. Но чтобы проповедовать верное учение, следовало подготовить грамотных пастырей, во всех тонкостях постигших ортодоксальную католическую теологию. Поэтому с самого начала другим важнейшим направлением деятельности доминиканцев было углубленное изучение теологии. Не случайно центрами ордена стали Париж и Болонья — два крупнейших университетских города средневековой Европы. Доминиканцы создали разветвленную сеть теологического преподавания, включавшего также изучение различных языков, необходимых теологу и проповеднику. Вскоре именно доминиканцы во многом определяли, что есть истинное христианское учение. Св. Фома Аквинский (ум. в 1274 г.) — крупнейший авторитет католического богословия, принадлежал к ордену св. Доминика. Не случайно также, что большинство инквизиторов назначалось из числа доминиканцев, хотя в ряде регионов Европы инквизиция была передана и ордену францисканцев.

Св. Франциск (ум. в 1226 г.) был сыном богатого купца из итальянского города Ассизи, но еще в юности отказался от семьи, наследства и всех земных благ с тем, чтобы принадлежать одному Богу. Но так же, как Христос, который «умер за всех»,

Франциск отверг монашеское уединение, «зная, что послан Богом для того, чтобы приобрести Ему души». Франциска, в отличие от Доминика, заботившегося о борьбе с ересями и целостности церкви, побуждала к проповеди прежде всего любовь и сострадание к ближнему. Франциск обращался со словами Евангелия не только к людям, но и к птицам, змеям, волкам, видя во всякой природе Бога. Краеугольным камнем учения Франциска была «госпожа бедность», понимаемая как высшая степень смирения. Смирение, самоуничтожение характерны и для его последователей, официально именовавшихся *миноритами*, т.е. меньшими братьями. Франциск не только запрещал искать даже минимальных удобств для себя, предписывал носить рубище, препоясанное веревкой, но и книги разрешал иметь только грамотным братьям, да и то исключительно богослужебные. Франциск вообще неохотно позволял занятия теологией, опасаясь, как бы чрезмерное мудрствование «не погасило дух молитвы и благочестия». Со временем, однако, и францисканцы создали свою систему теологического образования. Уже в XIII в. от доминиканской теологии учение францисканских богословов отличала большая чувственность, эмоциональность.

С развитием нищенствующих орденов и превращением их в многочисленные и разветвленные монашеские организации все острее вставала проблема сохранения первоначального идеала бедности. Доминиканцы, которым с самого начала для занятий теологией необходимы были отдельные кельи, обширные библиотеки, значительные финансовые ресурсы, быстро согласились со смягчением требований нестяжательства. А первые постоянные обители были созданы еще св. Домиником. Напротив, у францисканцев попытки корректировать учение о «госпоже бедности» вызвали во второй половине XIII в. раскол ордена на сторонников строгого соблюдения заветов Франциска — *спиритуалов* — и тех, кто осуждал чрезмерное увлечение бедностью, выступал за развитие больших монастырских общин (конвентов) — *конвентуалов*. Однако эти конвенты, как и прочее имущество ордена, находились лишь в пользовании миноритов, тогда как правом собственности обладал Апостольский престол. Важным отличием конвентов доминиканцев и францисканцев от существовавших ранее монастырей была их открытость городу и церкви. Эти конвенты часто служили временным пристанищем братьев, которые охотно шли проповедовать Евангелие на людных перекрестках, базарных площадях, постоянных дворах или отправлялись в отдаленные страны.

«Авиньонское пленение» пап. К концу XIII в. папство, ранее успешно противостоявшее универсалистским притязаниям императоров, столкнулось с новой мощной силой — зарождающимися централизованными монархиями. Конфликт разгорелся с французским королем Филиппом IV, который без разрешения папы обложил налогом французское духовенство. Тем самым Филипп IV продемонстрировал, что французская церковь является неотъемлемой частью его королевства и впредь королю решать, в какой степени она будет подчиняться папе (см. гл. 10). Папа Бонифаций VIII уже готов был отлучить Филиппа IV от церкви, когда в его резиденцию в Ананьи ворвались люди французского короля. Один из них, согласно легенде, нанес пощечину папе железной рукавицей. Не перенеся унижения, Бонифаций вскоре скончался. С пощечины в Ананьи в 1303 г. началась эпоха ослабления папства, оказавшегося под контролем Франции. Избранный на папский престол французский епископ, опасаясь оппозиции итальянского духовенства, предпочел остаться во Франции. В 1309—1377 гг. резиденция пап находилась на юге Франции, в Авиньоне.

Авиньон имел некоторые неоспоримые преимущества перед Римом. Здесь отсутствовали влиятельные кланы знати, которые могли бы воздействовать на выборы и политику пап. Начиная с периода борьбы за инвеституру папы нередко в целях безопасности покидали Рим, что затрудняло создание постоянного аппарата управления. Да и материальные возможности курии были не всегда достаточными для проведения самостоятельной международной политики. В Авиньоне папы впервые смогли создать постоянно действующее и эффективное финансовое ведомство. Папы использовали всякую возможность для получения с церкви и отдельных прелатов различных отчислений, открыто торговали доходными церковными должностями, использовали на личные нужды деньги, собранные для очередного крестового похода. Впервые именно авиньонские папы перешли к широкой торговле индульгенциями.

Откровенно фискальная политика авиньонских пап порождала недовольство как в церкви, так и среди мирян. Не случайно в эти годы особенно радикальные формы принимает движение францисканцев-спиритуалов, мечтавших об «ангелическом», не вовлеченном в мирские дела, папстве. Их настойчивая проповедь святой бедности вызвала уже в конце XIII в. репрессии со стороны Рима. Теперь же папа Иоанн XXII (1316—1334) отлучил спиритуалов от церкви и объявил ересью учение о том, что Христос и его апостолы не обладали имуществом.

Кроме того, профранцузские настроения папства вызвали в других странах, особенно с началом Столетней войны, сильное движение за независимость национальных церквей. С началом XIV в. впервые зарождается и теория о необходимости отделения церкви от государства. Ее выразителями стали сторонники империи, Уильям Оккам, Марсилиус Падуанский, Данте, в трактатах которых разворачивалась критика теократической доктрины папства. В Англии большой популярностью пользовались воззрения Джона Виклифа, считавшего, что католическая церковь и папа лишь отдаляют человека от подлинного христианства, заключенного в Евангелии. Сочинения Виклифа распространились по всей Европе. Его активным последователем стал магистр Пражского университета Ян Гус, также выступавший за реформу церкви.

Великая схизма и соборное движение. Дальнейшему падению авторитета папства способствовала великая схизма — раскол церкви в 1378—1417 гг. Воспользовавшись ослаблением Франции в Столетней войне, папа Григорий XI в 1377 г. вернул свою резиденцию из Авиньона в Рим. Однако после его смерти в 1378 г. коллегия кардиналов, состоявшая из французов и итальянцев, раскололась: итальянские кардиналы выбрали папу — итальянца, а французские кардиналы, утверждая, что эти выборы проведены с нарушением правил, — француза. Последний вскоре перебрался в Авиньон. Каждый из двух пап, доказывая, что именно он является законным, а другой — узурпатором, стал рассылать письма епископам, аббатам, монархам, князьям, университетам с требованием поддержки. Вскоре вся Европа разделилась на враждующие партии. Чтобы положить конец схизме, было решено созвать собор с участием прелатов из всех стран Европы, профессоров университетов, теологов, юристов, представителей монархов. Такой собор состоялся в 1409 г. в Пизе. Он низложил обоих пап и избрал нового. Но низложенные папы не признали решения собора. В результате раскол только углубился: в Европе было теперь три папы.

Неудача Пизанского собора способствовала оформлению в Западной Европе соборного движения. Его сторонники утверждали, что папа не является абсолютным главой христианского мира, не может он являться и непогрешимым. «То, что касается всех, должно быть одобрено всеми», и лишь вся церковь в целом, представляемая Вселенским собором, непогрешима. Соборное движение, однако, было неоднородным как по составу, так и по характеру выдвигаемых требований. Европейские монархи, от поддержки которых в основном и зависело признание того или иного папы законным, стремились прежде всего ограничить власть папства над национальными церквями. Для кардиналов и римской курии

падение авторитета папства предоставляло удобную возможность укрепить собственное положение в управлении церковью. Более широкие круги духовенства и мирян возлагали на Вселенский собор надежду на осуществление глубоких реформ церкви, на которые папство, казалось, уже не было способно. В 1414—1418 гг., наконец, удалось созвать такой собор в Кónстанце, который в 1417 г. избрал папу, получившего всеобщее признание. Кónстанцкий собор принял решение о подчинении папы власти соборов и о регулярном их созыве.

Однако уже следующий собор в Базеле в 1431—1449 гг. фактически привел к новой схизме: законному папе Евгению IV (1431—1447), недовольному дальнейшим наступлением на прерогативы Рима, был противопоставлен «соборный» папа. Евгений IV, в свою очередь, созвал новый собор, известный под именем Ферраро-Флорентийского (1438—1445). Перспектива возобновления схизмы не устраивала как многих иерархов церкви, так и светских государей. Последних вполне удовлетворили базельские постановления об ограничении власти папы над национальными церквями, в целом санкционированные Евгением IV. Эти постановления открывали путь к законодательному оформлению национальных церквей в ряде государств Западной Европы. Вместе с тем, важной дипломатической победой Евгения IV стало заключение на Ферраро-Флорентийском соборе в 1439 г. унии с греческой церковью. В Византии надеялись посредством унии получить помощь в борьбе с турками. Признание же православной церковью верховенства папы упрочило позиции Рима в самой Западной Европе. В результате Базельский собор потерял поддержку как большинства в церкви, так и многих светских монархов.

Соборное движение, таким образом, потерпело поражение, а единовластие папы в церкви было восстановлено. Вместе с тем, Риму так и не удалось вернуть себе прежнюю власть над церквями в Англии, Франции, Испании, ряде немецких княжеств. Обособленный статус приобрела церковь в Чехии. Кónстанцкий собор признал еретическими учения Виклифа и его последователя Яна Гуса. Вызванного на собор Яна Гуса осудили и сожгли (1415). Однако его имя стало знаменем мощного социального и национального движения, охватившего с 1419 г. Чешское королевство. Все попытки императора, папы и князей разгромить гусизм потерпели поражение. Только в 1433 г. на Базельском соборе церковь вынуждена была пойти на компромисс с умеренным крылом гуситов — «чашиниками». Кризис завершился с разгромом чашиниками радикальных последователей Гуса — «таборитов» в 1434 г. Базельскими соглашениями санкционировалось появление в центре

Европы национальной чешской церкви, в которой, в отличие от римской, разрешалось «причащение под обоими видами» (т.е. хлебом и вином)¹.

Папство второй половины XV в. все более сосредотачивается на укреплении своей власти в Риме и патримонии св. Петра, фактически отказываясь от прежних притязаний на универсальное господство. По своему образу жизни и мирозерцанию папы этой эпохи более соответствовали типу ренессансного итальянского князя, лишь номинально сохранив титул викария Христа. Они привлекали в Рим многих прославленных художников и гуманистов, инициировали пышное строительство церквей и общественных зданий, собирали древности. Вместе с тем, отказ папства от проведения реформ церкви, светский образ жизни и сомнительные нравственные принципы многих наместников Христа вызвали растущее недовольство в странах Западной Европы, что создало благоприятные условия для распространения идей Реформации, в XVI в. приведшей к отпадению от Рима части Германии, отдельных кантонов Швейцарской конфедерации, Англии и Скандинавии.

¹ Подробно о гусизме см. в курсе истории южных и западных славян.

Глава 21

Средневековая культура Западной Европы V—XV вв.

Культура западноевропейского Средневековья охватывает более чем двенадцативековой отрезок чрезвычайно сложного пути, пройденного народами этого региона. В эту эпоху были существенно раздвинуты горизонты европейской культуры, сформировалось историко-культурное единство Европы при всей неоднородности процессов в отдельных ее частях, образовались нации и государства, сложились современные европейские языки, были созданы произведения, обогатившие историю мировой культуры, достигнуты значительные научные и технические успехи. Культура Средневековья — неотторжимая и закономерная часть общемирового культурного развития, обладающая в то же время своим глубоко самобытным содержанием и оригинальным обликом.

Начало формирования средневековой культуры. Раннее Средневековье иногда называют «темными веками», вкладывая в это понятие некий уничижительный оттенок. Упадок и варварство, в которые стремительно погружался Запад в конце V — VII в. в результате завоеваний и непрекращавшихся войн, противопоставлялись не только достижениям римской цивилизации, но и духовной жизни Византии, не пережившей столь трагического перелома при переходе от античности к Средневековью. Но именно в период раннего Средневековья решались кардинальные задачи, определившие будущее Европы. Первая и главнейшая из них — закладывание основ европейской цивилизации, ибо в древности не было «Европы» в современном понимании как некой культурно-исторической общности с единой судьбой в мировой истории. Она начала реально формироваться — этнически, политически, экономически и в культурном отношении — в раннем Средневековье как плод жизнедеятельности множества народов, населявших Европу издавна и вновь пришедших: греков, римлян, кельтов, германцев, славян и др.

Как ни парадоксально, но именно раннее Средневековье, не давшее достижений, сопоставимых с высотами античной культуры

или зрелого Средневековья, положило начало собственно европейской культурной истории, которая произросла на почве взаимодействия наследия распадавшейся цивилизации Римской империи, порожденного ею христианства, и, с другой стороны — племенных, народных культур варваров. Это был процесс мучительного синтеза, рождавшегося из слияния противоречивых, порой взаимоисключающих начал, поисков не только нового содержания, но и новых форм культуры, передачи эстафеты культурного развития его новым носителям.

Еще в поздней античности христианство стало той объединяющей оболочкой, которая смогла вместить самые разные взгляды, представления и настроения — от тонких теологических доктрин до языческих суеверий и варварских обрядов. В сущности, христианство времени перехода от античности к Средневековью являлось весьма восприимчивой (до определенных пределов) формой, отвечающей потребностям массового сознания эпохи. Это было одной из важнейших причин его постепенного усиления, поглощения им других идеологических и культурных явлений и соединения их в относительно унифицированную структуру. В этом отношении огромное значение имела деятельность отца церкви, крупнейшего теолога, епископа Гиппонского Аврелия Августина, многоплановое творчество которого, по существу, очертило границы духовного пространства Средних веков вплоть до XIII в., когда была создана теологическая система Фомы Аквинского. Августину принадлежит наиболее последовательное обоснование догмы о церкви, сыгравшей важную роль в становлении средневекового католицизма, христианской философии истории, развитой им в сочинении «О граде Божием», христианской психологии. Значительную ценность для средневековой культуры имели философские и педагогические сочинения Августина.

Для понимания генезиса средневековой культуры важно учитывать, что она прежде всего формировалась в регионе, где еще недавно находился центр мощной римской цивилизации, которая не могла исчезнуть одномоментно, в то время, когда продолжали еще существовать социальные отношения и институты, культура, порожденные ею, были живы люди, вскормленные ею.

Даже в самое тяжелое для Западной Европы время не пресеклась римская школьная традиция. Средневековье восприняло такой важнейший ее элемент, как система семи свободных искусств, делившихся на два уровня: нижний, начальный — тривиум, включавший грамматику, диалектику, риторику, и высший — квадривиум, в который входили арифметика, геометрия, музыка

и астрономия. Один из самых распространенных в Средние века учебников был создан африканским неоплатоником V в. Марцианом Капеллой. Это было его сочинение «О браке Филологии и Меркурия». Важнейшим средством культурной преемственности между античностью и Средневековьем был латинский язык, сохранивший свое значение как язык церкви и государственного делопроизводства, международного общения и культуры и послуживший основой сложившихся впоследствии романских языков.

Наиболее яркие явления в культуре конца V — первой половины VII в. связаны с усвоением античного наследия, которое стало питательной средой для оживления культурной жизни в остготской Италии и вестготской Испании.

Магистр оффиций (первый министр) остготского короля Теодориха Северин Боэций (ок. 480—525) входит в число наиболее почитаемых учителей Средневековья. Его трактаты об арифметике и музыке, сочинения по логике и теологии, переводы логических сочинений Аристотеля стали фундаментом средневековой системы образования и философии. Боэция нередко называют «отцом схоластики». Блестящая карьера Боэция внезапно прервалась: по ложному доносу он был брошен в тюрьму и затем казнен. Перед смертью он написал небольшое сочинение в стихах и прозе «Об утешении философией», которое стало одним из самых читаемых произведений Средних веков и Возрождения.

Идея соединения христианской теологии и риторической культуры определила направление деятельности квестора (секретаря) и магистра оффиций остготских королей Флавия Кассиодора (ок. 490 — ок. 585). Он вынашивал планы создания первого университета на Западе, которым, однако, не суждено было сбыться. Его перу принадлежат «Варии», уникальный сборник документов, деловой и дипломатической переписки, ставший на много веков образцом латинской стилистики. На юге Италии в своем поместье Кассиодор основал обитель Виварий — культурный центр, объединивший школу, мастерскую по переписке книг (*скрипторий*), библиотеку. Виварий стал образцом для бенедиктинских монастырей, которые начиная со второй половины VI в. превращаются в хранителей культурной традиции на Западе вплоть до эпохи развитого Средневековья. Среди них наибольшей известностью пользовался монастырь Монте Кассино в Италии.

Вестготская Испания выдвинула Исидора Севильского (ок. 570—636), за которым закрепилась слава первого средневекового энциклопедиста. Его главное произведение «Этимологии» в 20 книгах — свод того, что сохранилось от античного знания.

Но восприятие античного наследия не осуществлялось беспрепятственно и в широких масштабах. Преемственность в культуре того времени не была и не могла быть полным усвоением достижений классической античности. Борьба шла за то, чтобы сберечь лишь незначительную уцелевшую часть культурных ценностей и знаний предшествующей эпохи. Но и это было чрезвычайно важно для становления средневековой культуры, ибо сохраненное составило важную часть ее фундамента и таило в себе возможности творческого развития, которые и были реализованы позднее.

В конце VI — начале VII в. против идеи допущения языческой мудрости в мир христианской духовной жизни резко выступил папа Григорий Великий (590—604), осуждавший суетное мирское знание. Его позиция на несколько веков восторжествовала в духовной жизни Западной Европы, да и впоследствии находила приверженцев среди деятелей церкви до конца Средневековья. С именем папы Григория I связано развитие латинской агиографической литературы, как нельзя лучше отвечавшей запросам массового сознания людей раннего Средневековья. Жития святых надолго становятся излюбленным жанром в эти столетия социальных потрясений, голода, бедствий и войн, а святой — новым героем жаждущего чуда, измученного страшной реальностью человека.

Со второй половины VII в. культурная жизнь в Западной Европе приходит в полный упадок, она едва теплится в монастырях, несколько интенсивнее — в Ирландии, откуда на континент «исходили» учителя-монахи (см. гл. 7).

Крайне скудные данные источников не позволяют воссоздать сколько-нибудь полную картину культурной жизни варварских племен, стоявших у истоков средневековой цивилизации в Европе. Однако общепризнано, что ко времени Великого переселения народов, к первым векам Средневековья относится начало складывания героического эпоса народов Западной и Северной Европы (древненемецкого, скандинавского, англосаксонского, ирландского), который заменял им историю.

Варвары раннего Средневековья принесли своеобразное видение и ощущение мира, еще исполненное первобытной мощи, питаемой родовыми связями человека и общности, к которой он принадлежал, воинственной энергии, чувства неотделенности от природы, нерасчлененности мира людей и богов.

Необузданная и мрачноватая фантазия германцев и кельтов населяла леса, холмы и реки злыми карликами, чудовищами-оборотнями, драконами и феями. Боги и люди-герои ведут постоянную борьбу со злыми силами. В то же время боги — могучие чародеи, волшебники. Эти представления нашли отражение и в причудли-

вых орнаментах варварского звериного стиля в искусстве, в котором фигуры животных утрачивали цельность и определенность, как бы «перетекая» одна в другую в произвольных комбинациях узора и превращаясь в своеобразные магические символы. Но боги варварской мифологии — это олицетворение не только природных, но уже и социальных сил. Глава германского пантеона Вóтан (Один) — бог бури, вихря, но он и вождь-воитель, стоящий во главе героического небесного воинства. К нему в светлую Валгаллу устремляются души павших на поле брани германцев, чтобы быть принятыми в Вотанову дружину. При христианизации варваров их боги не умирали, они трансформировались и сливались с культами местных святых или пополняли ряды бесов.

Германцы принесли с собой и систему нравственных ценностей, сформированных еще в недрах патриархально-родового общества, где особое значение придавалось идеалам верности, воинского мужества с сакральным отношением к военному предводителю, ритуалу. Для психологического склада германцев, кельтов и других варваров были характерны открытая эмоциональность, несдерживаемая интенсивность в выражении чувств. Все это также наложило отпечаток на формирующуюся средневековую культуру.

Раннее Средневековье — время роста самосознания варварских народов, вышедших на авансцену европейской истории. Именно тогда создаются первые письменные «истории», освещающие деяния не римлян, а варваров: «Гетика» историка готов Иордана (VI в.), «История франков» Григория Турского (вторая половина VI в.), «История о королях готов, вандалов и севов» Исидора Севильского (первая треть VII в.), «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного (конец VII — начало VIII в.), «История лангобардов» Павла Диакона (VIII в.).

Становление культуры раннего Средневековья представляло собой сложный процесс синтеза позднеантичной, христианской и варварской традиций. В этот период выкристаллизовывается определенный тип духовной жизни западноевропейского общества, главная роль в которой начинает принадлежать христианской религии и церкви.

Каролингское возрождение. Первые ощутимые плоды этого взаимодействия были получены в период Каролингского возрождения — подъема культурной жизни, происходившего при Карле Великом и его ближайших преемниках. Для Карла Великого политическим идеалом была империя Константина Великого. В культурно-идеологическом отношении он стремился к консолидации разноплеменного государства на основе христианской религии. Об этом свидетельствует тот факт, что реформы в культурной сфере были начаты с сопоставления различных списков Библии и уста-

новления ее единого канонического текста для всего Каролингского государства. Тогда же была осуществлена реформа литургии, установлено ее единообразие, соответствие римскому образцу.

Реформаторские устремления государя совпали с глубинными процессами, происходившими в обществе, которое нуждалось в расширении круга образованных людей, способных содействовать практическому осуществлению новых политических и социальных задач. Карл Великий, хотя сам, по свидетельству его биографа Эйнхарда, так и не смог научиться писать, постоянно заботился о развитии образования в государстве. Около 787 г. был издан «Капитулярый о науках», обязывающий создавать школы во всех епархиях, при каждом монастыре. В них должны были учиться не только клирики, но и дети мирян. Наряду с этим была проведена реформа письма, составлялись учебники по различным школьным дисциплинам.

Манускрипты каролингского времени украшались миниатюрами, очень разнообразными по стилю, — напоминающими эллинистическую традицию (Ахенское Евангелие), эмоционально насыщенными, выполненными почти в экспрессионистской манере (Евангелие Эбо), легкими и прозрачными (Утрехтская псалтырь).

Главным центром образованности стала придворная академия в Ахене. Сюда были приглашены наиболее образованные люди тогдашней Европы. Крупнейшим деятелем Каролингского возрождения стал выходец из Британии Алкуин. Он призывал не презирать «человеческие (т.е. небогословские) науки», обучать детей грамоте и философии, чтобы они могли достичь вершин мудрости. Большинство сочинений Алкуина написано в педагогических целях, их излюбленная форма — диалог учителя и ученика или двух учеников, он использовал загадки и отгадки, простые перифразы и сложные аллегории. В числе учеников Алкуина были выдающиеся деятели Каролингского возрождения, в частности, писатель-энциклопедист Рабан Мавр. При дворе Карла Великого сложилась своеобразная историческая школа, наиболее яркими представителями которой были Павел Диякон, автор «Истории лангобардов», и Эйнхард, составивший «Жизнеописание» Карла Великого.

После смерти Карла вдохновлявшееся им культурное движение быстро идет на спад, закрываются школы, постепенно угасают светские тенденции, культурная жизнь снова сосредоточивается в монастырях. В монастырских скрипториях были переписаны и сохранены для будущих поколений сочинения античных авторов, однако основным занятием ученых монахов была все-таки не античная литература, а богословие.

Совершенно особняком в культуре IX в. стоит выходец из Ирландии, один из крупнейших философов европейского Средневековья Иоанн Скот Эриугена. Опираясь на неоплатоновскую философию, в частности на сочинения византийского мыслителя Псевдо-Дионисия Ареопагита, он пришел к оригинальным пантеистическим выводам. От расправы его спасло то, что радикальность его взглядов не была понята современниками, мало интересовавшимися философией. Лишь в XIII в. взгляды Эриугены были осуждены как еретические.

IX век дал весьма интересные образцы монастырской религиозной поэзии. Светская линия в литературе представлена «историческими поэмами» и «славословиями» в честь королей, дружинной поэзией. В то время были сделаны первые записи германского фольклора и его переложения на латинский язык, послужившие затем основой составленного на латинском языке германского эпоса «Вальтарий».

В конце раннего Средневековья на севере Европы — в Исландии и Норвегии — расцветает не имеющая аналогов в мировой литературе поэзия скальдов, которые были не только поэтами и исполнителями одновременно, но еще и викингами, дружинниками. Их хвалебные, лирические или «злободневные» песни — необходимый элемент жизни двора конунга и его дружины.

Откликом на потребности массового сознания эпохи было распространение такой литературы, как жития святых и видения. Они несли на себе отпечаток народного сознания, массовой психологии, присущих им образного строя, системы представлений.

К X веку импульс, приданный культурной жизни Европы Каролингским возрождением, иссякает из-за непрекращающихся войн и междоусобиц, политического упадка государства. Наступает период «культурного безмолвия», продлившийся почти до конца века и сменившийся кратким временем подъема, так называемым Оттоновским возрождением. После него в культурной жизни Западной Европы уже не будет периодов столь глубокого упадка, как с середины VII в. до начала IX в. и на протяжении нескольких десятилетий в X в. XI—XIV века станут временем, когда средневековая культура обретет свои классические формы.

Мировоззрение. Теология, схоластика, мистика. Христианство являлось идейным стержнем культуры и всей духовной жизни Средних веков. Теология, или религиозная философия, стала высшей формой идеологии, предназначенной для элиты, образованных людей, в то время как для огромной массы неграмотных, для «простецов» идеология выступала прежде всего в виде «практической», культовой религии. Сплав теологии и других уровней

религиозного сознания создавал единый идеолого-психологический комплекс, охватывающий все слои феодального общества.

Средневековая философия, как и вся культура феодальной Западной Европы, еще с первых этапов своего развития обнаруживает тяготение к *универсализму*. Она формируется на базе латинской христианской мысли, вращающейся вокруг проблемы взаимосвязи Бога, мира и человека, обсуждавшейся еще в патристике — учениях отцов церкви II—VIII вв. Специфика средневекового сознания диктовала то, что ни один даже самый радикальный мыслитель объективно не отрицал и не мог отрицать примата духа над материей, Бога над миром. Однако трактовка проблемы соотношения веры и разума была отнюдь не однозначной. В XI в. аскет и богослов Петр Дамиани категорически заявлял, что разум ничтожен перед верой, философия может быть только «служанкой богословия». Ему противостоял Беренгарий Турский, защищавший человеческий разум и в своем рационализме доходивший до откровенных насмешек над церковью.

XI век — время рождения схоластики как широкого интеллектуального движения. Название это произведено от латинского слова *schola* (школа) и в прямом смысле означает «школьная философия», что скорее указывает на место ее рождения, чем на содержание. Схоластика — философия, вырастающая из теологии и неразрывно с ней связанная, но не тождественная ей. Сущность ее — осмысление догматических посылок христианства с рационалистических позиций и с помощью логического инструментария. Этим обусловлено то, что центральное место в схолистике заняла борьба вокруг проблемы *универсалий* — общих понятий. В ее интерпретации обозначились три основных направления: *реализм*, *номинализм* и *концептуализм*. Реалисты утверждали, что универсалии существуют извечно, пребывая в божественном разуме. Соединяясь с материей, они реализуются в конкретных вещах. Номиналисты же полагали, что общие понятия извлекаются разумом из постижения единичных, конкретных вещей. Промежуточную позицию занимали концептуалисты, рассматривавшие общие понятия как нечто, существующее в вещах. Этот, казалось бы, отвлеченный философский спор имел весьма конкретные выходы в богословие, и не случайно церковь осуждала номинализм, приводивший иногда к ереси, и поддерживала умеренный реализм.

XII столетие иногда называют веком «средневекового гуманизма», «средневековым ренессансом». Такие определения могут вызвать обоснованные возражения, но они фиксируют особое значение этого времени в духовной жизни и культуре западноевропейского Средневековья. Именно тогда происходит рост интереса к античному наследию, упрочение рационализма, возникает

европейская светская литература, в массовой религиозности происходит индивидуализация веры; зарождается особая культура поднимающихся городов. И все эти процессы пронизывает поиск человеческой личности.

В XII в. из противоборства различных направлений в схоластике выросло открытое сопротивление авторитету церкви. Его выразителем был Петр Абеляр (1079—1142), которого современники называли «самым блестящим умом своего века». Ученик номиналиста Росцелина Компьенского, Абеляр еще в юности разгромил в диспуте популярного тогда философа-реалиста Гильома из Шампо, не оставив камня на камне от его аргументов. Вокруг Абеляра стали собираться самые любознательные и самые дерзкие студенты, он прославился как блестящий педагог и непобедимый в философских диспутах оратор. Абеляр рационализировал отношение веры и разума, поставив обязательным предварительным условием веры понимание. В своем сочинении «Да и нет» Абеляр развил методы диалектики, чем значительно продвинул схоластику вперед. Абеляр был сторонником концептуализма. Однако хотя в философском смысле он не всегда делал самые радикальные выводы, его часто обуревало желание довести до логического конца истолкование христианских догматов, что приводило его иногда к еретическим утверждениям.

Противником Абеляра был Бернард Клервоский, стяжавший себе еще при жизни славу святого, один из наиболее ярких представителей средневековой мистики. В XII в. *мистицизм* получил широкое распространение, сделался мощным течением в рамках схоластики. В нем выражалось экзальтированное тяготение к Богу-искупителю, пределом мистической, медитации было слияние человека с Творцом. Философствующая мистика Бернарда Клервоского и других философских школ нашла отклик и в светской литературе, и в различных ересь мистического толка. Однако сущность столкновения между Абеляром и Бернардом Клервоским не столько в несходстве их философских позиций, сколько в том, что Абеляр воплощал оппозицию авторитету церкви, а Бернард выступал как ее защитник и апологет церковной организации и дисциплины. В результате взгляды Абеляра были осуждены на церковных сборах в 1121 и в 1140 гг., а сам он закончил жизнь в монастыре.

В философии нарастание интереса к греко-римскому наследию выражается в более углубленном изучении древних мыслителей. На латинский язык начинают переводиться их сочинения, прежде всего произведения Аристотеля, а также трактаты Евклида, Птолемея, Гиппократ, Галена и других античных авторов, сохранившиеся в греческих и арабских рукописях.

Для судьбы аристотелевой философии в Западной Европе существенное значение имело то, что она была как бы заново усвоена не в ее первоначальном виде, а через византийских и особенно арабских комментаторов, прежде всего Аверроэса (Ибн-Рушда), давшего ей своеобразную «материалистическую» интерпретацию. Конечно, говорить о подлинном материализме в Средние века неверно. Все попытки «материалистической» интерпретации, даже самые радикальные, отрицавшие бессмертие человеческой души или утверждавшие вечность мира, осуществлялись в рамках теизма, т.е. признания абсолютного бытия Бога.

Учение Аристотеля быстро завоевало огромный авторитет в научных центрах Италии, Франции, Англии, Испании. Однако в начале XIII в. оно встретило резкое сопротивление в Париже со стороны опиравшихся на августиновскую традицию теологов. Последовал ряд официальных запретов аристотелизма, были осуждены взгляды сторонников радикального толкования Аристотеля — Амори Бенского и Давида Динанского. Однако аристотелизм в Европе настолько стремительно набирал силу, что к середине XIII в. церковь оказалась бессильной перед этим натиском и встала перед необходимостью ассимилировать аристотелевское учение. К выполнению этой задачи были привлечены доминиканцы. Ее начал разрабатывать Альберт Великий, а синтез аристотелизма и католической теологии попытался осуществить его ученик Фома Аквинский (1125/26—1274), чья деятельность стала вершиной и итогом теолого-рационалистических поисков зрелой схоластики. Учение Фомы сначала было встречено церковью довольно настороженно, а некоторые его положения были даже осуждены. Но уже с конца XIII в. *томизм* становится официальной доктриной католической церкви.

Идейными противниками Фомы Аквинского были аверроисты — последователи арабского мыслителя Аверроэса, которые преподавали в Парижском университете на факультете искусств. Они требовали освобождения философии от вмешательства теологии и догмы. По существу, они настаивали на отделении разума от веры. Центральным в доктрине аверроистов было представление о едином универсальном разуме, общем всему человеческому роду. Аверроисты Сигер Брабантский и Боэций Дакийский также пришли к выводам о вечности и несотворенности мира и отрицанию бессмертия индивидуальной человеческой души. Их учение было осуждено католической церковью.

В XIII в. мистическая линия в философии была развита современником Фомы Аквинского Бонавентурой, который выступил против томистского рационализма, опираясь на августиновско-платоновскую традицию. Затем в XIV в. заостренную форму

основным постулатам средневекового неоплатонизма придал доминиканец из Германии Мейстер Экхарт, абсолютизовавший безличность и отсутствие качественных характеристик творящего первоначала. Пантеистические тенденции учения Экхарта особенно ярко проявились в утверждении того, что человеческая душа единсущна Богу и является орудием вечного порождения им самого себя. Последователь Экхарта Н. Рейсбрук в Нидерландах (XIV в.) придавал решающее значение в восхождении к Богу внутренним религиозным переживаниям человека. Немецкая мистика или замыкалась в глубинах человеческого духа, отрезая его от мира и церкви, или, возвращаясь к миру, сближалась с пантеизмом и тоже обесценивала церковь и культ.

В XIV в. ортодоксальная схоластика, утверждавшая возможность примирения разума и веры на основании подчинения первого откровению, была подвергнута критике со стороны радикально настроенных английских философов Дунса Скота и Уильяма Оккама, отстаивавших позиции номинализма. Дунс Скот, а затем Оккам и его ученики требовали решительного разграничения сферы веры и разума, теологии и философии. Теологии отказывалось в праве вмешиваться в область философии и опытного знания. Оккам говорил о вечности движения и времени, о бесконечности Вселенной, развивал учение об опыте как фундаменте и источнике познания. Окказим был осужден церковью, книги Оккама были сожжены.

Борьба церкви с окказимом способствовала развитию и распространению в XV в. другого его направления — формально-логического, в центре внимания которого было изучение знаков-«терминов» как самостоятельных логических категорий. Схоластика вырождалась в абстрактную игру слов. Словесная эквилибристика, потерявшая позитивный смысл, окончательно скомпрометировала ее.

Крупнейшим мыслителем, повлиявшим на становление натурфилософии Возрождения, был Николай Кузанский (1401—1464), выходец из Германии, прошедший конец жизни в Риме в качестве генерального викария и кардинала при папском дворе. Он попытался выработать универсальное осмысление начал мира и устройства Вселенной, основанных не на ортодоксальном христианстве, а на диалектико-пантеистической его интерпретации. Николай Кузанский настаивал на обособлении предмета рационального познания (изучения природы) от богословия, тем самым нанеся ощутимый удар по ортодоксальной схолистике.

Образование. Школы и университеты. Средневековые унаследовало от античности основу, на которой строилось образование.

Это были семь свободных искусств. Грамматика считалась «матерью всех наук», диалектика давала формально-логическое знание, основы философии и логики, риторика учила правильно и выразительно говорить. «Математические дисциплины» — арифметика, музыка, геометрия и астрономия — мыслились как науки о числовых соотношениях, лежавших в основе мировой гармонии.

С XI в. начинается устойчивый подъем средневековых школ, система образования совершенствуется. Школы подразделялись на монастырские, кафедральные (при городских соборах), приходские. С ростом городов, появлением все время увеличивавшегося слоя горожан и расцветом цехов набирают силу светские, городские частные, а также гильдейские и муниципальные школы, не подвластные юрисдикции церкви. Учащимися церковных школ были бродячие школяры — ваганты, или голиарды, происходившие из городской, крестьянской, рыцарской среды, низшего клира.

Обучение в школах велось на латинском языке, только в XIV в. появились школы с преподаванием на национальных языках. Средневековые не знали устойчивого деления школы на начальную, среднюю и высшую, учета специфики детского и юношеского восприятия и психологии. Религиозное по содержанию, по форме образование носило словесно-риторический характер. Начатки математики и естественных наук излагались отрывочно, описательно, часто в фантастической интерпретации. Центрами обучения навыкам ремесла в XII в. были цехи.

В XII—XIII вв. Западная Европа переживала экономический и культурный подъем. Развитие городов, расширение кругозора европейцев, знакомство с культурой Востока, прежде всего византийской и арабской, послужили стимулами совершенствования средневекового образования. Кафедральные школы в крупнейших городских центрах Европы превращались во всеобщие школы, а затем в *университеты*, получившие название от латинского слова *universitas* — совокупность, общность. На основе рецепции римского права в конце XII в. первый университет создается в Болонье. В XIII в. такие высшие школы существовали в Монпелье, Неаполе, Париже, Оксфорде, Саламанке и других городах. К XV в. в Европе насчитывалось около 60 университетов.

Университет обладал юридической, административной, финансовой автономией, которая даровалась ему специальными документами государя или папы. Внешняя независимость университета сочеталась со строгой регламентацией и дисциплиной внутренней жизни. Университет подразделялся на факультеты. Младшим факультетом, обязательным для всех студентов, был артистический

(от лат. *artes* — искусства), на котором в полном объеме изучались «семь свободных искусств», затем шли юридический, медицинский, богословский (последний существовал не во всех университетах). Крупнейшим университетом был Парижский. Студенты Западной и Центральной Европы устремлялись также для получения образования в Испанию и Италию. Школы и университеты Кордовы, Севильи, Саламанки, Малаги и Валенсии давали более обширные и глубокие знания по философии, математике, медицине, астрономии, а Болоньи и Падуи — по праву.

В XIV—XV вв. география университетов значительно расширяется. Получают развитие *коллегии* (отсюда — колледжи). Первоначально так назывались общежития студентов, но постепенно коллегии превращаются в центры занятий, лекций, диспутов. Основанная в 1257 г. духовником французского короля Робером де Сорбоном коллегия (названная Сорбонной) постепенно разрослась и так укрепила свой авторитет, что по ее имени стал называться весь Парижский университет.

Университеты ускорили процесс складывания в Западной Европе светской интеллигенции. Они были настоящими питомниками знаний, играли важнейшую роль в культурном развитии общества. Однако к концу XV в. происходит некоторая аристократизация университетов, все большее число студентов, преподавателей (магистров) и профессоров университетов составляют выходцы из привилегированных слоев общества. На некоторое время консервативные силы берут в университетах верх.

С развитием школ и университетов расширяется спрос на книгу. В раннем Средневековье книга была предметом роскоши. Книги писались на пергамене — специально выделанной телячьей коже. Листы пергамена сшивались с помощью тонких крепких веревок и помещались в переплет из досок, обтянутых кожей, порой украшенный драгоценными камнями и металлами. Текст украшался рисованными заглавными буквами — инициалами, заставками, а иногда — великолепными миниатюрами. С XII в. книга становится более дешевой, открываются городские мастерские по переписке книг, в которых работают не монахи, а ремесленники. С XIV в. в производстве книг начинает широко применяться бумага. Процесс производства книги упрощается и унифицируется, что было особенно важно для подготовки книгопечатания, появление которого в 40-х годах XV в. (его изобретателем был немецкий мастер Иоганн Гутенберг) сделало книгу в Европе поистине массовой и повлекло за собой существенные перемены в культурной жизни.

До XII в. книги были преимущественно сосредоточены в церковных библиотеках. В XII—XV вв. появляются многочисленные библиотеки при университетах, королевских дворах, у крупных феодалов, клириков и состоятельных горожан.

Знания о природе. К XIII в. обычно относят зарождение интереса к опытному знанию в Западной Европе. До той поры здесь преобладало отвлеченное, основанное на чистом умозрении знание, часто бывшее весьма фантастическим по содержанию. Между практическим знанием и философией лежала пропасть, казавшаяся непреодолимой. Естественно-научные методы познания не разрабатывались. Преобладали грамматические, риторические и логические подходы. Не случайно средневековый энциклопедист Винсент из Бовэ писал: «Наука о природе имеет своим предметом невидимые причины видимых вещей». Связь с материальным миром осуществлялась через посредство громоздких, нередко фантастических абстракций. Своеобразный пример этого давала алхимия. Средневековому человеку мир казался познаваемым, но исполненным необычных вещей, населенным диковинными существами, вроде людей с песьими головами. Грань между реальным и высшим, сверхчувственным миром зачастую стиралась.

Однако жизнь требовала не иллюзорных, а практических знаний. В XII в. определенный прогресс наметился в области механики и математики. Это вызвало опасения ортодоксальных богословов, которые прозвали практические науки «прелюбодейными». В Оксфордском университете переводились и комментировались естественно-научные трактаты ученых древности и арабов.

Роберт Гроссетест сделал попытку применить математический подход к изучению природы. В XIII в. оксфордский профессор Роджер Бэкон, начав со схоластических штудий, в конечном счете пришел к исследованию природы, к отрицанию авторитетов, решительно отдавая предпочтение опыту перед чисто умозрительной аргументацией. Бэкон достиг значительных результатов в оптике, физике, химии. За ним укрепилась репутация мага и волшебника. О нем рассказывали, что он создал говорящую медную голову или металлического человека, выдвинул идею воздвижения моста путем сгущения воздуха. Ему принадлежали утверждения о том, что можно сделать самодвижущиеся суда и колесницы, аппараты, летающие по воздуху или беспрепятственно передвигающиеся по дну моря или реки. Жизнь Бэкона была полна превратностей и лишений, он не раз осуждался церковью и подолгу сидел в заточении.

Продолжателями его дела стали Уильям Оккам, Николай Отрекур, Буридан и Николай Орезмский (Орем), которые немало

сделали для дальнейшего развития физики, механики, астрономии. Орем, например, приблизился к открытию закона падения тел, развил учение о суточном вращении Земли, обосновал идею применения координат. Николай Отрекур был близок к атомизму.

«Познавательным энтузиазмом» были охвачены различные слои общества. В Сицилийском королевстве, где процветали различные науки и искусства, широко развернулась деятельность переводчиков, обратившихся к философским и естественно-научным сочинениям греческих и арабских авторов. Под покровительством сицилийских государей расцвела медицинская школа в Салерно, из которой вышел знаменитый «Салернский кодекс» Арнольда да Вилланова. В нем давались разнообразные наставления по поддержанию здоровья, описания лечебных свойств различных растений, ядов и противоядий и т.п.

Алхимиками, занятыми поисками «философского камня», способного превратить недрагоценные металлы в золото, побочно был сделан целый ряд важных открытий: изучены свойства разнообразных веществ, многочисленные способы воздействия на них, получены различные сплавы и химические соединения, кислоты, щелочи, минеральные краски, созданы и усовершенствованы приборы и установки для опытов: перегонный куб, химические печи, аппараты для фильтрации и дистилляции и т.п.

Значительно обогатились географические знания европейцев. Еще в XIII в. братья Вивальди из Генуи попытались обогнуть Западноафриканское побережье. Венецианец Марко Поло совершил многолетнее путешествие в Китай и Центральную Азию, описав его в своей «Книге», которая разошлась в Европе во множестве списков на различных языках. В XIV—XV вв. появляются довольно многочисленные описания различных земель, сделанные путешественниками, совершенствуются карты, составляются географические атласы. Все это имело немаловажное значение для подготовки Великих географических открытий.

Место истории в средневековом мирозерцании. В духовной жизни Средневековья важную роль играли исторические представления. В ту эпоху история не рассматривалась как наука или как занимательное чтение; она была существенной частью мирозерцания.

Различного рода «истории», хроники, летописи, биографии королей, описания их деяний и прочие исторические сочинения были излюбленными жанрами средневековой словесности. Это обуславливалось в значительной мере тем, что христианство придавало истории большое значение. Христианская религия изначально претендовала на то, что ее основа — Ветхий и Новый

Завет — принципиально исторична. Существование человека разворачивается во времени, имеет свое начало (акт творения) и конец — второе пришествие Христа, когда свершится Страшный суд и осуществится цель истории. Сама история представлялась как путь спасения человечества Богом.

В феодальном обществе историк, летописец, хронист мыслился как «человек, связующий времена». История была средством самопознания общества и гарантом его мировоззренческо-социальной стабильности, ибо утверждала его универсальность и закономерность в смене поколений, во всемирно-историческом процессе. Это особенно ярко прослеживается в таких «классических» сочинениях исторического жанра, как хроники Оттона Фрейзингенского, Гвиберта Ножанского и др. Едва ли не самым крупным историческим сочинением европейского Средневековья была «Хеймскрингла» («Круг земной») исландца Снорри Стурлусона, посвященная истории Норвегии.

Универсальный «историзм» сочетался с удивительным на первый взгляд отсутствием у людей Средневековья чувства конкретной исторической дистанции. Прошлое они представляли в облике и костюмах своей эпохи, усматривая в нем не то, что отличало людей и событие давних времен от них самих, а то, что казалось им общим, универсальным. Прошлое как бы становилось частью их собственной исторической реальности. Александр Македонский представлял средневековым рыцарем, а библейские цари правили на манер феодальных государей.

В XIII в. в средневековой историографии возникли новые тенденции, связанные с развитием городов. Они, в частности, нашли отражение в «Хронике» итальянского францисканца Салимбене, отличавшейся острым интересом к событиям мирской жизни, тонкой наблюдательностью и в объяснении причин и следствий событий, наличием автобиографического элемента.

Героический эпос. Хранителем истории, коллективной памятью, своеобразным жизненным и поведенческим эталоном, средством идеологического и эстетического самоутверждения был героический эпос, который концентрировал в себе важнейшие стороны духовной жизни, идеалы и эстетические ценности, поэтику средневековых народов. Корни героического эпоса Западной Европы уходят в глубь варварской эпохи. Об этом прежде всего свидетельствует сюжетная канва многих эпических произведений, в основу ее положены события времени Великого переселения народов.

Вопросы о происхождении героического эпоса, его датировке, соотношении коллективного и авторского творчества в его создании до сих пор являются дискуссионными в науке. Первые записи

эпических произведений в Западной Европе относятся к VIII—IX вв. Ранний этап эпической поэзии связан с развитием раннефеодальной военной поэзии — кельтской, англосаксонской, германской, древнескандинавской, — которая сохранилась в немногочисленных фрагментах.

Эпос развитого Средневековья — народно-патриотический по своему характеру. В нем происходит идеализация древних героев в духе рыцарско-христианской идеологии, возникает мотив борьбы «за правую веру», как бы подкрепляющий идеал защиты отечества.

Эпические произведения, как правило, структурно целостны и универсальны. Каждое из них является воплощением определенной картины мира, охватывает множество сторон жизни героев. Отсюда смещение реального и фантастического. Эпос, вероятно, в той или иной форме был знаком каждому члену средневекового общества.

В западноевропейском эпосе можно выделить два слоя: исторический (героические сказания, имеющие реальную историческую основу) и сказочный, более близкий к фольклору.

Запись англосаксонского эпоса «Сказание о Беовульфе» относится примерно к 1000 г. Он повествует о молодом воине из народа гаутов, совершающем героические подвиги, побеждающем чудовищ и погибающем в схватке с драконом. Фантастические приключения разворачиваются на реальном историческом фоне, отражающем процесс феодализации у народов Северной Европы.

К числу знаменитых памятников мировой литературы относятся исландские саги. «Старшая Эдда» включает девятнадцать древнеисландских эпических песен, сохраняющих черты древнейших этапов развития словесного искусства. «Младшая Эдда», принадлежащая поэту-скальду XIII в. Снорри Стурлусону, — это своего рода руководство в поэтическом искусстве скальдов с ярким изложением исландских языческих мифологических преданий, уходящих корнями в древнейшую общегерманскую мифологию.

В основе французского эпического произведения «Песнь о Роланде» и испанской «Песни о моем Сиде» лежат реальные исторические события: первого — бой франкского отряда с врагами в Ронсевальском ущелье в 778 г., второй — один из эпизодов Реконкисты. В этих произведениях очень сильны патриотические мотивы, что позволяет провести определенные параллели между ними и русским эпическим произведением «Слово о полку Игореве». Патриотический долг идеализированных героев оказывается превышает всего. Реальная военно-политическая ситуация приобретает в эпических сказаниях масштабы вселенского события, и через такую гиперболизацию происходит утверждение идеалов,

которые перерастают рамки своей эпохи, становятся человеческими ценностями «на все времена».

Героический эпос Германии «Песнь о Нибелунгах» значительно более мифологизирован. В нем мы тоже встречаемся с героями, имеющими исторические прототипы — Этцелем (Атилла), Дитрихом Бернским (Теодорихом), бургундским королем Гунтером, королевой Брунгильдой и др. Рассказ о них переплетается с сюжетами, героем которых является Зигфрид (Сигурд); его приключения напоминают древние богатырские сказки. Он побеждает страшного дракона Фафнира, стерегущего сокровища Нибелунгов, совершает другие подвиги, однако в конце концов гибнет.

Связанный с определенным типом исторического осмысления мира героический эпос Средневековья был средством ритуально-символического отражения и переживания действительности. В этом проявилась определенная типологическая близость средневековых культур Запада и Востока.

Рыцарская культура. Яркой и столь часто романтизированной впоследствии страницей культурной жизни Средневековья была рыцарская культура. Ее создателем и носителем являлось военно-аристократическое сословие, зародившееся еще в раннем Средневековье и достигшее расцвета в XI—XIV вв. Своими корнями идеология рыцарства уходит, с одной стороны, в глубины самосознания варварских народов, а с другой — в развитую христианством концепцию служения, вначале толковавшегося как чисто религиозное, но в Средние века приобретшего намного более широкое значение и распространившегося на область чисто светских отношений, вплоть до служения даме сердца.

Верность сеньору составляла ядро рыцарского этноса (норм поведения). Предательство и вероломство считались для рыцаря тягчайшим грехом, влекли за собой исключение из корпорации. Война была профессией рыцаря, но постепенно рыцарство начало себя считать вообще поборником справедливости. На деле справедливость понималась своеобразно и распространялась лишь на узкий круг людей, нося четко выраженный сословно-корпоративный характер. Достаточно вспомнить откровенное высказывание трубадура Бертрана де Борна: «Любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, не обогретым».

Рыцарский кодекс требовал от того, кто должен ему следовать, множества достоинств, ибо рыцарь, по выражению Раймонда Луллия, автора известного наставления, — это тот, кто «благородно поступает и ведет благородный образ жизни». С рыцарством связано возникновение куртуазной (придворной) культуры, особого стиля поведения, быта, выражения чувств. Культ дамы стал

важнейшим элементом куртуазности. Избраннице сердца поклонялись как богине, ее воспевали в прекрасных стихах, в ее честь совершали рыцарские подвиги.

В жизни рыцаря многое было сознательно выставлено напоказ. Храбрость, щедрость, благородство, о которых мало кто знал, не имели цены. Рыцарь постоянно стремился к первенству, к славе. О его подвигах и любви должен был знать весь христианский мир. Отсюда внешний блеск рыцарской культуры, ее особое внимание к ритуалу, атрибутике, символике цвета, предметов, к этикету. Рыцарские турниры, имитировавшие настоящие сражения, приобрели особую пышность в XIII—XIV вв., когда на них собирался цвет рыцарства из разных уголков Европы.

В конце XI в. в Провансе появляются трубадуры — поэты-рыцари. Они не только слагали стихи, главным образом о любви, но и распевали их нередко в музыкальном сопровождении. Одним из первых трубадуров был герцог Аквитании Гильём IX. В XII в. громкую славу снискал трубадур Бернарт де Вентадорн, в творчестве которого куртуазная лирика нашла свое наиболее полное выражение как поэзия феодального двора и связанного с ним парадного света. «Магистром поэтов» называли Гиравта де Борнейля (последняя треть XII — начало XIII в.). В куртуазной поэзии слышны голоса не только трубадуров-мужчин, но и женщин — Беатрис де Диа, Марии Шампанской. Подобно отважным героям рыцарских романов они решительно заявляют свои права на равенство с сильным полом.

В XII в. поэзия поистине становится «повелительницей» европейской словесности. Увлечение ею распространяется на севере Франции, где появляются труверы. В Германии поэты-рыцари назывались *миннезингерами*, среди них наиболее прославленными были Вольфрам фон Эшенбах, Гартман фон Ауэ, Вальтер фон дер Фогельвейде.

Рыцарская литература была не только средством выражения самосознания рыцарства, его идеалов, но и активно их формировала. Обратная связь была настолько сильной, что средневековые хронисты, описывая сражения или подвиги реальных людей, делали это в соответствии с образцами из рыцарских романов, которые, возникнув в середине XII в., за несколько десятилетий стали центральным явлением светской культуры. Они создавались на народных языках, действие развивалось как череда приключений-авантюров героев. Одним из главных источников западноевропейского рыцарского (куртуазного) романа был кельтский эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Из него родилась прекраснейшая повесть о любви и смерти — история Тристана

и Изольды, навеки оставшаяся в сокровищнице человеческой культуры. Герои этого бретонского цикла Ланселот и Персеваль, Пальмерин и Амадис и другие, по мысли создателей романов, среди которых самым известным был французский поэт XII в. Кретьен де Труа, воплощали высшие человеческие добродетели, принадлежавшие не потустороннему, а земному бытию. Это особенно ярко выразилось в новом понимании любви, бывшей центром и движущей силой любого рыцарского романа. Один из распространенных мотивов рыцарского романа — поиски святого Грааля — чаши, в которую, по преданию, была собрана кровь Христа. Грааль стал символом высшей духовности.

В XIV в. в идеологии рыцарства начинает нарастать болезненный разрыв между мечтой и действительностью. Куртуазный роман постепенно приходит в упадок. По мере того как значение военного сословия уменьшалось, рыцарские романы все более утрачивали связь с реальной жизнью. Их сюжеты становились фантастичнее и неправдоподобнее, стиль вычурнее, усиливались религиозные мотивы. Попытка возродить рыцарский роман с его героическим пафосом принадлежит английскому дворянину Томасу Мэлори. Написанный им на основе старинных сказаний о рыцарях Круглого стола роман «Смерть Артура» является выдающимся памятником английской прозы XV в. Однако, стремясь воспеть рыцарство, автор невольно отразил в своем произведении черты разложения сословного строя и трагическую безысходность его поколения.

Кастовая замкнутость проявилась в создании в XIV—XV вв. различных рыцарских орденов, вступление в которые обставлялось пышными церемониями. Игра подменяла реальность. Упадок рыцарства выразился в глубоком пессимизме, неуверенности в будущем, прославлении смерти как избавления.

Городская культура. С XI в. центрами культурной жизни в Западной Европе становятся города. Вольнолюбивая направленность городской культуры, ее связи с народным творчеством наиболее ярко проявились в развитии городской литературы, которая с самого начала своего возникновения создавалась на народных наречиях в противоположность господствовавшей церковной латиноязычной литературе. В свою очередь городская литература способствовала процессу превращения народных наречий в национальные языки, развивавшемуся в XI—XIII вв. во всех странах Западной Европы.

В XII—XIII вв. религиозность масс переставала быть по преимуществу пассивной. Огромное «молчащее большинство» из объекта церковного воздействия начинало превращаться в субъект духовной жизни. Определяющими явлениями в этой сфере становились

не богословские споры церковной элиты, а бурлящая, чреватая ересями народная религиозность. Возрастал спрос на «массовую» литературу, которой в то время были жития святых, рассказы о видениях и чудесах. По сравнению с ранним Средневековьем они психологизировались, в них усиливались художественные элементы. Излюбленной «народной книгой» стала составленная в XIII в. «Золотая легенда» епископа Генуи Иакова Ворагинского, к сюжетам которой европейская литература обращалась вплоть до XX в.

Популярными жанрами городской литературы становятся стихотворные новеллы, басни, шутки (*фаблио* во Франции, *шванки* в Германии). Они отличались сатирическим духом, грубоватым юмором, яркой образностью. В них высмеивались алчность духовенства, бесплодие схоластической премудрости, кичливость и невежество феодалов и многие другие реалии средневековой жизни, противоречившие трезвому, практическому взгляду на мир горожан.

Фаблио, шванки выдвигали новый тип героя — неунывающего, плутоватого, смышленного, всегда находящего выход из любой трудной ситуации благодаря природному уму и способностям. Так, герои широко известного сборника шванков «Поп Амис», оставившего глубокий след в немецкой литературе, чувствует себя уверенно и легко в мире городской жизни, в самых невероятных обстоятельствах. Он всеми своими проделками, находчивостью утверждает, что жизнь принадлежит горожанам ничуть не меньше, чем другим сословиям, и что место горожан в мире прочно и надежно. Городская литература бичевала пороки и нравы, откликалась на злобу дня, была в высшей степени «современной». Мудрость народа облекалась в ней в форму метких пословиц и поговорок. Церковь преследовала поэтов из городских низов, в творчестве которых она усматривала прямую угрозу. Например, сочинения парижанина Рютбефа в конце XIII в. были осуждены папой на сожжение.

Наряду с новеллами, фаблио и шванками складывался городской сатирический эпос. Его основой были сказки, зародившиеся еще в раннем Средневековье. Одним из самых любимых у горожан был «Роман о Лисе», сформировавшийся во Франции, но переведенный на немецкий, английский, итальянский и другие языки. Находчивый и дерзкий Лис Ренар, в образе которого выведен зажиточный, умный и предприимчивый горожанин, неизменно побеждает тупого и кровожадного Волка Изенгрина, сильного и глупого Медведя Брена — в них легко угадывались рыцарь и крупный феодал. Он также обводил вокруг пальца Льва Нобля

(короля) и постоянно насмехался над глупостью Осла Бодуэна (священника). Но подчас Ренар строил козни против кур, зайцев, улиток, начинал преследовать слабых и униженных. И тогда простой народ разрушал его умыслы. На сюжеты «Романа о Лисе» создавались даже скульптурные изображения в соборах в Отене, Бурже и др.

Широкое распространение получило еще одно произведение городской литературы — «Роман о Розе», писавшийся последовательно двумя авторами — Гильомом де Лоррисом и Жаном де Меном. Герой этой философско-аллегорической поэмы, юный поэт, устремлен к идеалу, воплощенном в символическом образе Розы. В «Романе о Розе» воспеты идеи свободомыслия, Природа и Разум, равенство людей.

Носителями духа протеста и свободомыслия были бродячие школяры и студенты — ваганты. В среде вагантов сильны были оппозиционные настроения против церкви и существующих порядков, характерные и для городских низов в целом. Ваганты создали своеобразную поэзию на латинском языке. Остроумные, бичующие пороки общества и прославляющие радость жизни стихи и песни вагантов знала и распевала вся Европа от Толедо до Праги, от Палермо до Лондона.

Развитие городской литературы в XIV—XV вв. отразило дальнейший рост социального самосознания бюргерства. В городской поэзии, драме и возникшем в тот период новом жанре городской литературы — прозаической новелле — горожане наделяются такими чертами, как житейская мудрость, практическая сметка, жизнелюбие. Бюргерство противопоставляется дворянству и духовенству как опора государства. Этими идеями проникнуто творчество двух крупнейших французских поэтов того времени Эсташа Дешана и Алена Шартье.

В XIV—XV вв. в литературе Германии *мейстерзанг* (поэзия представителей ремесленно-цеховой среды) постепенно вытесняет рыцарский *миннезанг*. Очень популярными становятся творческие соревнования мейстерзингеров, проходившие во многих городах Германии.

Замечательным явлением средневековой поэзии было творчество Франсуа Вийона. Он прожил короткую, но бурную, полную приключений и скитаний жизнь. Его иногда называют «последним вагантом», хотя он писал свои стихи не на латинском, а на родном французском языке. Эти стихи, созданные в середине XV в., поражают удивительно искренней человеческой интонацией, буйным ощущением свободы, исполненными трагизма поисками самого себя, что позволяет видеть в их авторе одного из предшественников Возрождения и новой романтической поэзии.

К XIII в. относится зарождение городского театрального искусства. Церковные мистерии, которые были известны значительно раньше, под влиянием новых веяний, связанных с развитием городов, становятся более яркими, карнавальными. В них проникают светские элементы. Городские «игры», т.е. театральные действия, с самого начала носят светский характер, их сюжеты заимствованы из жизни, а выразительные средства — из фольклора, творчества бродячих актеров — жонглеров, бывших одновременно танцорами, певцами, музыкантами, акробатами, фокусниками. Одной из таких городских «игр» была «Игра о Робене и Марионе» (XIII в.), бесхитростная история юных пастушка и пастушки, чья любовь побеждала козни коварного и грубого рыцаря. Подобные театрализованные представления разыгрывались прямо на городских площадях, в них принимали участие присутствующие горожане.

В XIV—XV вв. широкое распространение получили фарсы — юмористические сцены, в которых реалистически изображался быт горожан. О близости составителей фарсов к неимущим слоям свидетельствует частое осуждение в них бездушия, нечестности и алчности богатых. Организация больших театрализованных представлений — мистерий — переходит от клириков к ремесленным цехам и торговым корпорациям. Мистерии разыгрываются на городских площадях и, несмотря на библейские сюжеты, носят злободневный характер, включая комедийный и бытовой элементы.

XIV—XV века — время расцвета средневековой гражданской архитектуры. Для богатых горожан сооружаются большие красивые дома. Замки феодалов тоже становятся более комфортабельными, постепенно утрачивая значение военных крепостей и превращаясь в загородные резиденции. Преображаются интерьеры замков, их украшают коврами, предметами прикладного искусства, изысканной утварью. Развивается ювелирное искусство, производство предметов роскоши. Более разнообразной, богатой и яркой становится одежда не только знати, но и состоятельных горожан.

Новые веяния. Данте Алигьери. Венчает Средневековье и в то же время высится у истоков Возрождения величественная фигура итальянского поэта и мыслителя, флорентийца Данте Алигьери (1265—1321). Изгнанный из родного города политическими противниками, осужденный на скитания до конца жизни, Данте был горячим поборником объединения и социального обновления Италии. Его поэтико-мировоззренческий синтез — «Божественная комедия» — итог лучших духовных устремлений зрелого Средневековья, который в то же время несет в себе прозрение наступающей культурно-исторической эпохи, ее чаяний, творческих возможностей и неразрешимых противоречий.

Наивысшие достижения философской мысли, политические доктрины и естественно-научные знания, глубочайшее постижение человеческой души и социальных отношений, переплавленные в горниле поэтического вдохновения, создают в «Божественной комедии» Данте грандиозную картину мироздания, природы, бытия общества и человека. Мистические образы и мотивы «святой бедности» также не оставили Данте равнодушным. Целая галерея выдающихся деятелей Средневековья, властителей дум той эпохи проходит перед читателями «Божественной комедии». Ее автор проводит читателя через огонь и ледяной ужас ада, через горнило чистилища к высотам рая, чтобы здесь обрести высшую мудрость, утвердить идеалы добра, светлого упования и высоты человеческого духа.

Зов наступающей эпохи ощущается и в творчестве других писателей и поэтов XIV в. Выдающийся государственный деятель Испании, воин и писатель инфант Хуан Мануэль оставил большое литературное наследие, но особое место в нем по своим предуманистическим настроениям занимает сборник поучительных рассказов «Граф Луканор», в котором угадываются некоторые мотивы, характерные для младшего современника Хуана Мануэля — итальянского гуманиста Боккаччо, автора знаменитого «Декамерона».

Сочинение испанского автора типологически близко к «Кентерберийским рассказам» великого английского поэта Джеффри Чосера (1340—1400), во многом воспринявшего гуманистический импульс, исходивший из Италии, но в то же время бывшего крупнейшим писателем английского Средневековья. Для его творчества характерны демократические и реалистические тенденции. Разнообразие и богатство образов, тонкость наблюдений и характеристик, сочетание драматизма и юмора, отточенная литературная форма делают сочинения Чосера подлинно литературными шедеврами.

О новых веяниях в городской литературе, отразившей устремления народа к равенству, его бунтарский дух, свидетельствует та значимость, которую приобретает в ней фигура крестьянина. Это обнаруживается в немецкой повести «Крестьянин Гельмбрехт», написанной Вернером Садовником в конце XIII в. Но с наибольшей силой искания народа отразились в творчестве английского поэта XIV в. Уильяма Ленгленда, особенно в его сочинении «Видения Уильяма о Петре-Пахаре», проникнутом сочувствием к крестьянам, в которых автор видит основу общества, а в их труде — залог совершенствования всех людей. Таким образом, городская культура отбрасывает ограничивавшие ее рамки и смыкается с народной культурой в целом.

Средневековая ментальность и народная культура. Творчество трудящихся масс является фундаментом культуры каждой исторической эпохи. Прежде всего, народ — создатель языка, без которого невозможно развитие культуры. Народная психология, образность, стереотипы поведения и восприятия — питательная среда культуры. Но почти все письменные источники Средневековья, дошедшие до нас, созданы в рамках «официальной», или «высокой», культуры. Народная культура была бесписьменной, устной. Обнаружить ее можно только собирая данные из источников, которые дают их в своеобразном преломлении, под определенным углом зрения. «Низовой» пласт явственно просматривается в «высокой» культуре Средневековья, в его литературе и искусстве, подспудно ощущается во всей системе интеллектуальной жизни, в его народной первооснове. Этот низовой пласт не был только «карнавально-смеховым», он предполагал наличие определенной «картины мира», отражавшей особым образом все стороны человеческого и общественного бытия, мироустройства.

Каждая историческая эпоха имеет свое мироощущение, свои представления о природе, времени и пространстве, порядке всего существующего, об отношениях людей друг к другу. Эти представления не остаются неизменными на протяжении всей эпохи, они имеют свои отличия у разных социальных групп, но в то же время являются типичными для каждого отрезка исторического времени. Христианство лежало в основе мироощущения, массовых представлений Средневековья, но не поглощало их целиком.

Сознание той эпохи в его элитарных и низовых формах равно исходило из констатации дуализма мира. Земное существование рассматривалось как отражение бытия высшего, «небесного мира», с одной стороны, вобравшее в себя гармонию и красоту своего архетипа, а с другой — представляя его явно «ухудшенный» в своей материальности вариант. Взаимоотношения двух миров — земного и небесного — проблема, занимавшая средневековое сознание на всех его уровнях. К этому дуализму восходили универсализм, символизм и аллегоризм, бывшие неотъемлемыми чертами средневекового мирозерцания и культуры.

Средневековое сознание стремится более к синтезу, чем к анализу. Его идеал — целостность, а не множественное разнообразие. И хотя земной мир представляется ему состоящим из «своего», знакомого близлежащего пространства и «чужого», далекого и враждебного, все же обе эти части слиты в неразрывное целое, не могут существовать одна без другой.

Крестьянин часто рассматривал землю как свое продолжение. Не случайно в средневековых документах она описывается через

человека — числом шагов или временем его труда, вложенного в ее обработку. Средневековым человеком мир не столько осваивался, сколько присваивался, делался своим в тяжелой борьбе с природой.

Средневековые литература и искусство не знают интереса к точному, конкретному, детализированному изображению пространства. Фантазия преобладала над наблюдением, и в этом нет противоречия. Ибо в единстве мира высшего и мира земного, при котором подлинно реальным, истинным представляется лишь первый, конкретикой можно пренебречь, она лишь затрудняет восприятие целостности, замкнутой системы со священными центрами и мирской периферией.

Гигантский мир, сотворенный Богом — космос, включал в себя «малый космос» (микрокосм) — человека, который мыслился не только как «венец творения», но и как целостный, завершенный мир, заключавший в себе то же, что и большая Вселенная. В изображениях макрокосм был представлен в виде замкнутого круга бытия, движимого Божественной мудростью, и содержащего внутри себя свое одушевленное воплощение — человека. В средневековом сознании природа уподоблена человеку, а человек — космосу.

Иным, чем в современную эпоху, было и представление о времени. В рутинной, медленно развивающейся цивилизации Средневековья временные ориентиры были расплывчаты, необязательны. Точное измерение времени распространяется лишь в позднем Средневековье. Личное, бытовое время человека двигалось как бы по замкнутому кругу: утро — день — вечер — ночь; зима — весна — лето — осень. Но более общее, более «высокое» переживание времени было иным. Христианство наполняло его сакральным содержанием, временной круг разрывался, время оказывалось линейно направленным, движущимся от сотворения мира к первому пришествию, а после него — к Страшному суду и завершению земной истории. В массовом сознании в этой связи формировались своеобразные представления о времени земной жизни, смерти, воздаянии после нее за человеческие деяния, Страшном суде. Показательно, что история человечества имела те же возрасты, что и жизнь отдельного человека: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость.

В Средние века восприятие человеческих возрастов также отличалось от привычных для современного человека: ведь общество было более молодым, продолжительность жизни была невелика. Человек, перешагнувший рубеж сорокалетия, считался стариком.

Средневековые не проявляло особого внимания и глубокой эмоциональности в отношении к детям, столь характерных для нашего времени. Даже в средневековой скульптуре, например, младенцы представлялись с лицами и фигурами взрослых. А вот отношение к юности было очень ярким, эмоциональным. Она мыслилась как пора цветения, игры, с нею связывались представления о жизненной магической силе. Юношеский разгул был узаконен в средневековом обществе, которое в целом в своих моральных установках тяготело к трезвости и целомудрию. Вступление же во взрослую жизнь требовало от молодежи отказа от подобных вольностей, энергия юности должна была устремиться в традиционное социальное русло и не выплескиваться из берегов.

В отношениях между людьми огромное значение придавалось их форме. Отсюда вытекало требование скрупулезного следования традиции, соблюдения ритуала. Детализированный этикет — тоже порождение средневековой культуры.

В XIV—XV вв. происходят большие перемены в народной культуре и ментальности Западной Европы. По мере все большей секуляризации общества распространяются идеи, что некоторые области жизни, прежде всего политика, должны и могут избегнуть руководства со стороны церкви и папства, что и в религиозной сфере миряне могут проявлять себя так же, как клирики. Усугубляется «драма непонимания» между церковью и народом. Пережитки язычества, элементы народной религии, сохранявшиеся в сознании простых людей на протяжении всего Средневековья, находят выражение в распространении осуждаемых церковью магии, демономании, ведовства.

Бедствия и эпидемии, поразившие Европу в XIV—XV вв., привели к резкому обострению переживания людьми идей смерти, Страшного суда, искупления грехов через аскетизм, страдания, самоистязания. Этим идеям соответствуют в литературе и искусстве образы колеса Фортуны, хоровода смерти, влекущего к гибели представителей всех сословий.

Такие сдвиги в мироощущении общества отразились и в том, что в образе христианского Бога снова начинают преобладать черты гневного и грозного судии, карающего грешников. Одним из главных персонажей карнавалов и мистерий становится Смерть. Вместе с тем в произведениях городской и крестьянской литературы тема смерти нередко трактуется в сатирическом, а иногда и в карнавально-юмористическом плане. Народная смеховая культура давала выход психологическому, эмоциональному напряжению, накапливавшемуся в обществе.

Важной чертой духовной жизни XIV—XV вв. были рост и укрепление национального самосознания народов Европы и возникновения новых представлений об обществе. Именно в этот период появляются и закрепляются такие понятия, как граница, народ—нация. Представления о национальном единстве, своей связи с родной страной основываются уже не на признании власти того или иного короля, а как осознание общих исторических судеб народа. Более глубоким и личным становится чувство патриотизма. Складываются и осознаются наиболее характерные черты, свойственные разным народам. В литературе того времени можно обнаружить меткие характеристики французов, англичан, немцев, итальянцев. Меняются представления о роли сословий, что было отражением реального изменения их положения в обществе.

В отличие от Италии, где в XIV—XV вв. развивалась культура Возрождения, в других странах Европы, хотя и сказывалось ее влияние, но все еще преобладали черты средневекового типа культуры, средневековой ментальности.

Художественный идеал. Искусство, художественный язык Средневековья многозначны и глубоки. Эта многозначность не сразу была понята потомками. Понадобился труд нескольких поколений ученых, чтобы показать высокую ценность и своеобразие средневековой культуры, столь не похожей на античную или новoeвропейскую.

Средневековье создало свои формы художественного выражения, соответствовавшие мироощущению той эпохи. Искусство было способом отражения высшей, «незримой» красоты, пребывающей за пределами земного бытия в надприродном мире. Искусство, подобно философии, было одним из путей постижения абсолютной идеи, Божественной истины. Отсюда вытекали его символизм, аллегоричность. Сюжеты Ветхого Завета, например, толковались как прообразы новозаветных событий. Фрагменты античной мифологии усваивались как аллегорические иносказания.

Поскольку в сознании средневековых людей идеальное нередко преобладало над материальным, телесное, изменчивое и бренное утрачивало свою художественно-эстетическую ценность. Чувственное приносится в жертву идее. Художественная техника не требует больше подражания природе и даже, напротив, уводит от нее к максимальному обобщению, при котором изображение прежде всего становится знаком сокровытого. Канонические правила, традиционность приемов начинают довлеть над индивидуальным творчеством. Дело не в том, что средневековый мастер не знал анатомии или законов перспективы, он принципиально не нуж-

дался в них. Они как бы выпадали из канонов символического, стремившегося к универсализму искусства.

Средневековая культура изначально тяготела к энциклопедизму, целостному охвату всего сущего. В философии, науке, литературе это выражалось в создании всеохватывающих энциклопедий, так называемых сумм. Средневековые соборы тоже были своеобразными каменными энциклопедиями универсального знания, «библиями мирян». Мастера, возводившие соборы, пытались показать мир в его многообразии и завершенном гармоническом единстве. И если в целом собор высылся как символ мироздания, устремленного к высшей идее, то внутри и снаружи он был обильно украшен самыми разнообразными скульптурами и изображениями, которые иногда были столь похожи на прототипы, что, по мнению современников, «казалось, будто они пойманы на воле, в лесу, на дорогах». Снаружи можно было увидеть фигуры Грамматики, Арифметики, Музыки, Философии, олицетворявшие науки, изучавшиеся в средневековых школах, не говоря уже о том, что любой собор изобиловал «каменными иллюстрациями» к Библии. Все, что волновало человека того времени, так или иначе находило здесь отражение. И для многих людей Средневековья, особенно «простецов», эти «каменные книги» были одним из основных источников познания.

В X в. складывается романский стиль, который господствует в двух последующих столетиях. Он наиболее ярко представлен во Франции, Италии, Германии. Романские соборы, каменные со сводчатым перекрытием, просты и строги. У них мощные стены, это, по существу, храмы-крепости. С первого взгляда романский собор грубоват и приземист, лишь постепенно раскрывается стройность замысла и благородство его простоты, направленных на раскрытие единства и гармонии мира, прославление Божественного начала. Его портал символизировал небесные врата, над которыми как бы возносился Бог-триумфатор и высший судия.

Романская скульптура, украшающая храмы, при всей своей «наивности и неумелости» воплощает не только идеализированные представления, но напряженные лики реальной жизни и реальных людей Средневековья. Художественный идеал, облекаясь в плоть и кровь, «заземлялся». Ваятелями в Средние века были простые, а нередко и неграмотные люди. Они вносили в свои творения религиозное чувство, но это была не спиритуальность книжников, а народная религиозность, весьма своеобразно интерпретировавшая ортодоксальное вероучение. В их творениях звучит пафос не только небесного, но и земного.

Вершины романского стиля во Франции — соборы в Клуни, Отене. Своей неприступностью и монументальностью поражает

романская цитадель Каркассона — комплекс светских замковых сооружений.

Новый этап в развитии средневекового искусства и архитектуры знаменовало возникновение в середине XII в. готики. В отличие от романского, готический собор необозрим, часто асимметричен, устремлен ввысь. Его стены становятся ажурными, легкими, с высокими узкими окнами, украшенными цветными витражами. Каждый портал имеет особое оформление.

Соборы строились по заказу городских коммун. Они символизировали не только могущество церкви, но и силу и вольность городов. Эти грандиозные сооружения возводились десятки, а нередко и сотни лет.

Отличаясь большим единством, готический стиль, однако, имел свои особенности в различных странах. Франция была страной классической готики. Современники иногда называли готическую архитектуру «строительством на французский манер». Четкость конструкции, богатство декора, яркость витражей, соразмерность и гармония пропорций — основные черты французской готики (собор Парижской Богоматери, соборы в Реймсе, Амьене, Лане, Сансе и др.).

В XIV—XV вв. в архитектуре большинства стран Европы продолжал господствовать готический стиль. Готика этого периода получила наименование «пламенеющей». Для нее характерны изощренность в конструкциях, чрезмерная изысканность в убранстве, особая экспрессия скульптур.

Огромной выразительной силой обладает готическая скульптура. Предельное напряжение душевных сил отражено на лицах и в фигурах, вытянутых и изломанных, как бы стремящихся освободиться от плоти, достигнуть предельных тайн бытия. Человеческие страдания, очищение и возвышение через них — затаенный нерв готического искусства. В нем нет покоя и умиротворения, оно пронизано смятением, высоким духовным порывом. Ваятели достигают трагического накала в изображении страданий распятого Христа, Бога, подавленного своим творением и скорбящего о нем. Красота готической скульптуры — это торжество духа, его искания и борения, победа над плотью. Но готические мастера умели создавать и вполне реалистические изображения, в которых запечатлевалось теплое человеческое чувство. Мягкость и лиризм отличают фигуры Марии и Елизаветы, изваянные на портале великолепного Реймского собора. Исполнены характерности скульптуры Наумбургского собора в Германии, полна живой прелести статуя маркграфини Уты.

В готическом искусстве скульптура преобладала над живописью. Своей мощью и фантазией поражают скульптурные изображения

одного из самых знаменитых готических соборов — собора Парижской Богоматери.

Строители готических соборов были великолепными мастерами. Сохранившийся альбом архитектора XIII в. Виллара де Онекура свидетельствует о высоком профессионализме, обширных практических познаниях, самостоятельности творческих устремлений и оценок. Создатели готических соборов объединялись в строительные артели-ложи. Возникшее через несколько веков мASONСТВО использовало эту форму организации и даже заимствовало само наименование (франкмасоны — франц. «вольные каменщики»).

В конце XIV — начале XV в. одним из крупнейших европейских художественных центров становится Бургундия. Придворным мастером герцога Филиппа Смелого был выдающийся скульптор, выходец из Нидерландов Клаус Слютер. Вершина его творчества — «Колодец пророков» в Дижоне. Мощные монументальные фигуры пророков выполнены с поражающей смелостью и выразительностью, заставляющими вспомнить творения Микеланджело.

Живопись в готических соборах была представлена главным образом росписью алтарей. Однако подлинными галереями крошечных картин являются средневековые рукописи с их красочными и изысканными миниатюрами. В XIV в. во Франции и Англии появляется станковый портрет, развивается светская монументальная живопись.

В областях Испании, остававшихся под властью арабов, продолжает развиваться великолепное мавританское искусство. В XIII—XIV вв. был построен уникальный ансамбль Альгамбра в Гранаде, в котором совершенство архитектурных форм сочетается с богатым декоративным убранством.

Сегодня благодаря исследованиям нескольких поколений медиевистов средневековая культура предстает перед нами многими своими ликами. Крайний аскетизм и жизнеутверждающее народное мироощущение, мистическая экзальтация и логический рационализм, устремленность к абсолюту и страстная любовь к конкретной, вещной стороне бытия причудливо и в то же время органично соединяются в ней, подчиняясь законам эстетики, отличным от таковых в античности и Новом времени, утверждающим систему ценностей, присущую именно Средневековью. При всем разнообразии средневековая культура, исполненная внутренних противоречий, знавшая взлеты и падения, образует ансамбль, идейную, духовную и художественную целостность, которая определялась прежде всего единством исторической реальности, лежавшей в ее основании.

Глава 22

Культура Византии IV—XV вв.

Византийская культура имела огромное значение в становлении европейской цивилизации. Ее роль выходила далеко за пределы тысячелетних хронологических рамок существования самой империи. Почти половина христиан всего мира в духовном отношении являются и поныне прямыми наследниками восточно-христианской, византийской культуры.

Общие особенности византийской культуры. Византийской культуре в целом присущ ряд ярко выраженных особенностей сравнительно с культурой других европейских стран в Средние века. 1. В IV—XII вв. ее отличал значительно более высокий уровень. 2. Античное наследие в византийской культуре, хотя и в адаптированной и переработанной форме, находило проявление во всех областях, начиная с философии и кончая прикладным искусством и бытовым распорядком. 3. В органическом сплаве собственно греко-латинской культуры с традициями местных культур (египетской, сирийской, армянской, грузинской и др.) преобладал творческий гений греческого народа, особенно в ее языке — с VII в. она окончательно стала грекоязычной. 4. Ее специфика состояла и в ее открытости влиянию культур народов, живших не только в пределах империи, но и вне их — отсюда ее отчетливый восточный колорит. 5. Яркая черта культуры Византии — ее традиционность, приверженность канону, скрывающая под издревле принятыми формами борьбу идей, критериев, стилей. 6. Отличалась, наконец, византийская культура и большей типологической однородностью по сравнению с западноевропейской.

В культуре Византии, как в никакой иной в средневековой Европе, слились развитые культурные традиции весьма разных древних народов. Это объяснялось многовековым воздействием таких факторов, как: сильная централизованная власть, единство системы управления, принципов налогообложения и комплектования армии, права и судопроизводства, религии и организации церкви, государственного (греческого) языка; континуитет городской жизни с прямой культурной преемственностью между поколениями;

сравнительная интенсивность общения и обмена информацией между центром и провинциями благодаря государственной почте и обширной сети морских коммуникаций; наконец, чрезвычайная роль гигантского очага культуры — Константинополя, главного для всей империи источника новых идей, критериев и принципов, законодателя мод и вкусов.

Ранневизантийская культура. С IV до середины VII в. (т.е. в ранневизантийский период) формировалась основа византийской культуры как целостная система проявлений духовной жизни общества. Рождалась принципиально новая культура, пронизанная христианским мирозерцанием. В острой идейной борьбе христианский монотеизм приходил на смену языческому политеизму. Приверженность христианству стала идеологическим императивом — необходимым условием самого существования индивида как полноправного члена общества и подданного империи.

До конца существования империи византийское общество сохраняло древние традиции уважения к знанию. Восточно-христианскому богослову VIII в. Иоанну Дамаскину принадлежит распространенное и поныне изречение: «Ученье — свет, а неученье — тьма». В городах империи знание грамоты (чтения и счета) было обычным не только в высших, но и в средних и низших по достатку слоях населения. Резкое падение уровня образования и сокращение числа грамотных людей имели место лишь в «темные века», т.е. в VII—VIII столетиях, в условиях всеобщего кризиса и нашествия варваров. Тягу к учебе стимулировал стойкий спрос государства на образованных людей, необходимых для пополнения штата многочисленного чиновничества. Уже в IX в., в условиях упрочения аппарата власти, начался новый подъем образования.

Как и другие страны в Средневековье, Византия не знала единой всеобщей системы образования, хотя сеть школьных учреждений была здесь гораздо более широкой. Организация школы, состав дисциплин и порядок обучения были унаследованы от античности. Школы делились на две ступени: начальную и среднюю. В начальной дети с 6—9 лет изучали цикл наук, обозначаемый по традиции как «тривиум» (некогда он включал грамматику, риторику и диалектику). На деле круг дисциплин в разных школах был различным и изучались в них лишь начатки знаний. Общим было обучение в течение двух-трех лет чтению, письму, счету, основам христианского вероучения и элементам светской и библейской истории. Вместо Гомера читали теперь «Псалтирь» — главный учебник школяров. Школы были как платными — частными, так и бесплатными — монастырскими, церковными, городскими, доступными даже для бедняков. В круг дисциплин школы средней

ступени — «квадривиум» — входили арифметика, геометрия, музыка (гармония) и астрономия. Но и здесь царило разнообразие в выборе наук. На более высокой ступени изучали грамматику, риторику и логику (диалектику). Всю совокупность наук определяли как философию — чисто теоретическое знание. К практическим относили этику, политику, юриспруденцию. Знания же физических или химических свойств веществ, приобретаемые опытным путем, считались не наукой, а ремеслом. С победой христианства науку делили также на священную и светскую («внешнюю»), причем первая объявлялась госпожой, а вторая ее служанкой. Сколь ни избирательным был подход к наследию античной литературы, ее изучению отдавалось много сил. По старой традиции совершенным литературным (письменным) языком считался только аттический диалект, уже мало понятный большинству населения. Именно его, однако, изучали, на нем образованные люди говорили друг с другом и создавали свои сочинения. Между языком культуры и живой речью народа увеличивался разрыв. Попытки его преодоления начались в конце XII в., но полностью он был ликвидирован только в Новое время.

Средняя, платная школа, создаваемая обычно частным образом самими преподавателями (грамматиками), была редкостью даже в крупных городах. Продолжали образование главным образом в столице. Самого по себе понятия «высшее образование» византийцы не знали, хотя среди них было немало высокообразованных людей. Высших ступеней знания они достигали порой самостоятельно, но чаще через обучение по частному соглашению у известных эрудитов (риторов, философов, правоведов). В IV—VI вв. своими учеными славились Афины, Антиохия, Бейрут, Газа, Александрия — крупнейшие очаги высшей образованности, центры античного знания. Однако во второй половине VI—VII в. они пришли в упадок. В V в. сгорела дотла богатейшая библиотека в Александрии и была убита фанатичными монахами известная ученая — математик Ипатия. Особым эдиктом Юстиниан I закрыл прославленную в империи школу философов-неоплатоников в Афинах, еще одним своим актом подводя черту под позднеантичной эпохой. Единственным крупным рассадником учености надолго стал Константинополь, а с XII в. также Фессалоника и Трапезунд и лишь в XIII—XV вв. многие другие города.

Философия в ту эпоху была неотделима от богословия: оба понятия были почти синонимами. Разрабатывая христианскую богословскую доктрину, способную выстоять в идейной борьбе с язычеством, иными культами и ересями, византийские богословы были вынуждены опираться на логику и идеалистические учения

античности. Как и западные схоласты, византийские мыслители уделяли особое внимание логике Аристотеля, однако они изучали и комментировали труды и широкого круга других философов древности. В создание христианского вероучения как системы основополагающий вклад внесли в IV в. «три великих каппадокийца», канонисты-эрудиты Василий Великий (Кесарийский), Григорий Богослов (Назианзин) и Григорий Нисский, а также патриарх Константинополя в 398—404 гг. Иоанн Златоуст. Помимо чисто теологических концепций, они рассмотрели немало важных и поныне проблем христианской антропологии, психологии, этики, возлагавшей главную ответственность за социальный мир на государственную власть и состоятельные круги общества.

Разработка богословских тонкостей сочеталась с примитивизацией позитивного античного знания о мироздании и окружающем материальном мире: ничто не должно было противоречить Священному Писанию. Гигантский культурный переворот, сопутствовавший торжеству христианства, захватил практически все сферы духовной жизни общества, основу которой составляла отныне религиозная идея. Примером замещения античной космогонии библейским мифом о сотворении и устройстве Вселенной является «Христианская топография» Косьмы Индикоплова (греч. «плававшего в Индию»). Сообщая правдивые данные о путях сообщений, о народах, которых они связывали (а в этих данных всегда нуждались дипломаты и купцы империи), о флоре и фауне Восточной Африки, Аравии и Индии, Косьма пишет о Земле как о плоском четырехугольнике, окруженном водой и накрытом твердым небесным сводом.

Вопреки принципиальному недоверию к познаниям древних о материи, нужды сельского хозяйства, ремесла, ирригации, судостроения, зодчества, фортификации, медицины и т.д. диктовали необходимость хранить и развивать знания, добытые путем опыта. Византийцы не только изучали труды Галена и Гиппократы — они совершенствовали диагностику, хирургию, антисептику, расширяли набор лекарств растительного происхождения. Подобным было положение дел в производстве стекла, мозаичной смальты, красок, керамики, эмалей, в металлургии, ювелирном деле — во всем этом мастерство византийцев нашло международное признание. Но подобные знания не считались научными, ибо относились к сфере приземленных забот человека не о духовном, а о материальном.

Богословские труды были преобладающим жанром литературы во все века истории империи. Сопоставимой с ним, однако, по общественному значению была историография, продолжавшая

как никакой иной жанр византийского литературного творчества богатые традиции античного историописания. Историки империи до ее конца сознательно подражали своим великим предшественникам (особенно Геродоту, Плутарху, Ксенофону и Фукидиду). Вершиной историографии ранневизантийской эпохи были труды Прокопия из Кесарии, Менандра Протиктора, Агафия Миринейского. Все они владели аттической речью и все писали свои труды в VI в. По сути дела их творчество не столько «открывает» средневековую византийскую историографию, сколько «закрывает» позднеантичную. Наиболее выдающимся среди них был Прокопий Кесарийский, близкий ко двору обладатель высоких постов и титулов, очевидец важнейших событий. Он создал широкую историческую панораму — «Историю войн Юстиниана с персами, вандалами и готами». Позиция автора, стоявшего на грани двух эпох, отразилась и на его творчестве: прославляя деяния Юстиниана I в своей «Истории...» и в трактате «О постройках» как христианнейшего и мудрого правителя, Прокопий в своей «Тайной истории» (для близких и друзей из сенаторской оппозиции) создал образ жестокого и безнравственного самодура, ответственного за все беды империи.

Собственно средневековый жанр исторического повествования — хронография — возник в конце III — начале IV в. и постепенно стал выдвигаться на первый план. Основоположителем жанра был церковный писатель Евсевий Кесарийский. Характерными признаками созданной им хроники, как и большинства позднейших, были: начало изложения «от сотворения мира» (от Адама) с кратким обзором истории древних (упоминаемых Библией) народов, начиная с халдеев и кончая римлянами, и лишь затем — относительно подробный, погодный, рассказ о хронологически близких автору событиях, из которых чисто субъективно отбирались и регистрировались важнейшие. «Мировая хроника» не имела логической концовки: она обрывалась годом, до которого ее доводил данный автор или его преемник. Предполагалось, что у каждой такой хроники в последующем может появиться продолжатель. Авторская индивидуальность, аналитичность были чужды хронисту: без какой бы то ни было критики самые разные источники, включая легенды и исторические анекдоты, использовались с разной степенью доверия. Всякого рода чудеса, явления природы, казусы частной жизни героев и крупные сражения, государственные перевороты и народные бедствия излагались как факты, равнозначные по их важности. Авторами хронографов были обычно представители духовенства, в частности — монахи. По своему происхождению, миропониманию и кругу общения

они были близки к низшим и средним социальным слоям, их язык и стиль были понятны народу, и хроники стали со временем популярны. Их переводили на свой язык ближние и дальние соседии, как, например, хроникую Иоанна Малалы (VI в.).

Христианское мировоззрение постепенно овладевало и другими жанрами византийской культуры, которые можно определить как собственно художественные, но до конца VI в. и в этой сфере преобладали античные традиции. Они пронизывали и любовную лирику, и эпиграммы, и речи по поводу тех или иных событий общественной и частной жизни, и эротические повествования, и всегда распространенную в империи эпистолографию как особый вид литературного творчества, выходявшего далеко за рамки обмена письменной информацией. Новым религиозным жанром, сложившимся в то же время, была церковная поэзия, или гимнография. Огромную роль в становлении высокого искусства восточно-христианского церковного сладкогласия (хорового песнопения) сыграл в первой половине VI в. Роман Сладкопевец — поэт, певец, музыкант. Его гимны (он создал их около 1000) отличали совершенная форма, высокий накал чувств, покоряющая мелодика, близкая по ритму к народной песне.

Яркий колорит поздней античности характерен в IV—VI вв. и для важнейших областей византийского искусства (живописи, архитектуры, мелкой пластики). Новое, христианское идейное содержание облекалось на первых порах еще в старые формы. Наиболее наглядно это проявлялось в мозаичных, как правило — масштабных, изображениях. Мозаики Большого императорского дворца представляют с большим мастерством и реализмом сцены из сельской жизни, выполненные в многоцветной гамме мозаики храма-ротонды в Фессалонике — галереей ликов святых с явно выраженными индивидуальными характеристиками, как и мозаики церкви Сан-Витале в Равенне со знаменитыми изображениями Юстиниана и Феодоры. Однако в других мозаиках того же храма и того же времени уже четко отражена христианская эстетика: изображение воспроизводило не облик конкретного человека, а заключенную в нем религиозную идею. Такая же эволюция свойственна и другим жанрам византийской живописи: настенной росписи (фреске) и книжной миниатюре. Однако особенно полно и выразительно духовная символика воплощена в специально созданном в ранней Византии для этой цели жанре живописи — иконе. Она стала наиболее характерным и оригинальным видом восточно-христианского изобразительного искусства. Иконописцы владели и отточенной техникой мастеров древности, и искусством передачи глубокого психологизма, присущего позднеантичному

портрету, но они переосмыслили его с позиций новой функциональной роли изображения и новых эстетических принципов, утверждавших примат духа над материей: икона запечатлевала не столько облик того или иного святого, сколько присущие ему добродетели.

Византийские архитекторы также в совершенстве усвоили опыт своих древних предшественников. В крупных городах сохранились от античности и водопроводы, и термы, и стадионы, хотя в планировке постепенно восторжествовал средневековый принцип: на центральной площади располагались главный храм и здания администрации, а жилые кварталы разбегались от центра к периферии, возведенные обычно без всякого плана, с использованием особенностей ландшафта. Сохранившиеся доныне шедевры строительной техники, созданные в ранней Византии, свидетельствуют о глубоких познаниях зодчих в математике и геометрии, в физических и химических свойствах материалов, в законах гармонии и акустики. Самым выдающимся архитектурным памятником ранней эпохи является храм Божественной Премудрости (св. Софии) в Константинополе. Он был построен в 532—537 гг. Исидором из Милета и Анфимием из Тралл. Грандиозные размеры храма, залитого светом из сорока окон у основания гигантского купола, как небосвод венчавшего здание, мрамор многочисленных колонн, золото мозаик, краски фресок — все было призвано символизировать могущество и единство богоизбранной христианской империи.

Культура ранней Византии находилась на перепутье: она изживала старый, позднеантичный облик, утрачивая немало былых высоких ценностей. Она проникалась новыми духовными идеалами, используя старые и обретая новые формы. Но процесс был далек от завершения — синтез местных разнородных и разнородных традиций еще не привел к рождению единой, гомогенной системы.

Культура VII—XII вв. В «темные» века глубокий кризис с особой силой отразился на культурной жизни общества. Именно от VII—VIII вв. сохранилось неизмеримо меньше источников, чем от предыдущих. Круг даже элементарно грамотных людей резко сузился, общий уровень культуры упал и в среде высшей знати. Однако образованность высоко ценилась в византийском обществе во все эпохи. Уже в середине VIII в. грамотность снова была достоянием широких слоев горожан, включая женщин.

Настоящим гимном науке, в том числе античной, явился созданный тогда христианским богословом, проживавшим в Багдаде, св. Иоанном Дамаскином труд «Источник знания», первый грандиозный опыт его систематизации. Иконоборческие споры и борьба

с ересями стимулировали жажду образования и побуждали императорскую власть содействовать развитию школы. Высшая школа при дворе существовала уже в первой половине IX в., а в середине этого столетия высоким уровнем обучения славилась Магнаврская школа, названная по имени одного из самых больших залов императорского дворца. Преподавал в ней и просветитель славян Кирилл-Константин, по прозвищу Философ. Особую роль в организации образования, повышении его уровня и возрождении интереса к античному знанию сыграл патриарх Фотий, один из самых просвещенных людей того времени. Он утверждал идею о ценности положительного (светского) знания, независимо от его источника, включая знания древних о природе и материи, считал вредными даже усвоенные ранее церковью суеверия (включая космогонию Космы Индикоплова). Патриаршеством Фотия (858—867, 877—886), совпавшего с правлением Василия I Македонянина, основателя новой династии, датируют начало «Македонского возрождения» наук и искусств в империи.

Во второй половине IX в. были заложены предпосылки нового расцвета византийской культуры, длившегося вплоть до захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. Контроль церкви над духовной жизнью общества сохранялся и в этот период, временами он даже ужесточался (например, при Алексее I и Мануиле I Комнинах), однако в целом не был уже столь всеобъемлющим и жестким. Сохранялась и почти безраздельная преданность православию, но она сочеталась теперь, даже в среде иерархов, с уважением к античному наследию и с глубоким его изучением. Под влиянием идеалов античности и культа власти василевса, прославляемого не только церковными, но и мирскими властями, относительную самостоятельность приобрели светские направления в литературе и искусстве. Среди византийских интеллектуалов уже имелись сторонники идеи сферичности Земли и теорий о геоцентрическом или гелиоцентрическом строении Вселенной. В 1045 г. в Константинополе открылось новое высшее училище, условно называемое университетом, с двумя факультетами (философским и юридическим), где преподавали авторитетнейшие эрудиты того времени, а в конце XI в. — и «Патриаршая Академия» для подготовки высших иерархов церкви. В X—XII вв. почти все императоры, независимо от уровня собственной образованности, считали своим долгом содействовать расширению сети школ и помогать им материально. На более высокую ступень культура империи — по широте распространения ее высших форм, по сюжетному, жанровому и стилевому разнообразию — поднялась в XII в., в эпоху так называемого «Комниновского возрождения».

Интенсивность духовной жизни Византии обусловила превращение ее культуры в течение X—XII вв. в единую, типологически однородную систему.

В VIII в. главное внимание общества было вновь приковано к проблемам богословия. Встала необходимость во всеобъемлющей систематизации христианского вероучения. Эту задачу выполнил Иоанн Дамаскин в труде «Точное изложение православной веры», всегда пользовавшемся авторитетом у богословов. Следуя принципу «не люблю ничего своего», автор привел в стройную систему учение церкви, устранив имевшиеся там противоречия и решительно встав на защиту иконопочитателей.

В философских исканиях X—XI вв. противоборствовали две тенденции. Первая была связана с увлечением части византийских эрудитов идеями Платона, позволявшими усомниться в преимуществах слепой веры перед возможностями просвещенного разума. Поэт Иоанн Мавропод, учитель Михаила Пселла, ученого, писателя, историка второй половины XI в., молил Бога допустить в рай язычника Платона, который просто не мог знать веры Христовой. Пселла современники-богословы порицали за элементы рационализма в его «Логике», недопустимые, на их взгляд, для «ипата (т.е. главы) философов», каким его назначил император при столичном университете. Ученик же Пселла Иоанн Итал, его преемник на посту ипата, за упорство в «платонизме» был лишен должности и осужден церковью. Вторая — господствующая — среди мыслителей-богословов тенденция выражалась в утверждении идеи совершенствования в добродетелях в духе христианской этики. Наиболее оригинальным среди мистиков был Симеон Новый Богослов (949—1022), согласно учению которого человек способен благодаря молитве и духовному очищению достигнуть при жизни реального единения с Богом. Для духовной жизни XI—XII вв. характерно периодическое появление богословских полемических трактатов, направленных против «заблуждений» и неправоверия «латинян», армян-монофизитов и иудеев. Сложился обычай, побуждавший каждого из видных церковных деятелей создать хотя бы один трактат на эту тему.

Крупными успехами культура Византии отмечена и в сфере естественных наук (в математике, механике, химии, биологии и т.п.). К середине VII в. относится изобретение «греческого огня». Современник Фотия, один из основоположников алгебры, Лев Математик изобрел световой телеграф, позволявший узнавать в столице о вторжении арабов на восточных рубежах всего через несколько часов, а также механизмы-автоматы, заставлявшие во время приемов трон императора вдруг вздыматься ввысь, статуи львов — бить хвостами и рычать, металлических птиц — порхать и щебетать.

Расцвели в это время и чисто практические знания: картография, составление «путеводителей» для путешественников по суше. При Константине VII Багрянородном (913—959) был предпринят грандиозный труд по систематизации знаний, накопленных со времен древности. Было составлено более 50 своего рода «энциклопедий» и трактатов по агрономии, медицине, воинскому искусству, дипломатии и т.п. Самому императору приписывают (частичное или полное) авторство таких трудов, как «О фемах», «Об управлении империей», «О церемониях царского двора».

В течение трех с половиной столетий (вторая половина VII — X в.) византийская историография постепенно возрождалась. Видное место на рубеже VIII—IX вв. принадлежит историописаниям патриарха Никифора и Феофана Исповедника, а в X в. — Льва Диакона, подробно осветившего войны князя Святослава на Балканах. Подлинный расцвет историографии Византии приходится на XI—XII вв., когда было создано более полутора десятков выдающихся исторических сочинений. Одним из самых ярких среди них, талантливым повествованием, написанным в конце XI столетия, является «Хронография» Михаила Пселла, представляющая жанр исторической биографии. С блестящим мастерством и беспощадным цинизмом Пселл вскрывает всю подноготную личной жизни и государственной деятельности 12-ти венценосцев, воздавая каждому должное за достойные деяния и с лихвой — за все недостойные (восьмерых из них он знал лично, будучи их фаворитом). «Алексиада» Анны Комнины, дочери Алексея I, — также историческая биография, но лишь одной личности — ее отца, деятельность которого она посмертно прославляет, демонстрируя высокую образованность, верность антицизму и литературное мастерство (Анна подражает Фукидиду). На рубеже XII—XIII вв., как непосредственное продолжение «Алексиады», создал свой труд видный сановник Никита Хониат. Его «История» — обширное повествование о судьбах империи с 1118 до 1206 г. (особенно подробное — о падении столицы в 1204 г.). Труд проникнут гуманистическими мотивами, автору присуща четкая гражданская позиция, он глубоко переживает события, свидетелем которых был сам. Размышляя над прошлым и лично пережитым, Никита честно ищет причины крушения великой империи.

Византийская литература пережила время медленного возрождения в конце VII — VIII в. и последовавшего затем расцвета при императорах Македонской и Комниновской династий. Для конца VII — VIII в. характерно безраздельное господство в литературе жанра житий святых (агиографии). Наряду с рассказами о чудесах и мученичествах святых в житиях отразились яркие картины

повседневного быта, условия труда и жизни народа, а порой и исторические события. Положение в литературе стало меняться с начала IX в. К первой его трети относится творчество поэтессы Касии, бичевавшей невежд и самодуров среди власть имущих. С середины IX в. в кругах знати стали распространяться романы в прозе и стихах на темы античной мифологии и истории. Отвечая широкому интересу к трудам древних, патриарх Фотий составил сборник отзывов о 280 сочинениях христианских и античных авторов с подробными выписками из них. Сборник получил название «Мириовивлион» («Описание множества книг»). Немало утраченных позднее трудов известно только по выпискам Фотия. Большой популярностью у византийцев и у их соседей пользовался созданный в IX—X вв. на основе народных песен о борьбе с арабами эпос о Дигенисе Акрите, прославляющий подвиги юного воина и его любовь к прекрасной девушке. «Поэма» проникнута идеей патриотизма, сознанием человеческого достоинства, независимости, ценности простых радостей жизни. «Поэма» была переведена на древнерусский язык. Расцветает в XII в. и басенный жанр с остро выраженной и социально ориентированной критикой властей и существующих порядков. Важная особенность созданной на базе эпоса литературы состояла в доступности ее языка широким кругам населения империи.

Восхождением к высокой степени совершенства отмечено и изобразительное искусство IX—XII вв. Образцов икон VII — первой половины IX в. сохранилось немного: они были уничтожены иконоборцами. Мастерство иконописцев X—XII вв. по-прежнему подчинялось требованиям религиозной эстетики: именно в этой сфере искусства контроль церкви был особенно строгим. Канон, трафарет, образец, глубокий спиритуализм и стилизация стали нормой, включая набор сюжетов, галереи образов, расположение фигур, сочетание цветов и светотеней. Все это соединялось, однако, с предельной выразительностью воплощаемой в иконе религиозной идеи. На те же принципы были ориентированы и книжная миниатюра, и фресковая роспись, широко представленная в церквях, которые в это время обрели новую форму: на смену базилике пришел крестово-купольный храм с богатым внешним и внутренним декором. Живописный канон господствовал и в комниновскую эпоху, но существенно возросло число сюжетов, улучшилась техника, возросло внимание к индивидуальности характеристик. Одной из особенностей творчества византийских живописцев являлась повышенная эмоциональность при восприятии ими образа и при воплощении замысла: иконописец выступал в роли некоего ходатая за слабого человека перед Богом, умолял его о смягчении кары за людские грехи.

В конце XI — XII в., несмотря на углубляющиеся расхождения между константинопольской и римской церквами и все более частые столкновения с военными силами Запада, его культурный обмен с империей стал более интенсивным. Стало более активным санкционированное и несанкционированное властями и церковью заимствование неидеологизированных форм западной культуры и искусства, особенно прикладного, в музыке, одежде, быту. Эти влияния не меняли, однако, сущности культуры империи. Наряду со свойственными ей высокими ценностями общечеловеческого значения, ей по-прежнему были присущи такие черты, как неприятие нового, традиционализм, внешняя помпезность, приверженность к строгой обрядности, надменность и дидактика, порождаемые сознанием своего превосходства над культурой народов всего остального мира.

Поздневизантийская культура. После развала империи в 1204 г. развитие культуры в каждом из ее «осколков» совершалось, по крайней мере до 1261 г., изолированно, без живых постоянных связей. Несмотря на это важное обстоятельство, она осталась, как и была до этого, византийской в своей основе, вековые ценности и традиции остались во всем главным непоколебленными. Непосредственная преемственность с культурой Константинополя была особенно характерна для культурного развития Никейской империи. В никейский период и было в основном подготовлено то «Палеологовское возрождение», которое началось через 20 лет после отвоевания столицы (1261 г.). Именно в никейский период в духовном облике византийца появилась новая черта — осознание принадлежности к греческому этносу, имевшему, помимо «общеромейских», свои особые свойства и свое особое место среди других народов.

На территориях, захваченных крестоносцами, темпы развития местной культуры замедлились (ее элита эмигрировала, а у оставшихся не доставало средств на поддержание прежнего уровня образованности и искусства). Тем не менее и под иноземным владычеством общий культурный облик и внутренний мир населения остались также византийскими, восточно-христианскими. Проявления синтеза местной и западной культур здесь были более отчетливыми, но и тут он происходил на почве преимущественно византийской культуры даже в кругах высшей знати завоевателей: «латиняне» огречивались. Латинская Романия сыграла роль посредника в передаче на Запад сочинений античных и византийских авторов. В свою очередь, под влиянием латинского Запада и Византии возник рыцарский роман, проникали в поэзию мотивы куртуазной лирики.

Культурный подъем XIV—XV вв. происходил на фоне быстрого заката империи как могущественного государства, изнемогшего от внутренних бед и ударов внешних врагов. В VII в. сходная ситуация привела к временному культурному упадку, теперь же, напротив, — к активизации культурной жизни. Причина этого отличия состояла прежде всего в более высоком уровне, в большей устойчивости культуры Византии к началу XII в. На этот раз драматизм общей ситуации вызвал более широкий резонанс в обществе. Вопреки неистребимым представлениям византийцев о «богоизбранности» империи, претендовавшей на первенство в цивилизованном мире, она недавно, на свежей памяти, была разгромлена и унижена крестоносцами и ныне снова, после непродолжительного укрепления, теряла силы, а в последнее столетие опустилась вообще до положения вассала иноверцев-турок. Все это накаляло эмоциональную сферу, побуждало культурные круги лихорадочно искать выход, жить в постоянно интеллектуальном напряжении. Активные связи с представителями западной культуры, в особенности с итальянскими гуманистами, давали новую пищу для размышлений. В VII в. империя была одинокой перед полчищами варваров, теперь она составляла часть христианского мира. Вопреки небеспочвенным опасениям перед Западом в сознании многих видных византийцев теплилась надежда, представлялась реальной альтернатива: либо купить помощь западных держав ценой конфессиональных уступок папству, либо найти компромисс с османами, не поступаясь верой.

Культура эпохи Палеологов свидетельствует о развитии в ее лоне качественно новых процессов и об убыстрении темпов прогресса в самых разных сферах духовной жизни общества. Новое состояло в большей свободе суждений по вопросам веры и в критике ортодоксального христианства, в большей терпимости к иноверцам, в более рационалистическом понимании явлений природы, в нарастании внимания к внутреннему миру человека, в уважении к его личности, в признании добродетелью не только благочестия и смирения, но и порядочности — как нормы поведения и служения отечеству, как нравственного долга. Такова в целом была позиция той части византийских интеллектуалов, которые были носителями гуманистических тенденций. К ним принадлежали выдающиеся ученые Феодор Метохит, Мануил Хрисолор, Георгий Гемист Плифон, Виссарион Никейский. Тесно связанные с деятелями итальянского Ренессанса, они однако не стали в подлинном смысле идеологами гуманизма. Почва для этого социокультурного течения оказалась еще неподготовленной процессами исторического развития империи. Наиболее радикальные

идеи высказывал Плифон, а именно: отказ от частной собственности на землю, государственное руководство производственной деятельностью, возврат к реформированному античному язычеству как религии подлинных греков, ликвидация монастырей. Позиция «гуманистов», в особенности их тезис, что церковные уступки папству — вполне приемлемая плата за спасение империи, вызвали острую критику, получившую общественно-политическое значение. Их непримиримыми оппонентами оказались гораздо более многочисленные круги и среди образованной светской знати, и особенно среди духовенства.

Это были исихасты — последователи популярного в империи в течение последнего столетия ее существования мистического учения. Основы этого учения были заложены много веков назад в монашеской среде, в особенности Симеоном Новым Богословом. Оно долго оставалось теоретической базой истового подвижничества для немногочисленных кругов аскетического монашества. В середине XIV в., в условиях нестабильности и острой тревоги за судьбы империи и веры, оно было обстоятельно развито Григорием Паламой, архиепископом Фессалоники (ок. 1297—1359). Палама учил, что спасение возможно через прижизненное слияние с Богом путем индивидуального религиозного подвижничества и экстаза, путем углубленной мысленной молитвы в состоянии абсолютного физического покоя («исихии») и полного отрешения от материальных помыслов. Против теории Паламы выступили происходивший из Калабрии монах Варлаам, отстаивавший примат разума над верой, писатели и теологи Никифор Григора и Григорий Акиндин. В споры вокруг исихазма были вовлечены придворные круги и сам император. В 1351 г. церковный собор в столице, при активном вмешательстве императора-узурпатора Иоанна VI Кантакузина (1347—1354), не только осудил оппонентов Паламы, но и признал его учение канонически безупречным. Исихазм быстро стал господствующей идеологической доктриной в империи и скоро широко распространился в других православных странах.

Общественную роль исихазма нельзя оценить однозначно. Вряд ли исихазм в политической обстановке последнего столетия империи оказался своевременной, вызванной жизнью доктриной, способной дать идеологический импульс для мобилизации сил общества в период смертельной опасности. Исихасты, укрепляя верующих в беззаветной преданности православию, проповедовали как путь к спасению сознательное отстранение от насущных проблем жизни, в то время когда были необходимы энергичные

и решительные действия и трезвая оценка реального положения дел. (Известно, что множество византийцев возлагали все надежды на Бога, до последнего часа борьбы ожидая сверхъестественного чуда.) Иначе оценивается культурно-идеологическая роль исихазма. Он утверждал высокогуманный нравственный кодекс, разработал систему духовного самосовершенствования верующих, создал стройную эстетическую концепцию, сконцентрированную на отражении духовного мира человека, оказал влияние на развитие изобразительных искусств, укрепляя их традиционную верность «классицизму». Исихазм не обрел безраздельного господства в живописи: ему противостояло новое течение, тяготевшее к реализму. Для этого течения характерны динамизм, экспрессия, эмоциональность рисунка, как и новые приемы письма: свежая игра светотени, красочная палитра, многомерность пространства и композиций. Ярким образцом поднимающегося к новым высотам византийского изобразительного искусства являются мозаики монастыря Хора близ Константинополя (ныне мечеть Кахрие-Джами), которые дают представление и о мастерстве зодчих поздней Византии.

Трактуя идеи «гуманистов» как еретические, а склонность к унии как предательство православия, исихасты при поддержке высшей власти одержали победу, лишив «гуманистов» всякого влияния на общественную жизнь и подтолкнув многих из них к эмиграции на Запад (в основном — в Италию), к чему, впрочем, часть их была и без того готова.

Богатая историография XIII—XV вв. развивала традиции жанра историописания комниновского времени. Среди историков поздней эпохи выделяется Иоанн Кантакузин, писавший свой труд после отречения от престола как изворотливую, умную апологию деяний своей персоны, повинной в гражданской войне (он был узурпатором) и в появлении первых орд османов на земле империи (они были его союзниками в борьбе с законными императорами). Историк XV в. Дука описал трагические дни осады, штурма и падения Константинополя в мае 1453 г. Своеобразен историко-этнографический труд Лаоника Халкокондила. Его сочинение представляет собой серию новелл; в поле зрения автора не только турки, но почти все страны и народы Европы. По характеру изложения материала труд Халкокондила, хотя и отличается архаизацией стиля, приближается порой к художественной прозе, которая в эту эпоху отличалась большим разнообразием жанров.

Османское завоевание поразило византийскую культуру на небывалом взлете. Но закат империи не означал исчезновения ее

культуры. Во-первых, она осталась фундаментом дальнейшего развития культуры греков, питая сознание их собственной идентичности и этнокультурного своеобразия. Во-вторых, ее традиции сохранялись во всех православных странах (Руси, Болгарии, Сербии, Грузии, Молдавии и Валахии) при всех превратностях их судеб. В-третьих, наследие этой культуры продолжало развиваться в единственной православной стране, остававшейся вне власти мусульман, — в Московской Руси. В-четвертых, наконец, духовные ценности культуры Византии составили неотъемлемую часть мировой культуры, обогатив как культуру Ренессанса, так и культуру Европы в целом в последующие периоды ее истории.

Раннее Возрождение и гуманизм в Италии XIV—XV вв.

Исторические предпосылки возникновения культуры Возрождения. Культура Возрождения в Европе охватывает период от 40-х годов XIV в. до первых десятилетий XVII в. В разных странах она зарождалась и достигала расцвета в разное время. Раньше всего она сложилась в Италии. Возникновение культуры Возрождения было подготовлено рядом общеевропейских и локальных исторических условий. В XIV—XV вв. наиболее полно раскрылись возможности феодализма, что было связано прежде всего с широким распространением товарно-денежных отношений. Начали зарождаться раннекапиталистические элементы. Италия одной из первых вступила на этот путь, чему в немалой степени способствовали высокий уровень урбанизации северной и центральной частей страны, подчинение деревни городу и широкий размах ремесленного производства, торговли, финансового дела, ориентированных не только на внутренний, но и на внешний рынок (см. гл. 13).

Хотя ведущие позиции в политической жизни большинства итальянских государств принадлежали нобилитету и верхушке пополанства, высокую социальную активность проявляли средние слои пополанства и городские низы. Богатый, процветающий итальянский город стал основой формирования культуры Возрождения, светской по своей общей направленности, отвечавшей потребностям общественного развития. Крупное купечество, верхушка пополанства и городская знать сосредоточивали в своих руках огромные богатства. Часть этих средств щедро тратилась на строительство дворцов с пышным внутренним убранством, на сооружение семейной капеллы в старинной церкви, на устройство празднеств по случаю фамильных торжеств и, конечно, на образование детей, создание домашних библиотек и т.п. Это увеличивало потребность в архитекторах, художниках, музыкантах, квалифицированных учителях.

Успех на государственной службе во многом определялся тогда совершенным знанием латинского языка (в XIV—XV вв. он оставался официальным языком внутренней и внешней политики), блеском ораторского искусства. Не только для городской верхушки, но и для пополанской среды в целом был характерен сравнительно высокий уровень грамотности, что объясняется распространением начального образования в школах, содержавшихся на средства городской коммуны, а также профессионального обучения в лавках ремесленников и торговцев.

Интенсивная жизнь итальянского города давала мощные импульсы развитию светской культуры Возрождения, решительно отходившей от церковно-схоластической традиции Средневековья, оплотом которой оставались монастырские школы и университеты. Складывание новой культуры было подготовлено и общественным сознанием, изменениями в настроениях различных социальных слоев, особенно пополанства и зарождавшейся в его недрах ранней буржуазии. Аскетизм церковной морали в эпоху активного торгово-промышленного и финансового предпринимательства серьезно расходился с реальной жизненной практикой этих социальных слоев с их стремлением к мирским благам, накопительству, тягой к богатству, неразборчивостью в средствах. В психологии купечества, ремесленной верхушки отчетливо проступали черты рационализма, расчетливости, смелости в деловых начинаниях, осознания личных способностей и широких возможностей. Складывалась мораль, оправдывающая «честное обогащение», радости мирской жизни, венцом успеха которой считались престиж семьи, уважение сограждан, слава в памяти потомков. Рост светских настроений, интерес к земным деяниям человека — важный идейный фактор, оказавший влияние на возникновение и дальнейшее формирование культуры Возрождения.

Этот процесс имел и историко-культурные предпосылки. Задачей деятелей новой культуры стало восстановление преемственной связи с высокоразвитой культурой античности, во многом утраченной в VI—XI вв. и лишь частично возрождавшейся в XII—XIII вв. Достижения древних ученых, философов, поэтов, архитекторов, скульпторов послужили образцом, точкой отсчета для творцов культуры Возрождения, которые стремились не только подражать своим предшественникам, но и превзойти их. У культуры Возрождения были и средневековые корни — светские традиции городской, народной, рыцарской культуры (см. гл. 21).

Понятие «Возрождение». Термин «Возрождение» (во французской форме — «Ренессанс») в XV—XVI вв. означал духовное обновление, подъем культуры после ее «тысячелетнего упадка». Отношение

деятелей новой культуры к «средневековому варварству» было подчеркнуто негативным.

По своей сущности культура Возрождения была культурой переходной эпохи от феодального строя к капиталистическому, сложной по своей социальной основе, но во многом отразившей устремления наиболее передовых слоев феодального общества. Творцами ренессансной культуры были выходцы из самых разных социальных слоев, а ее достижения в гуманитарных знаниях, литературе, искусстве, архитектуре стали достоянием всего общества, хотя в большей мере — образованной и состоятельной его части. К новой культуре проявляли интерес и материально стимулировали ее развитие представители крупного купечества, феодальной знати, городского патрициата, правители итальянских, а с конца XV в. и других европейских государств, наконец, папский двор и часть духовенства. Однако далеко не во всех случаях высшие слои привлекала идейная сторона Возрождения, несравненно большее значение имели для них высокий уровень образования, художественные достоинства литературы и искусства, новые формы архитектуры, даже мода.

Идейной основой ренессансной культуры стал гуманизм, светски-рационалистическое по своей главной направленности мировоззрение. Оно лишь частично отражало интересы и настроения социальной верхушки, будучи по содержанию мировоззрением более широких слоев общества, поскольку освобождало сознание человека от сословных, корпоративных, церковно-схоластических пут, способствовало раскрытию его творческих потенций, активной, деятельной жизни.

Ранний гуманизм. Программа новой культуры. Отдельные элементы гуманистической мысли были уже в творчестве Данте (см. гл. 21), хотя в целом его мировоззрение оставалось в рамках средневековых традиций. Подлинным родоначальником гуманизма и ренессансной литературы стал Франческо Петрарка (1304—1374). Выходец из пополанской семьи Флоренции, он многие годы провел в Авиньоне при папской курии, а остаток жизни — в Италии. Автор лирических стихотворений на вольгаре (складывавшемся национальном языке), героической латинской поэмы «Африка», «Буколических песен», «Стихотворных посланий», Петрарка в 1341 г. был увенчан в Риме лавровым венком как величайший поэт Италии. Его «Книга песен» («Канцоньере») отразила тончайшие оттенки индивидуального чувства, любви поэта к Лауре, все богатство его души. Высокие художественные достоинства, новаторство поэзии Петрарки придали ей классический характер уже при его жизни; влияние его творчества на дальнейшее развитие литературы Возрождения было огромным.

Гуманистические идеи Петрарка развивал и в латинских прозаических сочинениях — диалоге «Моя тайна», трактатах, многочисленных письмах. Он стал глашатаем новой культуры, обращенной к проблемам человека и опирающейся прежде всего на наследие древних. Ему принадлежит заслуга собирания рукописей античных авторов, текстологической их обработки. Подъем культуры после «тысячелетнего варварства» он связывал с углубленным изучением древней поэзии и философии, с переориентацией знания на преимущественное развитие гуманитарных дисциплин, особенно этики, с духовной свободой и нравственным самосовершенствованием личности через приобщение к историческому опыту человечества. Одним из центральных в его этике было понятие *humanitas* (дословно — человеческая природа, духовная культура). Оно стало основой построения новой культуры, давшей мощный толчок развитию гуманитарных знаний — *studia humanitatis*, отсюда и утвердившийся в XIX в. термин «гуманизм». Петрарке была свойственна и некоторая двойственность, противоречивость: еще сильна была власть средневековых стереотипов мышления. Утверждение светских начал в его мировоззрении, осмысление права человека на радость земной жизни, наслаждение красотой окружающего мира, любовь к женщине, стремление к славе — становились итогом длительной внутренней борьбы, особенно ярко отразившейся в диалоге «Моя тайна», где сталкивались две позиции: христиански-аскетическая и мирская, две культуры — средневековая и ренессансная.

Петрарка бросил вызов схоластике: он критиковал ее структуру, недостаточное внимание к проблемам человека, подчиненность теологии, осуждал ее метод, основанный на формальной логике. Он возвеличивал филологию, науку о слове, в котором отражается суть вещей, высоко ценил риторику и поэзию как наставницу в нравственном совершенствовании человека. Программа становления новой культуры в главных чертах была намечена Петраркой. Ее разработку завершили его друзья и последователи — Боккаччо и Салютати, творчество которого завершает этап раннего гуманизма в Италии.

Жизнь Джованни Боккаччо (1313—1375), происходившего из купеческой семьи, была связана с Флоренцией и Неаполем. Автор написанных на вольгаре поэтических и прозаических сочинений — «Фьезоланские нимфы», «Декамерон» и других, он стал подлинным новатором в создании ренессансной новеллы. Книга новелл «Декамерон» имела огромный успех у современников и была переведена на многие языки. В новеллах, где прослеживается влияние народной городской литературы, нашли художественное выражение гуманистические идеи: представления о человеке, чье

достоинство и благородство коренятся не в знатности рода, а в нравственном совершенстве и доблестных деяниях, чья чувственная природа не должна быть подавляема аскетизмом церковной морали, чей ум, сметливость, мужество — именно эти качества придают ценность личности — помогают выстоять в жизненных невзгодах. Смелая светская концепция человека, реалистическое изображение общественных нравов, высмеивание лицемерия и ханжества монашества навлекли на него гнев церкви. Боккаччо предлагали сжечь книгу, отречься от нее, но он остался верен своим принципам.

Боккаччо был известен современникам и как ученый-филолог. Его «Генеалогия языческих богов» — свод античных мифов — раскрывает идейное богатство художественной мысли древних, утверждает высокое достоинство поэзии: Боккаччо поднимает ее значение до уровня теологии, видя в обеих единую истину, лишь выраженную в разных формах. Эта реабилитация языческой мудрости в противовес официальной позиции церкви была важным шагом в становлении светской культуры Возрождения. Возвеличение античной поэзии, понимаемой широко, как и всякое художественное творчество, — характерная черта раннего гуманизма от Петрарки до Салютати.

Колюччо Салютати (1331—1406) принадлежал к рыцарскому роду, получил юридическое образование в Болонье, с 1375 г. и до конца дней занимал должность канцлера Флорентийской республики. Он стал известным гуманистом, продолжив начинания Петрарки и Боккаччо, с которыми его связывали дружеские отношения. В трактатах, многочисленных письмах, речах Салютати развивал программу ренессансной культуры, понимая ее как воплощение общечеловеческого опыта и мудрости. Он выдвигал на первый план новый комплекс гуманитарных дисциплин (*studia humanitatis*), включавших филологию, риторику, поэтику, историю, педагогику, этику, подчеркивал их важную роль в формировании высоконравственного и образованного человека. Он теоретически обосновал значение каждой из этих дисциплин, особенно подчеркивая воспитательные функции истории и этики, отстаивал гуманистическую позицию в оценке античной философии и литературы, вступал в острую полемику по этим принципиальным вопросам со схоластами и теологами, обвинявшими его в ереси. Особое внимание Салютати уделял вопросам этики — внутренне-го стержня гуманитарных знаний, в его концепции главным был тезис о том, что земная жизнь дана в удел людям и их собственная задача — построить ее согласно природным законам добра и справедливости. Отсюда и нравственная норма — не «подвиги» аскетизма, а творческая активность во имя блага всех людей.

Гражданский гуманизм. В первой половине XV в. гуманизм превращается в широкое культурное движение. Центрами его становятся Флоренция (она сохраняет лидерство до конца столетия), Милан, Венеция, Неаполь, позже Феррара, Мантуя, Болонья. Возникают кружки гуманистов и частные школы, ставящие целью воспитание всесторонне развитой свободной личности. Гуманистов приглашают в университеты для чтения курсов риторики, поэтики, философии. Им охотно предоставляют должности канцлеров, секретарей, дипломатов. Складывается особая социальная прослойка — гуманистическая интеллигенция, вокруг которой формируется научная и культурная среда, приобщенная к новой образованности. Быстро набирают силу и авторитет гуманитарные дисциплины. Широкое хождение получают тексты античных авторов с комментариями гуманистов и их собственные сочинения.

Происходит и идейная дифференциация гуманизма, в нем намечаются различные направления. Одним из ведущих направлений в первой половине XV в. стал гражданский гуманизм, идеи которого развивали преимущественно флорентийские гуманисты — Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери, а затем их младший современник Аламатто Ринуччини. Этому направлению был свойствен интерес к социально-политической проблематике, которая рассматривалась в тесной связи с этикой, историей, педагогикой. Принципы республиканизма, свободы, равенства и справедливости, служения обществу и патриотизма, характерные для гражданского гуманизма, выросли на почве флорентийской действительности — в условиях пополанской демократии, которую во второй половине XV в. сменила тирания Медичи.

Основоположником гражданского гуманизма был Леонардо Бруни (1370 или 1374—1444), ученик Салютати, так же, как и он, в течение многих лет канцлер Флорентийской республики. Прекрасный знаток древних языков, он переводил с греческого на латинский сочинения Аристотеля, написал ряд работ на моральные и педагогические темы, а также обширную, построенную на документах «Историю флорентийского народа», заложившую основы ренессансной историографии. Выражая настроения пополанства, Бруни отстаивал идеалы республиканизма — гражданские свободы, в том числе право избирать и быть избранным в магистратуры, равенство всех перед законом (он решительно осуждал олигархические устремления магнатов), справедливость как моральную норму, которой в первую очередь должны руководствоваться магистраты. Эти принципы зафиксированы в конституции Флорентийской республики, но гуманист ясно осознает разрыв между ними и реальной действительностью. Путь к их воплощению в жизнь он видит в воспитании граждан в духе патриотизма, высокой

социальной активности, подчинения личной выгоды общим интересам. Эта светская этико-политическая концепция получает развитие в творчестве младшего современника Бруни — Пальмиери.

Маттео Пальмиери (1406—1475) родился в семье аптекаря, получил образование в университете Флоренции и гуманистическом кружке, многие годы занимался политической деятельностью. Как гуманист прославился обширным сочинением «О гражданской жизни», поэмой «Град жизни» (оба произведения написаны на вольгаре), историческими работами («История Флоренции» и др.), публичными речами. В духе идей гражданского гуманизма он выдвинул толкование понятия «справедливость». Считая подлинным ее носителем народ (полноправных граждан), он настаивал на том, чтобы законы соответствовали интересам большинства. Политический идеал Пальмиери — пополанская республика, где власть принадлежит не только верхушке, но и средним слоям общества. Главным в воспитании добродетели он полагал обязательный для всех труд, оправдывал стремление к богатству, но допускал лишь честные методы накопительства. Цель педагогики он видел в воспитании идеального гражданина — образованного, активного в хозяйственной и политической жизни, верного долгу перед отечеством. В поэме «Град жизни» (она была осуждена церковью как еретическая) высказал мысль о несправедливости частной собственности, порождающей социальное неравенство и пороки.

Аламанно Ринуччини (1426—1499), выходец из знатной купеческой семьи Флоренции, многие годы отдал государственной службе, но был отстранен от нее в 1475 г. после конфликта с Лоренцо Медичи, фактическим правителем республики. В своих сочинениях («Диалог о свободе», «Речь на похоронах Маттео Пальмиери», «Исторические записки») отстаивал принципы гражданского гуманизма в условиях тирании Медичи, сводившей на нет республиканские свободы Флоренции. Политическую свободу Ринуччини возводил в ранг высшей моральной категории — без нее невозможно подлинное счастье людей, их нравственное совершенство, гражданская активность. В качестве протеста против тирании он допускал уход от политической деятельности и даже вооруженный заговор, оправдывая неудавшийся заговор Пацци против Медичи 1478 г.

Социально-политические и этические идеи гражданского гуманизма были ориентированы на решение актуальных задач времени и имели широкий отклик у современников. Выдвинутое гуманистами понимание свободы, равенства, справедливости находило подчас прямое выражение в речах высших магистратов и оказывало воздействие на политическую атмосферу Флоренции.

Лоренцо Валла и его этическая концепция. Деятельность одного из выдающихся итальянских гуманистов XV в. Лоренцо Валлы (1407—1457) была тесно связана с университетом Павии, где он преподавал риторику, с Неаполем — многие годы он служил секретарем у короля Альфонса Арагонского, и с Римом, где он провел последний период жизни в должности секретаря папской курии. Его творческое наследие обширно и многообразно: труды по филологии, истории, философии, этике («Об истинном и ложном благе»), антицерковные сочинения («Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина» и «О монашеском обете»). Продолжая гуманистическую критику схоластики за ее формально-логический метод познания, Валла противопоставил ей филологию, помогающую постичь истину, ибо слово — носитель исторического и культурного опыта человечества. Всесторонняя гуманитарная образованность помогла Валле доказать подложность так называемого «Константинова дара», в котором обосновывались притязания папства на светскую власть. Гуманист выступил с обличением римского престола в многочисленных преступлениях, совершенных за долгие столетия его господства в христианском мире. Резкой критике подверг он и институт монашества, считая христианскую аскезу противной природе человека. Все это вызвало гнев римского духовенства: в 1444 г. Валлу привлекли к суду инквизиции, но его спасло заступничество неаполитанского короля.

Валла четко поставил вопрос о соотношении светской культуры и христианской веры. Считая их независимыми сферами духовной жизни, он ограничивал prerogatives церкви только верой. Светская культура, отражающая и направляющая мирскую жизнь, по мнению гуманиста, реабилитирует чувственную сторону человеческой природы, побуждает человека жить в согласии с самим собой и окружающим миром. Такая позиция не противоречит, по его убеждению, основам христианской веры: ведь Бог присутствует в сотворенном им мире, поэтому и любовь ко всему естественному означает любовь к творцу. На основе пантеистической посылки Валла строит этическую концепцию наслаждения как высшего блага. Отталкиваясь от учения Эпикура, он осуждает аскетическую мораль, особенно крайние ее проявления (монашеское отшельничество, умерщвление плоти), обосновывает право человека на все радости земного бытия: именно для этого ему даны чувственные способности — слух, зрение, обоняние и т.д. Гуманист уравнивает «дух» и «плоть», чувственные наслаждения и наслаждения разума. Более того, он утверждает: человеку полезно все — как природное, так и созданное им самим, что дарует ему

радость и блаженство, — и видит в этом знак божественного благоволения. Стараясь не отступать от основа христианства, Валлиа создал этическую концепцию, во многом с ним расходящуюся. Эпикурейское направление в гуманизме, которому учение Валлиа придало особую силу, нашло последователей во второй половине XV в. в кружке римских гуманистов (Помпонио Лето, Каллимах и др.), создавших культ наслаждения.

Учение о человеке Леона Баттиста Альберти. Иное направление в итальянском гуманизме XV в. составило творчество Леона Баттиста Альберти (1404—1472) — выдающегося мыслителя и писателя, теоретика искусства и архитектора. Выходец из знатной флорентийской семьи, оказавшейся в изгнании, Леон Баттиста окончил Болонский университет, был принят на службу секретарем к кардиналу Альбергати, а затем в Римскую курию, где провел более 30 лет. Ему принадлежали труды по этике («О семье», «Домострой»), архитектуре («О зодчестве»), картографии и математике. Его литературное дарование с особой силой проявилось в цикле басен и аллегорий («Застольные беседы», «Мом, или О государе»). Как архитектор-практик Альберти создал несколько проектов, заложивших основы ренессансного стиля в архитектуре XV в.

В новом комплексе гуманитарных дисциплин Альберти более всего привлекали этика, эстетика и педагогика. Этика для него — «наука жизни», необходимая в воспитательных целях, поскольку способна ответить на выдвигаемые жизнью вопросы — об отношении к богатству, о роли добродетелей в достижении счастья, о противостоянии Фортуне. Свои сочинения на морально-дидактические темы гуманист не случайно пишет на вольгаре — он предназначает их для многочисленных читателей.

У Альберти гуманистическая концепция человека основана на философии древних — Платона и Аристотеля, Цицерона и Сенеки, других мыслителей. Ее главный тезис — гармония как непреложный закон бытия. Гармонически устроенный космос порождает гармоническую связь человека и природы, индивида и общества, внутреннюю гармонию личности. Включенность в мир природы подчиняет человека закону необходимости, что создает противовес капризам Фортуны — слепого случая, способного разрушить его счастье, лишить благосостояния и даже жизни. Для противоборства с Фортуной человек должен находить силы и в себе самом — они даны ему от рождения. Все потенциальные способности человека Альберти объединяет емким понятием *virtù* (итал., дословно — доблесть, способность). Воспитание и образование призваны развить в человеке естественные свойства натуры — способность познавать мир и обращать себе на пользу добытые знания, волю к активной, деятельной жизни, стремление к добру.

Человек по природе творец, его высшее призвание быть устрой-
телем своего земного бытия. Разум и знания, добродетель и твор-
ческий труд — вот силы, помогающие бороться с превратностями
судьбы и ведущие к счастью. А оно — в гармонии личных и об-
щественных интересов, в душевном равновесии, в земной славе,
венчающей истинное творчество и добрые дела. Этика Альберти
носила последовательно светский характер, она была полностью
отделена от теологической проблематики. Гуманист утверждал
идеал активной гражданской жизни — именно в ней человек
может раскрыть природные свойства своей натуры.

Одной из важных форм гражданской активности Альберти
считал хозяйственную деятельность, а она неизбежно связана с
накопительством. Он оправдывал стремление к обогащению, если
оно не порождает чрезмерной страсти к стяжательству, способному
лишить человека душевного равновесия. В отношении к богатству
он призывает руководствоваться разумной мерой, видеть в нем не
самоцель, а средство служения обществу. Богатство не должно
лишать человека нравственного совершенства, наоборот, оно мо-
жет стать средством для воспитания добродетели — щедрости, ве-
ликодушия и т.д. В педагогических идеях Альберти овладение
знаниями и обязательный труд играют ведущую роль. Он возлагает
на семью, в которой видит основную социальную ячейку, обязан-
ность воспитывать подрастающее поколение в духе новых прин-
ципов. Интересы семьи он считает самодовлеющими: можно от-
казаться от государственной деятельности и сосредоточиться на
хозяйственных делах, если это принесет пользу семье, и это не
нарушит ее гармонии с обществом, поскольку благосостояние це-
лого зависит от благосостояния его частей. Акцент на семье, за-
ботах о ее процветании отличает этическую позицию Альберти от
идей гражданского гуманизма, с которым его роднит нравствен-
ный идеал активной жизни в обществе.

Флорентийский неоплатонизм. Во второй половине XV в. в ита-
льянском гуманизме складывается еще одно направление — фло-
рентийский неоплатонизм, развивавшийся в рамках деятельности
Платоновской академии, своеобразного литературно-философ-
ского центра Флоренции. Главой академии со времени ее основа-
ния в 1462 г. и до конца столетия был выдающийся гуманист-фи-
лософ Марсилио Фичино (1433—1499). Он перевел с греческого
на латинский многие сочинения Платона и античных неоплатони-
ков, которые послужили основой для формирования философии
ренессансного неоплатонизма. В деятельности Платоновской ака-
демии принимали участие наряду с видными гуманистами —
Джованни Пико делла Мирандола, Кристофоро Ландино — пред-

ставители более широкого круга научной и художественной интеллигенции; Козимо и Лоренцо Медичи, оказывавшие покровительство академии, присутствовали на ее заседаниях.

Характерные черты этого направления в гуманизме — культ разума и знания, осмысление социальной роли науки, интерес к философско-теологической проблематике, определению места человека в мире. Здесь широко раздвигались горизонты человеческого познания; в мощи пытливого ума человек, чьей мысли подвластен мир, сближался с Богом.

Марсилио Фичино, изучавший медицину и философию во Флорентийском университете, в течение многих лет занимался переводами, разработкой проблем онтологии, космологии, гносеологии, антропологии (по традиции они были прерогативой теологов), подходя к их решению с неортодоксальных, гуманистических позиций. Идеалистическая в своей основе философия Фичино несет в себе черты пантеизма. Он утверждал единство прекрасного, упорядоченного космоса, проникнутого Божественным светом, снимая, таким образом, присущее христианской доктрине противопоставление Творца творению. Жизненное, движущее начало космоса — душа мира, которой причастна и душа человека, что позволяет ему охватить в познании все ступени мировой иерархии — от низшей, материи, до высшей, чистого разума. Человек, по Фичино, — связующее звено мира. В его душе изначально запечатлены идеи (логосы) всего сущего, поэтому он обращается к самопознанию, не нуждаясь в знании реальных вещей. Однако толчок к познанию дает наслаждение чувственной красотой мира: возбуждая в человеке любовь к ней, оно ведет его разум, озаренный Божественным светом, к постижению сути вещей, запечатленной в логосах. Признавая безграничными возможности человеческого познания (бессмертная душа выводит его за рамки земного бытия), Фичино придает особое значение интеллектуальной деятельности и нравственному идеалу созерцания. Но его идеал мудреца, сосредоточенного на познании, далек от воплощающего средневековый идеал созерцания монаха-отшельника. Как гуманист Фичино признает равноправными чувственную и духовную стороны человеческой природы. Идеал мудреца предполагает жизнь, исполненную творческих усилий, ведущих к нравственному совершенству. Обладая свободой воли, человек может идти по этому пути, в полной мере раскрывая совершенство своей природы, но может и погрязнуть в чрезмерных плотских удовольствиях, влекущих к пороку. Не на Божественное провидение, а на самого человека возлагается ответственность за правильный выбор.

Близко к позициям Фичино учение о достоинстве человека выдающегося философа Возрождения Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494). Пико принадлежал к семье графов Мирандолы, получил образование в университетах Болоньи, Феррары, Падуи, завершив его в парижской Сорбонне. Он владел многими языками (классическими, арабским, халдейским, новоевропейскими), был глубоко эрудирован в античной и средневековой философии. Еще молодым человеком, он предложил для публичного диспута «900 тезисов по философии, каббалистике, теологии», которые были осуждены церковью как еретические, а диспут запрещен. Пико был вызван в Рим, чтобы предстать перед судом инквизиции, но попытался бежать в Париж и по дороге был арестован. Спасло его заступничество Лоренцо Медичи, оценившего талант молодого философа. Последние годы своей недолгой жизни Пико провел во Флоренции в кругу друзей из Платоновской академии, с которыми был связан еще до ареста. Ему принадлежит ряд значительных философских сочинений («Речь о достоинстве человека», «О Сущем и Едином», «Рассуждения против божественной астрологии»), а также многочисленные письма. Пико обнаруживает смелый подход к решению проблем гносеологии, космологии, антропологии, пытается синтезировать различные философские традиции, мечтает о единении мыслителей всех стран и направлений.

Главное в антропологии Пико — учение о достоинстве человека, об уникальном положении его в космической иерархии: наделенный свободной волей, он сам формирует свою сущность и определяет свое место в мире. В этой способности человек возвышается над всеми прочими творениями, он богоподобен. В познании человек способен охватить весь космос, в этом его предназначение — быть связующим звеном мира. От величавой царственности до уподобления ничтожнейшим из тварей — таков диапазон возможностей, в котором человек вершит свою судьбу. Ответственность огромна, и опорой может служить только обогащенный знанием разум. Пико говорит о ступенях познания: овладение этикой, чтобы очистить душу от пороков и смущающих разум страстей, свободное, не скованное догмами постижение законов окружающего мира через философию. Наконец, приуготовленный знанием земного бытия человеческий ум может понять Единое, Истину и Благо (эти категории Пико трактует в духе идеалистических концепций неоплатонизма). По убеждению гуманиста, философия должна стать уделом каждого, а не узкой группы избранных. В то же время Пико выступал против профанации науки, подмены ее пустой риторикой. В учении о достоинстве человека, выдвинутом

Пико, овладение наукой оказывается необходимым условием нравственного совершенствования личности. Гуманистическая тенденция к героизации, обожествлению человека достигает в философии Пико своей высшей точки. Эта концепция оказала влияние на изобразительное искусство Высокого Возрождения, на творчество Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля.

Флорентийский неоплатонизм внес важный вклад и в утверждение философского свободомыслия. Фичино и Пико полагали, что истина едина, в каких бы философских или религиозных обличиях она ни проявлялась. Ключ к ее постижению они искали в пифагорейской теории чисел, каббалистике, но не в опыте — их система знания оставалась умозрительной. Новый метод науки предложил на грани XV и XVI столетий Леонардо да Винчи (см. т. 2).

Основные черты гуманистического мировоззрения. Гуманизм XV в. не исчерпывается рассмотренными направлениями. Многие гуманисты лишь частично разделяли идеи гражданского гуманизма или флорентийских неоплатоников, эпикурейскую этику Валлы или учение о человеке Альберти. Гуманистическая идеология имела широкую платформу, но основу ее составляли принципы, которые разделяло большинство гуманистов. Это — понимание природы человека как гармонического единства духовного и телесного начал, утверждение права личности на свободное развитие ее способностей, на приобретение знаний, обогащающих разум, на борьбу за счастье в земной жизни. Все гуманисты сходились в признании высокой нравственной роли труда, ценили творческую, созидательную мощь человека. Именно в труде, деяниях самой личности, а не в знатности происхождения видели они основу ее благородства и достоинства. В этом новом взгляде на человека и его возможности четко выявлялся антифеодальный характер гуманистической идеологии. В гуманизме не было места унижению человека, неверию в силу его разума, в его творческие способности, пониманию труда как наказания, а мирской жизни — как юдоли греха и печали, словом, всего, что было свойственно официальной церковно-феодальной идеологии. Гуманисты были последовательны в критике сословных представлений, они отвергали понимание благородства как атрибут знатного происхождения, связывая эту этическую категорию с нравственным совершенством и доблестными деяниями самой личности. «Слава и благородство измеряются не чужими, а собственными заслугами и такими деяниями, которые являются результатом нашей собственной воли», — писал гуманист Поджо Браччолини в диалоге «О благородстве».

Новым было и решение гуманистами проблемы богатства и накопительства. Они оправдывали накопительство с гражданственных позиций: богатство приносит пользу обществу и служит основой достойной жизни его членов. В отличие от средневековой традиции они не считают бедность атрибутом нравственной жизни. Бедность так же, как богатство, если неразумно им распоряжаться, может толкнуть человека к преступлениям. Безусловному осуждению подлежит, по их мнению, ростовщичество, чрезмерная страсть к стяжательству, равно как и неумеренное расточительство. Нормам жизни паразитирующего дворянства с их роскошью, пышными празднествами и охотами противопоставляются бережливость (Альберти видит в умелом ведении хозяйства и разумном обращении с капиталом главную возможность сколотить состояние и сохранить его для потомков), честные методы накопительства, щедрые траты на образование, строительство украшающих город знаний, меценатство. В этом отличие гуманистической позиции не только от средневековой этики, но и от этики буржуазного накопительства более позднего времени.

Гуманистическое мировоззрение, не порывая открыто с христианской религией, по сути, отрицало многие традиции средневековой церковно-феодальной культуры. Пантеистически окрашенная философия шла вразрез с официальным учением церкви, противопоставлявшим Творца созданному им миру. Антропоцентризм, стремление поставить человека в центр Вселенной, рационализм (акцент на знании, а не на вере в познании им самого себя и окружающего мира), светская этика, лишенная черт аскетизма, утверждающая радость земного бытия и зовущая к творческой активности, наконец, антидогматизм мышления, призыв к свободомыслию — все это придавало гуманизму своеобразие, знаменовало отход от средневековых традиций. Сложившись как целостное мировоззрение — несмотря на наличие разных идейных направлений, — гуманизм во второй половине XV в. стал мощным фактором развития всей ренессансной культуры.

Искусство раннего Возрождения. Гуманистический идеал человека нашел яркое воплощение в ренессансном искусстве XV в., которое в свою очередь обогатило этот идеал художественными средствами. В отличие от гуманизма, начавшего складываться уже во второй половине XIV в., живопись, ваяние, зодчество вступили на путь новаторства лишь в первые десятилетия XV в. Основу ренессансного стиля в архитектуре заложили выдающиеся зодчие — Брунеллески, Микелоццо, Альберти, Филарете.

Формируется новый тип здания — *палаццо* и *вилла* (городское и загородное жилища), совершенствуются виды общественных сооружений. Широкое применение находит восходящая к антич-

ной основе ордерная архитектура. Совершенство пропорций, простота фасадов, просторные интерьеры — характерные черты нового архитектурного стиля, не подавлявшего, а возвышавшего человека. Ренессансная архитектура требовала более глубоких теоретических, математических и инженерно-строительных знаний, в развитии которых наметился значительный сдвиг к концу XV в. Но уже Филиппо Брунеллески (1377—1446) разрешил чрезвычайно сложную техническую задачу — возведение купола на флорентийском соборе Санта-Мария дель Фьоре. Построенные по его проекту церковь Сан-Лоренцо, капелла Падди и другие сооружения во Флоренции отличает строгая гармония частей, соразмерность здания человеку. Первый крупный теоретик ренессансной архитектуры Альберти расширил ее проблематику, включив в нее градостроительство, ряд технических вопросов (декор, строительные материалы и др.), детально разработал на математической основе учение о пропорциях. Свои теоретические положения он применил в проектах палаццо Ручеллаи во Флоренции, церкви Сан-Себастьяно в Мантуе, в других постройках.

В скульптуре высокого уровня достигает искусство рельефа, отмеченное пластичностью фигур, светской интерпретацией религиозных сюжетов. Крупнейшими скульпторами, в творчестве которых формировался ренессансный стиль, были Гиберти, Донателло, Вероккьо. В скульптуре быстро развивается искусство портрета. Она отделяется от архитектуры, появляются статуи, свободно стоящие на площади (памятники кондотьерам в Падуе и Венеции). Основоположником живописи итальянского Возрождения был Мазаччо (1401—1428). Его фрески в капелле Бранкаччи во Флоренции исполнены жизненной реальности и пластической выразительности, героической возвышенности образов и композиционной простоты. Флоренция становится главным центром ренессансной живописи Италии XV в. В первой половине столетия ее характеризует многообразие переходных форм. Во второй половине XV в. художники активно ищут принципы построения перспективы для отражения трехмерного пространства, стремятся к пластической выразительности образов и колористическому богатству.

В этот период складываются различные школы и направления. Так, флорентийский мастер Филиппо Липпи увлечен жанровыми полотнами, это направление по-своему развивает Доменико Гирландайо: в его религиозных по тематике, но проникнутых светским духом композициях (фрески в церкви Санта-Мария Новелла и др.) находят отражение детали городского быта. Сандро Боттичелли (1445—1510) создает одухотворенные образы на основе античной мифологии (картины «Весна», «Рождение Венеры» и др.).

Крупнейшим художником умбрийской школы был Пьеро делла Франческа (между 1416 и 1420—1492). Его станковые картины и фрески отличаются строгой архитектурной, монументализацией образов. Он доводит до совершенства перспективное построение своих работ. К умбрийской школе принадлежали Перуджино и Пинтуриккьо — мастера пространственных композиций с поэтическими пейзажными формами. В североитальянской живописи выделяется творчество Андреа Мантеньи: четкие формы, героизация образов его фресок навеяны римской античностью. Венецианская школа живописи XV в. дала имена выдающихся художников — Антонелло да Мессина, Витторе Карпаччо, Джованни Беллини, создававших выразительные портреты, многофигурные композиции, торжественные и в то же время изобилующие деталями венецианского быта.

В живописи, графике, скульптуре, медальерном искусстве широко распространился жанр портрета, тесно связанный с гуманистическими идеями. Если в коллективном портрете первой половины XV в. заметно влияние идей гражданского гуманизма, то для последующих десятилетий более характерен индивидуальный портрет, отражавший гуманистический идеал человека, интерес к личности. Процесс взаимообогащения ренессансного искусства и гуманизма проявился и в развитии эстетических идей — их выдвигали не только гуманисты, но и многие художники.

Развитие наук. Раннее Возрождение в Италии было ознаменовано бурным подъемом не только искусства, но и наук, прежде всего гуманитарных. В ведущей — этике — сложилась целостная гуманистическая концепция человека, свободного творца своей судьбы, мудрого устроителя своего земного бытия. Этой общей для всех направлений позиции не противоречили по-разному трактуемые Бруни или Валлой, Альберти или Пико отдельные этические категории (высшее благо, нравственный идеал, добродетели и т.д.). В этике наиболее четко обозначился разрыв гуманизма со средневековой традицией.

В органическом единстве с этикой складывались и социально-политические концепции гуманизма. Их объединял основополагающий принцип: совершенствование человека и общества взаимобусловлены, главную роль в этом процессе играет просвещение. Рука об руку с этикой шло развитие педагогики и исторической мысли. В педагогике сложилась новая теория воспитания и образования и новая методика преподавания. Педагогика ставила целью воспитание свободной, высоконравственной личности, всесторонне развитой, способной раскрыть все свои природные задатки в творческом труде на благо себе и обществу. Обучение строилось

на основе уважения к личности ученика, отказа от начетничества, привития навыков самостоятельного мышления. В развитие педагогических идей гуманизма внесли вклад Бруни, Альберти, Пальмиери, выдающиеся педагоги-практики Гварино да Верона и Витторино да Фельтре.

В историографии Возрождения также наметился решительный отход от средневекового понимания исторического процесса как провиденциально заданного. Гуманисты рассматривали историю как процесс спонтанного развития, в котором активная сила — сам человек. Для гуманистической историографии характерно и критическое отношение к историческому источнику. В истории, следуя античной традиции, гуманисты видели «наставницу жизни», черпали в ней аргументацию для обоснования политической практики своего времени и для своих социально-этических концепций.

Сочинения по истории Флоренции Бруни, Поджо и других гуманистов имели четкую пропагандистскую направленность: политическим идеалом, с точки зрения которого они оценивали события флорентийского Средневековья, была пополанская республика. Венецианские гуманисты М.А. Сабеллико и Б. Джустиниани связывали общественный идеал с раннесредневековой Венецией, доказывали преемственность патрицианской республики XV в. с ее далеким прошлым. Апологетической была и миланская гуманистическая историография: ее представители обосновывали идею величия древнего Милана, унаследованного родом его правителей — Висконти. Все гуманисты искали в древней истории примеры «хорошо устроенного» общества и государства, проецируя его на современность. В то же время в ренессансной историографии наметилась четкая тенденция к опровержению мифов, созданных средневековыми хронистами. Так, Салютати и Бруни ищут «достоверные» данные о времени возникновения Флоренции, опираясь на лингвистику, археологию, свидетельства римских историков, и относят основание города не к эпохе Цезаря, а к более ранним векам республиканского Рима. На этом строилась их идея о Флоренции как непосредственной приемнице республиканских свобод. Отсюда и практический политический вывод — именно Флоренция должна стать носительницей свободы, лидером всех городов-республик в их борьбе с агрессией Милана. История становится важным орудием политической борьбы, основанным на рациональных доказательствах.

Качественный сдвиг произошел к концу XV в. и в развитии филологии. Усилиями гуманистов, разыскивавших, переводивших и комментировавших рукописи древних авторов, круг их,

доступный современникам, был значительно расширен по сравнению со Средневековьем. Важным завоеванием гуманистической филологии стал критический метод изучения истории литературы, разработанный Валлой и особенно Анджело Полициано — крупнейшим поэтом и филологом последних десятилетий XV в. Большое значение гуманисты придавали риторике, в которой видели надежное средство выражения философских и социально-политических идей, воспитывающих общество в духе высокой морали.

Гуманисты XV в. вплотную подошли к проблеме нового научного метода, отличного от схоластической диалектики. Это положительно сказалось на развитии естествознания. Переводы сочинений античных авторов по медицине, математике, астрономии расширили основу, на которую опиралось естествознание в XV в. Технические изобретения (см. гл. 19) стимулировали прогресс в области наук о природе, которые к концу XV в. уверенно набирали силу. Особенно заметными были успехи математики — они находили применение не только в самом естествознании, но и в практике коммерческого делопроизводства (более совершенная система счетоводства, «двойная бухгалтерия», новые формы кредита, вексель и т.д.), в строительном деле, в изобразительном искусстве. Знаменитый математик Лука Пачоли (1445—1517) внес большой вклад в развитие алгебры, геометрии, теории бухгалтерского учета, а его знаменитый труд «О божественной пропорции» служил практическим руководством для художников и архитекторов. Важным завоеванием науки были и таблицы планет, составленные немецким астрономом и математиком И. Региомontanом. Успехи в картографии и географии, астрономии и судостроении сделали возможными длительные морские экспедиции, приведшие уже в конце XV в. к первым географическим открытиям. Качественные сдвиги произошли и в области медицины, опиравшейся на эксперимент, начавшей практиковать препарирование трупов, чему многие столетия препятствовала церковь. Наконец, открытием огромного исторического значения стало изобретение в середине XV в. книгопечатания Иоганном Гутенбергом. Оно стало одной из важных технических основ бурного подъема ренессансной культуры в конце XV — начале XVI в.

Хронологическая таблица

9 г. н.э.	Поражение римлян в Тевтобургском лесу
166—180	Маркоманская война — нападение ряда варварских племен на Римскую империю
269	Поражение готов при Наиссусе
284—305	Император Диоклетиан
III—V вв.	Движение багаудов — восстание в Галлии и Северной Испании
IV—VI вв.	Массовая миграция варварских племен — Великое переселение народов
IV в.	Нашествие гуннов в Причерноморье
324—337	Император Константин I
313	Медиоланский (Миланский) эдикт Лициния и Константина I
325	Первый Вселенский собор в Никее
330	Перенесение столицы империи из Рима в Византий (Константинополь)
354—430	Знаменитый христианский теолог, отец церкви Аврелий Августин
370-е гг.	Вторжение гуннов в Европу и разгром ими готов
378	Битва при Адрианополе, победа вестготов над римской армией. Гибель императора Валента
381	Второй Вселенский собор в Константинополе
395	Разделение Римской империи на Западную и Восточную
406—442	Вторжение вандалов на территорию Римской империи
410	Взятие Рима вестготами Алариха
418—507	Королевство вестготов в Южной Галлии
429—435	Завоевание вандалами Северной Африки
431	Третий Вселенский собор в Эфесе
439—534	Королевство вандалов в Северной Африке
сер. V — нач. VII в.	Образование англосаксонских королевств
сер. V — нач. VIII в.	Королевство вестготов в Испании
451	Разгром гуннов в битве при Мауриаке (Каталаунские поля)
451	Четвертый Вселенский собор в Халкидоне
455	Захват и разграбление Рима вандалами
457—534	Бургундское королевство со столицей в Лионе
476	Падение Западной Римской империи
476—493	Правление Одоакра в Италии
480—525	Римский мыслитель и политик Северин Боэций
481—511	Хлодвиг, вождь и король франков
486	Битва при Суассоне, разгром римлян Северной Галлии салическими франками. Основание Франкского королевства
486—751	Династия Меровингов во Франкском королевстве
493—555	Остготское королевство в Италии
нач. VI в.	«Салическая правда»
507	Битва при Пуатье, разгром вестготов салическими франками. Завоевание Аквитании

527—565	Юстиниан I, византийский император
528—534	«Свод гражданского права» в Византии
532	Восстание «Ника» в Константинополе
534	Завоевание франками королевства бургундов
535—555	Война Византии с остготами. Завоевание Остготского королевства
536	Уступка остготами Прованса франкам
540—562	Войны Византии с Ираном
541—552	Правление Тотилы в Остготском королевстве
553	Пятый Вселенский собор в Константинополе
554	«Прагматическая санкция» Юстиниана I для Италии
561—584	Хильперик, король франков
560-е гг.	Образование Аварского каганата на Среднем Дунае
568—774	Королевство лангобардов в Италии
ок. 570—636	Епископ и писатель Исидор Севильский
585	Разгром свевов вестготами
590—604	Римский папа Григорий I Великий
конец VI — VII в.	Заселение славянами Балканского полуострова
610—641	Ираклий, византийский император
687	Объединение Франкского королевства Пипином Геристальским, майордомом Австразии
711—714	Завоевание Испании арабами
715—741	Карл Мартелл, майордом Франкского государства
717—867	Исаврийская династия в Византии
717—741	Лев III Исавр, византийский император
718—1492	Период Реконкисты в Испании
718	Образование королевства Астурия на Пиренейском п-ове
726—843	Иконоборческое движение в Византии
732	Битва при Пуатье, победа франков над арабами
740	Победа византийцев над арабами в битве при Акроине
741—768	Пипин Короткий, майордом, с 751 г. король Франкского государства
751—843	Династия Каролингов
756	Образование светского государства пап в Риме
768—814	Карл Великий, король, с 800 — император франков
772—804	Войны Карла Великого с саксами
774	Завоевание Карлом Великим Лангобардского королевства
787	Седьмой Вселенский собор в Никее. Осуждение иконоборчества
788—803	Франко-аварские войны
814—840	Франкский император Людовик Благочестивый
820—823	Восстание Фомы Славянина в Византии
829	Объединение англосаксонских королевств
841—842	Восстание Стеллинга в Саксонии
843	Верденский договор. Раздел империи Карла Великого
847	«Мерсенский капитуляр» Карла Лысого
855	Распад государства Лотаря. Образование королевств Италия, Прованс и Лотарингия
сер. IX в. — 872	Республика павликиан с центром в Тефрике
867—1056	Македонская династия в Византии
867—886	Василий I, византийский император
870	Начало заселения Исландии норвежцами
871—899 (900)	Правление Альфреда Великого в Англии
X—XI вв.	Клюнийское движение за реформу церковной жизни
904	Разграбление арабами Фессалоники

919—1024	Саксонская династия в Германии
919—936	Правление Генриха I в Германии
936—973	Оттон I, германский король, с 962 — император
955	Битва на р. Лех, победа Оттона I над венграми
962	Образование германской империи
976—1025	Василий II «Болгаробойца», византийский император
980-е годы	Открытие Гренландии и островов Северной Америки норвежцами и исландцами
987—1328	Династия Капетингов во Франции
997—1301	Династия Арпадов в Венгрии
997—1038	Иштван I Святой, король Венгрии (с 1000 г.)
ок. 1000 г.	Образование Венгерского королевства
1016—1035	Кнут Великий, король Англии, Дании и Норвегии
1018	Завоевание Болгарии Византией
1024—1125	Франконская (Салическая) династия в Германии
1030—1091	Завоевание норманнами Южной Италии и Сицилии
1033	Присоединение королевства Бургундии (Арелат) к Германии
1037	Образование королевства Кастилия на Пиренейском п-ове
1054	Церковная схизма католической и православной церквей
1056—1106	Генрих IV, германский император
1059	Латеранский собор в Риме. Установление нового порядка выбора римского папы
1066	Битва при Гастингсе, нормандское завоевание Англии
1066—1087	Вильгельм I Завоеватель, английский король
1071	Битва при Манцикерте, разгром византийской армии турками-сельджуками
1073—1075	Восстание в Саксонии против императора Генриха IV
1073—1085	Папа Григорий VII
1077	«Покаяние» германского императора Генриха IV в Каноссе
1079—1142	Философ и теолог Петр Абеляр
1081—1118	Алексей I Комнин, византийский император
1085	Отвоевание испанцами Толедо у арабов
1086	«Книга Страшного суда» в Англии
1095	Клермонский церковный собор. Призыв папы Урбана II к освобождению Святой Земли
1096—1270	Крестовые походы
1096	Крестовый поход бедноты
1096—1099	Первый крестовый поход
1099	Захват крестоносцами Иерусалима
1118—1143	Иоанн II Комнин, византийский император
1122	Вормсский конкордат
1130—1282	Сицилийское королевство
1137	Объединение Каталонии и Арагона
1138—1254	Династия Штауфенов в Германии
1139	Образование Португальского королевства
1143—1155	Антипапское восстание в Риме под руководством Арнольда Брешианского. Римская республика
1143—1180	Мануил I Комнин, византийский император
1147—1149	Второй крестовый поход
1152—1190	Фридрих I Барбаросса, германский император
1154—1189	Генрих II Плантагенет, английский король
1154—1399	Династия Плантагенетов в Англии
1158	Ронкальский сейм. Провозглашение подчинения североитальянских городов империи

- 1162 Взятие Милана Фридрихом I Барбароссой
- 1167 Образование Ломбардской лиги городов Италии
- 1169—1171 Начало завоевания Ирландии Англией
- 1174—1184 Восстание биркебейнеров в Норвегии
- 1176 Битва при Мириокефале, разгром византийской армии турками-сельджуками
- 1176 Битва при Леньяно, поражение войск Фридриха I Барбароссы в Италии
- 1180—1223 Филипп II Август, французский король
- 1182—1226 Св. Франциск Ассизский
- 1183 Мир в Констанце, восстановление прав самоуправления северо-итальянских городов
- 1187 Признание Византией Второго Болгарского царства
- 1189—1192 Третий крестовый поход
- 1192—1489 Кипрское королевство
- 1190 Признание Византией независимости Сербии
- 1198—1216 Папа Иннокентий III
- 1199—1216 Правление Иоанна Безземельного в Англии
- 1202—1204 Четвертый крестовый поход
- 1202—1204 Завоевание Нормандии Филиппом II Августом
- 1202—1241 Вальдемар II, король Дании
- 1204 Захват крестоносцами Константинополя
- 1204—1337 Эпирское царство
- 1204—1261 Латинская империя
- 1204—1261 Никейская империя
- 1204—1461 Трапезундская империя
- 1204—1224 Фессалоникское королевство
- 1205—1456 Герцогство Афинское
- 1205 Битва при Адрианополе, разгром болгарами войск Латинской империи
- 1205—1432 Морейское (Ахейское) княжество
- 1209—1229 Альбигойские войны
- 1212 Битва при Ласа Навас де Толоса, победа соединенных сил испанских королевств над арабами
- 1212—1250 Фридрих II Штауфен, король Сицилии, Германии, германский император (с 1220 г.)
- 1214 Победа французов над англичанами в битвах при Ларош-о-Муане и Бувине
- 1215 Принятие английским королем Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей
- 1217—1221 Пятый крестовый поход
- 1222 «Золотая булла» в Венгрии
- 1225/26—1274 Теолог Фома Аквинский
- 1226—1270 Людовик IX, французский король
- 1230 Объединение Леона и Кастилии
- 1231 «Мельфийские конституции» Фридриха II Штауфена
- 1237 Объединение Тевтонского ордена с Орденом меченосцев
- 1241—1242 Монголо-татарское нашествие на Венгрию
- 1251 Крестьянское восстание «пастушков» во Франции
- 1258 «Оксфордские провизии». Установление баронской олигархии в Англии
- 1259—1282 Михаил VIII Палеолог, никейский, с 1261 г. — византийский император

- 1261 Восстановление Византийской империи
- 1261—1453 Династия Палеологов в Византии
- 1263—1267 Гражданская война в Англии
- 1265—1321 Поэт Данте Алигьери
- 1265 Возникновение английского парламента
- 1268—1442 Анжуйская династия в Южной Италии
- 1272—1307 Эдуард I, английский король
- 1274 Лионский собор
- 1274 Издание первого общенорвежского свода права
- 1282—1283 Присоединение к Англии Уэльса
- 1282 «Сицилийская вечерня». Восстание против французов в Палермо
- 1282—1442 Неаполитанское королевство в Южной Италии
- 1285—1314 Филипп IV Красивый, французский король
- 1291 Образование Швейцарского союза
- 1291 Падение Акры. Потеря крестоносцами последних владений на Востоке
- 1293 «Установление справедливости» во Флоренции
- 1294—1303 Папа Бонифаций VIII
- 1297—1360 Византийский богослов Григорий Палама
- 1298 Битва при Курцполе, победа генуэзского флота над венецианским
- нач. XIV в. Образование государства Цара Ромыняска
- 1302 Возникновение Генеральных штатов во Франции
- 1302 Битва при Куртре («Битва шпор»), победа ополчения фландрских городов над французскими рыцарями
- 1302 Присоединение Сицилии к Арагонскому королевству
- 1304—1374 Поэт Франческо Петрарка
- 1304—1307 Восстание Дольчино в Северной Италии
- 1309—1377 «Авиньонское пленение» пап
- 1313—1375 Писатель Джованни Боккаччо
- 1319—1363 Магнус Эрикссон, король Швеции, Норвегии и Финляндии
- 1327—1377 Эдуард III, английский король
- 1328 Признание Англией независимости Шотландии
- 1328—1589 Династия Валуа во Франции
- 1331—1406 Флорентийский гуманист Колуччо Салютати
- 1337—1453 Столетняя война между Англией и Францией
- 1341—1355 Гражданская война в Византии
- 1342—1349 Движение зилотов в г. Фессалоника
- 1345 Движение Чучо Брандини во Флоренции
- 1346 Битва при Креси, победа англичан над французами
- 1347 Восстание в Риме под руководством Кола ди Риенцо. Провозглашение республики в Риме
- 1347—1378 Карл IV, германский император и король Чехии (с 1346 г.)
- 1347—1350 «Черная смерть» в Западной Европе
- 1348—1352 Война Византии с Генуей
- 1349 Начало «рабочего законодательства» в Англии
- 1356 Битва при Пуатье, разгром англичанами французского войска
- 1356 «Золотая булла» германского императора Карла IV
- 1356—1358 Парижское восстание
- 1358 Жакерия во Франции
- 1360 Мир между Англией и Францией в Бретиньи
- 1367—1370 Война Ганзы с Данией
- 1370 Штральзундский мир, победа Ганзы над Данией

- 1370 (1374)—1444 Флорентийский гуманист Леонардо Бруни
 1377—1446 Флорентийский архитектор Филиппо Брунеллески
 1378 Восстание чомпи во Флоренции
 1378—1417 «Великая схизма» — раскол в католической церкви
 1380 Битва при Кюлдже, победа венецианского флота над генуэзским
 1381 Восстание Уота Тайлера в Англии
 1382—1384 Восстание тюшенов во Франции
 1382 Восстание молотил в Париже
 1382—1387 Восстание тукинов в Северной Италии
 1389 Битва на Косовом поле, разгром турками сербского войска
 1393 Завоевание турками Болгарского Тырновского царства
 1396 Битва при Никополе. Разгром турками войска крестоносцев
 1397 Кальмарская уния Дании, Швеции и Норвегии
 1404—1472 Итальянский гуманист, теоретик искусства Леон Баттиста Альберти
 1406—1475 Флорентийский гуманист Маттео Пальмиери
 1406 Завоевание Пизы Флоренцией
 1407 Создание Банка св. Георгия в Генуе
 1407—1457 Итальянский гуманист Лоренцо Валла
 1410 Битва при Грюнвальде, разгром польско-литовской армией войск Тевтонского ордена
 1413 Парижское восстание «кабошъенов»
 1414—1418 Константинопольский церковный собор
 1415 Битва при Азенкуре, победа англичан над французами
 1419—1434 Гуситские войны в Чехии
 1429 Снятие осады Орлеана французским войском под руководством Жанны д'Арк
 1431—1449 Базельский церковный собор
 1434 Установление тирании Медичи во Флоренции
 1434—1436 Восстание Энгельбректа Энгельбректссона в Швеции
 1435 Первый созыв риксдага в Швеции
 1437—1438 Крестьянское восстание в Трансильвании и Северной Венгрии
 1438 Буржская «Прагматическая санкция»
 1438—1445 Ферраро-Флорентийский церковный собор
 1439 Флорентийская уния православной и католической церквей
 1440—1493 Фридрих III, германский император
 1442 Завоевание Неаполитанского королевства Арагоном
 1444 Битва при Варне, разгром османами войска крестоносцев
 ок. 1445 Изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом
 1445—1510 Художник Сандро Боттичелли
 1450 Восстание Джека Кэда в Англии
 29 мая 1453 Падение Византийской империи
 1455—1485 Война Алой и Белой роз в Англии
 1458—1490 Матяш Хуняди (Матвей Корвин), король Венгрии
 1460 Завоевание Морей османами
 1461 Завоевание османами Трапезундской империи
 1461—1483 Людовик XI, французский король
 1461—1485 Йоркская династия в Англии
 1466 Второй Торуньский мир. Признание Тевтонским орденом вассальной зависимости от Польши
 1468 Начало сословного представительства в Дании
 1469—1492 Правитель Флоренции Лоренцо Великолепный

- 1475 Захват Каффы османами
- 1477 Битва при Нанси, поражение и гибель герцога Бургундского
Карла Смелого. Раздел бургундских земель между Людови-
ком XI и Габсбургами
- 1479 Объединение Арагона и Кастилии в единое Испанское коро-
левство под властью королей Фердинанда и Изабеллы
- 1485 Битва при Босворте, победа Генриха VII Тюдора над Ричар-
дом III
- 1485—1603 Династия Тюдоров в Англии
- 1486 Отмена «дурных обычаев» в Каталонии
- 1491 Присоединение Бретани к Франции
- 1492 Падение Гранадского эмирата. Завершение Реконкисты
- 1492 Открытие Америки Христофором Колумбом
- 1494—1498 Флорентийская республика во главе с Савонаролой

Библиография¹

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА К ТОМУ В ЦЕЛОМ

Источники

- Агрикультура в памятниках западного средневековья / Под ред. О.А. Добиаш-Рожественской и М.И. Бурского. М.; Л., 1936.
- Антология мировой правовой мысли. Т. II. Европа V—XVII вв. / Под ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 1999.
- Антология педагогической мысли христианского средневековья / Сост. и ред. В.Г. Безрогов, О.И. Варьяш. М., 1994. Т. 1—2.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999—2000. Т. 1—4.
- Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996.
- Памятники средневековой латинской литературы IV—XI вв. М., 1970.
- Памятники средневековой латинской литературы X—XII вв. М., 1972.
- Социальная история средневековья / Под ред. Е.А. Косминского и А.Д. Удальцова. М.; Л., 1927. Т. 1—II.
- Средневековые в его памятниках / Под ред. Д.Н. Егорова. М., 1913.
- Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., Пг. Разн. изд. Т. I—III.
- Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корецкого. М., 1961.
- Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. 3-е изд. М., 1949. Т. I; М., 1950. Т. II.
- Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1961—1963. Т. I—II.

Исследования и пособия

- Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
- Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.
- Всемирная история. М., 1957. Т. 3.

¹ Более подробные сведения см. в библиографических указателях литературы: История средних веков. М., 1984. Т. 2. Ч. I (1918—1957); М., 1984. Т. 2. Ч. II (1958—1967); Средние века. Вып. 34, 36, 37, 39—59, 62—63, 65. М., 1971, 1973, 1975—1978, 1980—1997, 2001—2002, 2004; Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. Вып. 3/4, 6, 7, 8, 10/11. М., 1993, 1995, 1996, 1997, 2000.

- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.
- Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. СПб., 2001.
- Дюби Ж. Средние века (987—1460) от Гуго Капета до Жанны д'Арк. М., 2001.
- Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сб. статей. К 80-летию акад. С.Д. Сказкина. М., 1972.
- История Венгрии: В 3 т. М., 1971. Т. 1.
- История Византии: В 3 т. М., 1967. Т. 1—3.
- История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.
- История Дании. М., 1996.
- История дипломатии. 2-е изд. М., 1959. Т. 1.
- История Ирландии. М., 1980.
- История Италии: В 3 т. М., 1970. Т. 1.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: В 3 т. М., 1985, 1986. Т. 1, 2.
- История Норвегии: от викингов до наших дней. М., 2003.
- История Франции: В 3 т. М., 1972. Т. 1.
- История Швеции. М., 1974.
- Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898—1903. Т. 1—3.
- Колесницкий Н.Ф. Феодальное государство (V—XV вв.). М., 1967.
- Корольский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004.
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Маркс К. Капитал. Т. III. Гл. 47 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 344—379.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Там же. Т. 46. Ч. I. С. 468—472.
- Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976.
- Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968; см. также: Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
- Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003.
- Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения в пяти частях / Отв. ред. А.Л. Ястребишкая. Ч. 1—5. М., 1995.
- Хьюльмарссон Й.Р. История Исландии. М., 2003.

- Античная древность и Средние века. Вып. 1—34. Свердловск; Екатеринбург, 1960—2003.
- Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. Вып. 1—11. М., 1992—2000.
- Византийские очерки. М., 1961—2001.
- Византийский временник. М., 1947—2004. Т. 1—63.
- Причерноморье в Средние века. Вып. 1—5. М.; СПб., 1991—2001.
- Скандинавский сборник. Вып. 1—33. Таллин, 1956—1990.
- Средневековый город. Вып. 1—16. Саратов, 1968—2004.
- Средние века. Вып. 1—65. М., 1942—2004.
- Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 1—4. Горький, 1973—1985.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

К главе 1

Сущность понятий «Средние века» и «феодализм»

Литература

- Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1973.
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. 2-е изд. М., 1985.
- Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958.
- Дрюби Ж. Трехчастная модель или представления средневекового общества о себе самом. М., 2000.
- Косминский Е.А. Историография средних веков. V — середина XIX в. М., 1963.
- Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975.
- Лантин П.Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. Киев, 1971.
- Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 1990-х годов. Томск, 1969.
- Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.

К главе 2

Источники по истории Средних веков V—XV вв.

Литература

- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
- Добиаш-Рождественская О.Я. История письма в средние века. 3-е изд. М., 1987.
- Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII вв.). М., 1966.
- Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века. М., 2003.
- Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969.
- Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (Частноправовой акт). Л., 1988.
- Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья / Под ред. В.И. Рутенбурга. Л., 1979.
- Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.
- Хвостова К.В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980.

К главе 3

Возникновение феодального строя в Западной Европе

Источники

- Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1996.
- Древние германцы. Сб. документов / Сост. Б.Н. Граковым, С.П. Моравским и А.И. Неусыхиним. М., 1937.

- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Пер., вступ. ст., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1997.*
- Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 1—3. М., 1968, 1973, 1979.*
- Павел Орозий. История против язычников / Пер., ст., коммент. В.М. Тюленева. Т. 1—2. СПб., 2001—2002.*
- Шервуд Е.А. Законы лангобардов. М., 1992.*

Литература

- Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.*
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1999.*
- Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880.*
- Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века. Опыт исторической этнографии. СПб., 2003.*
- Гойонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб.; М., 2001.*
- Дворецкая И.А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI—VIII вв. М., 1982.*
- Диллон М., Чедвик Н.К. Кельтские королевства. СПб., 2002.*
- Диснер Г.-И. Королевство вандалов. Взлет и падение. СПб., 2002.*
- Клауде Д. История вестготов. СПб., 2002.*
- Коптев А.В. От прав гражданства к праву колоната. Вологда, 1995.*
- Корсунский А.Р. Готская Испания. М., 1969.*
- Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963.*
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.*
- Краутхаймер Р. Три христианские столицы. Топография и политика. СПб., 2000.*
- Кудрявцев П.Н. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850.*
- Мюссе Л. Варварские нашествия на Западную Европу. Вторая волна. СПб., 2001.*
- Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.*
- Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М., 1929.*
- Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., 2000.*
- Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 5-е изд. М., 1922.*
- Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.*
- Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М., 1989.*

К главе 4

Франкская держава

Источники

- Григорий Турский. История франков / Изд. подгот. В.Д. Савукова. М., 1987.*
- Историки эпохи Каролингов / Под ред. А.И. Сидорова. М., 2000.*
- Каролингская эпоха. Из истории Западной Европы в раннее Средневековье. Сб. документов / Сост. А.А. Сванидзе. Казань, 2002.*
- Рихер Реймский. История. М., 1997.*
- Салическая правда / Пер. Н.П. Грацианского. М., 1950.*

Серовайский Я.Д. Социальные противоречия и классовая борьба во Франкском государстве. М., 1979.

Теган. Деяния императора Людовика. СПб., 2003.

Литература

Альфан Л. Варвары. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний. XI века. СПб., 2003.

Вязигин А.С. Идеалы «божьего царства» в монархии Карла Великого. СПб., 1912.

Данилова Г.М. Аламаннское и баварское общества VIII и начала IX в. Петрозаводск, 1969.

Лебек С. Происхождение франков. V—IX века. М., 1993.

Левандовский А.П. Карл Великий. М., 1999.

Удальцов А.Д. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М.; Л., 1935.

Удальцов А.Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху Меровингов и Каролингов. СПб., 1912.

Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема генезиса феодализма. М., 2003.

Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. СПб.; Пг., 1904—1916. Т. 2—6.

Хэгерман Д. Карл Великий. М., 2003.

К главе 5

Византия в IV—XII вв.

Источники

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., ст., прим. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.

Анна Комнина. Алексиада / Пер., ввод. ст., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965.

Византийская Книга Эпарха / Пер., вступ. ст., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.

Византийский Земледельческий закон / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984.

Две византийские хроники X в. / Пер. и коммент. А.П. Каждана. М., 1959.

Дигесты Юстиниана. М., 1984.

Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. СПб., 1859, перепеч.: Рязань, 2003.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.

Лев Диакон. История / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.

Маурикий. Стратегикон / Изд. подг. В.В. Кучма. СПб., 2004.

Михаил Пселл. Хронография. Краткая история / Пер., ст., прим. Я.Н. Любарского. СПб., 2003.

Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860—1862, перепеч.: Рязань, 2003.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. СПб., 1992.

Прокотий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. Вступ. ст. З.В. Удальцовой. М., 1950.

Прокотий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. М., 1998.

Прокотий Кесарийский. О постройках / Пер. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории. 1939. № 4 (9).

- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
 Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Пер.,
 подгот. текста, введ., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб., 2003.
 Феофан. Летопись византийца Феофана / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Тернов-
 ского. М., 1884.
 Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.
 Чигуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана,
 «Бревиарий» Никифора. Тексты, переводы, коммент. М., 1980.
 Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Пер., вступ. ст., ком-
 мент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.

Литература

- Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис
 в Византии (784—847). М., 1997.
 Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.
 Васильев А.А. История Византийской империи. Т. 1—2. СПб., 1998.
 Васильевский В.Г. Труды. СПб.; Л. 1908—1930. Т. 1—4.
 Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв.
 ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999.
 Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.
 Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908.
 Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002.
 Каждан А.П. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960.
 Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв.
 М., 1974.
 Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1—3. СПб., 2003—2004.
 Курбатов Г.Л. История Византии. (От античности к феодализму). М., 1984.
 Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в
 IV—VII вв. Л., 1971.
 Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962.
 Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.
 Лебедева Г.Е. Социальная структура ранневизантийского общества (по данным
 кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980.
 Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.
 Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая
 половина IX в. М.; Л., 1961.
 Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
 Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960.
 Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
 Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977.
 Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
 Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов.
 М., 1998.
 Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.
 Сорочан С.Б. Византия IV—IX вв. Этюды рынка. Харьков, 2001.
 Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
 Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным ис-
 ториков IV—VII вв.). М., 1974.
 Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.
 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1—2. М., 1997.
 Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб., 1997.
 Юревич А. Андроник I Комнин. СПб., 2004.

К главе 6

Западная Европа в конце раннего Средневековья

Источники

- Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер. В.В. Эрлихмана. СПб., 2001.
- Видукинд Корвейский.* Деяния саксов / Пер., вступ. ст., коммент. Г.Э. Санчука. М., 1975.
- Гильда Премудрый.* О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. ст., прим. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003.
- Предания и мифы средневековой Ирландии* / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1991.
- Мабиногион.* Легенды средневекового Уэльса / Пер. с англ. В. Эрлихмана. М., 2002.

Литература

- Бондаренко Г.В.* Мифология пространства Древней Ирландии. М., 2003.
- Герье В.* Виллигиз, архиепископ Майнцский. 975—1011. М., 1869.
- Глебов А.Г.* Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.
- Грацианский Н.П.* Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.; Л., 1935.
- Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Колесницкий Н.Ф.* Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.
- Корсунский А.Р.* История Испании IX—XIII вв. М., 1976.
- Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М., 1987.
- Лот Ф.* Последние Каролинги. СПб., 2001.
- Мак-Кензи А.* Рождение Шотландии. СПб., 2003.
- Мельникова Е.А.* Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
- Мильская Л.Т.* Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
- Неусыхин А.И.* Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
- Петрушевский Д.М.* Очерки из истории английского государства и общества в средние века. 4-е изд. М., 1937.
- Рис А., Рис Б.* Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. М., 1999.
- Савело К.Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
- Тейе Л.* Наследие Каролингов. IX—X века. М., 1993.
- Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. (К проблеме формирования английского народа). М., 1988.

К главе 7

Церковь в раннее Средневековье

Источники

- Августин Блаженный.* Творения. Т. 1—4. СПб.; Киев, 1998.
- Григорий I Двоеслов.* Правило Монастырское. Киев, 1873.
- Дионисий Ареопagit.* Сочинения; *Максим Исповедник.* Толкования. СПб., 2003.
- Евагрий Схоластик.* Церковная история / Пер., коммент, прилож. И.В. Кривушина. СПб., 1999.
- Евсевий Памфил.* Церковная история / Комм., прим. С.Л. Кравца. М., 1993.
- Житие св. Северина.* / Пер., вступ. ст., коммент. А.И. Донченко. СПб., 1998.
- Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. М.; Ростов н/Д., 1992.

Литература

- Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Т. 1—4. М., 1994.
- Добиаш-Рождественская О.А. Культ св. Михаила в латинском Средневековье. V—XIII вв. Пг., 1917.
- Донини А. У истоков христианства. М., 1979.
- Задворный В.Л. История римских пап. М., 1995. Т. 1.
- Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003.
- Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей Римской империи. СПб., 1908.
- Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.
- Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994.
- Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб., 1997.
- Лозинский С.Г. История папства. 3-е изд. М., 1986.
- Марру А.-И. Святой Августин и августинство. Долгопрудный, 1999.
- Мейендорф И. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
- Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
- Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего средневековья. СПб., 2001.
- Флоровский Г.В. Восточные отцы церкви. М., 2003.

К главе 8

Возникновение и рост средневековых городов

Источники

- Немецкий город XIV—XV вв. Сб. материалов / Пер., введ. ст., подбор матер., прил., коммент. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936.
- Средневековое городское право XII—XIII вв. / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1989.
- Средневековый город / Под ред. В.Ф. Семенова // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1949. Т. 59. Вып. 3.
- Стоклицкая-Терешкович В.В., Плешкова С.Л. Средневековый город в Западной Европе в XI—XV веках. Вып. 1. М., 1969.

Литература

- Белов Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912.
- Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.
- Городская культура. Средневековье и начало нового времени. Л., 1986.
- Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1—4.
- Грацианский Н.П. Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях. Казань, 1911.
- Данилова И.Е. Итальянский город XV века. Реальность, миф, образ. М., 2000.
- Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. М., 2003.
- Карнов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII—XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
- Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987.
- Левцкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.; Л., 1960.
- Левцкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
- Осипова Т.С. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973.

- Пиренн А. Средневековые города Бельгии. СПб., 2001.
- Полянский Ф.Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы в XIII—XV вв. М., 1952.
- Рутенбург В.И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. Л., 1987.
- Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.). М., 1967.
- Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979.
- Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города. (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков. М., 1960.
- Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках. М.; Л., 1936.
- Тушина Г.М. Города в феодальном обществе Южной Франции. М., 1985.
- Тьерри О. Городские коммуны во Франции в Средние века. СПб., 1901.

К главе 9

Крестовые походы

Источники

- Анна Комнина. Алексиада / Пер., вступ. ст., коммент. Я.Н. Любарского. М., 1969.
- Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя / Пер., вступ. ст., коммент. М.А. Заборова. М., 1993.
- Заборов М.А. История Крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.
- Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., ст., коммент. М.А. Заборова. М., 1986.
- Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. М.А. Салье. М., 1958.

Литература

- Близинок С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре. 1192—1373. М., 1994.
- Добиаш-Рождественская О.А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 1991.
- Додю Г. История монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве (1099—1291 гг.). СПб., 1897.
- Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
- Заборов М.А. Палство и Крестовые походы. М., 1960.
- История Крестовых походов / Под ред. Дж. Райли-Смита. М., 1998.
- Карнов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Куглер Б. История Крестовых походов. СПб., 1895.
- Луницкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб., 2001.
- Перну Р. Крестоносцы. СПб., 2001.
- Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб., 2002.
- Успенский Ф.И. История Крестовых походов. М., 2001.
- Юзбашян К.Н. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957.

К главе 10 Франция в XI—XV вв.

Источники

- Коммин Филипп де. Мемуары / Пер., ст., прим. Ю.П. Малинина. М., 1986.
Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой. Под ред. и с предисл. А.Д. Люблинской // Средние века. Вып. 10—11. М., 1957—1958.
Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия. Документы / Пер., ввод. ст., прим. Н.П. Грацианского. М.; Л., 1935.

Литература

- Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2002.
Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
Бессмертный Ю.Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1969.
Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.
Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
Гизо Ф. История цивилизации во Франции. М., 1980. Т. IV.
Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. М., 1938. Т. 3.
Дефурно М. Повседневная жизнь времен Жанны д'Арк. СПб., 2002.
Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001.
Левандовский А.П. Жанна д'Арк. 2-е изд. М., 1982.
Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001.
Ле Руа Ладюри Э. Монгаю, окситанская деревня (1294—1324). Екатеринбург, 2001.
Люшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. СПб., 1999.
Лясковорский Вл. Филипп-Август в его отношениях к городам. Киев, 1902.
Перну Р., Клен М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992.
Плешкова С.Л. К истории купеческого капитала во Франции в XV в. (Жак Кёр и его деятельность). М., 1977.
Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. М., 2001.
Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.
Фавье Р. Капетинги и Франция. СПб., 2001.
Фаулер К. Эпоха Плантагенетов и Валуа. СПб., 2003.
Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.
Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.

К главе 11 Англия в XI—XV вв.

Источники

- Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера / Сост. Е.А. Косминский и Д.М. Петрушевский. М.; Л., 1935.
Баллады о Робин Гуде / Пер. Игн. Ивановича. Л., 1980.
Вестминстерские статуты / Пер. Е.В. Гутновой. М., 1948.
Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.
Кузнецов Е.В. Народные движения в Англии в середине XV в. М., 1982.
Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре / Пер., вступ. ст., прим. Д.М. Петрушевского. М.; Л., 1941.

- Памятники истории Англии. XI—XIII вв. / Пер. и введ. Д.М. Петрушевского. М., 1936.
- Чосер Дж. Кентерберийские рассказы / Пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. М., 1996.
- Чосер Дж. Троиц и Крессида / Пер. с англ. Б. Бородинской. М., 1997.

Литература

- Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация и развитие феодализма в Англии в XI—XIII вв. Л., 1973.
- Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- Брайнт А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001.
- Виноградов П.Г. Исследования по социальной истории Англии в Средние века. СПб., 1887.
- Виноградов П.Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911.
- Грин Д.Р. Краткая история английского народа. Вып. 1. М., 1897.
- Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960.
- Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984.
- Золотов В.И. Английское общество накануне «Войны Роз». Брянск, 1995.
- Квеннел М., Квеннел Ч. Повседневная жизнь Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. СПб., 2002.
- Кёнингем У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и Средние века. 2-е изд. М., 1909.
- Кин М. Рыцарство. М., 2000.
- Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947.
- Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.; Л., 1960.
- Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
- Осипова Т.С. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973.
- Перну Р. Алиенора Аквитанская. СПб., 2001.
- Перну Р. Ричард Львиное Сердце. М., 2000.
- Петрушевский Д.М. Восстание Уота Тайлера. 2-е изд. М., 1914.
- Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. 4-е изд. М., 1937.
- Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.
- Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899.
- Сапрыкин Ю.М. Английское завоевание Ирландии (XII—XVII вв.). М., 1982.
- Сапрыкин Ю.М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. М., 1972.
- Треvelьян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.
- Федосов Д.Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. М., 1996.
- Шервуд Е.А. От англосаксов к англичанам. М., 1988.
- Штокмар В.В. История Англии в Средние века. 2-е изд. СПб., 2003.
- Эйрл П. Жизнь и эпоха Генриха V. СПб., 2003.
- Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.
- Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV — начала XVI века). Саратов, 1983.

Германия в XI—XV вв.

Источники

- Гельмольд*. Славянская хроника / Предисл., пер. и прим. Л.В. Разумовской. М., 1963.
Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер., введ., коммент. С.А. Аннинского. М.; Л., 1938.
 Крестьянские движения в Германии перед Реформацией. Сб. документов / Сост. В.А. Ермолаев. Саратов, 1961.
Леонтьевский А.В. Хрестоматия по истории Германии XIV в. Ростов н/Д., 2001.
 Немецкий город XIV—XV вв. Сб. материалов / Пер., введ. ст., подбор матер., прил., коммент. В.В. Стоклицкой-Терешкович. М., 1936.
Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской / Пер., коммент. В.И. Матузовой. М., 1997.
 Саксонское зеркало / Отв. ред. В.М. Корецкий. М., 1985.

Литература

- Белов Г.* Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912.
Беркут Л.Н. Борьба за инвеституру во время императора Генриха V. Варшава, 1914. Т. 1.
Бильбасов В.А. Поповский король Генрих IV Распе. Киев, 1867.
Бильбасов В.А. Крестовый поход Фридриха II. СПб., 1863.
Вызинский Г. Папство и Священная Римская империя в XIV—XV столетия до Базельского собора. Казань, 1921.
Егоров Д.Н. Славяно-германские отношения в Средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. М., 1915. Т. I—II.
Колеснический Н.Ф. Исследования по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.
Колеснический Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.
Лампрехт К. История германского народа. М., 1895. Т. 2.
Любович Н.Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV веках. Варшава, 1904.
Майер В.Е. Деревня и город Германии в XIV—XVI вв. (развитие производительных сил). Л., 1979.
Машке Э. Немецкий орден. СПб., 2003.
Надлер В. Адальберт Бременский — правитель Германии в молодые годы Генриха IV. Харьков, 1867.
Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.
Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
Пако М. Фридрих Барбаросса. Ростов н/Д., 1998.
Петров Е.В. Австрийское государство в X—XIV вв. Формирование территориальной власти. М., 2000.
Подальк Н.Г. Ганза: мир торговли и политики в XII—XVII столетиях. Киев, 1998.
Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII—XVII вв. М., 1986.
Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
Стоклицкая-Терешкович В.В. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV веках.
Фортинский Ф.Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года. Киев, 1877.
Фортинский Ф.Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.

К главе 13
Италия в XI—XV вв.

Источники

- Виллани Дж.* Новая хроника или история Флоренции / Пер., ст., прим. М.А. Юси-
ма. М., 1997.
- Итальянские коммуны XIV—XV вв.: Сб. документов / Под ред. В.И. Рутенбурга.
М.; Л., 1965.
- Питти Бонаккорсо.* Хроника / Пер. З.В. Гукоской. Л., 1972.
- Салимбене де Адам.* Хроника / Науч. ред. О.Ф. Кудрявцев. М., 2004.
- Самаркин В.В.* Восстание Дольчино. М., 1971.

Литература

- Барабанов О.Н.* Бартоломео Боско — генуэзский юрист XIV—XV вв.: теория и практика гражданского судебного процесса. СПб., 2002.
- Бортник Н.А.* Народные движения в Риме (1143—1343 годы) // Античная древ-
ность и средние века. Вып. 5. Свердловск, 1966.
- Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. СПб., 1913. Т. I—II.
- Грегориус Ф.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия).
СПб., 1902—1912. Т. I—V.
- Гусарова Т.П.* Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983.
- Картов С.П.* Пути средневековых мореходов: черноморская навигация Венеци-
анской республики в XIII—XV вв. М., 1994.
- Котельникова Л.А.* Итальянское крестьянство и город в X—XIV вв. М., 1967.
- Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987.
- Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. Ч. 1—2. М.; Ставрополь, 1995.
- Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993.
- Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. Античность и Средние века.
М., 1954.
- Максимовский В.Н.* Кола ди Риенцо. М., 1936.
- Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения.
Л., 1987.
- Рутенбург В.И.* Народные движения в городах Италии. XIV — начало XV века.
М.; Л., 1958.
- Рутенбург В.И.* Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские
компании XIV века. М.; Л., 1951.
- Соколов Н.П.* Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963.
- Херманн Х.* Савонарола. Еретик из Сан-Марко. М., 1982.

К главе 14
Страны Пиренейского полуострова в XI—XV вв.

Источники

- Книга Суны и Шары мавров / Пер., вступ. ст., коммент. И.И. Варьяш. М., 1995.
- Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Ро-
мансеро. М., 1976.
- Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феода-
лизме. М., 1985.
- Фуэро Толедо // Право в средневековом мире. М., 2003.

Литература

- Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 1.
Арский И.В. Очерки по истории средневековой Каталонии до соединения с Арагоном (VIII—XII вв.). Л., 1941.
Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII—XV вв. М., 2001.
Варьяш О.И., Черных А.П. Португалия: дороги истории. М., 1990.
Корсунский А.Р. История Испании IX—XIII веков. М., 1976.
Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. Л., 1937.
Культура Испании. М., 1940.
Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1967.
Мильская Л.Т. Очерки из истории деревни в Каталонии X—XII вв. М., 1962.
Пискорский В.К. История Испании и Португалии. 2-е изд. СПб., 1909.
Пискорский В.К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к новому времени (1188—1520). Киев, 1897.
Пискорский В.К. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1901.
Плавский З.И. Литература Испании IX—XV вв. М., 1986.
Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.
Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965.
Уотт У.М., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976.

К главе 15

Скандинавские страны в XII—XV вв.

Источники

- Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. М., 2002.
Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (до середины XI в.). М., 1994 (перизд.: 2000).
Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.
Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
Исландские викингские саги о Северной Руси. М., 1996.
Исландские саги: В 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999.
Исландские саги / Пер. прозаич. текста с др.-исл. и общ. ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000.
Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: тексты, перевод, комментарий. М., 1986.
Поэзия скальдов / Пер. С.В. Петрова, коммент. и прил. М.И. Стеблин-Каменского. Л., 1979.
Сага о Греттире / Изд. подгот. О.Л. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976.
Сага о Сверрире / Пер. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1988.
Сага о Финнбоги Сильном / Пер. с др.-исл. Ф. Батюшкова. М., 2002.
Скандинавская баллада. Л., 1978.
Скандинавская хрестоматия. Ч. 1—2. Л., 1962, 1965.
Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / Изд. подгот. О.Л. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994.
Старшая Эдда: эпос / Пер. с др.-исл. А. Корсуна. М.; Л., 1963; СПб., 2000.
Хроника Эрика / Пер. со швед. А.Ю. Желтухина. Выборг, 1994.
Хроника Энгельбректа / Пер. со среднешвед. А.Д. Щеглова. М., 2002.

- Арбман Х. Викинги. СПб., 2003.
- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
- Гуревич А.Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977.
- Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1968.
- Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
- Гуревич А.Я. «Эдда» и сага. М., 1979.
- Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
- Джонс Г. Норманны. Покорители Северной Атлантики. М., 2003.
- Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоевания к достижениям. 1050—1100. СПб., 2003.
- Закс В.А. Проблема феодализма в Скандинавских странах: формы социальной организации и правовые представления норвежского крестьянства в XI—XIII вв. Калинин, 1986.
- Ингстад Х. По следам Лейва Счастливого. Л., 1969.
- Кан А.С. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1971. (1980)
- Каппер Дж. Викинги Британии. СПб., 2003.
- Клинт-Йенсен О. Дания до викингов. СПб., 2003.
- Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Мелетинский Е.М. Скандинавская мифология как система. М., 1973.
- Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.
- Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. М., 1957.
- Росдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом. М., 2001.
- Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978.
- Сванидзе А.А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.). М., 1967.
- Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980.
- Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002.
- Стеблин-Каменский М.И. Культура Исландии. Л., 1967.
- Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1984.
- Стрингольм А.М. Походы викингов. М., 2002.
- Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Форстен Г.В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV—XVI вв. СПб., 1884.
- Хлевов А.А. Предвестники викингов: Северная Европа в I—VIII веках. СПб., 2002.

К главе 16

Венгерское королевство в X—XV вв.

Литература

- Ачади И. История венгерского крепостного крестьянства. М., 1956.
- Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. М., 1984.
- Тихомиров А.Н. Искусство Венгрии IX—XX вв. М., 1961.
- Чизмадия А., Ковач К., Асталош Л. История Венгерского государства и права. М., 1986.
- Шушприн В.П. Крестьянское восстание в Трансильвании (1437—1438 гг.). М., 1963.

К главе 17

Валахия и Молдавия до конца XV в.

Литература

- Грекул Ф.А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950.
- История Молдавской ССР: С древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982.
- История Румынии / Под ред. М. Роллера. М., 1950.
- Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
- Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
- Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв.
- Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.
- Советов П.В. Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972.
- Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М., 1979.

К главе 18

Византия в XIII—XV вв.

(см. также указ. к гл. 5)

Источники

- Георгий Акрополит. Великий Логофет. Летопись. СПб., 1863 (перепеч.: Рязань, 2003).
- Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862. Т. 1.
- Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, диалог с иудеем и др. соч. / Изд. Г.М. Прохоров. СПб., 1997.
- Никифор Григора. Римская империя, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Под ред. П. Шалфеева. СПб., 1862. Т. 1.
- Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951.
- Сфрандзи Георгий. Хроника / Пер., предисл., прим. Е.Д. Джагашпаян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Т. 5.

Литература

- Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Каждан А.П. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952.
- Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.
- Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981.
- Медведев И.П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973.
- Поляковская М.А. Византия. Византийцы. Византинисты. Екатеринбург, 2003.
- Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.
- Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983.
- Сметанин В.А. Византийское общество XIII—XV вв. по данным эпистографии. Свердловск, 1987.
- Хвостова К.В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968.
- Хвостова К.В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.). М., 1992.
- Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204—1461). СПб., 2001.

К главе 19

Производительные силы общества Западной Европы в V—XV вв.

Источники

- Агрикультура в памятниках западного средневековья / Под ред. О.А. Добиаш-Рождественской и М.И. Бурского. М.; Л., 1936.
Лука Пачоли. Трактат о счетах и записях / Изд. подгот. Я. Соколов. М., 1974.
Средневековый город / Под ред. В.Ф. Семенова.

Литература

- Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.
Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. 5-е изд. Пг., 1923. Т. 1—2.
Все начиналось с десятины; этот многоликий налоговый мир. М., 1992.
Даркевич В.П. Пути средневековых мастеров. М., 1972.
Демография западноевропейского средневековья в современной буржуазной историографии. Реферат. сб. М., 1984.
Дживелегов А.К. Торговля на Западе в средние века. СПб., 1904.
Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII—XV вв. Тюмень, 1995.
Женщина, брак, семья до начала нового времени. Демографические и социокультурные аспекты. М., 1993.
Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. Проблемы и исследования. М., 1988.
История техники. М., 1962. Гл. III.
Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. 8-е изд. М.; Л., 1931. Т. I.
Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л., 1936.
Петрушевский Д.М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л., 1928.
Полянский Ф.Я. Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969.
Сванидзе А.А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985.
Средневековый быт. Л., 1935.

К главе 20

Церковь в XI—XV вв.

Источники

- Абеляр Петр. Теологические трактаты / Пер., коммент., сост. С.С. Неретиной. М., 1995.
Ансельм Кентерберийский. Сочинения / Пер., комм. И.В. Купреевой. М., 1995.
Антоний Падуанский, св. Проповеди / Сост. В.Л. Задворный. М., 1997.
Бонавентура. Путеводитель души к Богу / Пер., ст., коммент. В.Л. Задворного. М., 1993.
Григорий Палама, св. Триады в защиту священнобесмовствующих. М., 1995.
Дунс Скот Иоанн, блж. Избранное / Сост. и общ. ред. Г.Г. Майорова. М., 2001.
Сузо Генрих. Книга истины. Книга любви. СПб., 2003.
Таулер И. Царство Божие внутри нас: Проповеди. СПб., 2000.
Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Киев; М., 2002.
Фома Кемпийский. О подражании Христу. М.; Минск, 1993.
Франциск Ассизский. Сочинения / Пер., ред., коммент. В.Л. Задворного. М., 1995.
Цветочки св. Франсиска Ассизского. М., 1990.
Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М., 1990.
Экхарт Майстер. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.

Литература

- Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992.
- Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975.
- Вульфийс А.Г. Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. Пг., 1916.
- Вязигин А.С. Очерки из истории папства в XI в. СПб., 1898.
- Гаусрат А. Средневековые реформаторы. СПб., 1900. Т. 1—2.
- Герье В.И. Западное монашество и папство. М., 1913.
- Герье В.И. Расцвет западной теократии. М., 1916.
- Герье В.И. Франциск — апостол нищеты и любви. М., 1908.
- Добиаш-Рождественская О.А. Западные паломничества в средние века. Пг., 1924.
- Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество во Франции в XIII в. Ч. 1. Приход. Пг., 1914.
- Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII вв. преимущественно в Италии. Пг., 1915.
- Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII вв. СПб., 1912.
- Керов В.Л. Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII — начале XIV века. М., 1986.
- Корелин М.С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901.
- Котляревский С.А. Францисканский орден и Римская курия в XIII—XIV веках. М., 1901.
- Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. Т. 1—2. СПб., 1911—1912.
- Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов в Западной Европе X—XV вв. М., 2002.
- Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М., 2003.
- Рамм Б.Я. Папство и Русь в XI—XV вв. М.; Л., 1959.
- Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Киев, 1897.

К главе 21

Средневековая культура Западной Европы V—XV вв.

Источники

- Абеляр Петр. История моих бедствий. М., 1959.
- Английские и шотландские баллады. М., 1973.
- Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья / Ред. С.С. Неретина. Т. 1—2. СПб., 2002.
- Беовульф. Старшая Эдда Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Бернарт де Вентадорн. Песни. М., 1979.
- Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
- Валафрид Страбон. Садик; Одо из Мена. О свойствах трав; Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. М., 1992.
- Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения. М., 1985.
- Вернер Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. М., 1971.
- Вийон Ф. Лирика М., 1981.
- Галеви И. Кузари. Иерусалим, 1980.
- Гроссетест У. Метафизика света. М., 2003.
- Данте Алигьери. Божественная комедия. Разн. изд.
- Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.
- Джованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997.
- Документы по истории университетов Европы XII—XV вв. Воронеж, 1973.

- Древнеанглийская поэзия. М., 1982.
 Жизнеописание трубадуров. М., 1993.
 Западноевропейский эпос. Л., 1977.
Клавихо Р.Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406). М., 1990.
Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М., 1980.
 Кудруна. М., 1984.
 Легенда о Тристане и Изольде. М., 1976.
Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1993.
 Новеллино. М., 1984.
Оккам Уильям. Избранное. М., 2002.
Пайен из Мезьера. Мул без узды. М.; Л., 1934.
 Песни о Гильоме Оранжевом. М., 1985.
 Песни трубадуров. М., 1979.
 Песнь о Нибелунгах. Л., 1972.
 Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. М., 1976.
 После Марко Поло. Путешествия... М., 1968.
 Похищение быка из Куальнге. М., 1985.
 Поэзия вагантов. М., 1975.
 Поэзия трубадуров. Антология галисийской литературы. СПб., 1995.
 Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974.
 Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
 Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV—XV веков. М., 1991.
 Роман о Лисе. М., 1987.
 Роман о семи мудрецах. М., 1980.
Руис Х. Книга благой любви. М., 1991.
 Средневековые латинские новеллы XIII в. Л., 1970.
 Средневековый роман и повесть. М., 1974.
 Фаблио. Старофранцузские новеллы. М., 1971.
 Фламенка. М., 1983.
Фруассар Ж. Любовный плен. М., 1994.

Литература

- Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984.
Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
Барг М.Л. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.
Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.
Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994.
Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII в.). Одесса, 1916.
Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
Быховский Б.Э. Сигер Брабантский. М., 1979.
Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века. СПб., 2003.
Галенищев-Кутузов И.Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
 Городская культура. Средневековье и начало нового времени. Л., 1986.
Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.
Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
Даркевич В.П. Народная культура средневековья. М., 1988.

- Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.
- Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980—1420. М., 2002.
- Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2003.
- Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культурных и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. Реферат. сб. М., 1980.
- История всемирной литературы: В 9 т. М., 1984—1985. Т. 2—3.
- История западноевропейского театра / Под общ. ред. С.С. Мокульского. М., 1956. Т. 1.
- История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.
- Карсавин Л.П. Культура средних веков. Киев, 1995.
- Киселева Л.И. О чем рассказывают средневековые рукописи (Рукописная книга в Западной Европе). Л., 1978.
- Колязин В. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозности и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М., 2002.
- Культура аббатства Санкт-Галлен / Под ред. В. Фоглера. Баден-Баден, 1996.
- Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981.
- Культура и общество в средние века: методология и методика зарубежных исследований. Реферат. сб. Вып. 1—3. М., 1982, 1987, 1990.
- Курантов А.П., Стяжкин Н.И. Уильям Оккам. М., 1978.
- История литературы Италии. Т. 1. Средние века. М., 2000.
- Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.
- Либер А. де. Средневековое мышление. М., 2004.
- Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979.
- Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе V—XIV вв. М., 1998.
- Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961.
- Михайлов А.Д. Старофранцузская городская повесть «фаблио» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М., 1986.
- Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.
- Муратова К.М. Мастера французской готики XII—XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. М., 1988.
- Нессельштраус Ц.Г. История искусства зарубежных стран. Средние века. Возрождение. М., 1982.
- Нессельштраус Ц.Г. Немецкая первопечатная книга. СПб., 2000.
- От Средних веков к Возрождению. Сб. в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003.
- Право в средневековом мире. М., 1996.
- Райт Дж.К. Географические представления в эпоху Крестовых походов. М., 1988.
- Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.
- Смирнов А.А. Средневековая литература Испании. Л., 1969.
- Соколов В.В. Средневековая философия. М., 1979.
- Суворов Я. Средневековые университеты. М., 1898.
- Традиции образования и воспитания в Европе XI—XVII вв. Иваново, 1995.
- Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V — середина VII в.). М., 1989.
- Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987.
- Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. Иваново, 1990.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

- Художественный язык средневековья. М., 1982.
 Шевкина Г.В. Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII в. М., 1972.
 Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003.
 Школа и педагогическая мысль средних веков, Возрождения и начала нового времени: исследования и материалы. М., 1991.
 Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978.

К главе 22

Культура Византии IV—XV вв.

Источники

- Византийские легенды / Изд. подгот. С.В. Поляковой. Л., 1972.
 Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. / Изд. Г.Г. Литаврин. СПб., 1997.
 Византийский сатирический диалог / Изд. подгот. С.В. Полякова и И.В. Феленковская. Л., 1986.
 Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Пер., введ., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1960.
 Дигенис Акрит / Пер., ст., коммент. А.Я. Сыркина. М., 1994.
 Житие Андрея Юродивого. СПб., 2001.
 Немезий Эмесский. О природе человека. М., 1998.
 Никита Евгениан. Повесть о Дросиле и Харикле / Изд. подгот. Ф.А. Петровским. М., 1969.
 От берегов Босфора до берегов Евфрата: Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. М., 1994.
 Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968.
 Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.

Литература

- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
 Алексидзе А.Д. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1979.
 Алексидзе А.Д. Византийская литература XI—XII вв. Тбилиси, 1989.
 Безобразов П.В., Любарский Я.Н. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. СПб., 2001.
 Бибиков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
 Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.
 Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.
 Иларион (Алфеев). Духовный мир преподобного Исаака Сирина. СПб., 2002.
 Иларион (Алфеев). Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание. СПб., 2001.
 Каждан А.П. Византийская культура (X—XII вв.). СПб., 1997.
 Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984.
 Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. М., 1989.
 Культура Византии. XIII — первая половина XV в. М., 1991.
 Лазарев В.Н. История византийской живописи. 2-е изд. М., 1986.
 Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. СПб., 1997.
 Лихачева В.Д. Искусство Византии IV — XV веков. Л., 1986.
 Медведев И.Л. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1997.
 Поляковская М.Л., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
 Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997.
 Удальцова З.В. Византийская культура. М., 1986.
 Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. М., 2001.

Раннее Возрождение и гуманизм в Италии XIV—XV вв.

Источники

- Боккаччо Д. Декамерон. М., 1987.
 Боккаччо Д. Фьяметта. Фьезоланские нимфы. М., 1968.
 Валла Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989.
 Гуманистическая мысль итальянского Возрождения: Переводы текстов / Сост. Л.М. Брагина. М., 2004.
 Итальянская новелла Возрождения. М., 1957.
 Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии. М., 1963.
 Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов. Ч. I—II. Саратов, 1984—1988.
 О любви и красотах женщин. Трактаты о любви эпохи Возрождения. М., 1992.
 Петрарка Ф. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1974.
 Петрарка Ф. Книга песен. М., 1963.
 Петрарка Ф. Эстетические фрагменты. М., 1982.
 Ревякина Н.В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV — первой половины XV века. Новосибирск, 1975.
 Саккетти Ф. Новеллы. М.; Л., 1962.
 Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Сост., общ. ред., вступ. ст., коммент. Л.М. Брагиной. М., 1985.
 Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция / Сост., вступ. ст., коммент. О.Ф. Кудрявцева. М., 1996.
 Эстетика Ренессанса: В 2 т. / Сост. В.П. Шестаков. М., 1981.

Литература

- Абрамсон М.Л. От Данте к Альберти. М., 1979.
 Альберти Леон Баттиста / Отв. ред. В.Н. Лазарев. М., 1977.
 Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.
 Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
 Баткин Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1991.
 Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М., 1995.
 Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002.
 Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV веков. М., 1977.
 Брагина Л.М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
 Бранка В. Боккаччо средневековый. М., 1983.
 Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм. М., 2004.
 Бурхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.
 Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники. Т. 1—2. Пг., 1915—1919.
 Веселовский А.Н. Вилла Альберти. М., 1870.
 Возрождение: культура, образование, общественная мысль. Иваново, 1985.
 Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.
 Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977.
 Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
 Гувовский М.Л. Итальянское Возрождение. Л., 1990.
 Деятейкина Н.И. Мирозрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.
 Санктис Ф. де. История итальянской литературы. М., 1963. Т. 1.

- Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Т. I—IV. 2-е изд. СПб., 1914.
- Книга в культуре Возрождения. М., 2002.
- Культура Возрождения и власть. М., 1999.
- Культура Возрождения и общество. М., 1986.
- Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997.
- Культура Возрождения и средние века. М., 1993.
- Культура эпохи Возрождения. Л., 1986.
- Лазарев В.Н. Происхождение итальянского Возрождения: В 3 т. М., 1956, 1959, 1979.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982.
- Миф в культуре Возрождения. М., 2003.
- От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003.
- Пановский Э. Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. М., 1998.
- Природа в культуре Возрождения. М., 1992.
- Ревакина Н.В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV—XV веков. Иваново, 1993.
- Ревакина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977.
- Ревакина Н.В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.
- Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.
- Хлюдовский Р.И. «Декамерон». Поэтика и стиль. М., 1982.
- Хлюдовский Р.И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М., 1974.
- Хаментовская А.И. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. М.; Л., 1964.
- Человек в культуре Возрождения. М., 2001.
- Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. СПб., 2001.

Оглавление

Предисловие (В.А. Садовничий)	5
Предисловие (С.П. Карпов)	6
Введение	9
Глава 1. Сущность понятий «Средние века» и «феодализм» (Н.А. Хачатурян)	11
§ 1. Содержание терминов «Средние века» и «феодализм» в исторической науке	12
§ 2. Характеристика феодализма	16
§ 3. Периодизация эпохи Средневековья в Западной Европе	27
§ 4. Историческое место западноевропейского феодализма и цивилизационные особенности региона	30
Глава 2. Источники по истории Средних веков V—XV вв. (С.П. Карпов, И.С. Филиппов)	33
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	
Глава 3. Возникновение феодального строя в Западной Европе (И.С. Филиппов)	53
§ 1. Кризис рабовладельческого строя в Римской империи	53
§ 2. Разложение первобытно-общинного строя у германских племен	69
§ 3. Падение Западной Римской империи и образование варварских государств	84
§ 4. Особенности генезиса феодализма в Западной Европе	94
Глава 4. Франкская держава (И.С. Филиппов)	100
§ 1. Франкское завоевание Галлии. Королевство Меровингов	100
§ 2. Государство Каролингов	115
Глава 5. Византия в IV—XII вв. (Г.Г. Литаврин)	143
§ 1. Византия в IV — первой половине VII в.	143
§ 2. Византия во второй половине VII — XII в.	158
Глава 6. Западная Европа в конце раннего Средневековья	185
§ 1. Франция в IX—XI вв. (И.С. Филиппов)	185
§ 2. Италия в VIII—X вв. (Л.М. Брагина)	193
§ 3. Германские земли в IX — начале XI в. (М.А. Бойцов)	198
§ 4. Северная Европа в IX—XI вв. (А.Я. Гуревич)	207
§ 5. Англия до середины XI в. (И.С. Филиппов)	214
§ 6. Кельтский мир в раннее Средневековье (И.С. Филиппов)	227
§ 7. Испания в VIII — середине XI в. (С.Д. Червонов, И.И. Шилов-Варьяш)	242
Глава 7. Церковь в раннее Средневековье (Н.М. Богданова, Н.Ф. Усков)	250

РАЗВИТОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Глава 8. Возникновение и рост средневековых городов (А.Л. Сванидзе)</i>	<i>273</i>
<i>Глава 9. Крестовые походы (С.П. Карпов)</i>	<i>302</i>
<i>Глава 10. Франция в XI—XV вв. (П.Л. Хачатурян)</i>	<i>320</i>
§ 1. Франция в XI—XIII вв.	320
§ 2. Франция в XIV—XV вв.	333
<i>Глава 11. Англия в XI—XV вв. (Е.В. Калмыкова)</i>	<i>362</i>
§ 1. Англия в XI—XII вв.	362
§ 2. Англия в конце XII — XIII в.	374
§ 3. Англия в XIV—XV вв.	387
<i>Глава 12. Германия в XI—XV вв.</i>	<i>403</i>
§ 1. Германия в XI—XIII вв. (М.А. Бойцов)	403
§ 2. Германия в XIV—XV вв. (В.М. Володарский)	424
<i>Глава 13. Италия в XI—XV вв.</i>	<i>439</i>
§ 1. Италия в XI—XII вв. (Л.М. Брагина)	439
§ 2. Италия в XIII—XV вв. (Л.М. Брагина)	450
§ 3. Итальянские морские республики (С.П. Карпов)	474
<i>Глава 14. Страны Пиренейского полуострова в XI—XV вв. (С.Д. Червонов, И.И. Шилова-Варьяш)</i>	<i>481</i>
§ 1. Пиренейский полуостров в XI—XIII вв.	481
§ 2. Испания и Португалия в XIV—XV вв.	490
<i>Глава 15. Скандинавские страны в XII—XV вв. (А.Я. Гуревич)</i>	<i>494</i>
<i>Глава 16. Венгерское королевство в X—XV вв. (Т.П. Гусарова)</i>	<i>505</i>
<i>Глава 17. Валахия и Молдавия до конца XV в. (Л.Е. Семенова)</i>	<i>522</i>
<i>Глава 18. Византия в XIII—XV вв. (С.П. Карпов)</i>	<i>534</i>
<i>Глава 19. Производительные силы общества Западной Европы в V—XV вв. (А.А. Сванидзе)</i>	<i>548</i>
<i>Глава 20. Церковь в XI—XV вв. (Н.Ф. Усков)</i>	<i>565</i>
<i>Глава 21. Средневековая культура Западной Европы V—XV вв. (В.И. Уколова)</i>	<i>583</i>
<i>Глава 22. Культура Византии IV—XV вв. (Г.Г. Литаврин)</i>	<i>614</i>
<i>Глава 23. Раннее Возрождение и гуманизм в Италии XIV—XV вв. (Л.М. Брагина)</i>	<i>630</i>
<i>Хронологическая таблица (С.В. Близнюк)</i>	<i>648</i>
<i>Библиография (О.С. Воскобойников, С.П. Карпов, И.С. Филиппов)</i>	<i>655</i>

ЕВРОПА В КОНЦЕ XV в.

